

ВЛАДИМИР
ЧУРИНОВ

ЛАБИРИНТ ВЕРНОСТИ

«Реймунд Стург. Лабиринт Верности» — произведение, повествующее о приключениях убийцы из секретной организации Международный Альянс, обеспечивающей для заказчика эффективное устранение целей, считающихся почти недостижимыми, при закономерном наличии соответствующего гонорара, на который можно было бы нанять небольшую армию простых убийц и не добиться цели.

В качестве агента этой организации, Реймунд Стург выполняет четыре крупных заказа в течение четырех различных лет своей жизни. Параллельно герой пытается выяснить обстоятельства, в рамках которых он оказался дискредитирован в глазах Альянса и разобраться в хитросплетениях интриги захватившей, по его мнению, высшее руководство.

Книга о жизни и бытии волею судеб агента Альянса убийц Реймунда Стурга в тяжкую и занимательную годину начала 8 века от основания Алмарской Империи.

Пролог

Красная луна, облаченная саваном рваных облаков, кровавыми пятнами темнеющих на фоне звездного неба, наблюдала за миром смертных. Алчно, жестоко, азартно, насмешливо.

Взор ночного светила, свежей раной алевшего в высоких небесах, изукрасил мирный пляж, раскинувшийся далеко внизу, цветами поля боя. Туман пороховым дымом напелзал из низин, смело отвоевывая себе право до утра. Сизым хозяином стелился над твердой землей и низкими волнами, что нестройными рядами накатывались на плоские камни природных береговых бастионов.

Серый песок пляжа обратился в ночной тьме вязким обсидианом, злокозненным омутом острых песчинок, из которых черепами давно прошедших сражений выступали обглоданные морем валуны.

По пляжу бежал человек. Тяжело дыша, спотыкаясь, все больше увязая подкованными ботфортами в мягкой ловушке под ногами. Бежать ему было сложно, неудобно, а главное — стыдно.

Стыдно и чертовски обидно убегать, дрожа всем телом, падая то ли от спешки, то ли от страха, то и дело оглядываясь назад, с ужасом замечая приближающегося преследователя.

Особенно когда тебя зовут Эдгар Канатоходец. И ты с одним кортиком выходишь против троих хорошо вооруженных головорезов и остаешься победителем, разве что с парой царапин. А Канатоходцем тебя прозвали, ибо ты всегда ходишь по краю, на грани закона, на грани риска, на грани смерти. И всегда выживаешь. Когда в таверне тебя ждут верные друзья и восторженные шлюхи, а в сундуке недвусмысленно бряцает золото — верный спутник удачи, посылающей победы.

Но он бежал. А красный диск в небесах смеялся над беглецом хищным оскалом кратеров. Он бежал, а волны черной, маслянистой жижей, чуть подкрашенной небесной охрой, накатывали на берег, предвещая беду. Он бежал, и ботфорты, украшенные стальными набойками, тянули к земле, путал ноги расшитый золотом кафтан, сбивал шаг кутласс на богатой портупее, сползала на лицо головная повязка и даже красные шаровары каждый миг становились тяжелее, от песка или от усталости.

Его преследователь был далеко позади. И красный месяц будто улыбался, взирая на высокую, мощную фигуру посреди пепельной трясины пляжа. Но улыбался иначе. Ободряюще. Как равному.

Преследователю, чей тяжелый шаг был размерен и скор, не мешали ни шинель из плотной кожи, ни сапоги с бронзовыми носами, ни два тяжелых палаша на бедрах. Он шел легко, свободно, песок не держал того, чьей дичью сегодня стал знаменитый пират. Туман не студил горло, ночная тьма не сбивала с пути. Потому ли он шел так легко, что не расходовал силы на бег, или от того, что рассчитывал каждый шаг, по-особому ставя ногу на серый кварцевый покров? Или же это был демон, явившийся за душой грешника, и оттого эта ночь, плоть от плоти ада, лишь помогала ему?

Канатоходец не знал. Он знал, что негодяй, маячивший черной башней за спиной, был очень скор. Хоть и нарочито нерасторопен. Эдгар помнил, помнил все.

Это произошло не более получаса назад. Старая таверна, переулок, покрытые слизью покатые камни. Звездное небо проглядывает сквозь щель меж щербатых крыш. Мертвая крыса у сапога. Рука сжимается на деревянной рукоятке оружия. Первый пистолет.

О, как же быстр этот здоровяк. Неожиданно. Почти фатально. Брошенная умелой рукой шляпа с высокой тульей сбивает выстрел. Пуля еще чиркает по мостовой, пугает кошку, лежавшую на куче отбросов. Рука в грубой краге уже выхватывает второй пистолет — Эдгар тоже быстр. Быстрее восьмерых из десяти.

Но его противник тут один. Он делает шаг. Даже не глядя на курок, успевает уйти с линии огня. Пуля попадает в фонарь на соседней улице. Вспышка. Пламя. Масло разливается по мостовой, по стене, пляшет, будто погребальный костер...

Но враг уже в двух шагах. Абордажная сабля летит из ножен. Блеск клинков, тишину вновь разрывает звук битвы, протяжный звон и скрежет столкнувшегося оружия. Блок. Уход. Пируэт. Выпад. Снова звон. Звон сабли по грязной брусчатке.

Есть вторая, в ножнах на правом бедре. Но правая рука пирата безжизненно тянется к земле. Сломанная, как тростник, двумя меткими ударами. Враг не только быстр. Он чудовищно силен. Нечеловечески.

Вторая сабля не покидает ножен. Эдгар Канатоходец внезапно понял — он очень любит жизнь. Он хочет жить. И потому должен бежать.

Дальше лишь смутные обрывки произошедшего. Пирата гнали по темным улицам Базы на острове Клешня. Зверя расчетливо, жестоко, неотвратно выкуривали из норы. Преследователь бежал по крышам, сворачивал в переулки, непредсказуемо менял направление, каждый раз отрезая дичь от спасения. Каждый дом, кабак или притон, где Эдгар мог попросить подмоги... Он знал их! И ни разу не дал прорваться.

Но пираты так просто не сдаются. За городом, в гроте Томного Висельника, есть еще одна нычка. Если повезет, даже будет пара своих. Еще чуть-чуть. Еще немного — и он спасется. Спасется и отомстит надменному сукину сыну! Почему он гонит его? Почему играет? Почему до сих пор не убил?! Издевается? Ничего, мы еще посмотрим кто кого. Не сдавался раньше. В абордаже против копейного строя. При штурмах фортов на амбразуру. Не сдастся и сейчас! Надо бежать.

Надо бежать. Песок, как жадная шлюха, тянет вниз, цепляется, держит. Но сапоги нельзя сбросить. Они понадобятся на острых скалах. Бежать. Дышать. Жить.

За спиной, все больше отставая, неумолимый и всезнающий, шел преследователь. Он дышал легко и свободно, будто даже наслаждаясь соленым воздухом вечно живого моря. На широком, мужественном лице застыло выражение глубокой задумчивости. Задумчивости и скуки. Все шло так, как должно было идти. Жертва неумолимо вела себя в ловушку. Ни доблести, ни отваги для этого дела не требовалось. Лишь холодный расчет и терпение. Похоже, и того, и другого преследователю хватало вполне.

И все же необходимость свершить предначертанное несколько смущала. Этот пират был убийцей, негодяем, вором. Наверняка предателем и алчным ублюдком. И все же он любил какую-нибудь шлюху в порту. Сегодня с утра подарил целый золотой нищему мальчишке. Он был верным товарищем для своей ватаги. И заслуживал смерти не больше, чем любой другой на пиратской базе Клешня. Просто подходил больше остальных. Про него зададут меньше вопросов, его станут искать не так упорно. Он успел насолить меньшему количеству живых врагов и совершить «подвигов» недостаточно, чтобы прославиться. Он подходил. И, к сожалению, это значило, что Эдгару пора покинуть земную юдоль.

Эти обстоятельства не волновали преследователя. Все было рассчитано, пройдено и учтено еще до начала погони. Память угодливо подбрасывала разведанные факты — маршруты жертвы, друзья, схроны и притоны, где он бывает, и финальная цель — убежище за городом. Безлюдье, которое позволит надежно скрыть все следы. Цель никуда не денется — пляж видно как на ладони, — не свернет, не ускользнет. Совсем другие вещи омрачали чело преследователя, наводили совершенно нерабочую задумчивость, грозили провалом, если он не соберется.

Мрачные мысли, тяжелые. Мысли о боли, о предательстве, о смерти. О долге. Он сам ощущал себя загнанным зверем, псом, который по ошибке укусил хозяина. Как пес, он уже чувствовал бесстрастный взор мушкетного дула, наведенного умелой рукой — наказать наглеца. Но выстрел медлил. С провинившимися не тянут. И это самое странное.

Он не знал, есть ли в чем-то его вина. Он честно выполнял задания, шел по следу. Убирал цели. Не совершал ошибок. Не совершал сам. Но слово «предательство» довлекло над ним. Он предал? Его предали? Слово черной сажеей, солоноватым вкусом поражения, слово навязло в зубах. Что если все уже напрасно? Все решено и нет путей к спасенью? Тогда смерть пирата станет напрасной. Напрасным станет все, что он совершил ранее. Верная, непорочная служба. Успешные операции. Все смерти, к которым он привел. И даже та смерть, которую пережил сам.

Но тогда ему бы не дали задания. А у него есть новая цель. Уже недалеко — неделя-две по морю. И он вцепится в чью-то глотку, разыграет шахматную партию с летальным исходом в грязи. Вновь исполнит долг.

У него есть цель, а значит — он не предатель. Значит, предала она. Совсем недавно, а кажется — так давно. В городе шпилей и летающих кораблей. В городе магов. Она свершила недозволенное. Она предатель? Но ее также не наказали. Он знал, чувствовал. Кошка жива и благоденствует. Значит, кто-то приказал. Кто-то, имеющий право? Или настоящий предатель?

Он узнает это рано или поздно, ведь он еще жив. Почти цел. Собран и готов. Готов восстановить свое доброе имя. Имя и репутацию. Показать на что способен. Показать, что полезен, как и раньше. Свободное оружие в чужой руке. Оружие, которое не промахивается. Он все исправит. Вернет свое время и свою жизнь. А затем узнает, почему его не покидает ощущение неправильности происходящего.

Скалы — острые, ассиметричные бастионы поросшего мелкой растительностью синего гранита, приближались. Преследователь перешел на легкую рысцу — как бы пират не передумал.

Эдгар привалился к огромному валуну. Руки впились в холодный камень. Еще чуть-чуть, два вдоха, три. Его еще нет за спиной. Можно передохнуть. Восстановить сбитое, сипящее дыхание. Унять дрожь. Взять себя в руки. Перетерпеть шум в голове и дать поблекнуть красным пятнам перед глазами.

В битве от ядра, в абордаже от чужой сабли, в таверне, проиграв шустрому юнцу с кортиком, с петлей на шее при большом стечении народа. От сифилиса, наконец! С парой шлюх в объятьях, старым, от инфаркта. Канатоходец по-разному представлял свою смерть. Но не так.

Не трусом. Не загнанной дичью. Не бессильной жертвой в когтях хищника.

— Аррргхх, — он силой навалился и отодвинул камень, не поняв, откуда взялось столько мощи в руках.

Из отверстого коридора потянуло сыростью, за ним был грот. На полу щебенка и мертвая, стоячая вода. Наверху, в темноте, гнезда летучих мышей. Большой, не меньше бального зала, грот был уставлен ящиками, бочками, коробками — добычей с прошлого налета.

В глубине сияла неровным светом масляная лампа. Очень тускло. За столом, где она стояла, сидело двое. У Канатоходца радостно екнуло сердце:

— Эй, гнусные морские черти, как я рад вас видеть! — он подошел ближе. — Дрыхнете? Опять весь стол вином залили, в пасти-то что-нибудь попало?!

Вторую часть фразы он сказал скорее еще отказываясь верить, но уже все поняв. Металлический запах крови. Остановившиеся мертвые глаза. Темные лужи на желтом дереве, распахнутые в изумлении рты. Сниф Варан и Лессо Кнехт были мертвы. С полдня как.

— Нет! Нет! Нет! — паника, душная, ядовитая, гнусная стерва, стиснула горло. Руки скорее по привычке еще хотели действия, пират открыл ближайший ящик, там были пистолы — простые, добротные ригельвандские пистолы, их везли наемникам на Клык. Руки, вернее, рука принялась прочищать ствол, насыпать порох, запикивать пулю — проделывать привычные действия, зажав пистоль между коленей, а глупый язык все трепал: — Так не бывает! Никто не может быть настолько...

— Всеведущим? — раздался густой, мощный бас под сводами грота, голос был молодым, но сильным, очень спокойным, даже бесстрастным. — Поверь. Это не сложно. Ты не самый непредсказуемый, даже среди пиратов.

— Да кто ты такой?! — взвыл пират, разряжая в противника пистоль.

Замок сухо щелкнул. Выстрел не потревожил тишину.

— Ты забыл насыпать порох на полку, — все так же флегматично уведомил преследователь. Ему было грустно видеть, как смелый и, в общем-то, опасный пират теряет последние крохи самообладания.

— Кто ты? Зачем тебе я? Может, сочтемся и разбежимся? У меня есть деньги. Есть знакомства. Я много могу, — запричитал дрожащим альтиком Эдгар, скачущими движениями поднося рожок к пороховой полке пистоля. Рука тряслась, рожок выпал. Откатился. Попал прямо под подошву сапога подошедшего преследователя. Сухо хрустнул воловий рог.

— Довольно, — вкрадчиво произнесли узкие губы, чуть скривившись.

— Это личное, да? Личное? — продолжал, сам не понимая, зачем, спрашивать пират. Он уже почти смирился. И все же выхватил умелой левой рукой вторую саблю. Выставил перед врагом. — Скажи хоть, за кого ты меня гробишь?

— Пока не знаю Эдгар. Пока не знаю, — пожал плечами убийца, медленно доставая палаш. Он и вправду не знал, использует ли Эдгара сразу. Но в новых местах всегда пригодится одна-другая свежая, еще никем не замеченная, личность. К тому же в пиратских морях полезно быть пиратом. Иногда.

— Их тоже ты убил? — посмотрев на бывших товарищей, чуть более спокойным голосом спросил пират. Его разобрало зло. На себя и на этого надменного ублюдка. С Вараном по молодости они брали одну шлюху на двоих из экономии. Кнехт дважды спасал его в сече. Смешно. Теперь это уже ничего не значило.

— Нет, — ответ был, похоже, заготовлен заранее. Иногда не удается удержаться от дешевых эффектов. — Их убил ты. Убил. Обокрал. И сбежал.

— Это все ради добычи?! — Эдгар был шокирован. Зол. Удивлен. Не так уж велика была

добыча из последнего дельца.

— Нет, — отрицательное покачивание головой было ленивым и зловещим одновременно. — Все это ради тебя. Цени. Твое имя, твой образ. В каком-то смысле часть тебя — привычки, манеры, жесты. Будут жить и после твоей смерти.

— Но зачем?! Зачем тебе это? — пират начал надвигаться на противника, злость, ярость, стыд за слабость перебороли в нем страх, его противник понял, что заговорился, принял боевую стойку. Пожалел, что упустил страх противника, теперь будет чуть сложнее.

— Поверь, Канатоходец, — Преследователь так же переместился вперед, — если б я мог — сказал бы. Но это риск быть раскрытым. А я не дам такого шанса желающим воскресить твой труп или призвать дух.

— Это ты будешь трупом. Сдохни, гнида! — Эдгар бросился в отчаянную атаку, левой рукой он владел не хуже правой.

Бой был коротким, но жарким. В пирате говорили злость и отчаяние. А его противник немного устал. Дважды багровые пятна украсили шинель убийцы на плече и на боку. Но финал был закономерен. Эдгар Канатоходец был опытным бойцом, но противник превосходил его в скорости, силе, опыте и навыке. Чудес не бывает.

Агенты Международного Альянса Убийц всегда действуют наверняка. Через пару минут Эдгар Канатоходец покинул грот. На одном плече он держал сверток с кровоточащим трупом — так он быстрее привлечет акул. На втором — увесистый сундук с золотом. Мотив для убийства двух подельников, но недостаточный повод, чтобы мстить.

Теперь образ пирата принадлежал победителю. И он уже знал, как его использовать.

Между небом и землей, на каменной площадке, продуваемой всеми ветрами, не более двух шагов в ширину, озаряемая рубиновым сиянием грациозно высилась точеная фигура. Кто-то внимательно наблюдал за погоней на пустынном пляже, там, внизу.

Зрелище кончилось. Красиво очерченные губы растянулись в кривой ухмылке, обнажив крупные, белые, загнутые клыки:

— Удачная охота, Реймунд. Теперь мой ход, — прыжок, кувырок, полет навстречу далекой тверди у подножия скалы. И наблюдатель скрылся из виду.

Ахайос, 812 год от О.А.И.

Город вставал во всем блеске своего великолепия. В морских водах цвета крыла птицы счастья, густом и сочном ультрамарине, под горячим солнцем Экватора, овеваемый ветрами странствий и приключений, он отражался целиком. Чистый и прекрасный. Совсем не такой, каким был на самом деле. Это был город убийц и воров, продажных чиновников и честных пиратов, слабых законников и сильных негодяев.

Город, возвышавшийся над водой, окутанный легендами о крови и смерти, укрытый тысячелетним маревом грехов, войн, лжи, насилия, ненависти и страсти. Страсти к деньгам, к чужим страданиям, к подвигам, добыче и сомнительной славе.

Город, живший сам по себе — за многие века неоднократно переходивший от одних властей к другим, но никогда не склонявшийся ни перед одной из них.

Город, где правили Банды. Где каждая улица была полем боя, на котором сходились чьи-то амбиции, желания, страхи и стремления. Где люди, говорившие на сотне разных языков, сражались клинками, пистолетами, магией и колдовством, стремясь ухватить за хвост шальную мечту о далеком, жестоком счастье.

Город, где лучшие в мире воины и убийцы были лишь одними из многих. Где шпионы могущественных держав Запада, Востока, Севера и Юга сходились в тонкой игре плаща и

кинжала, выстраивали хитроумные комбинации и думали, что правят миром, а их меж тем привычно дергали за ниточки умелые кукловоды. Город, где золото текло рекой, рассыпаясь по грязным переулкам и заваленным отбросами площадям, минуя сотнями умирающих в канавах нищих.

Город, где даже демоны и боги служили лишь орудием в амбициозных играх смертных, нелепо прожигаяющих свою жизнь на этих, наполненных смрадом многовековой неизбывности, улицах.

Город вставал из моря мрачно, обыденно просто. И единственным, что удерживало его от падения в морскую пучину под гнетом многочисленных грехов жителей, был вязкий туман ненависти, злобы, взаимных интересов, скорби, страха, сомнения в будущем и безумной надежды. Пестуя которую, обитатели этой клоаки мечтали, что когда-то их жизнь изменится к лучшему. Мечта длиною в сотню тысяч жизней, неисполнимая, но поддерживающая дух этого места так же крепко, как серые скалы поддерживали его плоть.

Новое начало

Зеленые волны лениво бились о форштевень бригантины «Судьба моряка». Хлопанье парусов сменилось шелестом сматываемой ткани. Привычно скрипели мачты, фок чуть громче, чем обычно — расшатало в последнем шторме.

Палубу качало весьма умеренно, а потому можно было, невзирая на недовольное ворчание боцмана Марка Тривиолли — тучного и медлительного ригельвандца, — выбраться на корму и насладиться в должной мере букетом ароматов, изящно преподнесенным худшим из парфюмеров — огромным многолюдным портовым городом тропической полосы...

Также можно было, наконец, рассмотреть через леса мачт и мельтешение птиц, не все из которых были просто безмозглыми пернатыми, приближавшийся город. Город, который должен был стать, с одной стороны, финальной точкой трехмесячного, до крайности утомительного морского путешествия, и, с другой стороны, началом новой, тонкой и весьма занимательной работы. «Рыба» знаменовала «дебют», излишне аморфная, но достаточно точная аллегория.

И не случайная, к слову. Почему-то капитан «Судьбы моряка», как уже было сказано, бригантины — неплохой, трехмачтовой торговой посудины грузоподъемностью 130 тонн, о 8 пушках, предпочитал всем прочим играм именно домино, причем предан был игре фанатично.

Так что вечерние партии в кают-компании, душной и пропитанной запахом черного табака, были, пожалуй, самыми яркими элементами воспоминаний пассажирской морской рутины последних трех месяцев.

То же, что ныне предстояло Реймунду Стургу, в наибольшей степени можно было бы назвать шахматной партией, не самой сложной, но весьма приятной.

Город вставал во всем блеске своего ничтожества, если более вежливо: во всем блеске бандитско-колониального стиля.

Порт — совершенно невероятных размеров стойбище для океанских и каботажных судов, более чем тридцати экваториальных государств и почти всех гигантов Южного Архипелага. На западе он был ограничен мощной цитаделью внешней обороны, прикрывающей город как с моря, так и с суши более чем тремя сотнями сорокафунтовых пушек, достаточно мощных, чтобы при метком залпе пустить на дно линейный корабль.

С востока порт был прикрыт много более скромным, чисто морским фортом, по

совместительству являющимся таможней и портовым управлением. Это было нелепое пятиугольное здание из крупных серых глыб пористого камня с бойницами для шестидесяти морально устаревших чугунных, а то и железных бомбард, которые еле-еле могли бы отогнать средненького пирата.

Над обоими укреплениями, а также над большей частью имевшихся в порту кораблей развевался кремового цвета флаг с тремя черными пиками, отмечающий власть беспокойного Шваркараса над этой грандиозной колониальной дырой.

Сам город шел на повышение — от порта с грязными, но добротными каменными причалами он поднимался к неблагополучным по виду припортовым кварталам, трущобам и складам по большей части. Из них ярко выделялись район с невысокой металлической оградкой, за которой ютились аккуратные мазаные домики с серовато-стальной черепицей; торговый район на востоке, отличавшийся величавостью купеческих контор и ветхой неприступностью торговых складов. А также квартал неподалеку от западной цитадели — высотой стены и набором крепостных построек за ней он бросал вызов укреплению.

Далее виднелись лишь пики церквей и храмов, редкие башни и витые насесты, да в центральной части множество шпилей, дворцов и городских поместий немногочисленной, но богатой шваркарасской колониальной знати Ахайоса.

Нельзя было оставить вниманием еще два крайне интересных объекта архитектуры — небольшую пагоду в Восточной части, и массивные, высокие — не менее пятидесяти метров — башни черного камня, усаженные декоративными шипами и сложными флагами. Информаторы не врал, в городе и правда есть диаспора дракийцев.

Остальная же часть Ахайоса имеет существенно меньше причин быть упомянутой в данном отчетном описании. Как это ни прискорбно, она в наибольшей степени могла претендовать на звание среднее между руинами, трущобами и логовищами разнообразных деклассированных элементов, с которыми приличный человек, и уж тем более представитель уважаемого Международного Альянса, не мог иметь ровным счетом ничего общего.

Ну и напоследок можно вспомнить о том, что порт пестрел флагами зловещего и неоднозначного характера — от краснеющей обезьяньей задницы до расколотого ятаганом черепа. Пираты — один из самых ярких элементов, знаменующих степень морального разложения Ахайоса...

Что ж, и в грязи играют в шахматы...

Реймунд был обрадован и встревожен. После событий последнего задания ему очень нужно было новое дело. Новая цель. Новая возможность доказать себе и тем, кто наблюдает за ним, свою способность работать четко и чисто. А так же доказать ей. Доказать, что больше он не позволит ни обманывать себя, ни использовать. Однако Экваториальный Архипелаг был для него новой, неизведанной доселе, игровой доской. Это был отличный вызов. И Реймунд готовился его принять, вспоминая и систематизируя в памяти все, что ему доводилось слышать о нравах, традициях, обществе, политике и войне своей новой охотничьей вотчины.

Библиотека Хранителей Знания. Колониальная политика Экваториального Архипелага

Право Сильного

Да все на самом деле весьма просто. Право сильного — и больше ничего. Но кого-то сильным делает золото, кого-то штыки, кого-то страх. Так это все и получается: великие

государства отбирают по праву сильного земли у туземных племен и анималистических рас. По налаженным торговым маршрутам отправляются на Экватор купцы, и пираты по праву сильного отбирают у них честно заработанные на чужой силе барыши. Великие державы по праву сильного загоняют туземцев и зверушек в рабство, и они тысячами дохнут на рудниках и плантациях, которые, к слову, организовывают на местах их бывших священных рощ и сакральных гор. Потом туземцы сбегают, сбиваются в ватаги или примыкают к пиратам и по праву сильного режут глотки работоторговцам и насилюют дочерей плантаторов, а то и самих плантаторов, был такой обычай у одной особо злобной ватаги...

Впрочем, я не о том. Я говорю, что эта самая колониальная политика проста как три медяшки: метрополия посылает на Экватор самых злобных, изворотливых, хитрых и беспринципных сукиных детей, тех самых тварей, которые в противном случае очень быстро и совершенно неприбыльно украшают своими тушами тюрьмы и эшафоты любимой родины. В колониях они становятся губернаторами, графами и даже герцогами, генералами и адмиралами, и все от того, что чистый духом и не лишенный понятий о чести и достоинстве аристократ или патриций Шваркараса, Ригельвандо или Алмарской Империи, конечно, почитает ниже своего достоинства гноить на плантациях несчастных зверушек. Так же он откажется, прикрывшись гуманизмом, вырезать туземные деревни и проводить акции устрашения, превращая целые километры джунглей в анатомические театры с развешанными по лианам кишками непокорных дикарей. Так же он не станет терпеть малярию и лихорадки, не захочет гнить в болотах или заживо разваливаться от цинги на бортах океанских кораблей. И еще он, конечно, не станет обманывать колонистов обещаниями имрая на земле, завлекая их на перспективные колониальные предприятия, находящиеся на самых границах амиланиек, да-да, тех самых милых барышень, которые милостиво убивают порабощенных мужским гнетом женщин, а мужиков кастрируют и отправляют на самые мерзкие и тяжелые работы.

Зато этот самый благородный аристократ или состоятельный гордый патриций всегда не прочь покушать шоколада, изредка любит посмотреть отчеты по баснословным прибылям от заморских своих компаний, и, конечно же, обожает блюда с экзотическими специями под трубочку табачка, и лучше — черного, того, на производстве которого ежегодно дохнет до десяти тысяч туземцев. Все это благородные любят и ценят, а вот добывать не хотят. И потому придумывают Экваториальные Торговые Компании, Экваториальные Штурмовые Корпуса, Экваториальный Патрульный Флот, сложные административные системы и прочие прелести, посредством которых паразиты мира большие используют подонков мира меньших для достижения своих нехитрых, но насущных интересов.

Тут, понимаешь ли, все просто — право сильного требует применения, но мало кто любит при этом пачкаться в крови. А вот из-за моря, за тысячи километров от зноя и рабской вони, почитывая отчеты управляющих и приказчиков, можно себе воображать, что ты несешь диким туземцам свет труда и блага цивилизации, дотягиваешь их, так сказать, до уровня своего величия, позволяя прикоснуться к неведомому и запретному. А перегибы... За тысячи километров от места действия, когда не видишь забитых тощих издыхающих детей туземцев или вываливающихся синюшных языков повешенных мятежников, то перегиб превращается в сухие цифры о потерях, о приходе и уходе, и, конечно же, легко забывается при взгляде на колонку прибылей.

И вот по причине того, что большая часть тех, кто прибывает в Экваториальный Архипелаг из благословенной Гольвадии, является, по сути, дерьмом, большая часть

колониальных городов и выглядят, как гадюшник.

Эрвин Потрошитель, пират, капитан «Ветра перемен».

Часть 1. Глава 1. Деньги правят миром

Ахайос 812, год от О.А.И.

«Иногда приходится работать, даже если не хочется. Даже если болезнь или банальная лень диктуют праздность, иногда приходится работать. Работа может быть трудной, может быть легкой, она может сочетать в себе множество элементов других работ, а может включать всего одно действие, но, вне зависимости от обстоятельств, есть всего два важных фактора любой работы — любишь ли ты ее и умеешь ли ты ее делать. При несоответствии любого из них стоит задуматься о смене профессии. Даже если ты крепостной. Вне зависимости от того, как тяжело сделать первый шаг навстречу не...»

Лодка качнулась на особо ретивой волне и ткнулась в зеленый камень причала, доски под ногами Реймунда противно скрипнули, и, удерживая равновесие, первый шаг навстречу неизвестности все-таки пришлось сделать. Под ногами оказалась не слишком чистая и на редкость скользкая твердь, официально считающаяся частью крупного колониального города Ахайос.

«Потрясающая нерадивость. Ни чиновника, ни стражников, приходи, бери город голыми руками, благо хоть корабли еще осматривают. И неудивительно, что тут ригельвандцы на шваркарасской службе — простор для взяток просто невероятный. Привлекает торгашей, как сыр мышей... нет, крыс, жирных наглых крыс...»

— Сударь, купите часы, чистое серебро, великолепная чеканка, защита от кражи, — уличный торговец был нагл, напорист и традиционно хамоват.

— Нет, — становиться обладателем бесполезного краденого товара не хотелось.

— Прошу вас, не будьте так поспешны, всего три золотых, это даже дешевле себестоимости, — что-то было крепко не так с этим прилипалой.

«Низкорослый, не хватает шести зубов, нос сломан не менее шести раз, но все равно слишком длинный. Пальцы тонкие, шустрые, глаза все время бегают, редингот явно с чужого плеча, справа топорщится, там даже не нож — тесак. На пальце татуировка, змей-аспид. Хреновая у часов была защита от кражи...»

Послышался легкий хруст, вернее, даже щелчок, человек предлагавший часы, моментально смешался с толпой, постаравшись оказаться как можно дальше за наименьшее время.

Его подельник или ученик, парень лет шестнадцати в легком жилете поверх давно нестиранной рубашки, потертых панталонах, рваных чулках и старых туфлях, недоуменно воззрился на сломанный палец.

«Черт, стоило сойти с корабля, как усрал, балбес, всю маскировку. Спасибо этому дому, хоть в другой иди, поправил, называется, репутацию».

Глаза парня начали наполняться слезами.

— Сеньор Батилеззо, вы забыли свой рюкзак!

По причалу вразвалку подходил матрос с «Судьбы», неся увесистую сумку с тремя лямками из доброй кожи. Из сумки торчал тубус с телескопом, а с другой стороны призывом для мелких воришек болтался рукав шелковой сорочки.

«Два раза «Черт!», впрочем, старшина Сольти весьма кстати».

Крепкая рука крокодилей хваткой вцепилась в кисть белокурого подростка.

— Запомятовал старина. Просто запомятовал. Благодарю вас. Так бы и ушел без

инструментов. Премного благодарен, — бывший пассажир рассеянно кивнул моряку.

Вторая рука взяла у матроса лямку рюкзака. Небрежным движением он оказался заброшен на левое плечо. В крупную волосатую лапу старшего матроса Сольти Игладиссо, балагура и пьяницы, перекечевала мелкая серебряная монета.

— Ах да, Сольти, — уже собираясь шагнуть, он притормозил, засеменяв забавно ногами, и снова повернулся.

Матрос, с улыбкой собиравшийся идти обратно к лодке, насторожился. Было в голосе «сеньора Батилеззо» что-то очень липкое. Намеркавшее на временную невозможность отдать приказ матросам из лодки отдыхать и отправиться в ближайший кабак конвертировать серебро в кружечку холодного пивка, может, даже с копченым угорьком.

— Капитан Леонардо говорил мне, что в последний шторм его малютка лишилась юнги. И нескольких матросов. Это прискорбно. Вот, взгляни, кого я нашел, Сольти, — рывком бывший пассажир поставил неудачливого воришку между собой и моряком.

Реймунд подмигнул. Старшему матросу с «Судьбы моряка» еще никогда не доводилось видеть, как ему подмигивает кролик, неожиданно преобразившийся в питона.

— Да, сеньор, — Сольти несколько ошарашено посмотрел на ревущего белобрысого парнишку и подумал, что со сломанным пальцем особо по вантам не полазаешь.

— Чудно.

От неожиданного толчка мальчишка фактически влетел в объятия морского волка.

— Позаботься о его трудоустройстве, Сольти. И поостороже с ним, — «сеньор Батилеззо» шутливо погрозил мальчишке кулаком.

Реймунд опять подмигнул. В руку моряка перекечевала золотая монета. Пятая часть его месячного жалования.

— А как его зовут? — пытаюсь прийти в себя от неожиданного поворота, сморозил Сольти.

— Ума не приложу. Ну, придумай что-нибудь занятное, вы, моряки, мастера на такие дела.

Уже из-за плеча бросил удаляющийся пассажир «Судьбы моряка». На памяти старшего матроса этот нелюдимый, чудаковатый крепыш за все трехмесячное плаванье одновременно ни разу не произносил столько слов. И уж тем более от кого угодно, но только не от этого скряги, ни разу не игравшего, по слухам, с капитаном более чем на пять серебряков, можно было ожидать разжиться целым золотым. Сольти коротко взглянул на парня, судя по всему, одного из портовых воришек.

— Пойдем, шпана. Покажем тебе настоящее море.

От шока, от боли или от неожиданности ситуации, когда «лох» вдруг внезапно оказался проворным подонком, одним словом, Тимми, а именно так звали парня, даже не сопротивлялся, когда его под довольно обидные шуточки матросов сажали лодку. Так началась морская судьба пирата Тимми Кровопийцы, но это уже совсем другая история.

«Мораль — непозволительная роскошь. Милосердие — путь к рабству. Такая же страсть, как похоть или жадность. Убийца не позволяет эмоциям поработить себя», — напомнил себе Реймунд чужие слова, что столь прочно всегда обеспечивали успокоение, став неотъемлемой частью его мыслей. И все же внутри что-то кольнуло. Жалость? Совесть? Несварение?

Блеск и величие портовой грязи

«Ахайос, порт. Шумное место».

И вправду, порт Ахайоса был весьма шумным и грязным местом. От причалов несся гомон — приезжие купцы ругались с грузчиками, грузчики материли мальчишек-посыльных, представители власти, немногочисленные и тихие, молчали. Где-то проститутка экспрессивно выражала свои эмоции касательно ригельвандского торговца. Мужчина далеко не первой свежести отказался от сомнительных прелестей сорокалетней размалеванной барышни, пытавшейся нелепо закосить под малолетку. Где-то шестеро крысолюдов избивали нищего, просрочившего очередной платеж.

Представительство земного предбанника преисподней было весьма разнообразным. Порт был текуч, тягуч и многогранен, как драгоценный бриллиант, облитый из ночного горшка. И он был довольно четко поделен некими внутренними силами города.

Большая часть складов, ремонтных контор, нищенских ночлежек и дешевых развлекательных заведений заботливо охранялись суровыми громилами. Обычно гетербагами, минотаврами, носрогами и лишь изредка людьми, как правило, мало уступающими размерами гетербагу. Они же следили за тем, чтоб клиенты не обижали носильщиков, грузчиков и посыльных порта.

Совершенно иные люди следили за причалами, где стояли легкие, оперенные косыми парусами каботажные тартаны. Серьезные, сдержанные или же, наоборот, веселые, но неизменно сосредоточенные, не убиравшие рук с рукоятей открыто висевших во множестве на перевязях ножей и сабель, благообразные смуглые мужи, все как один с орлиными носами и небольшими острыми или кудрявыми бородками. Одетые в черные или темно-серые халаты, шаровары, туфли с высокими носами и неизменные чалмы, украшенные белыми перьями и черными драгоценными камнями. Это были хмааларцы, вернее, представители хмааларских диаспор Ахайоса, которые крепко и надежно взяли под контроль контрабанду.

Портовым торговцам и разносчикам разнообразной снеди также было нечего бояться. За их работой, чтоб она шла мирно и успешно, наблюдали причудливые собакоголовые — представители анималистических рас, кои сочетали в себе человеческое тело и собачьи головы или же лишь некоторые элементы внешности, делавшие их похожими на собак. Они ходили по порту свободно и гордо, но, как и крысолюды, лишь большими группами не менее чем по шесть-десять человек. Касаемо же крысолюдов, то они зорко следили за доходами нищих, правда, не всех.

Была особенная когорта тружеников протянутой руки и голодного взгляда, вторым как раз не обладающие — слепые нищие. С повязками на глазах и без оных, выставив на обозрение бельма, пустые глазницы, шрамы, они степенно расхаживали по порту, никем не останавливаемые, отрешенные, благосклонно принимая пожертвования на вечную тьму в небольшие холщовые сумки, переброшенные через плечо.

Единственный, пожалуй, подвид портовой фауны, не имевший хозяина — это воры. Они шныряли по порту и одинаково срезали кошельки как у приезжих, так и у капитанов кораблей. Как у проституток, так и у подвыпивших матросов. Как у суровых гетербагов со злобными лицами, так и у осторожных крысюков со сморщенными носами. И даже слепые не представляли для них никаких табу. Равно так же неудачливые воры получали жестокое порицание со стороны всех жителей порта. Не так уж редко можно было, например, увидеть, как трехметровый мускулистый гетербаг отрывает руку неудачливому карманнику, и кровь несчастного струями льется на мостовую. Недолго, впрочем, в человеческом теле не так много крови. Или слепой пронзает несчастного незрячим взором, и тот падает на грязную

твердь, сотрясаясь в конвульсиях. Хмааларцы просто рубили пальцы, проявляя завидное милосердие. Что делали крысы, лучше не описывать.

Помимо воров еще более неприкаянными, нежеланными и неуместными здесь казались городские чиновники колониальных служб. Эти серые люди в поношенных камзолах, с пустыми глазами и пустыми карманами, опасно теребящие свои латунные значки, указывавшие на принадлежность к портовому управлению или таможенной службе. Они шли к причалам, шарахаясь от каждой тени, вжимая головы в плечи и бросая испуганные взгляды на окружающий бедлам. Они прекрасно осознавали собственную никчемность, но иного места в мире, очевидно, найти не могли.

Схожее впечатление производили и городские стражники, в песочных или синих мундирах, вооруженные старыми, но надежными мушкетами, либо совсем молодые парни, либо уже пожилые мужчины. Они чувствовали собственную непричастность к происходящему, не испытывали страха, но и не приносили пользы. Впрочем, и им изредка находилось дело, в основном в области вымогания взяток у выглядящих максимально безопасными свежих гостей города.

А гости сходили с кораблей и устремлялись по большому портовому проспекту к разным районам Ахайоса. Были среди них пассажиры из метрополий Юга, были представители малых и анималистических рас — причудливые, иногда красивые, иногда страшные, но всегда очень необычные создания. Были обитатели колоний Экватора — эти держались спокойней, многие из них, как правило, прибывали в город не в первый раз. Имя им легион.

Но лишь один вид «гостей» порта, сходящих с многочисленных и пестрых кораблей вызывал у его обитателей уважительные взгляды и одобрительные приветствия — пираты. Многих рас и многих оттенков кожи, одетые эклектично и витиевато, вооруженные до зубов, загорелые, улыбчивые или мрачные, вернувшиеся с добычей или без нее. С новыми ранами и новыми историями, они устремлялись в свой квартал, что соседствовал с портом на севере. Они возвращались домой или находили дом в этой формально колонии могучей Южной державы, уже многие сотни лет поддерживавшей неофициально каперство и откровенное пиратство.

Реймунд Стург выглядел в этой суетной толкотне нарочито неудобным. Не вписывающимся в пейзаж, не подходящим к декорациям. Вернее, так выглядел его нынешний образ — Чителли Марио Батилеззо. Высокий, нескладный, небрежно, но дорого одетый, с огромной сумкой, из которой торчал переносной телескоп. Постоянно любопытно озирающийся по сторонам, рассеянно толкающий прохожих, но не замечающий этого. Вроде как замороженный портовым мельтешением, но совершенно чужой для этого места.

Такое впечатление производил Чителли, Реймунд же был вполне в своей тарелке, замечая поведение людей порта, прислушиваясь к разговорам, вычленяя особенности местной моды и стиля, отличавшего местных жителей от приезжих, он параллельно формировал у себя в голове картину ближайших действий:

«Цель — банкир из Торгового квартала города. Наверняка неплохо защищен, к тому же поддерживает хорошие отношения с сильными места сего. Несложно. Но, как известно, береженого смерть бережет. Для начала стоит озаботиться насущным, деньгами и жильем, потом перейти к образу. Дело не сложное, пять-шесть личин подойдут. Понадобится несколько домов, информаторы, актеры. Не забыть о защите от гадания, артефакты излишни, сойдет и использование нескольких имен, двойной образ на Батилеззо. Внешне рассеянный

ученый, глубже — делец из метрополии, хитрый и расчетливый, приехал действительно по научным вопросам нетривиального характера. Внешне частное лицо. Глубже — работа на одну из государственных компаний, интересующихся особенными изысканиями. Примерно, плюс-минус еще несколько дополнительных легенд, чтоб не отследили».

Еще глубже, за деловыми, сухими и отрешенными мыслями, скрывалась гадливость. И почему-то восторженность. Этот город был нарывом, гнойной язвой, средоточием мерзости. Да, Реймунд был убийцей. Но убийцей без жестокости, без страстей и без злобы. Ремесленником. Мастером. И ему был глубоко противен этот гадюшник, полный моральных кадавров и всемогущих от безнаказанности подонков. И все же что-то, какая-то удивительная свобода или специфический излом общественных норм города, привлекало убийцу. Привлекало, интриговало. Восхищало? Стург ждал — какой сюрприз преподнесет это внешне пропащее место?

Банкирское гостеприимство

Торговый квартал разительно отличался от портового. Большей частью он был поделен меж представительствами различных торговых компаний, кумпанств, домов и объединений. Архитектурно весьма разнообразный, он был похож в одном — большая часть зданий представляла собой небольшие комплексные крепости. Иногда украшенные лепниной или колоннами, они все же были в первую очередь местами, где в беспокойном городе содержатся дорогие товары и серьезные суммы денег.

Даже многочисленные торговые склады скрывались за высокими стенами и крепкими воротами с надежной охраной из местных наемников. Что же до жилищ хоть сколько-то уважающих себя купцов, то они напоминали скорее замки, чем особняки или дома. Замки, которые очень хотели следовать современной архитектурной моде, но вынуждены были удовлетвориться лишь внешним лоском ввиду засилья вокруг варварства и стяжательства. Замки с душами вилл — трогательно.

Первой точкой остановки на сегодняшнем маршруте Реймунда, вернее, Чителли, было довольно крупное здание из серого камня с облицовкой фасада редким синим мрамором, скрытое за каменной оградой в два человеческих роста. Массивные металлические ворота были приветливо распахнуты навстречу новым клиентам заведения. Чего, впрочем, нельзя было сказать об охраннике — здоровенном гетербаге в кожаной куртке с заклепками, туго стянутой двумя ремнями от ножен массивных тесаков, крепившихся за спиной. Его лицо говорило скорее: «Проходите, олухи, эти человеческие отбросы ждут не дождутся вас обворовать». Месье, точнее, сеньор Чителли знал, как общаться с подобными оборванцами:

— Добрый день, уважаемый. Это ведь банк Шваркарасской Торговой компании Де Тировьен? — голос был рассеянно-приветливым.

— А? — заметно, что охранник не привык, когда к нему обращаются с вопросами.

— Я, уважаемый, сеньор Чителли Марио Батилеззо. У меня в этом банке открыт счет. Прошу вас немедленно доложить вашему начальству о моем прибытии, — улыбка была застенчивой, с робкой попыткой выглядеть надменной.

— Да пошел ты! — возмутился гигант. — Иди сам докладывай, понабежали тут, дерьмо южное.

Гетербаг посторонился. Именно это и требовалось Чителли. Но вот зарплаты мажордома этому охраннику точно никогда не видать.

Не удостоив ответом хамоватого стража, сеньор Батилеззо прошествовал в банк. За резными дверьми с инкрустацией черного дерева его встретило прохладное, изящно

обставленное помещение холла. Высокие потолки с росписью и хрупкая на вид мебель из мягких сортов дерева с травленными гербами банка и торговой компании (лев с секирой охраняет сундук с золотом) выдавали явные и не скрываемые шваркарасские корни заведения.

Еще одним ярким культурным элементом, привитым этим южным государством, был секретарь, поднявшийся из-за стола, скромно притулившись в небольшом алькове в глубине холла, навстречу клиенту. Симпатичная светловолосая девушка в платье с кружевами, корсетом и изрядным вырезом приветливо улыбнулась Чителли. Видимо, это должно было стать наградой за встречу с гетербагом при входе:

— Добро пожаловать в банк Де Тировьен! Чем я могу помочь вам, месье? — голос был приятным, но несколько более низким и хриплым, чем следовало.

— Меня зовут Чителли Марио Батилеззо, — подходя ближе и целуя руку девушке, произнес лже-Чителли, — об этом я уже сообщил вашему беспардонному бугаю на входе. И позже потребую примерного наказания для этого создания. Мне назначено. У вас открыт мой счет. На приличную, хочу заметить, сумму.

Остальное произошло примерно так, как и планировал Реймунд. Возможно, даже несколько более гладко, чем ожидалось. Сеньора Чителли даже напоили приятным крепким кофе с нежными пирожными, пока он ожидал управляющего банка.

Сей субъект был более всего похож на завсегдатая шваркарасских поэтических салонов, а голосом напоминал матерого хмааларского евнуха. В целом производил весьма грустное впечатление, но наверняка считал себя неотразимым. Картина дополнялась тем, что он ежесекундно чесывал голову и шею, длинный напудренный парик явно кишел вшами.

Сеньору Чителли были принесены извинения, ибо деньги, уведомление о скором прибытии которых было получено, так и не поступили на счет, возможно, задерживался корабль, а нынешних свободных банковских ресурсов было недостаточно для покрытия столь крупной суммы.

Месье де Шаньси, так звали управляющего, посоветовал сеньору Чителли приличную гостиницу в правительственном квартале и пообещал сообщить, как только деньги поступят в банк.

В свою очередь Батилеззо попросил управляющего войти в его положение, весьма щекотливое, деньги были нужны ему не немедленно, но чем скорее, тем лучше, а его работа подразумевала обширные расходы. Потому сеньор Чителли просил месье де Шаньси умалчивать об отсутствии денег. А при запросах со стороны третьих лиц сообщать, что деньги на счету. Просто не улажены все формальности касательно их перевода ввиду различий в колониальном и базовом шваркарасском финансовом законодательствах. За это месье Чителли сулил серьезную благодарность сразу по прибытии денег.

Получив утвердительное обещание поддержать просьбу сеньора Батилеззо, Реймунд покинул банк, полностью уверенный в том, что каждый достаточно настойчивый желающий будет очень скоро уведомлен о временном банкротстве сеньора Чителли. Что и требовалось.

«Однако солидное место, архитектура кукольная, охранник, хоть и гетербаг, но всего один, а внутренней охраны не наберется и полудюжины, прятаться ребята не умеют, духи не скрывают перегар. Кто им покровительствует? Одна из банд? Тайная канцелярия? Мой «клиент»? Во всяком случае, кто-то подобный».

Это был первый раз, когда образ расхлябанного, двуличного, чудаковатого Чителли начал нравиться Реймунду. Ученый был шкатулкой с двойным дном, резко

контрастирующей с городом и его нравами. Управляющий был удивлен, что этот недотепа сумел добраться из порта до банка целым. Образ давал эффект неожиданности. Очень положительная черта. К тому же, Стург отдыхал на Батилеззо душой. В этом городе быть суровым казалось слишком банальным.

Они оба — ученый и управляющий банка, были белыми воронами, которых изредка забрасывает на экватор вместе с потоком серой дряни. Иногда они устраиваются, выживают, мимикрируют и приспособливаются. Чаще —дохнут. С кривой ухмылкой (исключительно про себя) Реймунд вспомнил письмо, персонаж которого был похож на де Шаньси.

Библиотека Хранителей Знания. Колониальная политика Экваториального Архипелага.

Незавершенное письмо

Дорогая сестра, ты себе и представить не можешь, что здесь творится!

Совсем не такого я ожидал от увеселительной, по словам отца, поездки на Экватор! Он говорил: «Поезжай, сын мой, развейся, попробуй экзотических фруктов, посмотри мир, узри лазурь жарких морей, а заодно присмотри за парочкой предприятий, ничего сложного, просто мне показалось — управитель табачной плантации что-то замалчивает».

Фрукты! Фрукты, черти его дери, он ничего не говорил о том, что от этих «экзотических фруктов» бывает аллергия, а некоторые даже ядовиты! Ты не представляешь, я две недели провалялся в кровати, меня всего раздуло, кожа стала цветом почти как те фрукты! Фиолетовой! А волосы, мои прекрасные волосы, я думал, что облысею, благо, управителю Жерому довелось найти какого-то анималистического шамана. Этот забавный карлик выглядел как смесь человека и лягушки, но от аллергии меня избавил.

Посмотри мир, ага, как же, я не увидел ничего кроме пыльных малярных городишек, убогих плантаций и джунглей, джунглей, мать их так! Прошу простить мой ригельвандский, там водятся такие твари... брр... Я сам видел тело одного из патрульных нашей табачной плантации, ему откусили голову!!! Жена опознала беднягу по обручальному кольцу — дешевой такой медяшке, видимо, поэтому его и не украли сослуживцы.

Это отдельная тема... Большая часть охранников нашей плантации — это такие рожи, встретить я их на улице в Люзеции или Морпаньяке, я бы, наверное, развернулся и пошел бы в противоположную сторону! По ним не то что веревка плачет, их даже в морскую пехоту не возьмут. Есть даже два гетербага и один тигрин, те самые создания, похожие на гибрид хищной крупной кошки и человека.

Лазурь жарких морей. Сопровождается качкой, морской болезнью, ежеминутным страхом увидеть на горизонте паруса пиратов или, хуже того, амиланиек! Слухи, ходившие о них в Шваркарасе, подтвердились сполна — это не шутка, это и правда женщины, которые сожительствуют друг с другом, а мужчин кастрируют, не понимаю, почему их до сих пор не перебили... Впрочем, твоей подруге Жозефине они бы, очевидно, понравились. Так помимо того из этих морей так и лезут порождения хаоса, да-да, хаоса, я столько тут наслушался, что и близко к берегу подойти боюсь, ума не приложу, как поплыву обратно.

Ну, благо хоть с предприятиями все в порядке, по крайней мере, месье Жером — это довольно приятный обходительный молодой человек, вполне привлекательный, к слову, брюнет чуть за двадцать, и очень образованный. Прекрасно разбирается в бухгалтерии, экономике и прочих таких вещах, я как взглянул в его книги, так там черт ногу сломит, а он разбирается.

И кухня отменная, выше всяческих похвал и по всем правилам этикета, даже

вымушгрованная прислуга, прямиком из Шваркараса, все на подобающем уровне. А развлечения какие, игры, приемы, тут есть с кем пообщаться молодому аристократу, как ни странно. Есть тут еще несколько несчастных, которых тоже родители спровадили. А также карты, театр, азартные игры, фехтование и прочая. Так до сих пор и не нашел времени осмотреть склады. Впрочем, оно и к лучшему, там так воняет...

А пару дней назад, представляешь, проснулся около десяти часов, весьма рано, доложу тебе. Да еще по такому грустному поводу — пороли беглого. Эта обезьянообразная тварь так визжала! И так долго, не менее часа, потом затихла. Но прерывать экзекуцию я не стал, все же это очень важно — показывать туземцам, кто тут главный. А как иначе привить дисциплину, как не телесными наказаниями? Языка-то они не понимают, да и вообще с мозгами туго.

Еще через день приходил тот самый шаман, который меня вылечил, как он только прошел через охрану, не представляю. Он долго что-то лепетал, махал руками, квакал, слюной меня забрызгал, и это на новый камзол! Из его слов по-шваркарасски я понял только слова «дочь» и «силой», еще что-то там было про беспредел, свободу, помощь и обязательства. Приказал вывести и отпустить обратно в джунгли, предварительно выпоров, должны же быть какие-то понятия о приличиях и субординации.

Позже от Жерома узнал, что, оказывается, дочь этого шамана забрали на плантацию, как он сказал, временно — только на уборку, рук не хватает. Ну, ничего страшного, пусть девочка приучается к труду.

А сегодня весь день было как-то очень шумно, кажется, я даже слышал выстрелы, ну или, может быть, салют или иллюминация, впрочем, странно — иллюминация днем. Шум постепенно приближался, потом стих. Минут двадцать назад заходил Жером, сказал, что уедет на несколько дней — финансовые вопросы в городе, ну, не думаю, что это что-то проблемное, так что с ним я не поехал. Правда, он сказал, что всего на пару дней, а взял большой сундук и повозку. Ну, пусть его. А еще куда-то девалась часть охраны...

Недописанное письмо Виктора де Лери его сестре Софии. Около 12 орналика 803.

Часть 1. Глава 2. Не стареют душой ветераны

Затем было место повеселее. Мрачный закоулок меж двумя шикарными особняками-замками, обшарпанный домишко из грубого нетесаного камня, узкие окошки с тусклой слюдой и неприметная дверь из подгнившего дуба.

— Приветствую.

В своем собственном образе Реймунд мог позволить себе быть немногословным.

Обрюзгший, невзрачно и просто одетый мужик лет сорока, может, пятидесяти на вид, неприязненно посмотрел на визитера.

Пусть небрежно, но достаточно богато одетый посетитель выглядел оскорблением для темной комнаты, где едва могли развернуться меж гор рухляди два тощих карлика. А с потолка свисала паутина и слизь такого размера, что меж нее приходилось проталкиваться, рискуя если не завязнуть, то, по крайней мере, неизбежно и навсегда испачкать свою одежду до совершенно невыносимого состояния.

Хозяин домишки кивнул, не вставая из-за небольшого приземистого прилавка, на котором лежала раскрытая книга, стояли свеча и чашка горячего чая.

— Приступим, — Реймунд и далее был немногословен.

Удар должен был своротить челюсть соперника и припечатать его о стену за спиной. Точный выверенный хук левой рукой. Однако в результате Стург был вынужден лишь сам отпрянуть, едва не споткнувшись о заплесневелую деревянную куклу, случившуюся под ногами.

Чай был горячим и наверняка сладким, большая его часть благо не попала в глаза, что непременно сразу бы свело бой к поражению гостя.

Следующим предметом, от которого Реймунд также сумел уклониться лишь частично, было блюдце, откуда стекал горячий воск со свечи. Он по большей части попал на одежду и кое-где повис ненадолго белыми сосульками.

Перейти в наступление позволил момент, когда хозяин помещения начал довольно бережно, но быстро убирать со стойки книгу, это оказалась «Политическая экономия» Марио Медини.

Метать в живую цель тяжелые предметы с расстояния в полтора метра — легкая и приятная забава. Однако жирный паразит легко уклонился от рюкзака, а в следующий момент он уже оказался на груде рухляди чуть выше и левее места, где сидел. Цепко держа при этом доску стойки, как довольно опасное и неудобное на таком пространстве для противника оружие.

Выхода особо не было, подставив под удар левую руку, Реймунд попытался правой пробить врага в живот. Ну что ж один-один — рука неприятно хрустнула, но и враг отшатнулся от крепкого удара в пузо, ну кто мог подумать, что у него под таким жиром мышцы.

Следующий взмах доской должен был непременно повергнуть Реймунда, однако он-таки споткнулся на чем-то, подозрительно напоминавшем гнилую человеческую конечность, и упал за секунду до того, как доска снесла бы ему башку.

Упав, боец успел сильно пнуть противника в колено, но желанного треска ноги он так и не услышал. Видимо, виной тому была неудачная позиция и неверный расчет дистанции до удара — жирдяй по-прежнему находился на куче хлама, то есть, чуть выше уровня, на

котором был Стург. По возможности быстро оценив ситуацию, Реймунд поднял вперед руки и хрипло произнес:

— Сдаюсь.

Хозяин дома, пока его гость поднимался, приладил на место доску стойки и плюхнулся обратно в порядком подержанное кресло с многократно пробитой обивкой.

«Победить ростовщика шанс был, но минимальный, впрочем, проще плюнуть Единому в морду. Он на своей территории и наверняка знает все каверзы своего гадюшника, дома и стены помогают, и потом — ветеран, опыт. Опыт. Надеюсь, он не всегда сопровождается необходимостью сидеть в гнилой яме на золотых горах».

— Знак. Письма. Подтверждение заказа, — Реймунд протянул шустрому толстяку плотный пакет черной кожи, и тот тут же исчез за импровизированным прилавком.

— Знак получишь после отчета о распределении финансов, — голос «ростовщика» был прокуренным, но чистым, хоть в опере выступай провинциальной, хороший такой баритон.

— Двести пятьдесят тысяч, плюс тридцать личных.

Памятная доска стояла, как оказалось при ближайшем рассмотрении, на двух пухлых бочонках, когда-то из-под сельди или сала. Не говоря ни слова, толстяк извлек из бокового отверстия в одном из них пачку бумаг средней степени потертости.

— На предъявителя, алмарские, ригельвандские, антарские. Смотри не потеряй, затертые, конечно, но береженого пуля не имеет, — ветеран передвинул векселя по стойке.

— Антарские? — Стург приподнял левую бровь, демонстрируя сомнение.

— Да. На экваторе довольно ходкие — лучшая магическая защита, — пожал плечами толстяк.

— Какая еще защита, если на предъявителя? — заметил Реймунд скептически.

— Украсть все равно нельзя. Умничать будешь в другом месте, — хозяин домика начал раскуривать длинную тонкую трубку от свежезажженной свечи.

— Одежда? — не без содрогания осматривая комнату, спросил Стург.

— Сундук, позади тебя, за гобеленом, — ответил флегматично бывший агент.

За старым потертым гобеленом, порядком плесневелым и ветхим, обнаружился довольно невзрачный сундук. В сундуке нашлось новое облачение для Реймунда, менее качественное, но более строгое — камзол и кафтан серого сукна, городские туфли с металлическими пряжками, треуголка без плюмажа, порядком поредевший парик, перчатки, бриджи с латунными застежками, грязноватые чулки, рубашка с рюшами.

После смены облика Реймунд стал выглядеть как горожанин средней руки или доверенный слуга небогатого, но внимательного хозяина. В таком виде, оставив пожитки у «ростовщика», он отправился далее по своим сегодняшним делам. На ходу же он позволил себе подумать, что, пожалуй, система защиты Альянса от мошенников уже несколько устарела — из четырех ступеней эффективной остается только личный знак.

Остальное — письма с подтверждением персоны от знакомого с ростовщиком агента, документы о подтверждении нового заказа, наконец, поединок с отставным ветераном организации, который должен подтвердить, что пришедший к «ростовщику» на самом деле воспитанник Альянса, обученный в нем и владеющий его приемами... Эти методы уже устарели, многовато стало хороших специалистов в подделке документов, а боевые техники Альянса, в идеале рассчитанные на принцип «один удар — один труп», уже полвека как утекли на сторону благодаря росту количества ренегатов. Скоро придется придумывать что-то новое.

Международный Альянс, не только по мнению Реймунда, как его агента, но и общепризнанно (в очень узких, знающих кругах), являлся лучшей организацией наемных убийц, не зависевшей ни от кого и ни от чего.

Его сотрудники работали почти автономно, при ограниченной помощи сети информаторов и «ростовщиков» по всему миру, эффективно уничтожая цели, жизнь которых шла много больше, чем на вес золота.

Конечно же, при такой работе вопросы конспирации, маскировки и многоступенчатых проверок личности были очень важны для Альянса. К тому же, очень немногие агенты знали друг друга в лицо. Что уж тут говорить о сотрудниках вспомогательных служб. В общем, размышления Реймунда были не лишены объективных оснований для тревоги.

Многоликий Реймунд

Последующие четыре часа прошли интересно, но несколько однообразно. Одной из важнейших задач Реймунда была защита от гадания. Особенно актуальным данный вопрос становился в городе, где, как ему довелось узнать, существовал Квартал Мистиков — по сути огромный, густонаселенный район, где каждый третий обитатель был обучен тем или иным действенным методам гадания, предсказания, прозрения и тому подобным фокусам.

Гадательные практики — это довольно широкий набор методов «для ленивых», позволяющих пусть неточно, но весьма просто получить информацию об интересующем вопросе или объекте\субъекте. Они варьировались от довольно распространенных, типа гадания по таро или даже простым картам, так и до сложных вроде гаруспиции — гадания по внутренностям живых существ, иногда разумных.

Наиболее проблематичным для защиты от оных были гадания при помощи «мистических сил»: нежити, например, духов умерших; нечисти, например, городских домовых; природных духов, например, весьма осведомленных силфов. Для защиты от всех возможных, даже просто наиболее распространенных видов гадания, пришлось бы носить на себе целую кучу различных оберегов и амулетов, общим весом с хороший доспех.

Альянс обучал своих адептов справляться с гаданием несколько иным образом. Дело в том, что гадание, так или иначе, базируется на мистической связи человека с миром. Конечно же, имеется в виду именно гадание на человека.

Таковыми связями можно назвать, во-первых, имя, для того чтобы по нему гадать, необходимо его знать, и тогда информацию можно получить весьма подробную.

Во-вторых, «дух» — в данном случае имеется в виду гадательный термин, подразумевающий самоидентификацию человека, проще же — его собственное мнение о том, кем он является. Например, узнать, что Реймунд — убийца Альянса, можно, только если он сам будет в момент гадания или в целом долгий период времени будет себя таковым считать. А поскольку в жизни все «общественные понятия» являются до той или иной степени умозрительной абстракцией, соответственно, и состояние «духа» человека претерпевает изменения вместе с его самоощущением.

И наконец, тело — по волосу, крови, частичке кожи, личной вещи, соприкасавшейся с телом человека, можно получить множество важнейшей информации о нем.

Таким образом, профессионалов Альянса перед выходом в жизнь обучали, так или иначе, обеспечивать собственную безопасность от гадания. Имя никогда не разглашалось посторонним, а некоторые члены Альянса даже таскали за собой или нанимали на местах актеров, а то и просто людей, бравших себе такое же имя, что очень осложняло работу гадателям.

С «духом» сложнее — так или иначе, профессионал Альянса есть профессионал Альянса. Однако для решения этой проблемы был выработан и внедрен вот уже не первую сотню лет использующийся метод «медитативной имперсонации». Хороший специалист имел в своем «актерском арсенале» несколько «типовых личностей», в которые мог легко и быстро вживаться так глубоко, что определить его истинное состояние было почти невозможно.

Тело — тут все просто — постоянный маскарад, использование грима и париков (лучше всего из настоящих волос, недавно срезанных с человека), и, безусловно, доля внимания деталям. Простые правила: не проливать где попало кровь, носить перчатки и головные платки, чтоб не терять кожу и волосы, следить за выпадением ресниц и бровей и т. д. При должном опыте — ничего сложного.

В общем, на протяжении четырех часов Реймунд занимался тем, что обеспечивал себе защиту от взора тех, кто пытается читать его судьбу. Под видом невзрачного горожанина он через банк средней руки снял себе квартиру в Квартале Оружейников города на имя Бертрана Челлини. Переодевшись у ростовщика, по-прежнему тянувшего неспешно чай за чтением книги, он превратился в аристократа из Шваркараса Артура де Шампиньоне, получившего во владение по наследству особняк в Правительственном Квартале города.

И, наконец, брутальный пират Эдгар Канатоходец по малость помятому и чуть заляпанному темной, чуть пахнувшей металлом жидкостью, но заверенному ригельвандским нотариусом дарственным листу получил в свое владение халупу о четырех углах и соломенной крыше в Пиратском Квартале. Благо пираты с Клешни ахайосским пиратам друзьями не были.

Таким образом, были соблюдены правила структурной защиты от гадания. Гадающий на Реймунда, для того чтобы процесс увенчался успехом, должен был бы преодолеть или отсеять информацию о трех дополнительных личностях плюс личность Батилеззо, которую, в общем-то, и защищал Реймунд, вполне справедливо будучи уверенным в том, что до его основной сути добраться теперь весьма проблематично.

Все три роли, которые использовал Реймунд, имели собственную историю. Бертран Челлини — тридцати лет от роду выходец из ригельвандской столицы Силенции, где он был чиновником невысокого ранга в Гильдии Кожевенников. Из-за скандала с участием дочери главы гильдии он около месяца назад прибыл на Клык — большой остров, владение Ригельвандо на Экваториальном Архипелаге. Затем с Клыка прибыл в Ахайос, о чем имеются путевые документы на пассажирской бригантине «Дочь султана», как, впрочем, и выписки об увольнении из Гильдии Кожевенников и «дело о совращении» в жандармерии Силенции.

Артур де Шампиньоне — любимое амплуа Реймунда, он часто очень глубоко сживался с ним и всегда чувствовал себя в нем весьма комфортно — младший сын одного из шваркарасских рыцарей, бретер, повеса и нищий. Прибыл в колонии после дуэли со старшим сыном графа Бартоломью де Тилетто, Жозефом, с летальным концом и судебным преследованием. Реймунд и правда прикончил Жозефа, во-первых, для поддержания должного уровня правдивости образа, во-вторых, потому что тот был насильником малолетних.

Ну а Эдгар Канатоходец — это пират с базы Клешня в Море Клыка, что лежит южнее Ахайоса. Его Реймунд прикончил во время короткой стоянки на Клешне по дороге в Ахайос, разжился его документами и личностью. Не то чтобы Эдгар был очень плохим человеком, но

и плакать о нем никто не будет.

Уладив дело с домами и счетами, а также обнаружив факт наступления второй половины дня, Реймунд в последний раз за сегодня отправился к ростовщику и оборотился в Чителли. Собираясь отправиться «засветиться» в гостиницу в Правительственном Квартале он поинтересовался у ветерана:

— Где лучше селиться?

— Есть три квартала — Наёмников, Оружейников и Черный Рынок. Я бы остановился на первом — обширный, полный удобных переулков и тихих местечек, полон всяческой шпаны, но есть и серьезные люди — просто затеряться. У оружейников слишком прилизанно и живут в основном люди, связанные с профессией. А Черный Рынок это настоящий хмааларский хаос, можно не затеряться, а потеряться. Даже спецу.

Реймунд неодобрительно посмотрел на ветерана. Упоминание Хаоса, даже иносказательное, было недопустимо без особых причин.

— Благодарю. Тогда наемники.

— Твой словарный запас меня просто поражает, парень, — усмехнулся ростовщик.

Крысы и аристократы

Сеньор Чителли, историю жизни которого нам еще предстоит узнать, выбрался из конторы и направился на каретную площадь торгового квартала. Дело в том, что карета для человека, имевшего денег больше, чем на одну кружку пива с тараканами в портовой таверне, была универсальным и чуть ли не единственным средством комфортного и безопасного путешествия по городу.

Каждая банда свято хранила границы своих территорий от посягательств, выставляя самые настоящие кордоны и баррикады, посторонних пропускали лишь за плату и водили по территориям под конвоем. Конвой при этом не брезговал прирезать и ограбить желавшего прогуляться по владениям банды, если тот выглядел достаточно безобидно. На правительственные же территории доступ был сильно ограничен в силу соображений безопасности.

Короче, по городу перемещаться было довольно проблематично. Компании же, владевшие каретами, имели взаимовыгодные договоры о свободе перемещений с бандами, часть из них бандам и принадлежала. Стоимость проезда в карете при этом варьировалась от месячного заработка крестьянина до стоимости дойной коровы, простите за сельскохозяйственное сравнение. Зато безопасно и быстро. А пешком по сложным меняющимся траекториям, от района к району, по городу из конца в конец можно было идти целый день. Ахайос был огромен.

На Каретной же Площади стоял с десятков конструкций, карету напоминавших весьма относительно. По большей части черные, обшитые шипованными листами металла, с зарешеченными или закрытыми проволокой окнами, запряженные могучими гунтерами или ездовыми ящерами, эти кареты были весьма колоритным элементом городского пейзажа. Под стать им были и кучера — гетербаги или низшие дракийцы, реже люди, оснащенные эклектичными элементами доспехов, вооруженные пистолями, кнутами и тесаками. Они в ожидании клиентов толпились вокруг жаровен, где крикливые торговцы продавали свежее, плохо прожаренное ароматное мясо, или курили, облокотившись на высокие, почти с человеческий рост, колеса карет, массивные трубки с дорогим пахучим табаком.

Осмотрев ассортимент представленных извозчиков, сеньор Чителли в итоге выбрал невысокого одноглазого низшего дракийца — ящерицеобразного гуманоида в куртке из черной

кожи и в таких же штанах, на груди пистолеты, на поясе кацбальгер, сероватый гребень на спине и шее воинственно встопорщен. Он стоял возле красной кареты, обшитой медью с крупными трехгранными шипами, запряженной четверкой гнедых мускулистых тяжеловозов с зашоренными глазами.

— Добрый день, любезный, — поздоровался Чителли. — Мне нужно в Правительственный квартал.

— Дес-с-ять з-з-золотых, — шипяще произнес сквозь крупные острые зубы своей вараньей челюсти дракиец и сплюнул под ноги Батилеззо комок красноватой слизи.

«Тварь страдает легочной инфекцией, — определил Реймунд, — запущенной, и курит при этом, низшие дракийцы безумно живучи. Спец, однако, одна рука на мече, но поза расслабленная, второй держится за сиденье кареты, одно движение и «в седле». Краем глаза держит лошадей. Хвостом вот только нервно лупит, значит, волнуется. В чем-то я скосячил».

— Дам пятнадцать, если успеем за полчаса.

— Дес-с-ять, не меньше двух чассов. Далеко и через крыссы.

— Ну, тогда едем скорее, любезный, я спешу, — сеньор Чителли бесцеремонно открыл дверцу и втиснулся вместе со своим объемным мешком в салон — весьма комфортный, с двумя противостоящими сиденьями, обшитыми красным бархатом, и внутренним багажным отделением в глубине задней части корпуса.

Ящер пожал плечами, захлопнул за Батилеззо дверцу, погрузив салон в полумрак света, проникающего через узкое зарешеченное окошко, укрытое шелковой занавеской, сам же и правда в одно движение вспрыгнул на козлы и, протяжно свиснув, заставил лошадей встрепенуться и мерно затрусить по булыжной мостовой площади.

Низший дракиец служил извозчиком уже довольно долго, без малого полжизни на козлах. Он видел разных пассажиров — людей, нелюдей, монстров, даже демонов. Его осторожность была профессиональной. Но в чем-то Реймунд был прав, подозревая ошибку. Уже давно ящер выучил правило — только самые опасные сукины дети могут в этом городе косить под безобидных растяп, оставаясь живыми. К счастью для убийцы, подобной наблюдательностью в Ахайосе могли похвастаться немногие.

Миновав вычурный и степенный район торговцев, карета выехала с каменной мостовой на крупную дорогу без какого-либо настила, вздымавшаяся клубами желтая пыль совершенно не попадала в карету. Реймунд отметил этот факт, очевидно, было наложено какое-то заклятье, отталкивающее грязь, довольно дорогое, кстати, и наверняка требующее регулярного подновления.

Проехав метров сто мимо ветхих, деревянных либо мазаных лачуг, карета остановилась возле импровизированного шлагбаума — здоровенной оглобли, водруженной на две рогадины. Возле оной достопримечательности на небольшой, расчищенной в пыли площадке трое крысолюдов играли в «ножички», по каким-то довольно сложным правилам на расчерченном поле. Еще двое поджарых, одетых в ржавые и явно с чужого плеча доспехи, крысюка стояли навтыжку, если этот термин применим к существам изначально горбатым, с выгнутой спиной, возле рогатин шлагбаума, небрежно опираясь на короткие копыта с «жестокими», наконечниками оснащенными крюками и пилой.

Главарь же этого кордона дремал под небольшим навесом из пальмовых листьев на рассохшемся кресле-качалке. Это был выдающийся представитель своего вида — жирная одноглазая крыса, одетая в порядком тертый и много раз латаный камзол, поверх которого были укреплены доспешные наплечники и нагрудник из бронзы. На голове он имел

«конкистадорскую» каску — морион, а по спинке кресла свисал плащ совершенно неуместной багровой расцветки. Сидел жиробас неподалеку от тотема банды — в данном случае это был пятиметровый блестящий от лака столб, украшенный перьями и тут и там торчавшими длинными гвоздями.

Поверх лака тотем был расписан какими-то то ли лозунгами, то ли заклинаниями, с вершины же его на поперечной рее свисал старый штандарт с изображением, кажется, крысиной челюсти, помимо штандарта с реи свисали на крюках, подвешенных к ржавым цепям, уже порядком усохшие на солнце, местами разложившиеся головы. Две человеческих, одна, судя по всему, гетербагская и голова псоглавца — они были знаком как предостерегающим, так и статусным. Особенно Реймунду запомнилась одна из двух свежих человеческих голов. Судя по всему, голова женщины: лысый череп покрыт обильной татуировкой, от ноздрей к ушам, уже провисшим и потерявшим форму, тянулись латунные цепи, половина зубов в отвалившейся челюсти — золотые, вторая половина отсутствует, от бровей к подбородку так же идут цепи, язык вырван, одно веко срезано, судя по всему, задолго до смерти. Зрелище специфическое.

«Кажется, крысюкам довелось завалить грешника, вернее, грешницу. Об этом культе мне довелось слышать еще до того, как я начал собирать информацию об Ахайосе. Полные психи — носят вериги, цепи, крюки в телах, занимаются самобичеванием и при этом каждый почти святой, неисповедимы пути Единого».

Жирный крысолюд мельком осмотрел карету, кивнул ящеру на козлах и дал знак в виде щелчка обрубленным на треть хвостом по земле — открывать. Стоявшие на часах крысюки споро убрали шлагбаум, и карета двинулась дальше.

Карета шла медленно — лошади с трудом выбирали себе дорогу по узкой «центральной» улице квартала Банды Крыс, просто заваленной мусором, отходами, а иногда и телами крысюков, некоторые из которых, разя перегаром, отползали из-под копыт, а некоторые уже начинали попахивать, но не представляли интереса даже для вездесущих чаек и воронов.

Чуть позже стало понятно, почему. Реймунд увидел, как на кучу отбросов возле полуразвалившейся двухэтажной халупы, заинтересовавшись собачьим трупом, села крупная ворона. В тот же момент, со стремительностью, которая сделала бы честь даже самому Стургу, из темной вонючей подворотни выскочил крысюк-подросток, схватил успевшую только коротко каркнуть ворону и, свернув ей шею, начал жадно пожирать. Тут же из подворотни выскочило еще несколько мелких крысюков, они накиннулись на удачливого охотника и начали вырывать фактически из пасти добычу. Завязалась гнуснейшая потасовка, с использованием приемов, которые не увидишь даже в драке двух портовых проституток за кошель с золотыми.

Похоже, грязь, нищета и отчаяние были характерным элементом жизни этого квартала. Карета ехала сквозь узкие улочки, заставленные разваливавшимися домами, самодельными палатками, местами землянками или некрупными шатрами.

Кое-где на уличных жаровнях готовили еду, которая пахла совершенно несъедобно, кое-где происходили стычки и драки. Но при этом по дороге встретились два массивных деревянных сарая, в одном из которых громко трещали ткацкие станки, а из второго резко пахло рыбой и солью — суконный цех и заготовки рыбы, видимо, некоторые крысы все же могли заработать себе на жизнь.

Периодически попадались более целые каменные дома, довольно старые по большей

части, на них краской или иногда грязью неумело были изображены различные эмблемы типа крысиного черепа или невнятного ножа — знаки ватаг. Банда была неоднородна — она состояла из множества до той или иной степени лояльных главе банды ватаг, владевших определенными территориями района, крышевавших местные производства и собиравших дань за защиту со всех, кто жил на их территории.

Крысы, состоявшие в ватагах, разительно отличались от большей части населения квартала — оборванной и глубоко несчастной. Бандиты были одеты броско и эклектично, часто несли на себе неполные доспехи и вооружались чем только попало, ведь количество оружия определяло статус в банде.

Центр района создавал контраст с прочими его частями — геометрически правильные улицы с добротными деревянными домами, имевшими соломенные или черепичные крыши, с бумажными дверьми, что говорило о страхе, который внушали жители этих домов прочим крысам.

В центре стояла небольшая пагода с покатой крышей. По улицам ходили вполне прилично одетые степенные крысы, иногда появлялись воины главы банды — в добротных сегментарных доспехах, светлых одеждах, при пистолях, мечах, копьях или боевых посохах. Несмотря на внешний лоск именно крысюки, ходившие по центру квартала, производили впечатление самых опасных и опытных бойцов. Даже женщины-крысы тут были при оружии, которое явно носили не для красоты, и даже когда поливали дорогу перед домом водой, чтобы прибить пыль, они держали свои ножи и катары так, чтоб в одно мгновение пустить их в ход. Видно было, на чем держалась власть правителя банды.

«Пыль, хлам, отбросы. Как можно так жить. Кто вообще может так жить и уважать себя при этом. А те, что у пагоды — хороши, отборные твари. Головорезы с большой буквы. Наверняка и спят с клинками. И в доспехах. Подозревая угрозу от каждого вокруг. Безумный маленький мирок. И все же, я бы не вышел против трех, нет, шести таких крыс в одиночку. Кто бы мог подумать, такие бойцы — и посреди такого хлама».

Грязь, нищета. Бедность на грани голодной смерти. За этими словами скрывалась сила. Крысы тысячелетиями жили в Ахайосе. Они всегда были бедны, они всегда использовались в городе для самых мерзких работ. С ними никогда никто не считался. Они страдали, жили и умирали в полном забвении. В условиях на грани смерти выживали только самые сильные. Из поколения в поколение лишь способные мириться с бесчеловечными условиями получали возможность, так сказать, природное право продолжить род. Они были нужны городу, мусорщики, уборщики, санитары улиц. Их число росло. Неизбежны были изменения.

В один прекрасный день, благодаря приходу достойного лидера, или просто волей благосклонной истории, покровительствующей живучим, Крысы осознали, что их в городе чуть ли не больше, чем других рас. Они взяли оружие, сбились в ватаги и дали бой, тысячи погибли, выступая против более сильных, организованных, хорошо вооруженных банд. Тысячи погибли. Десятки тысяч выжили. Числом, живучестью, жестокостью крысы отвоевали себе часть города. Отвоевали территорию. И право. Право ставить тотемы, право жить по своим законам, право угробить любого ублюдка, что посягнет на их свободу.

Крысы стали Бандой. Они усвоили кое-что из дракийской философии и воинских традиций воинов-лис ли. Создали пагоду и тренировочные площадки во внутренней части квартала. Выработали методы подготовки бойцов. И свою слабость — жизнь в голоде и нищете, — превратили в силу. Для большинства ничего не изменилось — тяжелая работа, унижение, жизнь и смерть в забвении. Но в каждой крысе теперь жила мечта. Мечта быть

сильнее, быстрее, хитрее прочих. Мечта встать под знамена банды. Носить оружие, повелевать слабыми. У каждого крысюка была возможность чего-то добиться в этом мире, из грязи выйти на белые плиты пагоды. И, доказав свою силу, стать важной частью одной из сильнейших банд города.

Реймунд со смесью жалости и отвращения взирал на крысиное копошение вокруг. Он научился не испытывать сильных эмоций без особой необходимости. Он держал зло этого мира за пределами своей уязвимости. И все же, даже будучи убийцей, он жалел об этих бессмысленно загубленных жизнях, жалел о том, что они могли бы сделать, но никогда не сделают. Жалел об их свободе. И наслаждался свободой собственной. Свободой цепного пса. Но все же большей, чем здесь. Будучи сторонним наблюдателем, на мгновение погрузившимся в этот кипящий страстью и отчаянием мир, он и не подозревал о том, что в уме каждая из этих крыс была много свободнее убийцы Альянса.

Миновав второй кордон, карета довольно быстро выехала на щебенку, затем колеса загрохотали по добротному каменному настилу. Реймунд, выглянув в окно, понял, что контраст крысиного квартала с пагодой их правителя бледнеет рядом с контрастом крысиного квартала и Правительственных территорий.

Перед каретой выростала стена высотой в четыре человеческих роста, на расстоянии ружейного выстрела (порядка 200–300 метров) на стене располагались мощные шестигранные башни с бойницами для четырехфунтовых кулеврин. За стеной же виднелся лес шпилей, башенок и минаретов, венчавших вычурные и помпезные дворцы, виллы и особняки района, где как в почетной осаде жила городская аристократия.

Карета остановилась у массивных окованных сталью и украшенных защитными усиливающими заклетьями ворот. Из стоявшей подле ворот караулки вышел невысокий худой капитан с изможденным лицом человека, изнывающего от жары, в песочной шерстяной форме Шваркарасских колониальных войск. На груди капитана — парня лет 20–25 — гордо болтались знаки различия за 5, 10 и 15 лет беспорочной службы.

Быстро проверив бумагу, поданную ящером, капитан махнул рукой солдатам на воротах, один из них пнул сапогом носорога-раба и носорогообразный гуманоид, втрое превосходивший солдата в размерах, покорно завертел цепной ворот.

«Рабство не в цепях», — мрачно подумал Стург. «Рабство в уме. Там, за спиной, нищие крысы, каждая из которых стоит трех таких солдат и, пожалуй, восьми их капитанов. А этот носорог терпит. Интересно, юнец, ты хорошо спишь по ночам, зная о таком соседстве? Или тут можно жить, лишь не задумываясь о таких вещах? Дисциплина никакая, вон там в углу двое храпят. Оружие изношенное. Обмундирование. Даже думать противно. Кого и от чего вы защищаете? На чем держится порядок в этом городе? Почему вы еще целы?»

На территории Правительственного квартала было на что посмотреть — прямые мощные улицы, посаженные платанами, пальмами и эвкалиптами. Питьевые фонтанчики в виде рыб и птиц. Степенно прохаживающиеся с мушкетами на плечах brave воины колониальных войск, в красивых песочных рединготах и треуголках. И, конечно же, цвет городского общества — вполне комфортно чувствующие себя здесь аристократы города и их благородные гости, одетые по пред-предпоследней столичной моде.

Дамы с зонтами, в платьях из легкого шелка и вычурных шляпках, гуляли со всякой мелкой тварью типа болонок, в сопровождении слуг и компаньонов. Джентльмены в камзолах с золотым шитьем, с отличными шпагами на дорогих перевязях прохаживались, степенно общаясь, от одного престижного питейного заведения к другому, периодически

затевая ссоры с другими прохожими при шпагах. В общем, общество не в пример занятнее того, что было в крысином районе.

«И все же не полные олухи. Внешний лоск — да. Но не более. Как держат клинки. Как смотрят по сторонам. Даже общаясь с этими красотками, ожидают удара. В Шваркаресе были бы соколами среди петухов. А тут мыши среди львов. Сравнение, все познается в нем».

Сам район состоял из множества занимавших довольно обширные территории особняков и вилл, где предавались неге и безделью местные хозяева жизни. Здания были как старые, так и новые, здесь вполне можно было встретить почти классическую виллу с колоннадой и бассейном во внутренних помещениях, и так же просто можно было увидеть фактически небольшой замок с настоящими барбаканами и донжоном. Большая часть строений утопала в зелени садов и аллей, спасавших аристократию от вездесущей жары и ахайосской желтой пыли.

Не менее помпезно выглядели и местные общественные заведения — магазины, рестораны, гостиницы. К одной такой карета, повинуясь приказу сеньора Чителли, и подъехала.

Строгое здание, облицованное черным гранитом, щеголяло позолоченной вывеской с каллиграфией «Ла Ториньён». Это была та самая гостиница, которую порекомендовал Батилеззо шваркарасский евнух, маскировавшийся под управителя банка.

Расплатившись с ящером, Чителли отпустил карету и подобрался, чтоб не ударить в грязь лицом перед ливрейным лакеем, столь похожим на хорька, что Реймунд даже подумал, что тот сбежал из соседнего квартала. Субъект сей презрительно взирал на нового гостя с вершины небольшой лестницы, ведущей к двустворчатой двери из черного дерева. Когда Батилеззо поднялся наверх по скользким мраморным ступеням, лакей набрал в рот воздуха для того, чтобы сказать что-то очень важное и пафосное. Но его перебили:

— Лучшую комнату и полный пансион, любезный, — величественно произнес гость, пару раз до этого успевший грохнуться на ступенях и чудом не расколовший телескоп.

— Ресепсионист прямо через зал, сударь, — чуть скривился лакей.

— Благодарю, любезный, — серебряная монета, чаевые для нищих, шлепнулась перед лакеем на ступеньку.

Чителли же уже входил в зал.

Номер удалось снять без особых сложностей — гостиница, где номер на неделю стоил, как годовой крестьянский заработок, вряд ли была бы переполнена даже в подобном помпезном районе.

Номер оказался на третьем этаже четырехэтажного здания. Он состоял из приемной, уборной, спальни, кабинета и трапезной. Окна выходили на сад, расположение дверей вполне позволяло при должной сноровке забаррикадировать их так, чтоб держать длительную осаду. Ванна была наполняемой вручную силами слуг гостиницы — это Реймунда вполне устраивало, ванны с водопроводом слишком легко можно было использовать как надежный метод убийства ядом или кислотой, особенно магически.

К номеру была прикреплена служанка — миловидная девушка-метис с высокой грудью, осиной талией и зеленоватыми, окрашенными магией волосами, звали ее Регина. Сообщив Регине, что он желает отдохнуть и что беспокоить его до завтра ни к чему, Чителли попросил не допускать посетителей и не нарушать его покой до завтрашнего завтрака.

После чего запер дверь изнутри и, быстро переодевшись, выпрыгнул в окно, удостоверившись, что не попал ни в одну из ловушек, коими кишел сад — защита от воров.

Батилеззо превратился в Энрике Кастальо — затянутого в скрипящую кожу, перепоясанного портупеями двух пистолетов, вооруженного морским палахом и парой кортиков наемника чуть выше средней руки.

В таком виде он отправился в Квартал Наемников города. Благо, как туда добраться из Правительственного Квартала, он знал. Время было позднее и следовало подумать о ночлеге. Пару раз Энрике был остановлен патрулями Правительственного Квартала за слишком воинственный вид. Один раз обошлось взяткой, второй раз пришлось дать в морду и наорать на проявлявшего излишнее служебное рвение шестнадцатилетнего патрульного.

Часть 1. Глава 3. Гордость и честь платных головорезов

Миновав ворота Правительственного Квартала в юго-западной части, Энрике попал в вполне приличный район, пожалуй, с излишне извилистыми и узковатыми улочками, зато с добротными, без вычурности, каменными домами. Район пестрел заведениями питейного и игорного характера, кое-где встречались бордели и вполне зажиточные уличные путаны.

На многих крупных каменных домах пестрели знамена или были изображены краской эмблемы — штабы старых наемничьих отрядов. Реймунд узнал герб Арктур Бонаротти — кондотьера из Ригельвандо, недавно проводшего дерзкую операцию по захвату какого-то очень важного туземного посла, ехавшего в Шваркарас для принесения присяги королю. В результате этого захвата земли племени перешли к Ригельвандо.

Увидел герб Инессы Стервы — ножницы на золотом поле. Эта барышня, бившая с пятидесяти шагов белке в глаз из пистоля и фехтовавшая лучше любого бретера, возглавляла отряд из двух сотен головорезов обоих полов и занималась исключительно искоренением амиланиек, ибо справедливо в целом считала, что бабы, кастрирующие мужиков и сожительствоющие друг с другом, милосердия не заслуживают, а платят за войну с ними весьма неплохо.

Еще он узнал знак фехтовальной школы ли Яо Кенсо — получеловека-полулисы, мастера катаны, обучающего специалистов ближнего боя с гуманистической философией ненанесения последнего удара.

Обитателями квартала, как легко можно было понять, были наемники — то есть, профессиональные военные или воины, предоставляющие свои навыки за плату на контрактных условиях с, как правило, четко оговоренным сроком службы. От регулярных военных их отличал контракт, оговаривавший правила, по которым они служат, и при нарушении которых плюют нанимателю в морду и уходят с поля боя. От головорезов — наличие достаточно четких моральных ориентиров и высокий уровень профессионализма. От маньяков большую часть из них не отличало ничего.

В результате по кварталу ходили достаточно вежливо общающиеся друг с другом мужчины и женщины с пистолетами в кобурах и шпагами на боку. Вежливость была необходима, ибо ее отсутствие вполне могло вести к драке и смерти одной из сторон «этикетного» конфликта.

Любые проблемы личного характера меж свободными наемниками тут решались просто — выхватывались клинки, следовал короткий поединок, и одна из сторон погибала либо признавала себя побежденной. Иногда вместо клинков шли пистолеты, изредка магия. Маги-наемники в Ахайосе были не редкостью, как и боевые монахи.

Если же конфликт происходил меж нерядовыми членами отрядов, то его развитие могло перерасти в массовое побоище затронутых сторон. Нечто приблизительно подобное и предстало Реймунду, вернее, Энрике, на небольшой площади, носившей название Колесцовой, прямо перед трактиром «Яйца Дрозда», в который и направлялся наемник.

Сначала Энрике услышал невнятный гул... Когда же он подошел ближе к месту действия, ему удалось расслышать оскорбления и угрозы, судя по всему, взаимно выкрикиваемые двумя весьма серьезно настроенными группами живых существ, претендующих на то, чтобы также считаться разумными. Решив удовлетворить свой интерес,

Реймунд запрыгнул на карниз ближайшего дома и быстро перебрался на крышу, с которой, в свою очередь, он прыгнул на соседнее здание, где ему открылся неплохой обзор на место действия.

Колесцовая площадь была заполнена народом, судя по всему, разделенным на два враждебных лагеря — с одной стороны стояла весьма примечательная толпа, а скорее даже строй гетербагов. Высокие, мускулистые, по большей части наголо бритые, они были вооружены двуручным оружием, а несколько гигантов держало в руках без видимой трудности полуфунтовые и фунтовые вертлюжные пушки, приспособленные для стрельбы с рук. Всего их было около двадцати.

С противоположной стороны вполне дисциплинированно выстроилась коробка, состоявшая по большей части из людей, одетых в похожие «форменные» кожаные куртки, штаны из темной ткани и широкополые шляпы. Приблизительно двадцать человек из коробки держали наготове длинные тяжелые копья и алебарды, около десятка было вооружено крупнокалиберными мушкетами и даже штуцерами, еще около дюжины были с пистолетами и саблями.

Главари военных отрядов, временно оккупировавших площадь, сошлись в ее центре, возле фонтана, где мраморная девушка с одной отбитой рукой выливала воду в пузатую чашу бассейна.

Гетербагов возглавлял настоящий великан, невероятно широкий и не менее трех метров роста. Его лицо было страшно изуродовано набором рубленых и рваных шрамов, как будто кто-то остервенело и целенаправленно рубил его не менее часа. Уши почти полностью оторваны, в обрубках висят простые стальные кольца. Гетербаг был обнажен до пояса, открывая наблюдателям могучий торс с анатомически вырисовывавшимися мускулами, покрытый татуировкой в виде сплетенных змей, кусающих друг друга. На левой руке была намотана тяжелая цепь, похожая на якорную от небольшого брига. Правой он небрежно потрясал двуручной секирой не меньше двух пудов веса. И Реймунд был уверен, что пользоваться этим страшным оружием гетербаг умеет так же легко, как иной — шпагой, и почти так же быстро.

Напротив гиганта стоял достаточно невысокий статный ригельвандец с орлиным носом. В добротном колете, легком белом плаще, с двумя палашами на поясе и широкополой кремового цвета шляпе, он производил впечатление воплощенной горделивости и презрения.

Когда Реймунд оказался на крыше, эти двое уже заканчивали препираться. Суть спора состояла в том, что гетербаг обвинял ригельвандца в бесчестном поступке, а именно — присвоении платы за их совместное задание, равной доле отряда самого гетербага, который он называл «Ардрунг».

При этом вождь великанов говорил, что они сделали почти всю работу, а отряд «шлюхиного сына Батичелли» отсиживался якобы в кустах, в боевых действиях не участвуя. Ригельвандец пытался сохранять самообладание, но то, что он раздражен, было понятно хотя бы по тому, что отзывался он о себе в третьем лице. Звали его Марио Батичелли, и он, Марио Батичелли, спланировал всю операцию, он, Марио Батичелли, занял стратегическую позицию, и он, Марио Батичелли, обеспечил головорезам из «Ардрунга» надежный тыл. Иначе всю эту нескладную толпу уже давно перебили бы к чертям собачьим, и ему пришлось бы брать не половину, а всю награду за операцию. Так что «Ардрунг» должен быть ему безмерно благодарен. Гетербаг горячился, сыпал оскорблениями, орал.

Марио оставался спокоен и рассудителен, спор заикливался и нарастал по экспоненте.

В конце концов, оскорбления типа «выродок» и «недоносок» надоели Марио, и он решил показать гетербагу, как ругаются в Ригельвандо:

— Ты называешь Марио выродком?! Ты, порочный плод союза горной козы и одинокого пастуха, замерзшего на перевале холодной ночью фиратонакреша! Ты называешь Марио недоноском, выкидыш старой ты проститутки, подобранный на помойке за борделем и воспитанный свиньями?! Ты называешь Марио шлюхиным сыном?! Пожиратель опарышей, выдавший женщину только с тыла, когда она в страхе убегала от твоей навозной хари! Ты смеешь оскорблять Марио? Проклятый адом, пучинный плевок на лице мироздания. Так будешь ныне ты жрать ту землю, в кою уже к концу дня лягут твои зловонные останки, не извещенный о том, с какой стороны держаться за топор, ублюдочный бессловесный кусок гуано! Чтобы черти в преисподней использовали твой филейный мешок для оправления своих срамных нужд!

После подобной отповеди переговоры логично зашли в тупик.

Гетербаг взревел и обрушил на Батичелли топор, Марио не без труда уклонился и громко скомандовал своим войскам: «Победа или смерть!»

«Ааардрунг!» — взревели в ответ гетербаги и ринулись на врага. Раздались хлопки выстрелов ручных пушек, четверо бойцов кондотьера упали, в ответ грянули мушкетеры, сразив двоих гетербагов и ранив многих. Площадь была невелика, пространства для маневра не было, потому гигантам пришлось лезть прямо на копья, под пушечными выстрелами врубаясь в терцию. Первая атака не принесла великанам удачи, тела четверых из них остались на копьях и алебардах, в ответ удалось захватить лишь двоих из мушкетеров кондотты. Однако следующий удар оказался много успешней — глава «Ардрунга» неестественно выгнулся, взвыл и чуть ли не вдвое увеличился в размерах, достигнув ростом крыш соседних домов. Гетербагский морф или гетербагское безумие доступен почти всем из гетербагов, но правильно использовать его в бою умеют лишь немногие хорошие воины.

«Однако впечатляет. Редко доводится видеть такое зрелище. Еще и столь обыденно. В соседних домах наверняка спокойно попивают вино, мамы кормят детей грудью, а старики пыхтят трубками, поглядывая в окошки с мыслями о шаловливой молодежи. Изумительный город. Однако эти ребята профи, как держат строй, как используют преимущества улицы. Интересно, старина Марио долго выбирал подходящую площадь? Гетербаги тоже не промах. Одно слово — наемники. Не линейная пехота. И у тех, и у других за спиной победные кампании и горы трупов. Заканчивали бы только поскорее».

Проигнорировав четыре вонзившиеся в него пики, глава отряда грубой силой сломал строй противника и врубился в терцию, разя секирой отступающих наемников. Последовав его примеру, еще двое бойцов «Ардрунга» морфнулись, став не настолько крупными, как лидер, но все равно очень опасными врагами для отряда Батичелли. Терция дрогнула и начала распадаться.

— Гранааты! — раздалась в дыму и лязге команда Марио. В противника из задних рядов полетели пороховые гранаты. Решение было не лучшим — взрывами выбило окна в соседних домах и задело первые ряды кондотты, но гетербаги были отброшены.

Порядок стал восстанавливаться. Но главарь гетербагов все еще свирепствовал в центре построения, игнорируя удары клинков и выстрелы. Он неожиданно оказался возле Марио. Гнусно и нецветасто выругавшись, Батичелли ушел от удара и метнул прямо в морду противника мешок пороха с зажженным фитилем. Граната врезалась в лицо гетербага, отскочила и упала к ногам сражающихся. Глава «Ардрунга» успел полоснуть противника по

груди краем секиры. Затем обоих отбросило взрывом. При этом гетербаг еще придавил одного из сержантов кондотты, падая.

Скоро бой пошел на убыль — отряды, понеся фактически равные потери, около двадцати пяти человек в кондотте и десятеро бойцов в «Ардрунге», отступали, унося с собой раненых и контуженых главарей. Поле боя, в данном случае Колесцовая площадь, традиционно принадлежало мародерам...

«Потрясающий гимн бессмысленному насилию — два мудака поссорились, а умирают из-за этого их подчиненные». Реймунд, несмотря на радость от лицезрения эффектного зрелища, был несколько зол — его задевало любое насилие без значимых оснований. В определенном смысле, будучи умелым убийцей, он почитал такие действия непрофессиональными. Но соваться к военным, чья профессия имеет свои особенности, со своим уставом не стал. Усмехнувшись, подумал: «Выскочить между ними на площадь, воздеть руки к небу, заорать дурным голосом: «Что вы делаете дебилы?! Эти два мудака поссорились, пусть и дерутся. Поберегите шкуры! Одумайтесь! Вас жены-дети дома ждут!» Ну-ну. Так жертвы только возрастут — не поймут-с. Придется отбиваться».

Мародеры, а также зеваки всех мастей, не замедлили явиться на место побоища. Всегда приятно посмотреть, когда бьют не тебя, да и разжиться в хозяйстве пусть погнутым, но халявным клинком многие не брезгают. Отходившие наемники забрали тела раненых и убитых, так что мародерам пришлось довольствоваться лишь тем, что было брошено на мостовую при отступлении. Над площадью по-прежнему витал густой пороховой дым.

Едкий запах серы превращал место побоища в небольшой филиал ада. Представители властей или местных правоохранительных органов покамест не появлялись. Статуе фонтана отбило кувшин, и теперь вода выливалась из плеча безрукой девушки, делая ее похожей на тяжело раненую.

Тайны ветхих закоулков

Таверна «Яйца Дрозда» немало пострадала, тут и там в серой стене чернели дыры и сколы от рикошетивших пуль. Окна полопались от взрывов. Матерящийся трактирщик — пузатый мужик с очень мускулистыми руками, покрытыми татуировками, осматривал урон от побоища, не стесняясь поминать всех родственников его участников до седьмого колена, а то и до предков-приматов разных видов включительно. Также он ярко живописал перспективы половых взаимоотношений гомосексуального характера и фетишистской направленности, которые предстояли членам кондотты и «Ардрунга», если им доведется еще раз встретиться с трактирщиком.

У Реймунда, как назло, дело было именно к этому, явно очень расстроенному субъекту. Однако трогать его сейчас было бы неразумно и даже несуразно. Посему Энрике прошествовал в прохладный полумрак помещения трактира, миновав частично разбитую дверь с торчащим из нее метательным ножом. Внутри было достаточно прохладно, стоял с десяток неприбранных столов, на второй этаж вела шаткая винтовая лестница. Окинув взглядом немногочисленных, не вызывавших подозрений посетителей заведения, он сел за один из угловых столиков, с которого было видно дверь, лестницу, окна, стойку с дверью на кухню. Сел при этом так, чтоб от стены его отделяло расстояние не менее вытянутой руки. Самому Реймунду, и уж тем более любому гетербагу, было под силу пробить при необходимости глиняную стену и свернуть шею прислонившегося к ней человека.

Заказал пива у пышногрудой официантки с лицом человека, видевшего в этой жизни все, кроме козьего сада короля Шваркараса, и руками умелого армрестлера — семейная

черта, видимо. Пришлось ждать около часа, пока трактирщик успокоится и отправит прислугу за ремонтниками и стекольщиками.

Когда тот, наконец, вернулся за стойку и начал умиротворенно протирать грязноватым полотенцем откровенно грязные пивные кружки, Энрике дал ему знак подойти к его столу, и, чтобы привлечь внимание, выложил на деревянную, местами выщербленную поверхность одного золотую монету высокого достоинства.

— Чего надо? — поинтересовался не без интереса в нарочито безразличном голосе трактирщик.

«Для начала чистую кружку нормального пива», — подумал Реймунд. Затем взглядом указал трактирщику на соседний стул. Предвосхищая фразу типа: «Ты мне в моих «Яйцах» еще указывать будешь, сучий кот!», он выложил на стол еще один золотой, случайно искупав его в лужице пива.

— Ну? — трактирщик сел.

— Йен Штальгросс?

— Точно так, — голос трактирщика стал чуть дружелюбнее.

— Мне вас рекомендовал общий знакомый.

— Полагаю, спрашивать какой, не надо?

— Мне нужна комната. И рекомендация по одному важному делу, — игнорируя подколку, продолжил Энрике.

— Комната есть. Как для тебя держал — на чердаке, отличный вид, низкий потолок, свежие клопы, добрые тараканы, в меру наглая моль. Зато скорпионы не заползают. Летучих мышей боятся. Или змей. Что за дело?

— Моему знакомому, недавно прибывшему в город по важному делу, требуется квартира. Квартира, которую держит надежный человек. В этом районе. Безопасная. Тихая. Неприметная.

— Еще что-то? — скривился славный малый Йен.

— Этот человек из Альянса, — холодом не повеяло, темнее в помещении не стало, но все равно звучало несколько зловеще, ну, например, как упоминание о чуме... или о налоговом инспекторе.

Последовало напряженное молчание.

— Да, того самого, — иногда Реймунда забавляла реакция осведомленных людей на упоминание Альянса. В общем-то, организация эта была не страшнее кирпича, упавшего на голову, а встреча с ней и того менее вероятна. Но все же человеческий страх — забавная штука.

Трактирщик сделал знак круга охраняющего. И, судя по всему, про себя вознес короткую молитву Богу-Защитнику.

— Есть такой. Но двух ригельдукатов за это маловато, — к его чести, голос у Йена не изменился.

На стол легли еще четыре крупных золотых монеты весом каждая не менее 10 грамм.

— Старик Артур. Сам живет по адресу улица Самуила Кацеронне, восемь, шестой дом от угла пересечения с Проспектом Кинжала. Никого более надежного не знаю.

— Благодарю. Что с комнатой для меня?

— Один такой кругляш в неделю.

— Договорились. Заплачу два, если перенесешь зоопарк из нее в другое место.

— И не мечтай, — ухмыльнулся щербатым ртом трактирщик.

«Уже второй раз за сегодня», — подумал Реймунд.

Монета легла на стол, дополнив горку.

— И пусть меня как можно реже беспокоят.

— Хозяин — барин. Скажу девочкам, что ты мужеложец, — трактирщику доставляло искреннее удовольствие издеваться над этим сухим, суровым парнем, наверняка очень опасным, но не для Йена, а потому уязвимым для насмешек. Некоторые люди порой так и норовят потянуть аллигатора за хвост.

— Это было «раз», — сказал Энрике.

— Можешь заселяться, — не обратил внимания Йен.

Реймунд отправился наверх сразу, как допил пиво. Комната и правда оказалась такой, как ее описал трактирщик — низкий чердачный потолок, паутина по углам, явно не действующий амулет от насекомых над небольшой деревянной кроватью и наполненные клопиными трупиками жестянки с маслом на ножках одной. Так же стол, свеча в подсвечнике, стул, гладильная доска, сундук и картинка умеренно эротического содержания на мифологическую тему. Жить можно. Осталось и отсюда смыться.

В данном случае Реймунд решил пренебречь принципами и просто воспользовался отводящим глаза амулетом. Подобные вещи нормально работают, только если сделаны хорошо, а те, кому нужно отвести глаза, достаточно сконцентрированы на чем-то еще.

Сейчас условия были соблюдены. Таверна, как-никак, к тому же пришедший стекольщик-тортильер, черепахообразный гуманоид, расколотил стекло и теперь ругался с Йеном, требуя возмещения и обвиняя во всем официантку, а девушка тем временем примеривалась к крепкой дубовой табуретке. Некоторые просто не умеют вовремя замолчать.

Реймунд достал небольшое позолоченное яблочко из внутреннего кармана куртки и, разломив его (яблоко оказалось полым внутри), убрал обратно в карман, активировав амулет на пятнадцать минут.

Беспрепятственно он вышел из трактира, никем не замеченный, и отправился на улицу Самуила Кацеронне. Она улица оказалась далека от градостроительного шедевра — просто глухой закуток с мелкой дорожкой, посыпанной щебнем, вившейся меж двух-трехэтажных домов. Дома, в основном, выходили на дорожку торцом и обладали таким интимным конструкционным элементом как некрупные безыскусные арки, ведущие в уютные внутренние дворики с зелеными насаждениями, развешенным бельем, лавочками для местных бабушек — тех самых бабушек, которые до наступления поры морщин и ревматизма занимались, как минимум, полевой медициной, вытаскивая с поля боя тела, раскромсанные мечами и посеченные картечью, а как максимум — командовали собственным отрядом головорезов, по большей части сложивших головы задолго до старости. В общем, дворики с собственным колоритом, где так приятно проводить детство в совершенно особенном замкнутом мире тепла и соседской общности. Если повезет.

Шестой дом оказался желтым трехэтажным зданием, венчавшим конец улицы ближе к тупику. Миновав арку, где осели запахи щелока и кошачьей мочи, Реймунд оказался в дворике, вполне соответствовавшем предшествовавшему описанию — от двух невысоких тополей, росших по краям двора, протянулись веревки, на которых сушилось под тропическим солнцем белье, возле стен под внутренними окнами протянулись ряды грядок с зеленью и морковью, а чуть ближе ко входу со стороны арки были разбиты клумбы с гладиолусами и пионами.

Убийца вспомнил город за далеким морем, похожий дворик, вечернее солнце и лица мертвых. Родителей. Место было пронизано ностальгией.

На небольшой мраморной лесенке, ведущей к пошарканной подъездной двери, сидел старик, вырезавший что-то из куска мягкого дерева тонким узким перочинным ножиком. Из окна третьего этажа разносилась брань неприятного скрипучего женского голоса и периодические возражения неуверенным мужским басом, почему-то чуть шипящим.

Реймунд внимательнее взглянул на старика.

«Руки худые, пальцы тонкие, быстрые, хоть и страдает артритом, по правой руке татуировки: ножи, перевитые колючим терновником. Одет просто, но функционально — ни штаны, ни рубашка не мешают двигаться. Ремень из веревки можно быстро обратить в удавку. А ведь веревка-то шелковая. Ногти коротко острижены, только правый мизинец и левый большой пальцы с длинными ногтями. Оба татуированы текстом. Волосы коротко острижены, чтоб не падали на глаза. Хм, глаза — он сосредоточен на резьбе, но видит весь двор. Наверняка и меня заметил, поменял хват на ножике. Видимо, это и есть Артур».

— Жарко сегодня, — Реймунд подошел и присел на ступеньку рядом со стариком.

— Не жарче обычного, чуть более душно, — старик коротко взглянул на гостя, потом на небо, продолжил резать.

— Ничего — скоро дожди, пыль прибьет, дышать станет легче, — золотистая стружка медленно упала в пыль, под ноги, пополнив сонм таких же, уже лежавших там.

— Много ты знаешь о тропических дождях, — усмехнулся Артур.

— Мало. Еще не приходилось бывать на Экваторе, — согласился Реймунд.

— Неужели в Гольвадии тоже умеют тренировать таких как ты? — нож скользил мягко и плавно, выверенными, привычными движениями, создавая из дерева человеческую фигурку.

— Место не имеет значения, были бы учителя, — пожал плечами агент.

— Молодой. Умный. Всезнающий. Место часто важнее учителя, да и учителя в нужном месте лучше работают, — старик опять криво усмехнулся.

— Тебя, видимо, учили именно в таком, — вопрос Реймунда был продиктован полноценным любопытством, а не только желанием поддержать беседу. Шпилька собеседника также достигла цели — убийца сразу почувствовал себя неумелым мальчишкой, почему-то провинившимся.

— Меня не учили. Сам вырос... А лучше б учили, — вздохнул Артур, сделав короткую паузу перед последней фразой.

Артур де Талавейра и вправду был самоучкой — начал свою карьеру в Ригельвандо, где в возрасте 12 лет вязальной спицей во сне заколол двух похитителей, рассчитывавших получить за него большой куш от его отца, шваркарасского графа де Талавейра. Услышав рассказ о произошедшем от сына, которого воспитывал в духе гуманизма и человеколюбия, просвещенный отец — ректор университета — испытал столь сильное отвращение, что отослал сына к своему брату-плантатору на Экваторе. Так в далекой жаркой колонии началась жизнь убийцы Артура.

Плантацию брата отца сожгли и разграбили пираты. 13-летний Артур сумел прикинуться одним из рабов с плантации — благо был загорелым, и, часто работая руками, нажил спасительные в данном случае мозоли. Опустим подробности жизни бывшего аристократа, а ныне юнги, на пиратском бриге «Пятно». Матросом он стал в 15, прикончив пирата, достававшего его на судне больше других. В 16 потерял при абордаже глаз, впал в

ярость и зарубил четверых врагов до того момента, как его вырубил, к сожалению, одним из четверых оказался боцман с «Пятна», не слишком любимый Артуром и очень любимый за зверский характер капитаном.

Без особых вопросов парня высадили на туземном острове в цепи атоллов, населенных людоедами. С учетом бывших заслуг высадили с пистолем, саблей и запасом провизии. Около года он выживал на острове, воюя с каннибалами и малярией.

А через год на пиратской базе Клешня в Море Клыка объявился опытный и быстрый убийца, способный один справиться с десятком бойцов. Сначала он прикончил наиболее ненавистную часть команды «Пятна», а капитана завез на тот же остров и оставил. Затем он стал браться за платные миссии.

Он прожил долгую жизнь благодаря тому, что ничему в жизни не учился, кроме того, как убивать и как выживать. И каждый шестидесяти татуированных на его теле ножей — это успешно выполненное задание. А меч, татуированный на спине, — это жизнь колониального губернатора Шваркараса. Суммы, вырученной за это задание, хватило на магическое восстановление глаза. Губернатор был его братом, не отосланным отцом и сделавшим карьеру, но этого он никогда не узнал. Состарившись, Артур ушел на пенсию и стал домовладельцем.

— Мне нужна квартира, — что-то в этом старике, неспешно вырезавшем из дерева обнаженную красотку, вызывало у Стурга уважение. Еще сильнее — тревогу. И почему-то, совсем немного — грусть.

— Я понял. Не торопись — спешить покамест некуда, едва восемь, закат. Время посидеть. Подумать. Повспоминать. Ты, например, что самое яркое в жизни помнишь? — улыбнулся Артур подпорченными, но ровными зубами, на этот раз как-то по-доброму.

— Орла над шпилем Алмарской церкви, — из галереи памяти всплыло еще одно мертвое лицо, лицо друга. И пустырь. И храм вдали.

— А я белизну зубов на красной плоти.

— Каждому свое. Что насчет квартиры? — агент опять пожал плечами, подавил настырную стерву-память, добавить особо ничего не выходило.

— Будет тебе квартира. Десять тысяч. В месяц. И никто никогда не узнает, где ты на самом деле обитаешь.

— Пусть так. Векселя берешь?

— Можно и векселя, ты меня не обманешь, — похоже, Артур любил много и по-разному улыбаться.

Артур проводил Реймунда до небольшого тупика, прилегавшего к стене, разделявшей кварталы Наемников и Оружейников. Тупик со всех сторон был скрыт слепыми стенами окрестных домов, пустых или малонаселенных. В одном из этих домов была заваленная хламом дверь, которая вела в полуподвальное помещение с небольшой ванной, кроватью, парой шкафов, сундуком, столом, двумя стульями и тонной пыли.

— Я думал, скрываться лучше у всех на виду, — критически отнесся Реймунд к квартире. Ему тут же пришел на ум ветеран и его грязная конторка.

— Только если ты знаешь город. Через стену находится людная улица Оружейного Квартала. Думаю, лазаешь ты неплохо.

— Ну, тогда мне подходит.

«Похоже, я стану похожим на ростовщика раньше, чем хотелось бы», — подумал агент.

— С новосельем. Извини, кошки не припас, — Артур развернулся и поплелся прочь от

нового логова Реймунда.

Представление с трупом

Реймунд опаздывал. Мимо мелькали мрачные громады вычурных крепостей одного из самых живописных районов города — Квартала Воров. Каждый особняк и даже каждая хибара тут представляла собой шедевр фортификационного искусства и архитектурной выдумки.

Окна домов были забраны решетками, на стенах рассыпали битое стекло, гвозди, лезвия. Дорожки, ведущие к бронированным дверям, представляли собой цепь капканов, ловушек и ловчих ям. В ветвях аккуратных садилов таились силки, самострелы, магические гранаты с сонным или ядовитым газом. Артефактные птицы-конструкты, выполненные из металла агрессивные создания с острыми, как копья, клювами и заточенными до бритвенного состояния крыльями, были на страже. А также множество иных сюрпризов ждало неосторожного посетителя или нерадивого грабителя.

Квартал Воров жил по своим правилам — вершиной искусства для вора была способность украсть у коллеги, «ворон ворону» тут не работало совершенно. Зато и специалисты из квартала выходили непревзойденные. Конкуренция способствует прогрессу.

На улицах также неоднократно можно было наблюдать такое зрелище — по улице идет богато одетый джентльмен с толстым кошельком на поясе, через секунду этот кошелек оказывается в цепких руках оборванца в сером плаще. Но уже в следующий момент оборванец получает пинка и удар изящной тростью по голове — кошелек оказывается в руках другого богато одетого джентльмена. Тот проходит, раскланиваясь с первым участником сценки, и его часы с бриллиантами служат достойной заменой потерявшему кошелек.

Воры были особенной, привилегированной кастой города. Не банда, фракция. Сообщество свободных профессионалов. Гильдия виртуозов. Каждый вор был сам себе на уме. И каждый стремился перещеголять всех прочих. В конце концов, это и называется конкуренция. Воры, их уникальные навыки, равная полезность для всех и принципиальная нейтральность, делали их незаменимым элементом городского пейзажа. Они, как и пираты, существовали на собственных правах, готовые их защищать, но не стремящиеся лезть в «городскую политику». Их интересовала лишь нажива и удовольствия. А глава их вычурного воровского сообщества был скорее ночным сторожем, одергивающим зарвавшихся и представляющим перед бандами редкую общую волю ловкачей. Вор был свободен, независим и отвечал только за себя. А потому среди них было мало слабаков и посредственностей.

Частная собственность тут ничего не значила, зато всем было весело. В своем районе воры старались не красть у гостей, для этого им был предоставлен целый город. А потому район славился также своими развлечениями — борделями, театрами, казино и игорными домами, выставками картин и скульптуры, блистательными ювелирными лавками.

Именно в театр и направлялся сейчас Реймунд. На часах было около девяти, представление в Большом Театре Пронзенного Кошеля уже шло около часа. А еще на часах болталась бирочка «украдено». Успел же кто-то.

Сейчас Стург не скрывался, он был облачен в черный бархатный камзол, жилет из тонкого шелка с серебряными пуговицами, красную рубашку с кружевами. Высокие блестящие ботфорты, лосиные штаны, перчатки из замши. На голове у него удобно устроилась узкая изящная треуголка с павлиньим пером. Парика он предпочел не надевать,

свои волосы были достаточно длинными и в меру ухоженными, хоть и пострадавшими после морского путешествия. Этот вид можно было бы назвать кричащим или приметным, если бы большая часть зажиточных воров города не одевалась так же. Так что вполне удавалось оставаться достаточно незаметным в толпе. Собственная внешность Реймунда, хоть и была приметной, удачно оттенялась треуголкой и бесстрастным выражением, специально натренированной миной, не вызывавшей интерес даже к более красивому лицу.

Театр представлял собой круглое здание, доставшееся городу еще от периода эллумисского владычества. Идущие ступенями, выстроившиеся полукругом зрительские места располагались под открытым небом. Сцена была укрыта каменной раковиной, способствовавшей лучшей акустике, и могла вместить до сотни актеров одновременно.

В театр Реймунда привел не праздный интерес, а дела рабочие. Ему нужны были актеры на роли его амплуа, дабы создавать видимость присутствия во всех тех местах, где он изволил поселиться. В первую очередь для Батилеззо (ибо этот образ доставлял множество неприятностей — после заселения к Артуру, например, пришлось рано с утра тащиться через полгорода, чтобы выйти к завтраку в гостинице).

Купив билет в кассе у улыбчивой синекожей девушки-ихтиона с обворожительным плавником на голове, одетой в полупрозрачный хитон, Реймунд прошел на один из нижних, располагавшихся близко к сцене, ярусов. Сидели там, в основном, люди высокого достатка и приличного статуса, на каменных ступенях театра были положены удобные бархатные подушечки, на столиках в позолоченных вазочках лежали фрукты и закуски, стояли напитки.

Реймунду удалось разглядеть в толпе облаченного в черное кешкашивара — ожившие ночные кошмары, оказывается, тоже ходят смотреть представления человеческих театров.

Так же он увидел группу галдящих хмааларцев: не старше тридцати лет, по большей части смуглые, с небольшими аккуратными бородками, красивые дикой пустынной красотой, чуть подпорченной городом и его модой. Горячие молодчики наверняка пришли поглазеть на смазливых актрисочек. Все были вооружены ножами и кинжалами, в таком количестве — статусным оружием одной из банд города, Банды Ножей.

Представление оказалось занимательным и довольно смелым — рассказывалось об истории любви пирата Дикомеда Проклятого, продавшего душу хаосу для спасения своей команды от щупалец Твари Пучины, и святой Варвары Анрасийской — непорочной девы-целительницы.

Своей любовью Варваре удалось спасти уродливого, обросшего щупальцами, полипами, моллюсками и крабьим панцирем капитана от участи, что хуже смерти.

Так пафосно заявляла блондинка с грудью такого размера, что вопроса о её непорочности даже не возникало. Заканчивалось представление эротической сценой потери Варварой своего девчества в объятьях любимого, после чего она по наказанию Единого теряла свои силы святой, а Дикомед снова обрастал щупальцами и утаскивал ее в пучину.

— Тьфу, ересь-то какая, — с ажиотажем восклицал каждый минут пять-десять представления, от которого Реймунд посмотрел, впрочем, лишь четверть, молодой священник с короткой всклокоченной бородой, сидевший рядом. При этом смотрел он в основном на реберную область «Варвары», где в более чем откровенном декольте «монашеского» платья колыхались прелести актрисы. Впрочем, celibата у большей части слуг Единого не было.

***

Мостовая мелькала под ногами, норовя уронить спешащую девушку, а тусклый свет

уличных фонарей норовил ослепить. Похоже, Энкелана сделала в своей короткой жизни неопытной, но преуспевающей воришки самую большую, а может и последнюю, глупость. На недостаток интуиции она не жаловалась. Скорее, на то, что включалась она иногда поздно вато.

Задача вроде была тривиальнейшей — украсть у посетителя театра письмо, и доставить его к Отто Брюзге, платили как за дворец Султана Черного Рынка. И кража оказалась не самой сложной, письмо почти само скользнуло в руки. Но почему же тогда сейчас она бежала как сумасшедшая вместо того чтоб спокойно идти в «Логово» уверенным шагом победителя? И почему ей казалось, что по пятам идут гончие ада, дыша в затылок смрадом гниющей плоти грешников?

Бррр. Ну и сравнение. Ух. Пришла. Следующий поворот вел в тупик с подворотней возле «Логова», где Отто должен был забрать ее добычу и отвалить причитающуюся треть платы.

Подворотня оказалось пуста. Дверь «Логова» оказалась закрыта изнутри. Энкелана успела пару раз стукнуть в нее кулаком, когда услышала:

— Скажи, дорогая, готова ли ты к смерти? — голос был холодный, злой, с легкой ироничной издевкой.

Ноги девушки подкосились. Закрывая единственный нормальный выход из подворотни, небрежно прислонившись плечом к стене, напротив воровки стоял высокий человек в треуголке. Без оружия, но от этого как-то не легче. Впрочем, Энкелана все же была воровом Ахайоса, и уже год как состояла в гильдии.

Она подобралась и решила уйти по крыше — стена вполне позволяла быстро вскарабкаться по выбоинам в камне и щелям с вывалившимся раствором. Взгляд вверх. И только огромное усилие воли не позволило девчонке позорно обмочиться в тот же миг.

На старом крюке, использовавшемся для закрепления перекладин, удерживавших когда-то тент, который закрывал переулочек от дождя, покачивался, изредка чуть подергиваясь, жирный труп Отто Брюзги. Энкелана быстро узнала его по красным сапогам, которыми тот очень гордился. Нога трупа конвульсивно дергалась, он был убит совсем недавно, и не сразу. На плечо упала капля жидкости. А вот Отто обмочиться уже ничто не мешало. И обгадиться, если уж на то пошло.

Воровка отвела оторопелый взгляд от трупа и узрела тусклый блеск золотых пуговиц на груди стоявшего теперь прямо перед ней человека. Рефлекторно девушка отпрыгнула и уперлась спиной в стенку тупика. Между ней и ее преследователем свалился красный сапог.

«Девушка, хотя, может, фигуристый мальчуган, этих воров не поймешь. Впрочем, девица. Быстрая. Ловкая. Письмо сумела увести. Держится много лучше подельника. Какие большие глаза, и волосы, явно магия, все цвета радуги на голове, стильно. Оружие: нож в сапоге, трещотка на поясе. Хм, и праща в перчатке. Интересно. Все же, какие глаза большие».

— Я задал вопрос, — холодный голос чуть смягчился, стал не таким зловещим.

— Все, что угодно, — сдавленно пискнула Энкелана.

— Для начала — письмо.

«Она ничего не знает. Но кто-то знал, кого нанимать. Кто-то знал о документах, финансовом отчете, знаке. Кто-то очень хищный и наверняка неплохо знакомый с моими ухватками. Меня хотели подставить».

Девушка вынула из-за отворота коричневой куртки из оленьей кожи небольшой белый конверт плотной бумаги и, вытянув руку, сделала пару неуверенных шагов в сторону

Реймунда. Заметить, как письмо оказалось в руке убийцы, она успела еле-еле, но все же успела.

— Само собой, тебя нанял этот жирдяй и имя заказчика тебе неизвестно, — в этом утверждении слышался какой-то мрачный, почти фатальный вывод.

Последовал очень незаметный кивок.

— Только, пожалуйста, не так, как его, — фраза вышла с мольбой, но без дрожи, это порадовало воровку.

— Bravo. Только что ты чуть продлила себе жизнь. На кого он работал, кто мог знать его заказы? — голос стал теплее и даже... чуть добрее.

Стург, будучи убийцей Альянса, человеком холодным, сдержанным, повелевающим собственными эмоциями, все же не был бесчувственным. Он отменно разбирался в людях, этому его учили, и наука давалась легко. А еще он ненавидел случайные жертвы и смерти, которых можно было избежать. Из соображений личных, не религиозных или моральных, скорее каких-то внутренних, особых переживаний, он предпочитал спасти любую жизнь, которую мог спасти. В этой девушке, этой юной воровке с разноцветными волосами, он увидел что-то особенное. Какое-то тепло, доброту, отсутствие свойственной профессии черствости. Возможно, он еще будет жалеть об этом шаге. Но Реймунд решил не убивать ее. Просто хотелось верить, что девушка не сболтнет лишнего и не поставит убийцу перед повторным выбором жизнь-смерть. А значит, нужно дать ей шанс.

«Воровка может быть полезна», — решил Стург.

— Он подручный Эсшааза — тигрина, главаря Гильдии, — который ее сейчас не спасет, была уверена Энкелана.

— Гильдии, — Реймунда позабавило, с каким уважением девушка произнесла это слово. — Выдав его, ты, само собой, стала полностью бесполезна. Опровергни.

— Хочешь убить — убей. Нечего издеваться, — девушка была готова расплакаться, но унижаться больше не собиралась.

— Еще раз bravo. Ладно. Продлим твою пользу. Ты знакома с кем-нибудь из актеров Большого Театра? — холод исчез, ирония осталась.

— Да, у меня там сестра работает, мы часто вместе зависаем, — воровка почувствовала, что, возможно, сегодня не умрет.

— Отлично. Значит, ты меня познакомишь с сестрой и ее друзьями, — отказать было бы сложно.

Энкелана украдкой взглянула на труп, с одной ноги которого свисала размотанная портянка и съезжал второй сапог.

— Нет, они мне нужны не для того, чтобы убить. Наоборот, есть работа. И для тебя кстати, найдется. Пойдем. Как тебя зовут?

— Хитрюга, — девушка двинулась за Стургом без опаски, но стараясь держаться на расстоянии.

У нее за спиной раздался короткий треск, и тело рухнуло с крюка. Брюзга воссоединился с любимым сапогом на мостовой.

Часть 1. Глава 4. Мы все играем роли, но кому-то за это еще и платят

Общение с актерами затянулось на всю ночь. Сестрой Хитрюги оказалась та самая актриса с большими достоинствами. Кои оказались магической гротеской. Равно как и длинные волнистые золотые волосы. На деле девушка все равно оказалась вполне фигуристой брюнеткой, сводной сестрой Энкеланы по отцу — владельцу театра.

Характеры у сестер оказались довольно похожими, однако свобода нравов Исмиры, так звали актрису, выражались, скажем так, в стремлении вызвать желание и восхищение у всех ее окружающих, вне зависимости от пола. Воровка же скорее вызывала дружеские, а в чем-то и отческие чувства, особенно у мужчин, общалась легко, свободно и очень открыто. Причина, по которой одна из сестер, причем старшая, оказалась театральной примой, а вторая воровкой — успешной, но бедной, была довольно занимательной.

Дело в том, что отец девушек — театральный режиссер с корнями из Эллумиса, был женат сначала на матери Исмиры — актрисе его труппы. Затем ушел от нее к пиратке — матери Энкеланы, пиратку вскоре убили, дочь осталась на воспитании у отца, который искренне горевал, но вскоре нашел успокоение на груди бывшей жены. Само собой, та постаралась обеспечить отстранение от какого-либо наследования и вообще нормального отношения дочь разлучницы. Однако три года назад мать Исмиры умерла, и Хитрюге удалось наладить отношения с отцом, а заодно и с сестрой. Но тогда она уже была ученицей одного из лучших воров Ахайоса, Айтоликса Шустрого, и это ее вполне устраивало.

К завершению ночи Реймунд был сыт, пьян, обласкан женским вниманием и доволен. Из труппы удалось подобрать подходящих актеров на роли Бертрана Челлини и Эдгара Канатоходца: студентов театрального училища из Республики Рейо-Нейгра — свободного государства переселенцев с Гольвадии на Экваторе, — подрабатывавших в Ахайосе на жизнь и на продолжение обучения ремеслу. Аксея и Морриса.

На роль Батилеззо Чителли подошел профессиональный актер Большого Театра и еще целого ряда местных театральных заведений Ингвальд Сторгриш.

Роль Энрике взял на себя так же актер труппы Пронзенного Кошеля — играющий агрессивные роли второго плана полугетербаг Ормут Стоутхейм.

Также Реймунд взял новичка труппы — парня лет 15 от роду, Алекса Шкодника, на роль слуги и оруженосца Артура де Шампиньоне, для присмотра за домом и получения корреспонденции хозяина.

Проведя подробный индивидуальный инструктаж и выпив с каждым из актеров за успех предприятия, Реймунд выдал каждому гонорар в размере не меньше полугодового заработка, пообещав втрое больше по завершении дела — через пару дней, максимум неделю. И предоставив Хитрюге пояснять, что будет при условии нарушения договоренности и попытке сбежать с авансом.

Конечно, Реймунд не раскрыл своей маленькой труппе причин, для которых потребовалось «театральное представление» такого рода, как и предписывали правила Альянса в таких случаях. Он предоставил звонкой монете позволить править бал и строить предположения в умах актеров.

Под утро у Стурга не осталось никаких сомнений в успехе мероприятия по защите собственного образа. Смущало лишь одно — взгляд огромных, искристых глаз воровки, где

страх сменил интерес, а потом и нечто... более сильное. Реймунд давно и успешно научился подавлять любые страстишки, но все же не мог не заметить в себе, что этот взгляд ему нравился, нравилась ее манера общения, детская непосредственность, тепло, исходящее, кажется, прямо из ее души, которым она щедро одаривала окружающих.

А Энкелана... Она смотрела весь вечер на этого бессердечного убийцу, рисуя в голове самые фантастические догадки о том, кем мог быть этот загадочный ночной кавалер. Почему он оказался так добр к ней? Что скрывается за этой ледяной маской человека-хамелеона, играющего лучше, чем все те, с кем он общался сегодня? Она размышляла о своем неожиданном спасении и совсем немного о судьбе несчастного Брюзги. И очень много о том, почему там, в переулке, он так долго смотрел ей в глаза. Суровый, злой, надменный насмешливый. Такой неприступный. И слишком опасный.

Обмануть обманщика

Теперь, обеспечив предварительные приготовления, Реймунд мог начать исполнение своего непосредственного задания. Его целью являлся владелец банка «Вителлозо» Ричард ван Курмхог. Выходец из Алмарской Империи. В прошлом бретер и командир военного отряда, позже — финансовый аферист и военный спекулянт. Ныне глава сети организованной преступности и крупный финансовый воротила Экваториального Архипелага.

Доставать его из хорошо обороняемого загородного особняка, защищенного магией и лучшими наемниками, что мог предложить не жалующийся на отсутствие головорезов Ахайос, было не просто сложно — самоубийственно. К тому же, совершенно не в стиле Альянса. Во всяком случае, не в стиле Стурга.

Реймунду нужно было выманить противника из укрытия в город, где тот был бы по-прежнему хорошо защищен, но при этом хотя бы находился не на своей территории и имел меньше путей к отступлению.

Смысл подготовленной Реймундом интриги состоял в том, чтобы заинтересовать ван Курмхога в предприятии, которым занимался Чителли Батилеззо. Предприятие это, благодаря связям Альянса и тщательно проведенной подготовке, выглядело как жирный и весьма лакомый кусок, находящийся в руках полного недотепы.

А именно — это был грант на исследование определенных территорий на севере острова Калистис, где располагался Ахайос, оплаченный Ригельвандо. При этом подразумевалось также, что результаты исследований должны носить то ли археологический, то ли откровенно грабительский характер, ибо оные результаты государство, до суммы в 1 миллион золотом — таков был грант, получало в счет погашения долга. Все что свыше миллиона, преимущественным образом, имело право выкупить — до суммы в 20 миллионов, а все, что свыше 20 миллионов, исследователь имел право оставить себе или продавать свободным характером.

Таким образом, подразумевалось, что сумма результатов, полученных в ходе исследования тем или иным образом, превысит 20 миллионов золотом. Баснословно, за миллион можно было купить небольшой город в метрополии или целую колонию на Экваторе. А 20 миллионов — это бюджет небольшого государства. Состояние ван Курмхога оценивалось приблизительно в 8-10 миллионов движимого и недвижимого имущества.

Реалистичность ситуации обеспечивалась фактом участия Ригельвандо — государства торговцев и банкиров, поклоняющегося Богу-Золотому, «финансовой ипостаси Единого». Таким образом, от Реймунда и от актера, им нанятого, нужно было всего лишь возбудить

интерес со стороны владельца «Вителлозо».

Финансовая заинтересованность и создание ажиотажа — эту часть должен был выполнить актер, играя Батилеззо, пытающегося в различных банках Ахайоса получить деньги на экспедицию в счет государственной гарантии. Заинтересованность личную собирался создать Реймунд уже тогда, когда агенты ван Курмхога выйдут на Чителли с предложением финансирования и сотрудничества. В обход Ригельвандо, так и не приславшего пока деньги в банк.

Работа любого профессионала Альянса похожа на работу охотника, не того, конечно же, который мчится на быстром коне со сворой гончих за несчастным, заранее выгнанным из леса, кроликом по чистому полю. А того, что, прихватив старое ружьишко, неспешно ходит по лесу, ставит силки, роет волчьи ямы, читает следы и сидит в засаде.

Завершив последнюю активную фазу — «постановку силков» в виде актеров и финансовых махинаций, Реймунд растер поясницу и крепко засел в засаду.

Ингвальд Сторгриш, взявший в театре временный отгул, с неременной телескопной сумкой мотался по банкам. Вел переговоры о финансировании исследований. Делал важный вид, сорил деньгами, много и таинственно распространялся о том, сколь важное открытие он планирует сделать на севере Калистиса. Столь важное, что даже не скажет, какое именно.

Еще он жаловался на погоду, пил много пива и заигрывал с зеленоволосой служанкой в «Ла Ториньён». Реймунд таскался за ним по городу и наблюдал за все возрастающей толпой шпииков, проявлявших интерес к персоне Чителли. В оставшееся время он беседовал с платными информаторами Ахайоса, в Торговом, Пиратском и Наемничьем кварталах он завел себе четверых осведомителей, для общего пользования и уже через самого надежного из них Валька Рагусса — вылезшего из грязи крысюка, работавшего в кафе «Шип», что в Торговом, он обеспечил дополнительно распространение информации о финансовом состоянии Батилеззо.

А именно о том, что его собирается перекупить Шваркарас, что корабль «Святая Агнесса», везший его деньги в Ахайос, был захвачен пиратами, а также информацию о том, что на самом деле Батилеззо — это переодетая женщина, агент амиланиек.

Слухи ползли по городу, интерес к Батилеззо возрастал. У остальных актеров покамест все было благополучно. С ними он держал связь через Хитрюгу, с которой встречался у воров в ресторане «Плащ и шпага». Девушка была расторопна, верна, поскольку то ли боялась, то ли симпатизировала Реймунду, умна и исполнительна. В целом почти подходила как долгосрочный исполнитель. И все равно через некоторое время придется ее убрать. Впрочем, до этого она должна была выполнить еще одно поручение Стурга, касающееся профессиональной деятельности, пока у нее не получалось.

Люби этот город — другого не будет

Шла середина недели. Солнце раскаленным ядром садилось за край света, заливая дворцы и трущобы города расплавленным свинцом. Реймунд вернулся из очередного похода по следам дважды ложного Батилеззо. Уходил еще один день, заполненный событиями столь же рутинными, сколь и необходимыми. В носу до сих пор стоял мускусный запах Рагусса, а ноги гудели от беспрестанной беготни по многочисленным, не похожим друг на друга, но чем-то невообразимо родственным кварталам Ахайоса. Тянуло бездельничать, просто где-то бросить свои кости и, возможно, немного поболтать. В редкие времена, когда есть возможность поговорить с кем-то, имеющим представление о том, кто ты такой, Реймунд, как и большинство агентов, стремился ее не упускать.

Артур, облаченный в полотняную рубашу и грубые парусиновые штаны, подпоясанные все тем же шелковым шнурком, лениво курил, сидя на затертом мраморе. Дверь подъезда за спиной старика была открыта. Оттуда тянуло кухонной вонью, несвежим жильем и нарастающим скандалом.

Реймунд сухо поздоровался и бросил зад, затянутый в кожаные штаны, на теплый мрамор ступеней.

— Я не понимаю этот город, — пожаловался агент, доставая из кармана жилета сигару.

— Ты не первый и не последний, — проскрипел старик, привычно ухмыляясь.

— Но хотел бы понять. Это на редкость интересная клоака. Она завораживает, — продолжил Стург, прикуривая от спички.

— Избавь меня от избитых сравнений, — Артур посмотрел на солнце из-под руки. — Этот город называют клоакой, помойной ямой, королевством трущоб, да как угодно еще. Но всех вас, — он ненадолго задумался, — всех нас тянет сюда.

— Именно. Чем больше я тут живу, тем больше понимаю, — согласился Реймунд. — Грязь, нищета, банды, насилие, жизнь в страхе. И все же тут живут. Больше того — сюда приезжают.

— Что-то ты сегодня разговорился, — усмехнулся де Талавейра.

Агент Альянса промолчал, несильно ткнув старика кулаком в плечо.

— Ладно, — вздохнул старый убийца, — я тебе расскажу.

— Весь внимание, — произнес Стург и затянулся сигарой, исходящей черным дымом.

— Здесь мы на перекрестке, — начал Артур, — мне доводилось жить во многих местах. И в хороших, и в плохих. Я жил среди каннибалов и видел, как они живут. Видел, к чему приводит жизнь на грани дикости, когда бал правят простые, незамутненные страсти, желания, позывы. Человек, по сути, мало отличается от скота, и чем меньше его ограничивает, тем он к скоту ближе. Они жрали друг друга. Просто потому что могли, и потому, что это было вкусно. Ими правил сильнейший, часто далеко не самый умный, а когда он погибал, часто от моих рук, они начинали жрать друг друга еще сильнее — ибо их никто не сдерживал. Они брали, что захотят, если могли — женщин, скот, вещи, до чего дотягивались. Так бывает не у всех, есть и много более мирные туземцы. Но эти пример — пример зверя, живущего в нас.

— Я неплохо осведомлен о порядках дикарей, — сообщил Реймунд.

— Вряд ли, парень, — улыбка старика была невеселой, — хотя, думаю, пережил ты немало. Это грань. Но есть и другая. Имя ей — цивилизация. На юге, на востоке, да где угодно. В цивилизованных странах люди научились подавлять свое скотство, сковывать зверя внутри, загонять себя в рамки, объединяться и идти к величию. Но это жертва. Приходя к цивилизации, ты неизменно теряешь что-то от своей природы. Ты больше не можешь мочиться, где приспичит, жрать, что захочешь, если голоден, спать под кустом, если захотел спать. Зато должен носить вшивый парик, кланяться при встрече, уважать засранцев выше тебя по чину. Этот путь ведет к величию, — он примолк, — ну, величию держав и некоторых из тех самых засранцев. А для простых людей — к безопасности. Зыбкому ощущению покоя и стабильности, знанию хотя бы того, что тебя не сожрут на следующей неделе.

— Несложный взгляд на вещи, — прокомментировал Стург.

— Ну, может, это от того, что я общаюсь с несложным человеком? Нет? — старик сплюнул и засмеялся. — Не кипятись. Я подхожу к сути. Она проста. Мы не хотим жить с

дикарями, но и среди людей цивилизованных для нас не так уж много места. Ахайос — это город сильных. Город на грани меж дикостью и цивилизацией, на множестве граней, целого калейдоскопа возможностей, упущенных и воплощенных. Здесь живут в постоянной борьбе скота и человека внутри себя. А хорошо живут лишь те, кто может привести эти две ипостаси к гармонии. И Банды — лучший пример. Они воюют, режут друг другу глотки, почти порабащают тех, кто слабее, но также и объединяются, защищают себя и тех, кто волей или неволей доверил им свои жизни. Они используют все лучшее, что есть в человеке, и все худшее, что есть в дикаре, чтобы жить здесь. Это место притягивает тех, для кого нет места нигде больше. Оно на стыке многих интересов, многих возможностей и многих путей. Оно притягивает тех, у кого есть амбиции и фантазия.

— И это все? — разочарованно произнес Реймунд. — Я знаю немало похожих городов. Гаркалл, Астуритон...

— Не совсем, — ухмыльнулся старик, — еще этот город полон безумия. Да. Безумия. Того сладкого состояния, которое теплится и в тебе, и во мне. И во всех нам подобных. Здесь каждый сможет найти место, если сам подходит этому месту. Слышал подробности о бандах? Девы — почти амиланийки, сборище безумных баб, защищающих друг друга и поддерживающих много лучше, чем смогли бы мужики. Безумцы — собирают психов и головорезов, объединяют их, находят место таким, которых в других местах просто казнили бы. Демоницы — это демонологи. Крысы, собакоголовые, ящеры — собирают представителей анималистических рас, которым сейчас по всему Экватору ох как несладко. Мистики дают приют всевозможным колдунам, в том числе таким, которых по всему миру преследуют нещадно, а они, в свою очередь, в благодарность умеряют свой пыл и учатся сосуществовать. Да, этот город — форменный бедлам. Но бедлам, где для каждого есть свое место, а если у тебя есть место в мире, значит, твоя жизнь имеет смысл.

— Ну что ж, — агент кивнул, — в этом есть смысл. Может ненадолго место тут и для меня найдется, — впрочем, на это мало надежды. Альянс есть Альянс.

— Вряд ли, — подтвердил опасения Реймунда старик. — Смерть и ее посланников нигде не любят. Вы не просто убийцы, вы почти слуги мрачного жнеца. Хоть и не придаете значения философии.

— Может, и так, — Стург затушил сигару сапогом, — но как все же вышло, что таким местом стал именно этот город?

— Тут не все просто, — Артур вытряхнул и начал чистить трубку. — Есть пара простых мыслишек — приверженцы обыденности говорят, что он таков потому, что так сложилось — город на перекрестке интересов разных держав, куда стекаются иммигранты с соседних островов, город, где удобно прятать деньги и где уже давно любой крепкий закон повергается в пыль традицией, а центральная власть оказывается слабее интереса множества местных мелких царьков. Стечение обстоятельств, ухмылка истории. Но есть и другая теория — этот город, возможно, не только шутка истории, но также шутка богов или сил, что за гранью нашего понимания. Банды меняются — одни исчезают, другие появляются. Но всегда сохраняется баланс, редко когда появляется банда существенно сильнее прочих, редко когда исчезает банда, объединяющая кого-то особенного, так всегда есть банды крысюков, умертвий, демологов, адептов хаоса. Не строй такую мину, уверен, что ты слышал. Сейчас одни, через век другие, но банды сохраняются. Будто бы у них есть какие-то божественные покровители. И будто бы тотемы у банд не случайны. Те самые аляповатые штуки, отмечающие их границы. Вроде как ходят странные легенды о том, что каждая банда имеет

особенного духа-покровителя или мистический артефакт, или что-то подобное, поддерживающее их общность. О чем знают только главы банд. Так это или нет — мне неизвестно. Но город живет. И живут банды. И, думаю, так будет и впредь. Это вечный фронт. Место, куда люди приходят взять свою судьбу за горло или погибнуть в процессе. Место, где ты борешься с природой, с чужой природой, своей природой, природой вещей. Где ты сбиваешься в стаю с такими же, как ты, и с этой стаей встаешь против всего того дерьма, что швырнет в тебя мир.

— Занятое местечко, — Реймунд поднялся, — отличный рассказ. Не думаю, что в нем много правды. Но хоть время скоротали. Ты неплохой рассказчик, Артур.

— Иди в жопу, — лениво отмахнулся старик. Проводив взглядом агента Альянса, уползающего в свою берлогу, де Талавейра продолжил наблюдать за солнцем, последние лучи которого исчезали среди переулков и мрачных труппных улиц этого странного города.

Мысли, даже не мысли, душные, кастрированные призраки эмоций, лезли в голову потоком злых сомнений. Стая, фронт, свобода? Этот город один на миллион, здесь живет свобода, какой-то извращенный, суровый дух братства. Тут у каждого есть свое дело и своя стая. А беды и неприятности — ровно те, которые наживешь сам. Не в этом ли смысл свободы — самому принимать решения, самому выбирать стаю, самому грудью вставать против всех бед, которые нажил сам?

«А при чем тут я? Я свободен. Я сам выбрал этот путь, сам кинул кости, сам сделал ставку на масть. Меня никто не заставлял, никто не ломал, никто не порабощал. Я всегда мог выбрать смерть, или бегство, или борьбу. Но я выбрал силу. Выбрал свой путь. Путь Альянса. Да, была смерть, была боль, были потери. Но я пережил. Не сломался. Я сильнее, свободнее их всех. Мне не нужна стая. И все, что я делаю, я выбрал сам. Я не цепной пес. Не игрушка судьбы. И не наймит. Я — агент. Вестник смерти. Свободный, как любой из нас. Мы элита — самые сильные, умные, быстрые, умелые. Мы сами выбираем роли и ведем игру. Это ли не свобода?»

Но от слов не становилось легче. Сомнения, беспросветная тоска. Тяжелое, злое одиночество. И знание о том, что агент Альянса свободен лишь в выборе средств исполнения приказа. Они не покинули больной, натруженный разум Реймунда. Как не покинуло его знание о том, что лишь раз свернув с пути, он потеряет даже эту свободу. По своей воле или без воли, если его сочтут предателем, у него останется один путь — сдохнуть как можно менее болезненно. И это знание душило, черными тенями проступало в углах, желтой пылью заползало в легкие. Это знание говорило: «За тобой идет охота». И он не знал — сможет ли отвести в сторону бессердечную, как он сам, стрелу судьбы.

У него нет стаи — есть лишь горстка отчаянных одиночек, способных на все, но не совершающих ничего важного. Нет пути, кроме того, что навязали. Нет будущего вне игры. А теперь его хотят лишить последнего.

Но он, Реймунд Стург, не сдастся без боя. Ему, в отличие от прочих, не навязывали путь, он выбрал его сам. И сам идет. И будет идти. Ибо Альянс — это часть его. Такая же важная, как глупые мысли об эфемерной свободе. Он убийца Альянса. Самый сильный, самый умный, самый опасный. И даже в игре на чужой доске он не позволит себе спасовать. Он найдет предателя. Заставит говорить. И заставит платить.

Размышляя так, Реймунд сам не заметил, как погрузился в сон, глубокий и беспокойный, полный тревожных видений и сомнительных мыслей. Чужих.

Игры с банкирами

Минула праздная и довольно безынтересная неделя. Кое-что начало выявляться. После небольшой внутренней войны с другими городскими банками заведение «Вителлозо» вырвало себе возможность серьезно пообщаться с Чителли.

Реймунд поправил камзол, сделал так, чтоб он висел чуть приспущенным на правом плече, взвесил в руке телескопную сумку. Проверив, насколько безумным выглядит взгляд его глаз в зеркальце, он остался доволен результатом и вышел из своей каморки.

Ингвальд получил расчет и благодарность еще вчера, и, как разумный человек, на первом же корабле отбыл из города. Реймунд отпустил. Никогда не любил уничтожать людей из чрезмерной осторожности.

Теперь Батилеззо предстояло играть самому Стургу, а значит — ставить себя под удар возможных конкурентов «Вителлозо» и жить в гостинице с минимальным порогом безопасности.

Посему убийца предпринял собственные меры безопасности — на шею глубоко под одеждой висел на конопляной веревке амулет, генерирующий магическое силовое поле, вполне способное выдержать несколько выстрелов и пару ударов клинка. На пальце под перчаткой располагалось латунное тонкое колечко — детектор ядов, магической отравы и болезней быстрого действия.

А в квартире в потайном ящичке добротного дубового шкафа лежал амулет — в проволочных отделениях черненого серебра десять маленьких бриллиантовых сердечек. У кошки девять жизней, у агента чуть больше, этот амулет давал Реймунду возможность десять раз умереть и вернуться в контрольную точку — место, где лежал амулет.

И это было то самое устройство, секрет которого Альянс хранил как самую страшную тайну, которую невозможно было купить ни за какие деньги. Даже призвав одного из тех демонов, что в залог души могут рассказать все, что угодно, демонолог на вопрос: «Почему нанятый по мою душу агент, которого я вчера сжег, а позавчера утопил в кислоте, возвращается снова?» получит в ответ совет самому удавиться и не задавать глупых вопросов.

В общем, степень готовности общения с агентом ван Курмхога была на высоте. Впрочем, Реймунд надеялся, что, как и раньше, обойдется без смертей. Без его смертей.

Встреча происходила в «Вителлозо». На этот раз это был кабинет директора банка — просторное помещение, со вкусом обставленное дорогой, гармонично сочетавшейся мебелью. Оно должно было служить ярким примером превосходства высшего управляющего звена «Вителлозо» над простыми смертными. Единственным не сочетавшимся с комнатой элементом был сам директор — невысокий, плешивый тучный человек с маслянистыми глазками и идеальным париком с кишевшими в нем идеальными блохами.

Секретарша директора — миловидная девушка лет семнадцати, с явной туземной примесью во внешности, пропустила Батилеззо в кабинет директора, вежливо поздоровавшись и пожелав приятного дня.

— Ах, сеньор Чителли Батилеззо, — почти эротично воскликнул директор банка. — Сердечно рад, что вы решили уделить мне время, поверьте, вы не будете разочарованны. Позвольте представиться — Федерико Скузи. Директор банка «Вителлозо».

— Рад знакомству, — Чителли прошел в кабинет и присел в большое, обитое белой материей кресло с неудобно выгнутой спинкой, стоявшее напротив стола Скузи. Игнорируя при этом протянутую для пожатия руку директора.

Почесав затылок, Федерико продолжил:

— Нам стало известно о ваших финансовых трудностях...

— Само собой, стало известно — это же ваш банк не отдает мне обещанные государством деньги, — прервал Батилеззо. Имелись в виду деньги по государственному гранту, а не те, что обсуждались в «Де Тировьен».

— Я прекрасно понимаю вашу обеспокоенность таким оборотом событий. Но, к сожалению, сейчас у банка Вителлозо просто нет возможности предоставить вам сумму такого размера без вреда другим вкладчикам. А корабль с вашими деньгами, похоже...

— Ах, оставьте ваши оправдания. Я уже устал обивать пороги финансовых заведений, по милости Ригельвандо вынужденный предлагать долю своего гениального открытия всяческим воротилам, не способным узреть и края значительности этого дела, — скривился ученый.

— Именно об этом я и говорю, — оживился директор.

— Нет, об этом говорю я, а вы мямлите что-то невразумительное, — капризно перебил вновь Чителли.

— Но, прошу вас, дайте мне минуту вашего драгоценного времени на пояснения, — удостоверившись, что строптивый ученый не собирается больше перебивать, хоть и смотрит на него с выражением сдержанной брезгливости, Федерико продолжил. — Дело в том, что я хочу как раз предложить вам выход из этой сложной ситуации. Банк не может предоставить деньги...

— Я уже это слышал.

— Но! — банкир сделал прямо-таки театральную паузу, Батилеззо зевнул. — Один из инвесторов «Вителлозо», человек мудрый и в высшей степени образованный, узнав о вашем сложном положении, сразу же предложил спонсировать вашу экспедицию из своего кармана. Поверьте мне, этот человек прекрасно осознает всю важность вашей работы и будет рад помочь вам наконец полноценно заняться столь важными исследованиями.

— Звучит как карканье грифа — подозрительно. Откуда бы этому важному человеку что-то знать о моих исследованиях, суть которых я никому не разглашал. Поймите, недалекий Федерико. Важность моих исследований чрезмерно высока для одного человека, пусть и богатого. Они должны иметь государственную поддержку. Иначе мой научный труд будет дискредитирован стяжательством, а меня назовут шарлатаном, — тон ученого стал надменным и в высшей степени помпезным.

— Но, сеньор Чителли, будьте же благоразумны. Деньги государства, возможно, не придут еще полгода, а то и дольше. А тут вам предоставляется шанс приступить к научной работе уже к концу следующей недели. Ведь самое важное — это вклад в науку, вне зависимости от того, на какие деньги он сделан. Разумные люди будут судить вас по практической сумме важности вашего открытия самого по себе, — в голосе банкира слышалась такая мольба, что, казалось, от этого разговора зависит не только очередная сделка, но и жизнь этого смешного богатого человечка.

— О, святая наивность, — с горечью в голосе произнес Чителли, — не говорите о том, чего не знаете. Научный мир — это мир стервятников, готовых разорвать более удачливого собрата, если он допустит хоть малейшую ошибку. Например, допустит подозрения в жадности и стяжательстве, подозрения в том, что он делает открытие не ради науки, а для собственного обогащения, да к тому же еще обогащает неизвестного коммерсанта. Да меня с дерьмом съедят! — последние слова Чителли почти прокричал.

Директор банка смущенно замолчал, подбирая слова.

— Впрочем, вы возбудили мой интерес, — продолжил Батилеззо снова спокойным голосом. — Возможно, если я побеседую со своим меценатом, пойму его причины, и сумею убедить его в том, что мои исследования носят истинно научный характер огромной важности... Возможно, он пожелает осуществить спонсорство на моих условиях.

— Но, сеньор Батилеззо, наш инвестор очень занятой человек, к тому же он живет за городом. Не знаю, возможно ли, ведь все можно обсудить и через уполномоченное лицо, — протестующе выставил вперед руки банкир.

— Мне надоело общаться с лакеями! — вскричал Чителли. — Хватит окутать меня в грязь. Я достаточно уважаем в научном сообществе, чтобы позволить себе общаться с теми, кто желает воспользоваться плодами моих трудов! Это мое условие. Иначе ищите других гениальных ученых.

— Что ж, — напряженно о чем-то размышляя, произнес Федерико. — Я думаю, в целом это возможно. Постараюсь все организовать.

— Сегодня же! — пристукнул по столу ученый, довольно нелепо.

— Вы убиваете меня, сеньор Чителли, — всплеснул руками финансист.

— А вы тратите мое время. Сегодня! — снова удар по столу, на этот раз телескопной сумкой.

— Хорошо. Хорошо, сеньор Батилеззо. Я постараюсь все устроить. Пожалуйста, будьте во второй половине дня в гостинице — за вами пришлют карету, — сдавшись, быстро проговорил Федерико, боясь окончательно потерять клиента.

— Чудесно, — без особого энтузиазма, произнес «ученый». — Буду ждать с нетерпением. За сим, прощайте.

Чителли Батилеззо резко встал и решительно вышел из кабинета директора. Федерико Скузи снял парик, протер лысину бархатным платочком и подумал, что завтра его либо уволят, либо повысят.

Волк слабее тигра

В помещении было темно. Это было условием беседы, весьма неприятным. Находясь в собственном доме, а тем более — принимая гостей, хозяин просторного, богато обставленного помещения привык видеть. Видеть картины кисти великих мастеров и изящную мебель драгоценных пород дерева, дорогое оружие, принадлежавшее когда-то генералам и героям, вазы тонкого фарфора, шелковые драпировки. А главное — удивление и восторг, в глазах посетителя.

Сейчас благородного вида, роскошно, по-военному одетый, старец, сидевший в глубоком, удобном кресле, видел лишь изящно очерченный светом сквозь щели в задернутых шторах темный силуэт.

Она стояла к нему спиной, поражая совершенством пропорций гибкого тела и исходящим от этого совершенства ощущением опасности, заставляющем сжиматься руки на подлокотниках кресла, где располагались несколько кнопок на особый случай.

Слабые, остановленные стеной темной ткани солнечные лучики, чудесным образом проводили границу меж мраком и полумраком, погружая помещение в романтическую, таинственную, трагичную атмосферу заговора.

В лучах кружилась пыль — все, что остается от сущего после увядания. Цену увядания, разрушения, небытия знали оба присутствующих в комнате. Очень хорошо знали.

— Итак, это агент Альянса? — сухим, размеренным, очень серьезным голосом произнес хозяин дома. Он был раздражен и заинтригован. Редко кому доводилось ставить условия в

его собственном доме.

— Это твоя смерть. Если не будешь следовать моим указаниям, — был ответ, голосом нежным и зловещим. Так, наверное, маньяк-убийца разговаривал бы с ребенком.

— Ты смеешь меня пугать в моем доме? — голос хозяина сделался надменно-повелительным. Этот человек был уверен в себе, а равно и в том, что идеально контролирует ситуацию.

Изящный силуэт резко, почти незаметно, дернулся. Медленно сжались и разжались кулаки, из подушечек нечеловеческих пальцев выскочили когти и медленно втянулись. Не все.

Указательный палец правой руки бритвенно-острым когтем начал скользить по занавеске сверху вниз, проливая в помещение чуть больше света. Пыль, будто взбудораженная волнующим присутствием золотых лучей, взметнулась сильнее, закружившись искорками на сквозняке.

— Очень рекомендую закрыть свою гнилую пасть и слушать, — голос был спокойным и сдержанным. Даже слишком. Ему в полной тишине сопутствовал лишь треск разрываемой ткани — Сегодня, вечером, он прибудет к тебе. Вряд ли убивать. Скорее разведать. Пусть твои молодчики постараются. Возьмите его.

— И что дальше? — каким-то жалким и сдержанно-дрожащим голосом поинтересовался человек в кресле. Ее голос, звук ткани, та легкость, с которой гостя нарушила покой помещения. Надменное спокойствие и теплая, мягкая, обволакивающая агрессия. Уверенность хозяина начала улетучиваться. Теперь он не любовался соблазнительным силуэтом, он смотрел на пыль в золотых лучах.

— Подержи его у себя. Можешь пытаться, — это слово, похоже, доставляло говорившей удовольствие, — можешь беседовать. Главное, не убивай. Покажи ему бумажку.

На столик рядом с окном лег лист плотной бумаги.

— Он станет, — говорившая помедлила, затем томно произнесла, — покладистым. Позже мы его заберем.

— И какая вам, — хозяин дома выделил последнее слово значительной интонацией, — от этого польза? Все и всегда желают извлечь двойную выгоду. В чем ваша?

— Скажем так, — голос продолжал оставаться томным, садистски-растянутым, — Белое Крыло заботится о своих инвестициях.

Человек в кресле рассмеялся. Это ему подходило. Звучало в нужном стиле — его не пытались обмануть, лишь использовать. Все как обычно. А он всегда умел пользоваться людьми и даже организациями в ответ.

— Чудно, — произнес он, заслоняясь от лучика света, упавшего на лицо через дыру в занавеске. — Договорились. Как с тобой связаться, если...

Опасной собеседницы уже не было в комнате.

— Чертова кошка, — пробормотал ван Курмхог. Он не привык, когда с ним играют. И уж тем более, когда общаются свысока. Бывший наемник сам предпочитал говорить с позиции силы. «Им нужен этот убийца? Что ж. Они его получают. Но сначала я сам выясню его ценность».

Приказав раскрыть шторы и заменить порванную, банкир вернулся к чтению, раскрыв потрепанный экземпляр подшивок отчетов ригельвандских экваториальных комиссаров, людей умных и понимающих. Он в ближайшее время надеялся через «Вителлозо» стать одним из них.

Библиотека Хранителей Знания: Колониальная политика Экваториального Архипелага

Мораль и выгода — не сочетаемы

Интересы свободной торговли подразумевают необходимость некоторых жертв. А также использования методов не совсем стандартных для Ригельвандской Экваториальной Торговой Компании. Однако радикализм может быть обоснован усложнением обстановки в секторе Клыка. Туземные ресурсы города Стофалл и в целом острова Клык предельно истощены, возможно, еще 30 лет назад нужно было думать об улучшении условий труда и уменьшении темпов эксплуатации туземных ресурсов острова. Ныне же подобные меры принимать уже поздно — если 30 лет назад мы располагали не менее чем тремястами тысячами здорового работоспособного туземного населения, и всего 60-ю рудными разработками, то ныне в нашем распоряжении лишь десять тысяч туземцев при постоянно наращивающих темпы выработки ста двадцати работающих рудниках.

Да, несомненно, поставки преступников и связанное с этим ужесточение законодательства несколько облегчали ситуацию. Однако преступники — по большей части наши же колонисты и выходцы из метрополии, люди, как правило, болезненные и ослабленные излишествами. Они слишком быстро умирают. Воля ваша, но, на мой взгляд, много лучше использовать висельников в качестве морской пехоты, для этого у них достанет силы и сноровки, но для рудников они решительно не годятся.

Так же существенно сложнее стало доставать туземные ресурсы из других областей — виной тому, конечно же, контрабандная торговля оружием (вы не поверите, из рейдов ныне не возвращаются не менее десятой части отрядов работоторговцев), а так же в целом уменьшение доли в достаточной степени доверчивых туземных племен, обитающих близко к берегу. Ну и, конечно же, постоянные проблемы транспортировки — амиланийки, пираты, а теперь еще и активизация шваркарасских каперов.

Посему, разумным полагаю применение следующего пакета мер, кои существенно должны облегчить положение наших добывающих производств на Клыке.

Первое — формирование из преступников, прибывающих на Клык согласно постановлению Ригельсберме от 21 гартарудела 762 года, отрядов так называемых «рейдеров» вместе с наемными проводниками из туземцев и анималистических рас, совершающих на легких, маневренных судах рейды как по деревням дикарей, так и по поселениям предполагаемых стратегических оппонентов.

Второе — организация нескольких очагов напряженности меж туземными племенами островов, близлежащих к Морю Клыка, с целью организации взаимной борьбы туземцев, в ходе которой пленные достаточно дешево продаются нашим агентам в достаточных для поддержания экономики Клыка объемах.

Третье — прием на контрактной основе на срок не менее 10 лет на службу опытных и умелых некромантов для восстановления численности личного состава на самых сложных производствах. Есть возможность договориться с представителями туземных культов или же с кешкашиварами, что в таком случае не будет противоречить церковной доктрине о чернокнижии и неприемлемости использования темных искусств в экономической деятельности. Данный метод может стать настоящей оздоровительной панацеей для пошатнувшейся экономики Клыка.

Из отчета комиссара представительства Ригельвандской Торговой Экваториальной

Компании на острове Клык Джеромо Буаничелли. От 26 орналика 801 года.

Одобрено Ригельсберме в 802 году. Третий пункт был подвергнут вето со стороны Ригельвандской Церкви Единого без права обжалования.

Часть 1. Глава 5. Дорожные неприятности

Карета качалась и скрипела. Мимо проносились обширные поля, изрезанные линиями мелких речек и бугрящиеся невысокими холмами. Кое-где встречались некрупные лесочки и рощицы. На холмах тут и там встречались укрепленные деревеньки, укрытые частоколом и охраняемые дозорными башнями.

Если Ахайос представлял собой логово преступности организованной и взаимоуравновешенной, то земли, лежавшие за стенами могучих Цитаделей, были местом, где суровые и очень живучие честные люди, пытавшиеся зарабатывать свои трудом, отстаивали свою независимость и право на жизнь в ежедневной схватке с неконтролируемыми ордами всяческого отребья. Подонков общества, сбивавшихся в банды налетчиков, грабителей и простых разбойников. Частенько тут встречались контрабандисты и, что хуже, работорговцы. Не стоит умалчивать так же об опасных монстрах, стаях хищников и многочисленной нежити с погостов у деревень, сожженных ватагами лихих людей. Потому каждая деревня Калистиса представляла собой небольшой форт, находящийся на самообеспечении, а люди, выходя работать в поле или на выпас скота, брали с собой мушкеты и сабли, изрядно осложнявшие занятие сельским хозяйством.

Дороги представляли собой просто пыльные, в меру утопанные участки земли, располагавшиеся на относительно плоском, пригодном для движения телег пространстве. Никто их не благоустроивал и не ремонтировал. А потому карету трясло и подбрасывало на колдобинах. Кучер-крыса все подстегивал выносливых пегих лошадок, идущих в шестерке. За каретой неслось сопровождение — четверо хорошо вооруженных головорезов, бывших драгун из колониального корпуса Ахайоса. Внутри было бы комфортно — просторный салон, мягкая обивка, приятная обстановка, — если бы не общество двух телохранителей-полугетербагов, занимавших две трети пространства кареты. А также, судя по всему, секретаря ван Курмхога — похожего на тощего мопса типа, монотонно вещавшего правила поведения в поместье его хозяина и этикет беседы с самим миллионером. Правила, в основном, заключались в наборе норм поведения, при соблюдении которых охрана не приканчивает посетителя на месте: не делать резких движений, не повышать голос, выполнять все, что тебе скажут, не приближаться к вооруженным людям и Курмхогу ближе четырех шагов и тому подобное.

Реймунд слушал этот бубнеж и про себя удивлялся:

«Как можно так жить, как крыса в норе, обложившись охраной, боясь в одиночку сходить в туалет. Не имея возможности спонтанно пойти куда-то, и даже пищу принимая сначала кем-то уже попробованную. Как можно наслаждаться жизнью и своими огромными деньгами, постоянно ожидая удара в спину, подозревая самых близких, и зная, что эти самые близкие ждут не дождутся, пока ты сдохнешь. Испытывать на себе негативное влияние магических средств защиты и привлекать внимание нечисти колдовскими оберегами. А может еще и подвергаться дыханию ада, полагаясь на защиту демонов-стражей. Подобным людям смерть должна стать самым великим благом», — так размышлял Реймунд, не замечая сколь схож или, скажем так, сколь так же ограничен его собственный образ жизни. Или не желая об этом думать.

***

Ричард ван Курмхог имел все основания опасаться покушений на свою жизнь.

Обеспечение надежной защиты своей персоны для него было не перестраховочной мерой, а скорее насущной, постоянной жизненной необходимостью. Ричард никогда не был хорошим мальчиком. В двенадцать он впервые убил человека — своего родного отца, когда тот попытался его по пьяни ударить. Затем он забрал семейные сбережения и ушел. Покинув дом — жалкую лачугу давно разорившегося рода своего, при этом бросив на произвол судьбы, без средств к существованию, больную мать и малолетнюю сестру. Тогда он впервые и на всю жизнь уяснил простую истину — бери то, что хочешь, не сожалея и не оглядываясь назад. Так он всю жизнь и действовал, будучи простым наемником в отряде своего дяди, никогда не любившего отца Ричарда. Он был самым кровожадным, злобным и гнусным сукиным сыном. Он не только насилывал, беспощадно грабил и убивал после победоносных операций, также он, пользуясь умением объединять вокруг себя подонков рангом пониже, обирал собственных сослуживцев, обманывал, предавал, отбирал лучшие куски добычи. Став командиром своего отряда, ван Курмхог нередко предавал своих нанимателей ради выгоды, набирал в отряд только людей, лично преданных ему — как правило, разделявших его порочность, но менее харизматичных и изобретательных. В своем отряде он железной рукой насаждал страх перед своей персоной, уничтожая всякого недовольного его манерой командования. Тех, кем он был недоволен, он либо быстро посылал в бой в первых рядах, либо приказывал тайком удавить, разрешая разделить долю несчастного между убийцами. И позже он опять же перенес эту привычку, занявшись бизнесом. Конкурентов он убивал либо заставлял стать частью своей финансовой преступной империи, подкупом, лестью, силой характера или просто угрожая всему, что конкуренты любили. Он занимался такими вещами, которые подчас считали мерзкими даже его «коллеги по цеху». Торговля трупами, посредничество в продаже зараженной одежды и одеял туземцам. Заказные убийства целых семей и родов. Договорное содержание заложников. Тяжелые наркотики. Демонические артефакты. Помощь экваториальной инквизиции Алмарской Империи и множество других дел.

При этом всегда, когда начинало пахнуть жареным, Ричард находил крайнего, дабы принести его в жертву вместо себя. За свою жизнь Ричард ван Курмохог подставил, обманул, убил, оставил без средств к существованию или просто кинул такое количество народу, что хватило бы на десять жизней. А если включить сюда случайно выживших родственников, друзей и прочих доброжелателей уничтоженных им людей... Мягко говоря, ежедневно этот делец сталкивался с целой армией мечтающих о его смерти мстителей. Он был порядочной гнидой. Он стал целью Альянса.

Альянс редко получал контракты на праведников. Как правило, услуги агентов Альянса требовались, когда необходимо было убрать человека, подозревающего, что его хотят убить. Готового к этому и желающего крепко побороться за свою жизнь. К тому достаточно влиятельного и состоятельного, чтобы он стал занозой в заднице для кого-то также влиятельного и богатого. Способного оплатить миллионные счета Альянса. Разумеется, такие люди редко бывают хорошими.

***

Карету неожиданно потрянуло сильнее обычного. В следующий момент послышались хлопки выстрелов и воинственные крики.

— Налетчики, — чуть побледнел, но сохранил присутствие духа секретарь, которому следовало родиться собакоголовым. — Не волнуйтесь, сеньор Батилеззо, иногда такое бывает, с нами надежная охрана, состоящая из профессионалов. Им не раз приходилось

справляться с низкопробным сбродом, шатающимся по местным дорогам.

Чителли выглядел смущенным и ошарашенным, он промолчал и с мольбой посмотрел на сидевших рядом с ним гетербагов.

— Нет необходимости, сеньор Батилеззо, — поймал его взгляд секретарь. — Внешняя охрана справится.

Послышался топот множества копыт. Звуки пальбы. Затем — скрежет сталкивающейся на высокой скорости в воздухе стали. Хрипы, стоны, мат и проклятья.

По карете прокатился град громких ударов. Сидевший слева от Чителли полугетербаг ругнулся на своем рокочущем языке и, запустив пальцы с длинными ногтями в рану в плече, вынул оттуда неглубоко засевшую пулю. Потом взревел, осознав, что его ранили, и выскочил из кареты. В распахнутую дверь несколько секунд падал свет, затем тело телохранителя вновь прервало его свободное поступление. Гетербаг ударился о подножку высокой кареты, его голова ввалилась обратно, упав на пол, из рассеченного до позвоночника горла хлестала кровь. Второй охранник выхватил два пистоля, точнее, две хандканоны, и выстрелил в проем открытой двери, в кого-то невидимого для Чителли и секретаря. Карету заволочло густым пороховым дымом. Ревущий гигант выскочил на дорогу, схватив массивный тесак, до этого лежавший на сиденье рядом с ним.

Поскольку рев продолжался и слышались даже крики других раненых и стоны убитых, второй охранник оказался успешнее своего собрата.

Еще одна пуля пробила стенку кареты и вошла в плечо Реймунда-Чителли. Увидев это, секретарь наконец-то решил спасти свою жизнь и бросился на пол кареты. Пуля, выпущенная с лошади с близкого расстояния, пробила стенку кареты под потолком и вошла несчастному в спину. Тяжело раненный, он пополз к выходу, миновав порожек, вывалился из салона и исчез с глаз, возможно, успев спрятаться под каретой. Схватка снаружи продолжалась. Значит, охрана и правда не зря ела свой хлеб.

«Интересно, почему городские кареты бронированы, а эта даже без решеток на окнах».

Реймунд подобрал брошенный гетербагом пистолет и стал его неспешно заряжать. Плечо болело. Но на боли он не концентрировался. Были дела поважнее. Стук копыт вокруг стал затихать и отдаляться. В салон сунулся гетербаг:

— Они отходят, сукины дети! — проревел крепьш хрипло.

Пуля вошла здоровяку в глаз, мгновенно прервав поток его радости, последовали бурные конвульсии, аж карету шатнуло.

Чителли неспешно, держась за раненное плечо рукой и изображая на лице бесконечное страдание, выбрался из кареты. Трупы обоих мертвых охранников лежали прямо перед каретой. Пришлось встать на них, чтоб спуститься на землю.

Вокруг раскинулось живописное поле боя. Валялось не меньше шести дохлых или издыхающих лошадей, большими добрыми глазами смотревших в затянутое тучами небо. Лежали в театральных позах тела нападающих — людей по большей части, одетых, как разбойники, в легкие доспехи, стеганые куртки, плащи, широкополые шляпы. А также тела троих бойцов охраны, изрубленные и многократно простреленные.

Шагах в двухстах далее по дороге клубилась пыль — убегали остатки нападающих. Тело последнего из четырех драгун лежало под его же лошадью в десятке шагов от дороги, торчавшие из-под туши ноги еще дергались, это была не агония, человек был жив, но наверняка у него был сломан позвоночник, раздроблены ребра, к тому же он должен был скоро задохнуться под мертвым скакуном. Реймунд оставил его как есть.

Под каретой издыхал секретарь, в нем темнело еще несколько дыр помимо той, что была в спине. Помощи ему не требовалось. Трое из шести лошадей упряжки кареты были убиты. Четвертая получила ранение в район спины, ближе к хвосту, судя по всему в позвоночник, задние ноги отнялись, лошадь беспомощно стучала по земле передними ногами, безуспешно пытаясь встать. Реймунд прервал мучения бедного животного. Оставшиеся три лошади по-прежнему стояли впряженными в карету и с ужасом взирали на побоище, дурея от запаха крови и близости смерти.

Кучер-крысюк выбрался из недалекой рощицы через десять минут после завершения побоища. Нападающих, как Реймунд подсчитал, было не меньше пятнадцати, он нанимал двадцать. Видимо, кто-то не смог или не стал. В любом случае их главарь — собакоголовый по кличке Арракт — лежал неподалеку от кареты убитым, а остальные с Реймундом не встречались.

— Мы должны немедленно ехать обратно в город, — срывающимся голосом крикнул Реймунд крысюку, подошедшему к карете.

Кучер мрачно кивнул и стал менять лошадей в упряжке так, чтоб они могли дотащить карету обратно в город. Крыс не был глуп и ценил свою жизнь, а потому не собирался продолжать движение к особняку Курмхога, впрочем, и карету ему в город везти не хотелось. Больше всего он хотел сбежать и затаиться где-нибудь на годик-другой, пока его не забудут, но лох, которого они везли к боссу, был в истерике, и у него был пистолет. Зато с ним и с каретой кучер рассчитывал беспрепятственно попасть обратно в город — одиноких крыс гарнизон надвратных цитаделей недолюбливал. Попасть в город — и тут же испариться, бросив лоха в дырявой карете. План был вполне сносен.

Само собой, план пошел прахом. Вместе с жизнью крыса. Оказывается, наблюдая за летящей в тебя гранатой, тоже можно увидеть промелькнувшую перед глазами жизнь. Короткую, никчемную жизнь. Грязь запущенной халупы, где таких как ты еще восемь, вечно пьяную всяческой отравой мать, отца, работающего для ватаги шестеркой. Побои. Сражения за краюху черствого хлеба. Убитый младший брат. Убитый и съеденный — это был голодный чумной год в квартале крыс. Бегство в порт. Тяжелая работа за гроши. Обучение у старого толстого крыса-кучера, он очень любил лупить ученика палкой в плохом настроении. Работа, побои, работа получше, побои пореже. Работа на Курмхога, страх, но легкая работа и никаких побоев. Жизнь только наладилась. Впрочем, крысу незачем было жить.

Взрыв перевернул карету, вторая граната убила двух лошадей и бросила в пыль тело мертвого кучера.

Реймунда в карете уже не было. А у Батилеззо теперь был повод на паранойю.

Реймунд не испытал ни на мгновение укола совести, стыда, иных эмоций. Сейчас это была работа. А значит, жертвы не были напрасными. Каждая жизнь была им учтена и записана в необходимый расчетный актив. Он знал, что на Курмхога не работают ангелы, и не собирался скорбеть о людях, зарабатывающих на жизнь умножением зла в этом мире. На роли же исполнителей он долгое время присматривал самых злобных, эффективных и кровожадных отморожков. Нашел и нанял наиболее подходящих. Пусть даже их прах не упокоится. Он предусмотрел все, чтобы не дать повода лишним сожалениям.

И вместе с тем, Стург понимал, что даже будь на месте охраны смиренные монашки, а на месте нападающих — детский нищенский хор, он без тени сомнения поступил бы так, как поступил. Это необходимая жертва. Необходимая для дела. Он агент Альянса, профессионал.

Его никогда не мучила совесть за свершенное ради достижения цели. Разве что лошадей было немного жаль.

Театральная истерика

— Нет, мой дешевый Федерико, — Чителли нервно мерил шагами приемный покой своего гостиничного номера. — Ни о каких поездках не может быть и речи. Больше я не выйду из номера, пока не буду уверен в том, что у меня есть деньги и надежная охрана на все время экспедиции. И теперь мне просто необходимо встретиться с вашим ван Курмхогом. Хочу взглянуть в лицо человеку, из-за которого я дважды чуть не лишился жизни, получил ожоги и ранение плеча.

— Но как же это можно устроить, сеньор Чителли?! — возопил банкир. — Ведь вы же отказываетесь выходить из номера!

— Вам что-то не ясно?! — Батилеззо был в ярости. — Пусть он сам ко мне приходит! Не позже завтрашнего дня! Иначе я, невзирая на все обстоятельства, беру билет и уезжаю на ближайшем судне, идущем в метрополию. Моя жизнь мне дороже науки. Можете обвинить меня в непрофессионализме!

— Хорошо. Хорошо. Сеньор Чителли. Прошу вас, подождите. Не уезжайте завтра. Я постараюсь устроить встречу, — по-ригельландски экспрессивно взмахнул руками банкир.

— Очень на это надеюсь. Без ван Курмхога я вас здесь видеть больше не желаю. Вон! — повелительно сообщил ученый.

— Всего хорошего, — едва сдерживая нахлынувшие чувства, уважаемый и могущественный городской банкир коротко поклонился и опрометью бросился из номера, боясь, что наговорит этому заносчивому снобу лишнего, и тогда Курмхог смешает его с пылью.

За окном пели птицы, прохаживались степенные, красивые пары, тихо шумела под легким морским ветерком зелень. Реймунд не без удовольствия проследил, как возмущенный банкир, нарушая идиллию, руганью распугал птиц, сломал по дороге от избытка чувств тростью пару кустов и даже толкнул парочку молодых аристократов, чуть не нарвавшись на дуэль.

«Шах». Он улыбнулся про себя. Дело было почти сделано. Затем развернулся от окна и улыбнулся уже зеленоволосой служанке. Она отложила книгу, которую до этого читала в кабинете, ожидая, пока крикливый посетитель уйдет. Нежно улыбнулась и в призывной позе опустилась на диван. Стург не заставил себя ждать. Скоро сборник исторических дневников в красном переплете свалился на пол с трясущегося, будто одержимый, дивана. Страница о любовных похождениях маркиза де Сантафе захлопнулась. Книга подпрыгнула, раскрывшись на более богобоязненной теме. Видимо, под стать крикам служанки: «О, боже!»

Библиотека Хранителей Знания: колониальная политика Экваториального Архипелага

Записки убывающей святости или как ведут дела алмарцы

Синтарис, 1 число года 800 от Основания Священной Империи.

Волей Единого капеллан отряда сводного Его Высокопреосвященства Архиепископа Конрада VI Гвардейского полка «Клинок Доблести». Я, отец Арчибальд храма Бога Воителя начинаю дневник операции «Крылья Ангела». Цель операции достаточно простая — исследование влияния храма симираллов, стоящего на острове Альгаристо, на туземные культуры острова, а возможно и архипелага Энсирос. Высадка полка намечена на 6 синтариса, благословенный флот под командованием Эрика Магнуса к данному числу

должен достигнуть берегов Альгаристо для производства десанта полка.

Синтарис, 8 число года 800 от Основания Священной Империи.

Высадка произведена с опозданием на 2 дня, причина — шторм. Был потерян один из вспомогательных кораблей десанта. Потери — 250 человек личного состава, включая матросов, также 4 тяжелых орудия. По погибшим был совершен молебен, дабы их души упокоились в море, и не коснулась их скверна. «Святое причастие» — флагманский галеон Магнуса — дал завершающий салют и увел флот на базу острова Вальфис. Согласно предписанию, операция должна быть завершена не позже 10 ихтиониса. Флот Магнуса к этому времени должен возвратиться для обеспечения транспортировки полка и результатов исследований на Вальфис.

Синтарис, 12 число года 800 от Основания Священной Империи.

Произведено строительство временного лагеря полка. Отправлена разведка в близлежащие джунгли. Цели разведки, помимо стандартных, — обнаружение туземных племен острова, ввиду необходимости получения проводников, хорошо знакомых с местностью. Джунгли представляются плохо проходимыми для крупных войсковых соединений, без опытных проводников операция рискует чрезмерно затянуться.

Синтарис, 16 число года 800 от Основания Священной Империи.

Разведке удалось связаться с местными туземцами. Племя тисолькетов. Несчастные язычники, не ведающие света истинной веры. Их вождь прибыл с полусотенной «свитой» — очевидно, родственников, жрецов, телохранителей и прочая. Он был облачен в богатый убор из перьев экзотических птиц, интересным элементом являются декоративные крылья, которые, находясь у него за спиной, выполняют, очевидно, функцию регалий. Они столь велики, что их поддерживают двое юношей племени. Туземцы принесли «дары» — перья, плоды, украшения из серебра, корзины с представителями местной фауны, цветы. Они объявили, что на нас чрез них распространяется благословение «бога-птицы», по крайней мере, так это перевел лингвист отряда мэтр Вителло Очинеолли. Брат Марк оказался несдержан, он прилюдно обвинил вождя в ереси, язычестве и распространении скверны. Пришлось наложить на Марка суровую епитимью. Нам по-прежнему нужны проводники. Благо, мэтр Вителло сумел правильным образом разъяснить вождю ситуацию. И свести все к шутке.

Синтарис, 18 число года 800 от Основания Священной Империи.

Туземцы, очевидно, не знакомы с традициями употребления крепких спиртных напитков. Порой интересно наблюдать, до какой степени скотства способны опуститься люди, особенно не осененные светом истинной веры. Однако ситуация создается удручающая. И я говорю отнюдь не о том, что капитан Торгвич ничем не отличался от пьяных туземцев. К сожалению, доступ к храму симираллов надежно охраняется. И одним из элементов этой охраны является принцип сохранения в тайне места его расположения. Покамест ничего более от вождя добиться не удалось. Хорошей новостью можно признать сам факт того, что существование храма не оказалось мифом.

Синтарис, 24 число года 800 от Основания Священной Империи.

Ситуация прояснилась. Оказывается, истинное место расположения храма известно племенам, располагающимся в центральных областях острова. Однако племена эти весьма враждебно настроены к пришельцам извне. Предположительно это связано с тем, что уже несколько экспедиций иностранных держав пытались добраться до храма. Благом является хотя бы то, что тисольтеки теперь более дружелюбно настроены к нам, нежели чем к

племенам центральной части острова. Впрочем, неудивительно. Полковник Свен Карлувиц посчитал необходимым научить вождя и избранных людей племени способам создания крепкого алкоголя. Чем и занят. Меж тем, вождь пообещал отправить своих охотников, дабы привести «языка» из джунглей, помимо этого он пообещал полковнику, испытавшему разлагающее влияние со стороны капитана Торгвича, привести женщин племени, молодых и незамужних. Дабы, как перевел мэтр Вителло, «приумножить силу племени посредством могучих белых людей, владеющих секретом огненной воды и громовых трубок».

Хаасрис, 12 число года 800 от Основания Священной Империи.

Широта нравов полковника, пожалуй, перешла известные границы. Пришла пора священнику вмешаться в мирское, дабы предотвратить войсковой разброд. Я приказал храмовникам арестовать полковника и капитанов сроком на 8 дней, затем из лагеря изгнали женщин и прочих лишних туземцев. Затем я имел беседу с вождем. В ходе оной я имел смелость напомнить об обязательствах касательно пленников центральных племен. Воспользовавшись дарованными мне Единым возможностями, я очистил тело вождя от злокозненного влияния медовухи, кажется, он меня понял и услышал. Во всяком случае, с переводом мэтра Вителло я понял, что моя скромная просьба будет удовлетворена.

Хаасрис, 13 число года 800 от Основания Священной Империи

На рассвете мною был проведен молебен и проповедь. В проповеди были затронуты вопросы вреда алкоголя и необходимости сохранения благородного облика алмарского воина. Глядя, как просветление божественной благодатью снисходит на распухшие, небритые, изнуренные распутством лица солдат, я испытал истинное вдохновение. На меня снизошла абсолютная уверенность — только волей Единого сей благородный поход может увенчаться успехом. Без меня и братьев-храмовников войска давно уже погрязли бы в разврате и пьянстве. После двухчасовой проповеди солдаты осознали свои ошибки и озаренные Светом Его вернулись к службе. Упорствовавшие в распутстве были посажены под арест. До просветления.

Хаасрис, 14 число года 800 от Основания Священной Империи.

Дабы отвлечь войска от праздности, я повелел начать строительство часовни и укреплений вокруг лагеря. Совместный труд должен принести несомненную духовную и практическую пользу. Меж тем, мэтр Вителло заметил мне, что местные туземцы отличаются отменным здоровьем, а также отличным физическим развитием. При этом джунгли полны малярийных болот, туземцы совершенно лишены понятий о санитарии, а образ жизни их в целом не слишком активен. Интересный феномен. Позже он подтвердился доктором Буркноссом — он осматривал нескольких туземцев, страдавших головной болью после запоя. В основном, это на диво здоровые люди.

Хаасрис, 17 число года 800 от Основания Священной Империи.

Туземцы, возможно, и здоровые люди. А вот среди наших солдат замечены первые признаки малярии. Ввиду важности миссии, я позволил себе произвести исцеление дарованными мне Единым силами. Был организован общий молебен. Он также заинтересовал находившихся в лагере туземцев.

Хаасрис, 19 число года 800 от Основания Священной Империи.

Наконец-то доставлены пленники из племен, владеющих тайной места расположения храма симираллов. Для начала предали их для беседы мэтру Вителло. Надеюсь, более сложных методов дознания не потребуется. Полковнику позволено вернуться к командованию. Однако я, тем не менее, наложил на него так же епитимью. Его душа должна

полностью очиститься от скверны пьянства и разврата.

Хаасрис, 24 число года 800 от Основания Священной Империи.

Неделя — и никаких результатов. Туземцы молчат и регулярно отказываются от пищи. Извинившись перед мэтром Вителло, передаю язычников отцу Ричарду, да смилуется Единый над их темными душами.

Расхаасис, 4 число года 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

Итак... Последний из туземцев умер под пытками. Их похоронили, предварительно предав кругу. Выяснить удалось немного — тайной места расположения храма владеет лишь вождь их племени. Но он не раскроет её ни под какими пытками. У вождя есть дочь, в которой он души не чает, и сын-наследник...

Расхаасис, 6 число года 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

Брат Зигмунд, маг Дэррик и специальная команда храмовников с проводником из лояльного племени отправлены на задание. Волей Единого да будет дарована им победа.

Расхаасис, 20 число года 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

Завершено строительство часовни. Радость приумножена новостями от брата Зигмунда. Они возвращаются с добычей.

Расхаасис, 24 число года 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

Полный успех. Брат Зигмунд со специальной командой доставил обоих родственников вождя племени хаксельмеков. Ему отправлен через посредников-туземцев ультиматум. Жизнь детей взамен информации о храме. К слову, хаксельмеки еще более крепкие, рослые и здоровые, чем тисолькеты.

Вандакр, 12 число года 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

Никаких вестей от вождя хаксельмеков.

Вандакр, 17 число года 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

Смирившись с неизбежным. Совершив молитву. Очистив тело свое от греховных мыслей. Думая только об успехе богоугодного дела. Я приказал отправить вождю левую кисть его дочери. И смиренную просьбу поторопиться с ответом.

Вандакр, 26 число года 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

К полковнику явилась целая делегация вождей ближайших племен. С просьбой защиты и покровительства. Хаксельмеки, не зная, что именно за племя помогает нам в изысканиях, атаковали без разбора несколько близлежащих к ним прибрежных племен. Весьма неосмотрительно с их стороны. Капитан Торгвич стал проявлять чрезмерное внимание к пленникам. Кажется, ему понравилась беспалая дочь вождя.

Орналик, 1 число года 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

Я провел разъяснительную беседу с капитаном Торгвичем. Дело касалось чрезмерно близких контактов с представителями языческих культур и недопустимости излишней чувствительности по отношению к дикарям и иноверцам. Особенно на государственной службе к вящему благу церкви.

Орналик, 2 число года 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

Полковник обещает защиту и поддержку всем атакованным хаксельмеками племенам. В том числе тисолькетам, которые, как оказалось, также уже испытали агрессию противника. Просто в наивности своей они посчитали, что смогут справиться с противником без нашей помощи. Конечно же, помощь будет оказана только тем племенам, которых согласятся пройти предание кругу, и примут веру Единого.

Орналик, 12 число года 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

Почти все вожди прибрежных племен острова и большая часть их знати преданы кругу и присягнули на верность Архиепископу и Империи. Полковник отправляет на помощь страдающим от необоснованной агрессии соседей туземцам отряды капитанов Эйнхерта и Карлсона, всего 300 бойцов и 12 пушек.

Орналик, 14 число года 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

Для того чтобы поторопить вождя хаксельмеков и, возможно, удержать его от агрессивных действий по отношению к береговым собратьям, ему отправили уши его дочери и указательный палец правой руки сына. Надеюсь, он внемлет гласу разума.

Орналик, 18 число года 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

Боевые действия начаты. Первое крупное сражение в саванне на севере острова. Перебито более 600 хаксельмеков и их союзников. С нашей стороны потери 15 человек и сколько-то туземцев. Мэтр Вителло уточнил — 530 туземцев.

Орналик, 20 число года 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

Небывалый случай. К великой скорби пред Ликом Единого я вынужден констатировать, что капитан Торгвич и его сотня самовольно покинули лагерь, при этом выкрыв пленных хаксельмеков. Воистину, чрезмерное употребление алкоголя, разврат и язычество толкают людей на ужасно необдуманные поступки.

Орналик, 24 число года 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

Силами беженцев-туземцев начато расширение часовни. К сожалению, простые туземцы покамест глухи для истинной веры. Так пусть хотя бы трудом помогут делу Единого.

Мортансарис, 12 число 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

Совершено предательское нападение на основной лагерь полка. Потери, правда, в основном среди беженцев-туземцев, благо, большая часть наших войск успела организовать оборону в центральном укреплении. Всего потери составили 30 бойцов. И довольно много туземцев.

Мортансарис, 14 число 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

Удалось убедить туземцев, что мы — их единственная надежда на защиту. Их силы задействованы для расширения и усиления укреплений вокруг лагеря.

Мортансарис, 16 число 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

Новое нападение вынуждает переходить к более активным действиям. Полковник выступает в поход, милостью Единого. Да будет сопутствовать ему удача военная. Я же Волею Его отправляю брата Зигмунда со специальной командой и надежными туземцами для организации поимки вождя хаксельмеков.

Мортансарис, 22 число 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

Тяжелое поражение враждебных туземцев. Полковник с основными силами обнаружил и уничтожил их основной лагерь-деревню в глубине острова. Их потери не менее 2 тысяч, не считая женщин и детей.

Рагиталин, 26 число 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

Наконец-то удалось организовать поимку вождя почти уничтоженного племени хаксельмеков, Уицтокареча. При этом погиб брат Зигмунд. Его тело будет сохранено и отправлено на родину, он заслужил этого и много большего за беспримерный героизм и служебное рвение. Да дарует ему Единый благое перерождение.

Вандратакас, 4 число 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

Уицтокареч доставлен. Занимаюсь им самостоятельно. Постоянно устаю. Остается

мало сил на дневник.

Вандратакас, 24 число 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

Очень могучий дух был у этого туземца. Благо, незадолго до смерти от полученных увечий, он согласился принять круг и веру. Мэтр Вителло перевел, что он сказал при этом «чтобы еще один». Я не совсем уверен в правильности перевода. Может, он хотел сказать Един. Впрочем, неважно. Наконец-то стало известным место расположения храма «бога птиц».

Гетербагор, 14 число 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

Храм был обнаружен. Однако пробиваться к нему пришлось с тяжелыми боями. Остатки племен-союзников хаксельмеков превратили джунгли вокруг него в настоящее поле боя, кишашее ловушками и опасностями. Сам храм — жалкая руина, судя по всему, даже не храм, а бывший насест. Охранялся как, пожалуй, охраняют лишь Собор Архиепископа в Империи. Каждая ступень постройки обогрелась кровью туземцев. Полковник погиб. Храм защищал небольшой, но сильный отряд туземцев, а возглавлял его не кто иной, как сын Уицтокареча, он поразил Карлувица в сердце каменным ножом, будучи сам при этом уже не менее десятка раз ранен. Это был один из самых тяжелых боев моей жизни. Из храма извлечен серебристый сферический артефакт, испускающий внутренний свет. А также останки симиралла в богатом саркофаге. После извлечения предметов храм рухнул, похоронив под обломками тела полковника и его убийцы. На ступенях храма был произведен благодарственный молебен за победу и панихида по погибшим.

Гетербагор, 20 число 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

Артефакт и мощи были доставлены в лагерь. Пришлось силой отгонять желающих поглазеть туземцев. Сфера поступит в распоряжение церкви. Саркофаг же, скорее всего, для улучшения дипломатической обстановки передадут симираллам, думаю, люди-птицы будут рады получить мощи какого-то своего именитого предка. Остается дожидаться флот Магнуса.

Гетербагор, 24 число 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

Стала распространяться информация о вспышке эпидемии во внутренних областях острова. Благо, лагерь под защитой Единого. Бог даст, у меня и братьев хватит сил не допустить болезнь до праведных.

Ихтионис, 5 число 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

Оказалось, эпидемия распространилась на туземцев со стороны отряда Торвича, который они недальновидно укрывали в своих селеньях. Она стремительно распространяется по острову. Впрочем, я уверен — нам ничего не грозит.

Ихтионис, 10 число 800 от Основания Священной Алмарской Империи.

Прибыл флот Магнуса. Он был встречен торжественным салютом из всех орудий. Без промедления моим приказом начата погрузка десанта. Операцию можно признать более чем успешной — цели оной достигнуты полностью. Влияние культа симираллов разрушается или разрушено. Потери в половину личного состава, при всего 10 % небоевых потерь. Великолепный результат, учитывая сложности условий. В лагере полка остается гарнизон в 50 солдат и отец Афраим с 4-мя братьями и 8-ю послушниками. Они будут ожидать в течение месяца прибытия с Вальфиса гуманитарно-медицинской экспедиции церкви, в чьи обязанности будет входить восстановление здоровья туземцев, принявших круг, и организация новой колонии Империи на острове. Также будет направлен запрос к Судьям Чумы, дабы их карательные отряды позаботились о том, чтобы праведным туземцам острова не мешали их языческие малярийные собратья. Операцию «Крылья Ангела» считаю успешно

завершенной в срок.

Капеллан «Клинка Доблести», отец Арчибальд. 800 год от о. А.И.

Часть 1. Глава 6. Шах и мат

— Арнольд! — позвал Батилеззо собакоголового начальника своей наемной охраны.

— Слушаю, сень-йор, — в комнату вошел высокий, статный, по-военному одетый боец с головой овчарки на широких плечах. Охрану Батилеззо нанял после случая с каретой. И из гостиницы выходил теперь довольно редко.

— Я желаю прогуляться до театра. Обеспечьте, пожалуйста, надежную защиту моей персоне. И завтра удвойте число солдат, плачу повышенную ставку — у меня могут быть опасные гости.

— Так точно, сень-йор, — наемник щелкнул каблуками и кивнул.

Деньги не пахнут, даже если у тебя собачий нос. А охрана трусливого Батилеззо была не самым сложным заданием профессионального телохранителя Арнольда Драхва, так что прихотям богатого клиента можно было и потакать.

Ждать пришлось два дня. Но Ричард ван Курмхог все же соизволил прибыть на личную встречу с Чителли Батилеззо. Директору Федерику Скузи это стоило огромных нервов и двух пальцев на правой руке.

Глядя на статного старца в строгом стилизованном под мундир камзоле, плаще с высоким стоячим воротником и блестящих ботфортах, чье лицо прямо дышало достоинством, а глубокие морщины и залысины лишь придавали образу законченный колорит мудрого аристократизма... Глядя в эти голубые, чуть водянистые, умные и серьезные глаза выдавшего жизнь человека, как-то сложно было поверить в то, что эта низкая мразь делала деньги в том числе на детской проституции, работорговле и платных похищениях, а так же не гнушалась, например, завозить ящики с чумными крысами на туземные территории.

Ван Курмхог приехал на «правильной», бронированной карете. В сопровождении эскорта из пятнадцати всадников — выдавших виды головорезов, по одному набранных из лучших наемных отрядов города или переманенных из банд. Вместе с ним из кареты вышли девушка-симиралл рода Лебеда, с удовольствием расправившая примявшиеся после долгой поездки в неудобной карете белоснежные крылья, и массивный кроканин — человек-крокодил, с жутковато выглядящим, вполне подвижным протезом вместо левой руки и единственным глазом на крокодильей морде.

«Охрана для вида, массовка, значение имеют кроканин и симириалл, первый боевик, явно модифицирован гартарудами, вторая — маг, очевидно, чего-то из основ, Свет или, возможно, День, в общем, выступать будет ярко. В карете кто-то остался, видимо гадатель или маг информации, хуже, если кешкашивар, должен, видимо, предупреждать об опасности».

Ричард с компанией и пятеркой спешившихся охранников прошествовал внутрь, остальные заняли улицу, рассредоточились по подворотням и основным подходам к зданию. Двое внимательно осматривали в слабые, но, возможно, магические подзорные трубы крыши соседних домов.

Ван Курмхог, шелестя длинным плащом по толстому ковру гостиницы, прошествовал в приемный покой номера Чителли, остановился на пороге. В номер вошли охранники и кроканин.

Сам Чителли и двое его охранников сидели за небольшим столиком, сервированным

легкими закусками и вином, в удобных креслах. Когда появился Ричард, Батилеззо воскликнул:

— Ван Курмхог, вот наконец-то вы явились!

«Инвестор» игнорировал его и оставался на пороге, пока охранники закрывали шторы на окнах и опускали жалюзи. Затем девушка-симиралл произвела несколько коротких пассов, и из ее рук вырвался луч ослепительно яркой энергии, образовавший круг, отделивший ее, кроканина и Курмхога от остального мира. Когда Ричард зашел в помещение, круг двинулся за ними, обратившись защитным куполом, при столкновении с которым сгорала пыль помещения. Впрочем, ковер вроде оставался цел, но становился несколько чище там, где прошел барьер.

«Кинетический барьер, магия Света, значит, также исцеляющий и уничтожающий возможный яд, заразу, враждебные энергии. Неплохо. А ведь эта барышня наверняка еще и в чистую субстанцию Света может обращаться. Впрочем, не успеет. На самом клиенте защитные амулеты от проникновения в разум, от порчи и темной магии, и дополнительный личный кинетический барьер. Возможно, есть одноразовый воскреситель. Не поможет».

— У вас не принято здороваться, херр Ричард? — панибратски поинтересовался Батилеззо.

Алмарец обвел безучастным взглядом помещение. Остановил взор на Чителли, как будто он впервые его видел. И коротко произнес:

— Делай.

В тот же момент кроканин метнулся с нечеловеческой скоростью к Чителли, охрана алмарца вскинула карабины и выстрелила по охране ученого. Собакоголовый телохранитель успел уйти от выстрела в сторону, в коридоре послышались короткие звуки борьбы, похоже, там прикончили остатки охраны Чителли. Девушка-симиралл опять вскинула руку, и из нее изошел луч белой энергии, ударивший в Арнольда и отбросивший его на пол. Подскочившие охранники прикончили псоглавца кордами.

Механическая рука кроканина тем временем, изредка выпуская облачка пара и шипя горячим маслом где-то под стальной обшивкой, сжималась на горле Чителли.

«Гартарудская модификация... Видимо, даже среди этих четырехруких снобов, мечтающих якобы только о науке и прогрессе и декларирующих невозможность передачи высоких технологий в руки недоразвитых культур, есть достаточно жадные для того, чтобы поступаться принципами. Впрочем, может, это просто устаревшая модель парового протеза... Однако зелененький и сам силен».

— А теперь, пешка Альянса, ты мне все расскажешь, — с пафосом произнес преисполненный чувства собственного достоинства бандит.

Из горла Чителли Батилеззо послышался согласный хрип.

— Великолепно. Тогда начнем допрос. Отпусти его немного, Таграк, пусть попоет.

«Попоет. Попоет. Жаль все же Ормута, хороший был актер. И все же хорошо, что гартаруды продажны не по одному и не по двое, и вполне любят деньги».

Реймунд взглянул на часы. Механизм часовой бомбы активировался, когда Ричард ван Курмхог вошел в гостиницу. Вернее, когда актер Ормут включил личное силовое поле, которое, по словам Реймунда, должно было его, если что, защитить от нападения головорезов алмарца. Но действует оно недолго, потому включать надо непосредственно перед опасностью.

Взрыв последовал почти по расписанию, в очередной раз убедив Реймунда в

превосходстве технологии над магией. Ну, если исключить, конечно, тот факт, что сам Реймунд сидел сейчас на карнизе одного из расположенных близко к гостинице зданий, укрывшись получасовым заклинанием невидимости из магической Школы Воды. И наблюдал одним глазом за улицей, а вторым, воспользовавшись амулетом трансляции зрения по согласию Ормута, наблюдал за гостиничной драмой через его левый глаз. Который теперь будет еще неделю болеть и плохо видеть. Гостиницы больше не существовало, взрывом разнесло почти все левое крыло, где располагался номер Чителли, остальная часть обрушилась, лишившись львиной доли опоры. Погибло не так много народа — ван Курмхог выступил в роли благодетеля, выкупив гостиницу на время своего визита, удалив постояльцев и выгнав обслугу. Так что погибла охрана Батилеззо и, конечно, клиент с ватагой.

Это обстоятельство Реймунд записал себе в плюс — ненужных жертв удалось избежать, притом без особых трудностей. Собакоголовые были наемниками, а значит, были готовы умирать. Чителли при найме оплатил каждому страховку жизни. В общем, Реймунд был уверен — призраки невинноубиенных не будут являться к нему во сне. Оставалось лишь закрепить их число. Конечно, оставалась еще смерть Ормута. Но Реймунд никогда не причислял себя к паладинам света или добродетельным героям. В общем, со смертью актера он тоже был готов смириться как с неизбежным злом. Дело было сделано.

Выхватив саблю из ножен, Стург рухнул вниз, где ошарашенный стоял один из охранников Курмхога. Выжившие были недопустимы.

Реймунд шел по исковерканному саду гостиницы «Ла Ториньен». Под ноги попадались осколки камня, раскуроченные предметы мебели, пару раз, возможно, даже сегменты человеческих тел, но это маловероятно. Многие деревья сада сохранились. Выжила даже часть кустиков, смотревшихся теперь весьма грустно — серенькие, с оплавленными листьями. Тело алмарца лежало во внутренней части сада, закрытой от взора с улицы.

Вид распростертого на земле негодяя, каковым Реймунд, возможно несколько двулично, считал алмарца, наполнил убийцу мрачной радостью. Этот человек, сильный мира сего, стоявший выше закона, выше любых порядков и простых человеческих моральных норм, теперь он, очевидно, узрел зыбкость своей неуязвимости, купленной чужой кровью, чужой жизнью, чужими страданиями. Он лежал сейчас такой же беспомощный, как все те, кого предавал и убивал. На мгновение Реймунд ощутил себя мусорщиком. И это сравнение не доставило неприязни. Если не избавлять мир от грязи такого рода, если периодически не убеждать этих созданий в небезнаказанности... Что, если? «Возможно, мир был бы много более худшим местом», — подумал убийца, подходя к жертве. Сегодня работа принесла ему удовольствие. Редкий случай.

Он выжил, да что там выжил, он был почти невредим, но без сознания. За деньги можно купить почти все — даже бессмертие. Впрочем, бессмертие нельзя. Реймунд склонился над телом клиента и последовательно освободил того от остатков магической защиты — два амулета еще действовали, потом Реймунд отрезал Курмхогу палец — правый мизинец, средняя фаланга которого была заменена на «кость жизни», артефакт на грани магии жизни и некромантии, который мог восстановить тело хозяина, даже сожженное в кислоте, при наличии контакта кости с телом. Связи алмарца потрясали. Реймунд проверил карманы клиента на предмет дополнительных сюрпризов...

Сад Реймунд покинул через минуту, унося с собой два предмета — голову Курмхога, самый надежный способ точно не допустить оживления клиента. И письмо от руководства

Альянса, заверяющее, что податель сего имеет полный иммунитет ко всем действиям агентов Альянса любого уровня. Обычно о предоставлении подобного письма агента, работавшего над заданием, уведомляли заранее. Сильно заранее. Что-то явно прогнило в жизни Реймунда...

Библиотека Хранителей Знания: колониальная политика Экваториального Архипелага

Осторожная поступь прогресса

Директива 22\210

Геноцид местного населения колониальных территорий представляется возможным только при условии однозначно истолкованной агрессивности данного населения без видимых вероятностей мирного урегулирования взаимоотношений.

Директива 22\230

Использование труда туземных племен может проводиться по двум взаимоисключающим схемам.

А) Жесткая эксплуатация при минимальных затратах на содержание.

Б) Кооперативное сотрудничество на равно-покровительственных условиях с соблюдением необходимых норм эффективного содержания.

Дополнение к директиве 22\230

Экономически выгодным представляется в кратко и среднесрочной перспективе первая схема. Коммуникационно и долгосрочно экономически — вторая. Статистический анализ особенностей поведения туземных племен Экваториального Архипелага отмечает сложности использования второй схемы. Опыт алмарских и ригельвандских практик подобного рода четко говорит о высокой вероятности быстрого падения дисциплины среди туземного населения, высокой вероятности бунтов и отказов работать. Предпосылки подобного поведения изучаются.

Директива 23\10

Недопустим допуск туземного населения Экваториального Архипелага к высоким технологиям Гольвадии (Южного Архипелага). При обнаружении факта использования туземным населением высоких технологий необходимо:

А) Произвести агентурную разведку, дабы установить, какой процент туземного населения сектора обладает возможностью использования высоких технологий.

Б) Произвести разведку и учет точного количества технологических устройств, попавших в руки туземного населения.

В) Организовать изъятие технических устройств у населения.

Г) Провести разъяснительную работу об опасности и культурной недопустимости использования туземными племенами высоких технологий Гольвадии (методику переговоров с туземцами см. в учебнике Алана Питерсона «Туземцы Экваториального Архипелага. Способы взаимодействия, давления, доминирования»).

Д) Произвести по необходимости уничтожение представителей туземных племен, обладающих знаниями о способах изготовления технологических устройств превосходного уровня.

Список устройств, подпадающих под определение «высокие технологии», смотреть в справочнике Виктора Тэвишгема. Особое внимание уделять любым фактам появления у туземцев огнестрельного оружия даже самого примитивного порядка.

Директива 23\17

Недопустимо проникновение туземцев на территории объектов высокого технологического значения. Как то: промышленные предприятия, паровые установки, корабли, военные объекты, типографии и т. д. и т. п. (полный список в дополнении к директиве 23\16). При обнаружении проникновения представителей туземных племен на технологические объекты допускается немедленное уничтожение нарушителя. В противном случае нарушитель должен быть задержан и передан в ведение охранно-силовых структур по месту задержания. Директива также распространяется на факт запоздалого обнаружения факта проникновения туземцев на технологическую территорию. В данном случае должен быть задержан туземец, а также все его соплеменники, которым он мог успеть поведать об увиденном.

Директивы колониального эксплуатационного устава Сетрафии версии 12.3.

Часть 1. Глава 7. Он милых дам не убивал

«Плащ и шпага» — ресторан класса люкс в квартале воров. Небольшое, со вкусом и выдумкой обставленное место. Столики с секретом — для того, чтобы спокойно сидеть за таким, не опасаясь, что содержимое тарелки съедет тебе на ноги, необходимо было решить небольшую головоломку на ловкость рук и минимум логики.

Стулья, стилизованные под тюремные, имели зажимы для рук, шеи и ног, но оставались несколько удобнее оригиналов. Особенные блюда приносили на закрытых подносах, скреплявшихся разной степени хитрости замочками, чтоб аппетит, так сказать, растравить.

А счет полагалось по традиции вытащить у официанта из кармана, тогда предоставлялась скидка. На стенах в рамках висели изображения наиболее знаменитых воров, как мифических, так и настоящих, и сцены их деяний. А также выведенные каллиграфией различные крылатые выражения и высказывания воровского мира типа «В карман не за словом лезут!» и «Ааа, так это был замок собачьей клетки...».

В заведении для излишне состоятельных гостей были отдельные кабинеты. Серый для карманников, белый для воров, черный для убийц, золотой для особо важных персон, а также три безымянных. Именно в одном из безымянных кабинетов сейчас и сидели Реймунд с Хитрюгой — убийца наконец позволил себе одеться так, как ему нравилось, и отойти от правил вечного маскарада. Он был облачен в длиннополый с рукавами плащ из кожи амиланийского трицератопса — материала очень прочного и приятного на ощупь, белую рубашку без кружев, но с вышивкой в хмааларском стиле, перчатки из змеиной кожи с костяными вставками, усиливавшими удар, штаны из обычной воловьей кожи, стянутые горизонтальными ремнями от бедра до колена, и так называемые «пиратские сапоги», имевшие шнуровку по внешней стороне, металлический носок, украшение в виде цепей и заклепок и подбитую металлом подошву. Отсутствие грима и париков открывало вполне мужественное, в меру привлекательное лицо с жесткими и крупноватыми чертами — все же Реймунд был чуть меньше, чем наполовину, гетербагом.

Реймунд покачивался на стуле, закинув ноги на закрепленный стол, с которого периодически брал крупную кружку с вином (бокалы Стург не любил) и делал небольшой глоток. Он просматривал бумаги и пергаментные свитки, добытые из поместья Курмхога уже после смерти финансового бандита. Напротив, сжавшись как можно компактнее на стуле, сидела Энкелана Хитрюга, одетая, как обычно, в куртку из оленьей кожи с большим количеством карманов, штаны из того же материала, того же типа, короткие охотничьи сапоги без шнуровки и серую рубашку из парусины. Девушка нервничала — Реймунд был явно не в духе, на столе лежала еще одна папка с бумагами, и принесенный воровкой небольшой батистовый мешочек, запечатанный сургучом. Реймунд до сих пор так и не объяснил, зачем он сегодня ее сюда позвал, но у Хитрюги был для него небольшой сюрприз, и она надеялась, что Реймунд будет заинтересован настолько, чтоб не убить ее. Основное его задание она провалила.

Еще полчаса минули в молчании, шелесте бумаг и скрипе раскачиваемого стула. Наконец убийца отложил бумаги и обратил внимание на воровку:

— Никогда не бывала в поместье Лидоканен, до недавнего времени принадлежавшем одному городскому богатею? — вопрос был задан тоном, полным уверенности в отрицательном ответе.

— Нет, — пискнула Энкелана, глядя на Реймунда снизу вверх своими огромными голубыми глазищами.

— Побывай. Не сейчас. Чуть позже, когда наберешься опыта. Отличная практика. Для профессионала. Магические ловушки, колдовские мороки, големы и конструкты, защитные артефакты, простые, но эффективные смертельные ловушки, следящая магия. Тридцать, нет, уже двадцать девять хорошо обученных головорезов. На сейфах уничтожающие содержимое заклинания, настроенные на определенного хозяина. В подвалах две интереснейших секции — сокровища и антиквариат, и немаленькая пыточная с не менее чем двумя десятками узников, некоторые, правда, уже замурованы в стены. Занятное место, как для тела, так и для ума. На третьем этаже мини-бордель с девочками до 16 лет. Впрочем, это уже лишнее.

— Ты шутишь насчет предложения там побывать? Я очень на это надеюсь. Такая форма самоубийства меня не устраивает, — чуть развеселилась Энкелана, услышав в словах Стурга надежду на продолжение жизни.

— Меня тоже. Как твоего, так и моего. Да, даже такие, как я, иногда шутят, — Реймунд чуть улыбнулся.

— Спасибо. Эээ... Что пояснил, — ответила девушка.

— Не нуждаюсь в твоей жалости. Чувство юмора есть не у всех. Итак, с чем ты пришла?

— Я думала, это ты меня позвал, — глаза воровки распахнулись от удивления.

— Я думал, ты умней, — чуть ухмыльнулся убийца. Ему нравилось играть с ней. Только девушке наверняка казалось, что игра — кошки-мышки. А Реймунд воспринимал это скорее как своеобразный флирт.

— Я думала... — сказала она и замолчала испуганно.

— Достаточно, — Реймунд серьезно посмотрел на Энкелану.

— Вот, — указала она на стол. — Это все, что удалось. У нее не было при себе никаких документов. Из ценного только это, — почти оправдывающимся тоном произнесла воровка.

— Ха. Если ли бы то, что у нее есть действительно ценного, выглядело бы таковым... А впрочем, ты меня расстроила. Ладно, глянем, — Реймунд взял мешочек и, увидев сургучовую печать, посмотрел на Хитрюгу.

— Ой. Прости, — девушка быстро взяла из рук Стурга мешок, — сургуч — это колдовская защита, от кражи, и вообще — если чужой попытается его сломать, то содержимое уничтожится, — девушка надломил печать и вернула мешочек, — теперь все в порядке.

— Интересная предосторожность, — Реймунд вывернул мешок и захотел протереть глаза: на руку его выпал амулет из тонкой серебряной проволоки, с заключенными в ней восемью небольшими бриллиантовыми сердечками.

— Ну, может, это можно продать, вроде дорого стоит, — оживилась воровка, увидев удивление собеседника.

Реймунд остановил ее взмахом руки. Потом быстро убрал амулет в карман. Бумаги со стола стряхнул в небольшую заплечную сумку, очень похожую на уменьшенную версию телескопной сумки Батилеззо.

Ему захотелось обнять ее, захотелось вопить от радости, захотелось потискать эту милую маленькую девушку, как плюшевую игрушку, и только неприродная, возвращенная Альянсом ненависть к эмоциям удержала Реймунда от чрезмерного проявления симпатии.

Он подошел к Энкелане и быстро чмокнул ее в щеку. Девушка так удивилась, что аж зарделась. Хотя ей приходилось целоваться и с более привлекательными мужчинами, чем

Стург, и не такими колючими.

Меж тем Реймунд протянул воровке небольшую латунную табличку с вытравленными инициалами РС.

— А это что? — любопытствовала Хитрюга. Она внезапно почувствовала себя очень защищенной, будто неумолимый палач ее вдруг оборотился непобедимым стражником.

— А это, милая моя девочка, твоя амнистия. Благодаря этому куску латуни никто из Альянса, вплоть до моей окончательной смерти не имеет права убить тебя. Даже если очень захочет, — безразлично сообщил Реймунд, нарочито не глядя на собеседницу. Энкелана была единственной в городе из «лишних», кто доподлинно знал о профессиональной принадлежности Реймунда. Она удивила его, а ее талант, можно сказать, растрогал. Убийце нужна была помощь против другого убийцы. И воровка идеально подошла. Хотя, может, были и иные причины.

— Спасибо огромное, — несколько заторможено произнесла девушка, рассматривая табличку, — я этого не забуду! — голос прозвучал уже бодрее, на лице появилась улыбка. Ей стало легко и приятно, Реймунд все больше в ее глазах походил на человека. На обычное существо из плоти и крови. Чей образ медленно, но верно затмевал в голове воровки тот взведенный, готовый уничтожать все на своем пути безликий механизм смерти, каким убийца предстал при их первой встрече.

— Не забудешь. Это право отныне имею только я. В смысле, убить тебя, — дополнил он мрачно. Долгим взглядом он посмотрел на девушку. «Нет, не могу, не стану, идите к черту. У каждого должно быть что-то дорогое. Хоть иногда».

С этими словами Реймунд вышел из кабинета. Оставив Энкелану думать над своей судьбой, а заодно и оплачивать счет за обед.

Маленькое послесловие на Морском Бульваре

Акт первый

Морской бульвар. Одно из живописнейших мест Ахайоса. С располагающегося на высоте более чем сотни метров над уровнем моря огромного плоского участка скалы, тянувшегося от Шестой Цитадели на Севере до самого порта на Юге, открывается поистине величественный вид на море. Вернее, на океан, грациозно катящий валы теплой живой воды по известным одному ему законам, в неизвестность вечно лежащего перед ним грядущего.

Вечер был наполнен теплом и жужжанием насекомых. Свежий бриз нес прохладу в душный Ахайос и раздувал полы плаща Реймунда, молчаливо и неспешно маршировавшего по массивным плитам настила Морского бульвара. Вокруг спешили по своим делам торговцы, степенно, как и Реймунд сейчас, прогуливались парочки, среди которых не без труда можно было определить пиратов, гуляющих перед основным действием портовых шлюх в надежде получить скидочку, и аристократов, приведших свою вторую половину взглянуть на красоты пейзажа. Океан умиротворял людей, разглаживал морщины, убирал сосредоточенность и суровость с лица, его дыхание приносило жизнь даже в самые выжженные души, а сумрак вечера скрадывал детали — дороговизну одежды, белизну кожи. Даже немногочисленные нищие Ахайоса, казалось, на бульваре становились не столь заметно неприятны, не столь крикливы, и, возможно, не столь несчастны.

Она просто появилась из вечернего марева, неожиданно и эффектно: вот ее не было, и вот она уже здесь. Утонченная, изящная, мягкая и текучая, как кошачий или змеиный хвост. Великолепно сложенная, не слишком худая и совсем не толстая. Двигалась она столь плавно, что отдельные движения было сложно отследить. А еще она, как и Реймунд, была

человеком лишь отчасти. Наполовину тигрин, она сочетала в себе такие человеческие достоинства как высокая, не слишком крупная, но очень привлекательной формы грудь, широкие бедра, узкие женственные плечи. И доставшиеся от тигринов стройные сильные ноги идеальной формы, пушистый хвост, усы и кошачьи уши. Женственность все же была ей присуща не в полной мере — мускулистый пресс и рельеф мышц рук выдавали в ней воина. И, видимо, совершенно не смущали, раз она носила короткую безрукавку из кожи со шнуровкой на груди, открывавшую живот, короткую юбку, так же кожаную и на шнуровке. Сапоги на высокой подошве, делавшие ее, и без того высокую, выше большинства мужчин-людей, и перчатки с кастетными вставками, но без пальцев, несколько более изящные чем те, что у Стурга, если термин «изящно» тут применим. Таким образом, она оставляла на обозрение не только свои привлекательнейшие формы, но также и явное отличие от людей — покрывавший лицо и тело легкий пушок, рудимент шерсти, повторявший тигриный окрас, доставшийся от предков по отцовской линии.

— Чудный вечер, Стург, — промурлыкала в прямом смысле этого слова незнакомка, появившаяся из бульварного сумрака, и посмотрела на него изумрудными глазами с вертикальным зрачком из-под чуть опущенных черных густых ресниц, разломив тем временем в руке небольшой синеватый финик, заставивший колыхнуться воздух вокруг них и создавший завесу невнимания к их персонам не меньше, чем на час. От нее исходило ощущение силы и легкий, металлический запах. Кровь? Железо?

— Приветствую, Бэгрис, — Реймунд остался невосприимчив к кошачьему магнетизму собеседницы, по крайней мере, внешне, — видимо то, что ты вылезла из берлоги, означает, что я наступил на твою болезную мозоль. Или ты хочешь взять меня за мои пушистые шарики?

— У тигров не бывает берлог. Они живут свободно, делая свои домом огромные территории, богатые дичью, — мягко, но несколько обиженно произнесла Бэгрис. Он знал, почти знал, чего стоил ей этот непринужденный тон. Тигрица чего-то хотела, и Стург готовился этим воспользоваться.

— Это самцы. А самки просто таскаются за ними гаремом не меньше восьми штук и обслуживают за защиту, — невежливо добавил Реймунд.

— Нууу, ты не совсем прав, — улыбнулась тигрица, — но можешь считать меня свободной самкой, одинокой и мечтающей о ком-то, кто ее защитит.

— Это буду не я, — Стург начинал злиться.

«На мрачные мысли наводит ситуация, когда о потребности в защите говорит существо, способное в три секунды разорвать тебя на куски. Но этого не делает. И не сделает. Я попал в точку».

— Не отвергай что-то, даже не попробовав, — она улыбнулась, взяла Реймунда под локоть, не встретив сопротивления, и пошла с ним рядом по бульвару. — Можешь горько пожалеть.

— Риск — дело благородное. К тому же верить тебе — это не риск даже, а чистое самоубийство, — разговор явно имел второе дно. Тигрица чего-то хотела от коллеги. Нет, хуже — она что-то предлагала. И говорила... Столь нерешительно. Реймунд умел делать выводы.

— Мы так давно знакомы. И ты так плохо меня знаешь, — промурчала Бэгрис. Судя по всему, последняя фраза Реймунда ей польстила. Она даже обвила его на ходу хвостом, начав мягко поглаживать по бедру.

— Давно ты в городе? — как бы невпопад спросил Стург. Внутренне его передернуло. Он хотел ее. А она. Она тоже испытывала похоть. Но что за похоть, он не стал бы выяснять ни за что. Возможно, она хотела отдаться ему. Возможно, выпотрошить.

— Недавно, — небрежно ответила его спутница, по-кошачьи широко зевнула и поинтересовалась так же типа между прочим. — А как твое задание. Успешно?

— Вполне, — кисло улыбнулся Реймунд. — А ты что-то слышала о нем?

— Нет. Но зная твой стиль, могу предположить, что это был ван Курмхог. Любишь же ты взрывы. Эффектно, — с придыханием закончила она, — очень эффектно. Есть чему поучиться.

«Врет. Врет и меня это даже не раздражает. Потому что так и подразумевалось. Впрочем, взрывы она тоже любит».

— Нет смысла увиливать. Нас в мире не так много. Масштаб и почерк известен и понятен для своих.

— Для своих много чего понятно. Но в первую очередь правила, конечно, — безучастно произнесла Бэгрис, рассматривая парочку, уединившуюся на скамейке и уже раскидавшую по сторонам часть одежды. Конечно, она видела в темноте.

— Не продолжай. Правила есть правила. А знание — ценное оружие. Но ценности могут быть оружием и сами по себе, в обход правил, — Стург остановился, отстранился и облокотился на перила ограждения бульвара, глядя в раскинувшуюся почти под ногами водяную бездну, где волны в вечной борьбе с сушей накатывали на скалы, мечтая, что если не они, то хоть те, кто придут за ними через сонмы времен, все же сокрушат горделивые зубы земли.

«Чего мы оба ждем? Зачем ходим вокруг да около? Я знаю, это была ты. Ты подставляешь меня. И знаешь — предательства я не приму и не допущу. Но я жив. И ты тоже цела. Так в чем же дело? К чему этот бессмысленный диалог? К чему ты, или, вернее, твой покровитель, хотите меня склонить?»

— И все же это был ты. Само собой, надежда умирает последней. И иногда бывают совпадения. Ладно, Реймунд. Мы еще поговорим, позже, — конец фразы Бэгрис почти прошипела.

«А вот это настоящая ты, — подумал Стург. — Дикая, необузданная, яростная тигрица. Туше. Мой раунд».

— Подожди.

Уходившая девушка остановилась, не поворачиваясь к Реймунду, выглянула из-за плеча, кольнула хитрым взглядом изумрудного ока.

— Что тебе известно о Белом Крыле? — с пальца Реймунда свесился и повис над бездной амулет о восьми бриллиантовых сердечках.

Бэгрис пожала плечами:

— Звучит аппетитно.

«Стерва. Ладно, продолжим позже, значит, время есть».

Когда Стург повернулся, убирая в карман жизнь своей собеседницы, ее уже не было на темном Морском бульваре...

Сон убийцы

Он вновь пришел. Этот странный гость безумных снов Реймунда. Он приходил редко. Но от него не спасали ни заклинания, ни ловцы снов, ни крепкий алкоголь перед сном. Он вновь пришел. Он вновь хотел чего-то от Стурга. Этот вкрадчивый, теплый голос

сумасшествия.

— Тебя используют, — произнесла тьма во сне.

Они стояли посреди застывших скульптур анатомического театра, скульптур, составленных из жертв Реймунда: вот толстый пират, вот надменный маг с застывшим выражением небывалого удивления на лице. Вот крысенок-кучер. Вот прекрасная девушка лет семнадцати с серым лицом. Ее он не помнил. А вокруг пустыня, заносимые грязно-желтым тусклым песком безбрежные пространства, усеянные тысячами застывших фигур в гротескных, театральных позах. Фигур без лиц, без истории. И вой холодного ветра, несущего песочные волны.

— Я лишь орудие, — ответил Реймунд, рассматривая лица мертвецов. — Для того и нужен.

Он так не считал. Но ответ показался уместным.

— Ты продолжаешь утверждать вещи, которые тебе внушили, — голос разносился из тьмы, густой тени, образованной несколькими массивными телами, нависающими друг над другом. Из глубины мягким, зловещим фиолетовым светом сияли вытянутые, нечеловеческие глаза. — И если ты продолжишь верить в глупости, то рано или поздно они выработают тебя. Используют окончательно и избавятся от остатков. Как от шелухи.

— О да, — рассмеялся Стург. — Я, безусловно, должен верить ночному гостю, скрывающемуся в тенях.

Реймунд всегда считал правила Альянса честными — ты верен, ты выполняешь приказы, ты подчиняешься. За это тебе дают власть определенного рода, могущество, деньги. Он не считал, что его используют. Вернее, полагал выгоду взаимной. Последние события поколебали его уверенность.

— Верь не мне, — рассмеялась в ответ тьма, рассмеялась беззвучно, — верь своему чутью. Подумай сам. Это дело. Прошое дело. Мордред. Поведение Бэгрис. Все это связано. Теперь ван Курмхог. Все это не случайно. Кто-то очень хочет тебя подставить.

— Я всего лишь агент, — отмахнулся Реймунд, — меня все время подставляют. Я нужен, я подготовлен, — его голос помрачнел, он посмотрел в мертвые глаза шваркарасского юноши, пробитого шпагой, — я пригоден только для того, чтобы моими руками загребать жар и оставлять меня расхлебывать последствия.

И опять он не верил своим словам. Голос. Не тьмы вокруг. Но внутри самого убийцы. Голос давно и упорно шептал о большем.

— Да, — согласился голос, — в этом ты пытаешься себя убедить. Но еще глубже, там, куда не всегда осмеливаешься заглянуть... Ты все же не хочешь быть пешкой. Не хочешь быть марионеткой. Ты хочешь знать, кто и зачем тебя направляет. Хочешь знать не только цель, но и причины. Хочешь понимать смысл всего, что происходит в твоей жизни.

Голос умолк. Последовала тишина, сопровождаемая воем ветра.

— Неважно, чего я хочу. Да и ты не попал в точку, — ответил медленно Стург. — Впрочем, чего бы я ни хотел... Выйдет иначе. Я уже на крючке. Если меня захотят подставить — подставят. Если захотят от меня избавиться — избавятся. Нет оснований для оптимизма.

— Борись, — холодно и жестко ответил голос, — если тебе все равно конец. С чего облегчать врагам задачу? Барахтаться все равно веселее. Ты же знаешь, что можешь. Ты можешь добраться до их секретов. Ты знаешь их методы. Ты знаешь их слабости. Они такие же, как ты. А значит, шансы ваши равны.

— Ты порешишь чушь. Или внушаешь мне какую-то провокацию, — Реймунд ожесточенно стукнул кулаком по телу собакоголового с пулей в горле. — Все это сплошной бессмысленный бред.

— Может быть, — в голосе послышалась ирония, — но ты же всегда сам знаешь, что делать...

Библиотека Хранителей Знания: информация о городах

Ахайос

Ахайос, друг мой, это большая навозная яма. А мы с тобой — черви, копошащиеся в ней. Только разница между нами и червем состоит в том, что каким-то гнусным стечением обстоятельств у нас есть право выбора... и мы его просрали.

Пьяные откровения главы Банды Безумцев Орогеда Турмзогра Скалобоя.

Безалаберность или преступление?

Согласно последнему отчету счетной комиссии его светлости герцога Бастиана де Богенрейста, волею Единого Вице-короля колониальной области Моря Клыка, Ахайос значителен как город со средним доходом, не превышающим миллион оров в год. Имеет статус убыточной колонии.

В то же время могу сказать, что, согласно данным вашего покорного слуги, волею Единого финансового комиссара Колоний Его Величества — доходы от Ригельвандских предприятий Ахайоса составляют около 10 миллионов ригельдукатов в год. Алмарские торговые компании имеют доход 2 миллиона в год. Даже Гилемо Антарские купцы увозят из Ахайоса ежегодно артефактов не менее чем на полтора миллиона золотых.

Почему же, возникает вопрос, государство, владеющее этим обширным городом, терпит с него убытки не менее пятисот тысяч в год и считает его неприбыльной колонией? Мною был проведен подробный анализ ситуации. Вашему вниманию я предлагаю отчет о состоянии дел в Ахайосе, составленный признанными специалистами своего дела, служащими в различных уважаемых ведомствах Королевства, по моей просьбе проводивших в городе некоторое время в составе моей комиссии.

Ахайос как социокультурное явление

Ахайос представляет собой уникальное социокультурное явление. На территории этого обширного города, по сути, фактически полиса, сложилась весьма разнообразная и необычная схема взаимодействия различных институтов. Так де-факто город управляется бандами. Банда — термин, под которым принято понимать плохо организованное скопление деклассированных элементов. В данном же случае банда — это фактически индивидуальное понятие, наполняемое почти сакральным смыслом, во внутреннем языке Ахайоса «банда» — это, по сути элитарное сообщество сильных, смелых и свободных существ, имеющих право устанавливать собственные законы и легитимно угнетать остальное население города.

Банды имеют собственные территории, собственные внутренние, нередко кодифицированные правила, и, несомненно, собственные серьезные доходы. Являясь, как правило, жестко иерархизированными авторитарными сообществами, банды при этом обладают набором эксклюзивных знаний, передаваемых из поколения в поколение навыков и умений, а также нередко даже собственную магию или колдовство. Это делает банду экстраординарным политическим и социальным явлением.

Однако они также являются культурным феноменом. Каждая банда находится в поле определенной культурной традиции, привнесенной в Ахайос извне одной из множества групп, осуществлявших миграцию в город на протяжении столетий. Из чистых культурных

групп можно выделить почти неискаженные хмааларскую, героическую, шваркарасскую, ригельвандскую, алмарскую, эллумистическую, гетербагскую традиции. Из искаженных или нигде более не встречающихся культурных традиций можно выделить местные дракийские традиции, сильно отличающиеся от того, что можно встретить на Дракии, но имеющие несомненные единые с ними корни. Также интереснейшие традиции вполне адаптировавшихся и политически обособившихся местных туземных групп. И, конечно же, традиции мистического и религиозного характера.

В итоге, Ахайос можно назвать фактически самым поликультурным местом известного мира. Вряд ли где-либо можно встретить такое разнообразие видов и традиций общественного взаимодействия. Ходят слухи даже о существовании в Ахайосе проамиланийских сообществ, впрочем, это относится к мало проверенным факторам. Однако, результируя все вышеозначенное, можно с горечью отметить, что, не уничтожая самобытной традиции, существующей в городе, представляется фактически невозможным эффективное управление оным извне.

Джон Блексмит, профессор социологии 7-го ранга Сетрафийской Академии Гуманитарных Знаний.

Военное искусство города банд. Обзорный отчет

Без упадка для чести офицера и не принизив достоинство Королевской армии, невозможно говорить о том, что мне довелось лицезреть в Ахайосе. Несомненным и непререкаемым фактом является знание о том, что Назмирис — один из островов Пояса Свободы — является законодателем военной «моды», а скорее даже эталоном военной организации как минимум для большей части территорий Экваториального Архипелага. И даже если Гольвадийские правители желают видеть на своей службе блестящих специалистов — они посылают людей учиться в Назмирис и служить в прославленных Ротах.

Однако, увиденное мной в Ахайосе привело к грустному наблюдению — Шваркарас упускает кладезь военной мудрости, по крайней мере в части обеспечения дисциплины.

Так называемые Банды Ахайоса являются весьма грамотно организованными полувоенными формированиями, по крайней мере, большая часть из них. Следуя внутреннему распорядку и традиции, они сохраняют множество варварских обычаев — так, например, представители Банды Ножей сражаются только коротким клинковым холодным оружием. Воины-кузнецы Молоты предпочитают тупое массивное оружие ближнего боя. Большая часть прочих банд в основном не пользуется современным оружием — ни порохowymi гренадами, ни мушкетами. Однако степень военного искусства, с которым используются их примитивные орудия убийства... впечатляет. Одного представителя Банды Ножей с его клинками можно выставить против десятка королевских гвардейцев и смело ставить деньги на его победу. Гетербаг из Молотов в пешем строю способен сдержать прорыв кирасиров. Ну и так далее.

Ярчайшими же представителями особенной военной организации Ахайоса являются так называемые Цепи. Это наемники, использующие все основные и множество суррогатных видов боевых цепей, самого разнообразного вида, дистанции поражения и боевого действия. Их странные отряды, состоящие из множества представителей самых разных рас, представляют на самом деле величественное зрелище в бою, как городском, которые ваш покорный слуга неоднократно наблюдал лично, так и на поле. Правда, этот вариант я лицезрел лишь на учениях. Бойцы Цепей способны двигаться и биться как в плотном, так и в

редком строю, одинаково успешно как в нападении, так и в обороне, при этом вполне обходясь без огнестрельного оружия. Каждый воин в сражении знает не только свое место в строю, но и свою роль в военной организации Цепей, что приводит их к возможности выдерживать построение и выполнять свои задачи даже при полной потере командного состава.

Оружие Цепей — это весьма отдельная тема, которой можно было бы уделить целую книгу. Впрочем, можно ограничиться и общим описанием: в основном оно делится на цепное ударное ближнего боя — типа цепов и моргенштернов, цепное средней дистанции — типа длинных цепей с грузом или гирей (часто шипованной и вращающейся в полете), которые держат в руках и выбрасывают в противника противоположной «боевой» стороной. И, наконец, цепное дальнего действия — цепные арканы, цепные боло, просто обрамленные лезвиями цепи, метаемые в противника с достаточно приличной дистанции и при должной сноровке наносящие противнику урон не меньший, а может и больший, чем мушкетный залп.

Несмотря на все соблазны Ахайоса, Цепи сохраняют высочайшую дисциплину и организацию. Каждый мелкий князек окрестных с Калистисом земель считает за высочайшую удачу суметь нанять за баснословные деньги даже сотню Цепей.

Излишним, я думаю, будет говорить, что восприятие и переложение на современную военную теорию навыков и методов боя Цепей стало бы полезнейшим шагом развития армии Шваркараса. И даже простое использование Цепей как наемной силы в войнах с проклятыми ба... прошу прощения, с амиланийками, могло бы служить важным элементом удачи военных кампаний с применением ограниченных контингентов.

Так же Ахайос является кладезем квалифицированных военных кадров не меньшим, чем Назмирис, в переложении, само собой, на интересы Шваркараса в данной области. В городе во множестве базируются наемные отряды больших и малых размеров. В том числе — ригельвандские кондотьеры и шваркарасские авантюрьетты. Для наемников существует целый квартал, так и называющийся — Квартал Наемников. Многие из них, уже отвоевавших свое, остаются в городе в так называемом Квартале Ветеранов. Город просто великолепно подходит для организации в нем военной Академии не хуже, чем в Назмирисе.

Айсел де Футу, капитан гвардии Шваркараса, действительный военный советник Бастиана де Богенрейста, Вице-короля области Моря Клыка

О мерзости, женоложестве и чернокнижии Ахайоса

Высшей мерзости мне лицезреть еще не доводилось. Единый, похоже, покинул берега презренного Калистиса, и око его более не наблюдает за беспорядками, творящимися в сем проклятом городе. Беззаконие, стыд и мрак — вот то, что творится на его улицах. Но этого мало. В то время как весь цивилизованный мир ведет непрестанную войну с кровавой скверной Амилании, прямо во Владениях Его Благословенного Величества, в этом... этом развратном вертепе, единственное предназначение которого — провалиться вместе со всеми грешниками, его населяющими, прямо в море, на милость темных сил, коим принадлежат все без исключения его жители. В этом городе богохульников и грешников, не скрываясь и обретая привилегии, равные привилегиям аристократии, обитают жены порочные и развратные, кои носят прозвание, как бы в насмешку над благочестием — Девы.

А также и жены чернокнижные и богопротивные, кои без смущенья практикуют демонологию и поклонение дьяволам, и носят они без стеснения прозвание Дьяволиц или же Демониц... Память моя мрачится при воспоминании о сей скверне.

Распутные твари сии сожительствоуют друг с другом в крови и грехе, устраивают богопротивные оргии, на коих ласкают умасленные тела друг друга, распивая вино и предаваясь грехам распутства и чревоугодия.

Вторые же производят ритуалы призыва темных сил в какой-то сотне шагов от Храмового Квартала, где расположились десятки Храмов Единого. Они проводят, без сомнения, богопротивные ритуалы, на которых производят соитие с черными козлами, пьют кровь младенцев, предаются оргиастическим танцам и женоложству.

И те, и другие противно своей природе презирают мужчин, с коими бьются смертным боем, воспроизводят свое количество, без сомнения, похищая невинных дев, и насильственно склоняют их носить несправедно оружие и гомосексуальным игрищам придаваться. Могущество их столь велико, что прочие, так называемые Банды, похуже, уважают или, по крайней мере, терпят сих ехидн, ввергающих город в бездну амиланийской ереси. Так или иначе, власть этих банд столь велика, что с ними приходится считаться даже наместникам, установленным в эти земли Короной, очевидно, людям по природе своей слабым и недостойным, поскольку выдерживать такое противно сущности истинных верующих...

Со своей стороны, я буду ходатайствовать к Церкви и Орденам за полное очищение от скверны сего грешного места, носящего прозвание Ахайос.

Истинная Священница Единого Сестра Копья, Мария Антуиритта

Финансы поют романсы, или обзорный отчет экономического состояния Ахайоса

Вы желаете отчет? Что ж, их есть у меня. Слова не требуют усилий, их можно наговорить много. Циферки хитрее — упрямей. Однако ж положение дел таково.

Есть Черный Рынок, там заправляет обыкновенно некто, кто носит прозвание Султан. Хмааларец, как правило, они рынки больше любят. И что на этом рынке, спрашиваете вы меня? А все что угодно: если вы-таки хотите достать единорога, приходите на аукцион, есть все шансы. Демонические зелья, пиратские трофеи, артефакты из дальних земель, запрещенные книги, наркотики, убивающие тело и душу, оружие, даже гартарудское, все к вашим услугам. Оборот? Хе-хе, ну, если спросить султана, — совсем небольшой, не более 100–200 тысяч оров в сезон. Ну, что такое сезон — это отдельный вопрос.

Однако ж что такое сто тысяч оров для рынка, где торгуют ежедневно не меньше пяти тысяч человек, где нельзя купить пучка зелени, зато можно купить бриллиант за полцены? А налоги — это вообще миф. Султаны и наместники всегда решают сии вопросы быстро и взаимовыгодно. До приезда ревизоров, которые, бывает, исчезают. А иногда меняют наместников. Но особо ретивые из них тоже быстро исчезают. Впрочем, такое бывает редко. Чаще бывает другое — огромные доходы рынка оседают в карманах тех, кто поумней и похитрей. Султана, Банд, успешных дельцов и контрабандистов.

Есть Квартал Оружейников. Оборот большой. Доходы — на бумаге Наместника весьма и весьма. А на деле — это якобы государственные производства, оружие производится исключительно на нужды армии Шваркараса и направляется в арсеналы. На бумаге, я повторяю. Наместник в теме, но оружейники пашут на банды, банды же и имеют доходы. Ну и перекупщики конечно, куда уж без них, родимых.

Наемники — ну попробуй к ним с налогами сунься. Хотя, говорят, у некоторых отрядов особым шиком считается налоги платить. Мол, не жалко бедному Шваркарасу.

Пиратский квартал и торговцы — грань иногда стирается, успешный пират он всегда торговец, а когда торговля не идет — это и самых мирных на грабеж может пустить.

Приятно быть частью державы — алмарцы, ригельвандцы, даже элумисцы торгуют по патентам компании без налогов, само собой, через разрешения от вице-королей. В итоге налоги там платят только те, у кого совсем с головой грустно. Ну и, само собой, все под бандами, даже ригельвандские экваториалы Призракам, говорят, платят.

В общем, денег в городе куры не клюют, но все мимо казны Королевской, ибо умнее надо быть, а умные в глушь не едут, сами себе злые, думается мне.

Ну и само собой еще привилегии церкви, благородная торговля, плантаторы. А еще есть одно хлебное место — Арена. Но она богопротивна, потому все деньги только в частные карманы, ну и тех, кто с совестью не на ножах. А не закрывают, ибо там, помимо прочего, банды свои проблемы решают, а иначе — решат свои проблемы с властями...

Итого: золотые реки утекают в чужие карманы, а Шваркарас платит за армию, за флот, чиновникам, медикам, местным аристократам и прочим государственным приживалам. Потому и дефицит.

Ифраим Друйцех, финансовый советник Казначейства Его Благословенного Величества в отставке

Паноптикум мистической дурости города порока

Магическая традиция. Колдовство. Уникальные мистические практики. Ахайос насыщен ими подобно тому, как труп лошади в джунглях насыщен мелкими падальщиками. И все они без исключения опасны, как для тех, кто их использует, так и для окружающих.

Призраки — редкий случай, когда кешкашивары решили учить кого-то тому, что знают сами. Эти ночные убийцы и шпионы способны входить и существовать в пространстве тени. Само собой, они несут на себе печать жестокости и жажды, которую тень стремится утолить людскими жизнями. Все они без исключения безумны, хотя бы уже потому, что целый клан, если угодно, сделал своим ремеслом смерть, которая приходит из ночи и теней. Практики их основаны на уничтожении собственной души или части ее, как жертвы к тени.

Слепые — бывает, что жизненную трагедию можно повернуть на пользу себе. А бывает — и во вред окружающим. Это путь слепых. Судьба отобрала у них зрение, они сбились в стаю, и начали искать способ отомстить судьбе, в лице всего мира. Выход был найден — они обнаружили в себе энергию, природа которой неизвестна, возможно, это их злость на мир, возможно смирение, может быть, что-то еще. Так или иначе, их слепота дарует им мистическое, нечеловеческое зрение, некоторые из них обретают способность выходить из своего тела, и в астральном облике странствовать по миру, вернее, находиться неподалеку от тела и по мере сил вредить ближним своим. Есть и другие способности Слепых — исцеление, способность поражать демонов и нематериальных созданий, убивать прикосновением. Так или иначе, это не менее опасные, чем Призраки, ущербные безумцы, обозленные на весь мир. И некоторые несчастные, стремясь занять место среди них, вырывают себе глаза... Ну не ирония ли...

Мистики — сборище колдунов, геомантов, гадателей и прочих шарлатанов, не сумевших постигнуть высокое искусство магии и обратившихся к презренным практикам, находящимся на границе меж чем-то действительно действенным и откровенным жульничеством. Их сила в разнообразии и многочисленности: каждый, кто один раз успешно погадал на кофейной гуще, уже может рассчитывать стать одним из них. Так или иначе, их много, и они умеют передавать знания друг меж другом, но всего-то по цеховому принципу — от ученика к учителю, все более современные методы обучения мистическим таинствам чужды сим экваториальным варварам.

Квартал Колдуна — и, наконец, апофеоз дурости местного правительства, квартал, где заправляет туземный шаманишка, неизвестно, сколько столетий влачащий свой жалкий быт. При этом почитаемый навроде местного короля и уважаемый, нет, вы слышите, уважаемый местными бандами всеми без исключения. Он обучает таких же, как он, туземцев, примитивным шаманским практикам, фетишизму, тотемизму и прочей недостойной внимания ереси. При этом, как-то умудряясь сохранять свое место авторитета в бурлящем котле Ахайоса, вот уж воистину неисповедимы пути Судьбы.

Записано со слов Гилемо Антарской магессы льда и пепла, чье имя ни я, ни один из моих секретарей вспомнить не смогли. Ну, возможно, ей не стоило так рьяно ругать колдунов...

Бандитские пешки, тузы, короли и игроки

Рассказать о политике Ахайоса, а именно о внутренних делах Банд, и выжить при этом — нетривиальная задача. Впрочем, все возможно при должной сноровке.

На первый взгляд все просто — каждая банда «держит» собственную территорию, у всех есть боевики, «работники», есть доступ к государственным службам. А также к финансам и торговле. Все они так или иначе заняли определенную социальную и экономическую нишу. Периодически кто-то становится сильнее и начинает прижимать других, при необходимости его наказывают.

Так это выглядит извне, хм, не находите, что это чем-то похоже на соседствующие государства?

И это предположение становится намного сильнее при расширении познаний о бандах. Меж ними существует весьма сложная дипломатия — замешанная на взаимных претензиях и текущей политической ситуации. Их жизнь наполнена условностями, в степени много большей, чем должна бы быть наполнена жизнь простых организованных уголовников.

Так, например, нельзя просто открыто объявить войну другой банде, не имея на то серьезного повода, даже если ты весьма силен. Это повлечет санкции со стороны прочих банд. Все «бытовые» претензии решаются чемпионами банд на Арене, причем, бои проходят по правилам, а выбор чемпионов зависит от многих факторов, вроде уважения к данной фигуре со стороны прочих банд и его «выслуги». Нельзя, например, для решающего боя на Арене нанять кого-то со стороны, это должен быть кто-то, не менее 3-х лет входящий в банду. А при дележе территорий и доходных точек и того больше — не менее пяти.

Точно так же банды не имеют права заниматься «бизнесом», «монополию» на который имеет другая банда. Так, например, Ножи «крышуют» контрабандистов, и другие банды признают их право на это, как правило, не пытаясь оспорить. Молоты занимаются кузнечным делом и покровительствуют большей части квартала оружейников. Призраки и Темные — единственные, кто имеет право заниматься заказными убийствами большей части рангов. Оспорить право на то или иное «титульное» занятие почти невозможно даже на арене. Как правило, при попытке осуществить «захват» чужого права начинается достаточно серьезная война меж союзными группами банд, куда рано или поздно вовлекаются все.

Среди глав банд так же есть несомненные авторитеты. Наиболее яркими из них являются Колдун — древний туземный шаман, истинного возраста которого не знает никто, а также главы Призраков и Темных — истинные личности которых почти никому не известны. Есть мнение, что глава Темных даже может быть кешкашиваром. В то же время, эти иерархи не являются главами самых сильных банд, но уважение к ним весьма велико. Среди авторитетов есть так же некие Серые — о них будет сказано позже.

Есть также и аутсайдеры — как правило, это Крысы, Безумцы и Собакоголовые. Эти

смешанные банды, состоящие из откровенных отбросов или жестоких маньяков, являясь одними из самых сильных, при этом почти не имеют авторитетного веса среди прочих банд.

Когда возникает то или иное явление, достаточно опасное для баланса сил в городе или даже угрожающее самой сути установившегося порядка, в дело вмешиваются те, кто, как правило, дистанцируется от внутренней политики города. Если есть шанс решить ситуацию миром, начинает действовать Колдун. Если есть необходимость «военного» вмешательства, приходят Серые — абсолютно нейтральная группа борцов за местную «нравственность», которую, по слухам, возглавляет Герой Героики. И, наконец, в крайнем случае, Султан Черного рынка пускает все свои финансовые возможности для того, чтобы урегулировать дело, которое нельзя решить ни боями, ни переговорами.

Интересными также являются взаимоотношения банд с пиратами, ворами, наемниками, правительством, и прочими, не вписанными в их систему, влиятельными группами. Но это уже не относится к внутренней политике, так что я не буду уделять этому внимание, пока.

Что же до банд, то можно резюмировать: Ахайос — это сложный, живой механизм, основой которого являются банды. И организм этот приходится иметь в виду при любой попытке вмешательства в дела города.

Франс Белый Демон, «рыцарь плаща и кинжала», личный Его Величества уполномоченный агент

Послание без завершения. Пороги безумия

Спаси нас Единый, слухи не врут... Они идут за мной по пятам, я узнал их тайну, они взыскивают моей плоти... Хуже — они идут за моей душой... О, Господь, не дай агнцу твоему пасть в тенета безумия... защити, сохрани... Я видел предков своих всех до единого и брата, умершего шесть лет назад... Они вопили и извивались в бесконечном водовороте, калейдоскопе абсолютного хаоса... Значит, это не ложь, все умершие и живые стремятся туда путями моря... Путями суши и путями небес... Всякий, познавший сие, уже не будет свободен... свободен от ужасов, что таятся в молчанье за границей обычного знания... Всякий, познавший сие, будет идти... ИДТИ...

Обрывки записей Элиаса Мотоньери Веселого, послушника Церкви Бога Тайного на королевской службе. Судя по всему, удостоверяют наличие организованного хаоса в Ахайосе.

Простые выводы

Резюмирую: Казна теряет деньги, коррупция процветает. На нашей колонии наживаются чужие дельцы. Требуется отправка уполномоченного королевского комиссара и комплекс позитивных реформ. Само собой, также потребуются смена уклада города, возможно, уничтожение банд и тому подобных объединений. В этой области можно рассчитывать на горячую поддержку Орденов.

Министр по особым поручениям Маркос Лютер де Фатиньё, 17 фиратонакреша 805 года.

20 вандакра 806 года Маркос Лютер де Фатиньё погиб при загадочных обстоятельствах, направляясь в Ахайос с инспекцией. Вместе с ним погибли верительные и полномочные грамоты широких полномочий по делам города от Короля.

Шваркарас 807 год от о. А.И.

Непредвиденные сложности

Желтая листва устилала мощеную серым камнем дорогу, тянущуюся в сени древних вязов, и приятно шуршала под ногами, навевая декадентские романтические настроения. Кому угодно, но не Реймунду Стургу...

«Задание выглядит простым, чрезмерно простым даже для первого раза. Вряд ли стоило столь долго серьезно готовить меня к убийству шваркарасского шевалье средней руки... Впрочем, работа есть работа».

Несмотря на внутреннюю уверенность и очевидную простоту работы, Реймунд все же был взволнован. Это был первый раз, когда Альянс позволил ему действовать самостоятельно. Действовать без запретов и ограничений. На свой страх и риск. Первая миссия, первый заказ. Первая оплаченная кровь. И первые ошибки. Реймунд очень хотел сделать все правильно. И любые ошибки, всплывавшие в его возбужденном разуме, сразу начинали казаться кошмарно преувеличенными. Все долгие годы потерь, лишений, подготовки и самоконтроля не могли пресечь нарастающего в юной душе волнения.

Впереди на дороге показалась группа явно благородных господ в плащах, широкополых шляпах и камзолах, выполненных из дорогих тканей — шелка и бархата, магически обработанных таким образом, чтоб отталкивать пыль и грязь. Каждый из четырех молодых, если зрение не изменяло Реймунду, господ был вооружен пистолями и длинными шпагами — любимым оружием шваркарасской аристократии. Вооружение, пожалуй, чрезмерное для простой прогулки.

— Сюда скачут драгуны, герцогский патруль, — крикнул Реймунд издали, перехватывая инициативу, как ему казалось. Разум сработал молниеносно, сразу подсказав, как избавиться от неожиданной помехи. А мандраж вопреки всему усилился.

— И какое нам до этого дело? — несколько удивленно и явно раздраженно поинтересовался высокий худой аристократ с небольшими усиками и в парике с буклями, попутно хватаясь за эфес своего оружия.

— Меня отправили предупредить вас, господа, так что, верно, дело быть должно, — Реймунд, одетый в кожаный пехотный колет, сапоги из грубой кожи и парусиновые штаны, производил сейчас впечатление отставного солдата или наемника средней руки, которое усиливал потертый берет с бархатным пером. Он рассчитывал, что его внешний вид сыграет сейчас шутку с группкой вооруженных благородных господ, позволим им самим достроить предположения о том, кто и зачем послал предупредить их.

— И далеко ли патруль? — спросил говоривший ранее аристократ, выказывая готовность захватить крючок. — И как тебя зовут, кстати?

— Патруль не менее чем в пяти минутах езды отсюда по Сен-Кларской дороге, меня послали предупредить вас и отвести в безопасное место.

— Что за чушь он несет! — встрял в разговор тучный невысокий месье лет 18 на вид, вооруженный противу прочих солдатским тесаком. — Никто не знает, что мы здесь, никто не может...

— Меньше слов, месье Бульдог, — одернул его худой и долговязый блондин в голубой бархатной шляпе с пышным плюмажом, — но, похоже, вы правы. Нас хотят обмануть...

— Что вы, месье, — Реймунд всплеснул руками, — Чарли никогда не обманывает, особенно, если ему платят десять оров за часовую прогулку.

Получилось относительно убедительно, трое расслабились, четвертый — среднего роста, одетый скромно, но со вкусом, русоволосый крепыш, — потянул из-за пояса пистоль.

Реймунд, стоявший сейчас ближе всего к говорившему первым, заводиле, сделал быстрый шаг вперед и нанес короткий сильный удар костяшками пальцев в висок щеголю. Подхватив опадающее тело, он бросил его на толстяка и, резким прыжком преодолев расстояние в пять шагов, отделявшее его от блондина, ударил того ребром ладони, тут же лишив сознания. Выхватив дагу у падающего блондина, Реймунд метнул ее в руку парня с пистолем. Тот скорчился от боли в пораженном запястье, куда пришелся массивною рукоятью кинжал, и выронил оружие. Убийца преодолел расстояние до пытающегося подняться толстяка и ударом ноги отправил того в мир снов или в загробное небытие. Тут же Стург скривился от боли — в плечо, войдя почти по рукоять и пробив крепкую кожу колета, пришелся метательный нож. Похоже, Реймунд весьма недооценил русого. Не уделив внимания клинку, торчащему из плеча, убийца настиг своего противника, который в это время выхватил пшагу, и, уклоняясь от выпада, нанес удар в скулу локтем. Затем одной рукой схватил парня за затылок, сбив шляпу, и ударил два раза коленом — в солнечное сплетение и в челюсть.

Убедившись, что все аристократы повержены, Реймунд с досадой вытащил из плеча нож и тщательно обтер его бархатным платком, который затем бережно убрал в карман.

Убийца Альянса должен оставлять как можно меньше следов, как в материальном мире, так и в мире мистическом. Потому ни один из противников Реймунда не был сейчас убит — слишком легко гаданием определить, что именно тут случилось, без подробностей, но все же, слишком легко допросить души умерших, а Стург не кешкашивар — он не сможет убить и бессмертную сущность этих людей. Слишком легко заставить мертвых говорить и выдать своего обидчика.

Потому Реймунд лишь оставил бессознательные тела случайных свидетелей своей прогулки, которая должна была завершиться убийством, в кустах чуть поодаль от дороги. Закапав каждому в глаза немного синей белены — средства, способного отбить у человека память, в данном случае память о произошедшем в последний час-полтора. Когда они проснутся, то заподозрят, что что-то явно не так, но Реймунда точно не вспомнят.

«Ну что ж парни, вы явно не хотели, чтоб вас здесь кто-то видел, у меня было то же желание. Удовлетворение, я считаю, взаимно. Еще б рука так не болела».

Оставив свидетелей приходить в себя на обочине, агент Альянса отправился дальше по каменной дороге, постепенно поднимавшейся в гору, на холм, расположенный где-то в благополучной части Кампанских лесов Шваркараса.

Небольшая конфронтация со случайными прохожими, к слову, имела пару весьма занятных последствий. Так, например, был спасен тот, кого дожидались на этой дороге аристократы-душегубы, молодой поэт Амори де Ансормэ, обесчестивший несколько дней назад сестру месье Бульдога, девушку ликом невыдающуюся, но весьма приятную телесами. Впоследствии, через много лет, чудом спасенный Амори станет одним из идеологов Шваркарасской революции, а на закате жизни подвергнется искажению хаосом Пучины и своими безумными стихами чуть не погубит обожаемую им Люзецию — столицу Шваркараса.

Вторым последствием стало появление человека, который позднее доставил множество

неприятностей различным наемным убийцам, будь то организации или одиночки. Вильнев де Кабесто — русоволосый крепыш, по странной случайности единственный из четверых, обладавший магически возвращенным иммунитетом к синей белене, запомнил все, что случилось, но никому никогда не рассказывал об этом. Ибо он поклялся, что более никто и никогда не сможет так легко совладать с ним. Годы упорных тренировок и фанатичного изучения всех и всяческих боевых техник превратили его в Вильнева Справедливого — человека, посвятившего свою жизнь борьбе с рыцарями плаща и кинжала, мастерами интриги и отравы и прочими ассасинами. Немало от него настрадался и Альянс, потеряв целых трех профессионалов.

Окончательное разочарование

Дело продолжало выглядеть простым, несмотря на острую боль в наскоро перетянutom платком одного из благородных молодых людей плече. Реймунд собирался добраться до поместья Алана де Мелонье и, по возможности быстро проведя разведку, уже сегодня разобраться с уединенно живущим шевалье, отличающимся, как ему было сообщено, причудами из области любви к науке.

Раскинувшееся на холме поместье представляло собой довольно добротное здание особняка, отличающееся строгими формами и, несомненно, недостаточным для Шваркараса количеством лепнины и украшений фасада. Здание утопало в зелени декоративного, в высшей степени ухоженного сада, и было окружено многочисленными хозяйственными пристройками. В саду располагались беседки и летний гостевой домик, меж кустов и деревьев протянулись опрятные мраморные дорожки, а к основному зданию вела широкая мощеная дорога, с двух сторон огибающая фонтан со скульптурной композицией «Торжествующая наука».

Реймунд сместился с основной дороги, и, не доходя до поместья, забрался на один из вязов, чтобы бегло осмотреть окрестности при помощи подзорной трубы.

В глаза бросалось обилие слуг — штат, пожалуй, несколько раздутый для простого шевалье. Еще более неприятным обстоятельством было наличие сторожевых собак, свободно разгуливающих по территории поместья, и, наконец, мрачные ребята в клепаных куртках, при топорах и пистолях — охрана из профессиональных наемников. Становилось ясно, что объект охоты действительно был достаточно важен для того, чтоб нанимать убийцу против него, но не специалиста же из Альянса...

Меж тем Реймунд увидел цель. На балкон второго этажа, властным жестом откинув массивные занавески, вышел высокий, статный, отличающийся благородной осанкой истинного породистого аристократа, молодой человек лет 20–25 на вид. Обладающий классической шваркарасской красотой, которая заключалась в тонких изящных чертах лица, длинном узком носе, столь характерном для аристократии этой страны, высоком лбе и длинных вьющихся каштановых волосах, а также узких бледных губах, обрамленных тонкой линией усов и как бы замерших в иронически-брезгливой улыбке. И в глазах, темных, как два омута, с блестящей искринкой насмешки на самом дне.

Одет молодой человек был в легкий камзол голубого сукна, с золотыми пуговицами и сияющими на солнце галунами, бархатные кюлоты, чулки, туфли из мягкой кожи и рубашку с чрезмерным количеством кружев, распахнутую на груди.

Он вдохнул прохладный осенний воздух и что-то коротко сказал в сторону комнаты, которую только что покинул.

Последовав его призыву или просто для того, чтобы не разговаривать через занавески,

на балкон вышел еще один человек, тоже достаточно молодой, но явно старше Алана на несколько лет.

При виде второго вышедшего на балкон шваркарасца Реймунд понял, почему решили нанять специалиста Альянса, и почему это задание лишь выглядело легким.

На балконе рядом с щеголеватым франтом Аланом де Мелонье стоял уступающий ему ростом и не столь аристократичный персонаж, облаченный в куртку из прочной кожи, перетянутую ремнями с крепящимися на них ножами, штаны на шнуровке, также из кожи, невысокие ботфорты, рубашку из прочного хлопка и кожаные перчатки с металлическими набойками. В левой руке сей месье держал широкополую шляпу с высокой тульей, а на груди у него висел крупный золотой круг с кинжалом в центре.

Облачение, снаряжение и амулет этого в целом невыразительного мужчины, приближающегося к порогу тридцатилетнего возраста, со стянутыми в тугий хвост смолисто-черными волосами, было прекрасно известно Реймунду.

Собеседник де Мелонье принадлежал к Ордену норманитов — монахов-воинов, которым Единый во Многих Лицах Бог давал необычайные способности на поприще членовредительства, делающие их не просто опасными врагами, а настоящими виртуозами, способными в одиночку справиться с отрядом хорошо вооруженных солдат.

И это приводило Стурга к мысли о том, что ему предстоит сложный, кропотливый и до крайности деликатный труд по устранению своей цели. Ибо неизвестно, какими еще козырями мог обладать Алан де Мелонье, если в друзьях у него числился священник ордена монахов-воинов. А если точнее, монахов-шпионов, которых на многолюдный Шваркарас насчитывалось не более сотни по самым смелым подсчетам...

Мелонье был расслаблен и находился в явно благодушном настроении. Его приятное лицо излучало спокойствие и творческое наслаждение. Второй был напряжен и собран, суровое лицо было хмурым, вся поза свидетельствовала о рабочей напряженности. Алан наслаждался жизнью, норманит внимательно следил за тем, чтобы отдыху подопечного ничто не помешало. И это значило, что священник тут не случайно.

Но это было только первое впечатление, Реймунд с удивлением обнаружил — многочисленные тренировки сейчас принесли пользу, он сумел разглядеть и второе дно сценки на балконе.

«Занятная парочка. Интересно, чем ты так раздражен, де Мелонье, вид такой, будто ты мальчишка, отказывающийся есть овсянку».

Убийца также заметил, что второй обитатель балкона смотрит на своего собеседника с легким превосходством, какое мог бы продемонстрировать отец-ремесленник, глядя на первые успехи сына, или старший брат, наблюдающий за первыми любовными успехами младшего. С легким превосходством и так же легким, отеческим недоумением смотрел на юношу норманит. Будто сын отказался шить сапоги и заявил, что хочется податься в актеры. Или младший брат сказал, что предмет его воздыханий не грудастая молочница, а уездный писарь шестнадцати лет из соседнего городка.

Библиотека Хранителей Знаний. Краткие выдержки об истории и природе стран Южного Архипелага Гольвадии: Королевстве Шваркарас, Республике Ригельвандо и Алмарской Империи, полученные из источников разных, достоверных до степени достойной преподнесения дражайшему читателю

Шваркарас. Край прекрасный и убогий

Я реис его бессомненного величия Столпа Трона Всевышнего, Охранителя, Судии и

Защитника всех земель правоверных, величайшего среди ходящих по тверди, Султана Благословенного Хмаалара, смиренный слуга Абдулла абу Харрад. По воле Повелителя моего, вспомоществуемый кадиром моим благим, отправлен был, в мудрости моего Господина, что выше разумения моего, о чем и не помышляю, в земли южные, лежащие за гранью милости Темного, дабы составить подробное описание земель неверных, особо же развратного и порочного гнездилища невежества, Шваркарасом именуемого. К чему со всем тщанием, дабы угодить Господину Моему, да продлится царствование его столь долго, сколь будут светить звезды в далеких небесах, немедленно приступаю.

Земли сии лежат в местности благополучной, только от неверных, ее населяющих, ущерб имеющей, ибо не угрожают ей ни ураганы, ни волны приливные, ни трясения тверди, по крайней мере за время моего путешествия по местам сиим не было мною обратного замечено, а к словам неверных я доверия не проявляю.

Земли сии благополучны, наполненные зеленью и растениями разнообразными, кои ранее я мог лицезреть лишь в бескрайних садах резиденции Господина моего! Расположение же много более южное, чем земли под десницей всевышнего расположенные, позволяет наблюдать тут дивное буйство контрастов растительных, где пальмы соседствуют с южными хвойниками, однако ж многих из плодов, что растут в землях Хмаалара, здесь не встретить. Ибо холода, что наступают в конце года, не позволяют здесь природно взрастать тропическим фруктам и овощам, потому их заменяют на плоды много более грубые, и вкус имеющие, как задница старого мула, например, репа.

Погода здесь воистину удивила и смутила сердце мое, ибо здесь большую часть года тепло, но оно в последних месяцах неожиданно сменяется наступлением времен холодных. Когда белые хлопья льда, снегом именуемые, падают с небес, застилая все искристым ковром, как песок устилает земли родины моей. И влекомы тучи со снегом злыми ветрами, несущимися из ледяных пустынь крайнего юга, что здесь весьма близок, не иначе как в наказание за пороки и скудоумие жителям сих земель посланными.

Королевство Шваркарас раскинулось на едином большом, но не столь, как земли благословенного Султаната, острове, именуемом Шварк, находящемся в окружении всяческой земельной мелочи, к короне присовокупившейся и управляемой господинчиками смело, стремящимися именовать себя так же пышно, как и владыки земель Шварка. А именно герцогами — по именам родов герцогов, высших аристократов земель этих носят названия и географические местности Шваркараса. На Шварке это Таш Мюш, где обитают злокозненные местные колдуны, большую власть забравшие. Консэ, Люзеция, где располагается столица местного правителя — короля, в глупости своей мнящего себя равным по статусу моему Несравненному Господину. Юзац, где много магов учат и выпускают в большой мир. Кампань, богатая лесами. Дюкис — с верфями военных кораблей. Морпаньяк, что есть провинция с ярмаркой и крупнейшим портом. Шварцзель, Гюдиньяк возле большого озера. Ородюшон, Бургэ, Конле, Фамрэ, Люзон, затерянный среди озер и рек.

За пределами же Шварка есть остров Дюс, который делят герцоги Дюгар и Мопанрэ, остров Ход, затянутый черными облаками от производств, во множестве пятнающих земли этого гористого места, где день и ночь в герцогстве Хюдегаль бьют молоты по наковальням и разлетаются брызги горячего металла из плавилен, обеспечивающих всю страну металлом. Есть еще архипелаги Хасконь, Нормань и Понтюш, среди которых первые два славны

подвигами и горячностью нрава сынов этих земель, а третий славен непримечательностью среди прочих. Столичные города провинций этих носят названия по роду герцога правящего, а следовательно, называются так же, как провинция, что возможно будет вызывать путаницу в чтении моих последующих заметок, однако я постараюсь сего избегать, дабы не расстроить моего Господина.

В тупости своей и скудоумии думает, что управляет сим местом Король, кой лишь есть потомок самого сильного из герцогов Шварка, герцога Люзеции, который силой оружия, подкупом и деяниями несправедливыми заставил когда-то прочих среди владык земель этих признать его королем над ними. Власть его непрочно и зависит от мирских и плотских вещей вроде бюрократии, государственного аппарата, армии и благосклонности прочих герцогов. Как здесь говорят, также он является главой местной церкви, в пустых головах здешних властителей есть мнение, что они есть столпы веры, но они не могут явить ни единого чуда, и самого простого местного священника их боги слышат лучше, чем главу церкви. Сами иерархи церкви считают сие положение о главенстве лишь «версией де юре», считая, что король имеет прав на власть не более, чем любой из прочих сильных сей страны.

А потому короли на протяжении долгих шестисот лет создают вокруг себя тонкие нити мирских органов управления, которые худо-бедно помогают сохранять их власть. Дабы ослабить герцогов, они сажают в провинции губернаторов, ответственных за сбор дани и прочие вещи, которые вроде как принадлежат королю. Создают при себе кабинеты министров, куда входит до пятидесяти дармоедов с древним происхождением, отвечающих за всяческие значимые и незначимые вещи от армии до странноприимных домов. При этом каждый из них держит при себе сотни и сотни прихлебателей — чиновников, отвечающих за исполнение решений министров, часто, как ночные тати, действующих без ведома их короля. При этом, помимо государственных чиновников, в каждом герцогстве герцог имеет собственный кабинет, отвечающий за дела в его владениях. И вся эта безумная, противная человеческой природе, бюрократия непрестанно мешает друг другу, так что я даже не понимаю, как до сих пор эта проклятая страна существует, но верю, что когда и в эти места дойдет сияние Темного, порядок придет в их несчастные земли.

Что же до иерархий, то в этом отношении здесь царит безумие еще большее, чем в управлении государством. Есть Герцоги, которые правят большими провинциями, и они давным-давно разделили эти провинции на наследственные владения, дающие право на титул. Титулы есть такие (да простит меня Величайший из Великих за столь подробное многословие) — маркиз, граф, виконт, барон, баронет, шевалье. Притом, маркизы имеют право делить свои земли на баронства, а также жаловать звание шевалье. А графы и бароны легко могут посвятить любого, кого сочтут достойным, в нижние титулы — все те же шевалье или в оруженосцы. Как ни странно, шевалье, пожалованный бароном, считает себя столь же достойным, как и шевалье, пожалованный королем! Если герцоги и прочие, кто ниже них, могут распоряжаться титулами только по числу земель, коими владеют, то король совершенно спокойно через свои министерства продает за баснословные деньги титулы от маркиза до шевалье без земель всем желающим купцам статусом не ниже коронного купца, что, как правило, говорит, что это человек много более преуспевший в извлечении злата несправедливыми путями, чем большая часть маркизов и графов.

В иерархии же простолюдов царит такой первозданный бедлам, который способны были учинить только стремление народа сих земель к свободе, столкнувшееся со стремлением их господ свободу ущемлять. От провинции к провинции разнится статус и

права зависимых крестьян, так что в некоторых местах они почти свободны, а в некоторых подобны рабам. В то же время в некоторых местах рабы, кои, как и в землях моего Несравненного Господина, суть есть твари, вывезенные из диких областей Экватора, предназначенные лишь для служения народам более сильным от природы, могут иметь больше прав, чем зависимые крестьяне. Притом есть крестьяне и зависимые ремесленники у герцогов, есть у графов, и даже у шевалье, и самые благополучные из них те, что у герцога, ибо его авторитет защищает их, а самые несчастные у шевалье. Ибо глумиться над ними может всякий, кто выше стоит, а сам шевалье порою не сильно богаче своих феллахов.

Свободные же люди свободу свою могут иметь лишь в тех местах, где обитают, и там же правомочны доказать, что свободны, потому что, если нет никаких бумаг у человека, а такое часто бывает, ибо их выдают чиновники, о которых я уже вел речь, и лучше я поцелую плешивого пса в смрадную пасть, чем повторюсь о них, то он сразу, выйдя за черту мест, где его знают и поручиться за него могут, рискует оказаться закабаленным, и, лишившись всякого достоинства, отправиться пасти овец для его благородного нового господина. Потому свободных людей в Шваркарасе отличает вооружение, кое подчас многочисленней, чем у солдат, коим по труду их положено быть вооруженными, и умение этим вооружением пользоваться, защищая себя. Потому, кстати, нередко бывает, что за вольности свои города с герцогами или владетелями местными воюют смертным боем.

Сильными же позициями в государстве обладают и могущественная Гильдия Магов, в которой много аристократов, и авторитетная Гильдия Колдунов, а также много для страны добра свершающая и пронырливая Церковь.

О купцах же и священниках речь позже пойдет, потому сейчас я в эту подробность впадать не стану.

О благословенный Хмаалар, где в садах поют райские птицы, жены скромны, а мужи благодетельны, ты содрогнешься, узнав о том, каковы отвратнейшие нравы, что царят в смрадной клоаке духа, Шваркарасом именуемом.

Рыба гниет, как водится, с головы, и мы начнем с того же. Наблюдая нравы местных аристократов, я составил мнение, что хуже этих людей не встретишь, пожалуй, нигде более. По большей части они глупы и невежественны, дуэли и охоты предпочитают учению и практикам, ум развивающим, но при том почитают себя природными талантами во всех областях без исключения. Как мужи, так и жены порочны, и, например, никто не считает чем-то особым, когда юноша и девушка, заключив брак шестнадцати лет от роду, уже не живут вместе и каждый имеет по три-четыре любовника. Впрочем, сие идет от того, что в головах этих нечестивцев лишь мрак невежества и страсти беспримерные; политический альянс, извлечение прибыли, желание нажиться на ближнем здесь соседствуют с какими-то ущербными понятиями о чести и природно раздутым чувством гордости, вернее, смрадной гордыни, что заставляет поколение старшее безвозвратно портить грядущее для поколения младшего, а младшее — терять всякое уважение к поколению старшему.

При этом, однако, мрачные страсти, кипящие в сердцах благородных людей Шваркараса, делают их порой изворотливей шайтана, а вспылчивый нрав рождает среди них множество отменных дерзких воинов, с коими во времена их нелепого похода в земли Хмаалара было нелегко справиться даже могучим воинам Кагана гетербагов, действовавшего по воле Султана. Тот же внутренний неверный огонь делает из них отменных поэтов и дерзновенных исследователей мира, во всех его пределах расширяющихся, что я не могу не уважать. Но непоследовательность и ветреность, присущая им как высшему сословию,

привыкшему получать все и сразу, не дает им достигнуть истинных высот великих свершений. За что и возблагодарим Темного в неизбывной Мудрости Его, ибо тогда с этими поганцами не было бы никакого сладу.

О прочих же сословиях мне менее есть чего сказать, однако и это может быть интересно. Среди неблагородных обитателей страны наиболее интересны свободные горожане, ибо думают они, что в их городах сошелся клином мир, и нет ничего прекраснее, чем узкие зловонные улочки и шумные площади их обиталища. Их невежество, впрочем, в этой области весьма компенсировано было смекалкой, прозорливостью и стремлением к прогрессу. Города живут модой, модой и стремлением вперед, что меняет быстро не только их облик, но также и природу, поскольку все новшества, улучшения и достижения науки и таланта жителей непременно оказываются вовлеченными в круговорот жизни и использованными в городе сотней разных путей. Горожане боятся и ненавидят то, что находится за пределами их толстых стен, и потому стремятся превратить свой город в маленький космос, где будут комфортно и благостно предаваться неге и праздности, для чего много работают, много выдумывают.

Свободные крестьяне и ремесленники привыкли бороться с миром, фаталистично принимая неизбежность своей борьбы, и за то будь они благословенны свыше, ибо это отношение стоило бы принять и многим нашим феллахам. Да простит меня Столп Трона Его, однако я скажу, что местные землепашцы и работники многому могли бы научить наших, их отличает способность принимать и сносить удары судьбы. И если правитель, например, растоптал армейскими телегами их поле, они примут это, и, учтя, постараются сделать так, чтобы поле было должно огорожено и посевы были иначе расположены, а не начнут восстание против правителя. Живя так, они стремятся лишь к тому, чтобы им не мешали жить, не мешаются в политику и хорошо понимают свое место в мире. При этом они не лишились творческой мысли своей, что, на взгляд верного слуги своего Господина, есть большое достоинство.

Крестьяне же, не свободные, как и ремесленники, весьма похожи на феллахов из благополучной провинции с жестоким сатрапом — они невежественны, ибо их никто не учит, а сами учиться боятся; слабы, глупы и ленивы, ни к чему не стремятся и стараются сделать лишь так, чтобы им хватило на прокорм и на откуп от их господина. Они подстраиваются под своего владельца и, если он добр к ним, то могут начать работать лучше, а могут, наоборот, окончательно облениться, если же зол, то они работают хорошо, но неизменно деградируют, опускаясь все глубже в тенета суеверий, злобы и агрессии ко всем, с кем могут справиться, например, рабам.

Маги и колдуны этих мест не слишком отличны от наших. Возможно, есть какой-то великий план Всетемнейшего в том, что колдуны мудры, спокойны, вежливы, нелюдимы и нейтральны до последнего, а маги грубы, надменны, пресыщены осознанием своего величия и считают себя властелинами мира, несмотря ни на что. Местные маги, пожалуй, так же являясь по большей части аристократами, более, чем наши, склонны к агрессии и жестокости, будто они не мастера мистических искусств, а дикие наездники Аритсанны...

О купцах сейчас речь пойдет подробнее, так что о нравах их можно сказать в последний черед. Пожалуй, с купцами и вообще торговым сословием этой грязной стране повезло невероятно, боле того, я желаю Горделивому Льву Пустыни насаждать такие же порядки и на нашей родине, что безусловно обогатит Хмаалар. Эти люди с одной стороны весьма непоследовательны, скаредны и вечно алчущи наживы, как голодные шакалы — падали. Но в

то же время они готовы быть столпом государства, и свой интерес видят только в интересе государственном, чем несомненно превосходят и своего короля, и герцогов, и знать, и прочих. Именно купцы настаивают на продолжении расширения колонизации, они спонсируют ученых, дают деньги университетам, снаряжают дальние экспедиции и убеждают власти содержать могучий флот. Если мы когда-либо соберемся нести тьму веры на берега Шваркараса, то первое, что должны мы будем сделать — это подавить его прозорливых негоциантов, кои сейчас держат на себе величие государства, заставляя действовать и прочих своим примером и своими деньгами. Они не столь последовательны, зато и не столь разобщены, как купцы Ригельвандо, радеющие за интересы своей гильдии более, чем за общий интерес страны.

Подобно распутной девке, пораженной проклятьем Матери Демонов, и все время ищущей, чем бы утолить свою непрекращающуюся похоть, Шваркарас ищет, чем бы утолить свою непрекращающуюся алчность. Благодаря его купцам, а ранее аристократам, заставлявшим крестьян работать и рачительно развивавшим свои владения, эта маленькая страна обрела богатство, которое позволило ей вслед за таким же Ригельвандо отправиться к берегам Экваториального Архипелага, дабы там насыщать свою заморскую плоть новыми товарами, богатеть и предавать разбою и насилию все захваченные земли. Новые богатства, а вернее, легкость, с которой они были добыты, повлекли и рост алчности, и теперь не способный остановиться Шваркарас терзает свои колонии, вытягивая из них золото, товары, рабов и принося взамен лишь свою сомнительную государственность и ложного бога под руководством безумных фанатиков.

Их система торговли очень сложна, но, похоже, весьма эффективна, так что я прошу Меч Хмаалара принять мое послание к сведению внимательно. В основе торговли лежат торговцы низшего статуса, у которых в услужении могут находиться разносчики и подмастерья, эти торговцы имеют право осуществлять торговлю только в рамках небольшого района, на что им выданы соответствующие грамоты со стороны местных властей. Это может быть перекупка товаров нескольких деревень или торговля по контракту с несколькими ремесленными цехами в городском районе. Немного, но так иногда торгуют целыми поколениями, к тому же, так начинается с малого обучение ремеслу детей и внуков, что позволяет им легко и понятно вникнуть в суть малых процессов торговли и заменяет им, иногда, школу. Над торговцем стоит городской купец, который имеет право торговать в городе, а также избираться на должности в городском управлении. Их, само собой, в городе может быть несколько, и все они имеют право перекупать и продавать товары, произведенные в городе и в соседних городах. Над ними стоит купец региональный — человек важный, хорошо осведомленный о торговле в своем регионе, о том, какие города что производят, где какой спрос и чего не хватает. Как правило, несколько региональных купцов хорошо конкурируют, реже, за что их наказывают люди короля, вступают в сговор, и сообщая они так или иначе направляют торговлю целого региона, в котором может быть несколько графств, маркизатов или баронств. Над ними стоит купец 1-го класса, он имеет право торговать свободно в любых внутренних областях метрополии. Таким образом, внутренний рынок формируется на группах купцов разного статуса, взаимно обогащающих друг друга. Внешний же, а также колониальный рынок, формируют купцы с разрешениями на торговлю, на которых стоит подпись короля или одного из его министров. Это полномочные купцы — имеющие право возить товары из колоний. Очень богатые люди, в своих интересах они существенный вклад приносят в борьбу с контрабандой, пиратами, несовершенством

таможенных барьеров, помогая государству деньгами и мнением своим опытным. Над ними стоят коронные купцы — имеющие право покупать у государства товары, находящиеся под особым контролем короны, также имеющие право осуществлять внешнюю торговлю не только самостоятельно и предоставляя такое право (а так же право на колониальную торговлю) торговцам низшего звена, и эти немногочисленные, но опытные и прозорливые люди, образуют сословие богатейших людей государства. Несколько десятков из них получают статус Олигарха, что дает им право торговых послаблений и привилегий, их богатства превосходят богатства герцогов и королевских губернаторов, но они редко больше одного поколения умудряются удерживаться у кормушки. Самый богатый из них или же самый угодный королю получает статус Коронного Олигарха, и его торговая власть почти безгранична. Фактически, это министр среди торговцев, направляющий финансы государства в то или иное русло. Сам король одалживает у него денег, при этом любой благородный шевалье может плюнуть ему в лысину и обозвать «поганой крысой», ибо Шваркарас разумом в этой области оказался не уступающим Султанату, да продлится он под сенью Темнейшего до скончания времен! И в Шваркарасе, как и в Хмааларе, понимают, что даже толстейшая мошна ничто в сравнение с заточенным булатом, а потому торгаши должны знать свое место.

Да изгнiet моя плоть на солнце, да достанутся мои глаза грифам, а кровь — пустынным гулям, да будет моя семья предана умерщвлению за грехи мои, однако пусть простит меня Милосердный Владетель Земель Правоверных, но я, делая записи о Шваркарасе и с Гольвадии вообще, не могу не написать про местные верованья, будь они трижды прокляты, ибо тогда утаил бы я правду, а этот грех мне запрещен кадиром.

Заблуждения этих неверных псов зовут культом Единого во Многих Лицах Светлого Бога. Через священников своих этот многоликий бог, являясь каждому таким, каким он желает видеть его, диктует свою нечестивую волю наивным жителям сих земель. О, бедные нерадивые идиоты, разве можно серьезно верить в бога, кой проститутке является в образе проститутки, а говночерпию в образе соответствующем, и, видимо, таком же зловонном. Однако они верят. И он наделяет их нечестивой силой. Но в вере этой нет чести, ибо сей тщедушный божок не нашел в себе сил, являясь каждому в искомом облике, наделять каждого же вниманием по достоинствам его. Вместо этого он говорит с людьми через священников, кои (да простит Великий мне это сравнение глупое) не наподобие кади трактуют волю всевышнего, а сами решают по собственному скудоумному разумению, чего их бог от паствы хочет. То есть, их бог желает веры от каждого, но при том говорит лишь с отдельными.

Главным источником божественного откровения является у них «Книга Многих Ликов» — толстенный талмуд баек и преданий, где суть мудрости сокрыта в толще ненужных словоблудий. Зато их священникам легко читать ее с амвона безропотной пастве, внимающей сим байкам, как внимают в детстве сказкам, рассказываемым кормилицей...

Однако, к моему прискорбию, о несправедливости, что творится в мире за пределами милости Всевышнего, есть у их веры и сила. И силе этой имя — Церковь.

Священники Единого живут по разным заветам и разный имеют характер и привычки, но их вера столь сильна, что объединяет их. И хоть в Шваркарасе орденов и объединений церковных больше, чем червей в трехдневном собачьем трупе, и подчас правая рука не знает, что творит левая, при том все же даже в существующем бардаке церковь их столь сильна, что зло, и то, что они называют ересью, а также и миазмы извечного врага всего сущего не могут

найти достаточно благодатной почвы ни в метрополии, ни в колониях Шваркараса, будучи быстро истребляемыми сонмом разношерстных священников, притом грызущихся между собой за власть и пытающихся ограничить короля, герцогов, аристократов, купцов, магов и колдунов во власти, считая, что только те, кто несут веру их лжебожка, знают, каким путем должна идти страна и мир.

Главными же и самыми могущественными культами воплощений Единого в Шваркарасе являются Церковь Бога-Хранителя, занимающаяся мирным сбережением от зла и всяческих несчастий паствы его. Церковь Бога-Правителя — самая богатая и могущественная, управляемая Архиепископом и покровительствующая аристократам и чиновникам. Церковь Бога-Покровителя, защищающая престололюдые и особенно крестьян. Орден Бога-Воителя, что славится лучшими воинами и церковными полководцами, и, помнится, немало вреда принес в свое время Благословенному Хмаалару. Орден Бога-Целителя, где девы юные и умудренные опытом матроны исцеляют верой раненных и больных. И Церковь Бога-Тайного, как я уразумел, покровительствующая ученым, но подробностей я уточнить не смог.

Помимо сих учреждений есть еще около тридцати малых орденов и объединений, носящих локальный, как например церковь Бога-Лесоруба Кампани, или специальный характер, как Орден Охотниц на ведьм — безумных фанатичек, истребляющих таких же безумных чернокнижниц.

И все это многообразие, к великому моему удивлению, беспрепятственно существует в этой маленькой стране, на диво способствуя ее процветанию.

Великая армия под Знаменем Темнейшего неоднократно, в малых как правило противостояниях, сталкивалась с войсками неверных из Шваркараса, и подчас бывало так что даже еничери Султана, да будет его печаль утолена скорой мезтью, и неистовые наездники пустынь обращались в бегство под огнем стальных коробок армии южан. Коробки эти, как я узнал, называются каре, а строй, которым бьются неверные, называется линейным, и предназначен он для использования огнестрельного оружия — мушкетов и фузей, коими в огромных числах снаряжены армии неверных! При поддержке специальных корпусов магов и колдунов, а также артиллерии, коя, к великому моему прискорбию, далеко вперед ушла в сравнении с ревущими жерлами Султана, да оградит его Темнейший от рева пушек безбожников, эти линейные войска способны творить чудеса на поле боя, не оставляя никаких шансов диким туземцам Экватора. Уступают они лишь яростному напору гигантов-гетербагов, о слава Всевышнему, что у нас есть Каганат, или же таким же армиям, будь то южане или кровожадные амиланийки.

Несмотря на вопиющий беспорядок, коим наполнена эта заблудшая страна, да смилостивится над ними Даритель Жизни, их армия находится в удивительной гармонии боеспособности.

Она комплектуется по принципу рекрутского набора в городах от каждой улицы, в деревнях от нескольких дворов. А некоторые части, как например морская пехота, составляют из пропащих душ, которым смертный приговор заменяют службой. По добровольному согласию человек, ушедший в армию, вряд ли вернется домой — Шваркарас много воует, а срок службы 35 лет.

Удивительно так же и то, что армия остается боеспособной, несмотря на то, что солдат плохо кормят и очень редко платят, впрочем, такое мы можем наблюдать и дома в армиях нерадивых эмиров, чьи головы уже давно должны увенчать острые колья на стенах сераля

Владыки. Но этих несчастных, к тому же, еще и наряжают как кукол! На них надеты пестрые мундиры и всяческие украшения в виде кокард и позументов... Какой мужчина, к тому же воин, не возмутится такому? Воистину, чудны места и дела заморские.

Офицеры — это аристократы, иного не дано, очень редко удается выслужиться неблагородным людям, но, дабы не ломать стройную систему государственного организма, этих храбрецов производят в достоинство шевалье. Офицеры имеют довольствие от короны, однако платят его довольно редко, на войне чаще, во времена мира почти никогда, потому воровство в армии на командных должностях процветает, как и несправедливые попытки заставлять воинов работать на своих командиров вне служебных нужд.

Однако аристократы Шваркараса воинственны по духу, они идут служить не за деньги, а за славу, как правило, они сами покупают себе обмундирование и снаряжение, что всегда позволяет ярко выделить среди солдат офицера и среди офицеров богача, за которого семья даст богатый выкуп.

Вооруженье солдатское составляют фузеи или мушкеты и багинеты, длинные лезвия, притыкаемые к ружью или вставляемые прямо в дуло и превращающие его в копье. Также часто используют гранаты, кои опасны как для чужих, так и для своих, ибо конструкция этих чугунных горшков с порохом несовершенна и несет бесчестную смерть как тем кто их применяет, так и бесславную тем, против кого они направлены.

Офицеры вооружаются более изящно и привычно для нашего взгляда, их оружие — шпаги, палаши или благородные сабли, впрочем, иного, нежели хмааларский, образца, но не сути, также используют пистолы с кремневыми замками, что лучше наших колесцовых, кои они давно использовать перестали.

Также нередко неверные используют магию — доспехи, оружие и свитки с заклятьями, разящими смертельно, но с близкой дистанции, а равно колдовство, отводящее пули и клинки, наводящее смятение на противника в рукопашной. Но в этой области мы ушли вперед, хоть и недалеко.

Кавалерия — удел блистательной аристократии, она, как правило, немногочисленна, но отменно снаряжена. В Шваркарасе кавалерия делится на легкую — из уланов и гусар, использующих сабли, пистолы, и пики. Среднюю — из карабинеров и драгун, вооруженных карабинами и винтовками, также палашами, и носящих легкие прочные доспехи. Тяжелую — из кирасиров и рейтар, носящих прочные доспехи и сражающихся тяжелыми палашами. Если в другой кавалерии можно найти простолюдые, то эти новые рыцари состоят сплошь из членов благородных семей.

Об артиллерии Шваркараса покорный и пристыженный слуга Султана сказать может весьма мало, ибо не разбирается в отличиях пушек неверных от пушек Сиятельного Владыки, знает лишь, что они совершеннее и бьют дальше. И надеяться в бою с неверными мы должны только на схватку в ближнем бою и ярость наших воинов.

Бережение над войсками на время мира, а также заботу о развитии и совершенствовании армии принимает министерство вооруженных сил, в бой же армию ведут генералы, маршалы или фельдмаршал. Армия делится на дивизии, что скорее некая абстрактная единица, полки, квартирующиеся по военным округам и соответствующим герцогствам, но находящимся на довольствии государства. Особо меня удивили их правила: для тех аристократов, что побогаче и амбициозней, у них есть особые звания коронных офицеров — коронный лейтенант, коронный капитан и так далее. Исполняя те же обязанности, эти хитрые неверные получают право при повышении скакать через звания до

следующего коронного статуса, что, к счастью, не идет на пользу навыкам командования офицеров Шваркараса.

Отдельный статус имеют подобно инженерам и артиллерии отряды магов, выделенные в отдельную службу и используемые на поле боя особым порядком, каковое нововведение следовало бы принять и на службе несметных армий Защитника правоверных.

Так обстоят дела в Королевстве неверных собак Шваркарасе, да опустится он под толщу вод морскую, будь на то воля Темнейшего. Если покорный раб моего господина Абдулла абу Харрад выяснит что-то еще о сих удивительных землях, он незамедлительно поведает об этом Величайшему из живущих по Милости Темного.

Путевые заметки о чудных и страшных путешествиях по южным беззаконным странам реиса Абдулла абу Харрада.

По летоисчислению неверных 810 год Рубинового Пламени от Образования Алмарской Империи.

[AB1]Закончила тут

Часть 2. Глава 2. Маски и мундиры

Минуло не более пары дней с тех пор как юный Реймунд Стург столкнулся с непредвиденными трудностями, обозревая логово своей первой цели, как в графство Никкори-Сато герцогства Кампань, управляемое вдовой графиней Стефанией де Никкори-Сато, по двум дорогам — королевской, широкой, грязной и утопанной тысячами ног, с севера, из благословенной Люзеции, и герцогской, довольно узкой, но зато уложенной крепким камнем, с юго-запада со стороны Люзона, прибыли два путника, первый, в блеске молодости и почета, — днем, второй — незаметно, ночью порою, стараясь не привлекать излишнего внимания.

Сим двум путникам — маскам Реймунда, предстояло обеспечить устранение Алана де Мелонье, аристократа, ученого и в высшей степени подозрительного молодого человека...

Что такое трактир? Вопрос сложный, философский и важный. Настоящий трактир, расположенный на королевской дороге — это вам не деревенская забегаловка и не городской кабак. Это заведение солидное, статусное, приносящее владельцу доход и почет.

«Голова великана на зеленом лужку» как раз был таким трактиром, расположенным на дороге, ведущей через графство Никкори-Сато на юг, через прочие Кампанские земли к морю, в герцогство Люзон. Заведение щеголяло выполненной искусным живописцем вывеской, в реалистичной манере изображающей валяющуюся на зеленом лугу отрубленную голову великана с вываленным языком, и представляло собой добротное двухэтажное каменное здание. Оно было обрамлено пристройками в виде конюшни, кузни, хлева с разнообразной скотиной, амбара и даже небольшого нарядного домика цирюльника, по несчастливой случайности расположенного возле пяти деревянных будочек нужников с прорезанными в дверях изящными сердечками.

Сам трактир помимо дверей из кухни и комнат хозяев имел три входа, как и положено столь великолепному заведению. Первая располагалась как раз со стороны уже означенных нужников, вели к ней вымазанные навозом гнилые деревянные ступени, а сама она была выполнена из толстых досок, окованных железными пластинами, давно проржавевшими, для крепости. Дверь эта вела в чадный и темный зал, куда свет пробивался через небольшие окошки под самым потолком. Там стояли простые столы и грубые широкие лавки, в правой от входа стене располагался крупный очаг. А под прочими стенами была навалом раскидана солома, завшивленная и редко меняемая. Этот крупный и мрачный зал предназначался для представителей подлых сословий — крепостных, крестьян, ремесленников самого низкого статуса, пастухов, бродячих актеров, воров, разбойников и прочей шушеры, с которыми приличные люди не хотели иметь ничего общего. Кормили тут плохо, но зато недорого, спать можно было, если приплатить, на лавках или бесплатно на соломе в углу.

Вторая дверь была много приличней, к ней вели добротные каменные ступени, сама она была обита кожей и имела небольшое смотровое окошко, через которое охранник — в данном случае старый одноногий гренадер — мог обозревать новых гостей, желающих проникнуть в помещение, дабы сразу отшибать тех, кому там находиться не полагалось.

Чистый и просторный зал был уставлен круглыми столами разного размера и простыми деревянными стульями, укрытыми шкурами. Два камина, свечные люстры и в дневное время три больших, забранных дешевым матовым стеклом, окна обеспечивали надежное, хорошее освещение отделению трактира, предназначенному для людей сословий средних — солдат

королевской армии и унтер-офицеров, зажиточных ремесленников, купцов среднего и малого достатка, чиновников, музыкантов, слуг благородных людей и прочих людей, которым посчастливилось иметь твердый доход и свободное происхождение. Кормили здесь добротнo, но без прикрас, а спать можно было отправиться по трескучей лестнице на второй этаж в небольшие уютные комнатки с кроватью, сундуком, рукомойником и небольшим окошком с видом на двор.

К третьему входу вела отличная полированная мраморная лестница, у входа же стояло двое нарядных лакеев, которые, завидев гостей, немедленно отворяли створки дверей из красного дерева с изящной резьбой и позолотой. За этими дверьми открывался воистину впечатляющий, но довольно небольшой, помпезный зал, освещаемый не менее чем сотней свечей в дорогих канделябрах и бронзовых люстрах. Тут были диванчики из драгоценных пород дерева, обитые мягким плюшем, изящные столики на тонких ножках и мягкие стулья с резьбой. Тут подавали, причем не от каминов, а из отдельной кухни, самые разнообразные блюда, способные удовлетворить взыскательный вкус, а для отдыха гостей были предназначены расположенные на втором этаже спальни (с отдельными комнатками для слуг) с видом на густые кампанские леса. Само собой, этот шик был доступен лишь для представителей великой Церкви Единого и блистательной аристократии, реже и по особому приглашению сюда так же могли пускать наиболее состоятельных купцов, желавших сорить деньгами и терпеть взгляды, полные неприязни и презрения. Этот зал имел охраняемую аляповатым амбалом в ливрее дверь в соседнее помещение для средних сословий, откуда иногда благородные господа могли пожелать пригласить кого-то себе на забаву или позвать слуг.

По королевской дороге прогрохотали копыта. Властной рукой, затянутой в черные краги, солдатам у рогатки при въезде в графство был предъявлен дорожный пас. Документ на имя драгунского коронного лейтенанта Антуана де Рано, Алого Люзецийского Имени Егс Королевского Величества драгунского полка. С правом беспрепятственного передвижения по землям Его Величества в метрополии, равно как и в колониях, включая дороги герцогств, маркизатов, графств, земель баронских и рыцарских.

Уже через пятнадцать минут поджарый вороной конь, еще сохранивший толику боевого задора своих далеких хмааларских предков, вносил своего всадника в распахнутые ворота «Головы великана на зеленом лужку».

— Заботься о нем как о своих детях, нет, лучше! — пророкотал молодой офицер, передавая поводья и серебряный линар белобрысому служке. Офицер светился молодостью и благополучием, он залихватски улыбался, излучая уверенность в том, что цепко держит удачу за хвост. Так себя умели вести только настоящие столичные аристократы.

Проследив за тем, как парень начал водить коня по кругу во дворе, остужая после скачки, аристократ двинулся к парадному входу в трактир.

По мраморным ступеням прогрохотали медные подбойки ботфорт, лакеи поспешно распахнули двери и, оставив на пороге горстку навоза с улицы, осыпавшуюся благодаря небольшому, но полезному бытовому заклятью, в зал вошел молодой крупный человек в форме драгунов шваркарасской армии. Приталенный алый жюстокор выгодно подчеркивал отличную фигуру. Черные краги блестели и пахли свежей кожей. Жилет и камзол блистали шитьем и пуговицами с королевскими пиками. Кюлоты были пошиты согласно последнему писку задушенной моды, а ботфорты красовались стальными шпорами. Форменный наплечник с соответствующей чеканкой и перевязь с палахом выдавали зрителям коронного

лейтенанта — баловня судьбы, получившего от королевства шанс скакать при повышеньях через звание.

Взяв на локоть узкую треуголку, драгун быстро осмотрелся:

«Шесть столов из двенадцати заняты, аншлаг для четырех часов дня, двое у окна, мичман и гардемарин, явно нездешние, наверняка получили отпуск из-за начавшегося сезона штормов и едут красоваться в столицу. Дама в дорожном платье и две девицы, с удивлением глазающие на меня, тоже нездешние. Видимо, леди везет дочерей или подруг из провинции, представить ко двору. Человек в черном сюртуке, сидит в углу, а рожу сморщил — как уксуса хлебнул. Не волнуйтесь, господин сейцвер тайной канцелярии, не трону вас. Трое с синими плащами на стульях и при тяжелых шпагах, мушкетеры из Люзона, тоже проезжие. Этот вообще пьян, а еще священник. А вот эти четверо подойдут — одежда явно не дорожная, лица без признаков пыли и усталости. Парики слишком пышные для дорожных, да и сорочки чистые и свежeweыглаженные. Едят умеренно. Пьют вино местное, и сами, видимо, отсюда, вот вы-то мне и нужны, господа».

И объявил, продолжая источать силу и сытое довольство:

— Приветствую блистательное благородное собрание, дамы и господа, солнце ярко светит, птички щебечут, а Его Величество здравствует! Так пусть будет Единый благосклонен ко всем нам, в милости своей безбрежной способствуя исполнению дел добрых и важных!

Сняв перевязь палаша и кинув его трактирному прислужнику: «Почистить!», драгун двинулся к компании из четырех молодых людей, сидевших у дальнего окна зала и неспешно беседовавших, потягивая вино под сыр из хрустальных бокалов.

— Приветствую, господа! Разрешите рекомендоваться — шевалье Антуан де Рано, Алого Люзецийского Его Величества драгунского полка коронный лейтенант! Вижу, у вас веселая компания, а я столь долго в дороге, что куртуазное общение мне необходимо более, чем капля влаги умирающему в пустыне, — он быстро повернулся в сторону возникшего за плечом официанта, — Шампанского, любезный, на пятерых, — и вновь обратился к недоумевающим аристократам, которых избрал собеседниками, присаживаясь на один из двух остававшихся свободными стульев, кидая на второй треуголку и парик со стальным прутом, вплетенным в косицу: — А не желаете ли услышать, как мне с моими ребятами удалось поймать прямо в часе езды от славной Люзеции печально известного Рене Лиса сам-семь, за что и отпуск мне был дарован с крепким кошельком от короны в придачу...

Выбор оказался верным, талантливо рассказанная история, шесть бутылок шампанского под куропаток и легкий солдатский юморок позволили уже к вечеру Антуану де Рано обзавестись новыми друзьями из благородных аристократов, вассальных роду Никкори-Сато. Тучным и простоватым шевалье Торном де Шальгари. Угрюмым, любопытным книгочеем Алексом де Гизари. Поэтом и бретером Дирком де Кабестэ и сенешалем графства, ведающим казной и предприятиями, умным циником Марком де Эль. Последний, собственно, и пригласил ищущего развлечений и приятной компании после утомительных месяцев службы драгунского лейтенанта погостить в своем поместье, расположенном неподалеку от замка графини. Обещая, что осенний сезон этого года в землях графини и ее соседа маркиза де Шаронье будет в высшей степени насыщенны балами, охотами, пирами и прочими благородными мероприятиями. И при этом удовольствия эти будут столь просты и изящны, что с легкостью позволят отдохнуть и забыться в сельском кампанском колорите от помпезности столичной жизни Люзеции. Антуан, изначально собиравшийся к морю, не без

труда, но дал себя уговорить, и через пару дней переехал к сенешалю.

Молодые люди, с которыми так легко сдружился Антуан, были законченными провинциалами, отягощенными всеми и всяческими недостатками, свойственными жителям лесистой Кампани.

Торн де Шальгари был сыном известного охотника и не столь ценил увлечение отца, сколько его результаты. Оленина, кабанятина, мелкая и крупная птица, зайчатина и медвежатина — это были любимые слова тучного аристократа. Он ценил хорошую, сытную кухню и, как большинство полных людей, был добродушен и нетороплив в беседах и делах. Люзецийский офицер восхитил Торна, продемонстрировав, как нынче в столице принято правильно есть куропаток. Новый метод тут же пополнил коллекцию кулинарных знаний сына охотника, а новый товарищ — список уважаемых знакомых (в душе презирая столичную знать, Торн, как и большинство провинциалов, тянулся за модой на свой манер).

Алекс де Гизари отнесся к знакомству без энтузиазма, его никогда не впечатляли бравые вояки без капли разума в светящихся молодецким идиотизмом глазах. Юноша из небогатой аристократической семьи всегда мечтал о службе на пользу королевства в каком-нибудь достойном министерстве. Если не в тайной канцелярии, то хотя бы в геральдической палате. И более всего в людях уважал ум и взвешенность суждений. Де Рано под куропатки и шампанское показался ему еще одним шумным разгильдяем. И так было до того момента, пока новый собеседник не проявил себя. Лед между де Гизари и Антуаном растаял, когда тот весьма подробно и последователь рассказал о достижениях современной шахматной мысли в столице и о клубах умной, стратегической игры, которые он предпочитает в Люзеции. Окончательную приязнь книгочех драгун завоевал, многословно и положительно отозвавшись о текущем Канцлере, коего провинциал почитал лучшим из живущих людей. К тому же офицер сразу же пообещал похлопотать о принятии де Гизари в дипломатическую службу по возвращении. Алекс, конечно, не поверил, но предложение было лестным.

С Дирком де Кабестэ проблем вообще не возникло. Бретер и сын бретера, юноша всегда был новым знакомством, а особенно знакомством, сулившим если не хорошую дуэль, то хотя бы отменную практику для его клинка. А многочисленные истории о ратных подвигах и столичной светской жизни вызвали живое возбуждение в душе поэта. За полдня драгун и провинциальный дуэлянт стали близкими товарищами, несомненно, сойдясь взбалмошными характерами.

Но интереснее всего дело обстояло с циником де Эль. Марк с самого начала почувствовал в шумном драгуне какой-то изъян, нечто интригующее и подозрительное. В ходе беседы, глядя, как столичный фронт мастерски охмуряет его друзей, сенешаль думал о том, что этот человек не тот, за кого себя выдает. Он не драгун, во всяком случае, не просто драгун. Не без оснований де Эль мнил себя знатоком душ. Он очень надеялся, что новый знакомый окажется как минимум шпионом, а возможно даже королевским комиссаром области Кампань с тайной инспекцией. Провинциала ослепили звездные перспективы карьерного роста. Представляя большой кабинет в столичном особняке, сотенный штат подчиненных, миллионные доходы и всеобщее признание, де Эль сразу решил завлечь столичную шишку в свои тенета. Первым, очень хитрым и дальновидным шагом партии по соблазнению де Рано Марк посчитал приглашение драгунского офицера пожить у себя.

Плащ и грязь

Той же ночью по каменному тракту, тянущемуся со стороны гор, минуя разъезды патрулей графской кавалерии, в Никкори-Сато прибыл на худом жеребце, одетый в простые

темные дорожные одежды человек в широкополой шляпе, старавшийся скрывать в редких разговорах со встречными путниками свой алмарский акцент.

Субъект сей поселился в деревенской придорожной харчевне «Крысиный хвост», где не было различий меж богатым и бедным, и в малом чадном зале, пропахшем копотью, вонью телесной, гнилью подвальной да жиром свечным он затесался среди бедняков, крестьян и сброда различного, в сем месте, не зная других убежищ, обретающегося и слушал разговоры.

— Косой опять на дело пошел, жена замучила, вот и двинулся себе на горе, — говорил дюжий детина с вырванными ноздрями и тавро «вор» на лбу.

— И? — вопрошал беззубым ртом тридцатилетний старик с жилистыми руками галерника.

— Вот тебе бога душу мать и «и»! Разъезд, графинюшкины люди, отужинать спешили, нашли у него самопал-пистоль да осинку-то им и отягчили, болезным. А Марта — сука, неча было мужика тиранить.

— Эва...

***

— Ох, чорт меня попутал с вами связаться, мусью, — говорил худой крестьянин с отчаянием в глазах.

— Не скули, если б не я, тебя маркиз за недоимки уже со света сжил бы вместе с детишками, а я тебе денег дал и с судьей потолковал, чтоб скостили тебе прежние прегрешения. Отдай мне Лизку, ей уж двенадцатый годок пошел, самое время, самый сок. Я жениться хочу, осесть, детишек плодить, — говорил мрачный тип в кожаном колете, густо усеянном стальными шипами, и улыбался беззубым ртом с гнилыми зубами, и блестел единственным глазом, и привычно смахивал со щеки гной, текущий из пустого провала второй глазницы...

***

— А давай, Пьер, подадимся за моря, там, говорят, господ нет, оброка никому платить не надо. Заживем свободно, раздольно, под солнышком жарким, — говорил румяный парень, потирая спину с рубцами.

— Эх, Жан, а как же детишки мои, Берта, мама? — отвечал мрачный мужик, комкая в руках войлочную шапку.

— Да наживное это все, Пьер, и детишек новых наделаешь, и из племени какого-нибудь возьмешь себе тигрицу с титьками пушистыми, а мама, маму жалко, так ведь она ж хвораая, ни за хворостом послать, ни с детьми посидеть, и так помрет скоро...

***

— Синий королек твою коронку на пике шарил, а ты и невдомек, что горец утек, — говорил парнишка в красной рубахе и добротном жилете с медными пуговицами, и озорством недобро блестели глаза его.

— Ишь, че удумал, байстрюк, ты прячь-ка на девку холодну, будет тебе, и так на золотой свирели честно сыграю, — отвечал ему худой бородач дрожащим от страха голосом и сыпал на стол из мешочка серебряные монеты.

И насторожился человек в широкополой шляпе, заметил нужное и ждать стал.

***

— Эй, парень, — крепкая рука вцепилась в руку тискама, прижав к коже спрятанный в рукаве стилет.

— Пусти, дяденька, — отвечал мальчишка лет четырнадцати в красной рубахе, — ей-ей

помощь кликну, а тебя стукнут и за овином прикопают.

— Сядь, — рука с силой кинула парнишку на соседний стул за столом у стены у выхода из «Хвоста», — дело есть... денежное.

В руке показался, мелькнув проблеском надежды меж пальцев в свиной перчатке, золотой ор.

— Так бы сразу, — парень зачарованно смотрел на монету, то появляющуюся, то исчезающую.

— Знаешь эти края? — монета мягко легла на стол, ладонь накрыла ее сверху.

— Да, почитай, шесть годков тут маюсь, — тощая рука мальчишки нервно приплясывала пальцами по краю стола.

— Воров, убийц, лиходеев местных знаешь? — ладонь с монеты убралась в сторону.

И вот он — момент счастья, схватить у идиота золотую радость и рвануть со всех ног прочь из «Хвоста», где стало тухло и гнусь развелась.

Схватить вышло, рвануть нет, грабли у гада в черном как у борца. Схватил, гад, за руку, когда успел только, второй за волосы, и об стол! Больно, в кровь губу разбил, и Кислый из угла ухмыляется, гнида.

— Остыл? Продолжим, монету оставь себе, — на стол легла ладонь, и там снова засверкало — две монеты — в край стола с легким стуком вошла дага. — Чуть серьезней.

— Угу, — парень кивнул.

— Имя?

— У нас того не спрашивают, уж то ты знать должен, дядя, — окрысился подросток, утирая кровь с разбитой губы грязным рукавом.

— Имя... — звучало недобро, злобно, по чести, так звучало.

— Рен Кот, — ответил Кот дрожащим голосом.

— Допустим, — на стол легли шесть монет, вдобавок к двум прошлым. — Это за терпение и губу, забирай и смотри, чтоб тебя не похоронили по выходу отсюда...

— Это мы всегда, — ухмыльнулся Рен.

— Очень хорошо. Запоминай. Ты должен узнать за две недели все, что сумеешь об Алане де Мелонье, благородном, что живет на холме, коим заканчивается Сен-Клерская дорога. Как живет, с кем общается, когда спит, что ест, сколько у него прислуги, когда и куда ходит, что за слухи о нем люди городят. Запомнил?

— Ага, — кивнул Кот и очень честно улыбнулся.

— Зови в дело кого хочешь, за тщание приплачу. Пока кладу в венце дела пятьдесят оров, может, дам больше, если узнаешь что-то особенное. Дело верное, ну а попадешься — сам дурень, а меня не знаешь. Теперь иди, встретимся тут через три дня, еще поболтаем.

***

Рен дневал в пастушьем шалаше, на дороге на юг в Люзон, собираясь начать все сначала, на те деньжищи, которые у него были это было несложно, ночью он собирался двинуться дальше.

Во сне ему виделся черный человек в широкополой шляпе. От человека веяло жутью. И выходило, будто это был не богатый простофиля и даже не лиходей тертый. Выходило, это нелюдь был, тварь бездушная, бессердечная. И горели из-под шляпы алые глаза. И проступали кривые когти через свиные перчатки. Муторный был сон, тяжелый, терзал злодей мальчика, не отпускал, ловил когтями и хрипел: «Делай!», а из пасти валил густой черный дым, пахло серой и почему-то сухим сеном. Было страшно.

Сон его нарушил запах гари — шалаш горел, быстро. Сбивая огонь с волос и одежды, Кот выскочил из шалаша и с разбегу налетел на что-то очень твердое. Над ним возвышалась могучая фигура в темных одеждах, голос с чудным акцентом, голос из харчевни, произнес:

— Не пытайся меня обманывать, Рен, лучше принимайся за работу...

Цепкие руки схватили ладонь парнишки, блеснула сталь, потом последовала нарастающая боль. Ночной кошмар обернулся еще более страшной явью.

— Перевяжи и отправляйся выполнять мое поручение. А твой мизинец я оставлю на память, — на колени Кота упал батистовый белый платок. Пацан машинально приложил его к обрубку на месте правого мизинца.

Позже Рен Десятипалый станет одним из лучших шпионов на службе короны Шваркараса, его первый урок ремесла был очень болезненным, и оттого на протяжении всей последующей жизни он будет ненавидеть алмарцев. И бояться людей в черных одеждах.

Часть 2. Глава 3. Охота на ведьм — женское дело

Графство Никкори-Сато невелико. Полдня требуется пешему, чтобы пересечь его из конца в конец, а конный управится за час-полтора по хорошей дороге галопом. Прислугу из «Головы великана» несколько удивило, что ночью из комнаты драгунского офицера не доносилось храпа, которым столь славились кавалеристы, а утром, когда он смурной спустился к завтраку, не понадобилось выносить ночной горшок, ибо он был пуст.

Минуло три дня, копыта худой лошадки вновь лупили в старые камни дороги, человек в черном спешил в «Крысиный хвост» ночью порою. До харчевни оставалось минут десять езды неспешной рысью, когда в свете малой, злой луны Хас узрел он на опушке леса, вплотную подходившей к дороге, зрелище столь странное, что вызвало даже его интерес.

По лесной тропинке, под аккомпанемент треска и грая разбуженных птиц, к дороге почти бок о бок выскочили два всадника. Вернее, как пригляделся и понял наблюдатель, две всадницы. Чуть позади женщина в красном плаще и мужской одежде. Впереди, на хилой крестьянской лошадке, барышня средних лет, в рваном черном платье с развевающимися от скачки черными как смоль волосами.

Не доскакав до дороги метров двадцати та всадница, что была позади, резко вынула из стремян ноги и, совершив головокружительный прыжок, вцепилась в волосы и левую руку той, что была впереди, стягивая ее на землю. Очень быстро оба седла опустели, послышался глухой удар о землю, два тела откатились друг от друга из клуба пыли и земли, поднятой копытами коней.

Жесткая рука в свиной перчатке схватила поводья распаренного вороного жеребца с высоким кавалерийским седлом, того, на котором скакала женщина в плаще.

Меж тем всадница вороного с трудом поднималась. Ей несказанно повезло — при падении она лишь вывернула ногу, и сейчас на ее прекрасном лице запечатлелась гримаса боли и злости. Вторая женщина, судя по всему, пострадала много больше, она лежала среди трав без движенья, высвеченная рубиновым светом Хаса. Со зловещим скрипом сабля девы в плаще покинула ножны, она, с трудом опираясь на подвернутую ногу, двинулась к распростертой на земле брюнетке. В лунном свете лезвие казалось пылающим, текст чеканной молитвы, нанесенной на клинок, неярко сиял, становясь все сильнее при приближении к телу женщины в черном.

Меж тем брюнетка, лежавшая на животе, неестественно выгнулась, страшно закричала и скороговоркой начала выкрикивать слова заговора. Женщина в плаще рванулась к ней, но нога подвела, и она упала на одно колено. Туман окутал преследуемую, и из него было видно, как страшно меняются черты ее изящного, чуть полноватого тела. Как вытягиваются руки, трещат кости, лохмотьями осыпается кожа. Буквально через пару секунд из тумана на всадницу с саблей бросилось воплощение ночных теней, черная тварь с горящими злобой алыми глазами без зрачков. Неимоверно быстро она атаковала с прыжка. Однако дева в красном не растерялась и, взмахнув перед собой саблей, бросилась в сторону. Комья земли и трав взлетели из места, где приземлился оборотень. На его крупной укрытой мехом груди появилась кровоточащая рана сабельного удара, он зарычал и в секунду изготовился к новому прыжку. Женщина в плаще не утрастилась и, выхватив двуствольный пистоль из-за пазухи плаща, разрядила его в зверя.

Место боя окутал пороховой морок, однако движение тени позволило наблюдателю

понять, что оборотень устоял, прыжком преодолел расстояние, разделявшее его с опасной жертвой, и навалился на нее сверху. Прижав одну руку воительницы в плаще когтистой лапой к земле, зверь попытался вырвать ей горло зубами. Но та сумела выиграть пару секунд, выставив между своим горлом и зубастой пастью саблю, которую держала свободной рукой после того, как вырвала из бока жертвы, куда она вошла при его приземлении. Своей второй лапой монстр молниеносно, не оставляя противнице никаких шансов, с силой пригнул землю вторую руку женщины в плаще...

Последовал одинокий оглушительный выстрел, рука в свиной перчатке опустила крупнокалиберный пистоль. Пуля вошла оборотню в верхнюю челюсть, вытянутую на манер волчьей, чуть не достигнув переносицы. Зверя швырнуло с добычи, распростертой на земле. Он прокатился кубарем по земле и начал неистово выть, рычать, затем скулить, в попытке вырвать жгучий снаряд, разрывая себе когтями морду и глаза. Очень скоро зверь затих, медленно превращаясь в женщину с почти разорванным в клочья лицом и крупной дырой на месте носа.

Человек в черном спешился, и, ведя в поводу лошадей, подошел к распростертой на земле всаднице в красном. Увидев его, она попыталась подняться, но силы оставили ее, и она потеряла сознание. Весь бой занял от силы минуту, являя собой яркий пример того, сколь легко и быстро можно отнять жизнь.

Она очнулась очень скоро, почти в тот момент, когда человек в широкополой шляпе, бережно сняв ее с плеча, укладывал деву в красном на мягкие травы под сенью высоких деревьев, чуть удалив ее от дороги и места побоища.

— В наше время сложно рассчитывать на доброту незнакомцев, — произнесла она, оказавшись на земле.

— Каждый уважающий себя мирянин должен помогать по мере сил своих церкви, нашей заступнице перед Единым, — ответил он.

Наконец-то сумев рассмотреть ту, которую он неожиданно спас, человек в шляпе понял, что ему попала не просто смелая воительница, но служительница церкви. Поначалу он принял ее за охотницу на демонов, поскольку красный плащ из крепкой кожи, с узкими рукавами и отворотами, а также шляпа с серебряной пряжкой, высокой тульей и прямыми полями, притороченная к седлу вороного, были фактически форменной одеждой этого ордена. Однако выпавший из-под шелкового шейного платка медальон в виде круга с вписанным в него молотом, объатым пламенем, выдавал в ней служительницу еще более сурового культа — женского боевого ордена охотниц на ведьм. Мужской же костюм в виде камзола под плащ, жилета с несколькими карманами, облегающих гусарских лосиных штанов и кавалерийских сапог был просто данью удобству, поскольку в платье за оборотнями особо не поскачешь. Стальной наплечник с гербом на левом плече, помимо прочего, выдавал в ней бывшую аристократку.

— Воистину, — она попыталась улыбнуться, но из-за боли скорее скривилась, впрочем, даже гримаса боли выглядела довольно мило на ее круглом девичьем лице с темными глазами, чуть вздернутом носиком, и пухлыми щеками. — И церковь благодарит, вас неизвестный путник, — голос был серьезен и сух.

— Меня зовут Уильфрид Вульфштайн, — он коротко поклонился.

— Жанетта де Пуатье. Как вы уже успели заметить, я принадлежу к ордену охотниц на ведьм, — она сделала паузу. — Или вы просто на вырез глазете?

— Это был оборотень? — он пропустил остроту мимо ушей и кивнул в сторону

женского тела в паре десятков метров от них.

— Слава Единому, нет. Обратни шустрее, с ними я бы предоставила разбираться норманитам, благо, кажется, один есть поблизости. Это ведьма, — воительница неженственно сплюнула. — Проклятое богом и людьми чернокнижное отродье, убивавшее младенцев и использовавшее их жир для того, чтобы превращаться вот в таких тварей, а затем мстить недругам. Единый в милости своей указал мне на нее, а я, впрочем, с вашей помощью, исполнила волю Его. Эта мразь не имеет права топтать благословенные земли Шваркараса! — она замолчала, мрачно ощупывая свой бок. — Кстати, а что за пуля, освященная?

— Нет, святость имеет свойство выветриваться, а я не слышал о достойных служителях Единого в округе...

— Каждый служитель Единого достоин, ибо он признал их! — горячо возразила Жанетта.

— Возможно. Так или иначе, это было холодное серебро. Всегда ношу одну пулю с собой. В Кампани много нечисти.

— Я бы, конечно, еще поразмышляла о том, сколь много еще трудов предстоит слугам его на благо всего рода людского, но похоже я скоро истеку кровью, вы мне не поможете в перевязке? — спросила де Пуатье, бледнея, но очень спокойным голосом.

Раны оказались довольно серьезными: помимо вывернутой ноги у охотницы были четыре кровоточащих дыры в боку и распоротая когтями обратня рука. Уильфриду пришлось разоблачить девушку, освободив ее от плаща, камзола, жилета и батистовой белой рубашки. Стараясь не слишком глазеть на модное кружевное белье (даже у служительниц кульга есть свои пунктики), он перевязал Жанетте руку и бок. А также по ее просьбе развел костер и, вскипятив воду, вылил в котел содержимое небольшого флакона тонкого стекла, который нашел в седельной сумке, следуя инструкциям охотницы.

— Через полчаса помажу раны, и уже завтра буду как новая, благодарю за помощь.

— С моим великим удовольствием... эээ... святая мать?

— Пока еще сестра, — улыбнулась де Пуатье, — но теперь и до рукоположения недалеко. С вашей неоценимой помощью.

— Что ж, если позволите, не буду более стеснять вас присутствием своей персоны, — поклонился Вульфштайн, — меня еще ждут дела.

— Со мной будет теперь все в порядке. Позвольте напоследок...

Жанетта произнесла нараспев: «Единый, как в небесах, так и на земле, промеж всех смертных духом и делом пребывающий, да будет вечно Господство Твое, благослови сего раба своего покорного на дела во славу твою добрые и благородные, не оставь сего скота своего смиренного в благости своей, вовеки!» Из ее рук изошло золотистое невесомое сияние, окутавшее Уильфрида ощущением тепла, заботы и нежности. Впрочем, это чувство длилось не более пары секунд и означало, что Жанетта очень сильна в своей вере, ибо на самом деле человек в широкополой шляпе не признавал Единого, а значит и благословение ему не могло принести пользу. Очень скоро он почувствовал холод и пустоту внутри — побочный эффект не сработавшего благословения — и ненадолго даже позавидовал людям, у которых есть такой бог и такие пастыри. Он раскланялся перед охотницей, сделал знак круга, прочертив его по часовой стрелке, и удалился, по дороге ловко выковырнув дагой из головы поверженной ведьмы серебряную пулю.

Охотница на ведьм проводила своего спасителя тяжелым, вдумчивым взглядом. Она не

верила в случайности. Но и не ощущала прямой опасности со стороны этого человека. Значит, решила она, это был дар Единого, который привел этого человека сюда, чтобы помочь в борьбе. Господь следил за ней, и так было всегда. В самые тяжелые моменты ее жизни Единый указывал путь, протягивал руку помощи, оберегал «свою маленькую девочку», как иногда она представляла себя в Его глазах.

Это происшествие придало ей сил, несмотря на раны и лишения, охотница знала, что находится на верном пути. Пути, указанном Небом. Знание укрепило ее волю. Решимость сейчас очень нужна была священнице. Ибо она собиралась творить страшные дела. И Он благословил ее.

Еще Жанетта подумала о человеке в широкополой шляпе. Это был страшный человек. Опасный и жестокий. Прагматичный и наверняка скупой на эмоции. Он убил ведьму недрогнувшей рукой, будто и убивать, и встречать таких тварей ему приходилось неоднократно. Он убил, а потом спокойно вел светскую беседу. Это был страшный человек. Но охотница не боялась его. Де Пуатье вообще ничего не боялась. Это был ее путь. Еще до того, как она отправилась в монастырь, дабы служить господу, она запомнила фамильный щит. Стальные буквы девиза гласили: «Страх — это я!» И с тех пор она никогда не боялась. Жанетта всегда побеждала, ибо знала, тем особым знанием, которое даруется маньякам и фанатикам (хоть и не считала себя ни первым, ни вторым) — она страшнее любой опасности, с которой может столкнуться ее судьба и Воля Его.

Продолжив свой путь, Уильфрид сумел немного поразмыслить о прошедшей встрече. Шваркарас пестрит священниками самого разного сорта, есть среди них люди праведные, благочестивые, честные. Есть, как и в любой церкви, стяжатели, использующие сан ради власти и обогащения. В зависимости от орденов и обетов, священники эти могут быть склонны к жестокости или, наоборот, представлять образец доброты и милосердия. Каждый орден, каждая церковь и каждое церковное общество накладывали на своих служителей, какими бы они ни были ранее, свой особый, сильный отпечаток. Жанетта принадлежала к ордену охотниц на ведьм — одному из самых мрачных и жестоких орденов. Ордену, руки которого, как говорила молва, были по локоть в крови. Охотница показалась Уильфриду приятной и благочестивой девушкой, а нежные черты обманчиво детского личика непроизвольно вызывали доверие, теплые, дружеские, если не сказать больше чувства. Но человек в широкополой шляпе видел, как сражалась женщина, непреклонно и уверенно. В ней не было страха, не было сомнений, она нашла своего врага, загнала и уничтожила. Не без помощи. Но важно другое — милая, вежливая и образованная Жанетта принадлежала к особому виду священников, как редкому, так и страшному. За ее благочестием скрывалась стальная воля и готовность любой ценой выполнить свой долг. Сомнения и сожаления не были присущи таким священникам, а люди для них представлялись лишь подзащитными, пока они были на стороне Господа, и мишенями при смене сторон. Он не знал, стала ли она уже холодной, отстраненной, безразличной к боли и страданиям рациональной фанатичкой. Но подозревал, что очень скоро Жанетта сможет стать одной немногих, даже среди представительниц своего ордена, кого молва напололам зовет святой или чудовищем.

Судьбы в «Крысином Хвосте»

Теперь его ждал «Крысиный Хвост».

Харчевня была полна дыма и смрада. С прошлого раза ничего не изменилось, все те же мрачные, часто увечные, изуродованные люди, все те же беседы полушепотом, о горе все чаще и реже — о счастье воровском, недолгом.

Согнав от столика у стены двух прокопченных углежогов, присел, скрипнув лавкой, так, чтоб можно было обозревать зал и вход, черный человек с алмарским акцентом Уильфрид Вульфштайн. Кивнул виначерпию, что стоял у бочки, окруженный страждущими, ожидающими милости со стороны пирующих. Принесли виноградной водки, злой и кислой. Напротив Уильфрида плюхнулся тощим задом на скамейку Рен Кот, жадно хлебнул из протянутой оловянной чаши, крикнул и занюхал рукавом. Выпить было приятно, да и говорить с черным нелюдем так было легче. Рука, на которой не хватало мизинца, была замотанная в относительно чистую тряпицу.

— Рассказывай, — голос сухой, жесткий, деловой.

— Человек это мирный, ученый, книголюбивый, однако боится кто-то за него, охрану из опытных нанимают. Звери, не люди. Клаусу за то, что возле поместья крутился, когда поймали, нос отчекрыжили, видать, нужный он кому-то. Ездит, говорят, к графинюшке нашей, кочергу ей в место причинное, да к маркизу, гуляет редко, все больше дома торчит. Больше не вызнали пока, — парень перевел дух и опять хлебнул водки.

— Молодец, ты поведал вещи очевидные, теперь ищи среди них зерна тайного, запоминай, выискивай, подозрительное усматривай и мне докладывай, в следующий раз послезавтра.

Рен буркнул: «Да у благородных все, сука, странное!» и собрался уходить.

— Стой, — голос застал Рена в полуприседе, — ты, случаем, не знаешь женщины, видимо из деревни, что к северу отсюда, в получасе езды максимум, чернявая, чуть полная, красивая, черное платье носила.

— Носила?! — вырвалось у Рена. — Это Анцента, — затараторил он. — Знахарка наша местная. Она мне палец залечила, когда вы отчекрыжить изволили, и наших часто пользовала, из тех, кого патруль не добил. И девок, если у кого роды тяжелые, всегда выхаживала, а тем, кого, например, господин проезжий у деревца приголубить решал, она потом помогала от бремени неправого избавиться. Скотину лечит... ну и все такое... а по ночам, — Рен зажмурился от приятных воспоминаний, — к серой речке у болотца купаться иногда ходит, без ничего совсем...

— Она умерла, — голос был будничным и безразличным.

— Как?! — парень почти кричал. В трактире на это никто не обратил особого внимания. Внезапно стало обидно и грустно. Анцента умерла, а этот гад так буднично об этом говорил, будто вошь раздавили. Горло стиснула злоба, даже не так страшно стало.

— Оказалась ведьмой, убивавшей младенцев и обращавшейся в оборотня.

— Брехня, — Рен закрыл лицо руками, чтоб черный человек не видел предательских слез, выступивших на глазах, — морфилась, бывало. Когда четверо улан проезжих Гезку, мельникову дочку, в рощице прижали, обратилась она верно в волка зубатого и прогнала их. Ну и что с того?! — вскричал он, — Гезке тогда девять годков от роду было! А что детишек убивала — то брехня! Добрая она была, — мрачно закончил Кот и, не останавливаемый, побрел из трактира наружу. Хотелось виноградной водки, кислой и злой. Но еще больше хотелось оказаться как можно дальше от этого свинокожего демона.

Вульфштайн задержался после ухода парня, расспрашивая прочих своих конфиденентов. И потому стал свидетелем картины занимательной и в чем-то поучительной.

Дверь запахнулась и ударилась о стену, едва не задев Уильфрида. В зал, бряцая серебряными шпорами, вошла недавняя знакомая — Жанетта де Пуатье: правая рука на сабле, в левой — зловещий двуствольный пистоль.

— Волей Единого и именем Благословенной Церкви Шваркараса, по праву слуги Ордена охотниц на ведьм, я, Святая Сестра Жанетта де, Пуатье объявляю: не далее как двумя часами назад мною была в нескольких милях отсюда предана священному суду и скорому упокоению богопротивная чернокнижная ведьма. А там, где встретилась одна, будет и вторая, ибо зло имеет привычку плодиться. Посему сейчас, в этом месте над всеми присутствующими я объявляю инквизицию, сиречь расследование, для изыскания скрытых чернокнижников, в грехе погрязших и беззаконии. Всем оставаться на местах.

«Сама, значит, суду предала и упокоила, видимо, своими ручками», — усмехнулся Уильфрид, впрочем, не особо заботясь о лаврах ведьмобоя.

Двое особо шустрых парня рванули через заднюю дверь, у одного на щеке было клеймо «вор», у второго на лбу — «еретик». Вульфштайн быстро заткнул уши, бухнул выстрел, первого пуля сразила наповал, второму досталось в ногу, но он все-таки успел выскочить, метательный нож, брошенный кем-то из посетителей, настиг его уже на улице.

— Благодарю, — кивнула Жанетта невысокому кряжистому наемнику с кордом на поясе и глазами мясника, довольного своей работой. Наемник истово сотворил знамение круга и поклонился.

— Итак, — Жанетта подошла к столу, находившемуся у дальней стены зала, стол тут же освободился. — Властью, данной мне Единым и Орденом, объявляю о начале инквизиции. Каждый, кому есть, что сказать о кознях темных сил, пусть, не робея, сядет сюда, — она указала на лавку напротив, — и поведаст мне, дабы обрести защиту и благодарность Церкви.

Далее де Пуатье начала «исповедовать» харчевенный сброд, иногда даже записывая показания в небольшой блокнот красной кожи толстым черным грифелем.

Вульфштайн искоса поглядывал на охотницу. Приятные темные глаза стали суровыми и сосредоточенными, в них горел праведный огонь, огонь костров и ладанок. Но работала она без фанатизма, быстро, собрано, делово, не священник — чиновник. Полезное умение — менять шкуру. Уильфрид оценил сходство.

Перед священницей сидели сейчас не люди — факты, набор сведений для отыскания ведьмы. Работа шла легко и споро, но за спиной охотницы, вернее, в ее бумагах, уже начинали вырисовываться клещи и дыбы для тех, кто не все сказал.

Тех, кто, по ее мнению, сообщал что-то важное, она заставляла вставать к стене и ждать более подробной беседы. Тех же, кто не представлял интереса, отпускала, одаривая благословением. Эти люди, грязные, изуродованные, злые, уходили от нее, сияя блаженством на клейменных лицах, радуясь так, как будто прикоснулись на мгновение ко Всевышнему, наполненные верой и просветленные. Даже в рутинном, чиновничьем труде она сохраняла огонь веры.

И текли слова:

— Рогнеф, лесоруб, как есть чернокнижник, уходит в лес рано поутру, а возвращается затемно, и вырубки его всегда самые лучшие, и зверь его неймет, и жена красивая да румяная, да дети все живехонькие уродились, да в отца, да и не пьет он и налево не ходит, ей-ей чернокнижник! — говорил селянин с сизым носом и впалыми щеками.

— Благословляю тебя, сын мой, да не коснутся разума твоего замутненного зависть и глупость, иди с миром, — отвечала Жанетта, одаривая его золотым сиянием.

***

— А проходил через нашу деревню мальчуган, годков четырнадцать, все выпрашивал про книги да фолианты древние, колдовские, не припрятал ли кто чего от давних времен,

обещал золотом платить. И одет был чудно, как из сказок прям, — говорила толстая баба со следами оспин на лице, теребя в руках полы серого от грязи передника.

— Странная одежда — это серый балахон, плоский стальной наплечник и остроконечная шляпа? — спрашивает Жанетта скупающе.

— Истинно так, госпожа!

— Сестра.

— Святая Сестра! Истинного говорите, будто сами его видеть изволили, — поражается толстуха.

— Ученик гильдии колдунов, — задумчиво говорит сама себе де Пуатье. — Встань к стене, дочь моя, побеседуем подробнее с тобою позже.

***

— Зрел я своими глазами, матушка... — говорит тот самый кряжистый наемник, без труда отнявший жизнь беглеца.

— Сестра, — привычно поправляет Жанетта.

— Да, да, — кивает крепыш, — так вот, зрел я своими глазами, как кирасир полка золотого, с которым мы на Ильс де Парфю воевали вместе, целовал перед боем фигурку, фемину обнаженную представляющую, и его в бою ни одна пуля не брала. А после боя он ту фигурку в тела разъятые врагов своих погружал, пока кровию она вся не пропитается.

— Давно ли было то?

— Почитай пять годков утекло.

— Хорошо, — вздыхает охотница, — расскажешь мне сейчас чин того кирасира, имя, род и все, что помнишь о нем, потом свободен будешь, благословляю тебя, будь и впредь столь стоек и зорок в поисках скверны темной среди людей.

Она одаривает наемника золотым сиянием, но потом вспоминает:

— Ах, да, а ты со службой профосской не знаком случаем?

— Ну как же, сестрица, — хитро ухмыляется крепыш, — сечь да ногти драть, то умеем мы.

— Хорошо. Эй, человек, — обращается она к виночерпию, — налей-ка сему молодцу за счет церкви! — затем опять к наемнику: — Присядь пока в уголке, позже пригодишься мне еще.

***

— Эх, а Анцента-то ведьмой оказалась, — говорит растрепанная женщина, поправляя порванное на груди платье, ухмыляясь ртом, где гнилые зубы чередуются с позолоченными, выглядывая из-под алых, помадой вымазанных, губ. — А ведь у нее и доченька есть. Говорят, в сельцо Лермэ ее она отдала, видать, папане, от которого прижила, сбагрила.

— Корень сие дите, если не врешь ты, дочь моя, силы чернокнижные воспрять мог, посему слова твои проверить нужно будет со всем тщанием, — кивает с легкой улыбкой де Пуатье. — Становись к стеночке до срока.

Харчевня быстро опустела. Осталось полдюжины человек, чьи рассказы вызвали интерес охотницы на ведьм. И тут взгляд ее пал на фигуру темную, в дыму плохо различимую, одиноко у входа сидевшую. Она рассерженно встала и, решительно бряцая шпорами, пересекла зал.

— А тебе что же, сын мой, нечего поведать церкви? — спросила властно.

— Почему же, — ухмыльнулся человек в черном, поднимая взгляд из-под полей шляпы, — недавно зреть мне довелось, как некая воительница храбрая, жизнью рискуя, долг

свой исполнила и ведьму злокозненную умертвила...

— О! Это вы, Уильфрид, — улыбается Жанетта, сразу преображаясь, и облегченно садится на место, где недавно сидел Рен. — Прошу простить, не ожидала встретить вас здесь!

— Взаимно сестра, взаимно, — все еще улыбаясь, кивнул Вульфштайн. — Скажите, и много ли дают расследованию подобного рода мероприятия?

— Очень надеюсь, что это не было сарказмом, — нахмурившись, произнесла де Пуатье.

— Ни в коем случае, — человек в черном был серьезен и сдержан. — Это лишь интерес к методам церкви, не более.

— Опасный интерес, впрочем, ничего крамольного в ответе на него я не вижу — результаты бывают просто неожиданно продуктивны. Ведьмы коварны и осторожны, чернокнижники хитры и опасны, но никто не может полностью контролировать свое поведение, а Шваркарас многолюден. Кто-то где-то всегда что-то видел, и спрашивать нужно в первую очередь в таких местах, среди бродяг, крестьян, наемников и, конечно же, воров. Крестьяне много лучше господ знают своих соседей и места где живут, прочие же постоянно в пути, в поисках хлеба насущного, много видят, много помнят, и знают немало.

— Весьма мудрое замечание, — вновь улыбается Уильфрид. — Никак не ожидал, что за вашей молодостью скрывается такая опытность, но что, если не секрет, вы будете дальше с теми, кого отобрали?

— Я по-прежнему склонна считать это лишь любопытством.

— Всецело заверяю вас в этом.

— Дальше я найду хороший подвал, — Жанетта наклоняется к черному человеку, — и буду их пытаться, пока они не вспомнят все подробности дел, о которых заговорили. Часть из них что-то скрывает, вторая не договаривает. А двое или трое в сговоре и пытались сбить меня с верного следа намеренно, а значит, они что-то знают, и скоро это буду знать я.

— Бесподобно, — искренне восхитился Вульфштайн, но голос его был чуть заметно насмешлив. Минутное наваждение молодости и обаяния девушки вновь развеивается, уступая место образу сурового, неподкупного инквизитора.

— Именно, — победно улыбнулась де Пуатье, не замечая странного оттенка. Она довольна собой — верный путь указан Единым.

— И еще один, последний вопрос. Мне довелось поговорить с одним из местных, до вашего прихода, похоже, многие здесь любили почившую ведьму, и были ей весьма благодарны за добрые дела. И, похоже, мало кто из них верит, что ведьма могла совершать столь гнусные поступки, кои вы ей приписываете.

— Хорошее замечание, — улыбка охотницы становится зловещей. — Открою вам, мой друг, секрет — ведьмы не живут в избушках на курьих ножках в лесу. Не живут они и в темных замках, сотрясаемых раскатами грома и молниями, те ведьмы ушли в небытие вместе с Эпохой Черного Неба, когда они правили миром. Ведьмы живут среди людей: среди аристократов свои, среди крестьян свои, в городах... и в городах тоже. Они стремятся стать незаменимыми, погружая окружающих в тенета своей лжи, порока, обмана. Они делают так, чтоб их захотели покрывать, если что-то пойдет не так, и потому они творят так называемое добро, выполняют обязанности повивальных бабок, дарят детишкам подарки, приходят показывать чудеса на свадьбы и праздники. Они замыливают взгляд селян, когда начинают пропадать дети. Когда в лесу начинает пропадать чуть больше лесорубов, чем следовало. Когда зимние ночи становятся холоднее, чем должны. Селяне уже не подозревают «святую»

ведьму, нет, более того, они идут к ней за помощью, с просьбой защитить, оградить, утешить, покупают амулеты, несут подарки, отправляют дочерей помогать ведьме по хозяйству... — Жанетта больше не улыбалась. — Что они наговорили вам? Она лечила? Помогала при родах или способствовала абортам, защищала крестьян от злых господских солдат или еще что-то в этом роде? Еще бы, и потому, когда у этих ленивых скотов болел пальчик, они бежали к ней, а не ехали в ближайший монастырь Бога-Целителя. Они шли к ней за утешением и помощью в улучшении урожая вместо того чтобы за честную десятину позвать священника Бога-Пастыря. Я узнала о том, что здесь что-то не так, когда местный священник сообщил в орден, что паства перестала быть откровенной с ним, а многие стали пропускать службы. Они тупы и ограничены в своем стремлении к комфорту, в своих маленьких закрытых мирках, они оказываются столь слепы, что готовы любить и обожать ту, которая вот-вот сожрет их с потрохами. За это краткое уютное блаженство дурачье платит своими бессмертными душами. А я лучше разрушу их тела, чем стану подкармливать чернокнижников! — последнюю фразу охотница произнесла на весь зал, осмотрелась, увидела ужас на лицах и смущенно умолкла, затем продолжила. — И только из-за того, что вы спасли меня на той опушке, я не спрашиваю, кем был тот, с кем вы говорили, и что вы делаете в этом вертепе, Уильфрид. Однако мое терпение не безгранично.

Человек в широкополой шляпе молча встал, глубоко поклонился девушке в красном плаще, развернулся на каблуках и быстро покинул харчевню.

«У каждого своя правда».

Изящество рутины

Марк де Эль, обитавший в добротном, но не роскошном одноэтажном особняке, окруженном необходимым минимумом хозяйственных построек и небольшим диким парком, оказался вежливым и гостеприимным хозяином. Антуану он выделил место для ночлега в правом крыле шестнадцатикомнатного здания. Это была довольно крупная уютная комната с большой кроватью, вместительной бадьей-ванной, огромным окном, забранном некачественным, но настоящим стеклом с видом на заросший вьюнком и вереском парк со старыми, внушающими чувство умиротворения, деревьями. К комнате прилагалась симпатичная служанка, на четверть носившая в крови отметину рода людей-зайцев, что выражалось в симпатичных пушистых заячьих ушках и пушистом хвостике, располагавшемся чуть повыше аккуратной попочки, в остальном же это была нормальная женщина, весьма страстная к тому же.

Не обманул Марк и касательно развлечений, коим во множестве предавались немногочисленные, но веселые аристократы Никкори-Сато. Прожив в гостях у сенешаля всего-то десять дней, драгунский лейтенант успел поучаствовать в трех дневных охотах, двух небольших балах, которые давала в своем замке графиня, ну, и в великом множестве пиров и пирушек с уже упоминавшимися господами из трактира «Голова Великана», в ходе которых Антуан уверил обжору Торна де Шальгари, что буде он отправится в Люзецию, то будет хорошо принят в столице, ибо там обожают людей, способных много есть и ценить изящную кухню. Алексу де Гизари он отсоветовал пытаться начинать учиться магии, ибо сия наука постигаться должна с детства, и отметил, что молодому книжочю более пошло бы отправиться учиться в университет или же поступить в обучение к какому-нибудь достойному колдуну, ибо магия требует таланта, а колдовство — усидчивости. Дирк де Кабестэ отменно помогал драгуну не терять боевую форму, неизменно каждый день посвящая пару-тройку часов фехтовальным спаррингам, оказавшись в этом деле умельцем,

но не виртуозом. Для своего же рачительного хозяина де Рано пообещал узнать о возможностях контрактов на снабжение армии для Никкори-Сато. Хотя гостеприимный Марк продолжал надеяться на большее со стороны «постояльца», проявлявшего все больше интересных и подозрительных странностей типа любви к ночным прогулкам.

Само собой, довелось коронному лейтенанту познакомиться и с графиней Стефанией, оказавшейся чуть полноватой женщиной лет тридцати-тридцати пяти, сохранившей свежесть молодости и блиставшей горделивым аристократизмом в купе с безупречными манерами. Столичный офицер был ласково принят хозяйкой окрестных земель, он был приятен в общении и обходителен, а графиня постепенно приближалась к тому возрасту, когда красивый мундир и сила молодости начинают оказывать на женщин особенно сильное впечатление.

Двор графини был невелик, и особо помимо означенных аристократов там выделялся лишь известный в узких кругах ученый, Алан де Мелонье, естествознатель, алхимик, энциклопедист, травник и поборник высокого искусства механики, кою даже пытался некогда изучать у гартарудов и в Сетрафии. Сей фрукт также, благодаря красоте своей и экзерсисам поэтическим, был всеобщим любимцем, как при дворе графини, так и соседей ее, в первую очередь при дворе Клермона Жана де Шаронье, который тесную с графиней дружбу водил. Где, к слову, так же обреталась и сестра Алана — Лили Бартолла де Мелонье, отличавшаяся кротким нравом, скромностью и музыкальными дарованиями. В первую голову, Алан был популярен среди дам, как благородных, так и сословия подлого, и часто злобу на него местные купцы да фермеры имели за поруганных жен и дочерей. Говорили даже, что лакеи часто видели его после балов и приемов вечерних, порою темной, возле покоев графини гуляющим. Впрочем, от слухов мрачных, а в большей степени от кулаков крестьянских да купеческих, берег молодого ученого его друг и товарищ, в гостях у него находившийся — монах святейшего Ордена Норманитов, брат Бенедикт. Сей мрачный субъект, когда не сопровождал Алана и не спал, практиковался во владении клинками — норманитскими ножами особыми. Кои у них на каждый случай разные были — прямые да обоюдоострые на людей, сиречь еретиков да врагов церкви злостных. Зазубренные да несколько лезвий имеющие — дабы цельные кусцы мяса вырывать из жертв, и кости ломать — на нежить богопротивную, кою, чтобы издохла, только на куски рвать и надо. И другие были особой закалки — на хаос, на демонов, на нечисть и прочие. И до такого истовства доходил Бенедикт в бдениях своих воинских, что даже светиться начинал от благодати тем же золотистым духовным светом, которым, как мы ранее видели, при благословении Жанетта, охотница на ведьм, паству одаривала.

Столь страшен был норманит, что дуэлировать с ним даже храбрец Торн де Шальгари опасался, и в том честно признавался:

— Лучше уж с обрыва на камни головой вниз, смерть быструю принять, чем дать на дуэли этому быстрому как черт мяснику себя кромсать. А потому и Мелонье до сих пор не нанизал никто как букашку на клинок, ибо сей святой человек завсегда по дуэльному кодексу вместо Антуана за чемпиона драться становится и дуэлянтов изрядно поубавил он уже в краях, где им бывать приходилось.

Орден Норманитов всегда заслуженно пользовался славой учреждения элитного и серьезного. Монахи-норманиты были повсеместно известны как шпионы и непобедимые бойцы. Орден был чрезвычайно невелик, но обучение, которое проходили там монахи, могло сравниться одновременно с лучшим университетским и отменным воинским образованием.

Норманитов учили особым техникам боя, с помощью которых они могли легко побеждать любого противника, поскольку услуги их требовались тогда, когда пасовали все прочие. Эти монахи сражались с опасными чудовищами, высшей нежитью типа вампиров, воплощенными демонами, адскими отродьями, искаженными воителями хаоса. Благодаря отменной выучке они, как правило, побеждали. Равно поэтому, а еще из-за их ценности и редкости, использовались они в крайних случаях. Чаще же братья-воины, великолепно образованные, знакомые с множеством дисциплин, начиная от этикета и заканчивая юриспруденцией, использовались в качестве шпионов церкви. Они следили за герцогскими домами и излишне ретивыми королевскими ставленниками, предотвращали развитие опасных еретических идей и пресекали заговоры. Действуя в колониях и метрополии, норманиты везде преследовали двойной интерес — престиж церкви и благополучие государства. И, несомненно, те из государственных сановников и церковных институтов, кому удавалось заполучить норманитов к себе в союзники, вытаскивали в жизни счастливый билет. Норманиты не были самым могущественным орденом, и в воинском искусстве с ними могли сравниться священники Бога-Шевалье, с любым соперником сражающиеся на равных шансах, или, например, бронированные витязи из Ордена Бога-Паладина. Но орден норманитов из шваркарасских боевых орденов был, пожалуй, самым элитным и целеустремленным, а потому пользующимся неувядающей славой.

Библиотека Хранителей Знаний. Краткие выдержки о истории и природе стран Южного Архипелага Гольвадии: Королевстве Шваркарас, Республике Ригельвандо и Алмарской Империи, полученные из источников разных, достоверных до степени достойной преподнесения дражайшему читателю

Республика! Это звучит гордо! Мать ее!

— Республика! Прислушайтесь к этому звучному слову. Подождите. Подождите. Не отпускайте его от себя. Подумайте хорошенько. Что за чувства оно будит в душе? Заставляет ли сердце биться быстрее? Наполняет ли чувством гордости? Позволяет ли осознать свой уникальный статус? Если нет, то, возможно, вы шпион из Шваркараса или Империи, или откуда-то еще, в любом случае — лучше покиньте класс, пока я вас не вычислил. Ибо каждый истинный ригельвандец, услышав слово «республика», обязан понимать, что это не просто набор букв, это нечто большее. Нечто, из-за чего ваши отцы и деды открывали новые земли и преодолевали опасности моря, нечто, из-за чего ваши прадеды проливали кровь в войнах освободительных и завоевательных. Нечто! Что заставило наших предков учиться торговать, воевать и творить лучше, чем кто-либо другой во всем мире.

Республика — это общее дело. А значит, и общая ответственность. А значит, и общее благо, когда вся огромная государственная машина и множество совершенно незнакомых вам людей исподволь трудятся для вашей пользы, это действительно воодушевляет. Королевства и Империи, деспотические теократии и магические союзы построены иначе. Там всегда есть кто-то, ради кого убиваются все остальные, и это весьма печально. Ведь сам факт того, что из этого человека, как из всех, идет кровь, и он точно так же, как и прочие, допускает ошибки в математических уравнениях, нивелирует его статус. Более того — рождает в сердце обиду, ведь это очень печально, когда ты идешь в бой, например, за короля, платишь королю налоги, создаешь для него картины и музыкальные произведения. А он пьет, жрет, допускает ошибки, а в конце еще идохнет. А следующий может вообще отменить все предшествующие решения, да еще и объявить тех, кто сражался за старого короля, предателями, а тех, кто прославлял его, бездарями, не нашедшими лучшей темы. Помимо

прочего, это просто обидно, да к тому же несправедливо.

Республика зиждется на иных основаниях. Она не идеальна, более того, она сложна и громоздка. Но есть один аспект, существенно отличающий республиканскую организацию от иных форм властной структуры государства.

В республике нет отдельных людей, допускающих ошибки. Само собой, есть Приватпатриций и прочие правящие патриции, есть ригельпатриции, главы гильдий, цехов, торговых союзов, олигархи и прочие могущественные личности.

Но ошибки они допускают не в одиночку, каждый из тех, кто правит нашим прекрасным Ригельвандо, является не отдельной фигурой, не кем-то, предоставленным нам богом или древними законами.

Каждый негодяй или герой, которого мы видим у власти, приходит туда в результате нашего выбора, демонстрируя волю и решение если не всего народа, то большей его части. Да, в выборах участвуют не все, и, чтобы избираться, требуется пройти серьезный ценз, но это тоже важный элемент системы — так мы ограничиваем доступ к власти гольтбы, которая будет вместо того, чтобы блюсти интересы государства, его разворовывать, насыщая пустые карманы. Каждый из нас участвует в судьбе государства напрямую — неважно, побеждаем мы или проигрываем, страну ведет вперед воля народа, выраженная в крупицах голосов большинства, складывающихся в ту или иную корзину.

С самого низа — все жители страны участвуют в жизни и политике ее. Даже в ранге подмастерья вы высказываете свои мысли мастеру, а мастер, став одним из старшин цеха или получив право голоса на совете гильдии, если посчитает это мнение важным, поведает его, со своей точкой зрения, и так по цепочке.

Через совет гильдии района в совет гильдии города, а оттуда в само Ригельсберме, через патриция гильдии мнение доходит до самых верхов, ибо в том, что касается управления государством, у многих людей может оказаться схожее мнение.

И если оно оказывается достаточно важным, то получает поддержку авторитетного большинства и воплощается в виде закона или распоряжения, влияющего на всю страну.

Это простой пример, но есть и более сложные — Ригельсберме не резиновый, в него могут попасть лишь 129 ригельпатрициев, а желающих попасть туда несравнимо больше, не все гильдии, не все знатные рода, не все цеха и уж тем более не все олигархи имеют силы и возможности достигнуть высокого поста. Но это зависит от каждого из нас, если мы желаем кандидату нашей гильдии победы, то мы должны понимать, что для этого ему потребуются как голоса граждан на выборах, так и финансовая мощь, дабы с блеском провести свою кампанию и обойти конкурентов. А значит, каждый из нас может повлиять на результат, и в первую очередь повлиять своим трудом — если каждый будет хорошо работать, то гильдия будет богатеть и сможет лучше бороться с конкурентами, вместе с гильдией будете богатеть и вы, а значит, сможете пройти имущественный ценз и уплатить взнос за гражданство. Заплатив же взнос, вы сможете голосовать и значит, увеличите число голосов, которые будут отданы за кандидата, который потом будет отстаивать ваши интересы, а если он будет избран, вы с чистой совестью будете иметь право обратиться к нему со своими просьбами и чаяниями, и он не имеет права вам отказать, ибо и ваши усилия тоже привели его на пост. Само собой, в случае с гильдией вам будет еще проще влиять на кандидата, ибо вместе с вами на него будет влиять и мнение совета гильдии, а ведь ваше мнение наверняка сходно с мнением ваших наставников и коллег.

К тому же, получив гражданство, вы и сами сможете избираться в Ригельсберме, а

значит — самостоятельно влиять на политику государства!

Таким образом, каждое решение, принятое нашим правительством, это, по сути, если оставить частности — решение народа. Ибо народ напрямую, а также косвенно, трудом и тщанием своим избирает своих представителей и вкладывает в их уста свои мечты и стремленья, и так же народ имеет силу и вес не переизбрать неугодного ригельпатриция, если он обманет народ и не исполнит своего долга. И это основное отличие Республики от королевств, империй, монархий и деспотий, в Республике ваша судьба находится в ваших руках, и, проявляя должное тщание, каждый может достигнуть высот небывалых или же также имеет право не стараться и сгинуть в неизвестности, но главное — по своей воле! А не по воле тирана или устаревшего догмата. Начиная от Приватпатриция, что возглавляет Ригельсберме, Дивалпатриция, что стоит над министрами, Верховного Судьи — Крейгпатриция, Генерала-Патриция, членов Ригельсберме, глав гильдий и союзов и заканчивая последним рудокопом, судьба каждого в государстве в его руках и за каждым стоит государство.

Как вы видите, за каждым решением, за каждым жестом и словом, за каждым шагом любого важного лица государства стоит масса стараний, усилий, надежд и чаяний народа Ригельвандо.

Так черт побери! Проявляйте к ним уважение, когда будете резать их глотки!

Запись лекции «О Республике» наставника неофитов Силенцийской Гильдии Убийц, профессора Джакомо Джакорди. 12 синтариса 809 года от о. А.И.

Часть 2. Глава 4. Ах, совпадения, совпадения

Трактир на перекрестке дорог между графством Никкори-Сато и маркизатом Шаронье в целом был похож на «Голову великана на зеленом лужку». Но имел одно существенное отличие, даже два — владельцем «Головы великана» был честный шваркарасский трактирщик в пятом поколении, уроженец Кампани. Этим же заведением под именем «Золотой шмель» владел ригельвандец без роду и племени, Винченцо Рацци Братиолли. Вторым же отличием была некоторая демократичность «Шмеля», помимо трех традиционных залов тут также находились сдававшиеся за существенную плату отдельные переговорные кабинеты, в которых можно было побеседовать, так сказать, конфиденциально, не опасаясь быть подслушанным. У людей определенного рода профессии или определенного рода душевного состояния, проще говоря, шпионов и влюбленных, чьи отношения по тем или иным причинам запретны, такие кабинеты пользовались спросом.

— Винченцо, ты старый лис, за то люблю и, к слову, ценю, — по столу покатился, пущенный рукой в белой шелковой перчатке, некрупный бриллиант.

— Истинно так, сеньор Штурмхарт, но лис не только старый, но и опытный, — отвечал человек с излишне длинным носом на узком скуластом лице и хитрыми глазами, блиставшими из-под густых бровей.

— Виктор, сейчас я Виктор де Лотерини, — на стол шлепнулся звякнувший золотом мешочек.

— А как ни назовитесь, сеньор, только не ходите вокруг да около, — на тонких губах играла вкрадчивая улыбка. Хозяин трактира был хитер и осторожен, он поднаторел в словесных баталиях и всегда вел диалог очень тонко. Сейчас он играл с огнем, но играл расчетливо. Он знал, что сухой, замкнутый, будто пронизанный холодным южным ветром человек напротив — очень опасен. Но знал старый стяжатель также, что человек этот щедр и его щедрость зависит от Винченцо. Потому, стараясь его излишне не злить, ригельвандец все же умело гнался за добычей.

— Хорошо, рассказывай, коротко, но не упуская деталей, — жесткие, четко очерченные узкие губы были хмуры.

— Был один случай, из ряда вон прямо — я знаю всех ваших, из тех, кто может у меня показаться...

— Не будь самоуверен, — собеседник трактирщика тоже был опытен, в отличие от своего конфидента он знал также, что играть на чувствах можно не только словами. Намеренно поддерживал он жадность ригельвандца, расставаясь с условленной наградой по частям, отвечая на правила игры, навязанные самим Винченцо. Этот человек был постоянно собран и напряжен, делая расслабленный вид лишь тогда, когда этого требовало дело. Он не позволял себе лишних слов, лишних жестов и лишних мыслей. Равно как не позволял осведомителям типа Братиолли почувствовать свою слабость. Он был в чужой стране, с чужим именем и без единого на самом деле надежного союзника. И только умение показать свою силу, свою несокрушимость и значительность позволяло ему вести здесь свои дела. Самых разных людей, начиная от ригельвандца-трактирщика и заканчивая графами королевства, он сумел убедить, что зависит от них, но уничтожит, если его положением решат злоупотребить. Человек, пронизанный южным ветром, уверенно, не первый год ходил

по тонкому льду.

— Знаю, знаю, сеньор, но мы не об этом, — ригельвандец отмахнулся худой жилистой рукой с синими венами. — Было так: сначала прибыл человек в черных, простых одеждах, ну, знаете, плащ, сюртук, широкополая шляпа. Заказал кабинет и пытался, вы не поверите, изображать алмарский акцент! Именно изображать!

— Хамство, не иначе, — на широком лице с чертами, будто вырубленными в камне, на миг сверкнула ухмылка.

— Так вот, заказал кабинет, пива, сосисок, пародист прямо — алмарец анекдотический, одна штука. И стал ждать, судя по всему, знаете же — я лишь слушаю, подглядывать опасно, взгляд можно многими амулетами почуять, а звук — другое дело... И истинно, скоро притопал второй — по форме коронный лейтенант драгунский, стали беседовать они о том-о сем, знамо дело, плели перед тем как к серьезному перейти. Потом тот, что с алмарским акцентом, спросил, знает ли драгун Алана де Мелонье, тот ответил, что недолго с сим субъектом знаком, но уже искренне не терпит выскочку, а «алмарец», — он выделил слово насмешливым голосом, — коротко так: «Так проткните его, и дело с концом, на дуэли». Лейтенант же начал отпираться, говорить, что Мелонье сам не выйдет, а норманита он не сдюжит, а тот, что в черном, ему и говорит: «А вы найдите его слабости, да по больному бейте, пока он сам вас не вызовет, тогда по кодексу на чемпиона права не имеет, проткните его в сердце, а я от щедрот императора вам десять тысяч желтых кругляшков отвалю». На что драгун спросил, а уполномочен ли черный императором, а тот похвалил за смекалку и сказал, что и верно, агент он полномочный. Лейтенант и говорит: «Сделаю за пять и дружбу алмарского агента, в наши времена не повредит», на том они порешили и разошлись — драгун через дверь, а черный прям в окошко сиганул. Агент он, хе-хе.

— Благодарю, Винченцо, — голос был мрачен и звучал бранной сталью, на стол шлепнулась пара изумрудов. — Теперь мне есть над чем подумать.

Он не был доволен, ибо всегда терпеть не мог мелкие дела, порой способные в прах испоганить важные начинания. Но притом был заинтригован — только некто очень смелый и, скорее всего, очень глупый, способен открыто называть себя алмарским агентом в Шваркарасе, стране, над которой довлеет Тайная Канцелярия, властной рукой уничтожающая любую опасность для короны.

Человек с лицом суровым и мрачным в силу черт своих, одетый в алый жюстокор с широкими, расшитыми шваркарасскими пиками, отворотными манжетами, где покоилась пара писем, полученных от ригельвандца, покинул трактир твердым уверенным шагом, придерживая пехотный палаш в черных лакированных ножнах.

Библиотека Хранителей Знаний. Краткие выдержки об истории и природе стран Южного Архипелага Гольвадии: Королевстве Шваркарас, Республике Ригельвандо и Алмарской Империи, полученные из источников разных, достоверных до степени достойной преподнесения дражайшему читателю

Слава Империи! Горе Империи...

Мой Кайзер! Я пишу вам в надежде быть услышанным. В конце концов, должны же тридцать лет верной службы быть вознаграждены вниманием Императора.

Решение написать сие послание далось мне нелегко. В конце концов, имеет ли право граф-генерал ван Тормутт высказывать мысли, столь схожие с наставлениями Императору Альму III Хоценголлеру. Однако чрезвычайные обстоятельства и систематические нарушения, обнаруженные мною в Империи на протяжении многих лет службы, вынуждают

меня раскрыть перед моим сюзереном картину нарушений и ущемлений, кои ежечасно, ежеминутно терпит население верноподданных государства от алчного купечества и подстрекающего его разложенного клира.

Как известно, опорой Трона Дралока всегда были верные вассалы великих кайзеров империи — рыцарство и аристократия. В то же время, тиара Архиепископа уже давно и прочно покоится на горах злата худородного, жадного и многочисленного купечества.

В те времена, когда проблемы империи решались огнем и сталью, а крепость брони рыцаря и острота его меча определяли успех государства на мировой арене, можно было мириться с тем фактом, что прямо у нас под боком раскинулась гниющая клоака порочного союза богословов и торгашей, подтачивающих стабильность и сами устои имперского правления. Притом, подтачивающие изнутри.

Сейчас же мы стоим на перепутье, когда понятия чести и верности трону и знамени Империи диктуют нам очевидный путь — путь чести и славы. Который лежит в расширении заморских владений Империи, а также твердого курса на упрочение позиций и умножение уважения к трону Кайзера среди держав Юга. Где, в первую очередь, нужно сбить золотую спесь с Ригельвандо и преподать урок смирения беззаконному Шваркарасу.

Также очевидным фактом является необходимость колониальных завоеваний в свете все учащающихся столкновений с новым опасным врагом — если мы не остановим Амиланию сейчас, то очень скоро держава безумных баб сбросит нас в море с берегов Мейна. Потеря же колоний очевидным образом влечет гибель Империи, падение в бездну зависимости от более успешных конкурентов.

Единственный разумный путь защиты, открывающийся перед нами, это путь атаки. Император обладает огромной, боеспособной армией, к тому же за тронем стоит масса стальной аристократии державы, готовой единым порывом смести с берегов экваториальных островов любого противника, утвердив знамя Дралока на землях, что нам принадлежат по праву силы и праву древности.

Меж тем, мечи ржавеют в ножнах. А великолепные боевые корабли Империи гниют в портах, в то время как беззаконные каперы церкви свободно бороздят просторы морей, принося все больше опасного золота в мощну архиепископа.

Меж тем — наша надежда и оплот, все прогрессивные слои имперского населения, свободные фермеры, горожане, ремесленники, задыхаются в тенетах храмовой пропаганды. С амвонов, открыто, при свете дня, священники, чей гражданский и человеческий долг поддерживать императора, вещают пастве, идущей в церковь за божественным откровением. Вещают пастве о том, что трон заволокли еретики и предатели, что император не слышит зова народа, и якобы в этом виноваты аристократы. Да, мой Кайзер. Тех, кто проливает за тебя кровь и в первых рядах встает на защиту Империи. Тех, кто под своей мудрой рукой хранит и развивает города и провинции, поддерживая закон и порядок. Тех, кто единственный заботится о наполнении казны государства. Облевывают с амвона перед жителями государства, день и ночь пытаюсь вдолбить в мудрых и свободолюбивых жителей империи ненависть к благородным людям, непочтение к императорской власти и презрение к законам.

Да, Государь! Презрение к законам! Даже среди самой лояльной частицы населения империи я вижу неправый ропот. Ленные крестьяне, крепостные! Считаю, что их обидели или унизили, идут не к господину своему, дабы тот представил их интерес в суде. Они идут к святошам, ожидая что среди притч «Книги Многих Ликов» для них найдется нечто большее,

чем есть в мудрых имперских законах, веками сковывающих державу в единый организм.

Мы не дремлем, Кайзер. По мере сил — мудрым правлением, реформами, привилегиями и послаблениями, даже выделением под нужды городов и фермерских общин своих наследных земель. Честным исполнением своих обязанностей сюзеренов и добрым отношением мы удерживаем чернь от глупостей. Действуя кнутом и пряником, мы из последних сил поднимаем на натруженных плечах свод Империи. Но, если ты не обратишь свой благородный взор на верных, о мой Кайзер, если останешься равнодушен, мы не сдержим напора многочисленных клириков! Не сможем противостоять зову золота купцов, столь привлекательному для уха бедного простолюдья. Мы падём. Но я верю, что Ты не допустишь этого, мой Государь.

Империи нужна война. Долгая. Продолжительная. Тяжелая и победоносная война. Нс Старый Свет исчерпал свои возможности. Если мы ввяжемся в войну здесь — это будет гибельно. Нам нужна война в Свете Новом. Потоки трофеев и золото завоеваний, насытит страну, облегчат участь простого народа. Громкие победы поднимут престиж армии. А новые земельные приобретения позволят вывезти ропщущих крепостных за пределы имперской метрополии, не потеряв над ними контроль. Опять же, существенно улучшится положение безземельных рыцарей, которых во множестве породили армия и бюрократическая машина Державы. Война станет беспримерным благом, каким всегда становилась для Империи.

Но как воевать? Когда Архиепископ издает буллу за буллой, осуждающие имперское расширение до тех пор, пока не будут обращены и освоены земли Экваториального Мейна Империи. Архиепископская гвардия не только стоит на границах колониальных владений, но еще и всеми правдами и неправдами старается не допустить туда доблестную армию моего Императора. А колониальные епископы открыто ущемляют государственную администрацию, перетягивая на себя одеяло управления завоеванными землями. Если так будет продолжаться и дальше, то Мейн начнут называть не Имперским, а Архиепископским.

И все это произошло из-за медлительности и излишней осторожности в принятии решений по колониальной политике. Пока эрцгерцоги и графы боролись за право вести армии на захват новых земель. Пока министерства ссорились о том, какой бюджет утвердить на колониальные нужды. Пока господа рыцари начищали панцири и слезно прощались с дамами сердца...

В колонии отправились каперы, благословленные церковью, дабы не допускать к берегам, предназначенным для Империи, прочие державы юга. В туземных племенах открыли фактории купцы, начавшие подвоз товаров с Экватора еще тогда, когда министры не оформили законы о колониальной торговле и монополиях. И везде, где только можно было говорить посредством языка, тела и горячего железа, начали действовать проворные миссионеры Архиепископа, начали строиться церкви и храмы.

И потому так тяжело нам сейчас на Мейне, ибо большая часть подданных императора здесь — это туземцы и церковные колонисты, которые верят святошам, а Губернаторов Императора с куцыми гарнизонами почитает за что-то навроде дивных зверушек.

Нельзя продолжать в том же духе. Нельзя позволять храмовникам исполнять работу имперской армии и бюрократии. Нельзя оставлять без внимания падение авторитета и могущества власти. Мы не можем воевать против Архиепископа. Значит, мы должны найти в колониях новые земли и отвоевать их для Трона Дралюка, а не для Тиары.

Письмо Графа-Генерала Эрхарта ван Тормутта, тайно, лично, в руки Императора

Бал! Всех... очаровал

Усадьба блистала позолотой лепнины и сполохами рано зажженных факелов, деревья и фигурно постриженные кусты парка были украшены лентами и серпантином, под наблюдением доверенных лакеев-людей ежеминутно запускались фейерверки, дабы радовать подъезжающих в каретах гостей.

Центральное строение усадьбы Шаронье высилось подобно помпезному ванильному облаку, выполненное из мрамора и украшенное бесчисленным количеством лепнины, статуэток и прочих декоративных изысков. Родовое гнездо маркизов де Шаронье являло собой пример богатства, могущества и веселого нрава, свойственного шваркарасской аристократии.

В просторном, великолепно ухоженном сонмом садовников (по большей части рабов из представителей анималистических рас), парке цвели розы, благоухали орхидеи и сияли великолепием ярких красок тропические растения, привезенные, как и рабы, с Экватора. Из колониальных владений нынешнего маркиза Клермона Жана де Шаронье. На узких тропинках стратегически были расположены беседки и скамейки, где могли комфортно уединиться в благоуханной зелени дамы и кавалеры, уставшие от шумной бальной залы. Развилки и площадки парка были украшены игривыми статуями, изображающими обнаженных нимф, сатиров с эрегированным достоинством, могучих мифических животных и, в самом темном и редко посещаемом углу парка располагалась аскетичная, увитая плющом статуя святого Гестера-лесоруба — покровителя рода де Шаронье.

К широкой мраморной лестнице в безупречном порядке подъезжали кареты — простые, без особых украшений, со съемными гербами, нанятые бедными аристократами (как правило, шевалье и баронами) в специальных компаниях. Украшенные черной полосой, скромно декорированные, исполненные прочно и со вкусом — кареты военных, которым не пристала роскошь светская. Изящные, воздушные, навевающие благоговение белые кареты с золотыми кругами везли представителей богоугодного клира, в сих местах, по большей части, представителей Кампанского культа Бога-Лесоруба, а также местных приходов всегосударственных церквей Бога-Хранителя, Бога-Правителя, Бога-Покровителя, Бога Воителя, Бога-Целителя, Единого во Многих Лицах.

Самой яркой оказалась обитая алым бархатом, украшенная резьбой, позолотой и крупными гербовыми щитами карета графини Никкори-Сато. На запятках сидели два лакея-собакоголовых, осматривая блистающий свет черными влажными глазами бульдогов. Кучером же был человек, нарядный юноша, демонстрирующий что графиня достаточно богата для того чтобы иметь в прислуге людей. За каретой графини верхами, на укрытых парадными попонами конях, ехала ее приближенная аристократия.

В бархатном лиловом жюстокоре — Торн де Шальгари. Весь в фиолетовом — Алекс де Гизари. Одетый скромно, но увенчавший свое чело треуголкой с плюмажем из пуха тропических птиц Дирк де Кабестэ. В изящном облегающем фигуру одеянье, сверкающем серебром и при отменной шпаге на поясе, немного обиженный тем, что графиня предпочла его обществу в карете общество Алана де Мелонье, задумчивый Марк де Эль. И замыкающий шествие на своем боевом скакуне в цветах Алого Люзецийского Его Величества драгунского полка коронный лейтенант Антуан де Рано.

Графиню, одетую в бесподобное пышное платье, украшенное изумрудными слезами, грациозно выпорхнувшую из кареты, опираясь на руку щеголя Алана, блистающего шелком

пурпурного жюстокора, бриллиантами в перстнях и пышностью длинного, до середины спины, завитого парика в золотой пудре, вышел встречать сам де Шаронье.

Маркиз — высокий статный брүнет, находящийся в самом расцвете мужской силы, едва перейдя черту сорокалетнего возраста, был человек, чья безупречная порода читалась в тонких, но четких чертах сурового лица, благородной осанке опытного фехтовальщика. И даже в орлином разлете узких, по моде выщипанных бровей. Он опирался на трость с навершием в виде головы дракона, ибо страдал от приобретенной в колониях подагры, на плечи был накинут подрагивающий в вечернем сквозняке черный тяжелый плащ, а грудь венчала лента кавалерии стального цвета.

Он принял руку графини из руки ученого позера, по этикету помпезно поприветствовал красавицу средних лет и повел ее в бальный зал, что открывался им навстречу мрамором высоких колонн, блеском свечного пламени в лакированной поверхности скользких паркетов и шелестом праздничных одежд. А также напряженным ожиданием праздника десятков пар аристократов, стоявших у стен, изготовившись к сигналу начала высокородной оргии танца, который должен был подать маркиз.

Вслед за графиней и Мелонье карету покинул облаченный в тяжелый черный длиннополый плащ с рукавами и стоячим воротником, увитый ремнями ножен, норманит Бенедикт. Он безразлично скользнул взглядом темных глаз по спешивающимся аристократам графини, чуть задержавшись на крупной фигуре Антуана де Рано, и двинулся вслед за своим ученым товарищем в тенета благоухающей пороком бальной залы. Бенедикт всегда воспринимал свои обязанности стоически, а к де Мелонье относился как к младшему брату или, скорее, любимому послушнику, но присутствие на торжествах почитал обузой. Норманит умел танцевать, умел даже петь и слагать стихи, по части этикета он мог бы затмить маркиза. Но не хотел, в его душе не было места пустому веселью, танцы и нежный щебет пар наводили монаха на мрачные мысли. Мысли о грехе и недозволенности. Его характер стойка и аскета не мог считать столь праздное и обширное зрелище чем-то хорошим. Но де Мелонье работал именно здесь. Балы были самой эффективной его вотчиной. А орден велел охранять ученого. И Бенедикт, как всегда смиренно, выполнял свой долг.

Первым танцем был неспешный, грациозный полонез. Антуан танцевал с довольно милой аристократкой, парик которой, в четверть ее роста, был обильно украшен магическими блохоловками в виде маленьких скорпиончиков. Беседуя с девицей о разной чепухе, жизни в Люзеции, придворных секретах и новшествах моды, вновь вводящей при дворе короля стальной наплечник на левое плечо как для мужчин, так и для женщин, он сумел ненадолго аккуратно вывести беседу на персону Алана де Мелонье. Оказалось, что поэт и ученый к тому же является всеобщим дамским любимцем не только в землях графини, но и как минимум в маркизате де Шаронье.

Решив немного прощупать почву, вальсировал драгун уже в паре с утонченно красивой брүнеткой, парик у которой предпочитает собственные сверкающие локоны, уложенные в сложную прическу, в багровом платье с корсетом и высоким лифом, открывающим прелести не крупной, но крайне соблазнительной груди. Это была Лили Бартолла де Мелонье, сестра Алана.

— Сударыня, вы столь прекрасны в огнях сей бальной залы, — он вложил в свой голос мгновенно закипающую страсть, свойственную лишь бравым офицерам.

— Что, только в ней? — скривила губы в притворном расстройстве девица. Высокий,

приятный, даже, пожалуй, мужественно-красивый драгун приглянулся девушке, давно отвыкшей от общения с настоящими военными.

— Я бы с удовольствием увидел вас в ином освещении, но сего удовольствия еще не имел, — нагло улыбнулся де Рано. Про себя он подумал, что это уже, пожалуй, слишком, и дело провалено. Но, увидев бесенят в глазах девицы, удивленно понял, что не промахнулся.

— Хам! — рассмеялась Лили. Смех ее вышел легким и звонким, но немногo задушенным. Сама девушка поняла, что тяжело дышит, но решила — собеседник спишет все на корсет.

— Я солдат, сударыня, казарма быстро выбивает изящный политес, — улыбка стала шире.

«Похоже, девица и правда падка на форму, я думал, будет тяжелей».

— Ой, так ли уж офицеры и в казармах живут... — вглядываясь в лицо партнера по танцу, Лили подумала, что эта манера флирта — не слишком обремененная высокопарными любезностями, — ей по душе.

— Нет, что вы, я не жалуясь на недостаток, и мой дом в Люзеции всегда будет открыт для вас, но черт возьми, из казармы приходится выгонять этих ленивых свиней — моих подчиненных, — удивляясь сам себе, де Рано наглед и при этом чувствовал себя легко и свободно. Надо сказать, что в прошлом у него было не так уж много успешно завоеванных женщин. Но теорию людских душ он усваивал проворно.

— Да, наверное, столь частое общение с плебеями коробит душу, — девушку немного смутило, как просто она выдала эту насквозь клишированную аристократическую фразу. Но она на самом деле так думала, к тому же слышала, что у столичных офицеров принято презирать своих солдат. Да и похоже, ее собеседник тоже начал чаще дышать и без корсета.

— В грубости есть и свои преимущества, — коронный лейтенант прижал девицу ближе к себе крепкой рукой воина. Чувствовать под рукой нежное, трепетное женское тело, принадлежащее не рабыне и не проститутке, было на удивление приятно.

— О! Осторожнее сударь, мой брат заметит! — щеки ее чуть заметно зарумянились, однако отстраняться Лили не спешила. Он был твердый и горячий, наполненный здоровой силой, девушка внезапно почувствовала себя очень защищенной. Но разум вопил, что она в опасности светского конфуза.

— А кто же ваш брат, моя дорогая? — драгун в притворном страхе осмотрел зал. И ему самому, и, похоже, его спутнице понравилось, что на самом деле драгун совершенно не страшится ни брата, ни скандалов, с ним связанных.

— Тот молодой человек, что танцует с этой разукрашенной позеркой, виконтессой де Бегари. Вон там, — девушка кивнула головой в сторону Мелонье, кружащегося в танце с эффектной блондинкой в розовом атласном платье с множеством жемчужных подвесок. Лили внезапно стало не до объятий, вернулся давешний страх, что так часто мучал ее. Девушка никогда не одобряла занятия брата.

— Вижу, де Бегари вас волнует больше, чем гнев брата, — закинул удочку лейтенант.

— Мой брат очень ценит меня и весьма дотошно заботится о моем спокойствии и благополучии, мы ведь сироты, но да, да простит меня Единый, Элизабет де Бегари — это просто великосветская шлюха, — заглотила наживку Бартолла.

— В чем же столь страшный грех ее состоит, что вы столь раздражены ею, сударыня?

— Это мерзкая, беспринципная и в высшей степени подлая охотница за приданым, — Лили осеклась, — но вы же благородный человек, месье де Рано?

— Безусловно, о моя госпожа, — очень серьезно, но с долей игривости согласился драгун. Предварительный успех был достигнут, по глазам, по тону, по изменению в лице партнерши, по танцу драгун понял, что сейчас будет откровение. Хотя ему хотелось еще немного просто поприжимать ее к себе.

— Пусть это останется меж нами. Чтоб в дальнейшем вы помнили о подлости некоторых личностей и не попали впросак. Виконтесса де Бегари это просто что-то чудовищное. Она confidentка герцога Морпаньяка, — девушка перевела дух, продолжая кружение, мысли о змее, кружащей ее брата, приводили Лили в ярость и отчаяние. — Она своим дьявольским обаяньем уже охомутала трех несчастных: барона де Номри, которого прочили в министры, графа де Лато, в знатности соревновавшегося с герцогами, и шевалье де Триссмэ, — она понизила голос до еле слышного шепота, — агента Тайной Канцелярии, доверенного!

— Немалый грех, — мрачно согласился лейтенант. «Де Мелонье явно известно, с кем он танцует, парень очень собранно держится».

— Еще бы — ей перешли деньги, земли, титулы, а наследники почти всегда оставались ни с чем. Герцог же, само собой, покрывает и защищает ее, ведь с каждой этой смертью его влияние при дворе и делах торговых росло невообразимо, эта, эта!.. — девушка опять задыхнулась, щеки чуть больше покраснелись. — Блондинка! Помимо этого, она врет, ворует, интригует, предает, влезла в политику полностью, вертит хвостом, руша при этом карьеры, судьбы, давние союзы и крепкую дружбу.

— А какое вам дело до этого, сударыня? — приступ ярости был настоящим, Антуан был поражен. «Она так любит брата? Или так ненавидит де Бегари? Или все сразу? Какой фонтан эмоций».

— Во-первых, — серьезно произнесла Лили, волшебство танца исчезло, но ее это не расстроило, почему-то Бартолла считала важным все прояснить. — Такое зло должно быть наказано. Во-вторых, — девушка помрачнела, — я просто надеюсь, что Алан с ней справится.

— Справится?

— Ой! — де Мелонье смутилась, поняв, что, похоже, сболтнула лишнего. — Я всего лишь надеюсь, что она не затащит его в свои сети...

— Не волнуйтесь, моя дорогая, — де Рано еще крепче прижал к себе трепещущую девицу, что пришлось по нраву им обоим. — Я уверен, что ваш брат сумеет постоять за себя на любовном фронте, и, если пожелаете, я сделаю все, что в моих силах, дабы помочь вам.

— Да, у него есть опыт, — Бартолла улыбнулась, и, уличив момент, когда на них никто не смотрел, поцеловала Антуана в щеку, немного испачкав в губной помаде. — Благодарю вас, месье!

«Значит, он должен с ней справиться? Занятно», — подвел итог беседе Антуан. А затем непроизвольно нежно коснулся щеки, где затухало тепло поцелуя.

Обязательные танцы закончились, и коронный лейтенант решил передохнуть, прогуляться за пределами танцевальной площадки зала, у стен, где стояли игральные столы и кушетки, а официанты из представителей анималистических рас, в основном заи с козлорогими, разносили разнообразные закуски и игристое вино.

Алан де Мелонье оказался весьма популярной фигурой досужих бесед. Тихий ученый был заправским сердцеедом, прославленным победами на амурном фронте не менее, чем своими исследованиями и поэмами. К тому же не обошлось и без скандалов — за последний

год десяток дуэлей с рогоносцами и неудачливыми конкурентами, проведенных для Алана Бенедиктом, самоубийство отвергнутой любовницы маркизы Селесты де Ноккерми и множество разбитых сердец. Бенедикт же, как оказалось, далеко не всегда был рядом с ученым. Похоже было на то, что он появлялся только когда Алан впутывался в очередную опасную любовную интригу, и по мере сил решал ее последствия. Косвенно эти данные указывали, что Алан де Мелонье — это весьма непростой ученый и поэт, за этими масками скрывался кто-то более значительный в делах мирских, маски — это всегда опасно.

Наконец, Антуану повезло, прогуливаясь меж отдыхающих от безумия танцевальных страстей, он краем глаза заметил вспышку пурпура в свечном сиянии зала и узрел персону, занимавшую сегодня его мысли. Алан де Мелонье увлекал на один из прохладных балконов высокую, грациозную женщину с царственной осанкой, одетую в изумрудное платье с высоким воротником, распущенные темно-зеленые волосы и обилие сияющих колец выдавали в ней магессу, притом высокого класса.

У входа на балкон встал Бенедикт.

— Святой отец, — де Рано подошел к норманиту, внутренне содрогнувшись. — Вы не могли бы мне растолковать значение одного богословского вопроса, уже давно занимающего меня?

— Я лишь смиренный монах, — голос его был жестким и холодным. Голос человека, привыкшего убивать и разговаривать с вдовами, — но мой долг — по мере сил моих осуществлять вспомоществование мирянам в поисках истины духовной.

Норманит был недоволен — сейчас, когда подопечный впутался в очередную глупость — каприз слабого сердца, — за ним нужен был глаз да глаз. С другой стороны, среди маловеров этого бала вопрос о богословии подкупал. Хотя и исходил от персоны, чем-то внутренне подозрительной Бенедикту.

— Благодарю, святой брат. Вот что волнует меня — если воин, окруженный обрядом и тщание на службе у церкви проявляющий, вдруг в сече будет схвачен безбожными амиланийками, кои подвергнут его поруганию и кастрации, а после на галеры отправят и заставят тянуть рабство на них, направляя корабли против единоверцев... Не скажется ли сие на бессмертной душе оного страдальца, предопределив перерождение ничтожное, несмотря на тщание прошлое? — драгунский лейтенант незаметно повернул пуговицу на камзоле, заставив сработать подслушивающий колдовской амулет, временно безмерно усиливший его слух. Общаться с норманитом было безрассудно, но на балконе явно происходило нечто важное. А подслушивать в беседе безопасней, чем из-за угла — меньше подозрений.

Нетренированного человека возникшая в голове какофония зала могла бы убить, но де Рано был готов, он сконцентрировался, отделил лишнее и, продолжая беседу с норманитом, начал слушать беседу, происходившую на балконе тем временем.

— О, сколь жестока и неприступна ты, прекрасная Аделаида, неужели я столь неприятен тебе, что даже взглядом меня не удостоишь? — голос де Мелонье дрожал от страсти и обиды. Чувства были наигранными, но нешуточными.

— Не правда ли, звезды сегодня особенно прекрасны, — голос женщины был холоден, горделив и приятен слуху, эмоции тоже, в словах сквозило презрение — бледная тень презрения сдерживаемого. — Говорят, они только фикция нашего сознания, яркие огоньки, придуманные нами, не способными вынести безбрежной темноты ночного неба.

— Звезды чудесны, но, ты моя дорогая, во стократ милее для меня, чем все звездное

небо и твердь земная, — порывисто начал наступление Алан. Для человека, известного сотней амурных побед, он начал весьма нелепо. Сказывалось волнение.

— Так вот, эмоции ваши, сударь, столь страстно складываемые в слова, — следующая фраза последовала как ушат ледяной воды на голову, магесса, похоже, умела и любила разбивать сердца или чем-то ей был очень неприятен сам поэт, — столь же фальшивы, как и звезды в моей теории, иначе, впрочем, быть и не может. Вы слишком долго играли в любовь со всеми, кто под руку попадет, и уже давно разучились выражать настоящие чувства.

— Вы бессердечны, госпожа де Тиш! — голос поэта дрожал все больше, он наполнялся нешуточной обидой. — Вы вырвали мое бедное сердце и кормите им с рук кровожадных ночных падальщиков, алчущих человеческой плоти как высшего лакомства!

— Довольно наигранного расстройств, — в голосе звучала насмешка и раздражение, — найдите меня снова, месье де Мелонье, когда пожелаете говорить этим самым сердцем, а не заезженными штампами, — слышались шелест платья и быстрые шаги высоких каблуков.

Де Мелонье был влюблен и отвергнут. А предмет его воздыханий вызывал в Антуане нешуточное уважение — она знала, кто он и что, и открыто презирала за это, нарушая все общественные условности.

— ...следовательно, каждый верующий, в осознание милости Единого, равно как и понимая безвыходность своей ситуации, в случае невозможности побега, обязан умертвить себя любым возможным способом, что не будет считаться самоубийством, а примется аки жертва благородная, и следующее воплощение оттого будет благополучным, — как раз завершил норманит сухим лекторским тоном.

— Благодарю, что просветили, святой брат! — де Рано поклонился монаху, совершив знак почасового круженья, и поспешно ретировался. Зайдя за ближайшую колонну, он присел на один из диванчиков, предназначенных для краткого отдыха танцующих, в то же время надеясь, что сумел усыпить бдительность священника, а ретираду почтут за вежливость.

Драгун прислушался:

— Мое почтение, святой брат, — женский голос не выражал ни толики почтения, высокие стальные каблуки простучали по паркету, удаляясь. Монаха она тоже не любила. «Чудная женщина», — подумал драгун.

— Итак? — поинтересовался монах у вышедшего следом де Мелонье.

— Ах, оставь это, Бенедикт, — голос незадачливого воздыхателя дрожал, на этот раз от гнева. — Не думай, что я поверю, будто тебе на самом деле интересно.

— Совершенно не интересно, ты прав, но если это будет мешать делу, — монах выдержал паузу, — то я расстроюсь.

— Это мои личные неприятности, — произнес поэт отдельно, похоже, разговоры эти были не в новинку обоим. — И никакому делу это не вредит, блондинка без ума от меня, непрофессиональна до крайности...

— Или крайне профессиональна.

— Нет, поверь, я в этом разбираюсь. Еще пара свиданий, и она забудет о маркизе. Между тем, старик неплох, весь вечер не отлипал от графини, вы получите свою свадьбу, — тон де Мелонье стал деловым и четким. К его чести, парень умел быстро взять себя в руки.

— Очень надеюсь, — норманит говорил как-то отрешенно и зловеще, — иначе, при провале, дабы проучить тебя, я прикончу Аделаиду де Тиш.

— Надеюсь, если до этого дойдет, она прикончит тебя, — похоже, Алан топнул ногой и

пошел прочь от монаха, Бенедикт на некотором расстоянии последовал за ним, отмечая шаги стуком стальных набоек ботфорт по паркету.

Антуан де Рано узнал все, что требовалось, и даже чуть больше, он вновь повернул пуговицу, отключая сверхслух, вскочил с дивана и влился в безумие завершающего бал шаловливого котильона.

Среди прочих гостей на балу выделялся высокий мужчина в одеждах кремового цвета при зеленом плаще. Четкие и жесткие, будто вырубленные из камня черты лица, особо же прямой нос и тяжелая челюсть выдавали в нем алмарские корни. А тонкие брови и высокая линия лба, присущая шваркарасцам, говорили о том, что появился он на свет в результате нередкого и даже традиционного события, союза аристократа и аристократки из Королевства Шваркарас и Алмарской Империи. Танцевал он немного, пил в меру, любезен с гостями был сообразно требованиям этикета, говорил мало, больше слушал, но слушателем был замечательным, а потому беседовали с ним охотно. Очень часто сей господин оказывался неподалеку от коронного лейтенанта де Рано, исподволь наблюдая за оным субъектом, но оставаясь вне зоны внимания последнего. К концу бала гость в зеленом плаще убедился в излишнем внимании драгуна к персоне некоего локально знаменитого поэта и в раздумьях удалился, приняв у дверей от лакея-гепардита пехотный палаш в черных лакированных ножнах.

Библиотека Хранителей Знаний. Краткие выдержки о истории и природе стран Южного Архипелага Гольвадии: Королевстве Шваркарас, Республике Ригельвандо и Алмарской Империи, полученные из источников разных, достоверных до степени достойной преподнесения дражайшему читателю

Корни Зла

Корни зла кроются в истории. В истории же мы должны искать способы исправить нынешнее положение вещей, ибо каждый раз, когда приходил самый темный час — нация возрождалась из пепла, обретая силы, сокрытые до времени в дремлющем духе. Духе народа. Духе свободы. Духе силы! Духе жизни, равно горящем в каждом сердце, будь то священник, аристократ или пейзан.

Корни зла кроются, как ни странно, в благополучии. Жажда наживы, особенно когда она столь доступна и беспримерно велика, пробуждает в людях темные стороны.

Блага колониальной политики Шваркараса стали разрушать его изнутри, медленно, но верно отвращая людей друг от друга, вгоняя народ государства в анархию много эффективней, чем война или мор.

Совместный труд — развитие страны, которое требует усилий от каждого, ныне был заменен жадой легкого обогащения в заморских провинциях. Ранее вся природа человеческого общежития приводила людей в гармоничную близость. Поскольку доход и благополучие аристократов и церкви, а также, впрочем, и купцов зависели от крестьян, кои, в свою очередь, как и предписано им природными законами по роли и статусу, получали взамен защиту и небесную поддержку от тех, кто стоит выше их на Лестнице ответственности. Это делало государство единым крепким организмом, позволяло пережить невзгоды и горести, пережить вместе, не боясь вражды самого отвратного типа — вражды духа и противоречия.

Любое государство суть есть высшая и совершенная форма человеческого общежития, это не королевская власть и не отношения сюзерена и вассала или иная форма человеческих отношений просто. Государство — это общность всех сложных и противоречивых

взаимодействий, которые протекают меж людьми, населяющими определенную область, говорящими на определенном языке и исповедующими схожие ценности и религию. Оно может быть гармонично лишь тогда, когда каждый из элементов его бытия занимает должное место и в механизме всеобщего благополучия, не конфликтуя с другими, но действуя к общему совершенству. Притом, не искажая природы человека, нужно признать, что это достигается простой жизнью и трудом на собственное благо, без ущемления блага чужого.

Мы могли наблюдать это совсем недавно, несколько поколений назад, до того, как белые паруса ригельвандцев, а за ними и наших исследователей, достигли фантастических земель на севере, земель, полных соблазнов, полезных одному, но вредных для общего.

Вспоминая мрачные времена, такие, как дни демона-короля Людвиг IV Проклятого и его борьбу с Анрахостом Демоноборцем, войны Пики и Дралока, войны Старшего и Младшего Альянсов, кризисов веры и династических перипетий, можно выделить главное из множества мрачных и героических фактов тех давних и не слишком времен. В годину величайших бедствий народу, не имеющему иного выбора, приходится сплотиться, дабы выстоять, не попасть в рабство и не встретить печального конца под пятой иноземцев. Несчастье сплачивает людей. Но лишь тогда, когда к этому есть основания. Природа человеческая неидеальна, алчность, злоба, гнев и зависть часто берут верх над добром и разумностью. Однако, когда приходит беда, на стороне светлых чувств начинает работать и стремление выжить.

Но будет ли оно столь сильно сейчас? Если произойдет что-то столь же страшное и значительное, как, например, восстание демонологов Одержимого Короля, выстоит ли Шваркарас в таком противостоянии в изменившемся мире?

Я предполагаю, что это весьма спорно.

Почему? Виной тому множество причин, одна из них — несправедливое обогащение.

В моем разумении есть ряд основных столпов, создающих здоровую страну, вернее, сильное государство:

- справедливые законы;
- должная общественная организация;
- единая истинная вера;
- твердая власть;
- добрые отношения между людьми и сословиями.

Обладал ли Шваркарас всем этим ранее? Нельзя сказать доподлинно, что в полной мере, однако в существенной степени я бы ответил утвердительно. Почему? Справедливые законы и должная общественная организация произошли в нем с течением времени, методом проб и ошибок исправив неверное и сгладив острые углы. Я не говорю о том, идеальны ли были эти законы и общество, но они были живучи, а это важнее в данном случае. Единая Истинная Вера была принесена нам Единым, и нет сомнения в том, что долгое время это не ставилось под вопрос. Твердая власть — это компромисс между стремлением к власти герцогов и стремлением к самостоятельности короля. Годы и страсти вокруг горних высот власти выкристаллизовали форму, сохранявшую баланс, позволявший государству существовать.

Добрые отношения, как я сказал, сложились вследствие разумного осознания необходимости сосуществования между сословиями, ввиду простого вывода о том, что иной земли и иных соседей у нас не будет.

Что же изменилось?

С расширением колонизации Шваркарас начал охватывать территории столь далекие и обширные, что для управления ими пришлось менять общественную организацию, ибо та, что существовала, не могла вместить в себя новые провинции и народы, покоренные знаменем Трех Пик. Там не было ни герцогов, ни крупных городов, зато врагов было множество, они были опасны и непонятны. Значит, там возрастала роль военных. Но военные были аристократами из семей, оставшихся в метрополии, значит, и на родине наметился перелом, пришедший из-за моря, и это лишь один из примеров. Их было еще множество — вице-короли, особые агенты, повышение роли прокуроров заморских владений. Все это привело к крушению и переделу, еще далеко не завершённому, не проверенному на стойкость временем, старого порядка, на смену которому пришло нечто громоздкое и чрезмерно обширное для разумного управления. Изменились и законы. Колонии, рабы из них и торговля привели к переменам в законодательстве и даже появлению новых сословий, имеющих, к тому же, огромное влияние.

Я говорю в первую очередь о купцах, ибо торговое законодательство сейчас едва ли не превосходит объемами прочие кодексы государства скопом. Но также есть примеры иных форм колониального права, например, устанавливающих права и обязанности колонистов и покоренных народов. Даже рабы из-за моря потребовали новых решений.

Огромное испытание ждало и веру, в колонии отправились многие священники, и, помимо прочего, столкнулись с проблемой огромного богословского значения — как обращаться и как принимать в лоно церкви язычников и туземцев? И что делать с анималами, кои, безусловно, не будут столь милы Единому, как люди, коим он покровительствует.

Изменение церковных и богословских норм, со скрипом и треском переваривающее новые обстоятельства, ставили под вопрос саму Истинность веры. Ведь сложно верить истово, зная, что в храмы пускают тварей с кабаньими и песьими головами. На лицо неразрешенный кризис.

Твердость власти качнулась сама собой — из-за моря стали везти сокровища, но власти государства не были способны обогащать себя столь быстро, как предприимчивые купцы, а также стоявшие за ними некоторые герцоги и прочие аристократы, жаждавшие наживы из колоний. Короли жаждали богатств из колоний, но сами не заметили, как оказались зависимы от купцов, которых пришлось защищать и оберегать силами государства, кое на самом деле не должно служить ни одному из сословий более, чем иному. Да, аристократы, конечно же, всегда оберегаемы в отдельности более, чем крестьяне, но в то же время они в случае войны бьются с пейзажами бок о бок на линии фронта. А вот купцы сидят на своих сундуках, неохотно жертвуя деньги на нужды тех, кто проливает кровь. Трон шатается, шатается уже более века между мечом и золотом.

И в сумме мы можем лицезреть печальный упадок нравов, разрушающий всякие надежды на добрые отношения между людьми — важнейшую основу любого человеческого общежития.

С открытием колоний туда рванулись все, кто был недоволен своей долей на родине или считал, что за морем ему будет лучше. Земли графов и баронов, маркизов и герцогов начали пустеть, а их владельцы — беднеть и ожесточаться. Крестьяне искали в колониях лучшей доли, считая, что на родине их ждет насилие и ущемление. Или же просто надеялись разбогатеть и сменить свой статус, идя тем самым, возможно, против природных законов и места, предназначенного им Единым в перерождении, теряя частицу души.

Господа же, желая предотвратить бегство, начали тренировать отряды ловчих головорезов, вводить жестокие законы в своих владеньях, и совокупно давить на короля, дабы закрыть своим крепостным путь на хлебные нивы заморья. Тем самым они лишь ожесточали бедных своих пейзан, сподвигая их на мятежи и насилия, неизбывным ощущением западни заставляя менять свое ремесло с сохи на нож разбойника и суму ночного татя.

Меж тем те, кто не беднел из благородных — те, кто успел присосаться к колониальным благам, оказались одурманены блеском золота. Они искали все больше и больше способов обогатиться, провоцируя в колониях грабежи и бойни. Истребляя и закабалия тамошнее туземное население, и, тем самым, формируя атмосферу ненависти ко всему Шваркарасу. В метрополии же они проводят балы и пиры, охоты и гладиаторские баталии. Растрчивая свои невероятные состояния на все более и более извращенные развлечения, мучаясь от скуки, изыскивая новые возможности позабавиться, выходя за всякие границы. От вседозволенности пытаюсь вкусить гнилых запретных плодов губительных сил хаоса, чернокнижия, демонологии и кто знает, чего еще. Своим распутным и богомерзким образом жизни богатейшая знать вызывает зависть обедневших, не успевших к колонизации, родов, что ведет к губительному расколу между столпом Шваркараса и любого королевства — его аристократией, одна часть которой ненавидит другую, а та презирает первую.

Но хуже всего ведут себя купцы. Считая, что золото может заменить меч на службе поддержки трона, они пеняют на Ригельвандо как на пример благополучия. Не понимая, что тем самым рушат все, что создано было самой историей страны, что шла по совершенно иному пути, чем республика торговцев, управляемая не единым королем, а советом равных от свободных городов — Ригельсберме. Купцы, считая, что золотом можно исправить все, и даже купить себе честь и род, взятками и почти что демоническими посулами баснословных прибылей, шатают трон все сильнее. Завлекая в тенета алчности и порока короля и высшую знать. Пытаясь достигнуть того, чего достигнуть нельзя. Угнетая и раздражая своим блеском на заморской крови жителей городов и ремесленников, так же покидающих насиженные места и отправляющихся за лучшей долей, а на родине презирающих торгашей. Церковь же, ведущая в колониях войну против туземного невежества, чернокнижия древних культур и недреманного Губителя из Толщи Вод, уже более чем на треть состоит не из благородных духом священников, руководствующихся разумом и верой, а из кровожадных фанатиков, обагрённых по локоть в крови тех, в вине которых они оставляют разбираться Единому. А еще на треть — из ленных патриархов, строящих себе дворцы и виллы на заморскую десятину и сокровища, награбленные их боевыми отрядами, уже давно забывшими, что есть вера.

Налицо видится полное крушение добрых общественных отношений, разрушенных благостью и достатком, нажитым несправедливым путем. Суть яркое знаменье гибели или жестоких перемен.

Шваркарас болен, болен богатством, роскошью, болен как толстяк, умирающий от обжорства, он либо лопнет, раздираемый изнутри, либо осознает свой порок и ограничит себя в потреблении, избегая гибели.

Колонизация несет и много полезного — богатство способствует прогрессу и развитию, также на новых землях поселяются выходцы из развитых земель моей страны, неся с собой прогресс и единую истинную веру.

Однако доблесть и путь любого государства, желающего существовать стабильно и

безопасно, состоит в умении не только насыщаться ресурсами, но и рационально использовать их для развития и прогресса. Сейчас же наблюдается печальный итог. Когда многие блага, пригодные для беспримерного роста могущества и гармоничного развития страны, истрачиваются в пустую. Когда государство, утратив важнейшие признаки свои, превращается лишь в разобщенное сообщество ослепленных алчностью либо озлобленных и кровожадных индивидов, коих ничто не связывает между собой, кроме стремленья урвать кусок от добычи другого. И это есть путь к гибели, и лишь осознание губительности этого пути и общее разумное усилие может помочь исправить нависший над Шваркарасом мрак...

«Пришествие Дня Скорби, или размышления о государственной пользе и рациональной организации, на примере Шваркараса и соседних стран»

Год 815 от о. А.И., автор Авессалом Гийо де Шардэ, философ

Часть 2. Глава 5. Богоугодное строится на крови. Небогоугодное — на золоте

За окном моросило, предпоследний месяц года — ихтионис — славился холодной погодой и дождями, а также тем, что в начале его следовал праздник Безумия Морских Бесов, впрочем, безумия хватало и на суше.

В харчевне было сухо, чадно, грязно и страшно одиноко — большая часть ее обитателей навсегда покинули земную юдоль скорби. Теперь они болтали ногами под осенним ветром, а холодные капли дождя падали, бессмысленно увлажняя синие раздувшиеся языки висельников, украшавших перекрестки и деревья на несколько миль окрест.

— Нередко посещает дома, где молодые девки живут, у барона де Труи был в гартарудел, а ушел поздней ночью, таясь, также у господ Перины и Жако, у-у-у, суки судейские, по всему видать дочерей Анетту и Лизу портил... — бубнил Рен Кот, смачивая горло кислым местным вином.

Жанетта де Пуатье постаралась на славу, пытки, висельники, угрозы массовых расправ — семья за человека, четыре двора за семью, за старосту или солтыса всю деревню, — сделали черное дело. Доносы текли рекой, весь прошлый месяц охотница на ведьм провела в графстве Никкори-Сато. Устроила даже небольшую канцелярию, одолжив у графини грамотных слуг. И весь месяц шпионил для Вульфштайна воришка Рен Кот, заодно помогая себе и своим сотоварищам быть как можно дальше от мест, где злобствовала инквизиция....

— А еще в лесу был, ходил к знахарке Орме, за травами, Орму потом еще сестра святая пытала, только вин чернокнижных не нашла, ноги залечила да восвоеси отравила...

— Короче, — на душе Вульфштайна не то, чтобы было мерзко, но осень вместе со зверствами праведной семьи делали его скучным и неразговорчивым.

— Ну так вот, с Ормой этой их видели в лесных озерах нагишом купающимися. А ездит он всегда тайно, выезд долго не готовит, никому о том не сообщает, и брат святой при нем, четверых наших, паскуда, отметелил, когда заметил, что следим. Ганса даже прирезал, но Гансик пидором был, его и не любил никто... — Рен говорил часто и много, что-то в нем переменялось, за короткое время знакомства с «алмарцем». В словах звучали эмоции, парень был неподдельно зол на инквизицию, он не любил аристократов и честно считал Гансика пидором. Но где-то внутри от всего пережитого или по какой-то другой причине у вора прорезался стальной стержень. Он больше не боялся — не боялся черного человека, инквизиции, патрулей. Он больше не боялся смерти, ибо навидался ее вдоволь за последнее время. Но и умирать он не собирался. Создавалось впечатление, что у Кота появилась какая-то жизненная цель, и цель эта важнее, чем смерти вокруг, чем грязь и нищета. Это странное состояние облагородило парня, боль и страдания — свои и чужие — больше не могли согнуть его.

И все же все зверства оказались не напрасными. Жанетта нашла, что искала: в одной из мелких лесных деревушек, почти в чащобе, жила ведьма. И к ней многие из местных ходили, когда зло особое учинить хотели — проклясть кого-то, отравить или же богатство несправедливое обрести, о том немногие знали, да многие догадывались. Так и вышла охотница на зверя лютого, в чащобе укрывшегося.

— В последнее же время все бросил да ездит в основном к дому маркиза де Шаронье, где тайно с гостьей маркиза, блондой такой симпотной, встречается. И знамо дело, жарит ее,

аж на улице слышно. Там же у маркиза нередко сестру свою навещает, каждый раз подарки носит, стихи читает, разговаривает подолгу, но вроде не ради ынцесту поганого, а по любви токмо братской... — при рассказе об амурных приключениях поэта ореол таинственной уверенности Рена немного попригих, очевидно, его согнала глуповатая улыбка на вечно разбитых губах воришки и мечтательный взгляд. «Всему свое время, друг мой», — подумал черный человек. — «Мне кажется, ты еще тоже успеешь пощупать аристократок на батистовых простынях». Настроение почему-то немного улучшилось.

Она вышла против ведьмы одна, не взяв ни солдат предложенных графиней, ни наемников, ни слуг, которые, как оказалось, при ней были, просто не всегда поспевали. В урочище со старухой злобной, дольше срока вдвое прожившей, она сошлась, верой против черных сил, противных природе. Ведьма была уже стара, а потому не стала ни в оборотня превращаться, ни на битву рукопашную выходить. Она подняла мертвецов из могил деревеньки, где жила, и всех детей местных, большую часть которых из утроб материнских принимала, с ума свела, так что они вилы, ножи, камни похватав, на врага в красном плаще кинулись. Не пожалела Пуатье детей, а мертвых вновь в могилы прахом выжженным вернула. Поймала ведьму изнемогшую, долго била. Опоила затем настоем опиума и святой воды, вывезла в самую крупную деревню — Гирши, неподалеку от которой харчевня «Крысиный Хвост» стоит, и старуху беспамятную от дурмана при большом стеченье народа сожгла. Дабы знали жены, что не просто так их мужья деревья да шибеницы украшают, и что противиться церкви нельзя, ибо церковь есть надежда, опора, защита и оплот всех верующих, и завсегда священник лучше мирянина все знает.

— А еще исподтишка он пытается магичку, что при дворе маркиза служит, все время где-нито она не появится, подкарауливать и амурно увещевать, змей хитробрехливый, правда, та его все больше нахуй шлет некуртуазно...

— Где ты только слов таких набрался...

— Было где. А потом он в страданьях мечется, в таверне, помнится, стол сломал и посуду побил, а монах, при ем состоящий, значится, его увещевает и водкой поит.

Теперь же де Пуатье лежит в замке графини, лечит ногу, которую ей умертвия чуть ли не в лоскуты изгрызли, так, что, если б не амулет магический, на время боль притупляющий, она б и не доперла ведьму до костра. Лечится, в общем, в замке и пишет длиннющий доклад о подвигах своих в канцелярию Ордена. Подробно созывая всех родственников ею повешенных и запытаных, и имена умерших на бумаге отмечает, дабы ни одна душа загубленная от ока церкви внимательного не ускользнула. А когда долечится геройское чудовище в красном, поедет дальше по Шваркарасу свою правду кровавую утверждать.

— Благодарю за службу, — рука в перчатке из свиной кожи опустила на стол плотно набитый мешок, звякнувший об стол. — Здесь сто монет, раздели их между своими подельниками и утекай из графства как можно дальше и скорее, иначе рискуешь хуже, чем пленники сестры Жанетты кончить. За Аланом де Мелонье более слезки не веди, я узнал все, что хотел.

— Спасибо, благодетель, — прохрипел схваченным спазмом от избытка чувств горлом Рен, — молиться на тебя буду везде, где хоть завалящую церквушку встречу, всем Ликам разом!

— Прощай, Рен.

Рен Кот унесся, схватив золото, громко напоследок хлопнув дверью харчевни. Теперь он отправится к морю, сядет на корабль, и отбудет в колонии. Там он будет грабить, убивать,

торговать информацией и искать удачу, развиваясь духовно и физически. Успеет побыть пиратом, бандитом, вождем небольшого анималистического племени и нищим. Он вернется в Шваркарас через много лет, загорелым, с множеством шрамов, сильными руками и светлой головой. Вернется в ранге специального королевского агента и чине капитана Военной Разведки, но это, вы догадались, совсем другая история.

Вслед за Реном, неспешно допив пиво, вышел человек в черной широкополой шляпе, навсегда покидая харчевню «Крысиный хвост», поскольку он успел выжать из ее возможностей все необходимое. Вышел уже не в таком мрачном настроении. Многие вокруг были мертвы и совсем не украшали пейзаж, но ведьма была поймана, а сведения добыты. И радостно было за Кота. Вульфштайн совершенно не собирался меценатствовать направо и налево, улучшая жизнь нищих. И все же он считал, что поступил правильно. Ему хотелось верить, что мальчишка с такими талантами при небольшой сумме подъемных денег не пропадет и сумеет достигнуть своей цели. Черный человек вообще уважал людей, чья жизненная цель была им ясна. Даже если выражалась в слове «выжить».

За уходящим, сокрыв взгляд под краем нависающего на лицо холщового капюшона, следил человек с жестким лицом, слишком породистым для мешковатой робы, в которую он был облачен. Впрочем, под робой скрывался алый жюстокор, а под рукой, сокрытый полой грубого плаща, надежно покоился пехотный палаш в черных ножнах.

— Скажи, любезный, — подозвал оставшийся в пустой харчевне человек в плаще виночерпия, — а часто ли к вам заходит этот человек в черном, и что ты о нем знаешь?

По столу покатила золотая монета и исчезла в большой грубой, пахнущей кислым вином руке...

Немного хитрых мыслей

Немного позже, уютно устроившись в глубоком кресле, в теплом особняке сенешаля графини, убийца, сокрытый в душе драгунского коронного лейтенанта, поглаживая по длинным заячьим ушам ритмично двигавшуюся где-то в районе его пояса голову служанки, размышлял:

«Итак, Алан де Мелонье оказался действительно не так прост, как представлялось вначале. Похоже, он является кем-то вроде профессионального любовника, соблазнителя, интригана, действующего по воле церкви или кого-то достаточно могущественного, чтобы иметь с церковью общие интересы. И некто другой, достаточно могущественный и богатый, желает его смерти, скорейшей, само собой. Впрочем, дело подобного рода не терпит спешки, норманита, его охраняющего, нельзя недооценивать, его нельзя подкупить, обмануть и уж тем более нечего думать о том, чтобы его убить. Даже если это получится, Орден будет мстить. Впрочем, обмануть его не может человек со стороны. А вот сам Мелонье... Я думаю, если он достаточно будет ослеплен яростью, он сам обманет Бенедикта и сам же себя погубит. Нельзя бить по его слабостям, если уязвить его в слабое место, он может просто предложить своему другу расправиться с недоброжелателем. Значит, нужно обратить его силу в слабость, бить его его же оружием. Он влюбился в магессу Аделаиду де Тиш, безуспешно пока, но продолжает штурм, впрочем, сердце не бастион, его могут штурмовать две стороны. Также поэт, похоже, искренне любит свою сестру, ее несчастье станет для него личным поводом для мести, поводом, не терпящим вмешательства извне. Что ж, за этих двух дам мы и поборемся с Аланом».

Мысли были сильные, твердые, уверенные. Они текли легко и размеренно, перерождаясь на пути в четкий план. Но на душе от этих мыслей было беспокойно. Убийца

был молод, самоуверенность изрядно разбавлялась неопытностью. Он сухо размышлял о соблазнении и использовании двух не самых глупых женщин, но притом сам пережил очень и очень немного амурных приключений. Его тренировали, тренировали на актрисах, на куртизанках, на рабынях. Убийца мог многим похвастаться в постели и в умении складывать слова. Но уверенности это не придавало. Разница была такой же, какая для офицера, для того же Антуана де Рано, между боем и маневрами. В общем, Реймунд мандражировал. И похоже, имел для этого все основания. Позорно предавая годы успешных тренировок, он погружался в пучину не самых светлых эмоций.

А в то же время при свечах, через несколько комнат от самого опасного человека графства, его гостеприимный хозяин дрожащей рукой, опасливо оглядываясь по сторонам, писал письмо.

Вернее, Марк де Эль писал донос. Он убористым почерком матерого бюрократа выплескивал на бумагу свои подозрения о мнимом драгуне. Ночные поездки, умелая речь, насмешливый взгляд, познания, выходящие сильно за пределы столичных сплетен и военного дела. В конце концов, идеальная забота о мундире и оружии, столь несвойственная драгунам. Все это вызывало подозрения. А пару раз, иногда тайком следивший за своим новым другом, де Эль видел, как де Рано зачем-то переодевается в черное и в широкополую шляпу, берет худую лошадь и ездит по деревням. Все это было странно и подозрительно. Но также волнительно и интересно. Марк подозревал «драгуна», но и восхищался им. Все эти действия говорили — совсем непростой человек делил с сенешалем крышу.

А с непростыми людьми нужно держать ухо востро. Гусиное перо уверенно завершило письмо о последних перемещениях столичного гостя. Заботливо высыпанный песок утвердил чернила на бумаге, не давая пропасть ни слову ценной информации. Затем аккуратно сложенное письмо легло в плотный конверт, а оттиск безымянной печати графства Никкори-Сато надежно защитил тайны сенешаля от посягательств.

Марк открыл особое отделение письменного стола и бросил конверт внутрь, к своим братьям-близнецам. Все элементы бумажного предательства были адресованы Тайной Канцелярии. Марк закрыл ящик и запер магический замок, вернув ключ в потайной карман жилета. Он был уверен — письма надежно укрыты. И если что-то пойдет не так, они станут последним козырем сенешаля.

Библиотека Хранителей Знаний. Краткие выдержки о истории и природе стран Южного Архипелага Гольвадии: Королевстве Шваркарас, Республике Ригельвандо и Алмарской Империи, полученные из источников разных, достоверных до степени достойной преподнесения дражайшему читателю

Прогрессивная неизбежность или картежные разговоры

— Прошу вас, маэстро, сдавайте, а я покамест развлеку вас беседой, если господин мэр не против.

Не против. Что ж, чудесно. О! Похоже, мне сегодня благоволит Единый. Так вот, о чем я.

Ах. Да. Что мы видим вокруг нас, господа.

Да-да, я согласен, капитан, великое множество всего. Ну, нужно же смотреть в корень. Не воспринимайте слова старика в рясе столь буквально.

А видим мы богатство, богатство и благополучие. На пашнях колосится зерно, реки полны рыбы, ремесла, благодаря стремительности прогресса, на подъеме, заморская

торговля процветает. Золотой век, не иначе.

Эх. Опять вы меня обошли, сеньор мэр. Стыдно мне. Но вам еще стыднее, должно быть, забирать последнее у бедного старика. А вот мои виллы за городом — это дело вас, сеньор капитан, не касающееся.

Так вот. Мы живем в золотой век: казна полна, флот могуч, торговые компании приносят миллионные доходы, так чего, спрашивается, этот старикан в рясе с круглым дукатом на груди бухтит? Ведь все же замечательно.

Так, да не так. Посмотрев вокруг, мы можем узреть признаки разложения. Едва заметные. Наметки темных пятен, которые, не будучи замеченными, выльются в великие бедствия. Не сейчас, лет через сто пятьдесят.

Нет. Я не собираюсь жить так долго. О! Благослови меня Единый-Золотой! Стрейт Чудно. Ах, этот сладостный звон. Впрочем, я продолжаю. Так вот. Подозреваю я, что в той же неге купалась когда-то Империя Имирас, где она теперь? Ну, обломки ее проклятой столицы вы можете и сейчас увидеть к югу от Наполи. Издалека, там все еще опасно — дракийцы наложили много проклятий и оставили стражу.

Всему и всегда приходит конец, в том числе и заморским деньгам. Наше общество не лишено пороков. Просто достаток и довольствие сглаживают их.

Вот, к примеру — кто бросился в колонии, кто каждый год уводит туда корабли и возвращается с огромными богатствами? Правильно, самые смелые и удачливые. Предприимчивые и находчивые. Такие же люди покидают Ригельвандо, навсегда поселяясь под солнцем Экватора в колониях.

И что это значит? Правильно. Это значит, что здесь остаются менее смелые, более мягкие и не столь предприимчивые. Ну, я конечно не о нас, господа! Эх. Опять шиперки.

Я говорю о поколении молодом, о том поколении, которое через полвека займет места стариков, займет места в Ригельсберме, воссядет на креслах директоров торговых компаний и на почетных местах глав гильдий. Воссядут на них и начнут допускать ошибки, проиграют войну, прогадят торговый контракт, сдадут позиции в дипломатии.

И самое главное, господа. Хм. Чую, мне повезет. Они совершенно не заметят, как центр силы сместится в колонии. Там воссядут люди опытные, умудренные, иронично вззирающие на бездарей, оставшихся дома. Ах, не надо о патриотизме, о чувстве долга, об осознании величия государства.

Мы нация купцов! Чему мы учим молодежь — работая на себя, ты работаешь на благо государства, упорным трудом ты возвышаешься над прочими, лень и беспорядок противны природе твоего народа. Находясь на своем месте, будь ты крестьянин, рудокоп или патриций — старайся возвыситься над прочими, ибо в соперничестве рождается успех, для тебя и для всех.

И что же? Именно на основе этих мнений, если не через пятьдесят лет, то уже через семьдесят, те, кто остался там, за морем, увидят, что они во всем превосходят тех, что остались здесь. Увидят, что в честной и конкурентной борьбе они побеждают, а значит, захотят больше власти, больше сил и больше свободы. Но дадут ли им потомки слабых и ленных свободу?

Решительно нет. Похоже, я снова выиграл. Они упрутся рогами, будут давить на традиции и вспоминать издревле заведенные порядки, они будут требовать от заморских колоний повиновения и исполнения новых и новых глупых, слабых решений.

Итог. Вполне очевиден. Ах, Единый, почему ты оставил меня... Пас.

На протяжении многих лет нами владела одна мечта — мечта прогресса, прогресса и развития. Мы — люди из разных городов, с разными культурой и традициями, масса смелых индивидуальностей, — объединились в республику. Объединились для того, чтобы защитить себя от волков и львов, что сидят на границах наших, объединились, чтобы торговать, объединились, чтобы двигаться к новым свершениям. Расширять горизонты.

И мы расширили их, сначала установили внутренний рынок, когда большие и более успешные города подавляли и подминали под себя малые, когда в итоге оставались только самые сильные и способные конкурировать. Они установили баланс между собой, оставили слабых и ленных в ущемленном положении террафермы. И двинулись дальше. Мы воевали за внешние рынки и увидели, что наши враги сильны и не уступают. И мы оставили их, ибо, являясь сильными, они были не столь прозорливы и расторопны.

Сидр, яблочный! Самое время. И мы нашли новый путь — рынки Пояса Свободы, и вновь мы превзошли прочих, установили господство и насытили свои банки и сокровищницы золотом, а ярмарки товарами.

Мы оставили позади также глупых и излишне традиционных. Предприимчивые фермеры очень скоро уничтожили крестьянские общины. А мануфактурщики потеснили цеха ручного труда. На смену слабым товариществам пришли твердые и крепкие гильдии, которых потом потеснили деспотичные олигархи, собравшие в свои руки нити управления огромными личными состояниями.

Эх. Пара. А вам, сеньор капитан, сегодня везет. Мы всегда на острие борьбы — на острие бега вперед — будь то развитие науки или борьба внутренняя, когда на смену традиции приходят рациональные изменения, и в этом наша суть.

Наши Гильдии и Цеха — это же яркий пример атавизма. Неповоротливые, сохраняющие в тайне свои открытия, традиционные и общинные, но они накопили огромный опыт участия в управлении и конкурентной борьбы. И потому юные неоперившиеся олигархи, использующие все общественные и научные достижения современности, с таким трудом могут конкурировать с наработанным веками опытом коварства и круговой поруки. Но могут! И так происходило всегда.

Сидр был отменным, мэр! Теперь чего-нибудь перекусить бы. Так было всегда — мы боролись с собой, всегда старое с новым, и мы боролись с миром, расширяя свои горизонты и оставляя позади ненужное, ставшее рудиментом. Без сожаления.

И что же будет теперь, когда паруса наших судов достигли мест, где до капитанов уже не долетают чудные напевы гондольеров Силенции? Где для них потускнел блеск фамильных клинков на стенах парадных залов бастионов Наполи, и корабли с заокеанских верфей уже превосходят парусники из шумного Скелоне?

Очень скоро, утратив за дальностью расстояний память о том, что мы одна страна, и здесь их вечные корни, затерянные среди могил предков и пышных садов, где гуляли их матери...

Две пары. Ух. А удача была столь возможна. Они — умные, смелые, предприимчивые, но лишенные духа родины, воспитанные иначе, за пределами всех сил и слабостей нашей великой культуры. Они оставят нас за кормой своих галеонов.

Догнивать среди виноградников и апельсиновых садов, среди осыпающихся руин их древней, забытой родины.

Все. Я закончил. Пожалуй, пойду домой. Сам себе испортил настроение. Я ведь и вправду не понимаю, сеньоры. Как избежать этого грустного, тревожащего и кажущегося

таким реальным завершением нашего Золотого Века?

Пересказано со слов отца Матео, священника Бога Золотого, церкви Единого, возглавляющего приход святого Ричензо Морехода, что возле славного города Зенона, книгопечатаньем славящегося

Часть 2. Глава 6. Женщины любят смелых и наглых

Аделаида де Тиш, как и многие женщины, любила комфорт, однако в той же степени она ценила уединение. А потому, когда маркизу де Шаронье не требовалось помощи от придворной магессы, они жила в Башне — шутки ради столь «традиционно» называемом поместье в лесу, несколькими милями южнее усадьбы маркиза.

И вот, поздним дождливым утром в начале последнего месяца года — фиратонакреша, строгое здание Башни, исполненное из серого гранита и белого камня, было подвергнуто фактически штурму со стороны компании молодых аристократов. В охотничьей одежде, на взмыленных лошадях, они гурьбой ввалились во внутренний двор поместья, варварски топчя кусты мирта и небольшие декоративные деревца, располагавшиеся там...

— Нет, сударь, как можно, госпожа не принимает без представления, и сейчас... — услышала Аделаида взволнованный голос своего дворецкого Жако, готового, похоже, впасть в истерику.

— Я сам о себе доложу, шел прочь, скотина! — перебил лакея громкий, взволнованный баритон. — И представляюсь сам!

В следующий момент двери рабочего кабинета распахнулись, свалив два стоявших слишком близко, но, к счастью, не горевших канделябра в виде тощих бронзовых мартышек, в помещение влетел высокий мужчина в охотничьем камзоле с размещенными на нем знаками отличия одного из столичных полков. Пачкая отличный хмааларский ковер стекавшей на пол дождевой водой, мужчина сделал пару шагов в комнату и громогласно возвестил:

— Позвольте отрекомендоваться: шевалье Антуан де Рано, коронный лейтенант Алого Люзецийского Его Величества драгунского полка! — он браво щелкнул ботфортами и дерзко взглянул на прекрасную женщину в зеленом платье, сидевшую над книгой у небольшого письменного стола, инкрустированного слоновой костью.

Последовала минута немой тишины, прерываемой периодически скулежем дворецкого, не смевшего осадить смутьяна, вооруженного окровавленной саблей и двумя издававшими запах пороха, недавно использованными, пистоллями. Аделаида молча дочитывала страницу из «Чародейской Трансформации» барона Эдуарда де Тиссолме. Грациозным движением руки, белизне которой могла бы позавидовать слоновая кость стола, взяла закладку из серебра с пером василиска, положила ее в книгу, после чего зловеще резко захлопнула том и медленно, с достоинством повернув голову к незваному гостю, поправив округлые очки для чтения, она поинтересовалась, изогнув тонкую изящную бровь:

— Что это болтается у вас на поясе, шевалье?

— Это?! — радостно возопил драгун. — Это мой вам подарок, — он отцепил от пояса свой трофей, приблизился к креслу магессы и, встав на одно колено, выложил на шерсть ковра чешуйчатую голову. Существо с оскаленной в предсмертной агонии пастью все еще сочилось густой черной кровью из обрубка шипастой шеи, — голова чащобного змея, убитого мною не более получаса назад, в честной схватке в лесу неподалеку отсюда.

— И чем я обязана проявлению столь зловонного внимания? — холодно, но с какой-то особенной смешинкой в голосе поинтересовалась де Тиш.

— Мадмуазель де Тиш, — помпезно начал лейтенант, — сей акт героизма, посвященный вашей несравненной особе, был мною предпринят исключительно ради

демонстрации всей серьезности моих намерений! Увидев вас на балу у маркиза на прошлой неделе, я, признаться, был поражен вашей красотой и обаянием! Столь поражен, что даже не сразу нашел силы в себе потревожить вас! И после длительных раздумий я решил доказать свои чувства делами, а не словами! — он пнул голову лесного хищного ящера мыском ботинка чуть ближе к магессе.

— Что ж, месье де Рано, вы звучите весьма искренне, — задумчиво произнесла Аделаида, — я тоже предпочитаю дела словам, — и добавила, голосом полным лукавства, дарующим надежду. — Не желаете ли вина, отдохнуть, обсушиться, все же свершенный подвиг требует достойной награды...

Аделаида де Тиш была придворной магессой и аристократкой, с детства она не знала нужды, но лишений претерпела немало. Тяжелую стезю магического ученичества для нее избрали родители, и это был последний раз, когда кто-то что-то решал за Адель. Годы постижения магического искусства в Юзаце, где располагались лучшие учебные заведения такого рода в Шваркарасе, запомнились магессе как самые тяжелые и в то же время самые волнительные в жизни. Первая плотская связь в тринадцать, первая клиническая смерть в шесть. Обучение магии не было легким делом. Постоянная борьба за постижение искусства давалась дорогой ценой, маги быстро выросли. Раньше простых смертных учились терпеть боль и лишения и раньше прочих находили способы справляться с бедами. Стресс и постоянное напряжение требовали разрядки, так юные маги очень рано оказывались в объятьях друг друга. Так они узнавали жизнь — магическая среда, и так полная интриг и взаимных противоречий в школах и университетах для молодых дарований, отягощалась постоянным бурлением чувств. Страстные романы, любовные приключения, предательства молодой крови, разбитые сердца и первые романтические потери, все это довелось в полной мере изведать в школе и Аделаиде. Ее предавали, она предавала, изменяла, меняла друзей жизни как перчатки, теряла возлюбленных, не сумевших справиться с тяготами учебы, участвовала в подковерной борьбе, накал которой мог дать фору королевскому двору. И потому Адель довольно быстро устала от подобной жизни. От природы сильная, закаленная годами ученичества, отмеченная влиянием стабильной и размеренной энергии Земли, Адель сама избрала путь придворной магессы Кампанского маркиза, дабы дать себе отдых и уединение, в которых нуждалась. Она ненавидела фальшь и ложь, такие люди как де Мелонье казались ей прожженными негодьями, без души, а потому без чувств. Она вообще была весьма требовательна к людям, ведь в шваркарасских аристократах не было прямоты, простоты и простодушия, которых с некоторых пор искала в людях мадмуазель де Тиш.

Возможно, именно потому прямой как штык, резкий как сабельный удар, честный как лобовая атака Антуан де Рано так приглянулся зеленовласой затворнице. К тому же, лишенная в глуши прежнего кипения страстей, она ощущала, что еще несколько месяцев — и придется сдать осаде де Мелонье, ибо спать с кем попало гордячка де Тиш не собиралась, а тело требовало своего. Драгун пришелся ко двору.

Гостеприимство хозяйки он смог почувствовать той же ночью, когда обласканные заботой прислуги спутники Антуана спали вповалку в трапезной зале, посреди десятков выпитых бутылок. А он, задумчивый, сидел у окна гостевой комнаты, наблюдая пасмурное черное небо.

Она вошла тихо, без скрипа половиц и скрежета дверей, облаченная в тяжелый халат цвета молодой листвы. Драгун отвернулся от окна, на его лице появилась улыбка, как ему казалось обворожительная, на самом деле ужасно глупая.

Волосы ночной гостьи в неровном свете уличных факелов и хмурых лун отливали темным малахитом, контрастируя с молочной белизной кожи, особенно на груди, где халат был случайно распахнут.

— Уберите эту улыбку с лица, мой милый друг, — голосом хриплым и насмешливым произнесла хозяйка дома, грациозно ступая по пушистому ковру обнаженными ступнями идеальной формы. — Хотя, впрочем, оставьте, она подходит вашему образу.

Антуан порывисто встал, уронив пистолет, который чистил. Медленно качая бедрами, будто удав, гипнотизирующий добычу, магесса продолжала приближаться, глаза ее горели зеленым фосфором, а на чувственных губах играла зовущая, чуть издевательская улыбка вроде: «Что же ты не убегаешь?» Аристократичные тонкие пальцы развязали широкую ленту ремня, халат, обволакивающий обнаженное тело, освобожденный, начал падать.

С каждым шагом он открывал все больше зрелого совершенства хозяйки. Вот ткань соскользнула с плеч, открыв округлую белизну и нежный изгиб ключиц, устремился ниже, раскрывая грациозные руки, пышную грудь с напряженными явно не от холода, крупными, темными сосками. Еще ниже, открыв живот, манящий для поцелуя контрастом округлостей и впадин, тонкую талию, переходящую в крутой изгиб бедер. Сокрытое ночной тенью лоно, совершенные, созданные для любви ноги, резко очерченные икры, будто выточенные для богини умелым скульптором ступни...

Халат оказался на полу, секунду, не больше, магесса позволила полюбоваться своим великолепием вблизи, затем сделала еще шаг и властным жестом воздела руку, в пальцах мелькнул небольшой абрикос, который она держала, через плод из руки Адель ударил в драгуна луч зеленой энергии. Гости чаровницы окутали мягкие, но прочные лианы.

— Попался, — шепнула она с упоительным вожделением в голосе, — теперь ты мой.

Она страстно поцеловала свою жертву, накрыв его тонкие приоткрытые губы своими, полными и чувственными. Поцелуй длился долго, но недостаточно долго, чтобы его не захотелось продолжить. Прикусив напоследок губу пленника, де Тиш отстранилась, с затаенной страстной радостью рассматривая жертву.

— Ну уж нет, сударыня, — рывкнул, почти прорычал, коронный лейтенант, — драгуна сетями не удержишь.

Он напрягся всем телом, послышался влажный треск, лианы лопнули, исходя растительным соком, в воздухе разлился аромат афродизиака, хитрая магичка все рассчитала правильно. Она притворно отстранилась, в ужасе закрывая лицо руками, но разгоряченный кавалерист уже рванулся к ней.

Антуан схватил свою «тюремщицу» сильными руками и бросил на кровать. С шумом упали штаны и перевязь. Своим могучим телом лейтенант накрыл раскинувшуюся на мягкой перине магессу.

Левой рукой он схватил ее руки, воздевая их над головой Адель, правой же накрыл грудь охотницы, ставшей дичью. Ощущая лишь ее трепет и шум крови, отнюдь не в собственной голове, лейтенант, ставший хозяином положения, резко вошел в красавицу, бывшую под его мускулистым телом. Резкий вскрик и напряженная истома ночной гостьи подсказали де Рано, что он на пути к победе.

Быстрыми толчками лейтенант продолжил утверждать свое превосходство, лаская грудь своей любовницы и удерживая руки, но Аделаида де Тиш не думала сдаваться. Она напряглась, томно выгнулась и обхватила соперника по любовной игре ногами, задвигалась в такт, заставляя ускорить и так уже бешеный темп. Потом она приподнялась и впиалась

губами в губы Антуана, пуская в ход гибкий, страстный, проворный как у гюрзы язычок. Драгун ослабил хватку и магесса, воспользовавшись секундной слабостью, обвила любовника руками, ее ногти, невероятно крепкие и острые, легко разорвали рубашку лейтенанта и впились в плоть, оставляя на мускулистой спине блестящие кровавым антрацитом дорожки.

Де Рано взревел раненным тигром и ускорил штурм, все глубже с каждым толчком проникая в «тайное святилище» магессы. Очень скоро протяжный стон и капля крови из прокушенной губы возвестили о первом успехе драгунского лейтенанта, но бой был далек от завершения. На мгновение по напряженному телу де Тиш прошли зеленые сполохи, затем адепт мистического искусства перешла в контрнаступление.

Наутро слуги шептались о шуме и сполохах магического огня из гостевой спальни на протяжении всей ночи — не менее шести часов. А днем садовник и конюх вынесли из апартаментов гостевую кровать, превращенную в тряпки и обломки.

С тех пор Антуан де Рано стал желанным гостем в Башне, а ещё начал иногда сопровождать Аделаиду де Тиш на разнообразные официальные мероприятия, неизменно сочетая дерзость и галантность, которые очень быстро заставили холодный, вечно покровительственно-оценивающий взор оливковых глаз мадмуазель де Тиш теплеть при взгляде на бравого драгунского офицера. Алана де Мелонье это злило...

Сестра поэта

Холодный фиратонакрещ, а в саду маркиза де Шаронье цветут тропические цветы, надежно укрытые от непогоды магическими куполами. Меж фигурно стриженных кустов важно прохаживаются пестрые павлины, с вершин стройных кипарисов разноголосо щебечут птицы, привезенные с далекого Экваториального архипелага.

По аллее из темного камня неспешно идут двое — высокий статный мужчина в драгунской форме, подчеркивающей атлетическую фигуру, и изящная юная девица с распущенными черными волосами, грациозно придерживающая пышное платье с открытыми плечами, дабы не попадать дорогими кружевами в осенние лужи.

— Вы правы, Антуан, все это довольно печально, — щебечет юный голосок, — мы часто не замечаем страданья ближнего, впрочем, у бедняков есть Бог-Пастырь, а нам благоволит Властитель, и это лишь одно из многих разделяющих нас отличий...

— По-моему, моя прекрасная Лили, вы забываете, что и Пастырь, и Властитель есть божественные ипостаси Единого, и именно то, что он Единый, роднит нас больше, чем разделяет, к тому же, неужели вас не раздражает хотя бы запах повешенных? Ведь они же усеяли все дороги... — отвечает ей голос хриплый и мужественный.

— Ах, я так редко выезжаю в эту пору из владений маркиза, к тому же еще реже в сторону земель графини, ведь главные дела происходили там... И, уж если говорить о Едином, это ведь была не карательная операция феодала, а божий промысел...

— Весьма кровавый, — жестко очерченные губы изогнулись в легкой ухмылке. Антуан все еще не мог составить мнения — считать ли дела сестры Жанетты более жестокими, чем полезными, или наоборот, но ему доставляло удовольствие подтрунивать над нежной де Мелонье.

— Не нам судить о делах всевышнего, на то есть священники, к тому же, как мне известно, сестра Жанетта и вообще Орден Охотниц редко делают различия между аристократами и простолюдем, что весьма печально, — юный голосок задрожал от неявного страха. — По мне, пусть уж вешает и пытается плебеев, а я буду исправно жертвовать

на церковь, — норманит Бенедикт был не единственным из священников, кто вызывал трепет молодой аристократки.

— Но ведь кровь у всех одинаковая, неужели страх перед карающей десницей Храма затмевает в вас милосердие?

— Хватит! — ножка в бархатной туфле топнула по темно-серому камню, вызвав брызги дождевой воды, розовые от холода губки сердито скривились. — Хватит этих мрачных и опасных разговоров! Лучше давайте целоваться, видите, мы как раз возле статуэтки Альгрии Беспечной, в Эллумисе это богиня, покровительствующая любви. Эти языческие культы столь забавны.

— К тому же, после Консилиума в Пригородах, абсолютно безопасны для обсуждения...

— Опять вы...

Он прижал ее к груди и страстно поцеловал, запустив пальцы левой руки в густую черную шевелюру, правой же придерживая за тонкую талию в корсете.

Столь приятным образом сблизиться Антуану де Рано и Лили Бартолле де Мелонье позволил случай, причем случай печальный, но, с другой стороны, романтический. Буквально через пару дней после достославной охоты на лесное чудовище, отворившее для драгуна стальные ворота сердца Аделаиды де Тиш, он сопровождал магессу в усадьбу маркиза. У де Шаронье опять случилось обострение подагры, которые, как ни странно, обостряли так же его страсть к внутренним делам своих владений, а значит, без мага вдвойне не обойтись. И поскольку новую страсть драгуна завлек в тенета рутины провинциальной жизни импозантный старик, коронному лейтенанту пришлось искать иных развлечений на время, пока Аделаида заседала с маркизом и его пожилыми советниками.

Одним прекрасным, впрочем, дождливым и темным, вечером де Рано прогуливался в садах маркиза, где и услышал женский визг, сопенье и треск разрываемой ткани, что недвусмысленно говорило об опасности, которая совсем близко, буквально за несколькими тропинками от пути драгуна, угрожала прекрасной, а он в этом не сомневался, даме.

Каково же было его удивление, когда он узрел в черте охраняемых садов маркиза де Шаронье четверых грязных разбойников, двое из которых, уже почти скинув штаны, срывали с невинной сестры Алана де Мелонье платье, разбрасывая в стороны шелк и бархат вкупе с деревянными ребрами каркаса.

Никакому быдлу не сравниться в схватке, к тому же в схватке неожиданной для них, когда вся сила из рук ушла в срамные уды, с настоящим аристократом. У четверых оборванцев не было ни шанса, двоих драгун прикончил, выпалив из пистолей с двух рук одновременно, благо мишени не особо подвижные были ввиду того, что на даму навалились. Оставшихся двоих он иссек своим кавалерийским длинным и тяжелым палахом в кровавые лоскуты, совершенно не заметив сопротивления со стороны ржавого фальшиона и дубины в оковке.

Забрызганная кровью девица, как это ни странно, не потеряла сознания и не впала в истерику, похоже, даже случившаяся опасность и счастливое избавление распалили ее, вызвав к жизни страсть и порочность, присущие большинству шваркарасских аристократов. И очень скоро, почти сразу после того, как донесший ее домой драгун переступил порог комнаты Лили в усадьбе маркиза, эти горячие эмоции выплеснулись на лейтенанта в буйстве плотской любви.

Страсть Бартоллы стала для де Рано испытанием не меньшим, чем когтистая похоть де Тиш. Малышка Лили недостаток опыта искупала энтузиазмом.

Девушка прижала своего спасителя к двери, едва он успел ее захлопнуть, нежные, мягкие губы ткнулись в его щетинистый подбородок, нашли его рот. Очень быстро осторожные, несмелые прикосновения сменились страстью настоящего шваркарасского поцелуя, когда язык Бартоллы столкнулся с языком Антуана и повел с ним свою собственную змеиную игру скольжения и сплетенья.

Ее руки тем временем неумело срывали покровы мундира, путаясь в серебряных пуговицах военного облачения. Де Рано не остался в долгу, его страстные пальцы легко нарушили секретность девичьего корсета, в полминуты освободив юные прелести Лили от плена ткани и крючков.

Она порывисто сорвала с него кюлоты, где было много меньше сложностей, и благодарно поглядывая наверх, припала губами к его естественному оружию, начав с энтузиазмом причмокивать, невпопад используя язык как в поцелуе.

Антуан меж тем подумал, что у де Тиш поцелуи такого рода получаются много лучше, не желая портить недавние приятные впечатления от губ магессы, драгун рывком поднял девицу наверх, заставив ее соприкоснуться с ним совершенно другими губами.

Начав неистовую скачку еще на весу, они нетвердыми от движений аристократки, чьи ноги были сплетены на его спине, шагами Антуана переместились на большую, отнюдь не девичью, круглую кровать Бартоллы.

Тут девица, еще даже не успевшая смыть кровь неудавшихся насильников, показала, сколь действительно велика... и глубока ее благодарность. Прическа девушки брызнула заколками и жемчугами, освобождая обсидиановую ярость настоящей красоты ее волос. Руки нашли соски разоблаченного де Рано, сомкнувшись на них, а тело задвигалось в сумасшедшем ритме.

Лили Бартолла скакала на лейтенанте, а он, сумев сохранить к своему стыду немало рассудка, сравнивал девушку со своей недавней любовницей. Она была моложе, ее тело было не столь совершенным, острые ключицы, скачущая в быстром темпе некрупная грудь (в корсете казалась больше), плоский животик, осиная талия, узкие, сильные бедра. Но, несомненно, молодая, не столь оформленная красота девушки была очень и очень привлекательной. Мужчины все одинаковы, желание переспать с Бартоллой, хоть он и хотел сначала себя сдерживать, было сродни желанию сорвать первый цветок, появившийся из-под снега весной.

И лейтенант отдался этой страсти, порочной и неодолимой. А пока девушка неистово скакала на нем, а его руки ласкали нежную плоть ее груди, он заметил основное отличие Лили и Адель. В глазах магессы он видел огонь страсти, насмешку, интерес и похоть. В глазах сестры де Мелонье тускло мерцало безумие, безумие плотской любви вместе с безумием продолжающейся жизни. Но это безумие гнезилось не в страхе недавно пережитого, похоже, оно всегда было в Бартолле. Как ни странно, это привлекало лейтенанта больше всего. В ее глазах он видел другие, зеленые и с вертикальным, кошачьим зрачком.

Впрочем, чувства юницы герой-спаситель принял за благодарность, не больше, и с тех пор, продолжая общаться с Бартоллой, он вел себя несколько отстраненно и сухо. Подружески спокойно, тем самым распаляя страсть девушки, усиленную заодно и ядовитой ревностью к персоне Аделаиды де Тиш, к которой драгун демонстрировал много больше теплых чувств... Так что при каждой случайной оказии, в том числе нередко в присутствии брата, например, на званых вечерах и прочих публичных мероприятиях, девица де Мелонье

старалась перетягивать внимание бравого лейтенанта на себя. И это тоже очень злило ее брата.

Я вас завлечь желаю в пляску бранной стали...

...блеск клинка, выставленного на прямой руке вперед, левая за спиной, высокая стойка, прямая спина, шаг легкий, порхающий, рассчитанный до мелочей — это Дирк де Кабестэ. В коричневом жилете, белой рубашке, узких кюлотах, шелковых чулках и легких ботинках с декоративными пряжками. Мастер классической шваркарасской шпажной дуэльной школы.

Низкая стойка, широко расставленные ноги, левая наотмашь, для баланса, правая с клинком отведена чуть назад и вверх, чтобы рубить с оттягом, мощно и надежно, поза почти полуприседа, шаг пружинящий, стремительный, готовый перейти в прыжок. Это Антуан де Рано. В алой, распахнутой на груди, рубахе, открывающей пластины могущих мышц груди и рельефный живот, на ногах ситцевые свободные штаны и скрипящие ботфорты. Кавалерист, не дуэлянт, но опытный головорез.

Но это всего лишь тренировка, развлечение мужчин, привычных к подвигам и славе, имитация смертельной битвы...

Ноги скользят по широким плитам внутреннего двора замка графини, противники свежи и поединок течет быстро, сверкают клинки, со звоном и стуком сталкиваются затупленное оружие, вылетают из-под подошв бриллиантики мелких капель из неглубоких луж, за металлом следуют полосы серебристого морозящего дождя. Скользко, опасно, но тем выше риск, а значит, выше чувство реальности происходящей мистификации.

За пятнадцать минут боя Антуан пропустил шесть ударов и нанес десять. Последняя атака на подготовку, состоявшая из финта и укола в нижний сектор, позволила драгуну столь эффектно задеть противника в бедро, что бедный Дирк, не удержав равновесия, свалился в лужу, отбив зад о камни двора.

— Ах, чертовы драгуны, мало техники, много силы, bravo, Антуан, пожалуй, мне нужна пауза, — усмехнувшись, шевалье принял протянутую руку лейтенанта и легко поднялся. Фехтовать с де Рано было настоящим удовольствием, техника драгуна была хороша, пожалуй, даже слишком, но лейтенант по-дружески порой пропускал удары, не давая товарищу терять лицо. Это было приятно и полезно — фехтовать с противником сильным и вежливым.

От двери, ведущей во внутренние помещения, раздались короткие, намеренно театральные хлопки, усиленные звуком соприкосновения ткани белых перчаток рук, которыми они производились. По небольшой лестнице серого камня спускался Алан де Мелонье, облаченный в белое, эффектно выделяющийся среди окружающей серости. Он аплодировал победителю тренировочной схватки, намеренно фальшиво, аккуратно, медленно ступая по камням лестницы белыми туфлями с пряжками, украшенными топазами, и произнес, почти издевательски:

— Bravo, месье де Рано, впечатляющая демонстрация техники знаменитой шваркарасской кавалерии, минимум изящества, максимум эффективности. Вы так лупили бедного де Кабестэ, что я боялся, как бы он не остался калекой с переломами после этой тренировки, — сегодня у де Мелонье было особенно плохое настроение, помимо прочих неприятностей его прошлой ночью не пустила в свои покои графиня. Этот лейтенант вызывал в последнее время в обычно спокойном и сдержанном поэте почти неконтролируемую ярость.

— Весьма наглое заявление от поэта, — драгун принял полотенце от собакоголовой служанки, — к тому же предоставляющего на дуэлях сражаться за себя другим, — кивнул он в сторону брата Бенедикта, появившегося на обзорной галерее замка, выходящей на внутренний двор. — Вы говорите, как истинный мэтр, месье де Мелонье, однако есть ли в этих словах нечто большее, например, опыт?

— Желаете проверить? — уста поэта скривились в улыбке, источающей яд, он резко сбросил белый плащ с родовым гербом, который подхватил один из слуг, оставшись в одежде, вполне подходящей для поединка — жилете со стоячим воротником, шелковой рубашке, кюлотах, чулках и вполне пригодных для боя туфлях на твердой подошве.

— Хотите меня удивить? — де Рано широко улыбнулся.

— Только если вы не устали, — ученый также улыбался, весьма зловеще, вызываяще. — Не хотелось бы потом выслушивать обвинения в нечистоплотности, — Алан был уверен — если он не сумеет сегодня проучить надменного столичного франта, это испортит ему настроение на неделю, более того, еще лишит вдохновения, а не писать стихи де Мелонье не мог.

— Устал, за четверть часа?! — драгун расхохотался. — Эй, кто-нибудь, дайте месье де Мелонье снаряж.

— Истинный эффект производит только тренировка, максимально приближенная к реальности, — поэт брезгливо осмотрел поданный ему слугой затупленный тренировочный палаш. — Как насчет боя, действительно разогревающего кровь? — он свистнул, и из-под навеса выскочил один из его доверенных слуг, больше похожий на наемника, с двумя боевыми тяжелыми шпагами в руках. Поэт собирался преподать военному действительно очень болезненный, надолго запоминающийся урок. Или даже больше.

— Извольте, — лейтенант глубоко поклонился, — главное, не пораньтесь, надеюсь, вы знаете, за какой конец держать эту штуку.

Он принял от слуги шпагу и пару раз взмахнул ею, проверяя баланс.

Надменный тон, насмешки, пренебрежение — де Мелонье привык философии относиться к таким вещам, обычно было достаточно попросить Бенедикта, и проблема решалась. Поэт был незлобив, но горд. Однако, в этот раз насмешки именно этого человека вызывали в поэте жажду убийства или хотя бы желание преподать урок вреда заносчивости.

Без лишних слов Алан, проигнорировав шпильку, вышел на дистанцию напротив оппонента и, встав в исходную, отсалютовал драгуну клинком.

Последовавшая схватка показала, что поэт не был простым хвастуном, он видел схватку де Рано и Дирком де Кабестэ и быстро приновился к тактике противника. Избрав быстрый темп, де Мелонье изматывал противника маневренным боем, финтами и переводами, не позволяя противнику проводить батманы и не давая сильному драгуну ослабить себя изматывающей борьбой в захватах клинков. Легкий и быстрый Алан не видел трудности использовать выпады и флешы с последующими уклонениями, что также выбивало из колеи привыкшего рубить, а не колоть, драгуна.

Бой закончился через десять минут, притом неожиданно — запутанный хитрой тактикой поэта, де Рано принял финт за удар и, попытавшись провести батман, позволил противнику сделать перевод острия шпаги, блеснувшей на солнце, ненадолго выступившем среди туч, завершившийся серьезным уколом во внутренний нижний сектор.

Проще говоря, в бок бедного коронного лейтенанта на ладонь вошел клинок поэта. Алая рубаха скрыла капли крови, но урон был очевиден, к тому же де Мелонье поступил

неблаговидно — он, выгнув кисть, развернул клинок в ране и вырвал, будто это была дуэль, а не тренировочный поединок.

— Я посрамлен, — скривившись от боли, де Рано перехватил свою шпагу за острие, демонстрируя свое поражение, — признаю ваше превосходство, мэтр де Мелонье.

Внутренне он был доволен, платный любовник явно захватил наживку.

— Это было несложно, — холодно ответил ученый, бросил оружие слуге и быстро пошагал обратно внутрь замка графини де Никкори-Сато, на ходу застегивая плащ, фактически вырванный из рук прислуги. Алан был удовлетворен, пока. Его навыки, ежедневно оттачиваемые при помощи норманита, внушали надежду. Надежду на уверенную победу. Если только поэт соберется вызвать на дуэль увальня-драгуна, он, несомненно, сможет поступить с противником, как пожелает. Он пока не решил, как именно — случайно кастрировать, изуродовать боевую руку, чтоб он не смог держать ничего тяжелее ложки, отрезать ему нос, повыбивать зубы или свалить гада на землю и поразить в самый анус. В одном поэт был уверен — дуэль будет, будет наверняка и с предрешенным исходом. Но пока он желал еще немного понаблюдать за противником, ожидая смертельной ошибки, чтобы де Мелонье мог предстать в самом выгодном свете при победе. Мысли о скорой, но неминуемой расправе грели душу ученого в этот дождливый день.

Поднявшись на галерею, он поравнялся с норманитом, ожидавшим Алана, поэт заговорил, и в голосе его читалось как раздражение, так и самодовольство:

— Буффон, правда, пару раз он чуть было не загнал меня, — за спиной у аристократа Антуан де Рано при помощи друзей — Дирка де Кабестэ и Торна де Шальгари, зажимая рану руками, проследовал в замок, призывая непечатными словами врача.

— Есть в нем что-то подозрительное. Он сражался в полную силу, — норманит был задумчив, а голос холоден и вкрадчив, — но создалось впечатление, что такой стиль ему совершенно непривычен, и я говорю не о перемене палаша на шпагу.

— Привычен или нет, теперь я уверен, что при необходимости легко его одолею! — бравада хлестала у де Мелонье из ушей.

— Ты удовлетворен? — священник был сдержан. Он не разделял энтузиазма подопечного, частично от того, что подозревал в чем-то де Рано, частично от того, что не слишком плохо относился к драгуну.

— Вполне!

— Тогда идем ужинать.

Часть 2. Глава 7. Накал нешуточных страстей

Любое противостояние имеет свое разрешение. Когда конфликт имеет больше двух сторон, финал может иметь самое драматическое воплощение. Великой битвы, если это война, или же скандала, если речь идет о двух весьма чувственных дамах, имеющих виды на одну особь мужского пола. В данном случае финал наступил в конце фиратонакреша, когда за окнами лил ледяной дождь, а черные тучи закрыли небо сплошной зловещей пеленой, освещаемые лишь сполохами слепящих молний.

В замке графини де Никкори-Сато, впрочем, было тепло и сухо. В четырех каминах большой приемной залы жарко горел огонь. А в центре был установлен подиум, оттуда благородные гости графини сегодня делились с блистающей публикой сокровенным таинством, рожденным в их душах и сердцах. Проще говоря, графиня устроила поэтический вечер.

Сама хозяйка сидела в глубоком кресле на возвышении, а рядом в таком же, с резьбой, демонстрирующей батальные сцены, находился маркиз де Шаронье, покинутый любовницей и проявляющий с некоторых пор много внимания своей любезной соседке.

Ближе к подиуму расположились столики, облюбованные в основном молодежью, а также теми из немногочисленных стариков и людей среднего возраста с территорий графства и маркизата, кто был не чужд высокого искусства поэзии. Меж столиков сновали слуги с напитками и закусками для цвета провинциальной аристократии, а в нишах под стенами по периметру зала играли музыканты. Пока не выходил очередной благородный поэт, они играли довольно громко — чтобы заглушать казусы благородного собрания типа громких разговоров о политике, чавканья, рыганья и производства ветров.

Первым выступал Дирк де Кабестэ, зачитывая поэму о подвигах и ратной славе, на удивление нудную и невыразительную для столь благодатной тематики.

Во время выступления шевалье-дуэлянта Аделаида де Тиш развлекала своего кавалера Антуана де Рано пляской на столике небольших человекообразных фигурок, собравшихся из драгоценных камней метрессы, управляемых силой магии, в виде зеленого луча, исходящего на них через крупный бриллиант на указательном пальце. Драгун источал восторги и комплименты. За этой сценой, комкая салфетку, наблюдала Лили Бартолла де Мелонье, сопровождаемая братом, отдыхающим от амурных походов.

Следующим выступал, заикаясь и бледнея, книгочей Алекс де Гизари, демонстрируя оду, прославляющую естественные науки, весьма искусную с точки зрения техники исполнения, но, к сожалению, полностью лишенную души и вдохновения.

Совершенно не увлеченная происходящим на подиуме, облаченная в кожу, бархат и шелка Жанетта де Пуатье, прихрамывая, подошла к стоявшему в тени у стены Бенедикту, так же скучавшему:

— Брат мой, приветствую тебя. Прости что беспокою, однако собрание сие не радует душу мою. Тоскою вирши душ благородных, но бездуховных, в сердце отдаются, и вижу я на челе твоём такую же печаль о развлечениях мирских, — окликнула она голосом кротким, но твердым, полным ненадуманых эмоций норманита.

— Истинно, сестра моя, — в голосе Бенедикта в кои-то веки проскользнул интерес. Поэты и мрачный де Мелонье надоели ему до чертиков.

— Прощу, составь мне компанию этим вечером месяца нечистого, сопроводи прочь из

залы сей, я же взамен поведаю тебе о том, как ведьму зловредную в сих местах изловила, — о норманите напомнил Жанетте некоторое время назад де Рано. С тех пор охотница на ведьм, не лишенная стремления к простому женскому счастью, к тому же считающая, что заслуживает награды за свершенный подвиг, присматривалась к боевому монаху. А прошлым вечером, опять же из беседы с Антуаном, узнала, что поступит к взаимной пользе, если займет норманита разговором этим вечером и возможно ночью. Де Рано также сообщил, что знаком с Вульфштайном, и тот готов забыть о долге жизни за небольшую эту услугу. Жанетту не волновал долг жизни, но волновал Бенедикт. А с лейтенантом о его темных знакомствах она собиралась подробно побеседовать уже на следующее утро. Вульфштайн, хоть и спас ей жизнь, но был все же очень уж загадочен для человека без грехов.

— Пожалуй, сегодня все тихо, — норманит мельком осмотрел зал, не нашел никакой опасности, убедился, что де Мелонье не рыщет взглядом по залу в поисках приключений, и ответил умиротворенно. — Истинно, сестра, сам Единый послал мне тебя в этот мрачный вечер месяца поминовения мертвых кораблей, рад буду развеять тоску твою сей день!

Бенедикт по долгу службы и в силу характера хорошо умел скрывать свои чувства, но Жанетта была ему интересна. Он считал, что охотница совершает важные и нужные дела, уничтожая скверну, в то время как он, норманит, пасет поэта. Несмотря на свое доброе отношение к подопечному, Бенедикт всегда испытывал неприязнь к своему нынешнему заданию. А беседа с охотницей, как он считал, могла бы позволить на время прикоснуться к истинной святости, к настоящим делам церкви. К тому же норманит, отягощенный целибатов, подозревал, что Жанетта, отягощенная обетом безбрачия, возможно, захочет не только побеседовать. Он даже в мыслях допускал, что готов совершить малый грех ради такой колоритной персоны.

И вместе они покинули зал, держась на расстоянии в три шага, предписанном уставами их орденов, необходимое при общении между представителями ордена убийц и ордена палачей в женском облике.

Меж тем с подиума разносились славословия в пользу молодого короля, производимые подобострастно, напыщенно и совершенно бездарно одним из вельмож двора маркиза, разряженным как попугай, брыльями же напоминающим бульдога или собакоголового из слуг графини.

За одним из дальних столов, задумчиво поглядывая то на подиум, то на столик, где развлекали друг друга игрою ног под скатертью драгун и магесса, сидел человек в темном сюртуке, по случаю мрачной погоды и темени на сердце он нервно барабанил пальцами левой руки по рукояти пехотного палаша в лакированных ножнах и чего-то напряженно ждал...

Наконец на сцену вышел Алан де Мелонье. Он был разряжен в пух и прах, сверкая орденами и наградами различных герцогств и научных учреждений, среди которых особо выделялся крупный рубин в дорогой оправе — дар за стихи от короля. Воодушевившемуся залу он объявил, что сегодня он стихи читать не будет, уступая дорогу юности и красоте, как плотской, так и духовной. Он пригласил на подиум, блистающую платьем с эффектным вырезом и бриллиантами в копне ослепительно черных волос, свою юную особенно обворожительную после купленного по случаю у колдуна графини декокта, сестру. И бесподобная Лили осветила зал прекрасными, написанными самим Аланом стихами о любви и невнимании, об истинных и ложных чувствах, о змеях в людском облике и кротости юности, не имеющей сил бороться с хищным противником. Под конец она

нескромно объявила замороженному залу, что стихи эти она посвятила коронному лейтенанту Антуану де Рано. Распознав подтекст стиха, весь зал устремил взгляды на драгуна и его спутницу, чуть побледневшую, но весьма стойко сдерживающую ярость.

После столь экспрессивного выступления юной бунтарки графиня хлопнула в ладоши и объявила перерыв, в ходе которого гости могли прогуляться, побеседовать, собраться у карточных столов или отогреть у каминов озябшие руки.

Шелест затянутого по самое «не могу» платья, подчеркивающего небольшую грудь и тонкость талии, уверенные шаги, быстрые взмахи веера, чтобы отогнать жар, внезапно бросившийся в лицо:

— Антуан, — звонкий голос застал драгуна беседующим со своей спутницей и еще несколькими, быстро, впрочем, ретировавшимися, только для того, чтобы влиться в толпу зевак, гостями, — вам понравились мои стихи?

— О. Лили, — лейтенант замешкался с ответом.

— Прекрасные стихи, дорогая, просто прекрасные, — вмешался в разговор властный голос магессы, вертевшей в руке апельсин, — очень талантливые, но очень по стилю, форме и размеру напоминающие вашего брата. Местами, к сожалению, слишком напоминающие. Вплоть до плагиата, — жестко закончила де Тиш.

— Аделаида! — все еще в замешательстве промолвил Антуан.

— То есть, вы хотите сказать, что не я писала эти стихи? — звонкий голос дрожит от злости.

— А вы не хотите ли сказать, миласечка, — звучит как плевок, — что ни на что не намекали сим виршем, вкупе с оскорбительным посвящением оного?

— Виршем?!

— Не более, — голос магессы спокоен и торжествующ.

— Может, я и украла стихи! И дописала их!

— Весьма, кстати, бездарно...

— Но я, по крайней мере, не ворую чужую любовь!

— О, как помпезно звучит, но совершенно невыразительно...

— Ах! — голос юной красотки дрожал и срывался, — ах, Антуан, — обратилась она к драгуну, беспомощно взиравшему до этого на ссору, вспыхнувшую из ничего. — Что вы нашли в этой, этой... Профурсетке!

— Довольно.

Из руки магессы, пройдя через в момент скукожившийся апельсин, изошел луч зеленой энергии, наполнившей зал запахом земли и цветов. Луч ударил в незадачливую поэтессу, попытавшуюся отшатнуться, и она начала мгновенно покрываться вяжущей каменной коростой. Всего за несколько секунд короста под силой луча дошла до головы девицы и там застыла, не затронув лица.

— А теперь послушай меня, ты, расфуфыренная кукла, хлопающее ресницами ничтожество. За твои слова я могла бы стереть тебя в порошок, но из уважения к этому дому и к моему работодателю, твоему, кстати, патрону, находящемуся в этом зале, я оставлю тебя целой и невредимой, — голос был суров, жесток, ядовит и наполнен хорошо отмерянной яростью.

Сказав так де Тиш, обернулась к своему спутнику:

— Антуан, — сказала она с притворной нежностью, — разберитесь со своими бабами!

Развернувшись на длинных шпильках, Аделаида де Тиш направилась прочь из зала. На

пороге она щелкнула пальцами, и с Лили осыпалась каменная короста, магесса повернулась и вновь обратилась к драгуну:

— И не забудьте догнать меня, — сказав так, она покинула зал.

Освобожденная от оков камня Бартолла попыталась, сдерживая рыдания, обнять лейтенанта. Однако де Рано сурово и твердо отстранился от поклонницы.

— Сударыня, боюсь, вы спутали чувства, — говорил он громко, не сдерживая голос, на весь притихший зал. — Вы мне были глубоко приятны, и я, возможно, делил с вами радости праздных утех, но исключительно принимая вашу благодарность и наслаждаясь вашим дружеским обществом, не более.

Голос его обрел силу и стальную жесткость.

— Я не испытываю к вам любви и каких-либо иных сильных чувств, кроме приязни, и мне жаль, что вы так обманулись, и еще более жаль, что устроили эту безобразную сцену... — сказав так, где-то в глубине себя Антуан понял, что полил себя дерьмом, понял, что никогда себе не простит произошедшего. А также с неприязнью осознал, что легко может довести концерт до конца. Дело. Оно, как всегда, выше прочего.

— Но, Антуан! — недоверчиво улыбнулась сквозь слезы Лили. — Как же так?

— Простите, сударыня, я должен догнать свою истинную любовь, — драгун развернулся и двинулся по следам магессы, походя вырвав свой рукав из рук девицы, инстинктивно схватившей его. Шаги грохотали по камням, далеко разносясь в молчащем зале. На ходу он закусил губу и сжал кулаки. Он знал, что может пообещать себе больше так не делать, и знал, что при необходимости обещание нарушит. Он проклинал своих учителей и собственную омерзительную изобретательность, на ходу прокручивая в голове сотню других надежных способов добраться до де Мелонье. Он был противен себе. Но все это происходило глубоко внутри, за пределами жестко заведенного механизма достижения цели.

Лили Бартолла де Мелонье, в голос ревя, совершенно некуртуазно пятная платье слезами и соплями, бросилась на грудь брата, заботливо обнявшего дрожащие плечи. Поэт напрягся и, не сдерживая ярость, проорал, почти фальцетом, в широкую спину:

— Антуан де Рано!!! Остановись! Я вызываю тебя!

Какая-то впечатлительная дама из массовки свалилась в обморок.

Медленно драгун развернулся всем корпусом.

— Повторите?

— Да! Да, черт побери, я вызываю тебя, де Рано! Ты человек без чести и совести, негодяй и плут, столичный выкормыш! Я, Алан де Мелонье, свободный шевалье Шваркараса, вызываю тебя на дуэль! — голос поэта выровнялся и звучал чисто. Он ожидал, что нечто обязательно произойдет. И это произошло, теперь он прикончит ублюдка и будет выглядеть в глазах толпы героем. Сейчас слезы Лили волновали его много меньше, чем образ шпаги неумелого ученого, входящей в кишки де Рано.

— Великолечно, — произнес драгун отдельно. — Не будем же смущать благородное собрание, выбирайте секундантов, обсудим подробности. Дирк, — обратился он к де Кабестэ, — прошу вас быть моим секундантом.

— Но, господа, как же так! — подала голос графиня, опомнившись.

— Прошу прощения, моя госпожа, — ответил ей де Мелонье, — но ни я, ни сей бретер не являемся вашими вассалами, а, значит, вы не можете нам препятствовать в исполнении дела чести.

— Поддерживаю, — согласился де Рано. Динамика событий позволила хоть немного

освободиться от мрачных мыслей.

— Секундант, — произнес поэт и задумчиво осмотрел зал, но не нашел в нем норманита, — ах черт, ладно, я прошу вас, де Эль, — обратился он к сенешалю, — представлять мои интересы.

— Всенепременно, — согласился Марк, — а теперь покинем зал, господа, не будем более смущать благородных дам и господ, пришедших веселиться.

— Заколи его! Как свинью, — шепнула злобно Лили брату, уходившему вслед за тремя аристократами из зала. В глазах девушки опять сверкнуло безумие.

Покинув зал, четверо молодых людей направились по темным переходам в трофейный зал, где состоялось продолжение беседы под взором мертвых глаз-бусин многочисленных чучел монстров и животных, убитых членами рода Никкори-Сато. Если коротко, беседа сводилась к следующему:

— Сегодня! Сейчас, до рассвета! Мы будем биться немедленно, — настаивал поэт, о чем его секундант уведомил противников.

— Сегодня так сегодня, через полтора часа, подберите место. Дирк, встретить меня у ворот замка через полтора часа и отведи на место поединка, сейчас же я откланяюсь, господа, дабы подготовиться к бою, мне нужно остыть и принять неизбежное.

Поэт зловеще улыбнулся и согласился с просьбой секунданта противника отсрочить бой на полтора часа.

Империи око недреманное

Конь был оседлан, и, стреноженный, ожидал в глубине парка, окружавшего замок графини. Все необходимые вещи для дальней дороги были готовы, немногочисленные улики догорали в костре неподалеку, в том числе там корчилась черная широкополая шляпа. Лопата жадно вгрызалась в рыхлую землю, легко преодолевая сопротивление мелких корней и трав, земля была мокрой и жирной, укрытой прелой листвой.

— Что ж, я думаю нам пора поговорить. Самозванец, — буквально из тени деревьев соткалась фигура в темном плаще, с черного сюртука упала, отработав, пуговица-амулет тени.

Человек с жестким, будто выточенным из камня лицом направлял на драгуна, а, вернее, на Реймунда Стурга, два черных длинноствольных пистоля:

— Пули заклеты, да и стреляю я отменно, не делай лишних движений, возможно, я не убью тебя. Не сразу, по крайней мере.

— Как мило с твоей стороны. И где я прокололся? — поинтересовался Реймунд на диво безразличным голосом.

Вопрос был хорош и своевременен, персона, выдающая себя за алмарского агента, поначалу казалась просто мелким авантюристом, человеком глупым и неосторожным. Некоторое время слежки и счастливая случайность, которая столкнула человека в широкополой шляпе и Штурмхарта на проезжей дороге поздней порой, позволили двинуться дальше. Самозванец оказался виртуозом перевоплощения — он намеренно проводил беседу там, где его могли подслушать. Хуже того — беседовал он сам с собой. Такое подозрение подтвердилось, когда черный человек Вульфштайн, удалившись от грязной таверны, где часто бывал, направился прямо к временному жилью драгуна де Рано, думая, что никто не видит. Лошадь он скрыл в заброшенной конюшне в лесу, а сам переделался и в образе лейтенанта пошел завтракать. Это навело уже было решившего оставить авантюриста в покое Штурмхарта на мысль — некто, маскирующийся по две разные персоны, собирается

совершить в графстве нечто очень опасное и обвинить в этом алмарского агента. Дело приобретало личный поворот. Дальнейшая слежка подтвердила первоначальные выводы — этот кто-то охотился на Алана де Мелонье, находящегося под защитой церкви. Убийство Алана, списанное на алмарского агента. Ну уж нет. Штурмхарт не собирался позволить настроиться против себя Орден Норманитов. Они ведь решат, что это вызов! Алмарец решил дождаться финального аккорда этого концерта и не позволить ему завершиться трагедией.

— В столице есть такой драгунский офицер, только вот он погиб при облеве на Лиса, это раз.

— Это не прокол, выяснено явно позднее главного. Чтобы начать копать, нужен повод.

— Ты не поверишь, — человек с пистолями почти смеялся, — но это я алмарский уполномоченный агент тут.

— Не повезло, — крепкий кулак влупил по дереву, заставив его задрожать до кроны, — и что ты со мной будешь делать?

— Меня интересует, кто и почему? А главное, где готовят спецов, способных косить под две личности сразу?

— Две — не предел. На тренировках бывало до шести.

— Интересно, эта откровенность от фатализма или ты все же хочешь выжить?

— Неужели так сложно поверить?

— Ты вроде парень неглупый, понимаешь, что к чему, — голос был холодным и злым. Штурмхарт привык всегда держать положение в своих руках, сейчас такого ощущения не создавалось. Враг был опасен даже под прицелом. Он вел себя спокойно, а не демонстрировал спокойствие.

— Понимаю. С одной стороны, тебя мучит жажда узнать, что знаю я, с другой... — Реймунд замолчал.

— И что с другой? — не выдержал алмарец.

— Ты боишься меня...

Это произошло почти одновременно — второй сильнейший удар по дереву почти переломил ствол и заставил вековой вяз валиться на агента. Тут же прозвучало два выстрела. Сверкнув во тьме двумя синими лучами, пули вошли в тело Реймунда, одна в сердце, другая в основание черепа. Попытка спастись Штурмхарта ван Шпее была эффективной, но неэффективной, вяз придавил его, пронзив множеством сломавшихся при падении веток.

Минуло полчаса. Реймунд Стург, мучаясь безумной мигренью, отрыл сундучок, что был спрятан у корней старого вяза, и, открыв его, с сожалением отделил почерневший бриллиантик в виде сердечка, вплетенный в проволоку из черного серебра, от девяти других, сияющих, растер в пальцах, превращая бывший бриллиант в кучку черного песка. Затем он убрал амулет жизни в сундучок обратно и положил в седельную сумку, отведя лошадь подальше от почившего под листвой вяза агента.

— Альянс-Империя один-один, — мрачно пробормотал Стург и, прихватив с лошади палаш, двинулся на дуэль.

Библиотека Хранителей Знаний. Краткие выдержки о истории и природе стран Южного Архипелага Гольвадии: Королевстве Шваркарас, Республике Ригельвандо и Алмарской Империи, полученные из источников разных, достоверных до степени достойной преподнесения дражайшему читателю

Вера требует откровенности. О Путиях Империи и о неправедных

В Книге Многих Ликов сказано: «И да не убоюсь я стали холодной и пламени

яростного, и зла, и беззакония. Ко времени испытаний тяжких останусь тверд духом, ко всем трудам, что ниспосланы мне Единым. И только лишь безумие ближнего моего суть страх в сердце праведном порождает».

И пришел тот день и час, и время. Когда безумие, порожденное злобой, завистью и глупостью человеческими обратилось против них. И грозит пожрать носителей оно. И всех, кто рядом с ними окажется.

Несомненно, как ни сложно определить это — речь моя идет о людях, изначально ставших бичом нашей бедной страны. О волках среди мирян, кои готовы угрызть всех и каждого, кто противоречить им посмеет. О плевелах, что поражают зерна рядом с оными возрастающие. О тех, что не приемлют ни авторитета церкви, ни милости Единого, ни закона Божьего, в традиции и праведном наставлении прошлого нам даденного.

Я говорю о графах, рыцарях, баронах и герцогах, что совместно прозываются аристократами, и претензию имея на роль пастырей народных, на деле же в беззаконии и мерзости прозябают.

Сии псы паршивые, беззаконные, безнравственные, к добру и труду не способные, дни свои проводящие в торжестве греховности, утехах плотских и забавах кровавых, стремятся примером своим да делами неправедными, да страхом расправы лютой испортить все стадо, что нам Единым в бережение и воспитание передано.

Всякое добро, что исходит от церкви, будь то деяние святого или булла Архиепископа, они перед императором, что на лъстивые посулы их как мальчишка падок, стремятся омрачить и опорочить. В зависти и подлости своей перед церковью достигают они низостей абсурднейших. Так, если церковь для блага государства желает насаждать торговлю свободную, они заявляют, что опасаются за доходы казны имперской и вводят поборы таможенные, налоговые и прочие, что любую торговлю на корню губят.

Они отправляют солдат с оружием в монастыри, дабы выволакивать бывших крепостных своих, что монахами стали, и к сохе возвращать, чем рушат авторитет церковный и право убежища злокозненно нарушают неотомщенные.

Если же какой-то муж из отцов церкви праведный решает меж мирянами стеснение, вследствие непонимания возникшее, разрешить третейски к выгоде обоюдной, то потом несчастных отвращают от церкви обвинениями в том, что должны они были с бедами своими в суд или к господину местному идти, и наказывают за неповиновение батогами да колодками.

А если купец, что церкви угоден, виновным вдруг в чем окажется, а в их законах даже за дыхание вина сыскаться может, то, лютою упиваясь, его терзают яростно, через мученья торговца мирного ущемление Храму нанося немалое и в том радость извращенную обнаруживая.

А если же церковь решает ремесла поддержать или горожанам послабление проявить и благостью Единого наполнить, то сразу жалуются они Императору, что, мол, сие есть якобы козни корыстные, против них направленные и авторитет власти роняющие. До того дошло, что в некоторых городах уже и праздники церковные запретили проводить с должной яркостью, Единому угодной.

Что же до мысли праведной, церковью культивируемой, что живем мы все в Единой Империи и добры должны быть друг другу и вежливы. Отвечают они, что природные алмазы Империю создали, а все прочие подчиняться должны бестрепетно. И бригланов, что в церкви трудятся праведно, почитают за трусов и выроdkов, а гехальцев смелых и опытных, к

войнам более алмаров способных, не пускают к постам высоким, в страхе быть опозоренными. Кихан же, что во множестве служат церкви торговцами рачительными, ущемляют и казнят без дознания за провинности малые, ненавидя за богатство и делу веры преданность. Тиоров яростных провоцируют, ущемления им всяческие чиня и ни в грош не ставя, Империи суть, как единого дома многих народов, отрицая. А о хальстах нечеловеческих умолчу я, ибо к ним отношение таково же, как полагается, как расе, ниже нас по достоинству обретающейся.

Дремучие. Необразованные. Агрессивные и токмо иерархию свою почитающие, лишь к трудам ратным жестоким пригодные. Отвратились сии сыны неверные от лона церкви дотошного. Так в ереси своей безнаказанной далеко заходят, что и верить тем слухам нет желания, а не верить — грешить против истины. Опускаются, отвращаются и заводят молельни домашние, сами желают Единому поклоняться и дерзновенно труды о богословии нецерковном печатают, думают, что благодать Господню можно заслужить словами печатными либо воздуха тайным сотрясением в кавернах сокрывшись.

А когда доходят до церкви они, то стоят и на алтари и отцов святых, неверные, взирают с презрением, как на скоморохов базарных, и плюют на полы церковные. И на храм никогда не жертвуют. А заодно мирян оскорбляют насильственно, отрицая пред Богом равенство.

Среди них не секрет и редкость уже, что плодится всяческое гнилье, природе человеческой противное. Сколько ведьм, демонологов, чернокнижников, среди них развелось — неведомо. И отростки свои клешневидные, и ракушками спины заросшие прячут в замках своих и в доспехах своих, угрожая тем самым безопасности всей Империи. Падки стали на хаос злокозненный и на знания темные, злые, и вампиров среди них много същется. Всех прочих тварей премерзостных. Так что веры уже да и нету к ним. Ибо трудно вызнать, кто Единому служит, а кто Градесу трижды проклятому.

Страсти темные, страсти грязные кипят в сердцах их растленных. Все, чего добивалась так долго церковь — завоеваний колониальных, не мечом, а более добром и словом добытых. Успехов дипломатических, мирные отношения со всеми соседями и ближними и дальними принесших. Выгод торговых, благословенными купцами принесенных. Видеть не желают, а, более того, желают похерить, токмо от того, что не ими — темными и неправедными, были успехи сии достигнуты. Жаждут войны и кровопролития, желают нести власть Имперскую, обогрелую беззаконием, на земли, к ней не подготовленные, к должной склонности не приведенные. Желают, чтобы нас, как торгашей-ригельвандцев или кровожадных зверей из Шваркараса, так же на Экваторе ненавидели.

Всему, что есть и будет церковью достигнуто, они противники рьяные. И успокоятся только когда не станет на земле Алмарской силы духовной и тогда они к дьяволам оборотятся и во тьму страну вгонят безнаказанно.

Посему вопрошаю я. Неужели у его святости Архиепископа не стало сил и авторитета? Неужели на мальчишествующих императоров только такие же, как они, мальчишки беззаботные влиять могут? Верю, что нет. А значит, нужно от Трона Дралока добиться всевысокого разрешения без расследования предварительного и доказательств учинять над аристократами инквизицию святейшую, подобно тому, как над мирянами мы власть на то имеем.

И тогда только, когда запыхают костры и святые братья Бога-Защитника закатают рукава в труде праведном, Император узрит, что за гниль пригрел у подножия трона своего. И сим свершится торжество веры, и порядок вещей наступит к вящей славе Господней

необходимый!

Писано дня 12 месяца ихтиониса 807 года от основания Алмарской Империи, выдержано же из диссертации честного богослова и священника Бога-Властителя Теодора Непримиримого «О необходимости ограничивать и сдерживать аристократию, а также об расовых и национальных ущемлениях в империи»

Часть 2. Глава 8. Вас не рассудят сталь и кровь

Дирк де Кабестэ встретил де Рано, не заметив грязи на одежде драгуна, и провел на место боя — двор дома сенешаля. Укрытый плитами щербатого камня, поросшего травой и лозами, он был удобнее в эту погоду, во всяком случае, удобнее грязной, сырой земли.

Двор был окружен кольцом фонарей и тремя треножниками, горевшими достаточно ярко и стабильно даже под дождем, чтобы можно было комфортно совершить обряд обоюдодоступной смерти. На противоположном краю двора мокли под дождем сенешаль и поэт. Похоже, они ждали уже некоторое время.

— Опаздываете, господа, — посетовал де Эль, — вы готовы?

— Приносим извинения, — ответил, перекрикивая шум дождя, де Кабестэ. — Готовы.

Дирк, на правах секунданта вызванной стороны, поинтересовался:

— Не угодно ли господам примириться и, принеся смиренные извинения перед Единым за мысль о кровопролитии, завершить дело богоугодным миром?

— Благодарю, но причина боя слишком серьезна, — ответил ненаигранно мрачно Марк де Эль. — Кровь должна пролиться.

— Что ж, — продолжил Дирк, — господа, это бой чести, до смерти, сдачи одной из сторон или невозможности продолжать дуэль по объективным причинам.

— Сходитесь, — закончил сенешаль.

Поэт и драгун, любовник на службе церкви и убийца в чужой шкуре, они сходились, сжав рукояти клинков, не обращая внимания на струи холодного ливня, пробирающего до костей, под неверным светом укрытого за стеклом огня. Они медленно шли навстречу смерти или победе по старым плитам из камня, укрытые древними кампанскими лесами от лишних глаз.

Оба шли прямо. Драгун не горбился. Его стойка была не знакома поэту. Противник держал клинок иначе, к тому же это был палаш, тяжелее и мощней его тяжелой шпаги. Де Мелонье почувствовал тревогу, но холод дождя не загасил в нем пожара ярости против негодяя, оскорбившего его сестру и уведшего единственную за многие годы женщину, в которую поэт, черт возьми, все же влюбился на самом деле. Ярость и уверенность в победе придавали Алану сил, но в голове теснились мысли. Хоть и приятные, но лишние. Ученый размышлял о гордычке де Тиш и своей бедной сестренке. Он боялся, что наутро дуреха будет горько плакать о погибшем драгуне. Женщины столь переменчивы, де Мелонье любил сестру — самого близкого человека с самого детства, и не хотел, чтобы она винила брата в свершенном кровопролитии. Но выбора, кажется, не было, разве что не убивать негодяя? Нет, невозможно. Переменчивая женская природа. Отчасти поэт был благодарен де Рано, только навязчивые посягательства лейтенанта позволили ему понять, сколь настоящими были чувства к холодной магессе. Ради этих чувств не жалко и умереть. Впрочем, умирать он не собирался, Алан был уверен в победе, а еще он лелеял в душе мысль, что, когда разлучника не станет, Аделаида наконец-то обратит внимание на того, чью любовь так грубо отвергала. Поэт шел на смертный бой, полный мыслей о жизни.

Алан атаковал без разведки, флешем. На всей доступной скорости в нижний сектор, притворно не прикрытый высоким противником. Могучий батман, а вернее, просто невероятно быстрый удар огромной силы, сбил шпагу вниз, заставив ее выбить искры из каменных плит. На инерции пролетевший вперед де Мелонье получил сокрушительный удар

окованным ботфортом в лицо, неприятно захрустел нос, кожа на прекрасном лице разлетелась лоскутами, он откатился и с трудом поднялся, пораженный.

Антуан де Рано. Он уже не думал ни о чем лишнем, мрачные мысли о преданных женщинах и собственной ничтожной гнусности ушли вместе с обликом драгуна. Реймунд Стург сбросил оковы роли. Он позволит себе гадливо осматривать себя в зеркало позже. Сейчас он был ремесленником, трудягой, завершавшим длительную и кропотливую работу. Все прочее осталось в тумане разума живого человека, которым он в данный момент не являлся. Против де Мелонье сейчас выступал бесстрастный и неумолимый механизм смерти.

Противник медленно шел по кругу, играя клинком. Поэт понял, что ошибся, он почувствовал горечь. Горько было умирать молодым, горько было понимать, что, получая деньги от церкви за низкие, скотские дела, он так и не успеет потратить их на научные проекты, которые мечтал воплотить в жизнь, дабы, выйдя из грязи, искупить перед миром свою гнусь, облагодетельствовать всех.

Финт, взмах, батман, от которого немеет рука, перенос, и, о чудо! Удар прошел, клинок вошел в правое плечо ненавистного драгуна, вырвав кусок мяса дуэлянта. Де Рано откатился и, легко подбросив клинок правой, перехватил его левой.

Где-то раздался взволнованный вскрик де Кабестэ, тревожно зашептались Торн де Шальгари и Алекс де Гизари. Стиснул рукоять клинка Марк де Эль. Все эти жалкие фигляры были на стороне своего мнимого друга, Алан угрюмо усмехнулся про себя. «Вы для него такая же грязь, как и я». Ощущение одиночества, отсутствие поддержки неожиданно придало ему сил, сейчас все зависело только от самого ученого, победа или гибель. И никого на линии битвы.

Де Мелонье почувствовал кровь и озверел. Он наседали на своего противника многоступенчатыми атаками с финтами, выпадами и переводами, еще дважды он достал врага, а теперь это был именно враг, в грудь и ранее раненный бок.

«Достаточно», — эта мысль мелькнула в мозгу Реймунда в тон вспышке молнии, осветившей хмурое небо.

Внезапно Алан понял, что враг играл с ним. Что все это было зря, что его хитро, подло и банально убивают. Что ж, возможно, это достойная награда за всех тех, кого он обманул и довел до смерти лживыми посулами любви.

Он хотел жить, он хотел прокричать: «Сдаюсь!», но не успел. Реймунд крутанулся, отталкивая устремленную к нему в выпаде шпагу, набрал энергию и в безумном волчке рубанул противника по голове, с оттягом, по-кавалерийски, как, возможно, учили де Рано. Палаш вошел в череп со стуком, как будто рубили полено, и сломался в страшной ране, в стороны разлетелись осколки металла и куски левой лобной и затылочной костей черепа поэта. Красные ошметки мозга выпали, отделенные от основной желеобразной массы, вывалился глаз, повиснув на нитке нерва.

И вот поэт ушел, ушел в когти демонов их странного Гольвадийского ада, где бог мертвых стал властелином зла. Ушел, ибо ради великих целей он творил зло, и за зло отправился в преисподнюю, унося с собой свои благие намерения.

Реймунд упал рядом с телом поверженного врага, делая вид, что его удар был случаен. Подняться ему помогли уже секунданты, и, поднимаясь, он уже видел — де Мелонье бесповоротно мертв. Стург знал — священники Единого, некоторые из них, соответствующего храма, например, Бога Целителя, могут воскрешать. Но лишь не больше чем через 10–20 минут после смерти, и то только те, которые обладают великой силой, а

таких поблизости нет. Возможно, смогла бы Жанетта, если бы ее святость не была направлена исключительно на разрушение. Ни магия, ни колдовство, ни иные мистические силы уже не смогут воскресить того, кто лишился половины мозга. Дело сделано.

Решительно отказавшись от помощи бывших секундантов, а ныне по сути сообщников убийства, Стург пошатываясь, изображая шок, отправился в лес: «Прогуляться и прийти в себя, а потом к доктору, конечно».

В лесу он заглянул под вяз и обнаружил... отсутствие тела, что ж.

«Значит, алмарцы тоже кое-что могут. Ноль-ноль. Надеюсь, мы более не встретимся, уполномоченный ночной гость».

Судьба четверых

Той ночью каждый из бывших друзей Антуана де Рано поступил сообразно велениям сердца и разума. Кто-то по совести, кто-то по приказу страха.

Дирк де Кабестэ, единственный умелый дуэлянт, наблюдая за боем, понял, что лейтенант не тот, за кого себя выдает, еще раньше жертвы. Ради былой и зыбкой памяти дружбы он бросился, когда все закончилось, к раненному человеку, которого уже не считал ни другом, ни драгуном де Рано. И раньше прочих убедился, что на холодных, залитых дождем выщербленных каменных плитах двора, сидит не человек, а зверь, свирепый хищник в человеческом обличье. Дирк испытал страх, честь аристократа и простая человеческая честность требовали задержать негодяя. Но Дирк не хотел отправиться вслед за поэтом.

Вместе с Торном де Шальгари бретер поднял изувеченное тело заносчивого ученого и молча, не обращая внимания на слова друга, распинавшегося о том, что к трагедии, вероятно, привели скользкий пол и тяжесть клинка, доставил мертвеца в замок графини. Перепоручив беседу с бледной, взволнованной мэтрессой своему недалекому приятелю, фехтовальщик удалился.

Через двадцать минут блужданий по замку, он обнаружил брата Бенедикта беседующим с Жанеттой де Пуатье в уединении галереи северной башни. По их виду — легкому румянцу на лице охотницы на ведьм, заметному даже в багровом отблеске факельного света, и раздраженно сжавшимся кулакам норманита бретер понял, что помешал скоро свершиться греху прелюбодеяния.

Коротко и жестко Дирк де Кабестэ уведомил защитника поэта, что его подопечный мертв. Убит Антуаном де Рано, оказавшимся самозванцем. Это деяние, которое считал низким, бретер совершил, чтобы избавиться от гадкого чувства собственного позора, вызванного страхом.

Действия де Кабестэ принесли ему пользу: позже, когда всем прочим пришлось пройти суровую инквизицию разгневанной де Пуатье, он избежал излишнего рвения охотницы и заработал даже определенную репутацию друга церкви.

Не желая более оставаться в родной провинции, когда расследование дела завершилось, Дирк отправился в Люзецию, где поступил в Алый драгунский полк. В чин лейтенанта по протекции церкви, почему-то ему казалось важным искупить позор мундира этого славного подразделения. После долгой и многотрудной службы, считая славу достаточной, а все долги давно утраченными, полковник Дирк де Кабестэ уволился со службы в 830 году от о. А.И. и пропал из поля зрения биографов через три года, когда в стране разразилась революция.

Торн де Шальгри сбивчиво, с обилием лишних деталей поведал шокированной, почти убитой горем графине о дуэли де Рано и Алана. Ему же в тот вечер выпало утешать сестру несчастного поэта, поскольку норманита Бенедикта нигде не могли уйти, а маркиз —

патрон Бартоллы, тем временем успокаивал горе своей будущей жены графини. Именно добряку Торну удалось увидеть, как наутро боль и шок сменились в глазах Лили блеском безумия, и теплыми словами своими умерить странные поползновения девушки, возможно, тем самым сохранив ее жизнь, но сохранив не для добра.

Через пару лет Торн, опечаленный переменами в прочих своих друзьях, на которых повлияла дуэль или же просто течение лет, отправился в Морпаньяк, где постиг высокое искусство кулинарии. Позже он появился в Люзеции, при дворе, найдя заслуженное место среди королевских поваров. В столице Шваркараса он нередко кормил своего друга капитана Дирка вкусными обедами, вспоминая старые деньки. А затем уехал в Алмарскую Империю, став придворным кулинаром одного из эрцгерцогов, обожавших затейливые соусы шваркарасской кухни. Торн прожил длинную, размеренную жизнь, всегда с удивлением и непониманием вспоминая, почему столь многих расстроила смерть выжиги де Мелонье.

Алекс де Гизари был очень взволнован произошедшим. Смерть де Мелонье он воспринял воплощением десницы Рока, а «оборотня» де Рано — призраком, посланным забрать жизнь поэта, ибо истинные таланты должны умирать молодыми, в лучах нетленной славы.

Той же ночью он сел за рабочий стол в своем небольшом, уютном доме и при оранжевом блеске скоротечного свечного света, создал свое единственное нетленное творение — «Зависть преисподней». Этот стих стал началом и финалом поэтической карьеры Алекса, пожалуй, сослужив ему неверную славу.

Де Гизари не стал ни колдуном, ни чиновником, но очень скоро его произведение попало в руки герцога Кампани, а затем дошло до самого короля. Век славы стихотворца был недолог, единственный яркий отблеск его таланта привлек большое внимание, его приглашали в свиты власть имущих, слушали в салонах и обсуждали в свете. Но никогда более вдохновение не смогло вновь пробиться через академический формализм поэта. Прочие его стихи, технически совершенные, но лишённые чувства, быстро наскучили, его затмили другие таланты, а Алекс, убежденный в собственном величии и жестоко обиженный светом, стал жестоким и ненавидимым студентами преподавателем в одном из крупнейших университетов Шваркараса, в провинции Юзац. До самой смерти в 870 году от о. А.И. он сравнивал любое свое и чужое произведение с тем выдающимся стихом, находил отвратным и горько плакал по ночам, не имея возможности вновь узреть блеск совершенства.

Марк де Эль той ночью отправился в свой особняк. Он был груб со слугами и приказал закрыть все двери, никого не выпуская и не впуская. Убедившись, что его «постоялец» еще вечером забрал все свои вещи и коня, Марк понял, что крупно просчитался. Если Дирк де Кабестэ испытал страх перед поддельным де Рано, то Марк, скорее, погрузился в пучину ужаса. Он осознал, что каким-то образом оказался вовлечен в события сколь важные, столь и губительные. Он понял, что гибель от этого дела можно обрести много вернее, чем служебные выгоды.

Марк бросился в свой кабинет, походя приказав затопить камин, дрожащими руками, трижды роняя ключ, он отпер особое отделение стола и изъял письма с доносами. Удивленные слуги уже через двадцать минут, отталкивая друг друга от замочной скважины, наблюдали, как хозяин торопливо рвет какие-то документы и бросает их в камин, нервно вороша плотно исписанные листы в попытке заставить плотную бумагу гореть быстрее.

Затем Марк выпил без закуски бутылку виноградной водки и заснул тяжелым пьяным сном, стеная сквозь зубы.

Через пару дней он имел сложную и длительную беседу с Жанеттой де Пуатье. Марк сначала притворялся, что ничего не знал, затем валил вину на свою служанку-заю, которую предоставил де Рано, что стоило несчастной жизни и страшных мучений. Наконец, он во всем признался, был бит плетью за глупость, гордыню и нерасторопность и отпущен, поскольку Жанетта справедливо рассудила, что Марк не доносил не из злого умысла, а по причинам скверного, стяжательного характера.

Сломленный допросами и самими событиями дуэли, де Эль впал в меланхолию, очень скоро стал бесполезен графине как сенешаль, начал прикладываться к бутылке. Постепенно трезвый де Эль начал казаться жителям графства чем-то неестественным. Через несколько лет бывший сенешаль слег и скоро отошел в мир иной тихим пьяницей.

Через полгода после печальных событий дуэли маркиз де Шаронье и графиня Никкори-Сато сыграли свадьбу. Их дочь унаследовала оба владения и стала одной из самых важных фигур Кампани, с которой считался сам герцог.

Трюмная критика

Он мчался к морю так, будто его преследовали демоны, но нет, это было кое-что пострашнее — его преследовал Бенедикт. Цепной пес, точнее, цепной смерч церкви. Он гнал Стурга, отставая иногда не более чем на полчаса. Но в Морпаньяке агент Альянса сумел уйти, он сел на шхуну в Ригельвандо и оставил преследователя с носом. Наверное, вера помогает тогда, когда цель праведна, норманит же был ведом лишь долгом.

Старая шхуна резала волну форштевнем, отчаянно скрипя снастями. Трюм был полон жизни, запахов, звуков и темноты. Куцый фонарик выхватывал из тьмы огромную тушу мяса, вернее, стальных, покрытых татуировками и шрамами мышц, гигант упирался головой в доску верхней палубы, притом он сидел, а старые ящики с гнилой солониной и сукном из Шваркараса стонали под его весом. Этот гигант был куратором Реймунда, уместившегося на бочке напротив. Стург звал гетербага просто «мэтр».

— Мудак, — рокочущий голос легко перекрыл скрип судна.

— Да, мэтр, — Реймунд был подавлен, он и сам осознавал свои ошибки... И много больше ошибок его угнетала ответственность за тот путь, который он избрал для достижения цели.

— Первое. Мы не встречаем в политику, вообще и в принципе. Мы не косим под шпионов, престолонаследников, ублюдков знатных фигур и прочую шушеру, якобы важную для всей этой, называющейся людским миром, клоаки. Мы не берем таких обликов, когда это может повлиять на их политику. Это правило. Ты его знал, но нарушил. Не умел трактовать. И потому мудак.

— Да, мэтр, — Реймунд соглашался, убийца-прагматик в нем ясно осознавал, сколь несовершенен был план, способный вызвать международный скандал и привлечь нежелательное внимание.

— Мы этого не делаем по простой причине — мы сильны и опасны для всех, и именно потому мы нейтральны, просто делаем работу, и не привлекаем внимание. Ты видел — если они захотят, у них есть не менее сильные и не менее хитрые, чем наши агенты, слуги. А значит, если нам придадут слишком много значения, нас раздавят. Несмотря на все наши силы, древние традиции и опыт. Даже, если мы переубиваем их королей, министров, герцогов и принцев, они нас все равно раздавят. Это, к сожалению, сила государства, даже сильнейший не сдюжит массу. И потому мы этого не делаем. И не даем себя в этом заподозрить. Понял?

— Да, мэтр.

— Далее. Второе ампула вполне ничего. Но лучше брать кого-то, кого вообще нельзя заподозрить. Впрочем, это неважно. Тут ты не облажался.

— Спасибо, мэтр.

— Помочь священнице, потом дать ей взятку и упросить отвлечь норманита, да так, что она ничего не заподозрила. Bravo.

Некоторое время наставник молчал. Наверху ругались матросы и периодически слышались короткие, громкие приказы капитана.

— Любовь. Чувства. Эмоции. С моей точки — перебор. Уж больно подло. Но эффективно. Значит, приемлемо. Особенно мне понравилась мысль подкупить быдлоганов, чтоб они сестру поэта насильничали. Молодец, что убил их всех. Только мертвые не выдают лишнего.

— Банальность, мэтр.

— Заткнись. Я старый великан. Люблю простые истины. В целом, ты отдавался на твердую четверку, но если мы поймеем проблемы с алмарской разведкой, я тебя отдам в Эллумис на четыре года в сексуальное рабство.

— Вы не сможете выдать меня за мальчика, мэтр.

— Я что-нибудь придумаю, — хриплый смех сотряс трюм и распугал крыс, оплакивавших товарку, утопшую в гнилой воде.

— Да, мэтр, — Реймунд рискнул улыбнуться.

— И последнее. Ты дал себя убить, — посуровел гетербаг.

— Не было других шансов, мэтр.

— И правильно, что дал, хотя лучше б он увидел твой труп. Но это при других обстоятельствах. В целом, тут ты не сплутил, так что держи, — на огромной ладони под светом фонарика блестело бриллиантовое сердечко.

— Но, мэтр, это же ваше...

— Мое. Три остается. Ничего, мне хватит. Я выхожу из дела. А ты меня заменишь. Мочи их, Реймунд. Не стесняйся, их жизни без смысла, глупость и алчность правит ими, может хоть переродятся, эти, — рокочущий смех напугал корабельного кота, кравшегося к бочке с солониной. — невинноубиенные, во что-то более приличное. В общем, пользуйся.

Сердечко упал в руку Реймунда.

— Благодарю, мэтр!

Некоторое время трюм отдыхал от праздных человеческих разговоров, наслаждаясь морской, рабочей тишиной.

— Мэтр, — Реймунд собрался с силами и решил поговорить о том, что волновало его больше всего.

— Знаю, — ответил наставник, совершенно не удивленный, — ты не Бэгрис. Не получаешь от этого удовольствия. Мне тоже было тяжело в первый раз. Наше дело, Реймунд, оно очень непростое. Тут даже не скажешь, мол, кто-то должен. Лучше бы этим никто не занимался. Это великая сила и великая мерзость. Наш Альянс. И да — иногда приходится вывалиться в грязи. А иногда даже начинаешь тонуть в ней.

— Мэтр, путь, который я избрал...

— Ты избрал сам, и теперь сам ответишь за свои дела. Да, это выбор. Как бы просто это ни звучало. Но дело всегда именно в выборе. Первое задание — самый важный урок, Стург. Раньше выбирали за тебя. Ты делал разные мерзости, — он осекся, — Впрочем, не будем об

этом. Все, что ты делал — ты совершал по чужому приказу. Покориться или умереть, научиться или умереть. Это наш путь. К сожалению, другого нет. Может мы много грешили в прошлой жизни. Может, повезет в следующий раз. Но сейчас есть то, что есть. Я знаю — ты жив потому, что считаешь условия подходящим компромиссом.

Гетербаг замолчал, тяжело переводя дыхание, похоже, тема взволновала старого, непробиваемого наставника.

— Но первое задание — это последнее испытание. У тебя есть опыт, есть сила, есть средства. Остается научиться делать выбор. Сколько в тебе останется от человека? Чем ты готов пожертвовать ради цели? Альянс отнял у тебя достаточно, пока учил. Все что осталось — твое. Ты сам решаешь, что достойно, а что губительно. И сам выбираешь путь к цели. Ты попробовал и, похоже, понял. Есть нечто, что стоит между человеком и механизмом смерти. Ты совершил ошибку, и ты понял ее. Прости себя на первый раз и не повторяй больше. Выбирай дорогу так, чтобы к финалу доходил человек, а не бездушная тварь. Да, наше дело — сплошной мрак. Но каждый из нас сам решает, сколько мрака он несет в себе и сколько мрака он принесет в мир. Это наш путь и наша доля.

— Спасибо, мэтр, — сказал Реймунд. — Я буду помнить.

Ему не стало легче. Пожалуй, даже стало еще гаже. Он сам предал этих женщин и сам убил де Мелонье, предварительно заставив того страдать. И значит, вся ответственность лежит на нем. На Реймунде Стурге. Сейчас и впредь, он будет хранить груз своих ошибок, по мере сил искупать их и стараться совершать как можно меньше новых. Он стал убийцей, но не станет бездумной шестеренкой в механизме мрачного жнеца.

Последний акт Кампанской трагедии

Дверь портовой таверны распахнулась, заведение было полно добродушным весельем: моряки в увольнении, счастливые купцы, возвратившиеся из долгого плавания, милостивые служанки, довольные чаевыми. Шум, гам, смех и здравицы, во множестве звучавшие со всех сторон, как нельзя хуже подходили к настроению нового гостя.

Основной зал был полон, здесь веселились, смешавшись без чинов и обид несколько компаний — богато одетые купцы, прибывшие из Нового Света, пожилые, пропахшие солью рыбаки в старых суконных штормовках, моряки с корвета «Враждебный» и несколько ватаг крепких, простолицых портовых грузчиков. На толпу со стен взирали пустыми глазами большие рыбы, обратившиеся чучелами, а над жарко горящим камином висела исполинская челюсть стальной акулы.

Воин с суровым, аскетичным лицом переступил порог, оставив за спиной стену осеннего дождя. Плащ с пелериной ронял на грязный пол крупные темные капли воды, оставляя за хозяином влажный след.

Человек, неприязненно глядя на веселое сборище, бухая в пол тяжелыми ботфортами, прошествовал в соседний, небольшой зал, предназначенных для людей побогаче. Плащ скрывал добротную одежду из крепкой кожи, перевязи и портупей были увешаны разнокалиберными ножами, а на поясе нового гостя висел полупустой кошель, бренчащий золотом.

Бенедикт устало опустился за первый попавшийся стол, пятная бархат диванчика неснятым плащом, он положил локти на лакированную темно-красную поверхность столешницы.

Он был вымотан морально и физически. Новость де Кабестэ не удивила норманита, он был готов к безумной попытке де Мелонье биться на дуэли с провокатором-драгуном. У

священника все давно было готово — воскрешающий амулет, шедевр Таш-Мюшских колдунов, лежал в кармане куртки. Потому и отпустил норманит в тот вечер так легко своего подопечного, ожидая скорого разрешения утомительного конфликта. Потому и решил составить компанию несравненной Жанетте, мальчишке нужен был урок.

К сожалению, урок преподали самому Бенедикту, урок смирения. Увидев тело человека, опеку над которым ему доверил Орден, монах понял, что совершил непоправимый грех, позволив гордыне и лености возобладать над собой. Амулет не мог вернуть человека, оставившего полголовы на плитах дуэльного двора. Уже позже, в седле, расточая золото направо и налево, монах осознал, что потерял не только подопечного, совершив проступок перед Орденем. Но и друга, совершив проступок перед самим собой. Грехи ему отпустит духовник, но вот место Алана в сердце навсегда окажется пустым.

Золото на расспросы, необходимые, чтобы точно установить путь преступника, Бенедикт получил от охотницы на ведьм. Жанетта корила себя не меньше, чем монах. Умоляя ее побеседовать с норманитом тем вечером, драгун также преподнес ей дар, как он сказал «пожертвование на храм», дар, выходящий за рамки многолетнего жалования офицера. Наутро после совершенного преступления, в котором охотница не сомневалась, де Пуатье собиралась арестовать самозванца и подвергнуть пытке, до проступка он все же оставался аристократом и имел некоторую неприкосновенность.

Она порывалась отправиться вместе с Бенедиктом, но больная нога не позволяла выдержать ритм безумной скачки. Потому она помогла монаху золотом, напутствием и святым благословением, от которого Бенедикт еще сутки светился золотистым сиянием и не уставал в седле несколько дней.

Сама де Пуатье осталась в графстве. Проводить инквизицию в отношении всех, кто так или иначе контактировал с Антуаном де Рано и черным человеком Вульфштайном. Дело пахло алмарской провокацией. Хуже того — международным скандалом. В воздухе висело слово «шпионаж», на горизонте маячило еще более страшное — «война».

Но все было тщетно. Он опоздал. На час-полтора. Не больше. В порту монах узнал, что человек с широким лицом и сумрачным взглядом взошел на борт старой шхуны, название которой почему-то никто не мог вспомнить. Он ушел. Вырвался из рук. Наградил Бенедикта несмываемым пятном «неудачник». Кому-то очень важно было убить Алана де Мелонье, и этот кто-то преуспел. В сердце норманита закипала жажда мести, граничащей с военным преступлением.

— Доброго вечера, святой брат, — поздоровался человек в мундирном рединготе, сидевший напротив. У него было неприятное, жесткое, алмарское лицо и очень умные глаза. Глаза эти с любопытством, легкой иронией и затаенным пониманием изучали норманита.

— Я занял ваш стол, — Бенедикт хотел было подняться, он жаждал сейчас одиночества и уж тем более не хотел общаться с теми, кого собирался скоро резать. — Извините.

— Нет, нет, — медленно, с достоинством поднял руку собеседник, второй он придержал палаш в черных лакированных ножнах, начавший падать после резкого подъема монаха, — прошу, останьтесь. Нам есть, о чем поговорить. Вы не успели его поймать. И не сумели выяснить, кто он. Я вижу, вы уже начали подозревать алмарскую разведку. Это нежелательно. Я хочу пролить свет на кое-какие детали. А потом мы вместе поищем способ его поймать.

— Я слушаю, — Бенедикт резко сел, его суровый взгляд встретился со взглядом Штурмхарта, там горел терпеливый, ровный, размеренный огонь ненависти. Ненависти к

человеку, уплывшему на старой шхуне. К Реймунду Стургу.

Норманит вернулся через неделю. Обрато он возвращался медленно, размеренно, полный тяжелых дум и долгоиграющих планов. Штурмхарт — алмарский агент, — открылся ему. Этот осторожный и умный человек, похоже, сумел понять, что жажда мщения монаха много выше его верноподданнических чувств. К тому же, Орден не всегда соглашался с официальной светской политикой, почитающей алмарских шпионов вредными.

Норманит осознавал, что не сумеет добраться до человека, заказавшего Алана, он силен и опасен, но принести возмездие кому-то столь могущественному было за пределами его сил. Но душа погибшего поэта требовала крови. И этот долг монах собирался оплатить. Алмарец пообещал Бенедикту, что как только сумеет выяснить, кем был этот загадочный убийца-перевертыш, он сообщит. Самое худшее предположение — агент Международного Альянса. Тем лучше, это будет славная битва, Орден давно точит ножи на сию неуловимую организацию.

Когда норманит смыл грязь и пыль шваркарасских дорог, провел несколько часов беспокойного сна в своей кровати в бывшем особняке де Мелонье и немного отдохнул от странствий и потерь, в его комнату, аскетичную словно келья, вошла сестра мертвеца.

Лили Бартоллы де Мелонье осталась одна во всем мире, исключая дядек и теток, не интересующихся «худым побегом» — Аланом и его сестрой. Их родители умерли много лет назад от рук разбойников. Теперь норманит остался единственным, кому действительно было дело до девушки. Она была прекрасна, затянутая в одежды из тьмы и пурпура, глаза лихорадочно блестели, на щеках выступал загадочный румянец. Лицо будто похорошело от горя.

— Чем я могу быть полезен, сестра моя? — поинтересовался монах, он не ждал общения, но отказывать несчастной девушке считал низким.

— О да, — улыбка изогнула ее губы манером дьявольским, но безмерно притягательным, — теперь я сестра тебе, брат Бенедикт.

Монах молча смотрел на гостью, она изменилась больше, чем он мог подумать.

— Единственный брат, — продолжала она, не прерванная, стоявшая стройно, будто выпрямленная своей бедой. — Теперь ты будешь защищать меня. А я... заменю его.

— Я понимаю сестра, тебе тяжело, — начал монах, пытаясь остановить ее порыв, пока дело не зашло слишком далеко.

— О, нет. Нет, нет, нет, — улыбка и безумный взгляд Бартоллы, говорили сами за себя, — тяжело мне было, когда ты сбежал в погоню, когда оставил среди чужих, бессмысленных ушей. Теперь мне уже легко. Я заменю его. Буду даже сильнее.

Он не смог отказать ей, видя, что теперь только церковь сумеет хоть как-то помочь этой красавице, чей ум помутился от лишений. Ее решительность и дьявольская, неизвестно откуда взявшаяся сила, они полностью подавили волю аскетичного норманита к сопротивлению, бороться просто не хотелось.

— Но что ты можешь? — сделал он последнюю попытку. — Алана долго готовили, есть ли в тебе воля пройти учение?

— Я уже многому научилась, — произнесла она еле слышно и волнуяще.

Монах стал первой жертвой ее чар, Лили Бартоллы легко освободилась от платья с глубоким вырезом и черной накидки, а он, несмотря на целибат и знаменитую норманитскую привычку умервщления плоти, не смог ей помешать. Возможно, он представлял на месте сестры мертвеца другую, в красных одеждах и с молотом в руке.

Она отдалась ему в бедно обставленной комнате, на жесткой кровати, на деревянном комодe, у голой каменной стены. Их страсть горела будто погребальный костер по ушедшему в небытие брату и другу. Ее молодая плоть то подчинялась, подавляемая силой тренированного тела монаха, то брала верх, прижимая в безумной скачке Бенедикта к полу. В финале, когда, издав протяжный стон, они откатились друг от друга по волчьим шкурам, устилавшим пол, ответ был готов.

— Я найду тебе место и дело, — прохрипел Бенедикт усталыми, искусанными в порыве страсти губами.

Лили лишь рассмеялась, долгим, радостным, истеричным и абсолютно сумасшедшим смехом. Она сотрясалась всем обнаженным телом, а его семя стекало по ее бедрам.

Доверив вести расследование в Никкори-Сато несравненной Жанетте де Пуатье, перед которой испытывал постоянную неловкость, в том числе и потому, что должен был винить охотницу в смерти Алана, но не мог, норманит взял Лили и уехал.

Он доставил девушку в монастырь ордена Бога Куртизанок. Почти каждую ночь двухнедельного пути она почти насильовала его по ночам, а он с каждым днем начинал бояться ее все больше, хотя раньше Бенедикт не боялся выйти один на один против конной лавы. С легким сердцем и тайной радостью он передоверил Лили Бартоллу попеченику заботливой аббатисы — бывшей содержательницы борделя, где бывали герцоги и короли.

Так началась история величайшего синего чулка. Лили не приняла обета, но показала великое тщание, обучаясь у одной из лучших сестер-куртизанок Клодетты Бездонной. Монастырь она покинула через год, в сопровождении наставницы. А через месяц имение маркиза де Тольдо перешло во владение церкви Бога Куртизанок. Сам маркиз — шестидесятилетний любитель молодых жен — скончался, якобы подавившись за обедом.

Карьера Бартоллы превзошла карьеру брата как качеством, так и количеством. А главное — чудовищностью. В год она уничтожала более двадцати любовников и любовниц, перейдя из-под опеки церкви на герцогскую службу, а затем в Министерство Специальных войск. Трупы и разбитые сердца устилали путь чувствительной де Мелонье, поклявшейся на могиле брата никого более не любить.

Ее жизненная дорога длинной в тринадцать лет официально прервалась романом с графом де Эрдером, считается, что «страстная убийца» умерла при невыясненных обстоятельствах в замке графа, но проверить это в его владениях не представлялось возможным. Однако была одна волнующая деталь — последнего любовника Бартоллы подозревали в чернокнижии, некоторые даже полагали его вампиром.

Бенедикт же вернулся в Орден, отчитался об ошибке, искупил наложенную епитимью кровавой службой, лишившись в ходе облавы на знаменитого разбойника Рене Лиса глаза. Через пару лет он, отправившись на очередное задание, пропал, растворившись на просторах необъятного маленького Шваркараса.

Расследование об убийстве Алана де Мелонье в Никкори-Сато завершила в пару месяцев охотница на ведьм Жанетта де Пуатье, результаты она передала в Тайную Канцелярию, скоро закрывшую дело. Жанетту же ждал добрый конь и новые подвиги, которые, возможно, когда-то станут материалом для совершенно другой повести. Она редко потом вспоминала о де Рано и Вульфштайне, охотница вообще быстро и легко расставалась с прошлым.

Одинокая и гордая Аделаида де Тиш все поняла, когда лейтенант де Рано так и не догнал ее в замке графини. В холодной, но быстрой карете она добралась до дома и

позволила себе, заперевшись ото всех, немного порыдать в подушку. Затем поправила макияж и вернулась к своей размеренной жизни. Слуги ничего не заметили. Через пару дней Башни достигли слухи о смерти поэта и ученого Алана де Мелонье.

К ее чести надо сказать, Аделаида ценила иронию. В тот день, с загадочной улыбкой на устах она достала из ящика трюмо гербовое письмо и перечла, в письме ее подруга, герцогиня Шелена де Морпаньяк, просила магессу об одолжении. Дело в том, что трудами некоего бессердечного повесы в прошлом году погибла воспитанница герцогини и добрая знакомая Аделаиды. Чувствительная девушка семнадцати лет, не выдержав разлуки и бегства почти из-под венца великосветского негодяя, выпила в колдовской лаборатории герцогини яд, из-за которого бедняжку пришлось хоронить в закрытом, ароматизированном гробу.

В письме Шелена де Морпаньяк просила свою подругу приглядеть за исполнением одного дельца. Колдунья, и по слухам ведьма, герцогиня облегчила один из своих многочисленных ригельвандских счетов на миллион в блестящих двойных ригельдукатах. Золото пошло по тайным каналам прямо в загадочный Международный Альянс.

Организация обязалась в благодарность за столь щедрое пожертвование прервать жизнь одной публичной фигуры. По душу Алана де Мелонье ожидался агент Альянса, высококлассный убийца. Так герцогиня собиралась закрыть личный счет к ублюдку, погубившему малышку Мими. Когда дело будет сделано, Шелена просила Аделаиду подтвердить смерть повесы.

Теперь де Тиш знала, как работает Международный Альянс. Впечатляюще... и мерзко. Закусив губу, магесса на особой бумаге принялась писать ответ старой подруге.

Интрижка, которую де Тиш сначала почитала романом, столь печально завершившаяся, заставила и так усталую магессу на несколько лет забыть о плотской любви с представителями противоположного, как, впрочем, и своего, что с ней тоже бывало, пола. Не помогло даже письмо, пришедшее через полгода после печальной дуэли, где человек, называвшийся ранее Антуаном де Рано пространно и многословно чужой рукой изъяснялся в своих мотивах и обстоятельствах, заставивших его так поступить, а также сообщал о неугасшей еще любви.

Аделаида за несколько лет добровольного воздержания сумела немало развить свои магические способности, она постигла почти все таинства магии земли и скоро, покинув службу маркиза, стала деканом университетского факультета магии земли в Юзаце. Еще через несколько лет она стала одной из самых молодых чародеев, постигших таинства четырех стихий, и основала собственный «Университет имени Разочарования» в Морпаньяке при помощи герцогской фамилии.

О де Рано она вспомнила редко, но с завидным упорством не забывала.

Часть 3. Глава 1. Долг и грязь. Сейцвер Тайной Канцелярии

Ахайос, 813 год от о. А.И, синтарис

Хреновый вкус, хреновое начало

Караульный Жан Пьер свалился с кинжалом в горле. Напоследок он успел подумать: «Мама, кто позаботится о маме, она же осталась одна, и не ходит...»

Следующим пал от стрелы из скрытого арбалета офицер гарнизона 6-й цитадели Генрих де Сальри. Стрела попала в глаз, мысль пришла короткая: «Долги не придется отдавать...»

С разрубленным кривой саблей лицом рухнул сержант морской пехоты Ник Красавец: «Дождался, не на виселицу, так под нож, ловкий, сучара».

И сразу за ним пехотинец Марк с раной в животе: «Эх, Марта, Марта, не увижу я твоего белого платья. Не будем мы в старости сидеть у бережка и греть косточки. Франсика нашего сиротой родишь. Братья деньги на свадьбу разворуют, и приданое твое уволокуют, эх, М-м-марта...»

Убийца шел по коридорам и выглядел неплохо в мундире офицера Тайной Канцелярии Ахайоса. Ладно скроенный сюртук черного сукна блестел серебряными пуговицами, а ботфорты скрипели новой кожей. Под черной треуголкой с белым плюмажем скрывались короткие волосы и чуть загнутые к низу уши. Парик с буклями давно был отброшен. В руке блестел уже успевший обогреться кровью кривой клинок из зачарованной стали.

«Где я ошибся?! Будь проклята моя поспешность. Надо было ждать выезда. Не было же никакого резона лезть в это осиное гнездо! Шестая цитадель, военная администрация, тайная канцелярия, комендатура, склады и, само собой куча, охраны. Затерялся, переоделся, маршруты узнал, олух... Кто-то из посредников стучал наверняка. Чем длиннее цепь, тем больше шанс провала. Ведь знаю это, всегда твержу себе одно и то же... Хреново, что я не Бэгрис. Влез бы ночью, перерезал бы десяток-другой охранников, как нож сквозь масло. Накрыл бы ублюдка в постели, и дело в шляпе. Вот в этой, блин, треуголке... К слову о Бэгрис, не ее ли это фокусы? Чтобы собрать всех этих ребят, нужно было знать о моем визите заранее... А, стерва...»

За следующим поворотом скрывалась одна из приемных зал цитадели. Там убийцу встретил строй мушкетеров, грянул залп, все заволокло дымом. В чаду на секунду вспыхнуло синим магическое силовое поле. Амулет на шее убийцы — генератор, вспыхнул и сгорел, мощность залпа оказалась чрезмерной. Остался глубокий ожог. Помимо него прошло две пули в правую руку и одна в бок. У многих солдат в патронных сумках имелись одна-две колдовских пули-попадайки, которым магия не страшна. В чаду послышался звон стали и вопли умирающих.

«Дженни!» — свалился на пол сержант взвода, не успевший даже поднять свой палаш против неестественно быстрого убийцы, разогнанного действием алхимического декокта, принятого час назад.

«Гаспар! Сынок. Один остаешься», — медленно осел на землю с раной внизу живота стрелок, неудачно вставший на пути кривой сабли.

«О, Тысячеименный!» — подумал случившийся в зале барабанщик, случайно включенный в строй. Он свалился комом на пол и отправил свою душу напрямик в Пучину.

Реймунд Стург вырвался из затянутого густым сизым дымом зала, правая рука плохо слушалась, левую достали штыком, кинжалом шустрый мушкетер распорол ухо. Это помимо пуль, сидевших в теле свинцовыми шипами. Он на ходу вырвал из-за пазухи небольшой свиток и наспех прочел обезболивающее заклинание. Свиток рассыпался, боль отпустила.

«Еще офицера этого убил, ведь наверняка смерти их штатный гадатель фиксирует или амулет есть... На пароле дополнительном наверняка раскрылся. Глупец! Глупец! Сколько лишних трупов, сколько лишних сил. А, ладно, лишь бы живым выбраться. Ну или сдохнуть наверняка, зря яд забыл на ворот нанести. Впрочем, времени не было. Де Маранзи, гнида. Нет бы по-тихому прикончить. Так до кабинета допустил, пикинеров выставил, мальчиков с пистолями нагнал, побеседовать, тварь, хотел, а вот, кстати, и он...»

Впереди показалось одно из немногих обзорных окон, расположенных во внутренней части цитадели — рама в два человеческих роста и прозрачайшие стекла. За ним расстилалось безбрежное море и великолепная панорама нижних частей огромного сооружения цитадели, раскинувшихся двадцатью метрами ниже. Путь к окну преградил Реймунду высокий, чуть толстоватый человек среднего возраста, с благодушным округлым лицом, длинным носом и пронизательными темными глазами. Он был одет в белый жилет с золотым кантом, плотную рубашку кремового цвета, кюлоты, чулки и невысокие ботфорты того же цвета, что и жилет. На согнутой левой руке он держал крупную треуголку с богатым плюмажем, а правая покоилась на эфесе расцвеченной алмазами шпаги. Справа и слева от франта стояли двое молодых людей в кожаных рединготах. Без команды, но очень слаженно они вскинули руки. У одного из них — блондина — на пальце засветился крупный перстень с большим изумрудом. Второй, миловидный шатен, действовал посредством латной перчатки, украшенной сложным, сияющим синим узором.

От зеленого луча блондина Реймунд уклонился резким прыжком в сторону, бежавший за ним солдат обратился в каменную статую. Шатен же выпустил в Стурга набор вращающихся стальных лезвий. Трех убийца избежал, проделав в воздухе акробатические кульбиты, которым позавидовал бы умелый циркач. Но еще два достигли цели — одно рассекло агенту Альянса левую руку до кости, второе — застряло в черепе, не сумев достигнуть мозга полугетербага.

«Теорему Кригса не доказал», — подумал боевой маг Леонард де Сенси, а его голова, украшенная каштановыми вьющимися волосами, тем временем упала на пол, отделенная от тела кривой саблей.

Послышался звон оконного стекла, а перед ним гром двух разряженных в него пистолей, в дожде прозрачных осколков и ребер рамы Реймунд Стург вылетел из Шестой цитадели Ахайоса. Раздавленный в руке янтарный амулет, стоивший убийце сумму, за которую можно было убрать трех-четыре захолустных губернаторов, активировал заклятье полета, превратив плащ Стурга на короткое время в черные кожистые крылья летучей мыши.

Увернувшись от пары зеленых лучей, пущенных ему вслед, и проигнорировав брань человека в белом, Реймунд забрал к юго-западу и, дугой обойдя твердыню Шестой цитадели, начал заходить на посадку в город...

«Ошибки надо исправлять, мою сегодняшнюю мне придется исправлять очень долго и кропотливо».

Стургу повезло, он свалился в чей-то сарай и там со стенами вытаскивал из себя лезвия и пули, лежа в навозе посреди испуганного мельтешения домашней скотины....

«Ветеран был приветлив не больше обычного, то есть, почти никак, но волнения не

выказывал. Телепатический голос, отдавший приказ о цели... был тот же, что и всегда. Неужели нужно столько сложностей, чтобы убрать меня? Никто и никак не проявил утраты доверия. Вряд ли меня стали бы уведомлять, что хотят прикончить. Но новое задание?

Все это пахнет хуже гнилого кракена. Белое Крыло — это кто-то среди наших? Кто-то из тех, у кого есть право приказывать? Или кто-то, хорошо сокрывший себя среди нас? Бэгрис работает на них? Все упирается в кошку.

Это полный бред, но, похоже, меня хочет убить не Альянс. А Белое Крыло. Может, они хотят уничтожить или использовать сам Альянс? И «начальство» не в курсе? И ветеран ушами хлопает? Нет, это бред. Как может Альянс не знать что-то, что знаю я? Впрочем... Кто знает, как у них все устроено. Мы все тут пауки в банке. Значит, я нужен Белому Крылу? Или, наоборот, не нужен, даже вреден, если отказался сотрудничать. Бэгрис не может меня прикончить сама. Решила работать руками моей цели. Не похоже на нее. Еще одно доказательство в пользу заговора в Альянсе. Она действует по чьей-то указке.

Все это весьма печально. Придется действовать очень аккуратно. Я все еще должен убрать цель. Убрать цель и разгадать планы Бэгрис. Придется поработать».

Ловля кошек на живца

Зал был темен и пуст, на своих деревянных постаментах покоились древние фолианты, книги нежно шептали друг другу старинные истории, а книжные шкафы дышали пылью мудрости ушедших поколений. Белый лунный свет озарял шестую Цитадель ровным молочным серебром, но он не проникал в просторы библиотеки. Дабы избежать пламенной смерти при штурме, книги хранили глубоко в темном, каменном чреве крепости.

За столом, небрежно обгрызая яблоко, сидел плотный человек, в одеждах столь белых, как и Лунная Леди за толщей камня снаружи. Специальным пинцетом он переворачивал страницы старинного исторического трактата, вгрызаясь в давний слог пытливым, но равнодушным взглядом. Пара яблочных крошек уже упала на пожелтевший пергамент из кожи нерожденного козленка, но читатель не обратил на это внимания, его интересовала информация, а не внешний лоск ее вместилища.

«Я встретился с ним лишь однажды. Этот человек, взращенный против природы, был обращен в умелое орудие чужой воли. Он был быстр, хитер, дьявольски коварен и почти так же искушен в воинском искусстве, как я сам. Без ложной скромности отмечу, я сумел одолеть врага лишь благодаря помощи Единого и моим несравненным фехтовальным навыкам. Позже брат-тайный раскрыл мне, что этот некто происходил из странного ордена или иного сборища, именуемого Международной Альянс. Сейчас я понимаю суть названия сего, ранее оно казалось нелепым. Убитый единожды, враг вернулся еще трижды, пока в последний раз я не призвал сего несчастного на поединок веры, где окончательно одолел, осененный светом Защитника Человечества. Казалось, он и подобные ему были созданы с единой целью — нести смерть живым. А потому, ни жалости, ни сострадания не испытал я, повергая врага. Жаль лишь, что не найду я сил, способных одолеть все их отродье, дабы изжить столь циничную и гнусную форму попрания человеческих законов, запрещающих отнимать жизнь себе подобным».

— Эбенезер Святой Клинок, волей Господа глава Ордена Бога-Шевалье, — прочел вслух, как и предшествующий текст, сидевший за столом. Два трехсвечных канделябра бросали неясные блики на его полное лицо, улыбка пухлых губ казалась то звериным оскалом, то умильной радостью ребенка. — Как думаешь? — обратился он громко в пустоту темных закоулков книжных стеллажей. — За те несколько сотен лет, что прошли с момента

написания книги, что-то изменилось?

Несколько тяжеловесных, как взмах лезвия-маятника, мгновений ничего не происходило.

— Мы научились выживать после священного поединка, — раздалось рокочущее шипение, женский голос был раздражен и зол, зол, скорее, от природы.

— Ничего, придумаю что-то еще. Может, позову демона-душелова, — рассмеялся Гийом де Маранзи.

— Ты упустил его! — повысила голос ночная гостья, она начала медленно, грациозно приближаться к собеседнику, покачивая бедрами, из-под багрового плаща с пелериной и глубоким капюшоном нервно выбивался полосатый хвост. — Тебя предупредили, у тебя были силы, ресурсы, люди. Но ты все равно его упустил!

Высокий плотный мужчина поднялся из-за стола и с наслаждением потянулся, его белый мундир от этого смялся и натянулся на объемном животе.

— Ты сказала взять живым. Не вышло. Я мог бы его убить, но сначала помнил о твоей просьбе, а когда мне стало все равно, он уже разошелся, — голос был добродушным, сладким и не менее зловещим, чем у тигрицы.

Сейчас эти двое — плотный сорокалетний сибарит и поджарая, грациозная тигрица — оба выглядели медленно сближающимися, готовыми для атаки смертельно опасными хищниками. Вернее, приближалась тигрица, Гийом оставался на месте, возле старого, массивного стола, где читал мемуары человека, убившего кого-то из Альянса.

— Теперь он затаится! Реймунд хитер, вряд ли он снова даст тебе шанс схватить его, — последовало медленное покачивание капюшона из стороны в сторону, — он больше не придет сам, скорее, найдет марионетку, кого-то, кто сумеет втереться к тебе в доверие, направит ее, как свою собственную пулю, и нанесет удар тогда, когда ты менее всего будешь этого ожидать!

— Ну, — развел руками толстячок и ухмыльнулся, — я же всегда начеку, такая работа.

Тигрица медленно и грациозно приближалась, незаметным, почти незримым движением она перехватила что-то под плащом.

— Но есть одна загвоздка, — казалось, зверь под капюшоном тоже ухмыляется, — Реймунд к тебе больше не придет, поймать его ты не сможешь, значит, для меня бесполезен.

Картинным жестом де Маранзи накрыл лицо рукой, чуть склонив голову к груди и выставив вторую руку перед собой.

— Ах, моя дорогая, наша любовь так недолго длилась, а все ведь могло быть иначе, — протянул он скорбно.

Тут же, за секунду до броска хищницы, рядом с противником Бэгрис из воздуха соткались две фигуры. Справа сгустились тени, и из них появился человек, затянутый в бесшумный черный шелк, облаченный в легкие кожаные доспехи, он сжимал рукояти коротких, чуть скривленных клинков, а лицо скрывал под маской из нескольких слоев ткани, в прорезь которой выглядывали умные, внимательные глаза.

Слева же, заставив тигрицу застыть на месте, появился, медленно обретая очертания из облика бестелесного призрака, высокий мускулистый тигрин, могучий воин с лицом, сочетающим множество звериных черт и немного человеческих. Он оскалился, показав мощные клыки, и оправил золотистый плащ, скрывавший его торс, положив руку на древко узкой секиры.

Разогнав пыль древних томов, между книжных шкафов выступил худощавый мужчина с

изможденным лицом, единственной его одеждой была набедренная повязка из грубой ткани. Рассеченная ударами плети плоть свисала с него клочьями, истекающими гноем и сукровицей, худое лицо излучало торжественное спокойствие, то тут, то там по телу были развешаны молитвенные свитки на торчавших из плоти штырях. В руках, увитых острыми терниями, человек держал две плети-девятихвостки. Весь он, от макушки грязной головы со свисающими лохмами черных волос до запыленных ступней с вырванными ногтями, сиял легким, золотистым светом.

Из-за книжного стола поднялся ранее незаметный из-за темно-серой формы и какого-то колдовства сухощавый юноша. Его одежды напоминали мундир непонятного, но стильного двубортного покроя. Красивое лицо было отрешенным и спокойным. Он держал в левой руке короткую, охваченную сероватым огнем саблю, а правую опустил на кобуру, где лежал шестизарядный длинноствольный гартарудский паровой пистолет в деревянной «оправе».

Сзади, негромко скрипнув дверью, в зал вошла некрупная девушка в мешковатой нищенской робе, тонкими пальцами левой руки она сжимала длинный посох, покрытый мистическими письменами, а правой придерживала расшитую бисером повязку на глазах, украшенную в центре рубиновым, перечеркнутым глазом, по плечам девочки прыгала обезьянка с деревянной площадкой для подаяния.

Бэгрис приняла горделивую позу, готовясь уже не актаковать, а обороняться, биться за свою жизнь.

— Знакомься, это мои друзья. Помощь от товарищей из банд, — проговорил Гийом, самодовольно улыбаясь. — К встрече с тобой я подготовился лучше, ты непредсказуемей дружка.

— Это гость из Банды Темных, — указал Гийом налево от себя.

— Это — из Банды Призраков, как ты догадалась, — указал он на тигрина.

— Это мой добрый и праведный товарищ из блаженной секты Грешников, — указал он на сияющего аскета.

— Это хранитель баланса города из Банды Серых, — ткнул толстый палец в отрешенного юношу.

— А это гостя из Банды Слепых, — представил де Маранзи последнюю.

Немного помолчав, но не дождавшись реакции тигрицы, хозяин положения продолжил.

— С кем желаешь развлечься? Есть, что противопоставить теням? А призракам, атакующим незримо? А вере? Энергии порядка? Незрячему самоотречению? Нет? Я так и думал, — он кивнул поочередно двум бойцам, стоявшим рядом.

Призрак и темный двинулись к загнанной тигрице. Она, сдерживая внутреннюю ярость, силой более могучего инстинкта — желания жить, позволила им приблизиться. Мгновение... и на сильных руках Бэгрис болтались испещренные нечестивыми демонологическими знаками кандалы.

— А это подарок от Демониц города, я бы, конечно, поостерегся брать тебя в плен, опасаясь расплаты Альянса, — Гийом немелодично заржал, — но вы ведь на меня и так охотитесь. В цепях ты ценней — сможем вести долгие беседы. Какая твоя любимая тема? Реймунд? Вот о нем и поговорим. А убей я тебя — вдруг ты опять вернешься. Как в книге. Нет, обойдусь.

Тигрица молчала, позволяя словесному поносу течь, на середине речи Гийома она внезапно вскинула руки и ударом сильных ног оттолкнула от себя темного и призрака. Затем она попыталась набросить цепи на шею тигрина, но тот растворился в воздухе.

Бэгрис бросилась бежать. Путь ей преградил завывающий молитву грешник, лицо ожег удар плети, она подставила кандалы, противопоставив ад святости, отразила следующий удар и, увернувшись, бросилась прочь.

Наперерез ей бросился серый, нанося удар саблей и стреляя, саблю тигрица приняла на скрещенные руки в кандалах, пулю «пустила» в плечо, с силой ударила парня ногой в челюсть и метнулась дальше.

Сзади возник призрак, она пригнулась, пропустив удар топора, и в следующий миг резко отшатнулась назад, на волосок разминувшись с клинком вакидзаси, выскочившим прямо из тени шкафа. Впереди оставалась лишь девочка.

Слепая молча стояла на месте, озверевшая Бэгрис отвела руки, сцепленные замком, в сторону и набрала инерцию для удара. На повязке слепой открылся глаз, туманное око внутренней силы, и тут же вся девушка окуталась ползучим мороком, она просто шагнула вперед, навстречу удару, и вышла через Бэгрис.

Одну из лучших бойцов Альянса скрутило, она упала на старый ковер библиотеки и шумно извергла содержимое живота, куда затем рухнула сама, судорожно подергиваясь и сжавшись в клубок. У тигрицы был инфаркт.

— Ну, так вот, о чем я, — как бы игнорируя произошедшую сцену, длившуюся не более пятнадцати секунд, продолжил Гийом, — эти кандалы — подарок демониц, они не дадут тебе умереть и разрушить их ты не сможешь. Если я проживу еще год, — он достал часы в золотой оправе и, прищурившись от недостатка света, посмотрел на циферблат, — вот с этого самого момента, ты умрешь. Но если этот твой несравненный Реймунд пришлет кого-то, достаточно толкового, чтобы грохнуть меня, — Гийом пожал плечами. — Что ж, будешь свободна.

Пират — ценный кадр для любой грязной работенки

Начальные периоды колонизации подчас были связаны с крупными конфликтами на почве желаний урвать себе больше выгодных и стратегически удачно расположенных территорий. Как это относилось к Ахайосу — сказать сложно, однако когда-то кому-то из светлых умов в правящих кругах Ригельвандо и Шваркараса пришло в голову, что Город Банд — это очень важный стратегический пункт, всенепременно долженствующий находиться под крылом державы. В результате произошла война, в которой отметились даже техноманьяки-гартаруды, как дети обманутые алчными ригельвандцами и пустившие всю мощь своих паровых крейсеров и угольных гаргантур на борьбу со шваркарасцами, крепко засевшими в городе.

Происходившая на протяжении трех лет бойня унесла у колониальных администраций столько ресурсов, что даже самые обнадеживающие прогнозы не давали уверенности в том, что аннексия города окупится в ближайшие пятьдесят лет. Ахайос остался в руках Шваркараса, и через некоторое время, во многом стараниями местных Банд, о нем забыли.

Однако после войны осталась цепь береговых укреплений и крепостей, прикрывающих город с суши. Настоящий шедевр инженерной мысли, протянувшийся на огромное расстояние от берега до берега, на всей длине города. Эти укрепления носят название Шести Цитаделей. И обеспечивают отменную защиту для Города Банд за счет небогатой, в общем, колониальной администрации Шваркараса.

Среди Цитаделей выделяется Шестая. Это циклопическое сооружение грозно высится на скале, знаменующей северную оконечность Ахайоса. Оно постоянно перестраивается, переоборудуется и совершенствуется в соответствии с последними достижениями

инженерной мысли. А также поддерживается специальной бригадой магов в состоянии высокой магической защиты, готовое отразить любую атаку с моря или с суши... Здесь располагается большая часть военной администрации города — военная комендатура, управляющая огромным гарнизоном города, ставка командера эскадры прикрытия данного региона, администрация мага-военной службы, резиденция интенданта города и множество прочих служб. В том числе, среди прочих, не выделяясь на общем фоне, но фактически не имея над собой хозяев, в недрах Шестой Цитадели угнездилась штаб-квартира Тайной Канцелярии Ахайоса. Которая, пожалуй, единственная из всех служб города, находящихся в ведении короны, работает как надо. И более того, наводит если не ужас, то хотя бы оторопь на большинство Банд города. Что само по себе говорит о ее эффективности.

К караульному одного из малых входов в Шестую Цитадель подошел невысокий сутулый человек. Он был одет в кожаный редингот без рукавов на голое тело, широкие хлопковые брюки и обут в ботфорты, которые так плотно усеяли металлические клепки, цепи и украшения, что не видно было старой кожи. Поверх одежды на нём висело громадное количество оружия на ремнях и портупях, которого хватило бы на небольшой отряд.

— Здорово, служивый! — голос посетителя был хриплый, скрежещущий, несомненно испорченный большими объемами рома и табака, которые регулярно принимала его зловонная глотка. Зубов не хватало, но некоторые были заменены на золотые, был даже один магический протез.

— И тебе не болеть, пиратик, — отвечал караульный, вяло размышлявший о том, что если его не сменят через пару часов, он так и сварится в своем песочном мундире на посту, как рак.

— А скажи, тут в шпионы принимают? — в голосе звучал искренний неподдельный интерес, с далеко не сразу выдаваемой иронией.

— Шутить изволишь? — солдат внутренне содрогнулся и подобрался.

— Да не, как можно шутить с человеком, у которого тааакое большое ружье в руках, — тут же голос незнакомца с весело-развязного без перехода стал очень серьезным, смертельно прямо-таки серьезным. — У меня письмо для Гийома де Маранзи, знаешь такого?

— Так точно! — солдат явственно побледнел.

— Ну так веди! — паскудная улыбка играла на тонких, пересеченных старым шрамом губах посетителя.

— Никак не могу. Пост. Не положено, — голос караульного неявно дрожал.

— Как тебя зовут?

— Колин, сударь!

— Ну так вот, Колин, — человек, названный пиратом, заговорил жестко и очень громко, — заканчивай тупить и позови уже кого-нибудь, кто проводит меня к де Маранзи!

Солдат заторможено кивнул и уже собрался куда-то идти, потом все же, к его чести, вспомнил, что он на посту, и позвонил в колокольчик, расположенный в помещении караулки и проведенный в комнату дежурного офицера.

Дежурный офицер, толстый, лоснящийся здоровяк оказался много более труслив, чем его подчиненный, он, чуть ли не лебезя перед посетителем, провел того до одной из внутренних комнат цитадели.

В кабинете с большим количеством бумаг и небольшим количеством предметов мебели или декора мрачный чиновник с невыразительным лицом, в форменном сюртуке тайной канцелярии, подробно допросил гостя. Выяснил его имя, род занятий, некоторые детали

прошлого и причину визита, проверил письмо на наличие скрытых опасностей — яда, лезвий, магии или колдовства. Заставил избавиться от всего оружия, включая маникюрные ножнички из сапога. И надел амулет, которым де Маранзи мог при необходимости простым кодовым словом парализовать посетителя.

— Итак, ты у нас... — Гийом де Маранзи, на этот раз облаченный в форменный сюртук, при этом однако белый и с большим количеством золотого канта, аксельбантов, блестящих крупным жемчугом пуговиц, принимал гостя в своем кабинете. Помещение, со вкусом обставленное мебелью из ценных пород дерева, было декорировано набором безделушек, значимых только для самого владельца помещения — обрывками старых писем в рамках, поеденными черной коростой кинжалами, колдовскими гримурами в металлической оплетке, изящными карнавальными масками и прочим.

Посетитель молчал — его предупредили, что говорить он может только после того как начальник Тайной Канцелярии Ахайоса даст ему разрешение.

— Фредерик Вангли, — чиновник гулко рассмеялся, — Стервец, хорошая кликуха. Я слышал, у вас, пиратов, прозвания дают весьма метко, значит, ты нам пригодишься! К тому же, рекомендация у тебя отменная, сам Альберт Меченый поручился за тебя! Это славный капитан, немало полезного он свершил для моей дорогой Короны, да и пить, помню, умеет не хуже, чем топить корабли и трахать девок. Но не могу взять в толк — почему ты решил расстаться с ремеслом?

Мысленно пират усмехнулся, Альберт Меченый был продажной, трусливой сукой, а его «подвиги» во всем братстве вызывали дружный смех или холодное презрение. Начальник был прав только насчет девок и выпивки. Ну и кораблей — самых неповоротливых и незащищенных. Таково, во всяком случае, было мнение Фредерика о своем «патроне», а вот толстяк начинал ему нравиться — он внушал оторопь и уважение.

Получив разрешение говорить, Фредерик Стервец закинул ноги в звенящих сапогах на стол, чуть было не опрокинув чернильницу в виде обнаженной суккубары, и рассудительно начал:

— С ремеслом нельзя расстаться, монсеньор, но в жизни каждого джентльмена приходит момент, когда он понимает, что шальное ядро или пуля наемного мушкетера с купеческого судна — это не лучшая смерть, а жесткая пенька корабельных канатов уже не так, как прежде, ласкает кожу.

— Но ты вроде еще молод?

— Скорее, хорошо сохранился, и хотел бы, чтоб так было и впредь...

— И убери, пожалуйста, ноги с моего стола, — Гийом широко улыбнулся полными своими губами, — пока я не приказал их повыдергивать, сустав за суставом.

Пират медленно, с достоинством убрал ноги со стола и спокойно продолжил:

— Но у меня осталась одна страсть, которую я с лихвой утолял в море, и хочу, чтобы так было и впредь.

— Не томи, — в голосе начальника Тайной Канцелярии чувствовался некоторый интерес, — а то начну иглы под ноги загонять, чисто по привычке.

— Я люблю страх, — резко завершил свою фразу Фредерик, — люблю, когда меня боятся, причем боятся все, вне зависимости от звания и состояния, и, похоже, мы с вами в этом схожи...

— Не пори горячку, — голос де Маранзи стал скучен, — я лишь делаю свою работу.

— Я был бы рад, если бы это стало и моей работой тоже. Вы, ребята, крутые перцы,

даже отморозки из банд уважают вас. Да и работа при этом непыльная, как я слышал.

— Избавь меня от досужих размышлений. Наша работа отнюдь не безопасна, — Гийом выдержал паузу, — но мы наводим страх. Обоснованный, серьезный и доводящий до дрожи и рвотных позывов страх. И такой сукин сын, как ты, нам пригодится.

Фредерик Вангли усмехнулся, опять скорее про себя, чем «вслух». Все снова начиналось как на корабле — есть ублюдок, который невообразимо бесит, и в то же время вызывает уважение. И этот ублюдок — вожак стаи, он знает, куда вести и путь этот неизменно приводит к добыче. Вожак — сумел выжить среди прочих, он оказался сильнее, хитрее, злобнее и подлее прочих. А значит, оглядываясь вокруг, ты понимаешь — лучше быть с ним, чем против него, и уж тем более с ним быть много выгоднее, чем в одиночку.

Вангли и сам не знал, насколько он прав. Гийом де Маранзи был вожаком, как и большинство подобных людей — одиноким и надежным. Он начал свой путь третьим сыном небогатого, но древнего, а потому гордого, рода. Без денег, без связей, без особого образования де Маранзи в 14 лет поступил на государственную службу в далеком Шваркаресе. В 15 он поймал своего первого разбойника, в течение года Гийом «подкармливал» местную молодежную банду, работая секретарем начальника стражи небольшого городка. Сливал горстке плохо вооруженных отморозков информацию о местах, где стражники редко появляются, о маршрутах патрулей, о добыче и местах хранения оружия с минимальной охраной. Гийом любил уже тогда действовать наверняка. Он превратил горстку шпаны в хорошо экипированную и очень успешную банду. А потом, когда происходящим в городе и его окрестностях заинтересовалась герцогская администрация, он лично, с небольшим отрядом особо заинтересованных им стражников, возглавил облаву, когда его подопечные были максимально уязвимы.

Все, знавшие о «вкладе» Гийома в успешность банды, погибли при задержании, остальных повесили, предварительно устроив показательный процесс. Он сохранил жизнь лишь двум особо смышленным бандитам, которых намеревался впредь использовать. Тогда они стали первыми жертвами его коварства — ненавидящими де Маранзи, но восхищенные его беспристрастной эффективностью. По завершении громкого дела Гийом попал на герцогскую службу, в секретный отдел. А очень скоро возглавил его, подсидев прежнего начальника на связях с Тайной Канцелярией Шваркараса. А чуть позже он «сдал» все секретные операции герцога той же Канцелярии. И получил в свое распоряжение отдел в одном из крупных городов королевства.

В колонии де Маранзи попал не совсем по своей воле — министру требовался кто-то достаточно злобный и жесткий, чтобы действовать в Новом Свете. А потому наверх всплыли некоторые дела Гийома, сразу прибавившие ему противников среди герцогов, маркизов и церковных иерархов. Так что пришлось соглашаться на поездку, оставив министру практически в залог свою молодую жену и дочь.

Новый Свет встретил Гийома необъятным полем деятельности. Никого не любя, кроме тех, кто остался далеко, не воспринимая людей больше чем шестеренками в своей машине, да и себя до срока считая просто большим зловещим механизмом, Гийом поставил под контроль своего управления на Экваторе огромные территории, став самым эффективным организатором Тайной Канцелярии в этой области. С годами он развил какой-то inferнальный талант к оболыщению. Умея быть приятным и обходительным, Гийом умудрялся даже совершенно презирающих его людей делать лояльными, а также он, как и большинство таких людей, умел держать в памяти множество мелких подробностей о

сотрудниках и операциях. Для своих людей Гийом, не испытывая к ним особой любви, умел оставаться другом и отцом, а для врагов он был неизменной, почти непреодолимой угрозой, всегда знающей, когда нанести удар. Гийом был тем самым вожаком, в котором нуждался Вангли, он никого не любил за конкретным исключением. Но, как и пиратские капитаны, считал свою работу частью своей жизни. В отличие от «сухарей», считавших, что у них нет врагов, кроме врагов Шваркараса, и целей, кроме целей страны, де Маранзи воспринимал каждую операцию как предмет личного интереса, а каждый провал как плевок себе в лицо. Если враг переходил дорогу государству на территории Гийома — он становился личным врагом дейцмастера, а значит, человеком совершенно обреченным.

Для Вангли, пирата с малых лет, человека жесткого и даже кровожадного, Гийом де Маранзи был примером идеального лидера — жесткий, принципиальный лишь когда это выгодно, подлый и эффективный, Гийом обладал средствами вести свою «стаю» к добыче. И Фредерик был готов идти за этим лидером, давая волю собственным полезным, но порочным качествам. Пират не был моралистом, он ожидал, что служба Гийому будет полезной, интересной и приятной, ведь нет ничего веселее, чем узаконенное насилие. Для Вангли у Гийома была и еще одна важнейшая черта — если возникнет потребность, пират без сожалений и угрызений совести предаст начальника, и это грело, об обратном варианте Вангли предпочитал не думать.

Часть 3. Глава 2. Пространно-политическая лекция о государственной службе

Толстячок Гийом медленно, довольно грациозно для его форм, ходил по кабинету, редкие лучи солнца играли на многочисленной позолоте его одеяния, лицо имело выражение вдохновенное и одухотворенное, выглядело это довольно нелепо. Пересекая плавными шагами пространство своего логова, дейцмастер Тайной Канцелярии, а именно так, как он пояснил Фредерику, официально звучит титул его нового начальника в королевской табели министерских рангов, подбрасывал в руке крупную золотую монету — двойной ригельдукат, и ловко ловил ее — иногда двумя пальцами, иногда всей пятерней, иногда прокатывая по ребру ладони. И вот это выглядело довольно впечатляюще, ибо при этом он не переставал говорить:

— Страх, мой несмышленный друг, это, безусловно, оружие в нашем арсенале, впрочем, далеко не главное. Тебе придется вдумчиво изучать наши инструменты, и если ты достигнешь хотя бы десятой части моего мастерства, считай себя счастливым...

— А если я достигну вашего мастерства?

— Этого не произойдет, — выражение вдохновенности сменила очень серьезная, зловещая гримаса.

— Почему? — вопрос был задан весьма искренне, с некоторой долей недоумения в голосе. Фредерик чувствовал, что сейчас идет какая-то игра, и Гийом проверяет, хороший ли Вангли игрок. Как и всегда в таких случаях, он предпочел притвориться еще глупее, чем был.

— Потому что, увидев, как ты достиг трех пятых моего мастерства, я убью тебя, — ответ был безмерно серьезен. — Двум паукам не ужиться в одной банке. Но, — продолжил он, помолчав, — если ты достигнешь двух четвертей, хм, многовато математики, моего мастерства, я, пожалуй, смогу от беды усладить тебя служить короне куда-то еще.

— Как бы еще вовремя понять, как это произошло, — кисло ответил бывший пират...

— Ты прав, это сложно... Многие не успевают. Ну так, о чем я... — монета взлетела в воздух несколько раз, пропрыгала меж костяшек пальцев контрразведчика и замерла меж мизинцем и большим. — Ах да. Ты умеешь стрелять, наверняка хорошо владеешь клинком, ловок, от природы хитер, неплохо lupишь морды и наверняка умеешь внушать столь любимый тобой страх. Это, так сказать, профессиональный навык.

— Еще я неплох в математике...

— Математике? — бровь толстячка взлетела вверх удивленно.

— Ну да, надо ж уметь делить добычу.

— А. Ты об этом, — голос поскукнел, — продолжим. И если перебеешь меня еще раз... останешься без полезных знаний. Так вот, ты владеешь начальными навыками нашей профессии, являешься сырой глиной, из которой я, при должном старании с моей стороны и должной податливости с твоей, сумею вылепить весьма годного к службе специалиста.

Монета взлетела под потолок. Гийом сделал три-четыре шага по комнате и, продолжая говорить, поймал ее в руку, заведенную за спину:

— Каждый сопливый политикан или некомпетентный шпионика считает, что может познать искусство власти над людьми, научившись внушать страх или развить заложенный в каждом из нас талант лжеца. Это так грустно, что порой я начинаю грызть лацкан своего мундира, забыв, что иммунитет к большинству ядов выработал еще в двадцать. Наше

искусство заключается в том, чтобы уметь ставить на место неумех, обманывать хитрецов и самое главное — содержать подданных нашего Короля в постоянном состоянии напряженного благоденствия. Это очень тонкий лед. Если обществу все время врать — оно либо отупеет при талантливом вранье, либо начнет понимать, что его обманывают. При первом случае — удобно управлять, но очень скоро, через пару поколений, окажется, что пастыри идиотов не умнее своей паствы, а кругом много умных и более дальновидных соседей. При втором — народ захочет, чтобы его перестали надуть, и рано или поздно заменит правителей на более, по его мнению, честных. Если вдобавок ко лжи человека постоянно запугивать, неважно как, — подстраивая восстания, ведя маленькую победоносную войну где-то в глуши или вешая каждого третьего, то он станет либо нечувствителен к страху, либо столь запуган, что потеряет всякую волю. Безвольным он также потеряет трудолюбие и способность сопротивляться чему бы то ни было. А значит, скоро придут ригельвандские купцы и, выкупив у него его землю, построят на ней свои заводы или алмарские кнехты перережут всех к едрене фене. Я понятно изъясняюсь?

— Неясно только, к чему клоните.

— Ну, ты демонстрируешь смышленность. Просто проверял твоё внимание. А веду я к следующему. Существуют тысячи ниточек, тонко сплетая которые, можно научиться контролировать общество, и ниточки эти — ложь, страх, насилие, алчность, злоба, зависть, гнев, глупость, и прочие, мы сплетаем искусно и точно, и тем приносим пользу обществу и Короне. В этом наша задача и наша заслуга. Нельзя пугать бесконтрольно, нельзя врать бесконтрольно, нельзя играть на страстях человека постоянно. Он сорвется с крючка, как рыба у неумелого рыболова. Общество не догадывается, когда ему врут, если врут только в самом важном, причем важном для него. Например, крестьянам важно не знать, что король на самом деле не излечивает язвы прикосновением. А губернаторам важно не знать, что у тайной канцелярии имеется компромат на все их взятки, недочеты, тайных любовниц и антигосударственные высказывания. Из чего следует, что врать надо так, чтобы у всех оставалось блаженное ощущение, что если их и обманывают, то для их же блага, врать так, чтобы в эту ложь хотелось верить. Точно так же и со страхом, если запугать всех и вся, из этого обязательно выйдет что-то скверное — либо революция, либо интеллигенция. Пугать нужно очень аккуратно. Чтобы у человека всегда оставалось чувство тревоги — неясное ощущение постоянно нацеленного ботфорта в районе копчика. Чтобы он не боялся ходить на работу, общаться с друзьями, заводить интрижки и изредка позволял себе брань в адрес правителей. Но при этом чувствовал, что если он вдруг задумает схватиться за вилы или за камень, или позволит себе в приличном обществе сказать или написать слово «республика» или «вольности», то его тут же глубоко и нежно полюбит родная тайная канцелярия и распространит любовь эту на его детей, жену, мать и сестер с братьями. Начинаешь понимать?

— Определенно да. Хотя не ясно, как этого добиться...

— В этом и состоит сложность. Никто не знает, как этого добиться в полной мере. Я признаюсь, тоже. Но есть один рецепт, который я считаю верным — анализ, планирование, интуиция и удача. Позволят тебе понять, когда пугать, когда врать, когда играть на алчности или глупости и как при этом вить из людей веревки. Ты пират. Тебе за двадцать. На тебе не так много шрамов. И ты служил под началом беспечного Альберта Меченого. Значит, удачи и интуиции тебе не занимать. А анализировать и планировать я тебя научу! Согласен?

— Так точно! — радостно стукнул подошвами подкованных ботинок Стервец.

— Тогда добро пожаловать в коллектив, сейцвер Тайной Канцелярии Ахайоса Фредерик Вангли Стервец!

Монета описала в воздухе дугу и была довольно ловко подхвачена бывшим пиратом.

— И еще одно, — серьезно добавил дейцмастер тайной канцелярии, — мы, конечно, очень крутые перцы. Но прокурора все же опасайся. Он перцы жрет на завтрак.

Введение в профессию

Как сейцверу, то есть чиновнику региональной службы, а значит, лицу с одной стороны важному, а с другой стороны ответственному, Фредерику Вангли был предоставлен кабинет в Шестой Цитадели, который он делил с одним из архивистов Тайной Канцелярии. А также небольшая квартира в Торговом Квартале — одном из немногих относительно комфортных и безопасных кварталов города, где к тому же всегда было сосредоточено довольно много ниточек, умело сплетаемых Тайной Канцелярией. Можно сказать, Стервец жил при деле. Притом с некоторым, приятным для пирата, удобством.

Зарплата чиновника оказалась вполне сносной — около сотни золотых оров в месяц, плюс премиальные за особо сложные задания, а также сверхурочные. Для примера, зарплата офицера в чине лейтенанта армии составляла в Ахайосе от сорока до семидесяти золотых. А простой крестьянин острова Калистис зарабатывал не более десяти-пятнадцати золотых в год.

Дейцмастер де Маранзи ясно дал понять, что относится к новичку весьма неплохо, и за это отношение ожидает много от своего сотрудника. Однако первые пара месяцев службы шли как испытательный срок. В основном Фредерику доставалась нудная, рутинная, но совершенно необходимая работа, которая обеспечивала Канцелярии необходимые ресурсы для бесперебойного функционирования.

Первым заданием Вангли получил слежку за шваркарасским торговцем, тучным дядькой лет сорока, отличавшимся завидным постоянством, свойственным устроенной жизни. Торговец, а вернее, купец, уполномоченный государством на торговлю в колониях, но лишь между колониями, а не с метрополией, регулярно посещал бордель «Розовое Сердце», несколько трактиров в своем районе и игорный дом «Престиж». Но с некоторых пор стал мрачен, с каждым днем все меньше ел, чрезмерно много пил и почасту обижал до этого любимую жену. Поскольку купец этот к тому же был доносчиком Канцелярии, обеспечивающим ее свежими новостями о жизни биржи, изменение поведения вызвало вопросы.

Оказалось, впрочем, все довольно несложным. Одна из шлюх в борделе была вампиршей, работавшей на Банду Трупоедов — сборище городской нежити всех мастей и видов, державшей район неподалеку от Торгового. Она сосала из похотливого толстячка кровь в разумных пределах, а также превратила его в дойную корову для банды.

Вампиршу пришлось пожурить серебряной плетью и, объяснив ей всю несправедность ее пути, убедить честно и часто рассказывать все тому же купцу новости о насущной жизни мертвяков города и планах банды, кровь в разумных пределах позволили сосать и дальше.

Далее довольно долго пришлось заниматься курьерской работой, собирая сведения от различных доносчиков, как оказалось, во множестве расставленных по городу Гийомом и Канцелярией, с изяществом фехтовальщика и стратегическим подходом умелого шахматиста.

Тут Стервец получил весьма ценный урок — бери в доносчики лицо заинтересованное и уязвимое.

Например, в квартале Крыс доносили рядовые бойцы банд, которым нужны были деньги для поддержки семей, если бы их раскрыли, то тут же живьем распяли на воротах пагоды главы банды.

В Банде Безумцев доносчиками служили самые слабые и ущербные из ее членов. Общество безумных бойцов, берсерков, отморожков и костоломов с одной стороны держало их в черном теле, с другой стороны — просто не замечало. А доносительство, во-первых, хорошо вознаграждалось, а во-вторых, Канцелярия иногда помогала своим внештатным сотрудникам сводить счеты с особо борзыми ущемителями доносчика.

В то же время в Банде Ножей доносчиками, как правило, были видные члены банды, достаточно нечистые на руку и готовые на сговор с совестью, заинтересованные в том, чтобы именно работающим на них тартанам контрабандистов учиняли минимальный досмотр, пропуская порой такие вещички, которые были под запретом даже в беспутном Ахайосе.

В Банде Корона, состоящей из ублюдков различных аристократических родов Шваркараса, романтических безродных бретеров и ленивых магов-недоучек, сбежавших из своих школ и гильдий ради «красивой» жизни, шпионили все. Причем добровольно — банда объявляла о своей открытой поддержке Короне Шваркараса, но потому пользы от нее было мало.

В прочих бандах закономерность вывести было сложнее — как правило, это были самые различные «взятые за задницу» деятельными работниками Гийома личности, часто сотрудничающие неохотно, но не имеющие иного выбора.

В банде могучих мужененавистниц-Дев доносила девица, близкая к главе банды. За что ей иногда позволяли видеться с Мадмуазель Жаннет — лучшей куртизанкой Ахайоса, к которой доносчица имела просто-таки нездоровую страсть.

В Банде Демониц, отличающихся схожей с Девами политикой, но к тому же занимающейся демонологией, доносчицей была вздорная девица, активно косящая под опытную оккультистку, на самом деле фальшивая до мозга костей неумеха, которой люди Гийома помогали держать образ.

В таинственной и зловещей банде убийц-Призраков, тесно общающихся с миром духов, шпионил боец невысокого ранга, чья сестра содержалась под надзором Канцелярии. Информация о Призраках была очень важна — они, да еще банда убийц-Темных, как правило, стояли за большинством насильственных смертей излишне упрямых шваркарасских чиновников в Ахайосе.

Сложнее всего было, как ни странно, с Кварталом Отбросов, где жили самые нищие люди города. Они были столь несчастны, что их фактически нечем было привлечь. Если платить им, они быстро переставали работать и становились бесполезны. А запугать их было нечем, ни смерти, ни угроз, ни вымогательств они ввиду своего положения не воспринимали.

Так же не шпионили туземцы из Банды Колдуна — древний и опытный Колдун выявлял доносчиков среди своей паствы быстрее, чем они становились полезны.

Из занимательных мелких поручений Фредерику также запомнился поход в детский бордель, расположенный в Квартале Наемников, обворожительная хозяйка которого передавала чиновнику канцелярии списки своих клиентов с именами, чинами и пристрастиями, и в списки эти входило множество людей, могущественных и незаинтересованных в разоблачении их мелких пристрастий.

Небезынтересной была операция по вербовке одного из пиратских капитанов — сначала ему дали наводку на баснословную добычу, которую, по слухам, вез на своем побитом судне его коллега из берегового братства. А после того как амбициозный и алчный юноша захватил и потопил собрата по цеху, да к тому же пытал, не обнаружив на борту сокровищ, а потом в ярости зарезал... Парня на берегу встретил Фредерик с отрядом бойцов. Отвез к де Маранзи в Канцелярию, где толстячок-дейцмастер объяснил капитану, что теперь только его честная служба на благо Короны Шваркараса позволит юноше сохранить свою репутацию незапятнанной в Братстве, не будучи раскрытым.

Были и другие, ситуативные, но иногда довольно мрачные дела. Например, пустить слух о монстре, появившемся в Правительственном квартале — это потребовалось для того чтобы произвести ночной незаметный арест одного важного лица. Вызов на дуэль ригельвандского торговца, к сожалению, закончившийся летальным исходом, а нужен-то был только для того чтобы отвлечь его от собственного склада, где отравили часть товаров, предназначенных для вывоза из Ахайоса. Заказ местным наемникам нескольких взрывов в Торговом Квартале сделал на время местное купечество доверчивее к сотрудникам Канцелярии. А в нескольких подконтрольных Гийому театрах, по причине смены текущего политического курса, комедии, высмеивающие государственных чиновников, заменили на социальную сатиру про аристократов. Де Маранзи устраивал профилактику благородных дармоедов и обеспечивал поддержку в городе, чтобы все прошло естественно и незаметно.

«Боевым крещением» же, доказавшим, что Вангли готов для более серьезных операций, стало дело о «крысе» среди сотрудников Канцелярии, которой оказался один из опытных шпионов Гийома, перевербованный ригельвандскими деньгами. Фредерик выполнил все не совсем чисто, но зато довольно эффективно. Многодневная слежка, выяснение новых и старых знакомств, исследование маршрутов ежедневного движения шпиона, аккуратные обыски в квартире и прочие штатные мероприятия... ничего не дали. Тогда Стервец последовал принципу интуиции и был вознагражден удачей — он просто прижал агента Канцелярии, затащил в подвал и отрезал пальцы, пока тот во всем не сознался. Получив сорок плетей за непрофессионализм, Фредерик Вангли Стервец смог добавить к титулу сейцвера звание специального агента Тайной Канцелярии Ахайоса. Теперь его начали допускать к серьезным и важным делам.

С каждым днем, проведенным на службе, Фредерик чувствовал себя все уверенней. Он с самого детства был пиратом. Впервые попав на корабль в 12, он научился жить в обществе, где ценится жестокость и суровый нрав. Плавая на больших и малых судах, Фредерик убедился, что капитаны-герои, смелые и принципиальные — это сплошная кость в горле, они не занимаются ремеслом, а «мучат жопу», все время находясь в размышлениях о том, что позволительно, а что постыдно. С такими не сваришь каши, скорее сложишь голову. А голова была Стервцу дорога, он очень ценил этот предмет своего тела. Из всех вожаков он больше всего ценил таких, которые понимали скотскую природу человека. Человек, взявший оружие и пошедший на кровавое дело, по определению зверь, а значит, не надо рядить его в кружева и бархат морали и этики. Вангли не был кровожаден, но он был пиратом, он наслаждался страхом в глазах противника во время abordaжа и сокрушенной покорностью в глазах пленников, особенно пленниц, после боя. Он любил такую жизнь, и не собирался от нее отказываться. Стервец не считал себя плохим, просто подходящим для той роли, что назначила судьба, в 12 лет разрушившая набегом туземцев колонию, где он жил с семьей, убившая отца и ритуально насилувавшая три дня подряд сестер и мать на алтаре. Судьба,

позволившая отомстить краснокожим, служа проводником кучке оборванцев с холодными глазами и хорошим оружием, и принявшая затем его на борт «Шлюхи ветра» решением капитана Альфонсо Хромого. Теперь судьба, как и много лет назад, давала Фредерику новый шанс потакать собственным порокам и давала нового вожака, такого же эффективного, как старик Альфонсо, распявший туземцев на воротах их же храмов и добивший безумных, изнасилованных женщин, зная, что иногда смерть милосерднее жизни. И Фредерик не противился судьбе. Он знал, что лидером быть не сможет никогда — не умеет сводить концы с концами, не любит людей и не желает нести ответственность за кого-то кроме себя. Но в Гийоме де Маранзи и службе Короне он увидел новое жизненное призвание, имя которому наслаждение узаконенным насилием. Это призвание и начальник нравились Стервецу, на время он нашел свое место. И потому он познавал премудрости нового дела с таким же рвением, как когда-то учился драить палубу, взбираться по вантам или стрелять по чайкам из мушкета.

Библиотека Хранителей Знаний. Занимательные пояснения о тайных службах мира

Любопытные и поучительные события в Шваркарасском городе N

«Шеф, все в порядке, указанный вами «объект» упокоился. Любимый город N может спать спокойно. Потери среди наших — четверо. Отличился Рене — прострелил шустрому ублюдку башку».

Отчет группы «свободных художников» мэру города N по проведенной операции. Глава группы — Беарн Кровавый Шип

«Господин герцог, ситуация в городе N нашла решительное разрешение, мэр города нанял головорезов для устранения вашего гостя, господина S. Мы обладаем достаточным поводом для импичмента и установки более надежного градоначальника. S, к моему великому прискорбию, не выжил».

Отчет специального агента влияния герцога Морпаньяка по ситуации в городе N, шевалье Генриха де Соманти

«Дейцмастеру провинции Морпаньяк. Ваши инструкции исполнены в точности. Конфликт локализован. Люди мэра города N устранили шпиона Военной Разведки. Сотрудник герцога приступает к процедуре импичмента мэра. По результатам голосования в городском совете место займет ваш кандидат. Доказательства против герцога неоспоримые. Можно открывать операцию «Море». Наемника Беарна Люмьи по прозвищу Кровавый Шип рекомендую к зачислению в штат».

Доклад сейцвера Тайной Канцелярии Шваркараса по ситуации в городе N

«Полковнику Военной Разведки Геймлиху де Торонье. Срочно. Тайно. Лично в руки. Высшая степень защиты. Докладываю: операция успешно завершена. Текародский шпион S не смог достичь пункта назначения. Секретная переписка со шхуны «Отвага» перехвачена. Агент дальних сил влияния иностранной враждебной державы уничтожен отрядом наемников, оплаченных мэром города N. Рекомендую к зачислению в штат Рене Кривобокого из отряда «вольных художников». Дезинформация по Тайной Канцелярии о принадлежности агента прошла. Честь имею».

Отчет лейтенанта Военной Разведки Шваркараса Николаса де Тари по операции в городе N

«Дорогая Жанна. К великому прискорбию, дедушка S скончался до того, как я сумел с ним побеседовать, дабы вызнать последнюю волю покойного. Очень прискорбно. Однако

местный коронер оказался очень любезным. Он выдал мне тело за скромное вознаграждение. Теперь дедушка может быть похоронен со всеми почестями. Направляюсь в наше уютное гнездышко. Везу дедушку. Будь любезна удостовериться, что наш фамильный гробовщик не будет пьян. Твой Пьер. P.S.: Преступность в городе невероятная, мне трижды пришлось вступать в перепалку с местными оборванцами. А однажды меня даже пыталась совратить женщина легкого поведения».

Отчет сотрудника Коронного Министерства Специальных Войск графа Пьера де Дракко о мероприятии в городе N

«По ситуации в городе N. Противостояние между мэром и герцогом уравновешено. От смены властей урона торговым делам не будет. Вмешательства не требуется. Мэр за проявленные качества будет переведен во внешнюю службу Тайной Канцелярии. Герцог предупрежден о последствиях.

Военной Разведке известно излишне много, требуется дополнительное расследование о понимании термина Текарод. Предположительно, это инициатива лейтенанта Николаса де Тари и полковника де Вольми. Первого рекомендую к зачислению в штат, второго к почетной отставке с неразглашением.

Установлен список лиц, контактировавших с агентом S. Считаю необходимым физическое устранение кастеляна герцога, первого помощника мэра, шести человек прислуги, булочника города N и девяти нищих из разных районов города. Герцога де Морпаньяка необходимо в кратчайшие сроки допросить силами Тайной Канцелярии и оповестить об ответственности. Сведения были предоставлены шевалье Генрихом де Соманти. Рекомендован к зачислению в штат с испытательным сроком. Может быть перекуплен Канцелярией.

Расшифровка послания графа де Дракко.

«Вызвать последнюю волю покойного» — не успел произвести допрос.

«Местный коронер оказался очень любезен» — тело агента S удалось изъять из морга.

«Везу тело дедушки, удостоверься, что гробовщик не будет пьян» — тело S будет транспортировано в секретное убежище, где должен располагаться готовый к немедленным действиям некромант.

«Трижды оборванцы. Однажды дама легкого поведения» — в ходе операции графом были «выпиты» трое случайных нищих и одна проститутка.

Таким образом доподлинно установлено, что части Специальных войск используют в операциях запрещенные, губительные искусства. Граф де Дракко — вампир высшего уровня. Личность «Жанны» устанавливается, возможно, полковник Гуго де Штосс. Рекомендую обеспечить новый запрос Королю о необходимости обеспечения углубленного контроля СВ.

Дополнительно — агент Тайной Канцелярии знает больше, чем передает. Возможно, работает на третью сторону».

Резюме засекреченного агента Службы Защиты Государства по обстоятельствам в городе N

— Таким образом, Ваше Величество, ситуация находится под контролем. Амбиции герцога де Морпаньяка будут подавлены. Деятельность агентов враждебной державы пресечена. Ущерб торговой инфраструктуре города N минимален, понижения налоговых поступлений не предвидится. Удалось сохранить ограниченность осведомленности Службы Защиты Государства по деятельности Специальных Войск. Тело агента S уже было допрошено арестованным в прошлом году некромантом. Важные сведения поступят в

отдельном докладе. Система работает как часы, государь. Ввиду необходимости сохранения конспирации, родина не должна знать своих героев. Потому рекомендую по результатам представить к награде меня. Давно мечтал о стальной ленте полной кавалерии.

Заключение премьер-министра Шваркараса о деятельности спецслужб во время ситуации в городе N

Часть 3. Глава 3. Безумное дельце

Был теплый, весенний месяц вандакр, в полях за толстыми стенами Цитаделей зрел, орошаемый мягкими дождями, урожай, а в кабинете дейцмастера было влажно и душно.

Что, впрочем, не мешало де Маранзи бодро вышагивать по хмааларскому ковру, обмахиваясь веером из белых пушистых перьев.

— Итак, урок ты усвоил, иногда приходится полагаться на чутье, иногда планировать. Немного ты научился и тому, и другому. Хвалю.

Фредерик, сидевший в глубоком, но неудобном кресле, поправил рукав форменного черного сюртука Тайной Канцелярии, который он носил теперь на службу в Цитадели, и улыбнулся. Жара делала его неразговорчивым.

— Однако приходит время, и мы понимаем: внутренний враг — это существо ущербное, оно находится в нашей паутине, мы вертим им, как заблагорассудится, пугаем, обманываем, награждаем за послушание и иногда легонько наказываем. Совершенно иное дело, — толстячок экспрессивно взмахнул рукой, — враг внешний.

— Внешний? — недоуменно поинтересовался Вангли.

— Да. Представь себе. Где-то, например, в расположенной неподалеку ригельвандской колонии на Клыкe, сидит такой же добродушный дядька, как я, и учит недалекого бывшего пирата уму-разуму. Знакомит, так сказать, с профессией. Но учит он его не тому, как приглядывать за своими, а как пакостить чужим. Мы, помимо прочего, занимаемся контрразведкой. Как ты думаешь, что это значит?

— Ну... — начал Стервец неуверенно.

— Это значит, что где-то есть разведка, которой мы противостояем, — нетерпеливо закончил очевидную мысль Гийом. — И тут есть одно важное правило. Если, решая наши внутренние проблемы, мы иногда можем признать, что имеем дело с идиотами, и не напрягаться, то в случае внешней угрозы мы всегда, запомни — всегда, должны считать их умнее себя, даже зная, что, скорее всего, переоцениваем. Так оно надежнее. Потом в моем случае я могу кого-то переоценивать. Но вот ты, дружок, должен быть свято уверен в том, что в девяносто девяти процентах случаев тебя наебут и подставят как котенка. Уразумел?

Бывший пират кивнул. Ему хотелось плюнуть в морду начальника, но это желание свидетельствовало лишь о том, что толстяк прав.

— Хорошо. Есть тут один сукин сын, зарегистрировался на таможне как Ордург Ногст, следовал якобы из Хмаалара, да уж больно свежий с корабля сошел. Сошел и растворился в толпе. Мои ребятки его пока не нашли, и это подозрительнее всего. Особо меня бесит, что он гетербаг.

— Я понял по имени, — сказал Фредерик и звучно потянулся. Имена гетербагов были звучными, рокошущими и грозными, как сами гиганты. Но верить в гетербага-шпиона было удивительно, как и большинство людей, Фредерик считал крепышей недалекими.

— Ну и молодец. Я тебя утомил? — голос звучал буднично-зловеще.

— Нет. Что вы, патрон, — ответил бывший пират буднично-испуганно. Эта часть игры его уже даже особенно не раздражала, Гийом любил утверждаться за счет других и, пока ему платили, Фред был не против такого отношения.

— Хорошо. Вот бумаги, — рука в бархатной перчатке протянула Вангли нетолстую кожаную папку, — ознакомься, там приметы, название судна, день и час прибытия, прочие

детали.

— И что за задача?

— Я нутром чую, и гадатели со мной согласны, что эта мразь шпионит на Королевство Нефритовой Маски. Его надо поймать и грохнуть. В идеале — допросить, но он гетербаг, так что на это даже не надеюсь.

— Я буду действовать один? — стараясь не подать вида, сейцвер ощутил в животе ледяной ком, при других условиях он бы не прикоснулся к Королевству Нефритовой Маски и четырехфутовым штыком. Но также он знал — это шанс выслужиться, а амбиции были еще одной, относительно недавно приобретенной им, слабостью. В очередной раз пришло в голову сравнение со стаей — покажешь слабость, и добычу урвет кто-то другой, понятное дело, менее достойный.

— Нет, конечно. Возьми Питера и Жака, если понадобится огневая поддержка, сообщай, но будь уверен на все сто.

— Все будет, патрон!

— Чем быстрее, тем лучше, — Гийом зевнул. — Все, пшел вон отсюда, ваши черные шмотки навевают тоску.

Начальник понтовался, ходили упорные слухи, что Гийом носил белое и презирал официальный цвет Канцелярии в пику министру, на которого до сих пор таил обиду размером в двадцать томов компромата.

Стервец поднялся, и коротко поклонившись, быстро покинул кабинет. С наслаждением он расстегнул форменный сюртук и сорвал пропотевший шейный платок, на ходу доставая из папки первую из шести имеющихся там бумаг. Он направился в свой кабинет, по дороге проинструктировав секретаря прислать туда Питера и Жака — служащих Канцелярии, исполняющих боевые и вспомогательные функции.

Питер и Жак — два непохожих друг на друга, но очень одинаковых субъекта невыразительной внешности, один — долговязый громила с лицом злого ребенка, второй — жеманный красавчик с крючковатым носом и повадками ворюги. Оба смышленные ребята, но не способные к аналитической деятельности, с явным недостатком структурного мышления. При этом расторопные и исполнительные.

Ребята давали вполне удовлетворительные результаты, если их нормально и точно инструктировали.

Фредерик сидел за своим некрупным столом, закинув ногу на ногу, и, наслаждаясь временной ролью начальника, проводил нехитрый брифинг:

— Шесть дней назад в порту причалил корабль «Воля волн», с него сошло шесть пассажиров, в том числе некий Ордур Ногст. Задача простая, пошныряйте в порту, в торговом, у пиратов, попробуйте найти мне матроса или офицера с того корабля или кого-то из пассажиров. Корабль ушел, но кто-то мог остаться. Мне нужно описание этого гетербага, а лучше просто приведите того, кого поймали, ко мне.

— Деньжат бы, шеф, — пробурчал Питер.

— Деньги возьмите у интенданта, дейцмастер расщедрился на финансирование, заодно справьте себе новые портупей. А то стыд один, — Фредерик и сам не знал, почему ввернул про портупей, обычно он и сам был не прочь присвоить «остатки» от финансирования. Коротко поразмыслив, он решил, что на него начал влиять дурной пример змеиной обходительности Гийома.

— А сроки, шеф? — с виду безразлично поинтересовался Жак.

— Не найдете никого за три дня, будете сами разговаривать со стариной Гийомом.

Ребятки звонко, почти синхронно щелкнули сапогами, и удалились, пообещав «сделать все в лучшем виде».

Сам же Вангли пересмотрел еще раз бумаги и отправился к интенданту.

— Достал? — поинтересовался бывший пират у немолодого ригельвандца, уютно устроившегося за конторкой склада в мягком кресле.

— Шоб тебя у твоей мамы так же доставали! — ответил интендант Тайной Канцелярии звонким дребезжащим голосом.

— Моя мама была святой! — возмутился Фредерик.

— Ой, спаси меня Единый, неужели твоя мама была из Шваркараса?

— С чего ты взял? — подозрительно поинтересовался Стервец.

— Да только там, я слышал, есть монастырь Бога Куртизанок, — со смехом ответил ригельвандец и выложил на стол перчатку из черной кожи, на которой были обрезаны все пальцы кроме указательного.

— Ах ты ж, гнида, — пророкотал сейцвер тайной канцелярии.

— Ну-ну, поменьше пара, вы, мой государь, при исполнении, а я и чинах вас постарше буду. Бери, малец, перчатку и проваливай, — невозмутимо ответил интендант.

— Как действует? — Вангли был мрачен. Такие вещи его действительно бесили, это был один из недостатков службы. В море он бы просто вонзил кортик в левый глаз ублюдку, но тут приходилось мириться со словесными баталиями, которые ригельвандец почитал смешными и безобидными, а бывший пират — смертельно оскорбительными. Самое поганое — подонок об этом явно знал.

— Все проще пареного каперса, хм, впрочем, зачем их парить, — ненадолго задумался канцелярский ворюга и затем продолжил. — Если поблизости окажется кто-то, укрытый колдовской личиной или использующий магию иллюзий, палец начнет покалывать, если кто-то, отмеченный демонической энергией, то накладка из серебра внутри на подушечке потеплеет.

— И надежно?

— Друг мой, наш мир шаток и скользок, подобно репутации придворной актрисы. Есть всего две вещи, которые всегда надежны — смерть и геморрой. Первое, кстати, меньше. И, кстати, не рекомендую ходить возле квартала Демониц.

— Да уж без тебя понимаю, — бывший пират попытался резко захлопнуть окошко конторки, но ригельвандец убрал пальцы от перчатки, раздался сухой стук, и Вангли поклялся себе, что отомстит уроду в другой день.

Он уверенно зашагал в сторону выхода из Цитадели, намереваясь прошвырнуться по порту.

Портовые размышления о конспирации

«Мир наш велик и разнообразен, столько всякой хрени понапридумывали, что аж башка пухнет, хотя, чую, без магии и колдовства эта зловонная дыра, именуемая вселенной, была бы еще гаже: ни тебе антиблошинных амулетов, ни тебе мороженого».

Размышлял таким образом, Фредерик Вангли бодро вышагивал по растрескавшимся плитам Портового Района, с виду безразлично поглядывая по сторонам, на деле же пытаясь выделить из разномастной толпы негодяев, расцвеченных случайными вкраплениями праведников, нужную ему фигуру. Кого-нибудь достаточно большого и достаточно уродливого, чтобы оказаться гетербагом, приехавшим в Ахайос шпионить на Короля

Нефритовой Маски, и сумевшего избежать заботливого внимания канцелярии.

Задача была нетривиальной и в целом относилась к области невыполнимых. В конце концов, Ахайос был огромен, а его порт отличался габаритами чрезмерными даже для городов такого размера. Порт был колоссален, шумен, грязен и наполнен жизнью больше, чем парик придворного вельможи, пренебрегающего гигиеной.

Однако в то же время порт был наполнен стукачами, информаторами и «сознательными гражданами», находившимися на зарплате или на подачках у Гийома. Так что затеряться в нем, особенно гетербагу — представителю расы, взрослые мужские особи которой редко бывают ростом менее двух-двух с половиной метров с сообразной шириной плеч и всем прочим, достаточно нелегко. Гетербаги — это не те, о ком можно сказать, что они все на одно лицо, ну, или на одну рожу.

И все же он сумел затеряться. А это приводило весьма к конкретным выводам — не обошлось без магии. Или колдовства. Или, например, артефакта. А в худшем случае — демонического благословения. Ведь в Королевстве Нефритовой Маски правил король-чародей, а приближенными его были вампиры и демонологи. Так что вполне резонным и ожидаемым было предполагать от шпиона этой державы использование магических предметов, позволяющих ему отводить глаза, менять внешность или как-то иначе скрывать свою личность от чужого, злого и меткого глаза.

Использование мистических средств считалось в шпионаже делом распространенным, но граничащим с дилетантством. По одной простой и очевидной причине, как об этом размышлял Вангли — на каждую хитрую крысу найдется свой дудочник. Проще говоря, использование мистики достаточно несложно было отследить и обнаружить. Конечно, при условии, что у тебя за спиной стоял могучий государственный аппарат с наработанными схемами противодействия подобного рода явлениям. За спиной Стервеца стоял Шваркарас — государство, эффективно пользовавшееся шпионажем на протяжении уже пятисот лет и сожравшее, так сказать, не одну тысячу собак на этом деле.

Королевство Нефритовой Маски же, несмотря на всю свою грозную и зловещую репутацию, существовало всего каких-то неполных двести лет и успело усвоить в своем арсенале существенно меньшее количество приемов, позволяющих успешно соревноваться с южными исполинами.

Использование мистических способностей и предметов являло собой две существенных ошибки в шпионаже.

Во-первых, список магических и прочих предметов, позволяющих сокрыть свою личность, был воистину велик — отводящие глаза амулеты, маски-личины, меняющие внешность, кольца, плащи, шапки, подвязки и прочие невидимки, мази и декокты, позволяющие превратиться в другого человека, наемная нечисть, наводящая мороки и много чего еще.

Демонология и чернокнижие, науки запрещенные и по версии большинства религий разрушающие душу, давали еще более надежные способы сокрыть свою внешность, но их воздействия могли достаточно надежно обнаруживать священники, находившиеся на службе Канцелярии в достаточном числе. Все эти средства при должной сноровке обнаруживались, а сам факт их использования оказывался в достаточной степени подозрительным.

Во-вторых, всегда вставал вопрос цены. Надежные средства сокрытия личности были очень дороги — среднестатистический колдун или маг мог сделать личину, меняющую внешность на протяжении нескольких лет, и, само собой, требовал после этого весьма

немалую цену за свою поделку. Цену, за которую можно было бы нанять и воспитать трех-четырех шпионов невысокого ранга. К тому же, такие специалисты были достаточно редки. А более дешевые средства подходили для одного-двух использований и часто применялись в военной разведке, шпионам же были неудобны. Тут-то и крылась основная проблема таких спецсредств — обнаружение кого-либо использующего подобные штуки само по себе говорило о том, что он делает это не просто так. Говорило о том, что кто-то зачем-то выложил кучу бабок, чтобы остаться неузнанным, и это само по себе вызывало вопросы.

Таким образом, задача становилась не такой уж сложной — в порту Ахайоса вряд ли можно было бы встретить так уж много гетербагов, использующих дорогостоящие магические средства сокрытия своей двухметровой персоны. То есть, если изначальный постулат Вангли о том, что его цель скрывается за колдовской личиной или чем-то подобным, был правильным, у бывшего пирата были все шансы обнаружить гаденыша. Конечно, если шпион Королевства Нефритовой Маски сам был колдуном, магом или кем-то обладающим особыми мистическими способностями, все эти поисковые меры были бы одним большим пшиком. Как и в случае использования экстрадорогих мистических средств. Но, в конце концов, Стервец должен был попытаться хоть что-то сделать. Да и допускать мысли о том, что соперник превосходит его неоспоримо — не хотелось.

Порт не меняется

Порт потрясал шумом, гамом и разноголосьем множества самых разнообразных форм жизни. На всякий случай Фредерик присматривался не только к гетербагам, но также к представителям крупных анималистических рас. Антропоморфные носороги, минотавры, люди-крокодилы — крокане тоже вполне подходили для маскировки и так же, как и гетербаги, были немногочисленны.

Прислушиваясь к ощущениям от перчатки, Фредерик Вангли шел сквозь порт Ахайоса, пытаясь поймать за хвост свою ленивую интуицию, в тщетных пока попытках выяснить, что же он упускает из виду. Он проходил мимо старых скрипучих кранов, суетных такелажных мастерских, огромных, заполненных товаром складов, охраняемых дюжими бойцами из Банды Безумцев. Мимо стихийно формирующихся рынков, где сбывали трофеи и контрабанду, стараясь успеть до того момента, пока не подоспели хозяева порта и не потребовали свою долю. Мимо завшивленных портовых борделей и полуразрушенных матросских таверн. И слушал город, стараясь выжать из него знание, которое не могли принести артефактная перчатка и его собственный, вялый от жары разум.

— Эй, морячок, не хочешь развлечься? Всего монета, и я покажу тебе рай! — размалеванная проститутка с пушистыми заячьими ушами и миловидным, но потасканным человеческим лицом схватила за серый рукав рубахи молодого мускулистого матроса.

— Пшла прочь, шлюха! Твой рай пахнет сифилисом! — матрос оттолкнул девицу в откровенном лоскутном платье и гордо прошествовал в ближайшую таверну, предпочитая сифилису цирроз.

***

— Шелк! Лучший хмааларский шелк! Из благословенной Темным страны! Из далеких благоуханных краев, самый изящный шелк! — кричал толстенький смуглый торговец, выкладывая свертки цветной материи на переносной прилавок из пары ящиков и двух жердей, поддерживающих выцветший парусиновый тент.

— Скажи, Джариф, — к торговцу подошли два высоких, стройных юноши с золотистой кожей и черными как смоль волосами, поигрывая сияющими на солнце ножами, — как

поживает твоя сестра?

— Благодарение Темному, все благополучно, Сиван, — отвечал торговец тому из парней, что был повыше и постарше, смахивая рулоны шелка под прилавок. — Да будет Владыка благосклонен ко мне и Ираме еще тысячу блаженствующих ночей!

— Так зачем же ты гневишь Его, Джариф, зачем испытываешь свою худую судьбу, оскорбляя благословение Всевышнего своими дурными поступками? — голос юноши по имени Сиван был зловеще сладок. — Зачем торгуешь там, где торговать тебе не позволили?

— Всевышний мудр, и в мудрости своей указал мне путь, путь к богатству и процветанию. И лежит он за пределами власти Ножей, — голос торговца сделался жестким, но немного дрожал. — Не заставляй меня называть имя, Сиван, тебе оно не понравится.

— И все же, о неблагодарный пес, плевков под ногами правоверных, жалкий пожирающий помой хомяк, сообщи мне имя! — искусно выкованный, блистающий синевой и тонким чеканным узором молитв клинок вошел в доску прилавка на четыре пальца.

— И это имя — Ранкарн, — смиренно опустив глаза в пол, сообщил торговец.

— Бурый Тесак?! — вскричал хмааларец. — Но что сделал ты, неразумный червь, чтобы получить покровительство?

— Меня ценят, Сиван, и этого достаточно.

— Пойдем, брат, — второй смуглый юноша положил своему собрату руку на плечо, — мы еще накажем этого жалкого срамного изменника, не будем вести себя столь же немудро, как он.

Двое в черном покинули лоток торговца Джарифа за несколько мгновений до того момента, как туда прибыли новые «защитники» торговца — трое здоровенных гетербагов, увешанных дубинами, кастетами и гирями.

— Шелк! Божественный шелк!

***

— Ты очень плоххой мальчик, Петиррр! — шипел замотанный в грязные тряпки крысолюд, нависая над парнем лет девяти. — Твоя чапшшкка опять почти пуста, это оччень, оччень, плоххо. Наверное, ты не вызываешшшь досстаточно жалоссти. Есссли завтра твоя чапшша будет так же пусста... — крыс задумался. — Я отрежу тебе язззык или вырву глаззз, это выззывает жжжалосстть. Да, — удовлетворенно кивнул негодяй с облезлым хвостом, — это выззывает жалосстть. Завтра!

Ободранный, в завшивленной рубашке ребенок с ужасом смотрел, как вооруженный зазубренным клинком крыс направился к другим нищим, в голубых глазах ребенка застыло отчаяние и животный, неконтролируемый страх, постепенно сменяющийся смирением с судьбой...

***

Фредерик Вангли любил порт, особенно этот порт Ахайоса, даже сейчас, когда шаткая палуба осталась в области его недавних мемуаров, он все еще испытывал трепет и легкое, нервическое возбуждение, ощущая вокруг живое дыхание огромного, злобного и строптивного зверя. И этот зверь был Фредерику родным, он практически ощущал себя блохой, и сравнение это не было чем-то обидным. В порту проходили самые волнующие минуты его сухопутной жизни — голодный, злой, оборванный и без гроша за душой, он с нетерпением ждал в порту баркас, отправляясь в новый набег. Израненный, проеденный порохом и морской водой, усталый, но довольный, он сходил в порту, брэнча золотом и ожидая, что скоро конвертирует свою добычу в жаркие объятя платных чаровниц, рома и новых

беспольных шмоток. Фредерик любил порт, и даже эти сцены, в сущности мерзкие, Стервец видел с самого своего пиратского детства, они тоже были частью его, как и сам порт, их порождавший. Тут он чувствовал себя будто дома, все вокруг было ясно и знакомо, и это было преимущество Фреда перед неизвестным шпионом. Враг не мог здесь долго скрываться от сейцвера. Где угодно, но не здесь.

— Валите отсюда!

Их было трое на трое, с одной стороны — человек, полукот и рослый собакоголовый, в темно-серой форме с большим количеством стальных заклепок, увешанные боевыми цепями, снабженными грузиками, с моргенштернами и цепными боло на поясах. С другой стороны — гетербаг, минотавр с обломанным рогом, укрытым металлической нашлапкой, и могучий туземец, весь в татуировке из сплетенных змей. Полуголые, красующиеся буграми мышц и боевыми шрамами, вооруженные топорами, дубинами, зловеще выглядящими тесаками.

— Вы совершаете ошибку, — начал было полукот в красном головном платке.

— Завали пасть! — взревел гетербаг. — Чеши обратно в свои казармы, ублюдок!

— Этот порт наш! — вторил ему минотавр. — Нехер! Ползите обратно в свою дыру со своими железками!

— Иначе я буду обедать свежей печенкой, — закончил за всех зловещим хрипом туземец.

Трое в цепях переглянулись.

— Черт с ним, — сказал человек, кладя руки на плечи своих спутников, — их тут многовато, помните слова командира, сражаться только при шансах на победу.

Трое Цепей удалились, а вслед им еще долго неслись мат, оскорбления и требования более не «показывать тут своих задниц в пирсинге».

Последняя сцена навела Вангли на мысль, показавшуюся ему столь очевидной, что он устыдился — как это не пришло ему в голову ранее.

Чертог безумного

Волкоголовый бросился, издав гортанный рык. Для своей расы это был настоящий гигант — скорее небольшой гетербаг, и история его рождения наверняка не обошлась без изнасилования или очень странной любви.

Что делать, когда противник превосходит тебя силой и скоростью?

«Боги создали нас разными, а порох всех уравнил».

Крупнокалиберный пистоль с тупым дулом в последний момент впился в лобастый череп. Противник резко пригнулся и дернулся вправо, попытался уйти влево, рука Фредерика Вангли мгновенно следовала за застывшим на месте волкоголовым. Наконец бывшему пирату это надоело, и, пока здоровяк не опомнился, Стервец выбросил вверх вторую руку с зажатой в ней абордажной саблей.

Четырех ударов в заднюю часть черепа яблоком толстого бронзового эфеса, украшенного цветочным орнаментом, хватило, чтобы завалить волчонка на землю. Пара ударов усиленным металлическими вставками сапогом в висок и челюсть заставили его утихнуть...

— Вот так, учитеесь, идиоты! Башкой хоть иногда надо пользоваться не только в качестве тарана, — проревел Тархорг Однорукий, нынешний главарь Банды Безумцев, наполовину тигрин, наполовину гетербаг, сочетавший ловкость и рефлексy тигра при габаритах гиганта.

Банда Безумцев состояла в основном из гигантов-гетербагов и крупногабаритных

представителей анималистических рас, которых обучали в совершенстве владеть особой техникой боевого безумия. Впрочем, принимали в нее и других, всех, достаточно сильных и отмороженных, чтобы выдержать жестокий внутренний отбор и правила жизни, основанной на физическом превосходстве и насилии. Безумцам было неважно — будь ты в прошлом шваркарасским крестьянином или туземцем-каннибалом, дочкой портовой шлюхи или опустившейся аристократкой. К ним принимали всех, кто был способен изо дня в день держать удар, пить дурманящую разум отраву, чтобы не чувствовать боль и рвать врагов голыми руками на куски, защищая товарищей по оружию и интересы этого странного боевого братства.

Банда эта практически владела портовым районом Ахайоса. Следовательно, несмотря на то, что это был достаточно предсказуемый ход, на территории Безумцев, как нигде в городе, мог легко и быстро раствориться в толпе приезжий гетербаг.

Дворец Безумия представлял собой массивное двухэтажное здание, состоявшее по большей части из ветхого дерева, небольшого количества крепкого железа, растресканного грубого камня и большого количества самого разнообразного мусора. Хибара эта лишь габаритами имела право называться дворцом.

Тронная зала Дворца Безумия представляла собой довольно крупное простое, круглое помещение, способное вместить немало народу. На тот момент там находилось около пятидесяти членов банды Безумцев, большая часть из которых вдвое, а то и втрое превосходила человека размерами.

Под стенами полукругом были поставлены три ряда широких каменных скамей, отполированных крепкими задами поколений бойцов банды, сами же стены представляли собой в основном ветхое дерево, обильно украшенное разномастным оружием, облезлыми шкурами, головами причудливых животных, гобеленами боевого или откровенного содержания. А также щитами с черепами или чучелами, когда-то принадлежавшими наиболее достойным этих поеденных древоточцами стен врагам банды.

У дальней от входа стены помещения располагался трон главаря Безумцев, представлявший собой причудливое переплетение черного дерева, скрепленного пластинами шипованной стали. Он был обшит крепкой блестящей кожей, украшен черепами несчастных, переступивших дорогу главарям или предавших банду. А также штандартами Безумцев, представлявшими собой разрисованные куски выцветшей материи или старой кожи, натянутые на крестовину с длинным древком, венчавшуюся обычно копейным наконечником и разноображенную, для устрашения, чучелами рапторов или черепами мертвых главарей.

Вместе скамьи и трон образовывали амфитеатр, в центре которого располагалась круглая арена с земляным полом, покрытая песком, соломой и зубами неудачников. В центре этой арены, где сражались ради забавы, тренировки или в поисках справедливости многочисленные члены Банды Безумцев, стоял сейчас Фредерик Вангли, чуть запыхавшийся, но вполне довольный собой.

— Ты получил право говорить, — проревел Тархорг, горделиво восседавший на своем аляповатом кресле в окружении своих приближенных: великоватого даже для гетербага Кодгота Зверя, высокой, мускулистой и невероятно сухой воительницы Ренгары Свежевательницы, укрытого пластинами естественной брони носрога Отура Остроногого, чей носорожий рог был укрыт шипастыми кольцами стали, уступавшего прочим офицерам в росте, но превосходившего каждого из них в ширине, как минимум, втрое. А также

неизвестного Фредерику мальчишки-гетербага, уже сейчас превосходившего ростом обычного человека, и шамана банды Лотирга Хриплого.

— Благодарю, — Вангли картинно раскланялся.

— Возможно, теперь я смогу уделить тебе пару минут, — тигрин рокошуще расхохотался, — своего драгоценного и столь обремененного, — хохот стал громче, — делами времени.

— Буду чрезвычайно признателен, — в словах бывшего пирата с трудом сокрылась издевка. Хотя издеваться над этим громилой было последним, чего хотелось Фредерику, он знал, что только демонстрация силы удерживает великанов вокруг от забивания наглого сейцвера по ноздри в землю. Ему вообще не хотелось тут быть и очень хотелось обоссаться.

Тархорг молча поднялся, оправил алый плащ, скрывавший отсутствующую левую руку, давно потерянную главарем в битве с амиланийками, и молча подал сейцверу знак следовать за ним в дверь за тронном.

За одноруким последовали его офицеры, мрачно изучавшие Вангли, шедшего впереди.

Пройдя небольшим коридором, процессия оказалась в большом, душном павильоне, заполненном старыми шкурами, разнообразным оружием и тремя обнаженными рабынями на цепях.

Однорукий уселся на массивную кровать с балдахином, расположенную в дальнем конце павильона, а Фредерику кивнул на стул из дерева и кожи, стоявший неподалеку. Присев, Вангли снова почувствовал себя ребенком — стул явно предназначался не для человека, его ноги даже не достигали пола.

— Надеюсь, ты пришел с важным разговором, — прорычал главарь, — иначе для того чтобы уйти отсюда целым тебе придется бороться с Отуром в армрестлинг. Что у тебя за дело?

— Довольно важное, — Вангли постарался держаться сухо и холодно, несмотря на переполнявшие его эмоции. — Оно касается гетербага из Королевства Нефритовой маски, в проникновении которого на территорию Ахайоса не заинтересован ни Шваркарас, ни ваша Банда.

— Не много ли ты на себя берешь, говоря о наших интересах? — непринужденно произнесла Ренгара, лаская длинной рукой одну из обнаженных рабынь. Эта высокая и сухощавая женщина не зря звалась Свежевательницей — поверженных врагов она брала в плен и живьем, перед своей ватагой на одной из площадей квартала, сдирала с них кожу. Рассказывали, что в такие моменты ее недоброе лицо становилось истинно демоническим, а вопли жертв доводили Безумную до настоящей эйфории. Эта баба была не той, от кого Фредерик хотел слышать хоть какую-то критику.

— Заткнись, жердь, — рыкнул тигрин, — я не давал тебе слова. И почему тут нет моего интереса?

Гетербагская воительница опустила голову в знак смирения, а Фредерик, внутренне облегченно взвывая, продолжил:

— В Королевстве Нефритовой Маски правит король Гамлет, чародей и интриган, а его свита состоит из демона-барона, лорда-протектора вампира и сонмища демонологов-прокураторов. Если кто и получит от союза с ними пользу, то это Демоницы, прочих же используют и отправят на свалку, — сейцвер был очень рад тому, что сумел сказать это спокойным и размеренным тоном. В конце концов, Безумцы — это толпа психов, в любой момент готовая, захлебываясь пеной, разносить все вокруг и убивать всякого, кто случится

под рукой.

— А я слышал, король Гамлет весьма честен со своими союзниками, — задумчиво произнес мальчишка-гетербаг.

— В таком случае, — тон бывшего пирата был холоден и официален, побочным эффектом такого самообладания была способность его афедрона в данный момент без труда переломить трехдюймовый лом, — вы очень мало осведомлены, молодой человек. У королей, как правило, остается весьма немного кредита чести для простых смертных.

— Ты только что назвал Тархорга Однорукого простым смертным, — с угрозой произнес Отур Остроносый. — Да у тебя есть яйца, человек.

— Завали пасть толстяк, засунь свое мнение в ливер и жди, пока спрошу, — взревел тигрин. Отур славился своей упертой лояльностью, но пугал Вангли меньше — носрог был одним из самых умных и предприимчивых людей банды, а на таких людей в Канцелярии всегда накапливался компромат. Вангли показалось даже, что рогач таким странным образом высказал ему одобрение.

— Прости, — смешался бронированный гигант.

— Ты, безусловно, крут как яйца амиланийского Ти-Рэкса, Тархорг, но все же я не вижу у тебя под рукой ни короны, ни дивизий мушкетеров, — продолжил было Вангли, он был зол и насторожен, исподволь осматривая офицеров Однорукого, рука Фредерика зудела с тех пор, как он вошел в тронный зал...

— Аккуратней в словах, шваркарасская клякса, я понял тебя, но мои люди не обладают столь тонким восприятием. Лучше молчи. Ты сказал достаточно, — тон тигрина не терпел возражений, — я подумаю над твоим мнением, в конце концов, за ним стоят мысли самого толстячка Гийома.

Стервец собирался что-то еще сказать, но на его плечо предупреждающе легла рука Кодгота Зверя.

— Того, кого ты ищешь, здесь нет, и я не намерен лезть в шпионские игры. Это ваша, вшивая людская песочница, и плох тот гетербаг, что влезет в эту клоаку. Но если я что-то узнаю, то поставлю ворон из канцелярии в известность, по-дружески, — последнее слово он прорычал, — если не забуду. А теперь вали.

Фредерик легко спрыгнул со стула, испытывая немалое облегчение от того, что вышел из этой небольшой заварушки живым, и направился к выходу. По мере пересечения комнаты он получил подножку от Ренгары, которую сумел перепрыгнуть, плевок под ноги от Отура и столкнулся в дверях с наивным мальчишкой-гетербагом, хотя был уверен, что этого-то сумеет миновать без приключений.

Покинув территорию Банды Безумцев, заставленную крупными, но ветхими и по большей части собранными черт знает из чего лачугами и хибарами ее обитателей, сейцвер тайной канцелярии направился на встречу со своими орлами Питером и Жаком, у которых могли уже появиться какие-то полезные сведения. В его душе все пело — сходить к Безумцам, побеседовать с Тархоргом, о котором говорили, что он за малейшую обиду вырывает врагам сердце, выбраться оттуда живым и даже без необходимости менять белье, да за такое надо было требовать у Гийома премию!

Побеседовав со своими подручными в таверне «Бухой зеленый попугай» и выяснив, что те напали на след моряка с интересующего Канцелярию судна, но найти оно еще не сумели, Стервец поощрил ребят выпивкой за свой счет. Заодно проследив за тем, чтобы они пили в меру. И отдал дополнительный приказ — побеседовать сегодня вечером с

осведомителями из Банды Безумцев. «Пусть и у этих жопы подрожат», — мстительно подумал он при этом, имея в виду своих подручных.

За сим бывший пират отправился сначала в бордель «Розовая жемчужина» к обворожительной полуихтионке Селм, а потом домой, отдыхать от стресса. Может, это так и не выглядело, но статистика вещь упрямая — из забредающих на территорию Безумцев не возвращается каждый третий, будь он сейцвер канцелярии, вооруженный до зубов наемник или простой брадобрей.

Идиотический допрос

— Горди. Если ты не прекратишь пороть горячку и не начнешь отвечать внятно, то я велю посадить тебя на цепь и отвести в квартал Дев. И нет — это не шутка.

Вангли с хрустом потянулся и положил сапоги с коваными носами на грязный стол таверны, опрокинув пустую пивную кружку, одну из десяти выпитых с момента начала разговора. Горди Тирвингосс — сухопарый, загорелый, покрытый шрамами моряк лет тридцати, с наглой рожей и каштановыми волосами, был в целом неплохим парнем, но чересчур упрямым. Его нашли сегодня с утра молодцы Фредерика, выяснившие, что это матрос с «Воли волн», каким-то образом отставший от корабля. Уже около часа он рассказывал о чем угодно — оснастке его корабля (когда спросили, с какого он судна), последнем порту приписки (когда спросили, откуда идут), дочках капитана (когда спросили, как капитана звали и как выглядел), геморрое боцмана (когда спросили о причинах приведших его судно в Ахайос), но только не о том, что было нужно сейцверу Тайной Канцелярии. Пьяный Жак и злой Питер уже устали его пинать, и определенно надо было переходить к более решительным действиям.

— Ну так, я, собсна, и говорю, причалили мы значица, а меня капитан, собсна, с весточкой послал, ну я пошел, капитан-то он сука зверь, он помнится два года назад... — зачастил матрос.

— Короче, — мрачно одернул его Фредерик, сбросив на пол еще одну кружку. Общение с матросом перестало его радовать уже минут двадцать как, этого мелкого пропойцу было неинтересно пугать, невыносимо терпеть и противно слушать. О демонстрации ему своей власти даже речи не шло, это было бы по меньшей мере по-ослиному тупо.

— ... Аааа, — Горди осекся, — ну, значица, я пошел письмишко передать, в порту, в доходный дом, тама гетербэг еще был за главного, в шрамах весь и без ушей.

— Как дом назывался? — устало поинтересовался бывший пират, отпив из одиннадцатой кружки бледно-желтой бурды, по какому-то недоразумению называвшейся в этом заведении пивом.

— Ну эта, значитца, — матрос почесал свою плешивую репу, — «Комнаты у Догура», или нет, «Комнаты у Бобура», или «у Хугура»...

— Ясно, — Вангли хлопнул себя по лбу рукой в жесте подступающего отчаяния. — Ну а потом?

— Ну а потом я, значит, шел себе обратно... Шел себе, шел... — последовала крепкая затрецина от Жака. — Ой, простите, месье сейцвер. Ну, я, в общем, ее увидел.

— Кого ее?

— Ну, ее, эту паниаешь ли, — глаза Горди стали мечтательными, — Сабрину! — взгляд морячка мутировал до мутно-масляного. — Она была такая... такая...

— Бога душу мать! — взревел Питер. — Сколько еще мы будем слушать твои излияния, каналья! Говори по делу или пуцу тебя на корм свиньям, тут же, на заднем дворе!

— А предварительно надругается, — с очень серьезной миной доверительно сообщил Жак, дополнив слова глубоким кивком.

— Ну так ить... залежались мы с Сабриной, а как проснулся — ни денег, ни сабли... И документы сука сисястая скрала... В порт сунулся, а «Воля» уже и ушла... не дождался, — матрос на пару мгновений был готов заплакать, — вот теперь тут, по хозяйству помогаю, жду — может, вернется «Воля волн», и я по волнам — йэхх!

— Прежде чем ты йэхнешься по волнам, — еще мрачнее произнес Стервец, — будь добр, перестань меня бесить и ответь. Очень коротко и просто ответь — был ли на вашем судне пассажир по имени Ордур Ногст?

— Ну, так ить я ж не капитан, не боцман, не кок...

— Я заметил, — сейцвер щелкнул курком взводимого пистоля.

— Я ить по именам-то пассажиров не знаю, — в отчаянии пролепетал матрос.

— Это гетербаг, у вас много гетербагов на корабле было?

— Ну так ить, — начал загибать пальцы Горди, — боцман, значитца, еще Батон, ну и пару лет еще Дирза была, но она к пиратам подалась, — скрип зубов Жака привел матроса в чувства, — ну и этот значитца, как есть — был пассажир, здоровый такой. На две головы меня выше, чернявый, нос сломанный, на нижней челюсти татуировка, и глаза, глаза у него злые были, холодные, как у волка ригельвандского синего. Я видал разок, когда мы на Клыке килевались.

— Он сошел раньше тебя?

— Да не, мы как причалили, меня сразу и послали, а он еще, помню, с капитаном гуторил.

— О чем? — вкус пива ко дну становился все гаже и гаже.

— Так я-то далеко был, а когда подозвал меня капитан — здоровяк замолчал сразу.

— Ясно, ладно, Жак, заплати ему. Питер, пошли, расскажешь, что там у вас вчера вышло, — Фредерик легко поднялся, поправил портупею с саблей и вышел из забегаловки, где они сидели, выпалив из пистоля в потолок — зря что ли взводил. За спиной у сейцвера Жак с наслаждением начал пинать вконец доставшего его матроса.

Морской воздух был свеж и приятен, наилучшим образом отгоняя вонь большого портового города, он так же развеял плохое настроение бывшего пирата и сдул ощущение тугих тисков на висках, висевшее там все время, пока шла беседа с Горди. Двое людей в черных плащах, узких шляпах и строгих сюртуках, обдуваемые соленым дыханием моря отправились вниз по серым, скользким камням порта, поглядывая на зеленую воду и лес мачт, раскинувшийся за парапетом, отделявшим основную улицу порта от причалов.

— Что информаторы? — проходя мимо лотка с горячими пирожками, сейцвер кинул собакоголовому мальчишке-разносчику медную монетку и взял с подноса пирог с ежевикой.

— Патрон, вы гений, почти как сам старина Гийом! — восторженно сообщил ему подручный.

— Только Гийому об этом не говори, он меня убить за такое обещал, — откусывая пирог, отметил Фредерик. Где-то в глубине сравнение его даже задело — он никогда не хотел быть таким, как Гийом и ему подобные.

— Тогда пока поберегу эту новость, — то ли шутливо, то ли серьезно, то ли шутливо-серьезно ответил Питер, поправляя кружевной манжет на ходу.

— Ты у нас такой юморист, что иногда хочется тебя под килем протянуть, — то ли шутливо, то ли серьезно, в тон проговорил Вангли.

— Ладно, ладно, никто не ценит настоящий юмор, — сотрудник Канцелярии улыбнулся проходившей мимо разносчице цветов, симпатичной девушке лет четырнадцати, и продолжил, — после вашего визита у шизиков беготня началась, кто-то с кем-то поругался, офицеры еще в своем кругу что-то шумно обсуждали, дали приказ своим боевикам быть готовыми чистить рожи, в общем, явно вы в точку попали с Безумцами.

— Что и не удивительно, — самодовольно, наслаждаясь результатом своей игры, заметил Вангли, — Когда Жак освободится, берите руки в ноги, идите в Цитадель, выцепите десяток пареньков, оденьтесь попроще и установите слежку за Безумцами. Основные места — порт и Торговый квартал, со Слепыми у них сплошная стена, а через Крыс даже Безумцы не столь безумны таскаться. Следите за теми, кто будет выходить и куда, особо за теми, кто будет ходить к капитанам кораблей и в банки Торгового. Если они решили прогнать агента, то он постарается убраться из города или подкупить психов... Выполняй.

— Да, патрон! — Питер коротко поклонился и быстро смотался прочь.

Библиотека Хранителей Знаний. Занимательные пояснения о тайных службах мира

По стопам славных предков

Приветствую вас, мальчики и девочки. Рад лицезреть в зале такое множество лиц, взыскующих тайного знания. Их есть у меня.

Все началось очень давно. В те времена, когда ваши прапрадедушки и прапрабабушки еще даже и предположить не могли, какие ученические скамьи будут греть мудрые зады их замечательных потомков.

В эти незапамятные эпохи знаменитые своей отвагой мореплаватели Ригельвандо еще не бороздили форштевнями своих деревянных птиц, оперенных лучшей парусиной, негостеприимные воды далеких морей. Им хватало прибрежного лягушатника.

В общем-то, тогда не было и самого Ригельвандо. Была мать ваша Силенция, были Пьезо, Наполи, Лорно, Лигурно и множество других больших и малых городов. Они торговали, братались, враждовали. В каждом сидел какой-никакой деспот или кучка деспотов, образующих городской совет. И каждый такой деспот не спал ночами, мучаясь мыслью — как бы поднасрать соседям. Воевать было дорого и накладно, все же мы нация торговцев. А потому в каждом городе при князе, городском совете или конгломерате старшин начали складываться кружки по интересам. В кружки эти входили люди немалого ума, меткой смекалки, отменной боевой выучки и множества прочих талантов, напроць лишенные понятий о морали и нравственности, столь нужных каждому светлому паладину и столь вредных для мастеров плаща и кинжала. Их трудами правители либо утрачивали сон совсем, либо спали сном крепким и глубоким, иногда даже вечным, зависело от успехов.

В те далекие времена начали складываться профессиональные объединения, которые мы называем сегодня секретными службами. Так сложилось, что наибольший успех в этой области снискала нынешняя столица Республики. Видимо, маслянистые воды наших каналов и узкие переулки ночных улиц Силенции стали плодородной почвой для рождения наилучших специалистов особого рода. Сначала они резали людей, выведывали секреты и устраивали диверсии на частных, так сказать, началах. Из конкурентной среды появлялись лучшие, они поступали на государственное жалование, верой и правдой служили дожу, отправляясь в далекие морские вояжи. Среди этих избранных нашлись особенно прозорливые, решившие, что знания надо пестовать и передавать, а молодежь нуждается в

мудрых наставниках. Так появилась Гильдия. Да-да, наша возлюбленная Гильдия Силенцийских Ассасинов.

Но сначала не было никаких ассасинов, были убийцы, шпионы, ваганты и прочие специалисты узкого профиля. Они по принципу цеха передавали знания узкому кругу учеников и вносили отчисления в общую казну, чтобы в случае чего иметь надежду на сытую старость и защиту от «чистильщиков» дожа. Правитель получал отменных специалистов, а мастера — комфортные условия для развития мастерства. Трудом наших, уже не столь далеких пращуров, Силенция ширила свое влияние, богатела... и наводила ужас на соседей. Но и они не сидели, сложа руки, тренировали собственных мастеров, искали методы противодействия, совершенствовались. Так в каждом крупном городе Ригельвандо, сумевшем выстоять в борьбе с историей и соседями, сложилась своя тайная служба.

Противостоять организациям стало сложнее. Цеховых шпионов, убийц и даже вагантов начали все чаще находить с перерезанными глотками в каналах и портах на чужбине. Тогда мастера собрались, покумекали и решили, что надо организовать учебное заведение особого рода. Так появился университет Гильдии. Отсюда, из-под этих древних сводов начали выходить ваши именитые предшественники — ассасины. Впрочем, самые именитые из них были как раз те, чьих имен никто никогда не узнал. Тайные службы конкурентов взвыли, а с этими профессионалами, равно сведущими в деле диверсии, убийства, шпионажа, пытки и интриги, стал считаться сам дож.

Во многом именно благодаря Гильдии Силенция, когда дело дошло до объединения страны, стала столицей республики. Да, нашей республики — Ригельвандо. В этом немалая заслуга выпускников, когда-то, так же, как и вы, таращивших зенки на умудренных в темном ремесле, покрытых заслуженными шрамами лекторов.

С объединением страны наша роль не упала. Даже возросла. Ассасины и ранее, еще в эпоху раздробленности, нередко брались за заказы из далеких земель — других городов и даже стран. Нас ценили в Шваркаресе, Алмарской Империи, даже помпезные маги Гилемс Антария воздавали нам должное. Теперь же, когда держава окрепла и объединилась, работы нам прибавилось. Большая политика не может обойтись без кинжалов. Теперь Гильдия вместо дожа служит сама себе. И лучший инструмент нашей политики — острый кинжал и хороший слух. Ассасинов ценят члены Ригельсберме, где у Гильдии есть и свои патриции. Ценят для улаживания конфликтов среди многочисленных торговых компаний республики, среди олигархов, гильдий и цехов. Работы у нас немало. А самых умелых, ловких и коварных набирает на службу Держава.

Да, вы не ослышались, если вы, мои маленькие идиотики, будете внимательно слушать дядю лектора, хорошо учиться и много тренироваться, для вас, возможно, тоже настанет светлый миг. В вашу дверь постучится мастер и скажет, что Держава нуждается в вашей работе, хорошо оплаченной из казны. Ведь десятая часть государственной секретной службы Ригельвандо состоит из специалистов Силенцийской Гильдии Убийц. А все оттого, что издревле мы были лучшими.

Запись лекции «Начала ремесла» наставника неопитов Силенцийской Гильдии Убийц, профессора Джакомо Джакорди. 16 рагиталина 813 года от о. А.И.

Часть 3. Глава 4. Схватка в мебелированных комнатах

Фредерик Вангли сидел в темной комнате и, мрачно глядя в окно, размышлял о последней беседе с начальником, через мутное стекло виднелась залитая редким светом масляных фонарей узкая улочка, в конце которой в луже валялся пьянчуга-грузчик, и стены близлежащих домов — грубые камни старого склада и яркая, местами облупленная розовая краска борделя. Мысли текли легко, подгоняемые яростью.

— Ты не полный идиот, но и до гения контрразведки тебе еще далеко, — говорил всего несколько часов назад Гийом де Маранзи, потирая глаза указательным и большим пальцем левой руки в бархатной кремовой перчатке. В правой дейцмастер держал дымящуюся толстую сигару. — Что бы там тебе ни утверждали твои люди.

— Приятно это слышать, маэстро, значит мое выживание вне опасности, — саркастически откликнулся Вангли. — И что же я делал не так?

— Ты все делал не так, — Гийом набрал в рот табачного дыма, выдохнув зелье черной тонкой струйкой, он добавил, — никакого «так» не существует, любой учебник в нашем деле — это всего лишь набор бесполезных рекомендаций. Ты либо достигаешь цели, либо нет.

— Так в чем же дело?

— Дело, минхерц, в том, — сигара снова достигла пухлых губ дейцмастера, — что стрелять из пушек по воробьям — это глупо. Приходить на разборку с главой захолустной банды в городе на краю света и пугать его авторитетом стоящего за своей спиной государства — это глупо. Говорить свинорылому...

— Тигрорылому...

— Заткнись, — особо пышный клуб дыма черного табака вырвался изо рта Гийома. — Говорить главарю этой самой захолустной банды, что его, видите ли, хочет «использовать» правитель далекой могущественной державы — это глупо. Ты сделал все правильно, достиг цели, получил нетривиальный результат, сумел припугнуть Банду Безумцев. Но выглядишь при этом как клоун. И я вместе с тобой. Я похож на клоуна? — толстый и пухлощекий, румяный начальник Тайной Канцелярии посмотрелся в зеркало из полированного серебра, стоявшее на треножнике в виде дельфинов в углу кабинета.

— Мне так не кажется, — потупил глаза Стервец.

— Вот и не выставляй меня им. Это дело много проще и легче было повернуть без позерства и жестов.

— Вы, безусловно, правы, маэстро, — Фредерик почувствовал сильное отвращение к начальнику. Такое было с ним впервые, чувство шло как бы из глубины души. Сейчас этот человек, толстый, злой, безразличный и могущественный, предстал Вангли в образе черного, скользкого, окутанного дымным илом морского чудовища, протянувшего нити слизи предательства, страха, доносительства по всему городу. И Стервец чувствовал, что сидит на одной из этих нитей, мараясь вязкой жижей. Это было даже гаже, чем тот случай, когда он сутки пролежал в братской могиле, среди разлагающихся тел товарищей после неудачного налета.

— Конечно, я прав, — улыбнулся де Маранзи, — если бы я не был прав в таких вещах, меня бы тут не держали. С другой стороны... — дейцмастер сделал паузу.

— Да, шеф? — бывший пират изобразил интерес.

— Я потрясающе отвратно играю в шахматы, — с улыбкой закончил толстячок.

— Почему? — недоуменно воззрился на него сейцвер.

— Потому что там нельзя отравить оппонента, вернее, это не признают победой, — де Маранзи докурил сигару, выдохнул густое облако дыма и затушил ее в пепельнице в виде ласкающих друг друга обнаженных нимф. — Я люблю максимальную эффективность. В данном случае ты ее добился.

— Хм, я еще не слышал, чтобы мои действия дали плоды, — нахмурился Вангли.

— Ну, я все еще главный тут. Мне сообщили, что около получаса назад небольшой отряд Безумцев направился в ригельвандский банк в Торговом. С ними был гетербаг, похожий на того, чье описание ты выбил из матросика.

— Ваши знания абсолютны, маэстро, — кисло заметил Вангли — он еще не отчитывался по этому делу.

— Есть немного, — скромно и ехидно улыбнулся Гийом. — В общем, я уже выдвинул туда Георга и Марту с отрядами, собери своих и отправляйся — в конце концов, это твое дело, так заверши его.

— Да, шеф, — Фредерик был мрачен и весьма раздосадован, половину дела обстряпали без него. И хуже того, неверную половину. Но спорить он не стал. Спорить с противным, жирным, самоуверенным спрутом казалось ему лишним и невозможным.

Фредерик не спорил — он лишь отправил Жака и Питера усилить отряд своих коллег в торговом квартале, а сам же отправился в порт, предупредив подручных, что может чуть опоздать к их представлению.

Зал «Комнат у Тогура» был пуст и тих, свет был потушен, а хозяин заведения, старый гетербаг Тогур, бывший Безумец, мирно почивал на своей широкой кровати в соседней комнате, после бутылки люзонского белого, которую он распил... в одиночестве, даже не дав принесшему ее сейцверу успеть его понюхать. Оно и к лучшему, грядущее дело не терпит суеты.

По пустынной улице прогрохотали каблуки подкованных сапог, молодой гетербаг, парнишка с приема у главара Безумцев, переступил через пьяницу и быстро прошествовал к двери «Комнат».

Распахнулась дверь, арбалет в руке Вангли звякнул тетивой, небольшая стрела вошла в плечо припозднившегося посетителя.

Мальчика преобразил, на его месте стоял высокий гетербаг с гривой кудрявых черных волос, грубым лицом и абстрактной татуировкой из черных линий на подбородке и шее. Кожаные ножны в серебряных заклепках покинул широченный, в три ладони тесак, ночной гость вырвал из плеча почти игрушечную для него стрелу, пару раз взмахнул оружием и почти вежливо поинтересовался:

— И что это было? Яд? — голос звучал сухо и рокошуще.

— Успокоительное, — Фредерик поднялся из-за стола, он был вновь одет как пират — кожаный жилет с заклепками, белая рубашка с дутыми рукавами, стальные кастетные перчатки на руках, штаны из прочной парусины, затянутые поясами с висевшими на них пистолями, ботфорты с заклепками и цепями, шипованные на носках. И, конечно же, красный головной платок, а на столе сабля и стилет, — чтобы ты не вошел в ваш раж, — сабля покинула стол и легла в руку, стилет остался.

— Неглупо, — гетербаг медленно двинулся через крупный зал к противнику. — И как ты меня узнал?

— Удача, интуиция, случай, стоило быть изобретательней, не прятаться на виду и не использовать колдовство, и, уж тем более, не толкаться, — мягко и спокойно ответил Стервец. — А это место, оно очевидно — тебе нужен был свой тихий угол, и когда запахло жареным, ты пришел за шмотками. Вообще стоило убить матроса...

— Матроса? — похоже, гетербаг был действительно удивлен.

— Значит, стоило выбирать капитана понадежней, — издевательским тоном произнес Вангли.

— Стоило убить тебя еще там, — прошипел-пророкотал шпион Королевства Нефритовой Маски и бросился на бывшего пирата.

Фредерик остался верен себе и первым делом разрядил в противника четырехствольную «перечницу», в молоко. На гетербаге был отводящий пули амулет.

Удары гиганта были сильны и точны, но Стервец был пиратом и привык к разным противникам, в том числе и к таким, равно как и к бою в ограниченном пространстве, чего нельзя было сказать об оппоненте. Дождавшись неминуемого момента, когда тесак гетербага завяз в потолочной балке, Фредерик попытался всадить свою саблю врагу в сердце. Однако тот вовремя сообразил, что жизнь дороже тесака и отшатнулся, сабля лишь пробила кожаную куртку и скользнула по ребрам.

Оставшись без тесака, агент выхватил нож, размером немногим уступающий сабле Вангли. Пара взмахов длинной мускулистой руки с зажатой в ней полосой острой стали вынудили бывшего пирата перейти к обороне. Однако единожды приняв атаку ножом на клинок, он понял, что долго этот бой продолжаться не сможет — то ли занемевшая рука, то ли разболевшиеся пальцы сказали ему это.

Почти акробатическим прыжком уйдя от очередного наскока гетербага, Стервец бросился по шаткой деревянной лестнице на второй этаж. Противник проследовал за ним, но пара секунд форы все же дала сейцверу возможность, заткнув стилет за пояс, разрядить предпоследний пистоль в люстру первого этажа. Выстрел оказался метким (еще бы — непромахивающаяся пуля), и деревянно-медная конструкция с тремя десятками свечей рухнула Ордуру Ногсту на спину, придавив и ненадолго задержав противника.

Второй этаж представлял собой широкий коридор, освещенный парой тусклых масляных ламп, с двумя рядами пошарпанных дверей. На противоположной лестнице конце коридора кто-то из услышавших стрельбу постояльцев как раз прыгал в окно...

«Как-то эти лампы слишком тускло горят».

Рука в стальной перчатке схватила медную ручку светильника, а в следующее мгновение короткий огненный всполох и жар, начавший подниматься с первого этажа, возвестил об успешности действий Вангли.

Метко брошенный импровизированный снаряд залил горящим маслом лестницу, пол первого этажа и, к радости бывшего пирата, отбрасывающего лампу гетербага. Злобный рев и запах горелого оповестили Фредерика о том, что амулеты против пуль от пламени не защищают.

Обожженный, раненный и озлобленный Ордур Ногст поднялся на второй этаж «Комнат у Тогура». На другом конце коридора раскачивалась распахнутая и разбитая оконная рама, похоже, противник решил сбежать. Гетербаг яростно бросился по коридору, на ходу пинком захлопнув раскрывавшуюся дверь, из-за которой какой-то его сородич, отчаянно ревя, интересовался, кто мешает приличным великанам спать по ночам.

Понимание ошибки пришло слишком поздно. Опять этот человечиска перехитрил его.

Руки резко вцепились в засыпанный осколками подоконник, гася инерцию бега, огромное тело начало поворачиваться, но слишком медленно. Из распахнутой двери справа, позади окна, выскочил бывший пират Фредерик Вангли.

Стервец бросился на спину противника, нанося клинком быстрые, резкие и смертельные удары в шею гетербага, и вместе они вывалились в окно. В падении сейцвер продолжал отчаянно колотить, но могучая рука сумевшего все же увеличиться в размерах гиганта сомкнулась на плече бывшего пирата. Гетербаг с мощным грохотом ударился о землю и с силой отбросил от себя врага.

Вангли, подобно ядру, пролетел с десятков метров и вмазался в стену склада, сломав себе руку и половину ребер, но умудрившись не сломать спину. Он медленно сполз по стене, на одном упрямстве оставаясь в сознании. Целой рукой бывший пират разрядил последний пистолет в своего оппонента, но тщетно. Гетербаг с трудом поднялся, он истекал черной, густой кровью из разорванных артерий и сосудов шеи.

Вытянув руки, с невидящим взором, огромный и упорный Ордур двинулся к своему врагу, но, не дойдя трех шагов, обливаясь кровью, снова упал, попытался ползти, но скоро затих. Подумав напоследок, что душа его дочери теперь достанется демону-барону Королевства Нефритовой маски, ведь он не справился с заданием...

Хорошо то, что бардак кончается

Фредерик лежал на мягкой кровати, в бинтах и гипсе, слабо соображающий после сотрясения мозга, что вообще происходит вокруг, возле него, оглашая лазарет отборной бранью, расхаживал Гийом. Начальник Тайной Канцелярии Ахайоса говорил что-то о некомпетентности, о долге, о нарушении приказов и неподобающем поведении, о ненужном геройстве и затраченных на обучение Вангли ресурсах, о том, что он сварит пирата живьем в масле или повесит вместо штандарта над Цитаделью. Но почему-то сейцверу казалось, что при этом Гийом улыбается, а глаза его выказывают одобрение, но, может быть, это был лишь болезненный бред. Так или иначе, задание он выполнил.

Прелюдия танца с кальмарами

Вандакр сменился «месяцем томного тепла» — орналиком, а в кабинете де Маранзи ничего не изменилось, похоже, толстяка совершенно не смущала погода. Возможно, у него был охлаждающий амулет или мундир из магической ткани. В любом случае, он магов льда Шестой Цитадели не напрягал, а Фредерик мордой не вышел магам указывать. Из-за чего по-прежнему варился в собственном соку в собственном же мундире, с ненавистью глядя то на морозящий дождь за окном, то на шефа, с аппетитом поедающего золотистый персик.

— Слабый разум не нуждается в закалке, равно как не нуждается в отковке и заточке — он сломается, не выдержав груза полезного насилия над собой, — умничал толстяк. — Но не так плох в этом плане твой ум. Достаточно силен для работы над ним и достаточно вял для различных глупых фантазий в стиле: «Ах, зачем все это, а как же мораль». Что не может не радовать.

— Звучит довольно бредово, — лениво произнес Вангли, сдергивая потные перчатки. В последнее время начальник начал его утомлять.

— Не заставляй меня, пожалуйста, тебя потрошить и вывешивать на какой-нибудь площади в назидание наглецам, — сахарным голосом произнес Гийом и смачно зажевал свои слова персиком, — и продолжай слушать.

— Да, шеф, — Фредерик вынужден был покориться еще одной продолжительной лекции.

— Что ты, по-твоему, сделал не так в прошлый раз? — дейцмастер вопросительно ткнул в бывшего пирата полуобъеденным персиком с сочащимися соком краями и выступающей из-под волокон косточкой, рисунком напоминающей человеческий мозг.

— Не оповестил вас? — лениво предположил недоваренный сейцвер.

— Нет, — всплеснул руками его патрон, — ты грохнул этого ублюдка! И тем самым мы лишились материалов для допроса, ниточек для расследования и самое главное — дополнительного рычага давления на Безумцев. В общем-то, ты все просрал, — косточка от персика полетела в окно, задев сидевшего на нем голубя. — Но показал себя с лучшей стороны. Лихим и придурковатым. Такие качества любят короли...

— Благодарю, патрон, — все так же лениво ответил Стервец и сорвал вторую перчатку, с неприязнью посмотрев на покрасневшую руку — жизнь на суше снова сделала его дубленую и просоленную кожу мягкой и гладкой.

— А меня от них тошнит, — закончил Гийом, с притворной неприязнью взглянув на воспитуемого.

— Я это запомню и постараюсь впредь не убивать мужиков втрое больше меня, буду гнать их до самой Цитадели, прям к вам в кабинет на допрос, пусть сами рассказывают, почему я их убить хочу, — бывший пират был раздражен, да что там, он был просто в ярости, ему хотелось запихать второй персик Гийому в задницу и выдавить через горло косточку.

— Не ерничай, не дорос, — мрачно и очень сухо заметил начальник Тайной Канцелярии. Затем более легким тоном продолжил, подхватывая свой гламурный веер. — Мы с тобой за последние месяцы научились заниматься политикой внутренней и политикой внешней. Как ты думаешь, что нам осталось?

— Сходить на пару в бордель и нажраться в хлам? — с наигранной надеждой поинтересовался перегревшийся сейцвер.

— М-да, — хлопнул себя ладонью по лбу де Маранзи, — нет, мой друг, такого никогда не произойдет, мы имеем разные представления о развлечениях. И перестань, наконец, меня злить. Ресурс терпения — вещь конечная.

— Простите, патрон. Жара и я не выспался, — ответил чуть более бодро Фредерик.

— Отговорки. Ладно, продолжим. Кстати, твои кости заросли?

— Вполне, благодарю!

— Ну и прекрасно. Значит, к делу! — дейцмастер очень гадко улыбнулся, его пухлые губы иногда умели создавать ну очень мерзкие гримасы. — Нам осталось освоить урок, очень дорого стоивший всем тайным службам мира, — последовала драматическая пауза, чуть подпорченная тем, что воспитуемый чуть не начал клевать носом. — Гибельные силы, — увидев, что Фредерик приободрился и даже сел ровно, Гийом продолжил, — сообщества демонологов, тайные ордена некромантов, круги ведьм, гении-одиночки, балующиеся душегубительными знаниями, и наконец...

— Хаос, — произнес, как плюнул, Вангли. Ему вспомнился заросший ракушками остов корабля, пляж с гниющими трупами и быстро работающие веслами матросы. Обросшие моллюсками, опутанные водорослями, гнилостно воняющие мертвяки начали вставать, как только баркас Стервеца и троих его напарников приблизился к берегу. Чуть позже, вечером, двое из той лодки бросились за борт корабля, а третий сошел с ума и выл дурным голосом по ночам, пока его не прирезали свои. Фредерик выжил, отдав добычу от того налета туземному чернокнижнику за спасение души.

— Ну да, ты моряк, ты хорошо понял, к чему я клоню. Именно — страшнейшая из

гибельных сил, воплощенная в отвратной Секте Тысячеименного и множестве подобных метастаз, пустившая корни даже здесь — в осененном Едином владении Шваркараса, в виде Банды Провидца. Сила, искажающая все, с чем соприкоснется, губящая души, разлагающая и искажающая тела, лишаящая надежды на новое рождение, отравляющая воду, землю, камень, металл и плоть...

Вангли громко всхрипнул.

— Мать твою! — пухлый кулак обрушился на драгоценную поверхность стола.

— Да, да! — встрепенулся сейцвер. — Губительная Пучина!

— Именно, — сухо проговорил де Маранзи. — Они играют по другим правилам, презирают границы и условности рас и народов, владеют мрачным колдовством и нечестивой магией, а также многотысячелетним опытом конспирации и подпольной деятельности. Если бы они не были хаотиками, — дейцмастер рассмеялся, — то давно уже поглотили бы весь мир к чертям. К счастью, эти твари тоже уязвимы и часто неорганизованны. Но не всегда. И именно таким случаем тебе предстоит заняться...

Темный спутник

Травяной настой был терпким и бодрящим, заставлял на время забыть о жаре и духоте, царившей в большей части города.

— Что вам уже известно? — спросил невысокий черноволосый человек, сидевший напротив Вангли.

— Немного, — бывший пират пригубил теплый напиток из глубокой, расписанной драконами и танцующими богинями пиалы. — Мы подозреваем капитана бригантины «Судьба», на него указал священник из Ордена Бога-Воителя, письмо пришло с Ильс де Парфю, зовут Бринген Лотангри, — последовала пауза, — не священника — капитана.

— Я понял, — тонкие губы растянулись в еле заметной улыбке. Человек был облачен в черный шелк и черную кожу, а поскольку они сидели в темном и выдержанном в мрачных тонах чайном зале, он почти сливался с тенями. На самом деле, более чем почти — иногда силуэт напротив сейцвера Тайной Канцелярии начинал расплываться, ибо собеседник был представителем Банды Темных — опаснейших наемных убийц и просто наемников, владеющих особыми мистическими техниками, позволяющими им перемещаться в тенях и использовать особенное призрачное их пространство для убийств. — Приняты ли условия награды?

— Да, — Стервец кивнул, — дейцмастер находит условия достаточно справедливыми...

— Условия не могут быть достаточно или недостаточно справедливыми. Справедливость тут ни при чем, — спокойно и вежливо проговорил темный, как их называли в просторечье. — Они либо принимаются, либо не принимаются, этого довольно.

— Значит, считайте, что условия приняты, — Вангли отпил из чаши и отмахнулся от назойливой бабочки. Мельком взглянув на насекомое, он с удивлением увидел, что оно растворилось в воздухе — на территории банды завеса меж тeneвым и реальным миром очень истончалась.

Банда Темных не была в числе самых могущественных банд Ахайоса, но была среди самых опасных. Они занимались слежкой, заказными убийствами, саботажем, диверсиями и шпионажем. Вместо традиционных ватаг банда делилась на ложи, в каждой ложе был наставник и небольшое количество учеников. Маг или колдун, или некто, просвещенный в искусствах создания артефактов, наставник ложи обучал своих подопечных ремеслу убийства и использование темных материй. Основой жизни этого сообщества была

конспирация и дисциплина. Если ошибку совершал кто-то из логи, карали всю ложу, если ошибку совершал наставник, карали ложу и треть учеников из трех других, наставники которых поручались за товарища. Глава банды был фигурой зловещей и таинственной, ходили слухи, что он кешкашивар, представитель загадочной расы полупризрачных созданий, управляющий Темными уже не первую сотню лет. Имени его никто не знал, члены банды говоря о нем, называли главаря Клинок Смерти. Ходили даже слухи, что именно этот полупризрак научил первых наставников из своего окружения использовать дары теней. Осведомленностью о делах города, эффективностью шпионажа и ореолом ужаса эта банда могла потягаться с Тайной Канцелярией, уступая лишь другой похожей — Банде Призраков. Но вот боевой мощи им не хватало, а потому банда часто становилась союзником Гийома. Когда-то прикончив троих его предшественников, темные нашли в толстячке подходящие качества для сотрудничества.

— Отрадно, — с улыбкой человек в шелке и коже кивнул.

— Итак, у вас есть информация? — Фредерик чувствовал себя неуютно в полном неверных теней зале.

— Мне дозволено рассказать вам все мне известное, а также оказать вам помощь до завершения дела, — тон был вежливым, размеренным и... безразличным, очевидно, с тем же успехом темный мог бы разговаривать с капитаном-хаотиком, которого собирался искать по приказу дейцмастера Стервец, если бы это было в интересах его банды.

— Приступайте, — Вангли поощряюще взмахнул чашей.

— Вы ищете человека по имени Бринген Лотангри, он же Эдуард Тиг, он же Валрон Грасси, он же Сентин Грамье. Ходит на бригантине «Судьба», или бригантине «Верная», или баркентине «Злая жена», или шлюпе «Защитник Богов». Он меняет имена, меняет или модифицирует корабли, остается незаметным уже около двенадцати лет. Все это время он несет хаос и осквернение, плетет сети зла и верно служит Секте Тысячеименного.

— Давайте не будем повторять слово «хаос» слишком часто? — попросил Фредерик раздраженно.

— Стоило бы, если бы не были в этом всем уже по колено, — рассмеялся темный. — Вас не мучают кошмары, где вы тонете и никак не можете всплыть, видения морских бездн, заполненных бесформенной жизнью, за бритьем или во время омовений вам не попадались рыбки чешуйки или частички панциря?

— Заткнись, черт побери! — воскликнул разозленный Вангли. — Я видел, как это бывает! Моряки с пустыми глазами, шагающие за борт с блаженной улыбкой. Заросшие ракушками и чешуей жители прибрежных деревень, бросающиеся на тебя с пеной у рта и невнятными завываниями, призывающими их богов. Безумно хохочущие картографы, чертящие на белых пятнах огромные спирали. Я все это видел и я не желаю быть одним из них, потому не призывай их на нашу голову!

— Но очень скоро, — тень (иногда их и так называли) флегматично выслушал гневный монолог, — нам придется столкнуться с этим ближе, чем хотелось бы, и теснее... чем безопасно.

— Я знаю, будь прокляты все бесы толщи морской, знаю! И я готов, — Фредерик, похоже, весьма разволновался, хаос, как и любому моряку, внушал ему ужас, непонятный сухопутной крысе, — но не намерен болтать об этом до того момента, пока мне на глаза не попадутся уроды с акульими зубами и перепонками меж корявых пальцев.

— Как вам будет угодно, сейцвер, — темный вежливо улыбался, вежливо и

иронично. — Если вы уже успокоились — мы можем отправиться, по дороге я расскажу вам подробности. Похоже, наш противник зарылся в канализацию или еще глубже — в катакомбы. Ваших подручных я отправил туда чуть раньше искать следы. Возможно они что-то нашли, самое время к ним присоединиться.

— Хорошо, — Стервец пришел в себя, — напомним мне, кстати, как тебя зовут.

— Вы желаете знать имя тени? — тонкие губы лукаво улыбнулись, на круглом, узком лице проступила прозрачная татуировка. — Пусть так. Зовите меня Синз.

— Прекрасно, черт побери! А я Фредерик Вангли, Стервец, — бывший пират плюнул на ладонь и протянул руку тени, — приятно познакомиться.

— Конечно же, Вангли, — из-за лукавой улыбки прозвучал лукавый голос, рука в перчатке, со спрятанной в рукаве иглой, пожала руку с татуировкой в виде пронзенного стрелой солнца.

Канализационная мертвечина

Ахайос был очень древним городом, поколения и поколения его жителей — туземные племена, колонизаторы Империи Имирас, твари времен Темного Похода, остатки Империи Акмальтапосек, одичавшие до состояния туземцев, пираты, и наконец — новая волна колонистов из Гольвадии надстраивали новые здания на руинах старых. Убирали под землю мелкие реки. Ровняли с землей ветхие здания и ставили поверх новые. Прокладывали в катакомбах канализации и водопроводные трубы, строили склепы и подземные захоронения. Пожалуй, ни один город мира — ни столица Шваркараса Люзеция с ее многомиллионными подземными захоронениями, ни Астуритон с канализациями и шахтами, ни города гартарудов, наполненные сталью и паром, часто уходящие далеко под землю, не могли похвастаться столь многочисленными и запутанными слоеными подземельями. Сейчас на вершине находилась зловонная канализация города, а что под нею — об этом знали, пожалуй, лишь крысолюди, часто исследующие нутро города. Да может быть Колдун, проживший тут, по слухам, не одну тысячу лет. Эти каверны и лазы были идеальны для любого, кто желал незаметно перемещаться по городу и имел для этого достаточно отваги.

Целью Фредерика Вангли, как пояснил ему Гийом, а позже тень по имени Синз, был капитан, меняющий имена и корабли, продавший свою душу Пучине за власть и силу. Мерзкий, противный разуму отщепенец, заплативший душой и безумием за нечеловеческие возможности. Уже много лет он строил козни и плел паутину обмана по всему Экваториальному Архипелагу. Так, по крайней мере, говорилось в письме от священника Ордена Бога-Воина, пришедшем пару дней назад в Тайную Канцелярию Ахайоса. Сей нечистоплотный субъект выбрал новой целью Ахайос. Возможно, он хотел наладить связи со здешними хаотиками, укрывшимися в глубинах города — мрачным культом, которым управляет Провидец, злобный и совершенно сумасшедший главарь банды своего имени. Говорили, что он был способен видеть будущее по воле Пучины, исторгающей из себя Хаос. Возможно, планы капитана были иными, но ничего хорошего городу и сейцверу Тайной Канцелярии Вангли они не сулили.

Под ногами чавкала вода вперемешку с дерьмом — отходами жизни большого города. «Кишечник» Ахайоса был грязен, до невозможности вонюч и отвратно освещен.

Чадящие факелы на стенах давали мало света, зато сжигали метан, не позволяя канализации наполниться испарениями, факелы эти менялись наемными работниками, по большей части из крысолюдов — за это город неплохо платил Банде Крыс.

То тут, то там в сточных водах попадались кости или полусгнившие трупы несчастных,

которых нелегкая принесла в эту клоаку, или же тех, от кого хотели избавиться. Трупы были обобраны до нитки все теми же крысами и обглоданы мелкими падальщиками подземелий.

На стенах встречались коряво намалеванные знаки и примитивные рисунки — крысолюды так отмечали свои маршруты, формируя надежную карту подземелий, понятную лишь тем, кто дружил с голохвостой бандой.

Местами путникам приходилось встречаться с местной флорой и фауной — тараканами размером с крысу, крысами размером с небольшого пса, плотоядными ядовитыми цветами, очищавшими вокруг себя воздух и воду, а также мелкими канализационными аллигаторами.

На более глубоких уровнях каверны Ахайоса хранили в себе и много более мерзких, опасных, бесчеловечных тварей.

Каждая банда по мере сил охраняла свои территории и под землей — на границах владений встречались россыпи черепов и поеденные временем флаги, все как у настоящих государств в миниатюре. Иногда встречались и часовые — унылые неудачники, которым не нашлось другой работы, или провинившиеся, отбывавшие наказание. Банды с мелким, а значит — элитным составом, не способные позволить себе роскоши часовых, просто заваливали входы в свою часть канализации, но только, опять же, на верхних уровнях.

Темный остановился на развилке. Человеческий череп на ржавом штыре и багровая лента, свисавшая у него из пасти, предупреждали: «Вы на территории Банды Безумцев, ублюдки, вас тут не ждут!»

— Это один из путей в глубинные районы, от порта, тут должны были быть твои люди, — голос Синза был задумчив, он эхом отдавался от арочных коридоров.

— Есть подозрение, что кому-то не повезло, — мрачно произнес Вангли из-под черного платка, закрывавшего его рот и нос. На противоположной стене он заметил пару свежих, но уже подернувшихся слизью выщербин от пуль. Ужас и омерзение, копившиеся в его душе в течение всего почти безмолвного подземного похода, начали перерастать в осязаемое ощущение опасности, в таких местах ему пригодились старые пиратские «подкожные» навыки.

Миновав поток фекалий, двое в черном — один в шелке и коже, второй в шерсти, замше и серебре, подошли к стене.

— Да, — согласился тень, проведя по выщербинам рукой в кожаной перчатке, — тут был бой, и совсем недавно.

Они обследовали соседние коридоры и довольно скоро обнаружили искомое.

Два тела в черной форме покачивались на поверхности потока дерьма, но были слишком тяжелы, чтобы он мог их унести. Фредерик ощутил острое разочарование, а также жалость — дело становилось сложнее.

Питера и Жака убили, недавно, быстро и жестоко. Перевернув один из трупов, Фредерик заметил, что испачканное лицо красавца Питера было чересчур спокойным для убитого насильственной смертью, в теле сотрудника канцелярии была пара дырок от пуль. В следующий момент его отвлек удивленно-раздосадованный возглас Синза. Невероятно, но факт — прямо из фекальной бездны откровенно мертвый, с перерубленным горлом и головой, болтающейся на лоскутах вонючей кожи, жил и артерий, Жак бросился с вытянутыми руками на темного, скаля полубеззбую пасть. Из глаз мертвеца росли подергивающиеся крабьи ножки.

Шестое чувство, в народе прозываемое «жопным», подсказало Вангли о грозящей опасности — труп Питера открыл бессмысленные, злобные глаза и, раскрыв пасть,

набросился на сейцвера. Из пасти мертвяка к горлу и лицу Стервеца потянулись ядовитые щупальца, наподобие тех, что растут на анемонах. Но бывший пират знал, что делать в таких ситуациях — он с силой пнул корпус стонущей твари, когда-то бывшей его подручным, и, выхватив крупный четырехствольный пистоль, разрядил все стволы в упор в голову твари. Руку ощутимо трянуло, коридор заволокло пороховым дымом. Одежду, лицо и треуголку Фредерика заляпало костями и пористым, красным мозгом. Нежить конвульсивно задергалась в потоке дерьма и быстро замерла.

Когда Вангли обернулся, то увидел, что у Синза все сложилось несколько хуже. Матерясь и совершенно выйдя из образа мудрой уравновешенности, тень отдирает от горла обрубленные кисти хаотического зомби, чьи пальцы с острыми кораллами вместо ногтей крепко сдавили шею бойца. В глазницах бывшего Жака, все еще царапаемых крабьими лапками, торчало два метательных ножа из темного металла.

С трудом оторвав грязные конечности от горла, темный достал из-за пазухи какую-то мазь во флаконе и обильно побрызгал на пораженный участок.

— Нас опередили, — прохрипел он.

— Я вижу, — Стервец был очень зол, — теперь это дело стало важнее, из государственного оно превратилось в личное. Между прочим, эти задроты мне позавчера по сорок монет проиграли.

Внутри Вангли клокотал от негодования — он редко привязывался к людям, и давным-давно научился переживать любые потери... Но такая смерть, в мерзкой поземной клоаке, один на один с ужасом, что древнее человеческой души, обреченные и беспомощные перед неведомой угрозой... Питер и Жак не были ангелами и все же они этого не заслужили. А еще Фред был испуган, постоянная тревога и некий подсознательный ужас неизвестного превратились в нем простой и человеческий страх — он не хотел быть на месте погибших помощников. И теперь, повинувшись животному инстинкту, он хотел убить совершившего все это прежде, чем тот сумеет навредить самому Стервецу.

— Ничего. Твоя месть близка. Я вижу маршрут во тьме. Миазмы хаоса сильные и четкие, вносят дисбаланс во все пространства. Я проведу тебя, — голос Синза был сухим и тонким, а тон расстроенным, но в руках он себя держал неплохо.

— Секунду, — Фредерик быстро подхватил тела бывших соратников, выволок из сточных вод, облил факельной смолой и поджег. — Так будет надежней.

Затем Вангли совершил короткую молитву Единому «За упокой» и «Оберег от скверны», поцеловал прихваченный из спецхрана символ веры в виде вычурного золотого круга и вместе с Синзом отправился дальше. Взяв последнего за руку, нырнул в пространство тени — черное и неудобное место, составленное из теней всего, что есть в мире, наполненное опасными тварями и позволяющее тем, кто знает его секреты, незаметно и быстро перемещаться меж точками пространства в реальном мире. Они последовали за растворяющимися в тени яркими сполохами закручивающегося спиралью следа хаоса.

То ли женщина, то ли легенда

Это был участок более древних катакомб. Здесь не было потоков дерьма, за исключением влажных бурых капель, падающих с потолка, зато оно было сухим, пыльным и давящим. Испещренные сложными орнаментами из пересекающихся линий стены и темные, узкие, с невысоким потолком залы, заваленные старыми костями и истлевшими предметами утвари, таили в себе остатки жестокой тайны прошлого. Тайны, в которую не были никакого желания погружаться. Следы в оскверненной реальности, видимые в тени, вели сквозь сухое

подземелье столь же надежно, как следы в свежем снегу или густой грязи.

Вангли и Синз медленно пробирались по катакомбам. Путь был скверным и опасным, уже дважды в далеких тенях мелькали хищники этого странного пространства — сначала теневой пес, затем богомол-душеглот. Оба были опасны даже для двух опытных бойцов.

Очередной темный зал с низким потолком и грязной жижей, сочащейся меж старых плит из песчаника, еще немного костей, пара прогнивших столов да какой-то почти рассыпавшийся шкаф.

Внезапно последовала ослепительная вспышка яростного света. Она пришла из реального мира и лишила Синза опоры в мире теней — их тут не осталось. Сейцвер и его проводник вывалились в обыкновенное пространство, оглушенные и растерянные. Над ними нависли шестеро одетых как матросы, вернее, как пираты, разного роста и возраста, вооруженные саблями и морскими тесаками, разнополые и относящиеся к разным расам. Их роднило одно — они были абсолютно и полностью мертвыми, но весьма подвижными.

К горлу Фредерика и Синза легло по три выщербленных клинка, шесть пар пустых мертвых глаз смотрело на них безразлично, бессмысленно. Но, похоже, трупы не собирались их убивать.

— Темный и агент Тайной Канцелярии. Такую компанию нечасто встретишь в этих подземельях, — из вновь сгустившейся тьмы выступила красивая черноволосая женщина, облаченная в расшитый золотом черный жюстокор, белую, с глубоким вырезом и множеством кружев рубашку, обтягивающие бриджи, опоясанные несколькими перевязями с пистолетами и парой сабель, закатанные ботфорты из черной, усеянной металлическими клепками кожи. А также изящную широкополую шляпу с богатым плюмажем. За спиной у красотки стоял мертвец с факелом, освещавшим лишь левую половину ее лица. — Довольно ребята, отбой, дайте этим двоим подняться, — голос был приятным, грудным и слегка хриплым.

Нежить отступила, позволяя своим пленникам встать. Синз, похоже, решил молчать. Так что Фредерик, откашлявшись решил взять дипломатию в свои руки:

— Благодарю, сударыня, однако хочу заметить, что не так уж часто в этих кавернах встретишь такую красавицу и в такой странной компании, — он отвесил небольшой поклон. — Меня зовут Фредерик Вангли, к вашим услугам.

— Очень приятно, — изящно очерченные розовые губы тронула легкая улыбка, — и что же привело сюда Тайную Канцелярию? Или здесь дело у темных? — поинтересовалась незнакомка тоном, намекающим на то, что ответ должен быть вразумительным.

— Я был бы рад поведать вам об этом, о обворожительная госпожа умертвий, — Стервец широко улыбнулся, — но ваши подгнившие ребятки пугают меня и вполнину не так сильно, как гнев моего начальника. Вы же знаете моего начальника — Гийома де Маранзи?

— О, — произнесла женщина без особой впечатленности, — это довольно известный в наших краях негодяй. Однако позвольте все же предположить — судя по ошметкам на вашей треуголке, а также, с учетом того, что на вас не реагирует мой амулет, — она продемонстрировала приколотый к рукаву крысиный череп со старой золотой монетой в зубах, — вы, похоже, преследуете капитана-хаотика.

— Не могу ни подтвердить, ни опровергнуть, — Вангли опять коротко поклонился, — к тому же я по-прежнему не знаю, с кем имею честь беседовать.

— Оксана Череп, — из-за спины красавицы выступил еще один мертвец в матросской форме, с факелом. Неровный, но яркий свет пролился на правую половину ее лица, Оксана

обворожительно улыбалась, причем всегда — вторая половина ее лица представляла собой лишенный кожи и мяса белый череп с ухмыляющимся ртом, полным ровных, красивых зубов. Ниже тело, разделенное напополам, являло с одной стороны изящную шейку, с другой — шипастый позвоночник. В вырезе рубашки виднелась приятная округлость молочно-белой груди, с другой стороны — еще более белые ребра, жюстокор и бриджи как на вешалке висели на скелетной руке и ноге. В глазнице черепа горел зеленый огонек.

— Едри твою налево, — Вангли осекся, — в смысле, очень приятно познакомиться, сударыня. Ранее не имел счастья знать вас, но премного наслышан.

Он осторожно прошел вперед и жестом изъявил желание поцеловать даме ручку. Ухмыляясь обеими половинами, Оксана протянула ему белые кости правой ладони. Пальцы скелета были увенчаны перстнями и позолоченными кольцами-когтями из стали. Стервец коснулся губами костяшек, они были твердыми и, на удивление, теплыми. К горлу подкатила тошнота, но он невыразимым усилием воли сдержался. Это был скорее нервический позыв, чем реакция на необычную физиологию дамы, в конце концов, после схватки с хаотическим дерьмо-зомби поцеловать руку скелету было не так уж мерзко. Хуже был тот факт, что ничего страшнее Оксаны Череп в этих подземельях встретить было нельзя, но казалось, что Вангли сумел пройти какое-то испытание.

— Вы охотитесь за хаотиком, мне он тоже нужен. Перевес сейчас явно на моей стороне, присоединяйтесь, господа, — произнесла она тоном, не терпящим возражений.

Синзу и Фредерику не оставалось ничего другого, кроме как согласиться.

Часть 3. Глава 5. Мистический шпионаж

Оксана Череп — Вангли не ожидал увидеть ее в подземельях, и потому не узнал сразу. Она была легендой. Ну, или скорее чем-то средним между легендой, фарсом и страшной сказкой. Будучи пиратским капитаном, Оксана уже на протяжении нескольких десятков лет наводила ужас на торговых маршрутах южан, в прибрежных поселениях и торговых факториях. Как и все пираты, она жгла, грабила, захватывала заложников, проматывала деньги на выпивку, оружие и красивую жизнь, и, как все удачливые пираты, была неуловима и непредсказуема. По слухам, Оксана не была нежитью, ее необычный вид был результатом какого-то проклятья, доставшегося то ли от ревнивого любовника-колдуна, то ли от древнего туземного бога, то ли от какого-то заколдованного сокровища. А вот доподлинно известным является тот факт, что Оксана Череп была некромантом, черным колдовством поднимала она мертвых, а также обеспечивала себе удачу на море и достойную добычу. Помимо этого, еще она слыла могущественным магом смерти — используя могущество энергии Смерти, она становилась одной из сильнейших и опаснейших бойцов в береговом братстве Ахайоса, к которому принадлежала. А экипажем ее кораблей, которые достаточно часто менялись, на две трети была поднятая ею или завербованная по случаю нежить и злокозненная нечисть. Как говорила сама Оксана — такая команда много более дисциплинированная и неприхотливая, чем обычный пиратский сброд.

Несмотря на грозную репутацию чуть ли не владычицы смерти, Оксана отличалась довольно сносным, хоть и замкнутым характером, а так же рациональностью и взвешенным поведением в повседневной жизни. Один из ее принципов гласил: «Убивай не больше, чем сможешь использовать».

А потому Фредерик охотно объединился с ополовиненной пираткой, в целом осознавая, что подвохов от нее ожидать не стоит — никаких добрых чувств к гонцам Пучины, как и большинство разумных существ в мире, она не испытывала. А капитана, за которым они охотились, считала опасной помехой, от которой следовало избавиться. Примерно таким был и приказ Вангли, значит, в данной заварухе они были заодно.

Идя следом гибели, отряд — а теперь это был именно отряд, из Вангли, Синза, Оксаны и десятка подтянутых умертвиев в камзолах, с портупейями, полными самого разнообразного оружия, выбрался к старому коллектору.

Это было довольно впечатляющее многоярусное сооружение, опоясанное несколькими галереями, выполненное из крепкого кирпича. Сточные воды из многочисленных городских труб срастались тут в единый поток и, закручиваясь воронкой, впадали в одну из подземных рек, исправно несущую труды задниц большого города к морю. Водовороты образовывали спирали, а спираль была одним из самых распространенных знаков хаоса. Поэтому, видимо, а также и потому, что каждый водоворот напоминал Пучину — гигантскую воронку, из которой проистекал весь хаос мира, адепты самой губительной силы так обожали подобные места.

На галерее одним поверхом выше того места, где из-за ржавой двери вышел отряд сейцвера, расположился десяток фигур в просторных плащах из грубой бурой ткани. Бесформенность очертаний под некоторыми из них говорила о том, что далеко не все фигуры были человеческими. Чуть поодаль, у парапета, опершись на него и наблюдая за потоками дряни, устремлявшимися в пустоту, беседовали двое — один все в том же буром

плаще, но многослойном, напоминавшем панцирь какого-то насекомого, расшитом золотой нитью, образующей странные, зловещие узоры с намеренно искаженной геометрией. На лице, закрытом массивным капюшоном поблескивали мудрые, злобные глаза. Второй — высокий, очень стройный, облаченный в длиннополый редингот с бронзовыми пуговицами в виде морских созданий, узкую треуголку без плюмажа, приталенный жилет, лосиные штаны и узкие сапоги, — его лицо закрывал платок из крашеной кожи, расшитый растительным орнаментом.

Эти двое степенно беседовали, оставшиеся «плащи», похоже, охраняли их покой, нервно осматриваясь по сторонам.

Оксана шепотом, несмотря на то, что рев воды был столь силен, что тяжело было слышать даже то, что творилось в двух шагах, предложила подобраться поближе. Получив утвердительные кивки от Вангли и тени, она дала обоим небольшие черные, оправленные в медь кристаллы, заряженные магией воздуха, и, постаравшись двигаться незаметно, пошла по галерее, дав своей нежити приказ оставаться на месте. Засунув в ухо кристалл, позволявший усиливать слух, Фредерик последовал за пираткой.

Незаметно приблизившись, трое замерли на галерее, четко в том месте, где велась беседа, но поверхом ниже. Похоже, разговор шел недавно, и самое интересное «шпионы» еще не упустили.

— Ты прибыл один? — благодаря кристаллам голос можно было расслышать даже из-за рева воды, отстраненный, безличный, завораживающий голос существа в плаще.

— Тибальд на Сонме, Аляйя отправилась в Хмаалар, ее вновь преследует золотокожий, — второй голос был молодым и гордым, хриплым из-за табака и рома, наверняка он принадлежал капитану. — Так что да, я здесь один.

— Неосмотрительно, нелепо, не вовремя, за тобой стелятся долгие тени, открывающий врата не будет благосклонен к глупцам, — в безличном голосе промелькнула нотка раздражения.

— Не мне бояться людей, шепчущий направит меня и очистит мой разум от лишнего.

— Наивно искать мудрости в шепоте, ты перестаешь слышать себя, предел становится ближе, за твоей спиной я вижу кольца блаженства.

— Я не приму сладость, не завершив все приготовления, страх достаться влажным пастям небытия для меня столь же силен, — в голосе говорившего действительно звучала дрожь.

— Место в потоке драгоценно, и потому достается лишь тем, кто успешен в борьбе, ты слишком часто оскальзываешься на пути по лезвию отчаяния.

— Ничто не приходит без опыта, мои шаги стали тверже, — недовольство проявилось в голосе капитана, то ли собой, то ли собеседником.

— Твердый шаг в пути по тонкому льду несет гибель, ты выглядишь слабым перед взором тысяч и медленным для планов текущих, — в голосе плаща зазвучала усталость.

— Но я могу все исправить, — капитан заговорил горячо и страстно, — «Невозмутимая» получила новое тайное имя, если все пойдет плохо, я смогу стать охотником, в этом есть почет. Мне лишь нужна небольшая поддержка, этот город полон возможностей, твой кроткий взор и мои опытные руки, мы сумеем добиться большего.

— Мой кроткий взор, — в голосе «плаща» зазвучал смех, — зрит твой неумно длинный хвост. Не умея даже быть незаметным, ты не принесешь мне пользы, а лишь погубишь нас обоих. Реши свои дела. И если останешься целостным, возвращайся, Кайлен.

— Да, Провидец, — мрачно ответил капитан.

Затем голос его зазвучал громче, а удаляющийся шелест сказал о том, что «плащи» уходят.

— Нет больше смысла прятаться, неужели вы, неразумные, хотели ускользнуть от взора Пучины, ваши тела достанутся беззубым падальщиками!

В тот же момент грохот шагов возвестил о том, что капитан собирается сбежать.

Коллекторный ужас

Вангли и Оксана уже собрались последовать за ним, а Синз нырнул в тень. Но в тот же момент водоворот грязной воды взорвался мощными брызгами. Несколько щупалец толщиной в человеческий торс обвили вокруг ржавого ограждения галереи. На щупальцах были глаза, глаза и щелкающие зубами пасти, а также присоски с сочащимися ядом шипами. На галерею, отрезая бывшего пирата и некромантшу от лестницы, ведущей наверх, за Кайленом, поднималось из бездн коллектора огромное бесформенное нечто, цепляющееся за ограждения, стены и края галерей осьминожьими щупальцами, ревущее сотней влажных пастей на склизком, рыхлом торсе, покрытом коричневыми пятнами, выслеживающее добычу мириадами злобных разноцветных глаз с вертикальными зрачками.

Фредерик достал пистоль и разрядил его в корпус поднимающегося из зловонных глубин ужаса. Это было первой панической реакцией, ну, первой не органического толка. Пират привык убивать все, что его пугает.

— Брось это, Вангли, — вскричала Оксана, — не поможет, давай за мной!

Она бросилась обратно к ржавой двери, из которой уже высыпала нежить ее отряда, на ходу пиратка ловко орудовала двумя широкими саблями с чеканными рунами, отбиваясь от устремляющихся к ней отростков выкидыша Пучины. Стервец последовал за пираткой, так же сумев срубить пару толстых щупалец, выхваченным походя тесаком. Отделенные от тела, они задергались на грязном полу галереи и начали быстро разлагаться, превращаясь в рыхлую, зловонную жижу с белесыми комками.

Нежить с отвагой тех, кому уже не страшна смерть, обороняла отход сейцвера и Оксаны, расстреливая коллекторную тварь из мушкетов и пистолей, разрубая щупальца клинками и отталкивая массивный торс копиями.

К моменту, когда двое добежали до спасительной двери, большая часть отряда пиратки уже успела проститься со своей нежизнью. Щупальца обвили вокруг одного и разорвали плоть множеством пастей. Второй был просто сброшен в зловонный водоворот. Третьего обдал едкой кислотой беззубый зев, разверзшийся в торсе твари. Четвертого размазали о стену. Пятый был схвачен за руки и ноги подвижными отростками и, разорванный в клочья, оросил кирпич пола своей гнилой кровью. Шестому щупальце вошло в рот и вырвалось через живот, раскидав кишки и органы с громким чавком.

Влетев чуть впереди Фредерика в тесный коридор за ржавой дверью, Оксана Череп приказала остаткам своей команды отступить и быстрым шагом двинулась вглубь спасительной тьмы обратного пути.

Однако тварь оказалась упорнее, чем о ней подумали. Коллекторный ужас начал втискиваться в узкий проход, помогая себе щупальцами и скользкими отростками. Втянувшись же, начал сокращаться, подобно слизи, проталкивая себя через узкий лаз и выстреливая вперед все те же щупальца и покрытые хитиновой броней конечности, напоминающие ножки креветки, но с бритвенно-острыми шипами на конце.

Первыми пали двое пиратов-мертвецов, прикрывающих отход. Одному «креветочная»

лапа пробила череп через затылок, выйдя из глазницы. Второго тварь резким скачком настигла всем своим телом, раздавила и протянула останками по стенам коридора.

Прыть бесформенного нечто была столь велика, что Вангли начал опасаться, что они могут и не суметь убежать. Единственной причиной, по которой Стервец еще сохранял присутствие духа, был давний случай — много лет назад, когда он только-только перешел из юнги в матросы, на корабле отказал отпугивающий порождения глубин амулет. Тогда тварь в хитиновой броне, с щупальцами и острыми жвалами, напоминающая смесь циклопического омара и осьминога, атаковала их посреди дня. Шуму было много — новоявленный матрос бестолково бегал по кораблю и тыкал во все подряд острым багром, он выл от страха, плакал и трижды обосрался, к счастью, похоже себя вела большая часть команды. «Омар» был втрое крупнее канализационного гада, но они сумели сдюжить — по большей части закидав тварь бочками с порохом. Это воспоминание и удерживало сейчас Вангли от истерики.

Впереди показался просвет, коридор выводил в один из узких залов с низким потолком.

— У тебя есть гранаты? — поинтересовался бывший пират у некромантши.

— Да, но запала под рукой нет, — ответила она, не сбавляя хода.

— Не беда, — Стервец уже успел запыхаться, резко прыгнув, он ушел от попытавшегося его зацепить щупальца и продолжил. — Скажи, тебе сильно дорог тот паренек без нижней челюсти, тот, что слева?

— Они все мне дороги, — обиженно ответила полускелетная барышня, — они моя команда.

— А если подумать? — залп едкой кислоты чуть было не накрыл обоих бегущих.

— Если подумать, еще найду, — ответила пиратка быстро. — В крайнем случае, из тебя сделаю.

— Отлично, перекинь ему гранаты и скажи остановиться по моему сигналу.

Они вылетели в зал. Оксана кинула матросу-мертвецу гранаты, Фредерик же достал из кармана связку своих, зажигающихся серной трубкой, чиркнул одну об подошву и перекинул мертвию.

— Теперь пусть он его обнимет! — возобновив бег, крикнул Вангли.

Повинуясь приказу хозяйки, матрос бросился навстречу коллекторной твари, проталкивающейся в зал, последовал громкий взрыв девяти гренад. Сейцверу даже заложило уши. За шиворот попало что-то липкое. Потолок зала начал рушиться, одной из крупных каменных плит накрыло последнего мертвеца-пирата. Фредерику и Оксане повезло больше — они нырнули в следующий коридор.

Отбежав несколько десятков шагов они, с удовольствием понаблюдали, как бесформенную тварь из зловонной дыры заваливает плитами и заливают дерьмом с верхнего «этажа». Радость, впрочем, была недолгой. Разбрасывая тяжелые плиты и не обращая внимания на потоки органической грязи, оказавшийся весьма крепким монстр, похоже, решил продолжить преследование. Он изрядно потерял в весе и сдал в размерах, но все еще был более чем опасен.

Сейцвер и пиратка синхронно бросились по коридору дальше. Оксана Череп начала что-то размеренно бормотать, на ходу срывая с жюстокора пуговицы, исполненные в виде скалящихся черепов.

Пробежав еще несколько залов, Фредерик с удивлением заметил, что кости древних мертвецов, сваленные то тут, то там, начинают, подчиняясь какой-то неестественной силе,

следовать за чернокнижницей.

На пути попался особенно крупный зал, с потолком выше обычного и большим количеством костей.

— Все, — неожиданно сказала пиратка, — хватит бегать. Меня не пугают какие-то фекальные кракены.

Повинуясь воле темного колдовства, кости и черепа начали формировать огромный, бесформенный конструкт. Девять черепов, со вплавившимися в них девятью пуговицами Оксаны образовали странные направляющие «суставы» строения. Получилось нечто зловещее из множества костяных шипов и острых граней.

Сама колдунья отошла к дальней стене и достала пистолы, Вангли последовал разумному примеру. Очень скоро ворвавшийся в зал коллекторный ужас испытал на себе всю мощь черного колдовства и злобы уставшей женщины. Тварь оказалась живуча и сильна, она долго сопротивлялась, разбрасывая вокруг кости и черепа, ее плоть, которую колот и резал костяной конструкт, зарастала и восстанавливалась, отсеченные конечности заменялись новыми, бесформенная гидра не собиралась сдаваться просто. Залпы из пистолетов также имели мало эффекта.

Тут Фредерик расстроено понял, что жить все-таки хочется, он извлек из кармана пузатый флакон прозрачного стекла, где плескалась янтарная жидкость. Тем временем у сильно потрепанного конструкта осталось всего два «сустава» с серебряными черепами.

— Прикажи ему проделать дыру в центре этого уебища! — крикнул Стервец Оксане.

Та молча кивнула, она была мрачна и сосредоточенна, а из закушенной губы «живой» половины текла кровь.

Повинуясь приказу, острые костяные шипы разорвали влажную плоть торса коллекторной жути. Сейцвер Тайной Канцелярии хорошо размахнулся и метнул туда свой флакон.

Никаких ярких внешних эффектов не последовало. Тварь лишь конвульсивно дернулась, в последний раз стегнула по конструкту, разбросав сухие кости по залу, и начала быстро разлагаться, теряя массу и расплываясь аморфной, тошнотворно пахнущей жижей.

Оксана вопросительно вздернула бровь живой половины, уважительно посмотрев на бывшего пирата.

— Святое масло, — пояснил он, — приберегал для самого капитана. Если повезет, когда мы его найдем — раздобуду еще.

Оксана кивнула и, взмахнув плащом, направилась к выходу, Фредерик восторженно смотрел ей вслед, жалея о том, что у него никогда не было такого бравого капитана. Впрочем, от команды-то ее как раз никто в подземелье не выжил. Но это не умалило восторга пирата.

О скорби, вечности и неравноценности зол

— ...есть существенная разница. И то, и другое люди зовут гибельными силами, но опасность не равноценна, — разговор шел в таверне «Морячка Дженни» — уютном заведении в Пиратском Квартале, где сейцвер и леди-капитан смогли принять ванну, сменить одежду и снова почувствовать себя живыми. В случае с Оксаной — наполовину. — Если ты решаешь заняться чернокнижием или некромантией, то делаешь это на свой страх и риск, ты становишься опасным для окружающих ровно настолько, насколько желаешь быть таковым. А если говорить о душе, то, опять же, страдает только твоя собственная и то не

факт, этот нематериальный орган часто переоценивают. Если же ты имеешь дело с хаосом...

— Да-да, — проговорил Фредерик, он сидел в шелковом халате и потягивал холодное, терпкое вино, ожидая пока слуга принесет ему смену одежды со съемной квартиры, — ты тут же становишься опасен для всех окружающих, ибо через тебя начинает говорить сама Пучина. Но как же некроэнергия?

— Перестань, не надо косить под деревенщину, — Оксана скривилась, она не пила и не ела, а потому была разговорчивее Вангли, — если мы говорим серьезно, не на уровне глупых суеверий, то тут все просто. Если ночью к тебе заявится труп любимой бабушки, зараженный остаточной некроэнергией от какого-то ритуала, проведенного неаккуратным или злонамеренным колдуном, то ты уже будешь знать, что это не твоя бабушка, а ходячий труп, ничего общего с ней не имеющий. Ведь бабушка-то по сути — это душа, уже переродившаяся в новом теле.

— Ну допустим, — Фредерик был скептичен. — Тем не менее бабушка может приползти.

— Да, а ты возьмешь топор и снесешь ей черепушку, все просто, а для создания действительно сильной нежити нужны особые условия, — пиратку, похоже, сильно увлекала тема. — С хаосом все иначе — если к тебе ночью приползет, выбравшись из колыбельки при помощи щупалец, любимая дочурка, к тому же живая, и попытается поцеловать тебя слюнявой пастью с акульими зубами... Ты все равно подумаешь — это же моя дочь! Ее надо спасти, как же так, этого не может быть... Ну и так далее. Пучина поражает все вокруг, заражает, искажает. Она неестественна по определению. А некроэнергии полно на любом поле боя, она столь же нормальна как дождь или воздух.

— И почему же тогда, по-твоему, хаос и черную некромантию ставят в один ряд гибельных сил? — Вангли улыбнулся.

— Потому, — брезгливо наморщила живую часть лица Оксана, а на мертвой глаз засветился сильнее, — что большинство людей испытывает нездоровую любовь и какой-то омерзительный трепет перед пустыми гниющими оболочками. По-моему — это нездорово.

— Гениально! — расхохотался Стервец, и поскольку был уже несколько навеселе, попытался поцеловать пиратке руку.

— Не начинай того, чего не сможешь завершить, — помрачнела Оксана, и руку отдернула.

— Ладно, — развел руками Фредерик. — И все же ты не желаешь более искать милашку Кайлена? Есть дела поважнее?

— Я не отказалась от мысли угробить ублюдка, но силы тратить более не намерена. Знаешь, с кем он был?

— Подозреваю, — посерьезнел сейцвер.

— И, наверное, верно — это был Провидец, глава банды хаотиков города, недоступный даже для вашей хваленной Канцелярии. Он действительно иногда видит будущее.

— Будущего не существует, — Вангли взмахнул кубком.

— Твое мнение, — загадочно улыбнулась двумя половинами леди-капитан.

— Значит, в теории, если я его найду, ты могла бы потом оказать мне огневую поддержку?

— Риск — дело благородное, долг — идиотское. Ничего не обещаю, но ты можешь меня удивить.

— Даже не знаю, руководит ли мной долг или мысль о том, каким будет лицо толстячка

Гийома, если я не разрулю этот бардак.

— Похоже ты рановато ушел из пиратов, — заметила Оксана, начав подозрительно осматриваться по сторонам.

— На суше больше пространства для маневра, — улыбнулся Фредерик. — Так все-таки да или нет?

За столом из теней соткался Синз, махом осушив бутылку Вангли, он сообщил:

— Я знаю, где он.

Сейцвер широко улыбнулся половинчатой красотке:

— Ну вот и искать не надо.

— Уговорил, —хватила пиратка по столу костлявой рукой, — пойду, соберу команду.

Встречаемся через час, тут же.

Библиотека Хранителей Знаний. Занимательные пояснения о тайных службах мира

На страже веры

Мы есть последняя грань между простыми подданными Единого и бездной всепоглощающей пустоты, ожидающей еретиков и маловерных. Мы, идущие долиной смертной тени, не убоявшиеся адских врат и смрадного дыхания Пучины избегнувшие.

В каждом верном есть семя, малая толика Его сути. Но лишь один из сотни может найти в себе силы и благодать, дабы дать ростку пробиться и в сем увидеть свое превосходство над рутинной скорбной жизни. Увидеть путь горнего служения, по которому пойти и достигнуть истинной цели Веры.

И лишь у одного на тысячу, из тех, кто сумели воздвигнуть в сердце своем, и душе своей, и разуме своем древо истинной благодати, достанет воли и мужества, бесстрастия и небрежения, дабы идти нашим путем.

Да, братия, вы суть есть истинный щит, кой призван оберегать Империю и все, что в ней, и все, что за ней от козней многочисленной гибели. Гибели, что грозит по воле роковых, скверных сил каждому, в ком есть семя веры Единого и каждого из тысяч прочих ваших братьев-священников, чье служение не менее важно, но менее опасно.

Вы есть те, кто грудью встанет на пути гнилостных ветров хаоса, кто не побоится ступить босою ногой в адское пекло, зная, что спасется. Вы — те, кто посмотрит в глаза Смерти и визнает у тощего вестника имена прислуживающих ему чернокнижников.

Вы — Инквизиция его святейшества Архиепископа дважды благословенной Алмарской Империи. Вы братия благороднейшей из церквей — Церкви Бога-Защитника, кой дает вам власть над плотью, духом и разумом.

Облаченные великой силой, правом карать и миловать, правом судить и быть неподсудными, вы также обретаете непосильный для слабого груз ответственности.

Вы — возвращенные с младых ногтей, дети пахарей и рыцарей, усаженные за одну скамью, уравненные волей Единого и иного долга не знающие, кроме долга перед Матерью Церковью. И иного родства не знающие, кроме братских уз. И любое происхождение, кроме церковной земли, забывшие.

Вы есть те, кто возьмет щит и факел. Возьмет кинжал и плащ. Суму и кормило. Вы есть те, кто будет хитрее любого еретика, сильнее демона, сведущее чернокнижника. Вы есть те, кого никогда не коснется скверна искажения. Те, чьи руки натруженные очистят кладбища и берега. Вы — братья мои, коих принял в объятья Единый, водрузив на плечи самую

священную из миссий.

Обличенные правом карать, правом брать нужное, правом пытаться и правом убивать без иного суда, кроме суда Небесного. Вы те, кто имеет право призвать на помощь любого брата по вере, будь он из боевого ордена или пастырской обители. Вы те, для кого открыт кошель любого имперского купца. Вы те, кто несет великое благо и потому обладает великой властью. Вы те, чье дело выше святости тайны исповеди и любых законов церковных, а паче того — человеческих. Опирающиеся на паству, как на твердую почву крепи благостной.

Вы щит и свеча, и факел, и кинжал Церкви. И да будет ваш путь, братья, начинающих с этих детских скамей, озарен золотым сиянием Единого! К вящей славе Господней и по Воле Его! Круг сотворяю.

Вводное слово лекции об обязанностях подвижника перед новятами 5–7 лет в церковной школе Церкви Бога-Защитника, прочитанное командором-инквизитором отцом Бертольдом Кровавым дня седьмого месяца пятого года Господнего 789 от Основания Алмарской Империи, братством оберегаемой

Часть 3. Глава 6. Хаос. Некрос. А побеждает все равно кавалерия!

Шаги глухо отдавались по темным улицам порта, две луны ярко освещали небосвод. Белая и крупная Лунная Леди прибывала. Красный Хас светил во всю мощь, но шел не убыль. Тонко мерцали сквозь редкие облака астероиды, протянувшиеся меж ними. Порт казался пустынным, вымершим или просто затаившимся. Местные жители всегда предоставляли пиратам шанс решить свои дела самостоятельно. Пираты вообще имели в Ахайосе очень особый статус — свободные, сильные, опасные, они были уважаемы бандами и столь же преданы городу. Пираты жили в отдельном квартале, но хорошо принимались и в других частях Ахайоса. Некоторые банды даже оказывали покровительство, «прикармливая» себе пиратов. Например — Безумцы и Ножи, а некоторые пираты были столь могущественны, что оказывали покровительство бандам, например, Оксана Череп — Трупоедам. И когда столь могущественная пиратская легенда решила устроить небольшую разборку, для нее порт пустел в знак уважения, ну и чтобы под руку не попасть.

За пятнадцать минут до времени встречи к Оксане прибыл один из сотрудников Тайной Канцелярии и передал записку от Фредерика — сейцвер просил выступать без него, обещая оказать надежную поддержку на месте. Кости были брошены и отступать леди-капитан уже не могла. Значит, надо было идти вперед и так или иначе покончить с гонцом Пучины.

Чернокнижница была великолепа — она шла на бой, а потому облачилась в «анатомический» нагрудник из черненой стали, плечи ее укрывал расшитый золотом плащ из плотной ткани, а на поясе висели две сабли, откованных специально под ее живую и мертвую руки, усиленных магией и сработанных как артефакты с участием таких уникальных материалов как холодное серебро, сердце гарпии, кости грифона. На голове ее была шляпа с еще более богатым плюмажем, чем прежде, а на руках — краги, усиленные металлическими вставками, высокие ботфорты высекали искры из мостовой, а жюстокор блистал шитьем и онисовыми пуговицами.

За Оксаной, печата шаг, шли пятьдесят ее абордажников — по большей части нежить — мертвые пираты, наемники, морские пехотинцы, вооруженные саблями, мушкетами, тесаками, пистолетами и гренадами. Они сохранили все свои отменные боевые навыки, но полностью потеряли страх перед чем-либо. Также там была нечисть, например, обворожительная первая-помощница — баньши. Пара призраков, горгулья и другие, с менее известными именами. Рядом с чернокнижницей шел мрачно озирающийся по сторонам, молчаливый Синз.

Их путь завершился в тупике, составленном из глухих фасадов, крупных складских зданий.

Капитан Кайлен стоял там. Грациозный, высокий и невозмутимый, за спиной его высилось темной массой десятеро матросов, закрытых плащами и широкими шляпами, прячущих лица под повязками и плащами.

— Ты пришла, ведьма, — произнес он надменно.

— А ты даже не бежишь. Это ошибка, — ответила Оксана Череп, давая знак своим людям остановиться. Нежить встала и начала выстраивать линию, выдвигая вперед бойцов с мушкетами.

— Ошибкой является твое существование, гротескная полуживая тварь, — помпезно

отчеканил посланник Пучины. — Впрочем это мы скоро исправим, — улыбка тронула тонкие, ничем не прикрытые губы, за ними можно было разглядеть иглообразные, как у глубоководной рыбы, зубы.

Где-то поблизости промчался в сторону Шестой Цитадели всадник.

Тонкий черный кинжал почти незаметным, мгновенным движением скользнул в руку Синза, почти без замаха он направил клинок в живую часть шеи Оксаны...

Вангли взглядом проследил за удаляющимся драгуном, служивый вез послание. Лично в руки Гийома — плод настырного и тщательного обыска неприметного суденышка «Невозмутимая», мирно покачивавшегося на волнах у одного из самых старых, полуразрушенных, забытых причалов. К счастью, «хитрец» Кайлен забрал большую часть своих людей на битву. И теперь в небольшом деревянном сундучке, окованном бронзой, одинокий драгун уносил в безопасность кабинета дейцмастера очень интересные сведения о сектах и обществах поклонников Пучины в Экваториальном Архипелаге.

Вангли проводил драгуна взглядом и выстрелил.

Пуля поразила Синза в голову, отбросив его назад за долю секунды до того, как темный нанес удар. Лунная Леди отразилась в рыбьем глазу убийцы, приобретенном вследствие слишком тесной слежки за капитаном-хаотиком, мостовую испачкали мозги.

Внезапно тупик взорвался действием — одна из стен складов, как раз напротив того, где залег Фредерик, разлетелась как игрушечная под напором нечеловеческой силы гетербага, трехметрового гиганта, правая рука которого стала клешней, а голова мутировала в акулю морду, вслед за ним из засады на нежить полезли и другие уроды. Каждый хаотик служил какому-нибудь из бесчисленного множества Богов Пучины, значит, каждый обладал какими-то особенными, опасными в бою возможностями. Кто-то был сильнее, чем выглядел, кто-то отрастил дополнительные конечности, кто-то плевался ядом. Спектр был широк, и все это великолепие, по численности превосходившее отряд Оксаны, перло на ее войска с двух сторон.

Невозмутимая леди-капитан, мельком взглянула на труп Синза и шагнув за линию своих стрелков, скомандовала: «Огонь». Оглушительный залп заволок пространство тупика густым, черным дымом, быстро подхваченным морским ветром.

За мушкетами последовал залп пистолей с обеих сторон. И там, и там посыпались первые трупы. Затем были брошены гранаты, в рядах оскверненных был произведен немалый урон, а вот нежить нельзя было ни контузить, ни серьезно поразить картечью. Для большей части отряда чернокнижницы смертельны были только попадания в голову либо расчленение. Но хаотики бились яростно, на их стороне было четверо искаженных гетербагов и сила Пучины.

Оксана, не замечая, что ее отряд терпит поражение, сошлась в тяжелой схватке с капитаном этих потерянных душ. Кайлен оказался опытным и хитрым фехтовальщиком, к тому же некромантше приходилось также отражать атаки нескольких охранников негодяя.

Вот она выброшенным из руки черным сгустком энергии разорвала в кровавый туман одного из телохранителей капитана, но в следующий момент пропустила укол тяжелой шпаги, которой бился оппонент. Живая правая рука пиратки окрасилась кровью. Но две сабли делали свое дело — широкий взмах, поворот, яростный выпад и бок гонца Пучины принял насквозь черное лезвие, кровь его была густой и черной.

На Оксану кто-то прыгнул сверху, пытаясь повергнуть ее наземь, за ухом раздалось шипение, почти сладострастное, скользкая рука сдавила горло. Но очень быстро тяжесть

пропала. Рядом оказался Фредерик Вангли.

— Быстрее, скомандуй своим отступить к стенам! — он и сам тянул ее к ближайшему складу.

Звучало бредово, но похоже бывший пират был уверен в своей идее, она дала колдовскую команду нежити, а для живых в отряде повторила в голос, хриплый и тонкий от волнения:

— К стенам, прижимайтесь! — затем недоуменно воззрилась на Стервеца.

Несколько ударов сердца, и тупик опять наполнился громом залпов — на полном скаку в него влетели всадники Драгунского полка Ахайоса. Разрядив карабины, они на полном скаку влетели в месиво боя, щедро угощая сталью всех и каждого, не разбирая своих и чужих, ибо нежить для этих простых парней не ассоциировалась с союзниками, да и формы ни на ком не было, а вокруг было темно.

Очень скоро все было кончено. Тупик усеяли изрубленные трупы хаотиков и мертвяков, выжили лишь те, кто встал у стен. Кайлен погиб еще раньше — в него пришелся залп шести карабинов, череп и грудь разнесли круглые свинцовые пули. Остатки его отряда добились в рукопашной. Оксана отвела своих зеленоглазых пиратов и предоставила властям заканчивать дело. Меж искаженных скверной трупов шел прихваченный по случаю священник Бога-Воина в чеканных латах. Он читал «Литанию погребения» и приказывал солдатам поливать трупы маслом, молитва и огонь — самые надежные средства против хаоса.

Оксана отправила остатки своего воинства на корабль и повернулась к Фредерику:

— Это было не так уж плохо, да? — обе ее половинки улыбались.

— Веселья полные штаны, — кисло пошутил сейцвер, — но мы это сделали.

— А что случилось с тенью?

— Похоже, старина Синз последовал за капитаном куда-то, куда следовать не стоило. И он его, кхм... перевербовал, — Вангли нагло улыбнулся.

— Ты это знал? — посерьезнела пиратка.

— Предположил такой исход, но не был уверен, у меня был клирический талисман — он определяет скверну, когда Синз появился в таверне, тот среагировал, но не сильно. Я подумал, могло быть просто реакцией на моряков в заведении — ты же знаешь, каждый, кто вернулся из моря, немного хаотик.

— Ясно, — Оксана немного помолчала, Фредерик несколько смущенно осмотрелся по сторонам, — Вангли, — продолжила она шутливым тоном, — если ты еще раз попытаешься использовать меня подобным образом или подставить, — последовала короткая пауза, — то тебе все же придется вернуться в море — членом моей команды.

Опять пауза, зловещая.

— А это, чтоб ты лучше помнил.

Удар костлявой рукой пришелся в шею и частично в челюсть бывшего пирата, навсегда оставив на нем синие, недобрые отметины. После чего леди-капитан развернулась и отправилась вслед за своим воинством. В переулке пылали оскверненные, некоторые из них были еще живы...

Толстячок доволен

— Темпераментная женщина! — рассмеялся Гийом. — Ничего. Шрамы, морщины и даже эта странная синяя херня — украшение мужчины.

— Как скажете, патрон! — весело согласился Фредерик, он был доволен собой, да к

тому же в кабинете дейцмастера появился охлаждающий артефакт в виде обезьянки с рубиновыми глазами, дышащей холодом.

— В кратчайшие сроки обнаружить гонца Пучины. Прихлопнуть его со всем отрядом. Использовать при этом легендарного пиратского капитана. Добыть компромат на банду Теней в виде предательства их бойца и вбить еще один гвоздь в гроб благополучия Банды Провидца. У тебя талант, Вангли! — доброжелательно произнес де Маранзи.

— Похоже, есть немного, — согласился Стервец.

— Теперь, если тебя не прикончат Тени за то, что ты их подставил. Оксана — за то, что обманул. Провидец — за то, что разоблачил. Кто-то из союзников Кайлена — в качестве показательной мести. Ну или кто-то из воздыхателей нашей скелето-девки, чтоб не путался под ногами... Тебе светит блестящая карьера! — радостно резюмировал дейцмастер, ехидно наблюдая за тем как сползала улыбка с лица Вангли.

— А черт с ним, — подбодрил себя бывший пират. — Двум смертям не бывать, а одной не миновать. А что с информацией с корабля?

— Расшифровываем, — чуть серьезнее, чем раньше, проговорил де Маранзи, — в этих записках для дебилов и хаотиков чересчур хитрый шифр, но, судя по всему, ты сорвал большой куш — эта информация о-о-очень многих позволит прижать. И еще больших — использовать.

— Использовать? — пораженно воскликнул Фредерик. — Но это же гибельные силы!

— Это если вблизи, — мягко проговорил начальник Тайной Канцелярии. — А если вдали, то это ценные стратегические ресурсы влияния на территории противника. В конце концов, у ригельвандцев есть агенты Ригельсберме, у Алмарской Империи — инквизиция. В Эллумисе и Сетрафии тоже есть компетентные органы, пусть они и борются со своими хаотиками, а я посмотрю по их поведению — кого поддержать и кого разоблачить.

— Шеф, можно я пойду? — сейцвера внезапно затошнило.

— Конечно, иди, отдыхай! Ты большое дело сделал! И заработал мое доверие. Возьми даже пару деньков отпуска, в церковь сходи, помолись, очистишься. А то обрастешь еще, — он сделал ехидную паузу, — ракушками!

Библиотека Хранителей Знаний. Занимательные пояснения о тайных службах мира

О пользе, вреде и благочестии сверхуполномоченных моего императорского величества Гидеона II Хоценголлера. Об основах и пользе и необходимости секретных служб для благополучия державы. Наставления потомкам

Будь благословен мой великий предшественник. Трудами Альма IV Хоценголлера, моего благородного предка, ныне я обладаю всеми средствами для обеспечения становления власти своей во всех уголках мира, кои приглянутся нашему монаршему оку.

Безусловные почести стоит воздать стальной имперской армии, могучему флоту, нашим артиллеристам и, конечно же, святости мужей церкви. У Императора не может быть заблуждений, свойственных многим представителям знати. Без церкви Империя — ничто.

Но все же особое место в беспорочной машине имперской власти и в моем благодарном сердце занимают особые люди. Сверхуполномоченные агенты Императора. Важное звание, должные почести, несомненное признание, великая, почти безграничная ответственность. И будь благословен мой предок Альм, который организовал Орден Небесного Льва, магистры которого и были первыми из них.

У нас, в нашей державе, есть множество средств установления власти на должном

уровне. Есть министерства на все случаи жизни, есть суды, стража, полиция и региональные службы. Но никто и никогда не будет так мил короне, как те люди, которых мы, кайзеры, наделяем особыми полномочиями. Они получают право вершить судьбы страны, подкрепленные нашей волей и нашей печатью.

Кто они? Те, кто получает право карать без суда, корить без запрета, спасти державу от тайных опасностей. Те, кто получает право перечить Архиепископам и низвергать графов-генералов? Читай внимательно эти строки, мой далекий потомок, верю, что ты найдешь эти наставления полезными.

Эти люди являются опорой трона, самой эффективной частью секретной службы, фигурами, чье могущество суть тень могущества самого Императора. Могут ли они быть бандитами? Иностранцами? Иновидцами? Сектантами или даже слугами гибельных сил?

Я отвечаю — да. И почему да? Ибо их основное качество — это верность. А верность исходит из других источников. Избирай мудро. Избирай тех, кто будет зависеть от тебя и только от тебя. Среди них немало людей, чья служба есть воплощение их доблести и патриотической обязанности. С этим ничего не поделаешь. Они важны и ценны для нас. Но каждый, кто получает регалии сверхуполномоченного, не должен служить чему-либо больше, чем особе Императора. Возьми герцогского сына и надели его властью беспримерной. Он примет как должное. Но возьми сына бедного рыцаря, и он всю жизнь будет лобызать твои ступни, даже если ты изволишь посетить хлев.

Бери на службу тех, кто будет зависеть от милости твоей и твоих потомков. Тех, чья жизнь есть жизнь твоей династии. Тех, для кого смута и раскол державы будет столь же опасна, как и для самого Императора. Действуй наверняка, положишься на собственное чутье, дарованное тебе сонмом высокородных предков и на решения ближайших, верных советников. Если нужно — бери убийцу из тюрьмы, с плахи, если он способен к верности, то будет тебе самым надежным слугой. Спаси с костра культиста, если поражен он не хаосом, он будет знать, что только твоя жизнь и благополучие отделяют его от костра.

Но помни — каждому человеку свое дело. Сверхуполномоченный не есть сверхспособный. Если желаешь найти надежного шпиона — бери патриота, того, кто оставляет здесь многочисленную любимую семью и, по возможности, возлюбленную. На чужбине он умрет, но не предаст тебя, а дипломатического скандала не произойдет. Патриот всегда может действовать сам. Желаешь бороться с внутренними дрязгами — бери обиженного. Вожак крестьянского восстания, главарь униженных и угнетенных с радостью станет для тебя разоблачителем и карателем благородных негодяев, посягающих на верховенство твоей власти. Хочешь бороться с Архиепископом — бери воинственного атеиста, он не дрогнет пред верой. Желаешь победить тайную ложу чернокнижников — вытащи из тюрьмы самого отъявленного демонолога, он все исполнит.

Таковы они — сверхуполномоченные Императора, лучшие из лучших для своего дела. Они верны тебе, ибо верны себе, честны с тобой, ибо честны с собой и максимально полезны. А главное — многие из них действуют по собственному почину. Дай им бумагу с удостоверением полномочий, и никогда они не попросят денег у державы. Они добудут все сами, у твоих врагов и недоброжелателей (кто же еще может быть против дать денег твоему верному слуге). Они не берут денег, а значит — больше средств остается на второй столп имперской тайной службы.

Второй столп — тут все просто. Сверхуполномоченный — ничто против державы. Каждый плод должен взрастать на благодатной почве, от которой зависит. Серый Кабинет и

Министерство Тайных Дел — вот он, для них нужны люди двух видов. Возглавлять и направлять должны те, для кого благополучие державы есть собственное благополучие — графы и герцоги, высшие аристократы, верные трону, на главных местах, и поместные лорды там, где расположились региональные службы. А ниже... Нет-нет, сюда не пойдут ни лорды, ни дворяне. Для писем, бумаг, фискальных дел и всепоглощающей рутины нужны горожане. Они честно будут трудиться на своих местах, за жалование и покой. За то, для смерда столь важное, чувство, что ты принадлежишь к чему-то большому и карающему. А значит, тебя покарать нельзя. Помни — благородные на вершине, честные труженики в костяке. Так и живет, так и трудится Империя.

Надеюсь, мой далекий потомок, эти наставления придутся тебе ко двору, и в те далекие времена не исчезнут еще войны, амбиции, темные страсти и надежности власти страха и величия — все необходимое для существования тайных служб. Ибо если так, то тебя, вероятно, тоже нет, о мой далекий потомок.

Император Гидеон II Хоценголлер, личные дневники владыки Алмарской Империи. 801 год от основания

Часть 3. Глава 7. Скандал в бандитском семействе

Орналику наследовал мортансарис — дождливый, но теплый месяц спокойного моря. Фредерик был в целом доволен жизнью и достаточно счастлив — задачки появлялись интересные, начальство к нему благоволило, даже зарплату повысили. Все было хорошо, но не в то утро.

Солнце пробивалось сквозь мутные окна съемной квартиры сейцвера Тайной Канцелярии, ласковые лучи играли на серебристых каплях, оставшихся после недавнего дождя, солнечные блики рассыпались по комнате и... неимоверно раздражали.

В голове засела тупая, давящая боль, окружающий мир шатался из стороны в сторону, а если закрыть глаза, то все вокруг начинало кружиться во тьме. Во рту, похоже, побывал добрый кусок «фекального кракена» из последнего крупного дела. Суставы затекли, особенно ныла шея, мышцы болели так, будто он всю ночь носил ящики в порту за нищенскую плату.

Впрочем, может быть, так и было, Фредерик слабо помнил подробности прошлой ночи. В дверь бухнули гартарудским паровым молотом. В виски ощутимо кольнуло.

— Будь проклят ты и твой род до седьмого колена! — простонал Вангли.

Стук повторился. Непонятно, как дверь удержалась в петлях. Ну, или он только казался громким. С трудом отрывшись из-под Лизетты и Жанетты — двух миловидных шлюх, мирно посапывающих в обнимку поверх Стервеца, сейцвер прикрыл наготу случившимся поблизости заляпанным жиром и вином куском простыни и пошел открывать.

Засов на щеколде долго сопротивлялся, дрожал и вырывался из рук, однако Вангли все же смог его одолеть. На пороге, покачиваясь с пятки на мысок, ждал Тиррел — курьер Гийома, сообразительный и очень исполнительный юноша лет семнадцати, обожавший правила и инструкции, потому к «полевой службе» непригодный.

Курьер окинул бывшего пирата неодобрительным взглядом, он был выше Вангли, так что это было еще обиднее, молча вручил сейцверу толстую кожаную папку и, щелкнув каблуками, удалился, всем своим видом выражая презрение.

— Зато мне оружие доверяют! — озлобленно проорал Фредерик вслед. Выпад был нелепым, к тому же сильно подпорчен тем, что в следующий момент бывшего пирата шумно стошнило за порог.

«Ну и хрен с ним — зато следующий ублюдок подумает перед тем как беспокоить».

Аккуратно ступая, стараясь, с одной стороны, удерживать равновесие при сильной «качке» организма, с другой стороны — не наступать в раскиданные на полу осколки посуды, подозрительного вида пятна и лужи, резко пахнущие алкоголем, Вангли добрался до дивана, заваленного цветами и разнообразными предметами одежды, начиная от кокетливых подвязок и заканчивая ботфортом в навозе.

В кожаной папке оказался новый приказ — разрешить щепетильную и весьма нелегкую проблему. Между тремя крупными бандами города — Ножами, Серебряными Клинками и Дьяволицами — назревал конфликт, а если говорить без прикрас, то небольшая война, ущерб от которой мог равняться ущербу от настоящей войны. Тайной Канцелярии город, залитый кровью, да еще и наполненный озлобленными демонами, был нужен меньше всего. В задачу сейцвера входило, не стесняясь в средствах, предотвратить конфликт и озаботиться наиболее выгодным для Канцелярии исходом ситуации.

Что ж, служба есть служба. Вытолкав из своих апартаментов двух шлюх вместе с кроватью, бывший пират начал собираться, предвкушая суетный и в целом хреновый день.

Бесчестный дуэлянт. Нонсенс!

Основой для взаимных обвинений стало событие на Большой Арене Ахайоса. В так называемой Зоне Войны, где располагались гладиаторские школы, арены, ристалища, дуэльные клубы, фехтовальные залы и тому подобные воинственные заведения на любой вкус.

Самой крупной и наиболее важной из них была Большая Арена или Приют Войны. Тут производились крупные гладиаторские поединки, приуроченные к праздникам и важным событиям. Но было у этой арены — великолепного, помпезного шестиугольного здания, выполненного из серых каменных блоков, украшенного сотнями статуй и тысячами развевающихся на ветру разноцветных флажков, баннеров, знамен различных школ, дававших тут представления, и особенное предназначение. Тут решались принципиальные конфликты банд — будь то дележ территории или дуэль из-за женщины между главарями. Арена предоставляла возможность получить легитимное право разрешить свой конфликт перед лицом всех прочих банд и городских властей. Само собой, члены банд ссорились, воевали и убивали друг друга и за пределами арены. Но если требовалось решить какой-то крупный и принципиальный вопрос или просто щегольнуть воинским умением — банды выставляли чемпионов на поле брани. Решение важных вопросов происходило в третий день недели — кешкашивир, однако и в другие дни банды были не прочь испытать друг друга на вшивость. В конце концов, каждая из этих групп головорезов обладала уникальными навыками и техниками ведения боя.

Случай, вызвавший конфликт меж тремя бандами, выглядел на первый взгляд достаточно тривиальным — высокопоставленного члена банды ножей, младшего брата главаря по имени Ибрим Молниеносный оскорбил член банды дуэлянтов Серебряные Клинки, поставив под сомнение в грубой, местами матерной форме его боевые навыки.

В ходе выяснения отношений на арене в бою не насмерть Серебряный Клинок неожиданно убил своего противника, а позже был сам найден мертвым в одной из раздевалок, куда отправился после боя. Можно было предположить, что Серебряный Клинок умер от ран (Нож его хорошо потрепал), а оппонента убил случайно, но оружие дуэлянта — дуэльная шпага, было опознано как зараженное демонической энергией, да еще и бес внутри сидел.

Возможно, кто-то из бандитов и начал расследование, но еще до того, как были получены какие-то результаты, Серебряные Клинки атаковали в порту представительниц банды Демониц — единственных демонологов в городе. В ходе разборок были жертвы с обеих сторон, что было еще недостаточно для объявления войны, но вполне могло оказаться причиной для отмщения.

Ножи оказались более рассудительны, но менее разумны — они похитили Шелайю Шепчущую Пламени, одну из лучших демонологов Демониц, чем нанесли банде оскорбление. Причины похищения, похоже, сводились к желанию побеседовать с красивой девушкой о свойствах демонизированных предметов, но так или иначе приглашение было довольно грубым.

Арена не принадлежала ни одной из банд, это была своеобразная нейтральная территория, у нее был собственный владелец, соблюдавший нейтралитет, собственная охрана и собственная служба. Те, в ком кипит огонь мстительности и горе от потери, как

правило, могут быть весьма неосмотрительны. Похоже, ни одна из банд еще не успела проделать очевидного с точки зрения Фредерика хода — опросить персонал Арены. Мелкие служащие, занимающиеся уборкой, ремонтом, уходом за инвентарем и прочими обслуживающими функциями, часто оказывались полезнее и внимательнее, чем казалось на первый взгляд. Впрочем, опрашивать свидетелей на нейтральной территории бандитам сложнее, чем государственным служащим.

— А где серебряный клинок, который погиб в раздевалке позавчера, останавливался до боя? — Вангли беседовал с угрюмым уборщиком-крысолюдом, смотревшим все время в пол и отвечавшим вкрадчиво.

— Там жже, госссподин.

— В той же раздевалке?

— Да, госссподин.

— Он был один? — Фредерика нервировали темные коридоры внутренностей Арены и откровенно бесил запах уборщика, потому он стремился быть как можно более лаконичным.

— Нет. Сссначала ссс ним были двое, зззатем они ушшли, осстался один, — крыса, похоже, так же нервировал сейцвер, его голос дрожал слишком даже для крысолюда.

— Кто имел доступ в ту раздевалку?

— Многие. Охрана, мы — присслуга, другие бойцы, почти кто угодно-ссс, — крысолюд ощутимо дрожал.

— Мог ли кто-то подменить оружие? Отходил ли куда-то серебряный клинок? — хотя этот вопрос и был бредом — любой нормальный боец всегда узнает свой клинок, его все же стоило задать.

— Воззможно, поссетитель? — неуверенно предположил крысолюд. — Боецци никуда не уходил, но к нему приходили поссле того как друззья покинули его.

— К нему кто-то приходил? — Вангли удивленно изогнул бровь. — Опиши, пожалуйста, подробнее, как он выглядел?

— Это был невыссокий человек, в коричневом плащще, прятал лицо за капюшшоном, оглядывалссся, чего-то боялся. Большого я не раззглядел. Еще он несс черный сссверток, длинный.

— Возможно, шпагу, — задумчиво проговорил сейцвер. — Еще что-то видел? Постарайся припомнить, — он положил в дрожащую лапу крысюка пару серебряных монет.

— Не видел, — приободрился уборщик, — чуял! Это был человек, их зззапах ни с чем не сспутаешшь, и пах он базззаром, специями, благовониями, мясссом, жареным, и чем-то ещще, очень легко.

— Не томи, — в руку крысюка легла еще монета.

— Серой, госссподин, и кровью, — крысолюд раскланялся.

— Он был мужчиной? — на губах Вангли появилась легкая улыбка.

— Да, госссподин.

Приятные беседы с интересными людьми

Теперь у Фредерика была улика — похоже, шпагу доставили серебряному клинку тайно, но с его согласия. Возможно, он сам заказал себе это оружие, заказал у демонолога и искусного контрабандиста. Под носом у Банды Демониц, активно пресекавших конкуренцию. Дуэлянт мог быть не уверен в исходе боя и желал дополнительной страховки. При выходе на арену оружие оппонентов, как правило, если есть такое условие проверяют на

наличие запрещенных усовершенствований, делающих бой нечестным. Но такая тонкая работа, как бес в клинке, могла с первого взгляда остаться незамеченной. Или же кто-то мог даже подкупить мага информации, проверявшего оружие.

Самой простой гипотезой было предположение — серебряный клинок был не уверен в победе, и его неуверенностью воспользовался кто-то, заинтересованный в конфликте банд. Но для того чтобы найти «того, кому выгодно», требовалось больше информации. До конца дня Вангли общался с информаторами.

Серебряные Клинки были бандой бретеров, дуэлянтов, провокаторов и мастеров клинка. Поединщиков и отчаянных рубак. Недисциплинированные и распущенные хуже пиратов, в основном либо молодые и дерзкие, либо старые и израненные, осторожные. Серебряные Клинки были несравненны в бою один на один и представляли грозную, хоть и недисциплинированную силу. Эта банда прошла множество метаморфоз и в нынешней своей форме воплощала суррогат гольвадийских боевых традиций, им всего досталось по чуть-чуть. Слава турнирных полей Алмарской империи, где рыцари сходились пешими и конными на конвенционном оружии, желая уязвить оппонента и проявить доблесть. Блеск и помпезная показушность шваркарасской дуэльной школы, лучшие бойцы которой были непревзойденным в бою шпагой и стрелковых состязаниях. И наконец скорость и острота ригельвандской уличной драки, где бойцы нередко сталкивались в переулках, молниеносно обнажая сталь рапир и навах, в считанные секунды — пока не подросла стража, они решали свои проблемы и покидали темные улицы, унося убитых и раненых. Немало эта банда заимствовала от пиратов и наемников, считавших честный бой лучшим способом решить противоречия или изменить свой социальный статус. Серебряные Клинки чтили острое слово, быстрый клинок и галантное обращение, в банду входили мужчины и женщины, и почти все ее члены в равной степени были умелыми фехтовальщиками, поэтами, риториками и соблазнителями. В этом был особый шик и колорит Серебряных Клинков, их с уважением называли самыми опасными франтами города.

У них сейцвер побеседовал с немолодым учителем фехтования, по рождению шваркарасцем, периодически сотрудничающим с Тайной Канцелярией исходя из своего понимания необходимости обеспечения благополучия города:

— Его звали Джереми Хват, один из лучших со шпагой, быстрый, ловкий, но немного трусливый, хоть и наглый, — рассказывал старый фехтовальщик о погибшем клинке. — Они с ножом поссорились в порту — наблюдали оба схватку между безумцем и псами, комментировали, зацепились языками, немного повздорили, договорились встретиться на арене. Меж ними не было ненависти, лишь мальчишеский задор. Грустно, что так получилось.

— А с кем он общался в последнее время? Может, кто-то из его знакомых плохо на него влиял? — поинтересовался Вангли, рассматривая дипломы в лакированных рамах.

— Ты намекаешь на то, паренек, что кто-то мог подговорить Хвата убить ножа, а потом замести следы? — недобрым тоном поинтересовался фехтовальщик.

— Не стоит воспринимать все так буквально, — развел руками сейцвер, не желая ссоры.

— Ты знаешь, может, ты и прав, — морщины на лбу старика проступили явственней. — Он часто бывал на Черном рынке последние несколько дней до смерти. К тому же, в последнее время спутался с ублюдками из Короны.

— Банды, поддерживающей королевский закон? — поднял бровь Фредерик.

— Кучки ублюдков, поддерживающих только свои амбиции, — сплюнул учитель

фехтования. — Беспринципных, злобных ублюдков, уж и не знаю, что он там среди них нашел...

Дело начинало становиться чуть яснее. Но картина пока складывалась неясная. Следующими на очереди были Демоницы. Банда очаровательных бунтарок, изучающих темные и запрещенные знания, позволяющие общаться с демонами многочисленных адов мира. По большей части мужененавистницы, они все же были не столь непримиримы, как банда Дев. Их основным желанием было не кастрировать всех направо и налево, а получить возможность свободно практиковать свои науки и жить в мире. Так они, по крайней мере, заявляли. На практике же, в том числе и из-за того, что в жилах многих из текла кровь демонов, разжигающая страсть к злу, это была одна из самых могущественных, амбициозных, беспринципных, к тому же по-женски коварных банд. Демоницы были одной из старейших из «современных» банд Ахайоса, сотни, если не тысячи лет они собирались с мира по нитке, мастерицы темных наук прибывали в банду со всех концов света. Были тут полуобнаженные, татуированные, мускулистые девушки-демоники из Амилании, где ад был одним из отражений Великой Матери и не считался чем-то неприемлемым. Оттуда же приходили задрапированные легким шелком, украшающие себя пирсингом и пришивающие к телу священные тексты на пергаменте демонологи (само собой, женского пола), они основали в Ахайосе свои школы, вербовали для банды девочек и учили их призывать тварей адских бездн ради пользы и развлечения. Были в банде и мрачные, облаченные в балахоны из красной шерсти, исписанной мистическими символами чернокнижницы из Гольвадии, бежавшие от инквизиции и общественного (к слову, заслуженного) порицания. Они чертили в подвалах мрачные пентаграммы и были чуть ли не лучшими юристами города, способными составить с могущественными силами ада надежные контракты. Ходили слухи, что, посвящая учениц в искусство, они заставляли их сходиться с инкубами. Плоды таких союзов пополняли ряды демоников (отпрысков демона и человека) города. Были здесь также хмааларские жрицы, читающие осанны Матери Демонов Феарише и облаченные в одежды из перьев и костей, покрытые ритуальной белой сажей черные ведьмы туземных культов, почитающие плотоядных богов. Всех их сплавивал свободный дух, желание расширить свои познания на грани дозволенного и стремление практиковать свое искусство без запретов и ограничений.

Мадам Лилит — та самая неумеха, которую поддерживала Тайная Канцелярия, встретила с Фредериком инкогнито, в одной из тихих кофеен Черного рынка. Это была обворожительная высокая брюнетка с совершенными пропорциями тела, но чуть худощавая, на вкус Стервеца, она была одета в просторное шелковое платье, скорее напоминавшее тунику, перехваченную в поясе ремнем из черных серебряных медальонов, а обнаженную спину ее прикрывала копна густых, сияющих, черных как смоль волос.

— Все это дело — один сплошной бред и провокация, — безапелляционно заявила она. — Нам снова строят козни, все эти скоты просто мечтают испортить нам жизнь! Подставить и перебить! Но ничего! Мы их всех переживем и перемелем.

— Если можно, чуть ближе к теме, — Фредерик отпил кофе, незаметно разглядывая грудь демоницы с ярко алыми сосками, проглядывавшими через темную ткань тонкого платья. — Клинок.

— Да, да, — махнула она рукой, украшенной браслетом в виде целующихся инкубов, — само собой это не наша работа. Мне доводилось слышать об исследовании клинка — слабый бес гнева. Скоротечные амплификаторы физических способностей, — у нее сделался

комично серьезный вид, не хватало очков в роговой оправе которые бы она сурово поправляла бы, — исполнен явно недавно и ненадолго, дешевый и ненадежный.

— То есть, это не мог быть артефакт, привезенный в город контрабандой? — поинтересовался Вангли.

— Дорогуша, — всплеснула руками Мадам Лилит, — это вообще не артефакт, обычная шпага, в которую какой-то дилетант всадил беса и немного энергии. Кустарная игрушка. Его срок действия, пока бес бы не выбрался на свободу — два-три дня.

— А если бы подобную штуку делал бы кто-то из ваших?

— Ее бы выпороли за непрофессионализм, — сказала как отрезала дилетантка, — правильно проведенный ритуал, с нормальной жертвой, хотя бы в виде кошки, удачно подобранный клинок и научный подход позволили бы сделать все так, чтобы после смерти носителя клинка бес покинул бы шпагу. Разрушив рисунок ритуала, не дав впоследствии опознать признаки демонологии, без оочень тщательного анализа, который в городе можем только мы провести.

— То есть, ты хочешь сказать, что кто-то намеренно обставил все так, чтобы следы на клинке нашли? — потянувшись на мягких подушках, поинтересовался сейцвер.

— Хм, — демоница почесала затылок, от этого движения ее грудь туго натянула платье, предоставив Вангли наилучший обзор, — похоже, что так, — задумчиво сказала она.

Последними были Ножи. Банда контрабандистов, по большей части состоящая из выходцев из Хмааларского султаната. Традиционное и закрытое сообщество. Одно из самых многочисленных среди банд города, богатое и с детства обучающее своих бойцов пользоваться несколькими десятками разных видов боевых ножей. Ножи поддерживали надежные связи с далекой родиной — владениями Великого Султана, где, как было известно Тайной Канцелярии, один из доверенных визирей Владыки Черного Солнца ежемесячно получал отчеты от главы банды и ведал подготовкой новой, «полезной» государственной контрабанды. Ножи были верными поклонниками хмааларских богов и Великого Темного, их возглавляющего. Каждый из них исправно посещал молебны, а многие даже приняли кадир — особый договор с одним из богов, в котором человек клялся вести определенный праведный образ жизни, а бог за благородство наделял того особенными способностями. Это была могущественная банда с хорошими связями вне города и в городе на Черном Рынке. Ножи были сильны, и потому их многие недолюбливали.

Здесь сейцвера Тайной Канцелярии, одетого «в цивильное», принимал старый толстяк-контрабандист с золотой цепью от носа к уху, бриллиантовой серьгой в пупе, облаченный в дорогие шелковые одежды и весь в сложной ритуальной татуировке. Тайная Канцелярия скупала львиную долю товаров с фелюг этого колоритного хмааларца — особых боевых артефактов.

— Непочтение к Богу и к ближнему своему, вот причина происходящего, о достойнейший из служителей южного короля, — рассыпался он в словах, протягивая Фредерику чашу со сладким шербетом. — Если каждый будет заниматься своим делом, не мешать другим и исправно трудиться, мир наполнится добром и изобилием. Пусть безумные бабы призывают себе для развлечений инкубов, а Серебряные Клинки тихо режут друг друга в подворотнях. Но зачем же они поносно ругаются на честных правоверных? Нет, нет в нашей жизни справедливости.

— Кроме той, что несет Темный праведным, — заметил Вангли, чтобы закончить поток словоблудия.

— Воистину так, — осекся хмааларец и воздел жирные пальцы в перстнях к небу, вернее, затянутому синим бархатом расшитому под звездное небо потолку.

— И все же, — сейцвер отпил немного вина, — ближе к делу.

— Мой реис в страшном гневе, — расстроено развел руками толстячок, звали его, кстати, Керимом Ва Аги, — и его несложно понять — потеря любимого брата и позор от его поражения, оскорбление, преподнесенное не понятно от кого, то ли от Демониц, подстроивших беса, то ли от Серебряных Клинков, чей боец оказался трусом. Можно долго разбираться с этой бедой, но кто-то должен быть наказан. Ножи требуют крови.

— Но крови виновных, — произнес Стервец, подозрительно рассматривая информатора.

— Желательно, о кристалл моего глаза! Но не обязательно, если крови будет много, позор можно смыть вернее, а уж кровь это виновника или нет — станет не так важно, — развел руками Керим.

— Но начнется война? — Фредерик был несколько удивлен логикой.

— Война — это такое дело, — обезоруживающе улыбнулся контрабандист, — позволяет размять кости, направить пыл молодежи в нужное русло. Напомнить старикам, что они еще чего-то стоят.

— То есть, Ножам выгодна война? — подозрительно поинтересовался Вангли.

— Война выгодна всегда, когда ты знаешь, что можешь победить, — толстяк по-прежнему улыбался, играясь золотой цепочкой с крупным амулетом на шее, — но выгода и желание — разные вещи. Нам нанесли оскорбление, и оно должно быть отомщено. Но мой реис не желал войны — середина лета, многие корабли ушли, многие братья не увидят битвы. Неподходящий час.

— То есть, нет?

— То есть, это будет тяжело — воевать с такими сильными врагами, — согласился отчасти Ва Аги. — Именно потому мой реис и захватил ведьму из Демониц — ему нужны ответы. Но, похоже, она ничего не знает, скоро ответы перестанут быть нужными. Станут важны только дела...

— А где держат пленницу? — как бы невзначай поинтересовался Фредерик.

— Ай и хитрец ты, о посланник южного короля! Только тебе и только по дружбе — расскажу, но передай своему патрону, — толстячок покачал жирным пальцем, — Скоро придет «Гонитель волн» с богатым грузом — и я рассчитываю на интерес!..

Мысли с эротическим сопровождением

Картина вырисовывалась яркая, красивая. Вся в крови и белых пятнах. Фредерик сидел посреди бардака своей квартиры и напряженно размышлял, стараясь не прислушиваться к стонам парочки за стенкой. «Похоже, официально ни одна из банд войны не хочет, к тому же, судя по донесениям, ни одна из них и не проводила полномасштабной подготовки к бою. Но это только официальная версия. Аргумент слабый.

Банда — это не цельный организм, в каждой есть свои претенденты на трон, недовольные, объединения по интересам, подкупленные другими бандами и тому подобное.

Сволочи, когда вы уже заткнетесь...

Можно предположить, что в какой-то из банд есть амбициозный подонок, решивший на фоне войны пробиться наверх, например, дискредитировав главаря или, наоборот, проявив героизм. Но тогда зачем втягивать три банды — если бы это был кто-то из Ножей или

Клинков, им бы хватило и одного соперника.

Демоницы, как это ни странно, не выглядят подстрекателями — уж слишком явно их подставили, к тому же у них маловато сил для конфликта с двумя такими крупными бандами, а вызывать в город демонов и адских боевых тварей им никто не даст. К тому же, конфликт с Ножами и Серебряными Клинками приведет к полномасштабной бойне — на сторону каждой из банд встанут союзники: Молоты, Призраки, Тени за Ножей, Корона и Цепь за Клинков, к тому же еще воры и наемники. Это совершенно не в стиле демониц — они предпочитают коварство и изящество, а не месиво.

Ножи не готовы к бою, но, может быть, кто-то желает свалить их нынешнего главу. У претендента вполне могло хватить наглости начать с брата, а потом перейти к самому «виновнику торжества». Это версия.

Клинки слишком бесшабашны, их так же подставляют — из грядущего конфликта они ничего не сумеют выторговать себе, кроме потерь и шишек. Их боец опозорен, да еще и уличен в использовании демонического оружия. Невероятный стыд. Большая их часть слишком помешана на чести и доблести, чтобы плести на этом интригу, и уж слишком велик шанс потерять в бойне банду чуть ли не целиком.

Наконец, главное — судя по всему, тут действовал демонолог, кто-то должен был создать оружие, приведшее к двум смертям...

Да когда они уже заглохнут! Кролики хреновы!!!

Это должен быть опытный и довольно отчаянный гад, очевидно, обладающий какой-то поддержкой, по крайней мере, обещанной ему. Ибо демонолог без защиты в городе — добыча демониц. А погибший Клинок часто ходил на рынок в последнее время. И общался с парнями из Короны. Впрочем, последнее ни о чем не говорит. А вот на рынке-то ему и мог встретиться кто-то, пообещавший помочь в будущей дуэли. Но неужели парень из Серебряных Клинков так боялся дуэли? Вряд ли, но на его страхах мог кто-то сыграть, убедить его в том, что противник сильнее, чем кажется. Может быть, даже заколдовать. Кто-то, кто хотел ослабить все три банды, вызвать затяжную войну.

В общем, все же кто-то со стороны, судя по всему, решил стравить три банды. Кто-то, в достаточной степени изобретательный — знающий, что разборки устроят раньше, чем расследуют подробности, а дальше уже будет поздно останавливаться.

Мне нужен демонолог. И еще... мне нужен козел отпущения. Если зачинщиком бардака окажется кто-то могущественный — война все равно случится. Этого нельзя допустить. Значит, надо найти мелкую крысу и придумать для нее хорошую легенду. Демонолог подойдет.

Но нужен кто-то из глав банд — хотя бы часть правды придется раскрыть, кто-то из них должен сделать шаг к примирению».

Придя к однозначному выводу, Фредерик взял со стола пистоль и выстрелил в стену. Стоны и похрюкивания из-за нее прекратились. Сейцвер лег спать — впереди был еще один трудный день.

На границе той тьмы, что между явью и сном, на Вангли накатило омерзение. Он с отвращением взглянул на себя и понял, что занимается чужим и мерзким делом, копаясь ради других в дерьме. И на эти «работы» загнал его толстяк Гийом, еще никогда раньше Стервецу так не хотелось прикончить кого-то, как сейчас. Дейцмастер снова предстал чудовищем, на этот раз невероятно раздутой, черной, склизкой жабой, с пастью полной игловидных зубов, эта жаба исторгала из раздутого брюха головастика, часть которых тут

же пожирала, а часть отпускала в темную, мутную воду, таскать для нее частички ила — остатков дерьма и трупов жителей большого болота. И сейцвер был среди этих головастиков. Испытывая невероятную ненависть к де Маранзи и отвращение к себе самому, он провалился в сон.

Самая лучшая из дьяволиц

Женщина была прекрасна, она привлекала, завораживала, заставляла забыть, как нужно дышать. Но в то же время она отталкивала, то ли холодностью образа, то ли средоточием невероятного зла, скрывавшегося за красивой оболочкой. Она была прекрасна, но ее высокий лоб венчали два крупных прямых рога, заставлявших каждую секунду разговора с ней помнить о Пекле.

— Говори, — властно произнесли пухлые, подобные лепесткам розы, губы.

— Я некоторое время размышлял, — Фредерик старался не смотреть на полную, покрытую пылающими татуировками обнаженную грудь главы банды Демониц, с которой беседовал. Это получалось много проще, чем с Лилит.

— Отрадно, — в голосе не звучал сарказм, но он был.

— И пришел к выводу, — сейцвер не дал сбить себя с мысли, — что вы самая взвешенная, мудрая и рациональная из лидеров банд, к которой я могу обратиться.

— То есть, ты выбирал между мной и кем-то еще? — за полными губами показались бритвенно-острые длинные клыки.

Стервец внезапно понял, что слова нужно выбирать очень осторожно. В подземном зале, где шел разговор, густую, враждебную темноту разрывали лишь два массивных треножника, стоявших перед залитым кровью трон-алтарем. Всполохи зеленого пламени из них иногда выхватывали из темноты щиты с головами дураков, посмеявших обидеть Дьяволицу — так звали эту божественную женщину. У Безумцев такие украшения были естественными, а тут головы с защитными ртами и вырванными глазами были зловещими.

— Я выбирал меж бандами. И выбрал ту, которая, как я считаю, выслушает меня, — бывший пират старался сделать так, чтобы его голос не дрожал.

— А если твой выбор неверен? — голос был насыщенным, женственным, но в то же время резонирующим и имеющим очень мало общего с человеческим.

— Значит, я умру, — предположил Вангли. — И лишусь души.

— Продолжай, — голос стал чуть мягче, клыки скрылись за мягкой плотью.

— Вы не заинтересованы в войне, тем более, на два фронта, и я почти уверен, что не Демоницы устроили смерть ножа и клинка, — Фредерик приободрился и заговорил уверенней, — значит, у вас есть причины желать разобраться в этой ситуации, очистить свое доброе имя и восстановить статус кво.

— Мне нет дела до доброго имени. Но война может быть утомительной, — произнесла она с долей задумчивости.

— Я готов избавить вас от необходимости вести войну, — заметив, что демоница вопросительно наклонила голову, чуть изогнув изящную шейку, также покрытую горячей татуировкой, он продолжил, — в деле замешана еще одна сторона. Кто-то желает столкнуть банды и получить с этого выгоду. Они даже приютили в городе стороннего демонолога. Я готов найти демонолога и доказать, что не демоницы создали ту шпагу. Я хочу предотвратить войну и установить виновного.

— И чего же ты хочешь от меня? — Дьяволица вызвала на ладони руки небольшой

огненный шар и теперь задумчиво перекаtywала его меж тонких, длинных пальцев с бритвенно-острыми когтями.

— Я добуду доказательства и найду козла отпущения. Но только вам я раскрою настоящего виновника бардака, — Вангли помедлил.

— И?

— А вы должны будете выступить миротворцем, предоставить Ножам и Серебряным Клинкам лишь ту часть правды, которая поможет сохранить мир. С зачинщиком же поступайте, как посчитаете нужным. Но тайно, не вызвав войны, — он закончил и выдохнул.

— То есть, если он окажется достаточно могущественным, я должна оставить его безнаказанным, — вновь сверкнули клыки.

— Я уверен, что вы наверняка что-нибудь придумаете, госпожа.

Последовала долгая, полная раздумий пауза, сопровождаемая перемещением огненного шарика по изящной руке.

— Согласна...

Часть 3. Глава 8. Базар — средоточие зла

Наконец-то Фредерику пригодилась та самая паутина, тонкие узоры которой он помогал выплетать на протяжении последних месяцев. К счастью, среди его противников все еще были такие, которые недооценивали мощь и сложность агентурного аппарата Тайной Канцелярии Ахайоса. Удивительное дело — иголку в стоге сена можно найти, если заставить соломинки из стога помогать тебе. Само собой, эта грубая аллегория подразумевает необходимость наличия у соломинок разума, страстей и тех милых грешков, которые заманивают сотни информаторов в сети паутины дейцмастера де Маранзи.

Черный Рынок — горячее, влажное, наполненное шумом тысячи глоток, бурлящее подбрюшье Ахайоса. Место много более популярное, чем рынки Торгового Квартала, и более занимательное, чем тайные распродажи квартала Пиратского. Если вы желаете купить оптом сто бушелей зерна, вы идете в Торговый. Если ваш разум занимает серебро в слитках подозрительного происхождения, ваш выбор — Пиратский Квартал или порт. Но если вам хочется приобрести редкий наркотик, зачарованное и остуженное в человеческой крови лезвие, или, например, шлюху-суккубару с ошейником и поводком из черного, испещренного рунами железа — вы идете на Черный Рынок.

Говоря без преувеличения, среди толкотни пестрых палаток, полуразваленных колдовских башен и старых, пыльных складов, кишаших темными личностями, торгующими из-под полы, можно было найти все, в том числе и быструю смерть.

— Ты Абрах Мурадди? — голос Вангли звучал буднично, но рука лежала на эфесе сабли.

— Будь проклят ты, черный шакал, отродье шайтанов! — вскричал сухощавый, с птичьими чертами лица брюнет, и перевернув свой лоток с воронеными клинками, бросился бежать, расталкивая других торговцев, посылавших ему на голову самые витиеватые проклятья, наподобие: «Да превратятся твои чресла в снопы жалящих гадюк, несчастный».

Под ноги летели свежие дыни, чья мякоть уносила в страну наркотических грез, и фиалы с дорогими духами, фальшивые лампы джиннов и настоящие свитки призыва элементарей. По мере продолжения погони гомон базара возрастал до невероятных, невыносимых для уха пределов. Фредерик загнал хмааларца в тупик, образованный глухими фасадами домов местных зажиточных торговцев. Уже было подумав, что можно отдышаться, Стервец облокотился на желтый угол здания и пару раз тяжело вздохнул — все же возраст сказывался, да и вообще пираты не лучшие бегуны.

Однако его дичь оказалась резвее, чем сейцвер мог подумать. Торговец ножами с разбегу пробежал по центральной стене, оттолкнулся, всеми четырьмя конечностями налетел на камень левой стены, кувыркнулся в воздухе и довольно искусно приземлился на толстый шест для белья, торчащий из правой стены. Последовал выстрел, гимнаст-любитель грохнулся, словив пулю в ладонь, на сероватый песок проулка между мусорной кучей и горкой битых горшков.

— Довольно, — четырехствольный пистоль уставился на беглеца тремя заряженными дулами и одним дымящимся.

— Да отсохнет твоя рука, направленная иблисами светлых земель, — зло прорычал хмааларец, поднимаясь с земли и непроизвольно закрывая раненую руку второй.

— Видимо, ты меня не за того принял, — миролюбиво проговорил сейцвер, но пистоль

не отвел.

— Тебя послал не Мушаррах? — удивленно, и, похоже, очень раздосадовано спросил торговец.

— Нет, — голова в черной треуголке отрицательно качнулась, мотнув хвостом парика. — Я от наших общих друзей, из Канцелярии.

На беглеца было жалко смотреть.

***

— Спроси хромого Ибрагима, — когда все разъяснилось, торговец быстро нашел верный ответ, — он торгует рубиновыми грушами в седьмом ряду. Я слышал, он купил недавно какую-то висюльку для крепости мужского достоинства...

— Меча?

— Нет, члена. И висюлька эта, вроде как, не колдовская и не магическая.

***

— Чем могу служить, о алмаз моего сердца? Да снизойдет на тебя горнее благоденствие! — хромым Ибрагим был тучным, но плотным, что выдавало в этом обрюзгшем торгаше бывшего лихого налетчика горячих пустынь, о чем еще говорили кривые ноги.

— Всего лишь пара твоих драгоценных слов, которые я по достоинству оценю, о любезный купец, да будет твоя выручка всегда втрое превосходить расходы, — сейцвер поднял с лотка, ломившегося от разнообразных фруктов, плод, один из тех, которые призваны было маскировать прочее содержимое лотка. Рубиновая груша — афродизиак, наркотик и невероятно вкусная штука, был безусловно запрещен администрацией Ахайоса, впрочем, по законам Шваркараса в этом городе все запрещено.

— Премного рад буду оказать любую помощь, ибо кто же, если не мы с тобой, дорогой ночной страж, должны оберегать покой государства? — толстые губы расплылись в подобострастной улыбке.

— Ходят слухи, — рука в белой перчатке положила плод на место, — что ты начал якшаться с темными, совсем уж запретными силами. Неужели твои товары не помогают тебе?

— О мой славный эфенди, — грустно развел руками Ибрагим, — я много ел эти груши в молодости, теперь их огонь уже не горючит мою кровь.

— Печалюсь за тебя, да ниспошлет тебе Темный достойное воздаяние взамен утраты, — на жирного торговца Вангли, впрочем, смотрел без сочувствия. — Где ты приобрел вот это? — рука в перчатке указала на амулет в виде пятиконечной звезды, висящей двумя лучами вверх, на бычьей шее хромого.

— Это, мой дорогой ночной страж, лишь дар одной сладострастной девы в знак благодарности, — рука с пальцами, похожими на жилистые сосиски, достала из кармана пестрого, но грязного халата небольшой фиал с багровой переливающейся субстанцией внутри, — а вот это, возможно, то, что ты на самом деле ищешь.

— И где ты это приобрел? — Фредерик был раздосадован своей ошибкой.

— Не мог бы уважаемый эфенди сначала что-нибудь приобрести, меня соседи засмеют за то, что я потратил так много времени на клиента, оставившего меня без барыша, — в темных глазах под кустистыми черными бровями мелькнул хитрый блеск. — Скажем, три груши будет достаточно.

— Две, — с мрачной решимостью провести ближайшие полчаса торгуясь, проговорил

Вангли.

— Вы разбиваете мне сердце, уважаемый! — громко возопил торговец. — Когда мои шестеро детей спросят вечером: «Папа, почему ты не принес ничего покушать?», что я отвечу им?! «Всему виной бессердечность незнакомца в черном!» — скажу я!

***

— Есть тут один южный плут из Ригельвандо, по имени Маттоли Ризичини, — довольно отвечал торговец, убирая в рукав кошель с пятьюдесятью золотыми. За одну грушу сейцвер заплатил четверть своего месячного жалования. — Я приобрел фиал у него, и он, мерзко улыбаясь своими сухими губенками, приглашал приходить еще, дескать, у него есть надежный поставщик этого добра. У него небольшой магазин на севере, вдоль по соседней улице.

Следуя за запахом серы

— Клянусь вам, сеньор сейцвер! Я ничего не знаю! Вы жестоко ошибаетесь! Это гнусный поклеп! — худой и длинный как жердь ригельвандец плакал как ребенок, болтаясь головой вниз над желтым тротуаром из песчаника, который виднелся в шести метрах ниже. Руки у Вангли уже начинали уставать.

— Хороший у тебя магазин, потолки высокие, для того, чтобы гетербагам было удобно проходить, строил? — держать ригельвандца на вытянутых руках было тяжело, потому Фредерик прижал локти к бокам, заодно стукнув барыгу о стену его же магазина. — Ты скорее всего, не умрешь. Но Канцелярия конфискует у тебя все имущество, так что вряд ли ты сумеешь вылечиться, будешь доживать свой век в Квартале Отбросов, валяясь в грязи и умоляя о милостыне.

— Прошу вас, сеньор! Я правда, действительно ничего не знаю! Клянусь могилой жены. Вы взяли не того! — страх и горе в голосе ригельвандца были столь глубоки, что Вангли почти ему поверил.

— Ну хорошо, — тощее тело шлепнулось на плоскую крышу. — Но если ты мне наврал, я вернусь. Учти. Я скоро так или иначе поймаю демонолога, и, если он назовет твое имя, — подкованный сапог наступил ригельвандцу в район промежности, — я вернусь! — сухие от зноя губы расплзлись в злобной улыбке.

***

Ночь. Густая тропическая ночь опускалась на город. Черный рынок освещали факелы и расположенные на перекрестках колдовские фонари, сиявшие мертвым, недобрым зеленым светом. Ночью на эти улицы, полные остовов уснувших палаток, аляповатых домов и храпящих под полосатыми одеялами торговцев чудесами, не имеющих собственного угла, выходили, плоть от плоти ночи, грабители, убийцы, воры, высматривавшие богатые дома, и нередкие в городе чудовища — нежить и нечисть. А также облаченные в черные халаты, золотые шишаки, обмотанные тканью и крепкие чешуйчатые доспехи, вооруженные старомодно — копьями и кривыми саблями — стражники, служившие Султану Черного Рынка. Много более опытные и смелые воины, чем колониальная пехота Шваркаса, и лучше оплачиваемые к тому же.

Один такой дозор из трех стражников как раз прогрохотал сапогами по мостовой из песчаника, неподалеку от магазина Маттоли Ризичини. В свете факелов, когда шаги умолкли, показалось бледное, изможденное лицо ригельвандца. Он крадучись выбрался из-за окованной двери своего заведения и осмотрелся.

Улица была пустынна, легкий ветерок нес облачка песка и разбивался в запутанных

лабиринтах проулков Черного рынка. Несколько факелов, укрепленных на стенах соседних домов, в тщетной надежде отпугнуть грабителей, давали неясный, плодящий тысячи теней, свет. Почти пустынно — вниз по улице, в тени покинутого навеса, расположился, вытянув тощие, покрытые язвами ноги мальчишка-нищий. Маттоли узнал его — это был Фарах. В свои четырнадцать парень стал уже законченным наркоманом, он и сейчас не выпускал изо рта трубку с опиумом, бледно светящуюся во тьме навеса.

Поняв, что никого, кроме нищего, на улице нет, ригельвандец, то и дело оглядываясь, словно мелкий зверек, забредший в незнакомый лес, двинулся по темным, плохо освещенным улицам.

***

— Чем больше деталей, тем больше золота, — сладковатый и казавшийся едким дым из опиумной трубки раздражал Фредерика.

— Он добрался до серого дома на Улице Масленок, она так называется, потому что ее освещают масляными лампами, — говорил нищий, усталым, тягучим голосом, у него во рту не хватало половины зубов, а вторая половина гнила и воняла. — Его пустили, долго было тихо, я успел даже вздремнуть, потом дверь отворилась, он вышел, пошел домой.

— Хорошо, ты это заработал, — в корявую, трясущуюся руку легла золотая монета. — Смотри, не выкури все сразу.

— О да, великий притворщик! — нищий бросился бежать по темной улице, оставив Стервеца в недоумении касательно странного прозвища.

***

Он успел почти вовремя. Хотя стоило бы прийти на пару минут раньше... Теперь пришлось то и дело нырять в вонючие, пахнущие мускусом подворотни, следуя за низкорослым человечком, вышедшим из серого дома на Улице Масленок. Долгое время тот, закутанный в трепещущий оборванными краями на ветру плащ, блуждал по темным улицам, похоже, ища дорогу или запутывая «хвост».

Наконец долгий путь увенчался финалом — низкий вышел к небольшой речушке. Одной из тех, что иногда выходят на поверхность, большей же частью оставаясь в глубинах канализаций Ахайоса. От воды несло тинной и грязью, отбросы и мусор текли там наравне с водой, у самой кромки которой притаился небольшой, шаткий домик на сваях, освещаемый парой красных колдовских фонарей необычной продолговатой формы.

Костяшки низкого человека отбарабанили в дверь несложную мелодию. Полтора метра пошарпанного дерева быстро отворились, в проеме мелькнул согбенный силуэт, крючковатая рука втащила человека в плаще в дом.

Фредерик незаметно прокрался между сохнувшими на берегу небольшими лодками мусорщиков — людей, вылавливавших из речонки пригодные в быту остатки жизни большого горда.

Вангли готов был поклясться, что через стенки убогой лачуги на сваях должно было быть слышно разговор даже шепотом, но нет — слышался лишь отдаленный гул, похоже, стены как-то защитили от любопытных ушей.

Низкорослый пробыл в доме около десяти минут, затем дверь снова распахнулась и человек в плаще вылетел из нее, пропахав носом борозду в речном песке. Ругая «вздорного чернокнижника» и отряхиваясь, он побрел в сторону центральной части Черного Рынка.

***

Маттоли Ризичини тихо брел по темным, полным зловещей жизни улицам Черного

рынка, нервно оглядываясь. Он пытался убедить сам себя, что никто его не видел, и тайну своего покровителя он унесет с собой в могилу. Нагоняй, который он получил в сером доме, приводил ригельвандца к печальным мыслям о том, что очередное его гениальное финансовое предприятие потерпело крах, а дочери тем временем надо платить еще за два курса обучения в школе навигаторов в Ригельвандо. Впрочем, оно и к лучшему — ничего хорошего из продажи демонических артефактов все равно бы не вышло. Хорошо хоть сейцвера он, кажется, сумел убедить в своей непричастности.

В очередной раз нервно оглянувшись на какой-то шорох позади, Маттоли неожиданно налетел на что-то мягкое, и, как он понял мгновением позже, очень вонючее.

Когда ригельвандец повернул голову взглянуть, что преградило ему путь, то сначала подумал — сам ад прислал гонца за его жалкой душонкой, в виде воздаяния за его прегрешения.

Но груда вонючего мяса, стоявшая перед ним, все же была человеком — уродливым, одетым в рванину, воняющими мускусом, мочой и дрянным алкоголем смуглокожим здоровяком, один глаз которого смотрел на ригельвандца с кровожадной решимостью, почти нежной, во втором же — пустой глазнице — копошились мухи и скапливался гной.

Имбецильно улыбнувшись, являя своей харей квинтэссенцию идиотского наслаждения, урод извлек из своей дранины выщербленный нож, блеснувший в свете факелов, и с наслаждением вогнал его в живот остолбеневшего Маттоли. Приобнял ригельвандца второй рукой и начал ритмично, будто подчиняясь какой-то особой, только ему слышимой мелодии, доставать и снова всаживать нож в брюхо бедного Ризичини.

Теряя последние капли ускользящей жизни, почти с любовью облокотившись о ночного убийцу, ригельвандец ритмично содрогаясь всем телом, подумал: «Я знал, что ничего хорошего из этого не выйдет».

Демонолог отпущения

Дверь рухнула с третьего удара, подняв облачко серой пыли, закружившейся в свете красной лампы, что сияла в глубине дома.

— Эй, кто там?! — раздался испуганный вопль надтреснутым, неприятным голосом.

Звучно прогрохотали подкованные сапоги по старым, рассохшимся доскам, затихнув только на новом, мягком ковре из хмааларской шерсти. Человек в красной мантии поднялся от стола, заваленного фолиантами из пергамента и хрусткой бумаги. Бросок, удар, звук соприкосновения прочного металла и мягкой плоти на сером, изможденном лице с впалыми щеками, узкой бородкой и большими выцветшими глазами.

Громкое падение, разлетающиеся фолианты, опрокинувшийся стол, сапог из черной кожи болезненно бьет два раза в худые ребра. Со свистом выходит воздух из легких.

Худой человек с несчастным видом сидит напротив оседлавшего резной стул бывшего пирата. Руки туго стянуты за спиной жесткой пеньковой веревкой, в глазах удивление и боль.

— Побеседуем немного, ты не против? — ненавязчиво интересуется сейцвер.

— Кто ты?! Черт тебя подери, — по тонким губам течет кровь, в голосе сквозит отчаяние.

— Черти очень скоро будут драть тебя, — Фредерик постарался сделать свой голос по возможности бесстрастным, хотя происходящее и доставляло ему удовольствие, — если ты не начнешь беседовать со мной вежливо.

— Простите.

— Уже лучше.

— Простите, господин, — надтреснутый голос был жалок.

— Совсем хорошо. Официально я здесь по государственной надобности, думаю, ты сам догадываешься, какой.

«По глазам вижу, падашь, догадываешься».

— Возможно, произошла ошибка? — надежды в голосе не было.

Вангли поднялся, обошел лежащий стол, осмотрел фолианты, переворачивая книги носком сапога и вчитываясь в названия, оттиснутые крупным шрифтом, в бледном свете чудом уцелевшей лампы.

— «Магна Малефициум», «Увещевания червя», «Оптима дьяболика», «Руководство по призыву бесов для молодых адептов красного искусства» Леонарда Мальгензи — необычная библиотека, — губы бывшего пирата посетила мерзкая улыбочка. — Не думаю, что я ошибся клиентом.

— Отпираться глупо, — понуро согласился пленник, — все это маскарад для клиентов, я скорее продавец, чем истинный мастер искусства, да и книги эти — в основном для олухов.

— Но кое-что ты все же умеешь, — крепкая рука в белой перчатке подняла человека в красном с пола, блеснув серебром пуговиц на отворотах, и усадила на соседний стул. — Меня интересует случай двух смертей — серебряного клинка и ножа на Арене, произошедший совсем недавно.

— Вам кто-то выдал мое имя? — с мрачной злобой в голосе поинтересовался пленник.

— Да честно говоря, я до сих пор не знаю, как тебя зовут, но если ты мне скажешь, что Демоницы упустили больше чем одного демонолога в городе одновременно, по крайней мере из тех, что ведут себя столь откровенно, то я сначала буду бить тебя ногами, — Фредерик не улыбался, — а потом отдам этим милым девочкам.

«Истинное наслаждение видеть у тебя на лице эту гримасу ужаса, ублюдох».

— Прошу, не надо, я все расскажу, у меня есть деньги, я могу вас сделать богатым, не так уж я и важен — зачем убивать, я уже все рассказываю, — зачистил демонолог.

— О деньгах поговорим позже, сначала дело, — Фредерик начал медленно прохаживаться по дому, надеясь еще более разнервировать «пациента».

— Я знаю немного, вы же понимаете — заказчик пришел ко мне инкогнито, узнал про услуги от общих друзей, был закутан в плащ с головы до пят, — шумно дыша, продавец запретных артефактов боялся чего-то не рассказать, — но кое-что я запомнил — у него было кольцо, оно было мало, слишком толстые пальцы, на кольце была печать в виде перекрещенных шпаг, похоже, шпаги он любил, на боку у него болталась парадная — вся в золоте и цветах, с камнями и богатой чеканкой.

— Перстень с перекрещенными шпагами? Серебряный? Еще дубовые листья и девиз, который ты наверняка не разглядел, внизу? — сейцвер был озадачен, но, похоже, демонолог не врал. Так имитировать испуг, да к тому же еще и обмочиться, было не под силу даже хорошему актеру, каковым худышка не являлся.

— Именно! Именно так! — конусовидная голова активно закивала, удар крепкого пиратского кулака заставил ее мотнуться и застыть.

— Не части, урод, ты хоть понимаешь, что только что обвинил главу банды Серебряных Клинков в организации убийства собственного бойца, а также брата главаря одной из сильнейших банд города?

«Что-то где-то жестоко не сходится».

— Я лишь говорю, что видел, и это все! Я изготовил шпагу, он ее забрал и унес. Заплатил мне, неплохо заплатил, — выступающий на худой шее кадык дернулся, продавец сглотнул. — Отпустите меня, месье, и эти деньги, а также прочие, что я выручил за время практики, станут вашими.

— Ну ты и плут, — рассмеялся Вангли. — А они не станут сухими осенними листьями с рассветом? Ведь так бывает, когда якшаешься с демонами?

— Я не демон, лишь скромный ремесленник с толикой находчивости, — мрачно ответил чем-то уязвленный пленник.

— Хорошо. Где они? — спросил Вангли, доставая длинный нож.

— В сундуке, в правом углу, там пять тысяч, вам надолго хватит, — в надтреснутом голосе проскользнула надежда и что-то еще, что-то зловещее.

— Проверим, — ножом бывший пират вскрыл сундук и вытащил туго набитый мешок, где звенело золото. По весу было похоже, что демонолог не врет. Мешок перекинул за пояс Вангли.

Медленно и аккуратно, покачивая ножом в руке, сейцвер подошел к стулу, где сидел связанный пленник. Демонолога захватила паника:

— Нет, не убивай, нет! НЕТ! — перерезанные путы упали с рук.

— Беги, малыш, — сладким голосом проговорил Фредерик, — на пять минут я сделаю вид, что одно из твоих заклинаний сработало как надо и ты стал невидимкой.

Демонолог бросился бежать, он выскочил из домика на сваях, добежал до лабиринта улиц Черного Рынка, метнулся в проулки... И налетел на двух красоток. Первая — высокая, жилистая, мускулистая, вся покрытая татуировкой, носила лишь кожаный жилет и такую же набедренную повязку на голове тело и была полугетербагом, судя по красноватой коже на вторую половину — демоном. Вторая — легкая, грациозная, в черном платье с воздушными кружевами, нежностью бархата облегающем стройную, местами приятно округлую фигуру, с гривой черных как смоль волос, была, возможно, демонологом. Без лишних слов они должны были доставить добычу Дьяволице, их госпожа не любила ждать.

Фредерик же запалил дом вместе с веселенькими гримуарчиками и пошагал на съемную квартиру — у него было часа четыре на отдых.

Тщета, тщета и еще раз тщета

— Я узнал у него, что заказчик носил кольцо с печатью Серебряных Клинков на толстых пальцах, а также парадную шпагу с камнями, после чего отпустил, — о деньгах демонолога Вангли тактично умолчал — и ему легче, и начальник не при делах. — Как и было условлено — Демоницы поймали его, очевидно, допросили. Потом отправили его голову Ножам, а руки — дуэлянтам. Мол, талантливый демонолог-одиночка хотел подорвать престиж демониц и подстроил бардак, они его нашли и покарали, мертвые отомщены, все счастливы. Ну, еще я устроил побег пленной демонице, подгадал все так, чтобы выглядело, будто она сама сбежала, Ножи не в обиде и Демоницы поостыли. Шеф? Шеф? Патрон! — Вангли крикнул, пытаясь привлечь внимание непривычно хмурого дейцмастера, задумчиво катавшего по столу шарик из плотной бумаги — бывшее письмо.

— А, — Гийом встрепенулся, потом снова погрузился. — Да, молодец, Фредерик, неплохо сработано. Как ты думаешь, для чего мы этим всем занимаемся?

— Ну, блюдем интересы государства, — озадаченно ответил сейцвер.

— Мы занимаемся этим, — начальник Тайной Канцелярии выдохнул, — если по

чесноку, только для того, чтобы не прекращался в метрополию поток товаров и богатств. Чтобы жирные, обрюзгшие, страдающие подагрой и геморроем герцоги вовремя получали свои барыши и не боялись темных ножей в тенистых аллеях. Чтобы ублюдки там, за океаном, могли планировать свои игрушечные войны и «великие» завоевания не вслепую, а хоть с какой-то долей вероятности на успех. Тогда, возможно, они возьмут меньше наших сыновей на фронт и меньше наших жен будут изнасилованы армией, победившей этих мудаков. Мы делаем это все для того, чтобы короли и министры, играя в свою высокую политику, хотя бы ненадолго забывали грабить и бесчестить свой народ, — выданные на одном дыхании, эти слова как-то непривычно больно отразились в окостеневшем сердце бывшего пирата, «человека мира».

— У вас проблемы, патрон? — очень серьезно спросил Вангли.

— Да, Фред, спасибо, что спросил. Похоже, я немного научил тебя читать в душах, — с горькой иронией произнес Гийом. — Моя дочь больна, неизвестная зараза, ничего не помогает, а эта гнида — начальник Канцелярии Вице-Королевства, не дает мне отпуск, мол, очень важные у нас тут дела в Ахайосе происходят.

Полная рука с размахом ударилась о стол, заставив попадать чернильницы и пепельницу с дымящимся окурком сигары.

— В ЭТОМ ГОРЯЩЕМ БОРДЕЛЕ ВСЕГДА ВАЖНЫЕ ДЕЛА! — голос сделал усталым и пустым. — А маленький человек, даже очень много делающий для своей страны, их не волнует. Политика-с! Безопасность! Да-с!

— Сочувствую, патрон! — серьезно сказал пораженный Стервец. — Если я могу чем-то...

— Нет... — голос был сух и официален. — Вы свободны, сейцвер, за распространение данных, услышанных сейчас, я вас с говном без ложки съем. Можете идти.

Рука Фредерика уже легла на дверную ручку в виде рычащего крокодила.

— Ах да, Фред, — похоже дейцмастер что-то вспомнил, — у Варна Отважного худые жилистые руки, а шпагу он носит с простым эфесом, ибо слишком часто пускает в ход, я ему сотню раз говорил сделать более сложную печать или, по крайней мере, не носить кольцо на пальце. А вот у главаря банды Корона, проправительственной, замечу, банды, руки правда жирные, и парадные шпаги он любит, правда, фехтует как булочник. Скажи об этом Елене, как бы конфуза не вышло. Не забудь...

Но он забыл — быстро встретиться с Демоницей не получилось, а затем дела и суэта служебная затянули его, и истинный виновник чуть не случившейся войны банд так и остался безнаказан...

Библиотека Хранителей Знаний. Занимательные пояснения о тайных службах мира

Паноптикум орденов великих и малых, пользу приносящих священному Шваркарасу. Через призму пользу их секретной от мирян службы

В бытность мою еще приходским священником, не отстраненным от мира и страстей, по долгу службы сталкивался я со многими орденами и церквями благословенного Шваркараса. По обязанностям и по духу стремлений своих производил я, как и полагается смиренному брату Церкви Бога-Тайного, счисления и умозаключения. Кои позволили мне установить, с которыми из священных объединений в государстве стоит считаться на ниве секретного сбережения державы. Ордена и Церкви Шваркараса являются силой сколь могущественной, обученной и организованной, столь же и разрозненной. И если бы не их

поистине феодальные стремления, отмежевываясь от прочих, стремиться в свою, только Единому ведомую, сторону, то и наш Храм Бога, знающего все секреты, пожалуй, и не был бы нужен. Засим начинаю я краткий обзор орденов и церквей державы Трех Пик об их полезности и зловредности.

Орден охотников на демонов

Знак: пылающий меч в круге.

Девиз и обет: «Мы — клинок, вонзенный в сердце ада», «Защита человечества от демонической скверны всегда и везде».

Молитва: «День Гнева».

Иерархия (от большего к меньшему): Магистр-охотник, Мастер-охотник, Охотник, Неофит-охотник, Отрок.

Священный дар: «Второй облик» или «Демоническая ипостась» — эта божественная способность дарует воинам ордена власть при столкновении с силами ада обретать вторую, «боевую» ипостась. В коей они обладают силами и средствами соперничать с демонами и прочими порождениями ада. Внешне же в этом облике братья и сестры ордена не слишком отличимы от тварей, с которыми призваны справляться.

Численность: невелика, это элитный орден.

Резюме: нет более амбициозного и злонамеренного, и столь же горделивого, чем орден охотников на демонов, образованного среди малых священных обществ Шваркараса. Обладая особым статусом, не позволяющим найти им замену, наработанными веками практиками и гонором не меньшим, чем у королевских гвардейцев, охотники часто выходят за рамки своих прямых обязанностей. Они обладают влиянием среди герцогов страны, малой и высокой аристократии, но брезгают неблагородными мирянами и купечеством. Орден было бы вернее распустить, если бы нашлась замена. Тем более, что он так же обладает и скрытым пороком — самые могущественные из охотников всегда балансируют на грани между святостью и скверной, ежеминутно рискуя раскрыть свое сердце дыханию ада. Однако замены Ордену нет, остается лишь ограничивать его влияние и исподволь уводить с гибельных путей.

Оценка эффективности: 4 из 10.

Мужской монашеский орден охотников на нежить

Знак: череп со знаком Единого во лбу.

Девиз и обет: «Мертвое да будет недвижимо», «Защита человечества от участи, что хуже смерти, всегда и везде, без компромиссов, даже ценой жизни».

Иерархия (от большего к меньшему): Мастер-настоятель, Мортифер, Искатель костей, Послушник.

Священный дар: «Упокоение» — дарованная Единым сила повергнуть в прах любую восставшую нежить.

Численность: средняя среди малых орденов.

Резюме: Орден охотников на нежить до крайности традиционен. Они прямолинейно чтут свои обеты, не позволяя себе и всем прочим усомниться в высшей святости их миссии — ни за что не допустить возвышения некроскверны, как это было в Эпоху Черного Неба. Широкие познания в области своей работы и специальный боевой стиль «киптус», позволяющий им биться наравне с вампирами и прочими высшими неживыми тварями, делает орден в перспективе весьма могущественным и опасным, с учетом численности. Но сейчас смертоборцы, как их называют в народе, не думают ни о чем, кроме своего дела,

равно не вмешиваясь в дела прочих орденов и церквей и не оказывая никому фавора.

Оценка эффективности: 5 из 10.

Женский монашеский орден охотниц на ведьм

Знак: книга с пылающим молотом, увенчанным знаком Единого.

Девиз и обет: «Да очистится кострами Небо», «Непримиримая борьба с ересью, чернокнижием и ведьмовством без уступок и компромиссов».

Иерархия (от большего к меньшему): Мать-охотница, Старшая-охотница, Охотница, Сестра-склепа, неофит.

Священный дар: «Молот ведьм» — дарованная Единым защита от воздействий чернокнижников, ведьм и прочих губительных колдунов. Вторая часть «Молота ведьм» — наработанная годами практика борьбы с врагами, скрытыми среди рода человеческого, классифицированная в писанный кодекс наставлений.

Численность: средняя среди малых орденов.

Резюме: Орден охотниц на ведьм чрезвычайно эффективен. Он пользуется дарованным высшими Церквями страны и заверенным королем правом на Инквизицию, которую может начать каждая из сестер. Неоднократно сестры среди прочего умели разоблачать не только еретиков, ведьм, чернокнижников, но и шпионов иностранных держав, заговорщиков, пользующихся услугами губительных сил, социализированных вампиров, оборотней, губительные секты. В то же время, под грузом заслуг, сестры Ордена почитают себя равными иерархам Больших Церквей и нередко перечат отцам церкви, а также светским вельможам. В политике и общественной жизни они «замараны» не менее охотников на демонов. Но принципы охотниц все же более согласуются с пониманием блага для державы.

Оценка эффективности: 9 из 10.

Боевой мужской монашеский орден норманитов.

Знак: нож в круге.

Девиз и обет: «Десница кары Его стремительная и неотвратимая», «Бедность, верность, послушание — все по воле Его».

Иерархия (от большего к меньшему): Мастер-настоятель, Мастер, Монах, Неофит.

Священный дар: «Божественная сила» — дар, в моменты необходимого риска пробуждающий по воле Его скрытые способности души монахов, непреодолимо возвышающий их над прочими смертными.

Численность: ничтожная — норманитов редко набирается больше сотни.

Резюме: Орден норманитов — опора трона, защита иерархов церкви и самая могущественная боевая шпионская организация Шваркараса. Эту и другую полуправду легко можно услышать в любом трактире. На самом же деле, Орден служит только собственным интересам. И благословение Единого, что интересы ордена сообразуются с интересами государства. Нет такого герцогского рода, крупной торговой компании или Высокой Церкви, которые бы не были должны чего-то норманитам. Благо, норманиты в свою очередь имеют долги перед Богом-Тайным.

Оценка эффективности: 8 из 10.

Женский боевой монашеский орден Сестры Копья.

Знак: копьё и знак Единого.

Девиз и обет: «Святые девы в борьбе за добро и справедливость», «Защита слабых, верность долгу, подвижничество в вере».

Иерархия (от большего к меньшему): Мать-магистр, Мать, Сестра-копья, Дочь-копья.

Священный дар: «Отречение» — известным лишь Единому образом, вера сестры создает вокруг нее круг, где она сражается с невероятной стойкостью, самые могучие сестры способны в этом кругу обернуть силу и число нападающих против них.

Численность: небольшая — это элитный боевой орден, подразумевающий строгий физический и моральный отбор.

Резюме: Орден сестер приведен тут как пример, на который должны ориентироваться прочие священные общества. Сестры действуют по велению долга, стойко исполняют священные обеты, оказывают помощь всем прочим орденам и всегда оказываются там, где нужны. Служение — их высший идеал. Они — истинная опора трона и Церкви. Нерушимое воинство света.

Оценка эффективности: 10 из 10.

Женский монашеский орден Бога Куртизанок

Знак: танцовщица в круге.

Девиз и обет: «Кающиеся грешницы», «Воля Матери Церкви во искупление грехов».

Иерархия (от большего к меньшему): засекречена.

Священный дар: «Двуличность» — божественным поощрением эти кающиеся грешницы способны менять облик и даже воспринимать повадки и манеру речи другого человека.

Численность: средняя для малых орденов.

Резюме: Если Церковь Бога-Тайного — суть воплощенная господня Тайная канцелярия, то Орден Бога Куртизанок — это скорее военная разведка. Состоящий из раскаявшихся грешниц и их дочерей, этот орден строится на интриге и коварстве, коими к вящей славе господней владеет беспорочно. Норманиты могут победить кого угодно, а сестры-куртизанки могут узнать (и выгодно продать) все что угодно. Их влияние на аристократов, чернь и купечество бесспорно, как далеко распространяется их власть — определить сложно. Но покамест сестры держат себя в рамках приличий и не дают оснований для инквизиции ереси.

Оценка эффективности: 9 из 10.

Люзонская церковь Бога-Шевалье

Знак: перчатка в круге.

Девиз и обет: «По воле Господа под знаменем судьбы!», «Помощь страждущим, странствия, приключения».

Иерархия (от большего к меньшему): Командор, Ветеран, Рыцарь, Щенок (послушник).

Священный дар: «Абсолютный вызов» — рыцарь Бога-Шевалье может бросить вызов любому противнику, и их дуэль по Воле Господа будет проходить в абсолютно равных условиях.

Численность: большая для малых орденов.

Резюме: Церковь Бога-Шевалье привлекает в свои ряды искателей приключений, дуэлянтов, непосед и людей, просто склонных к скитаниям. Они почти всегда в странствии, а потому шевалье никогда почти нельзя найти в храме. Зато легко можно встретить в ближайшем трактире. Они, как велят обеты, защищают слабых, творят справедливость и ведут нескончаемый поиск истинного пути. Шевалье любят крестьяне и бедняки, к ним снисходительно относятся аристократы и с восторгом — их отпрыски, на них свысока смотрят купцы, но к бегут к ним, как только кто-то начинает грабить караваны. Шевалье были бы чрезвычайно влиятельны, если бы это влияние им за каким-то чертом сдалось.

Оценка эффективности: 3 из 10.

Итак, я подведу итог. Шваркарас погряз в тенетах орденских противоречий. Как и все прочее в стране, церковные объединения представляют у нас пестрое одеяло чужих амбиций, стремлений и понятий о том, что праведно, а что постыдно. Ни один из орденов, благо, не способен к мятежу, равно ни один не будет достаточно полезен для державы в целях тайных и секретных. Все они либо себе на уме, либо просто не подходят на необходимые роли. В пестрой суматохе перспективных боевых орденов и странных церковных обществ для целей Бога-Тайного я все равно выделяю Храм Бога-Пахаря. Которого почитают крестьяне и ремесленники, горожане и лесорубы. Каждый пастырь этого храма знает о своей епархии больше, чем сможет вызнать куртизанка или выбить норманит. А посему я вновь утверждаю — между возможностью и эффективностью всегда есть важная разница.

Записки о тайных свойствах малых орденов и храмов Шваркараса. Писано в 803 году от. о. А.И. Хранителем Тайного, отцом Фредриком Хлопотливым

Часть 3. Глава 9. Исповедь пьяного пирата

— Я много херни в жизни натворил, — Вангли надолго приложился к бутылке, ром обжигая горло, проворно стремился в живот золотым водопадом. — Много, много, и жег, и резал, насиловал, пытал, — бывший пират был сильно пьян, — но тут, понимаешь, тут у всего был какой-то смысл, не пррррросто бабла срубить, нечто большее, — он шумно икнул.

— Да ладно, вы ж не Единому служите, а всего лишь жирной свинье на троне, да говорят, козотраху к тому же, — девушка напротив была ему чем-то удивительно знакома — легкая, гибкая, с почти мальчишеской фигуркой, открытой улыбкой розовых губ и огромными глазами. А волосы удивительные — переливались всеми цветами радуги, наверное, колдовство.

— Нет, — мозолистый кулак, лишенный любимой белой перчатки, ударил по столу, раскидав грязные жестяные тарелки и пустые бутылки из глины и зеленого мутного стекла, — мы служим короне! Он не прав, не свиньям на самом верху, не гниде на троне, но всему государству, аристократ ли, свинорылый жак или пафосная магесса с перстнями на пальцах, мы роем грязь за них, за то, — сейцвер снова приложился к бутылке, его кадык напряженно задергался...

— Будешь так пить, не закончишь историю, а мне уже стало интересно, — улыбнулись розовые губы, блеснули в свете солнечных бликов большие глаза, засияли бронзовые пуговицы на кожаном жилете с сотней карманов.

— За то, чтобы им никогда не пришлось узнать всей той мерзости, которая хранит сдюяной покой, — закончил Фредерик, занюхивая черным, испачканном в подливе рукавом.

— И все действительно так хреново? — девушка облокотилась на сцепленные руки, стоящие на столе, изящно очерченным острым подбородком, внимательно глядя на чудотворное — разоткровенничавшегося чиновника Тайной Канцелярии.

— Хочешь знать? — получив утвердительный кивок, на время всколыхнувший радугу волос, Вангли отставил бутылку и заговорил, — Мы все изосрали...

Очень мрачно заговорил:

— Это было паскудство. Но тогда я этого еще не знал. А если бы и знал — все равно пришлось бы участвовать. Есть вещи, которые должны быть сделаны. Хотя порой я думаю — заключи я договор с демоном, был как-то шанс, авось больше души мне бы осталось.

Но тогда все выглядело просто — этот грустный сукин сын позвал меня и говорит, светя бриллиантами на пальцах. В начале рагиталина это было, сразу после праздника первого урожая. Хмааларцы еще голых баб на улицы выпускали, а туземцы деревянным хуям кланялись. И говорит: «Фред, есть работенка, склочная, но нужная». И рассказал мне про паренька — торгового капитана-ригельвандца. Есть, мол, и с той стороны отъявленные суки, берут они пареньков, что посмышленей, делают из них шпионов — вроде как торговать приехал, а на самом деле смотрит, слушает, землю нашу обосранную роет в поисках интересного.

Нет у нас интересного, да и что он мог знать? Ему и двадцати не было, зеленый, смелый, гордый, даже честным себя считал, наплел ему какой-нибудь клоп в шелках да золоте по ту сторону океана, мол, это все «ради Державы, Ригельсберме поручает тебе важную миссию. Ты станешь героем своей страны. Тобой будут гордиться родители, ну и

золота тебе насыпем — хребет сломаешь носить», ригельвандцы же. А он поверил. Ну или выбора не было. Только херня все это — долг, честь, слава. Никто нас знать не должен. Ни в лицо, ни по имени, да и бабло не в радость, даже песню не закажешь смешливому прохожему с Эльвексина.

И поперся он, мудрила, по морю-океану, прямо в пасть нашему толстячку-Гийому. Эрнесто Никобальди его зовут, ну или звали, уж не знаю, может, после такого и имя теряешь — вроде как обосрали его, до последней завитушки. И становишься после такого, как кукла, думаю, вроде живой, но за ниточки дергают, и пляшешь ты, как заведенный, и остановиться не можешь. Остановишься — смерть, муки, боль, и не только тебе. Да и не главное, что тебе.

Понимаю я теперь — хорошо, что у меня никого нет, все давно перемерли. Мать сам хоронил, брата и отца море унесло, сестру Пучина сграбастала, где-то она теперь, в уборе из морских звезд, водоросли в волосах расчесывает.

Проколотся он, короче, тюфяк, тряпка, педик, жалко его. Проколотся, на чем мы все прокалываемся. На вас — милашках. И как только нашел, как разглядел, что там в его позолоченном сердце она шевельнула. Нищенка, а красивого у нее было только имя — Аделаида — и волосы, вороново крыло, даже грязь не скроет. И разглядел он ее в пыли, в грязи, дерьме и самоуничиженье.

Но это мы потом узнали — а до этого я и так тыкался, и смяк, и матросов с его суденышка «Матушка Амели» спаивал, и сундук его выкрал, и трактирщика, где парень жил, подкупил да застрашал. Но со всех сторон — пшик один, одно слово — не дурак парень.

Не дурак — мудила конченный, если бы не он, если бы не телец золотой, что послал его сюда, глядишь и поверил бы я в то, что Гийом наш — белый рыцарь, защитник слабых и угнетенных, миротворец. Хер он толстый, а не миротворец.

Вызывает меня и говорит: «Не выходит у тебя ничего, Фред, и у меня не выходит, дочка умирает, а я помочь не в силах, но ты то со своей работой справиться можешь. Есть тут одна Аделаида, она и есть наш ключик к золотому капитану, только ты уж поаккуратнее — самого капитана до времени не трогай. Обидишь Эрнесто, за него могучая Ригельвандская Торговая Компания вступится, а за нищенку никто не вступится, только сам мальчуган, но за глупости Торговая Компания воевать не станет. Пощупай ты ее Фред, очень мне нужно знать, зачем сюда Эрнесто эти злые золотые дяди послали».

Знаю — тварь я последняя, знаю, не простит меня Единый, да и никто другой не простит. Нет столько прощенья в мире.

Нашел, короче. Сестренку Аделаидину восьмилетнюю нашел в ночлежке на сорок рыл и бабку — старую, слепую. И приехали парни в черных сюртучках, да карета казенная, черной кожей обтянутая. И укатили они двух баб — старую и молодую, в ночлежку понадежнее — стены каменные, а не худые деревянные, правда, и двери не из куска дранины, а из железных прутьев.

А сам я, гнида черная, кровососущая, пошел к нищенке, она как раз со свиданьца в новом платье возвращалась. И говорю — так мол и так, а только сестренка твоя да бабулька теперь у нас гостят — в неге и комфорте, и все у них будет хорошо, если ты себя вести будешь хорошо.

А сам вижу — любит она его, по глазам вижу, по губам вижу, по рукам ее, грубым да белым вижу. У нее, помню, пальчики не такие нежные и цепкие как твои были — грубые, мозолистые, но он целовал их, целовал их, любил их, а может, любит.

Я и говорю ей — бабушку любишь, сестренку морской пехоте, сплошь из гнили

человеческой набранной, отдавать не хочешь? Тогда спроси у него, как у любимого, скажи, мол, сон тебе дурной приснился, или чего еще наври. Не задумал ли он худого, почему так долго в порту стоит, почему товар не купит да не уйдет твой торговый капитан, что его думы омрачает, и почему он с тобой любезен, а сам лицом скорбен. Пусть как на духу все расскажет или не любит тебя. А если он тебя не любит — то и мне сестру с бабушкой любить незачем. В общем, придумай что-нибудь.

За одни за те слова с меня шкуру спустить надо и солью натереть. Чтоб сильнее, крыса, мучился. Да, ты права — крысы гордые и хитрые животные, а я таракан.

Она пошла, плакала сначала, а потом глаза пустые стали, руки белые дрожать перестали. Шагом твердым от меня удалилась — как на плаху, а может то плаха и была, для того, кто любовь предал.

И он ей рассказал. Все поведал — о миссии своей секретной, о важности ее, о том, что когда закончит, обязательно увезет ее из нашего горящего клоповника. Рассказал, как, мол, все серьезно да сложно у него, олух малолетний.

А она ночью метнулась и голосом нездешним, холодным, как у покойницы, все рассказала.

Пошел я к дейцмастеру, а он мне и говорит: «Вот это ты правильно, Фред, это я понимаю — четкая работа. Только теперь нам надо этого паренька окучить, так сказать. Перевербовать. И не надо на меня так смотреть. Взялся за гуж, так сраку не чеши, а тяни. Любовь только та сильна, которая на верном костре греется, и пользы от нее нам тогда больше». И рассказал. Меня прям там чуть не сблевало.

В общем, сперли мы ее, поместили под надзор, в домик неприметный, в квартале наемников, вроде как непонятный кто-то похитил. И следов я понаставил, никогда так не следил. Следов, вроде как по торговым делам его выкрали девку — мол, выкуп хотели. И дорожечка к домику. Почти свободная. Иди, дурачок, геройствуй. Он своих ребяток с корабля собрал, нескольких друзей-наемников пригласил. И пошел. Немало народу положил, а Гийому их не жалко — мелкая сошка, пушечное мясо, кирпичики его пирамиды.

Выручил ее, она так счастлива была — чуть на окровавленном столе, где еще мозги Крошки Неда стекали, не отдалась. На корабль бросились. Окрыленные. Влюбленные пс самое не могу. Счастливые... Идиотики.

А на корабле я и ребята отборные, в мундирах рваных — морская пехота, та самая. И стали прям на глазах его, скрученного, с нее платье рвать. А я ему говорю, служи, мол, родной, на два фронта работай, только нам правду — а им кривду, Шваркарас не Ригельвандо, здесь не золотом платят, а любовью, ты нас будешь любить, а мы тебя, а если откажешься... А он гордый стоит, несмотря на то, что руки аж из суставов выворачивают. То мы твою Аделаиду полюбим, крепко полюбим, смеются морские и панталоны с нее рвут. У него только и сил хватило сказать: «Хорошо». А одного из пехотинцев мне даже прикончить пришлось, вот этой саблей, разошлись ребята.

А там уж мы и договор подписали, и девчужке теплое гнездышко устроили, куда ему ходить можно, но под надзором, нашей в рот ее трижды Канцелярии, и даже сестру с бабкой выпустили, под небольшое содержание. Как шлюх, ей богу — отработали свою часть и в шею.

Зато толстяк Гийом меня с тех пор полюбил. Как родного. Еще бы. Если бы не я, пришлось бы ему самому парня вербовать. И в говне по шею купаться. А он побоялся, побоялся, гнида, что если возьмет на себя такой грех, то Единый у него взамен дочку

заберет, ибо негоже такой мрази детей воспитывать. И теперь он мне, как себе доверяет...

Но в одном он был прав, — Вангли надолго присосался к бутылке, она опустела раньше, чем ему бы хотелось, — я и на пятую часть не такой как он, и слава богам, всем, какие ни есть, может, даже Пучинным.

— И что же дальше? — розовые губы более не улыбались, на круглом чистом лбу пролегла легкая морщинка, озорные глаза стали злыми и печальными.

— Я чую, конец скоро. Скоро что-то случится. Случится — и я его грохну. Знаешь, такое уже было — с Черным Бобом, это был лихой капитан, смелый, дерзкий, умный, беспринципный, — рука потянулась к последней бутылке, — но иногда люди ломаются, и от удачи порой ломаются хуже, чем от неудачи, никто не должен ощущать себя выше греха, выше законов природных и божественных. Когда он приказал сжигать младенцев перед воротами закрытой фактории... В общем я стрелял третьим, а за мной еще многие. Был Черный Боб, а стал мешок с костями, мясом и свинцом.

— И? — тонкая рука, с нежными, цепкими пальцами теребила бронзовую пуговицу нагрудного кармана.

— И Гийом де Маранзи должен умереть, так я, возможно, смогу вернуть себе хоть каплю души, — он присосался к последней бутылке, долго и жадно пил, пил ром как воду, обжигая горло и не замечая этого. — И он умрет, ибо за каждое дело должно быть воздаяние. Когда-то, может, и мне оно придет.

Он немного помолчал. Слезы текли по мятым щекам, оставляя красные, будто выжженные дорожки, горло душил то ли вопль, то ли рев, в грудь будто набили ваты, распирающей изнутри.

— Ты понимаешь, — сказал он сдавлено. — Все можно, можно играть на страхе, можно на жадности, даже на надежде можно играть. Можно людей... как пешек... можно — как карты. Но любовь... Ты понимаешь... она выше этого, нельзя... нельзя с любовью. Нельзя такого, как мы сделали... как я сделал. Никому нельзя, ни богам, ни людям. А тот, кто посмеет, тот проклят. И я. Я проклят теперь. И чую — это из глубины идет, из нутра моего гнилого — если не убью Гийома, сгорю, перестану жить. Буду как они — эти два идиотика, мною преданные, не жить, а существовать.

Он с размаху грохнул кулаком по столу. Казалось, весь зал вздрогнул.

— Не хочу так!!! — взвыл Фред, а затем из него будто вынули кости.

Когда она вместе с трактирщиком донесла его до комнаты на втором этаже, Фредерик Вангли, прежде чем уснуть тяжелым, пьяным сном, не своим голосом обратился к девушке с разноцветными волосами:

— Я тебе, кажется, что-то давал, что-то, что нужно охранять, охраняй это тщательно, охррррр, — и он уснул.

Она грустно улыбнулась и тихо закрыла за собой дверь.

Библиотека Хранителей Знаний. Занимательные пояснения о тайных службах мира

Крупный капитал на страже государства

— Прошу, господа, угощайтесь, это сигары присланы моим племянником, да-да, Томэо, тем самым. Я тоже помню его совсем маленьким, господин капитан, буквально два вершка от пола, когда он прошлым году напился по поводу помолвки.

Ну так, о чем я. Ах да. Взгляните на эти трубки, полные черного, дымного наслаждения

господа. Наполните рот клубами тропической страсти... Чувствуете? Это далекие облака рая ласкают ваше небо. Согласитесь, нет, решительно согласитесь, господа, это одна из лучших вещей на свете.

А теперь выгляните за окно, в этот гневный, промозглый вечер фиратонакреша, отведите взор, улыбнитесь огню в каминном жерле и хлебните рома. Да, золотистый, со специями, по особым рецептам. Жизнь заиграла новыми красками? Даже несмотря на дождь за окном, да. Да, и тысячу раз да, господа.

И кому мы должны быть благодарны за все это? Смелым мореплавателям? Несомненно, герр бургомистр. Отважным первопроходцам? Бесспорно, господин судья. Отчаянным воякам-конкистадорам? Вне всякого сомнения, мой дорогой друг полковник.

Но! В первую очередь мы должны быть благодарному чистому, честному и незамутненному чувству, тому, которое гнало этих людей вперед. Тому, благодаря которому мы стали одной из ведущих наций мира. Алчность, господа, самое откровенное и смелое стяжательство, не жажда золота. Ну, не одного его. Но жажда новых свершений, событий, открытий и, конечно же, жажда славы. Кто снаряжал мореплавателей, кто шел бок о бок с первопроходцами? Кто строил крепости и снабжал конкистадоров всем необходимым для продолжения их борьбы?

Купцы, господа мои — воплощение алчности и стяжательства. Моя несравненная паства. Благослови Господь Ригельвандо и его торговцев.

Мы пошли на край света, за море, в пасть льву не ради пустых подвигов. Мы искали новые рынки. Мы хотели продавать, покупать, обсчитывать, обманывать и поражать вещами, которых больше ни у кого нет. И мы преуспели. Везде, где позже появились алмарские крепости и шваркарасские колонии, сначала побывали наши факторы. Самые обширные владения нового света принадлежат Ригельвандо.

И почему? Все просто: купец — это все в одном. Он воин, он мореход, он строитель, картограф, первооткрыватель, дипломат. И, конечно же... шпион.

Только обладая самыми точными данными, можно вести торговлю. Именно поэтому тайная служба республики на девять десятых состоит из купцов. Эпидемии, войны, катастрофы, тайные планы держав, заговоры и сплетни. Все это влияет на торговлю. И значит, важно для нас — нации, построенной на принципе открытого, алчного, агрессивного рынка.

Силенцийские ассасины и наполитанские ваганты могут говорить, что их вклад в тайные службы республики самый серьезный. И с этим многие не станут спорить. Согласен, герр судья — голова дороже. И все же — нет.

Самый серьезный вклад в дело защиты страны от внешних, скрытых агрессий и в еще большей степени — в дело добычи и систематизации информации внесли наши несравненные купцы.

Они отправляются туда, где опасен каждый камень. Понемножку, шаг за шагом, они завоевывают доверие туземцев, обрастают знакомствами в чужих портах, развивают сети информаторов, держат руку на пульсе предприятий, сотен кораблей и торговых маршрутов. Каждый, добившийся успехов в торговле — это уже готовый высококлассный шпион.

А самые выдающиеся из них — те, кто происходит из древних родов. Борджи, Форза и, конечно, Медини. В их руках банки, торговые флоты, отряды наемников и самая свежая информация. Именно они ради своих интересов и к вящей славе государственной вербуют силенцийских ассасинов и вагантов из Наполи, из своего кармана оплачивают благополучие

державы. Ведь покой страны — это их покой. И доход.

И именно поэтому секретные службы Ригельвандо так эффективны. Все они, даже когда работают друг против друга, вместе трудятся на общее дело. Именно поэтому Ригельсберме есть из кого выбрать. В распоряжении парламента лучшие из лучших в своем деле. Зачем создавать громоздкие министерства и платить чиновным дармоедам, если есть такие, кто за малую толику личной выгоды уже создал все необходимое?

В конкуренции рождается истина, и именно так немногие, самые успешные и талантливые, становятся уполномоченными агентами Ригельсберме. Они получают все — власть, право, поддержку государства, которые присоединяют к своей немалой силе. Результаты? Очевидны. Или мы не одна из величайших наций мира?

Взгляните на службы уполномоченного агента Экваториальной Торговой Компании и уполномоченного агента Государственной Безопасности. Эти люди — Форза и Медини. Они не любят, да что там, ненавидят друг друга. Но еще больше они ненавидят врагов своего бизнеса — алмарцев, шваркарасцев, эллумисцев, сетрафийцев, хмааларцев. По счастливой случайности — врагов Ригельвандо. И именно потому мы все, да-да, господин капитан. Все. В надежных руках.

Наслаждайтесь сигарами, господа, их привез мой племянник, он всегда привозит что-то после каждого задания Торговой Компании. Помните главное — личная выгода есть общая выгода. И пейте, не стесняйтесь, в колониях еще много чего можно ограбить.

Другой пересказ слов отца Матео, священника Бога Золотого церкви Единого, возглавляющего приход святого Ричензо Морехода, что возле славного города Зенона, книгопечатаньем славящегося

Последняя охота

Эмберлин Пайо бежал. Как мог, быстро. И прыгал по крышам. Как мог, ловко. А мог он очень неплохо — и быстро, и ловко. Он был лучшим убийцей на службе Тайной Канцелярии Ахайоса. По одному слову дейцмастера он лишал жизни любого, кто ставил под удар интересы государства. Он был невысок, аляповато сложен, отличался глазами разного размера и неудачными попытками вырастить бороду на остром подбородке, где соглашался расти лишь небольшой волосяной кустик. Но в его обязанности входило умение быстро бегать и ловко прыгать. Черный длиннополый плащ с рукавами, в отворотах которых таились метательные кинжалы, развевался на бегу, шелестя и хлопая наподобие крыльев. Трепетал белый шейный платок, треуголка на шнурке болталась за спиной, в основном мешая. Как и ботфорты с набойками — сегодня их хозяин не собирался бегать по крышам.

Но преследователь настигал. Похоже, он был ловчее и быстрее. За спиной слышалось ровное, нечеловеческое дыхание, скрежет длинных когтей четырех нечеловеческих рук по камням и черепице домов, шелканье шестеренок, шелест другого черного плаща, из прочной кожи, тяжелого, неудобного, и все же гад догонял.

На бегу Эмберлин резко развернулся, одной рукой сорвал и бросил во врага треуголку, второй выхватил пистоль. Обернувшись, он увидел исчезающий взгляд больших, нечеловеческих, горящих во тьме глаз. Треуголка взорвалась в воздухе, но преследователь припал к бортику крыши, по которой бежал, твердый плащ, а также быстро накинута широколобая шляпа с металлическими вставками укрыли его от взрыва.

Выстрелили они одновременно — преследователь был нечеловечески быстр. Крупнокалиберный пистолет Пайо послал навстречу врагу «жестокую пулю» — заряд свинца из двух шариков, сцепленных леской, разрывающий и кромсающий плоть. Но когда

пуля попала в левую верхнюю руку преследователя, то оказался слышен лишь звук удара металла о металл.

Оружие противника оказалось еще злее — на Эмберлина уставилось мерцающее сталью во тьме дуло четырехзарядного револьвера, после залпа из него вырвался клуб пара, а не пороховой дым. зуб за зуб — из руки беглеца первой же пулей вырвало здоровый кус мяса. На поживу птицам.

Он снова бросился бежать. Гартаруд, а эта тварь не могла быть никем, кроме как одним из этих пацифистов-технократов, догонял, идя след в след.

Следующим был плащ, он сорвал его на ходу и бросил во врага, стараясь ослепить. Даже вышло. Два метра ткани накрыли рогатую голову с большими глазами и неестественно крупной челюстью, покрытой ороговелыми шипами. Вслед за плащом последовали шесть метательных ножей из браслетов на обеих руках. Несколько даже нашли плоть твари, но ничего важного не было задето. Трещи шестернями, из спины существа выдвинулись несколько мелких, длинных бронзовых рук. Испуская клубы пара, они изрезали лезвиями и сбросили с гартаруда плащ.

Погоня продолжилась. Пуля пришлась Пайо в бедро. Через пару крыш еще одна — в бок, вызвав фонтан крови и кусков внутренностей.

«Только вместе с тобой», — подумал убийца и, сорвав с горла шелковый платок-удавку, бросился на подступающего противника. Ему почти удалось добраться до массивной шеи существа. Если бы у них было равное количество рук — трюк бы удался... Гартаруд схватил его верхней парой и силой поднял над собой, с трудом сдерживая яростный натиск человека. Вторая пара выдвинула из специальных стальных перчаток длинные, в полметра, лезвия. Одно из которых забрызгало гонтовую крышу кровью из пронзенного сердца Эмберлина, второе вошло в мозг, но перед смертью убийца успел прохрипеть:

— Я буду ждать тебя в аду и подготовлюсь лучше!

«Мэлли, я иду к тебе», — подумал он и испустил дух.

Вытерев клинки об одежду жертвы, гартаруд посыпал тело кристаллической пылью и поджег из небольшого огнемета, с жужжанием выдвинувшегося на левой верхней руке. Ночь озарили огненные всполохи.

Последний спектакль

Велларион де Пуатье Ля Тирро устало втащился в гримерку. Сегодня его придуманные титулы тяготили так же, как пышное гротескное жабо на шее. Спина болела, ноги ныли, спектакль, пожалуй, был тяжеловат. Да и сложно это — играть двадцатилетних, когда тебе сорок.

Велларион сел за стол и начал с отвращением снимать слои тяжелого, жирного грима, нахально скрывавшего красоту его собственного лица.

— Неплохой спектакль, маэстро, весьма и весьма неплохой, — голос говорившего был густой, басовитый, хриплый, слова давались с трудом и были непривычными.

— Благодарю. Неожиданный поклонник — это всегда приятно. Впрочем, преследования я не терплю, — он был актером и останется им до конца, подумал де Пуатье, даже перед лицом очевидной и неминуемой гибели он не дрогнет.

— Но думаю людям вашего... вашей профессии преследования приходится переживать довольно часто. Есть в вашем деле какая-то притягательная магия, — он стоял в тени, у правой стены, надежно отрезая путь к окну и к двери. Сутулый, крупный, на уродливых

ногах с вывернутыми не в ту сторону суставами.

— Которую из профессий вы имеете в виду? — улыбка и насмешливость в голос пришли сами собой.

— Едко. Но у меня мало времени. Тебя наверняка учили молчать, сопротивляться боли. Защищали от гипноза и тому подобное. Не говоря уже о магии. Я пришел не за этим, — голос был бесстрастным, голос палача, хуже — ремесленника, выполняющего рутинную работу. И это было оскорбительно — в конце концов, перед ним знаменитость.

— Тогда делай, что задумал, или поди прочь, — раздражение было наигранным, просьба уйти — настоящей, но нелепой.

— Обязательно уйду, прихвачу твою голову, исследую мозг, узнаю то, что знал ты, — серьезно, сухо, как нечто само собой разумеющееся.

— Я думал, гартаруды не используют магию, не умеют или не хотят? Или ты говоришь о технологии? — его мало занимали возможности гартарудов, но, возможно, это повод потянуть время — вдруг что-то произойдет. Через пару минут к нему должны привести поклонницу.

— Не могут. Но я не такой гартаруд. Тебе можно знать. Тебя это не спасет. Вопрос за вопрос — научный интерес. Сложно было играть пирата? — в хриплом голосе даже был интерес. «Говори, говори ублюдок, тяни мои прекрасные минуты», — подумал актер.

— Нет. Но я весьма признателен Гийому за эту роль, целое приключение — проникнуть на базу, притвориться важной фигурой, заставить их самих передать нам объект. Шедевр моего творчества, бесподобный бенефис. Это было.

— Время, — сухо, коротко, смертельно. «Не вышло», — пришла мысль актеру.

— Прощай?

— Вряд ли, — рокочущий смех.

Щелкнув шестеренками и выпустив клуб пара, тонкая бронзовая рука с лезвием на конце пробила актеру горло. Легко и изящно, почти как на сцене.

«Занавес», — подумал Велларион де Пуатье Ля Тирро.

Последний выстрел

«Талант не пропьешь, — размышлял Мейрик Санти. — Не проешь и в кости не проиграешь. Талант, если он есть, конечно, нужно растить, развивать, пестовать. Ну а если нет, то и говорить не о чем».

У Мейрика был талант. За это его и заметил еще зеленым новобранцем комиссар, инспектировавший роту. Мейрик умел стрелять. Умел заряжать винтовку, сыпать порох на полку, прицеливаться, давая поправку на ветер, на скорость жертвы, на расстояние, на солнце и на тысячу других мелочей, отворачивать лицо от порохового дыма и стрелять по наитию, «чутью снайпера», как говорил его первый учитель — сержант Серых Егерей, куда отправил его комиссар. Он умел стрелять и попадать.

Больше ничего не умел так — фехтовал плохо, следы читал не очень, пешие переходы не любил — ноги короткие, и артрит рано начался. Такова уж солдатская доля — тяжелая. Но талант надо растить. Из егерей взяли в Канцелярию.

Он тут прижился. Бегать и фехтовать много не надо было. А стрелять и попадать приходилось часто, и он это хорошо умел. Выбить пиратского капитана — не проблема. Грохнуть зазнавшегося наемника с городской стены — какие вопросы, начальник.

Жирный купец, наглая магичка, продажный священник, цветочница-шпионка. Всем по

пуле найдется. Мейрик умел стрелять. А его научили еще и ждать. Подолгу лежать в засаде. Не шевелиться. Не петь, не свистеть, даже не пукать. Но ничего — он научился. Талант надо развивать.

Особо тяжело на том острове было. Когда Тирро ходил пиратам зубы заговаривать. Только они эту штуку вынесли — их настоящий главарь появился.

Вот тогда старина Санти как возьмет винтовку, хорошую, хитрую — штуцер. Как упрет ее в плечо — и шарах огненной пулей им прямо по бочкам с порохом. Ублюдкам сразу не до актера и Эмбера стало. Но до этого долго сидеть пришлось — два дня под себя гадил, никуда не шелохнулся.

Сейчас проще, всего-то час ждет. А вот и цель — большой, сутулый, в плаще. Мейрик его ждал. Мейрик знал, что если он не убьет уродца — уродец убьет его. Но Мейрик умнее. Он стреляет метко. Приклад у штуцера хороший — удобный, курок тугой, идет тяжело, ударник в виде орлиной башки — красивый, пуля особая — заговоренная, еще чуть-чуть и опять снайпер свободен — никто его дома, как актера, не зарежет.

Залп. Белый дым развеивается. Медленно затихает эхо под сводом колокольни. Мейрик Санти не успел подумать перед смертью. Коническая, острая пуля из паровой гартарудской винтовки снесла ему половину черепа, расплющившись о кость.

Внизу сутулый толстый крысолюд в черном плаще начал мочиться на стену таверны «Зеленые черти».

Последняя находка

— Неужели нельзя как-то по-другому? Я могу уехать. Могу работать на вас. Могу, наконец, магически стереть себе память, — Орландо де Столю было страшно.

— Нет. К тому же, ты все еще молчишь о месте нахождения артефакта. К тому же, — когтистый палец существа, сидевшего в глубоком кресле на самой границе света тусклой свечи, указал на груду фолиантов и несколько свежих витиевато исчерченных листков, над которыми свеча и стояла. На дворе была темная ночь конца рагиталина.

— Я не знаю его, нас вели куда-то, судя по всему, в катакомбы под городом, довольно глубоко, но большую часть пути я шел с повязкой. Видимо, де Маранзи предполагал, что кто-то вроде вас захочет узнать место, — последовал судорожный вздох, он был нужен для того чтобы собраться с мыслями и подобрать слова. — Вы не совсем правы — у меня есть догадки, предположения, домыслы, даже пара гипотез, но все они...

— Слишком фантастичны, чтобы быть правдой, — на широких, тонких губах расплзлась недобрая улыбка. — Это проблема многих людей, иногда вам становится страшно допустить сам факт существования некоторых вещей. Допустить мысль, что вы не вершина эволюции, допустить мысль, что вас еще можно совершенствовать и доводить до ума, допустить, что ваши боги — плод коллективной галлюцинации, а понятия справедливости, чести, совести — лишь ширма, или, скорее, щит из картона, которым вы пытаетесь отгородиться от своей скотской, всепожирающей природы.

— Эх, — Орландо удрученно покачал головой, — я не философ и не авантюрист, — в его голосе появились истерические нотки, — ч говорил ему! Этому злобному борову в белых одеждах! Я ученый, человек науки, логик, светило разума! Меня нельзя было тащить к варварам и заставлять копаться в механизмах, созданных не разумом, но дьявольским поущением.

— Твоим разумом, — гартаруд рассмеялся, — можно осветить разве что дорожку до

сортира ночной порой, и то вряд ли, и ты еще смеешь называть себя ученым. А в мыслях сейчас призываешь богов, причем всех подряд — Единого, Темного, Вандора, думаю, даже Хас и Чирвитанчиукка Глодателя Черепов. Твой якобы блестящий разум пасует перед простой и чистой как горный ручей мыслью — сейчас ты умрешь, а твой череп послужит планам много более разумного, чем ты, существа. Ты не можешь с этим смириться, хотя рациональнее всего было бы принять свою участь. Если бы ты мог оценить все перспективы, то давно понял бы, что умолять бесполезно — ты знаешь и умеешь слишком много. Особенно для человека. Жаль, что эти навыки достались трусу.

— Нет, прошу, нет! Я столько не успел! Я не хочу умирать! Не могу умереть! — он бросился к креслу за гранью края света и обнял развернутые обратно колени существа, рыдая и причитая.

— Умереть могут все, — резкий смешок.

Одна мощная верхняя рука и более слабая нижняя с хрустом свернули тощую шею ученого. Вторая верхняя протянулась через стол и уронила свечу на свежие бумаги. Последняя уже доставала крупный нож — отрезать голову. Пока все вокруг не загорелось.

Последняя партия

Толпа с удивлением наблюдала за самой сложной партией в короли, когда-либо проводимой в стенах «Гранатовой леди» — игорного заведения средней руки.

За столом сидело всего двое, но это делало игру максимально многовариантной и максимально сложной — почти шахматы, но с картами. Первый — крупный, сутулый, с хриплым басовитым голосом, в наброшенном на тело плотном плаще с тяжелым капюшоном. Второй — улыбчивый, с круглым усатым личиком, на котором выделяются живые темные глаза, невысокий и крепко сбитый. В белой рубашке, жилетке, бриджах, чулках и туфлях с кокетливыми пряжками в виде обнаженных дев.

На столе между ними пистоль. Шелест карт и напряжение заставляют молчать даже говорливую публику игорного дома.

— Черт, ты сложный противник, даже с Манфредом Кровопускателем, пиратским бароном, было не так сложно, — говорит веселым, но сдавленным голосом второй из двух — шулер Гастон Рани.

— Манфред был опытен в бою, а не в игре, у него не было шансов. Нет их и у тебя. В этом есть определенный юмор вселенной, — хриплый голос насмешлив и свободен.

— Да, он был такой, пока старина Санти его не поджарил. Ах, черт! Это ты хитро.

— Следи за своими дамами, может, и выпадет шанс отбиться. Старина Санти был неплох, почти достал меня, — карты ложились на стол, выстраивая причудливые комбинации, непонятные как для непосвященного глаза, так в данном случае и для опытных игроков.

— Был? — дрожащая рука выложила на стол еще одну даму, в рукаве было почти не разглядеть парочки дополнительных.

— Именно, — на стол лег король — слабая, но влиятельная карта. — И остальные тоже. Шулер опечалился, усики на круглом лице поникли.

— Ты последний, — партия неудержимо стремилась к завершению.

— Жаль. Эх. Старина Гийом мне недостаточно платит. Что ты скажешь, если я сейчас уйду, и ты никогда меня больше не увидишь? — улыбка вышла вымученной.

Молчание. Шелест карт.

— Ты проиграл, — голос-приговор.

— Черт, но как? Расскажи напоследок. А я расскажу, что знаю, — из дрожащей руки высыпались ненужные более дамы.

— Ничего сложного — простая математика, я не только считал карты, но также рассчитывал комбинации и варианты твоих ходов с учетом имеющихся у тебя карт и всех вариантов тех, которые могут прийти. К тому же, карты у тебя крапленые. Половину я запомнил. Выщербины, потертости, облупившаяся краска — слишком заметно. Впрочем, ты в любом случае был обречен, — от нечего делать гартаруд начал тасовать карты.

— Эх, дело всей жизни, а обыгрывает какой-то рогатый хрен, — тяжело вздохнул Гастон. — Ладно, я знаю, что это под правительственным кварталом.

Рука шулера нащупала рукоять пистолета, гладкую и твердую. Когда дуло легло на висок, дрожь неожиданно прекратилась. «А это не так уж и сложно. Карточный долг — святое дело, он просто мухлевал лучше, — подумал он и напоследок, за миг до того, как его мозги забрызгали окружающих. — Эх мама, мама, вырастила меня олухом».

Часть 3. Глава 10. Эмоциональное задание с дурным запашком

— Твою мать, Вангли! — кричал дейцмастер, шумного грохая кулаком по столу, не заметив даже, как перевернулась чернильница, заливая стол густой черной жижей. — Эмберлин Пайо — он пришел к нам еще мальчишкой, его обучили, тренировали, он был одним из лучших. Мейрик Санти — снайпер от бога, у него молодая жена на сносях, мать собирался в город перевезти. Велларион де Пуатье, он такой же «де», как я — морковка, но все же он был почти гением, великолепный актерский талант, сколько дур теперь покончат с собой из-за него?! Орландо де Столь — он знал все обо всем, он работал почти на добровольных началах, мечтал внести вклад в науку! Аскет, фанатик от науки, таких мало, слишком! Гастон Рани — ну он был готов, мот, бабник, шулер, пьянь, но какой лицедей, какой мастер своего дела, сокровище при умелом управлении! Кто теперь будет кормить его отца-ветерана? Знаешь, что между ними общего?

«Ты всех их подвел, они не первые и не последние», — подумал Фредерик Вангли, наблюдая в окно тучи мягкого месяца вандратакаса, сменившего урожайный рагиталин. Вслух же он сказал.

— Догадываюсь, шеф.

«Чтоб ты слюной подавился».

— Они все мертвы! — взревел не особо обращавший внимание на реплики своего собеседника Гийом де Маранзи. — Какая-то гнида ходит по городу и убивает моих людей! Одного за другим, и что самое паскудное, — выставив руку в розовой перчатке вперед, запрещая сейцверу говорить, начальник Тайной Канцелярии передохнул, успокаивая дыхание и пережидая приступ головокружения, — кто-то, похоже, знает, что они работали над одним нашим ВАЖНЫМ проектом! Иначе это было бы абсурдным совпадением, а я такое я не верю...

— И что за проект? — невинно поинтересовался Стервец.

— Этого тебе знать не обязательно, вдруг тоже прикончат, — Гийом взял себя в руки.

— Ну, как угодно, так при чем тут я-то?

«Хотя уже знаю, ты, конечно, хочешь, чтобы кто-то разгреб для тебя дерьмо руками, ну ты ж начальник — только попроси».

— Найди эту суку! — вновь выходя из себя, взревел де Маранзи.

«Ну, по крайней мере, он ненадолго забыл о дочери».

— Найди и приведи ко мне, — глаза дейцмастера сузились. — Я буду его медленно, очень медленно потрошить... и спрашивать — ЧЕМ ЕМУ НЕ УГОДИЛИ МОИ ЛЮДИ?!

— Думаю, причина была, — флегматично протянул сейцвер и прихлопнул толстого москита, присевшего было ему на плечо, к концу года этих тварей становилось все больше.

— Так найди ее, — начальник Тайной Канцелярии Ахайоса устало опустил в свое резное кресло красного дерева, плюхнувшись толстым задом на кремовый плюш, — и как можно скорее, — он швырнул Вангли толстую папку из желтой кожи: — Подробности. Денег не жалей, сходи к интенданту, возьми тысяч десять на первое время.

— Есть, патрон! — бывший пират поднялся, щелкнул каблуками начищенных, как всегда, сапог, прихватил папку и вышел, тряхнув полами форменного сюртука.

***

— Ой, мамочки мои, это ж на что тебе такие деньжища?! Признавайся, гнусный разбойник — ты вытянул эту расписку у толстячка Гийома под дулом пистолета, угрожая ему жизнью его семьи и дальних родственников? — интендант, как и всегда, был саркастичен и зловреден.

— Интересно, — задумчиво проговорил Фредерик, — ты и правда считаешь, что эта конторка и выдуманные погоны защитят тебя от превратностей этого мира?

— Нет, я-таки думаю, что от превратностей этого мира меня защитит тот факт, что если я скопычусь, мои должники тут же станут должниками разных банд Ахайоса, а потому меня холят и лелеют, — ригельвандец сладко потянулся. — Ну и дробовичок под стойкой тоже помогает. Вообще, ты смельчак Вангли.

— Да ну? — вздернул бровь бывший пират.

— Из всех высерков, работающих на Гийома, ты единственный смеешь мне хамить! Ну, правда, при этом ты единственный, кто никогда не брал у меня денег в долг и всегда возвращал сдачу после операций, — интендант сурово сощурился. — Знаешь, о чем это говорит?

— Да мне, честно говоря, насрать, — зевнул Стервец. — Гони бабки.

— Это говорит о том, что ты берешь деньги где-то еще, — на стол лег тяжелый сундучок, где сладко звенело золото, — и это подозрительно.

— Просто в свободное время я продолжаю грабить корабли и пощипывать торговцев, — осклабился Вангли, — но уставом это не запрещено.

— А как же милосердие? — в притворном ужасе вскричал ригельвандец.

— Ну, некоторых я оставляю в живых, — Вангли чуть помолчал, придирчиво осматривая собеседника, — тебя бы, например, оставил, только нос бы отрезал на память, уж больно выдающийся.

— Оставь мой шнобель в покое, он явно свидетельствует дамам о том, что у меня в штанах в два раза больше, а вот тебе, — осмотрел он существенно меньших размеров нос Фредерика, — гордиться нечем, прячешь там небось фитюльку только на пописать.

— Да, кстати, — от последней колкости сейцвер просто отмахнулся, она была слабовата, — чем таким занимались в последнее время Эмберлин Пайо, Мейрик Санти, Велларион де Пуатье Ля Тирро, Орландо де Столь и Гастон Рани, вместе? Старина Гийом послал меня к тебе за разъяснениями.

— Дорогой мой сейцвер, — интендант заговорил очень серьезно, — если бы дейцмастер послал вас ко мне с уточнениями об этих пятерых, то за два дня до этого он прислал бы письменное распоряжение в трех экземплярах, позволяющее мне хотя бы упоминать эти имена. Вали отсюда, Вангли, и не отсвечивай.

«Черт, не вышло, что-то вы тут крупное, ребята, втихаря мутите», — не слишком раздосадованный, но озадаченный Фредерик зажал подмышкой десятикиллограммовый сундук и отправился восвояси. На ходу размышляя о том, с чего начать расследование.

Мысли о мертвых

Поскольку особо мудрых мыслей не нашлось, Вангли решил начать с простого. Он сидел в своей комнате и разбирал досье на каждого из погибших. Кровать, на которой он сидел, была мягкая, пиво крепкое, а еще пара дыр от выстрелов, проделанных в стенах, привели соседей к мысли о том, что покой сейцвера, когда он дома, а происходило это редко, лучше не нарушать. Правда, с того первого случая со стрельбой соседи у него сменились. Стервец был забавно удивлен, когда, ворвавшись в комнату излишне громко

занимавшихся сексом соседей, он обнаружил лучшую сыщицу Гийома — Миранду де Боготье, скачущую верхом на каком-то морском пехотинце из тех счастливиц, что сохранили уши и носы.

Последовавшая перестрелка привела к возникновению взаимного уважения между фигурантами, и с тех пор Вангли более не стрелял в стены, а его соседка вела себя достаточно тихо. Вооруженный нейтралитет, так сказать.

«Эмберлин Пайо, этого я знаю — невысокий, подтянутый, одевался в черный плащ с рукавами и большим количеством карманов. Еще треуголка у него была забавная, да на убийцу не очень был похож — лицо открытое, честное, юморной даже, но, наверное, так и должно быть, помню, спросил у него:

— Эмбер, а чем ты вообще у нас в конторе занимаешься — никогда о твоих делах не слышал?

— Тем же, чем и все, — он улыбнулся, пара зубов прям как у меня — золотые, — улаживаю проблемы, просто потише, чем ты, Вангли.

Оказывается, он убийца — впечатляющий послужной список — заместители глав банд, купцы, наемники, двойные агенты, какая-то девочка семи лет, несколько адептов Тысячеименного, пираты, хм, наши чиновники, любовница губернатора — забавно. Всего сто двадцать три человека. Нехило.

Настоящий мастер, убивал всем — ножи, клинки, пистолы, бомбы, яд, голыми руками. И наверняка был неплохо защищен магически — как минимум, амулет, отводящий пули, какая-нибудь защита от магии и проклятий. Еще он сидел на эликсирах — был быстрее и сильнее не только человека, но, скорее всего, и гетербага. По крайней мере, быстрее точно. Его обучал маэстро де Льери — лучший инструктор Канцелярии на Экваториальном Архипелаге.

Крутой перец, чтобы его уделать, нужен был еще более крутой перец. Печально».

Вангли пригубил пива и прошелся по комнате, хрустя суставами. Осмотрелся. Закрыв и завесил окно. Приступил к делу Мейрика Санти.

«Снайпер — занятно. Оказывается, Канцелярия ворует лавры у военной разведки. Участвовал в скрытных операциях на территории противника, убивал офицеров, обеспечивал прикрытие переговоров, отлично справлялся с задачами поиска и устранения снайперов противника. Невысокого ума, однако в этом деле главное не ум. Исполнительный, почти бесстрашный, опытный и мастер маскировки к тому же.

Все указывает на то, что его грохнули прямо на очередном задании, за одним исключением — у него не было никаких заданий. Похоже, он занимался самодеятельностью. С учетом его верности — что-то должно было крепко пойти не так. Он, наверное, был в панике, если решил действовать без приказа.

Кто-то выследил и грохнул на задании, пусть и самозваном, снайпера и специалиста по маскировке, в городе привыкшего держать в поле обзора каждую крышу. А перед этим, возможно, та же персона довела несчастного до паники и полного неадеквата. Иначе он даже казарму бы не покинул.

Эта мразь не наугад действовала. Он, ну или она, планировал, выслеживал, изучал свои жертвы. То есть, в Ахайосе, под носом у вездесущего Гийома, сидит какой-то сукин сын, убивающий его агентов. И при этом уже некоторое, существенное уже, время незаметный для Канцелярии. Все это воняет сильнее трехдневной дохлой свиньи под тропическим солнцем».

Фредерик хлебнул пива, но оно показалось уже не столь вкусным, как раньше. Он вышел, дошел до кухни, взял там вина и бифштексов с кровью, краюху хлеба и сыр. Вернулся назад. На очереди было досье Веллариона де Пуатье Ля Тирро.

«Актёр и талантливый имперсонатор, мастер игры на сцене и существенно в большей степени — мастер игры за сценой. Никакой он не аристократ, но в свое время это не помешало ему работать шпионом на нескольких губернаторов, притворяясь то оборванным слугой, то блистательным графом издалека, то неизвестным родственником своего нанимателя. Он подслушивал, вынюхивал, разоблачал и добывал компромат. Он был так искусен, что даже порой мог работать на нескольких нанимателей сразу. При этом умудрялся еще и играть в театрах, не будучи узнанным. До тех пор, пока наш толстячок не взял его за тестикулы.

Да, парень прокололся вполне достойно — шпионил для вице-короля области Ильс де Парфю против Канцелярии, которая, как известно, действует в интересах короны, а не ее скотов-наместников. Гийом его поймал. Оценил и перевез в Ахайос. Ну, сколь веревочке не виться...

Внештатный сотрудник. Ценный и хорошо защищенный. К нему была приставлена охрана. На заданиях — редких, но важных, у него всегда была проработанная легенда. Он великолепно скрывал свою внешность и еще более тщательно защищал свое истинное имя, фактически не оставляя зацепок для тех, кто хотел бы с ним расквитаться. В общем-то, на Канцелярию работал один человек, а в Ахайосе жил совершенно другой. И связи между ними, не обладая ресурсами и связями в Канцелярии, выделить не представлялось возможным.

Но его убили, грохнули в собственном театре, а театр сожгли. Предатель в ведомстве Гийома. Может быть. Но не столь близко к таким секретам. О личности актера можно было выведать и мистическими путями — магия информации, мощное гадание, призыв демона или духа... Голова пухнет. Это все хрень — нужно знать, что искать. Похоже, прокололся сам Гийом, где-то и что-то пошло очень не так. Но ведь этот боров не говорит мне, чем они, черт побери, занимались вместе! Все. Перерыв».

Фредерик немного прогулялся. Сходил в кондитерскую, купил клубничных пирожных, откусив одно, понял, что сладкое ему не по нутру, и бросил кулек в миску для подающих нищей девочки.

— Спасибо, месье! — угрюмое детское личико озарила улыбка, когда она увидела, что внутри.

— Смотри, не попорть зубки, — ответил сейцвер и направился обратно домой, работа не сдвигалась с мертвой точки.

Еще один внештатный агент, Орландо де Столь. Досье было пухлое, но сути в нем было не так уж много.

«Ученый — естествознание, механика, химия, история. Хм, знаток артифисинга, по большей части в теории, а также древних и малоизученных артефактов. Активно изучал достижения в области науки, техники и мистики других рас. Дракийцы, гартаруды, симираллы. Даже кешкашивары, у них что, есть особые достижения помимо страшных рож и ореола долбаной таинственности? Обширные исследования. Еще чтоб я понимал в этой хренотени.

Ладно. Университет Люзеции. Обучался в Астуритоне. Жил в Сетрафии. Даже пустили? Странно. Посещал открытые дракийские учебные заведения. Такие есть? Мир — забавная

штука.

Умный хрен. Лет всего ничего, а выучил больше, чем я за две-три жизни сумею. Самородок. И что он делал в компании убийц и шпионов? Гийом, твои недоговорки превысили пределы разумного. Даже неразумного, пожалуй.

Парня охраняли, как короля. Двадцать человек простой охраны. Колдун. Боевые маги. Он и правда такой нужный? Притом из охраны никто не пострадал. Даже никто не чухнулся. А ведь охраняли его с расчетом на специалистов из Банд Призраков и Темных. Уроды почесались только когда дом загорелся. Пара сонных чмошников даже сгорела.

И опять же, парня надо было еще найти, узнать про него, выяснить, кто он такой... Это просто какой-то гениальный сукин сын. Ну, или, скорее всего, он не один — их много. МНОГО?! МНОГО СУКИНЫХ ДЕТЕЙ ПОД НОСОМ У ГИЙОМА?! Нам с ним, походу, п в отставку..."

Вангли прошелся по комнате, потом еще раз и еще. Это дело нравилось ему все меньше и меньше. И равно тому, как он любил внушать страх, так же он ненавидел его испытывать. Мрачные мысли наполняли голову бывшего пирата. Эти пятеро знали нечто. Нечто, убившее их. Знали и делали. И теперь он так же приближался к знанию. Последним было досье Гастона Рани.

«Я прям чувствую, как на спине растет мишень. Жирная, красная, мерзенькая такая мишень.

Старину Гастона я знал. Он был шулер от бога, интересно, есть ли лик Единого для шулеров, ну, кроме Бога-Отверженных. И познакомился я с ним еще когда ходил с Милашкой Пиа.

Как сейчас помню пьяную беседу в трактире:

— Нет, — говорил он мне, — морское ремесло не для меня — пробовал. Бьют, к тому же на корабле запрещают азартные игры, уже два капитана меня ссаживали, а один — проигравшись в пух, хотел в масле сварить. Я уж лучше на берегу.

— На берегу шулеров не только бьют и ссаживают, но еще и сажают. Да и сварить могут, — я тогда пил золотой ром — хреновый, но сладкий.

— Это глупых, — парень всегда умел хитро щуриться, так, что ему хотелось сразу в челюсть съездить, — а я умный.

— И чем ты умнее Черного Фреда, например? — и еще ром был крепким, иначе я не помянул бы висельника, три дня изрыгавшего проклятья из петли, пока его не спалили священники.

— Мне сделали выгодное предложение, — он улыбался во весь рот, сильно беззубый, — работа надежная, с крышей, тихая и комфортная. Буду любимым делом в тепле заниматься. А ты давай себе — иди в море, мочи жопу.

— И что ж за работа такая? — помню, я даже позавидовал ему.

— На Тайную Канцелярию, — тихо сказал он, а в зале даже потемнело, я тогда и не знал, что может быть гаже.

— Ну, успехов тебе, — допил и ушел я.

Гастон думал — эта работа продлит ему жизнь, думал, меня так точно переживет. А не вышло. Он сильно охренел, когда узнал, что мы теперь коллеги. Еще спросил тогда:

— А я слышал, тебя прикончили пару лет назад.

— Живее всех живых, когти короткие, — это было еще в самом начале года, я только пришел.

А вот теперь он ушел. Я так понимаю, он узнал об охоте. Все время терся там, гделюдно. Играл в местах с хорошей охраной. Начал бояться, правда, и своих, и чужих, потому охрану у толстячка не просил, видать, думал, что Гийом на него ополчился. И немудрено. Кстати, это мысль — может он сам их прикончил, а расследование для отвода глаз? Херовая мысль — тогда я следующий.

А ведь старина Гастон — это след, его убийца пришел к нему в игорный дом, предложил сыграть, не на жизнь, а на смерть сыграть. Видевшие говорят, сказал ему тогда: «Я тебя все равно прикончу, но так у нас равные шансы умереть — вот пистолет, вот колода, победишь и свободен».

И сыграл — ползала мозгами забрызгал. Это ведь два дня назад было. Тело все еще на леднике — след. С него и начну».

Понадобится помощь. Фредерик оделся. Пристегнул к поясу саблю. Заткнул за пояс пару четырехстволок, распихал по карманам гранаты, свитки с заклинаниями, эликсиры и амулеты — пять тысяч из денег Канцелярии были потрачены не зря. А вторые пять он уже знал, куда вложить. Нацепил и поправил треуголку. Вышел. Запер комнату. И постучался в соседнюю дверь.

Леди детектив. Умна и прелестна

Дверь открыла симпатичная девушка, чуть полноватая, зато с добрым, круглым, очень гладким лицом, на котором выделялись хитрые глаза и характерный для шваркарасской аристократии длинный, довольно приятного вида нос. Одета она была в белый с серебряной вышивкой жилет, узкие штаны, неподвернутые ботфорты с бронзовыми набойками и белую шелковую рубашку. В кармашке на поясе жилета хранились часы, как знал Вангли, на самом деле это было колдовское устройство, позволявшее хозяйке чувствовать поверхностную ложь.

— Добрый день, сударыня, не соблаговолите ли вы любезно уделить мне несколько минут своего времени? — он думал, такое обращение ей польстит.

— Фред, не выкобенивайся, — Миранда де Боготье звонко рассмеялась и отошла в сторону, чтобы пустить собеседника в комнату. — Я, может, и сударыня, да вот ты не кавалер, чтоб так убиваться, разговаривай проще, забудь о том, что нас разделяет непреодолимая стена сословной розни.

— Благодарю, привет, у меня к тебе дело.

«Колкая, стерва, но умная. Ничего, сословную рознь я переживу».

— Да я слышала, как ты ходил там, как лев в клетке — видел львов? — она по-прежнему улыбалась, губы у нее были пухлые и ярко-алые, выглядело приятно.

— Только не в клетках, может, даже убил парочку, — он тоже улыбнулся, но его улыбка с учетом печального состояния его челюсти вышла не столь впечатляющей.

— Эх ты, красивые звери, — ее взгляд затуманился от воспоминаний. — Я впервые увидела львов в зоопарке Люзеции, на праздник Короля, совсем маленькая была. Ладно, у тебя, судя по всему, дело серьезное — рассказывай.

И он вкратце пересказал ей содержание досье и подробности трагических смертей агентов Канцелярии. Миранда начала задавать вопросы:

— Как-то маловато фактов, не коси под Гийома, рассказывай все, он нам обоим голову и так оторвет за уже сказанное, — сыщица налила себе и Вангли игристого вина в высокие бокалы, с некоторой завистью Стервец отметил, что ее комната больше его. К тому же,

обставлена отличной мебелью — кроватью под балдахином, дорогими стульями с кремовой обивкой из плюша, аккуратным туалетным столиком из наборного дерева и даже небольшим баром с заряжаемым магическим охлаждением напитков. Видимо, сословная разница находила выражение и в зарплате, и это после всего, что он сделал.

— Не смотри так, — она вновь улыбнулась, — это не на деньги Канцелярии, кое-что — подарки от поклонников и благодарный жителей. Кое-что — на деньги от моей ренты, я же «де»! Владею землями, крестьянами, предприятиями...

— Да я и не имел в виду ничего такого.

«Проницательна как дьявол, понятно, зачем Гийом ее нанял».

— Ну да, и потому у тебя было такое лицо, как будто я мочусь тебе в херес каждый день.

«Все же эта надменная улыбочка ей очень идет», — думал Вангли.

Он рассказал ей о деле — подробно, не скрывая никаких деталей, даже показал выдержки из отчетов и досье. Поведал о смертях убийцы, стрелка, шулера, актера и ученого все, что знал сам.

Некоторое время после того как сейцвер закончил, Миранда сидела молча, перекатывая меж ладоней круглый бокал с граненой поверхностью. Потом она снова лучезарно улыбнулась и сказала:

— Да ты прав — полная жопа!

«Откровенно, блин, — подумал Вангли. — А теперь скажи, чего мне с этим делать».

— Благородным аристократам не пристало так выражаться, — заметил он, по возможности ехидно.

— Одно из преимуществ аристократии, — Миранда хитро прищурилась, — состоит в возможности полного пренебрежения мнением простолюдинов.

— И ты, похоже, им пользуешься, — бывший пират был раздосадован.

— Нет. Если перестанешь меня подкалывать, я тоже перестану. Просто люблю словесные перепалки, — говорила сыщица искренне, потому Вангли снова перешел к делу.

— Так все же мнения есть?

— Я бы сказала, их слишком много, но ни одно из них не будет позитивным, — она начала загибать пальцы на небольшой пухлой ручке. — Силенцийский ассасин, или, скорее, группа — у них хватило бы наглости и проворства повернуть это дело. Но мы бы он них знали, ассасины — люди почти публичные, своеобразная черная аристократия республики Ригельвандо. Может, мы и не смогли бы их поймать, но знали бы наверняка.

— Да, и у ригельвандцев есть на нас некоторый зуб, — Фредерик вспомнил молодого капитана-шпиона и его Аделаиду. К горлу подкатил ком, ладони сжались.

— Могли бы действовать банды. Темные, например, но убийства слишком разные — банды ощущают себя достаточно защищенными и, как правило, придерживаются собственного стиля. Опять же, не так много оснований.

— Да, у Темных есть повод.

«Хотя этот парень сам обратился в хаотика, я ему не помогал, тень хваленая». Заодно Фредерик вспомнил об Оксане Череп — он дважды пытался извиняться, и оба раза леди-капитан не нашла для него ни времени, ни внимания.

— Обученный демонолог из Королевства Нефритовой маски. Одноразовый убийца, договорившийся каким-нибудь демоном, сильный, быстрый, хорошо осведомленный, скоротечный — ад нечасто любит ждать.

— И у Королевства, — Стервец ослабил, — тоже есть с нами, э-э-э, некоторая

напряженность, — о встрече с агентом Королевства он вспоминал с гордостью, тогда и его работа, и сам Гийом казалась Вангли чем-то приемлемым, почти героическим.

— Напряженность, напряженность. Это может быть хоть мифический Международный Альянс, нужен мотив. Просто так, из неприязни, не режут конкретных полевых агентов, к тому же участвовавших в совместной операции. Нам нужны не наметки, нам нужен четкий мотив, а он неясен, — она задумчиво прикусила нижнюю губу. — Но у тебя же остался шулер, с него и надо начать. У меня есть один знакомый, думаю, он сможет нам помочь опросить мертвеца.

— Я был бы тебе чрезвычайно признателен, — Вангли широко улыбнулся.

— Ну уж конечно, — тут рот сыщицы удивленно распахнулся, а щеки залила краска. — Ах ты гад!

— Леди не пристало так ругаться, — сейцверу стоило многих усилий не покатиться со смеху, такой у нее был потешный вид.

— Ты с самого начала это все придумал, заинтриговал меня, сволочь, втянул в это все, а на самом деле тебе просто нужен был мой некромант! — ее щеки пылали, и, вымещая ярость, она довольно сильно стукнула бывшего пирата в плечо.

— Нет. На самом деле мне и правда были интересны твои мысли на сей счет, — он примирительно выставил руки, предупреждая следующий удар. — Но и некромант не помешал бы.

— Сволочь, сразу видно, кто тебя учил, — она насупилась, потом рассмеялась над собственным поведением. — Ладно, сама попалась, — надев красный камзол и белый кафтан со стоячим воротником и двумя рядами пуговиц с каждой стороны, Миранда окончила: — Ну, идем или так и продолжишь греть задницей мои подушки и пить мое вино? Манипулятор!

Часть 3. Глава 11. Прощай, дейцмастер, или слишком реальная маска

Толстяк Гийом не был больше страшным, зловещим, даже серьезным не был. Он пытался зубами открыть флакончик с зельем-регенератором, а по толстым щекам его катились крупные слезы. Из обрубка хлестала кровь. «Как из свиньи на бойне». Он должен быть уже почти мертв, но магические зелья и амулеты, которых не пожелал на себя дейцмастер, все еще продлевали его жизнь, уходящую через смертельную, слишком тяжелую для упреждающей магии и колдовства рану.

— Ааа, Фред, — де Маранзи через силу улыбнулся, откуда-то издалека доносились звуки боя. — Помоги мне — никак не могу открыть, — дрожащая левая рука протянула сейцверу флакончик.

— Он тебе не поможет, — покачал головой бывший пират, — ты умрешь раньше, чем он подействует. Надо бы руку перетянуть.

— Да, ты прав, — согласился большой и страшный начальник Тайной Канцелярии, сдерживая слезы. — Поможешь?

— Ни к чему, — очень медленно произнес Вангли, — тебе это ни к чему.

— Да, — согласился толстяк, — и все же это приятно. Быть убитым кем-то из Альянса, а перед этим раненым какой-то неведомой тварью. Красивая смерть.

— Каким еще Альянсом? — опешил Стервец.

— Смешная шутка, — Гийом посерьезнел, слезы высохли. — Ну же, я сейчас умру, спасение из ниоткуда не придет, да и я не герой сказаний, скорее уж злодей, мог бы и поделиться с толстячком напоследок своим торжеством.

— Я не понимаю, о чем ты, — раздельно, очень зло, проговорил бывший пират.

— Да брось, — слова давались дейцмастеру все с большим трудом. — Кто же ты тогда, если не агент Международного Альянса?

— Я Фредерик Вангли Стервец! — заорал в ярости сейцвер. — Бывший пират и твой прихлебатель! Шавка, выполнявшая твои поручения, приносившая тебе как палочку людские души, плясавшая под твою черную дудку, кусавшая за пятки твоих врагов и лизавшая для тебя руки другим, чтобы ты потом мог незаметно воткнуть им в спину нож. Вот кто я.

— Как все запущено, — грустно проговорил де Маранзи, — Фредерик Вангли, по прозвищу Стервец умер пять лет назад. Он был мелким внештатным агентом, переметнулся к алмарцам, попал в наши застенки, я тогда еще не был дейцмастером и не я его сажал. Но вспомнил о нем довольно давно — когда ты обхаживал Оксану Череп, и совершенно случайно — парень так орал в застенках, что я как-то спросил даже у палачей, кто это там, думал певец или актер. И мне ответили — Вангли.

— Что ты несешь?! — Фредерик медленно терял почву под ногами. — Это был другой Стервец.

— Да, — покачал головой дейцмастер, — но у тебя его внешность. Его голос. Думаю, даже шрамы сходятся. А он умер. А ты — Реймунд Стург, агент Альянса. Меня предупреждали о тебе, но тогда, при нашей первой встрече, я не смог тебя взять. Твоя подруга оказалась не до конца права, ты снова пришел сам, не посылал никого взамен, неужто я так важен?

— Но если я этот Стург, — подземная твердь качалась под ногами бывшего пирата как

палуба корабля в шторм, — почему ты доверял мне, почему давал такие важные задания, почему не убил? — последнее было почти воплем.

— У тебя все так хорошо получалось, ты немало пользы принес короне: убийства, расследования, блестящие операции. Очень неплохо, — толстяк слабо улыбался, кровь сочилась из его руки. Так, что ему пришлось зажимать правую левой, прикладывая к ране полу белого жюстокора. — Ты знаешь, кто тебя нанял?

— Я даже не знаю, кто я, — устало проговорил бывший сейцвер,

— Я тоже не знаю. Но это кто-то богатый. Могущественный. Кто-то, для кого моя смерть — лишь винтик в механизме какого-то большого плана. Нет никого, кто ненавидел бы меня столь сильно лично, чтобы нанимать агента Альянса, — де Маранзи продолжал ухмыляться.

— А если это не так? Если я просто пират, который пришел к тебе работать, и увидевший всю вашу гнусную подноготную? Все эти заговоры, всю эту грязь. Все загубленные жизни, ставшие винтиками в ТВОЕМ огромном механизме? Что если Фредери Вангли выжил тогда? — почти рыча, спросил нынешний никто.

— Это будет значить, что всю свою жизнь я делал все неправильно — надеясь на рассудок, разум, планирование, анализ и взаимосвязь всех элементов во вселенской системе, — улыбка толстых губ была грустной. — Это будет значить, что чудеса бывают.

— И ты не боишься умирать? — только и смог спросить человек с саблей руке.

— Я не говорил тебе? Мне письмо пришло, недели две назад — дочка умерла. Жена меня давно уже не любит, и я не виню ее — сложно любить ублюдка, живущего по другую сторону океана. И к тому же. Если все это чей-то большой план — они прикончат меня так или иначе. Но эта смерть хотя бы принесет мне налет романтизма, — голос звучал совсем тихо, — вот я и смерть свою спланировал, и опять тебя использовал. По полной, — он посмотрел в глаза бывшего Фредерика. Взгляд рассудочный, тусклый, угасающий встретил живой огонь гнева, обиды, непонимания. — Делай, что желаешь.

Сабельное острие прошло через белый, замызганный кровью жюстокор, карман камзола и лежавшую в нем флягу с вином, пробило шелковую рубашку и точно нашло сердце, бившееся все медленнее, рассекло красную плоть, провернулось, задержалось на миг и вышло. Освобожденная сталь рухнула на каменные плиты, а бывший Вангли свалился на плиты, содрогаясь в конвульсиях.

«Интересно — обо мне напишут книгу?» — подумал дейцмастер Тайной Канцелярии Ахайоса Гийом де Маранзи, сын офицера и придворной дамы. Подумал и умер.

Колдовская сексуальность

Ведьма была красива. Ее обнаженная плоть красновато светилась даже во тьме плотно завешенного багровыми шторами помещения спальни. Она была молода — крупная грудь, пухлые чувственные губы, грациозные изгибы созданного для поцелуев, касаний, любви тела. Водопад медно-рыжих волос, сиявших чистотой и силой. Крутой изгиб тонкой талии, ей не было и двадцати, расцвет сил, расцвет страсти. И черные, антрацитовые глаза, наполненные мудростью, старостью, жестокостью и коварством. Ей могло быть и пятьдесят, и сто, и двести лет, она ведьма. И питается чужими душами, чужими надеждами, чужой мечтой. Она ведьма. Ведьма в Квартале Мистиков и продает свое молодое тело и свое древнее искусство тем, у кого есть в кармане казна небольшого города.

Покачивая крутыми бедрами, она медленно, возбуждающе медленно подошла к Алтарю — огромному ложу, затянутому красным шелком с мистическим шитьем. Туда, где лежал он

— так же прекрасный в своей наготе. Прекрасный и грубый — идеальная мускулатура атлета, вернее, полугетербага, точеный профиль с излишне крупными чертами, темные волосы и такая же щетина на щеках с ямочками. Волос не больше, чем надо, жира практически нет, что, впрочем, делало его плотскую привлекательность почти неестественной. Но оно и понятно — эти мускулы предназначались не для любви, а для смерти.

Но сейчас он был готов именно для любви. Ведьма взяла со столика рядом с кроватью флакон, вернее, простую стеклянную колбу, заткнутую пробкой. Схватив пробку крупными клыками, она откупорила ее и жадно припала к краю колбы, вдыхая в себя пустоту, находившуюся внутри. Ее крупные алые соски напряглись, кожа засветилась еще сильнее, на ней проступили горящие оранжевым огнем змеистые татуировки, сплетавшиеся в узор страсти и ярости.

Она накинулась на него как дикий зверь, оседлав напряженное мужское естество. Всезатопляющая страсть обуяла двоих людей, или не совсем людей, которых привел на это ложе лишь долг. Любовь, запретная, плотская, такая, какой живущие предавались с самых начал мироздания, простая как воздух вокруг, горячая как пламя в жаровнях, стоявших по краям пятиугольного помещения спальни. Звериная, со стонами, рычанием, рассекаемой когтями плотью и влажная, как дождь за окном. Пляска внутреннего огня, извечно сжигавшего ведьму изнутри и давно клокочущая в теле ее любовника, на этот краткий миг превратила их в единое существо, живущее одной секундой, утопающее в истоме, пожирающее наслаждение.

Но время — вечный враг удовольствий, — серпом жнеца отсекая мгновения, минуты, часы, привело их к неизбежному финалу. Исторгая в нее горячую влагу, он взревел как зверь. И она, содрогаясь всем телом, запечатала его губы — тонкие и бледные, своими — полными и темными как плоды вишни.

Покинув ее тело с медленно гаснущими татуировками, в него проник последний вздох Фредерика Вангли Стервеца. Человека, способного, в отличие от Реймунда Стурга, пришедшего на это ложе, добраться до Гийома де Маранзи, втереться к нему в доверие, возненавидеть его за то, чем является Гийом, и убить. Тем самым завершив свою семилетнюю месть Тайной Канцелярии.

Он принял последний вздох давно умершего человека, заботливо сохраненный палачом, подрабатывавшим на ведьму. Он принял его мысли и память, его мечты и его характер. Он заменил свою плоть на его плоть, много менее совершенную. Свой высокий рост на его рост. Свои неподобные навыки на его пиратское ремесло. И вложил свою миссию, косу смерти, предназначенную для Гийома де Маранзи, в его руки, не столь умелые, но такие же опытные в этом ремесле.

Он стал другим человеком, преобразившись, но сохранив внутри и толику себя истинного, чтобы направлять, предостерегать и оберегать Фредерика Вангли, ведь если бы он умер в его шкуре — то так бы и остался мертв. И амулет в оплетке из черного серебра не воскресил бы Реймунда Стурга. Ибо теперь он был бывшим пиратом по кличке Стервец, человеком, о котором никто не помнил. И человеком, за последний вздох которого он заплатил почти все деньги, которые у него остались с оплаты за жизнь дейцмастера, работая уже не за деньги, а за честь. Честь лучшего в мире наемного убийцы, у которого неизвестные эту честь пытались отобрать. Фредерик Вангли убьет Гийома де Маранзи, а Реймунд Стург, исполнив заказ, расквитается с обидчиками.

Выходя из спальни ведьмы, Фредерик, само собой, даже не узнал девчонку с радужными волосами, которая нашла для него это место и стойко караулила несколько часов, пока шел ритуал. Девчонку с радужными волосами, которая укрыла для него до срока амулет тигрицы. Он не обратил внимания на злую ревность в ее глазах.

Еще живой враг или беседа о запретных землях

Это было полгода назад, даже чуть больше, когда он прошел ритуал, потерял свою память и приобрел чужую. Фредерик Вангли медленно корчился на полу возле тела умершего начальника Тайной Канцелярии Ахайоса. Его руки и ноги вытягивались, обрастая новыми мускулами и жилами. Грудь становилась шире, а пластины мышц на ней разорвали сюртук сейцвера, раскидав вокруг серебряные пуговицы. Сапоги тоже пришлось скинуть — ноги Реймунда в них не вмещались. Белые перчатки треснули на могучих руках, черные волосы посветлели, но остались темными, вытянулись, достигнув середины спины.

И он восстал от долгого сна. Высокий полугетербаг в разорванной одежде, залитой кровью. Но Стервец все еще вопил внутри него. Вопил о незавершенном деле.

***

— Отпусти ее, — густой бас вызвал эхо под сводами секретной лаборатории — круглого трехъярусного помещения, заставленного столами с алхимическими приборами, кузнечными принадлежностями, механическими устройствами, картами звездного неба, магическими конструкциями и самыми разнообразными элементами доступной человеку технологии.

А в центре, возле трехметрового контейнера, наполненного зеленовато-бурой жидкостью, окованного металлическими пластинами и испещренного рунами на странном языке — технологии, недоступной для человека, — стоял высокий, с обсидиановой кожей гартаруд. Его балахон был изорван и сброшен им за ненадобностью, из многочисленных ран на теле сочилась темная кровь, а доспехи и сложные боевые приспособления, питаемые силой пара, были сильно повреждены. Повсюду — на галереях, у столов и приборов, а особенно вокруг гартаруда валялись тела сотрудников Канцелярии, работавших тут или приведенных Гийомом.

Гартаруды были одной из малых рас, добившиеся успеха при помощи своих врожденных способностей к изобретательству, а также какого-то природного дефекта, благодаря которому их тела не отторгали вживленные в них механизмы и даже живые органы других существ. В Гольвадии гартаруды Гартарудокия создали империю разума и пара. Почти никогда не вмешиваясь в дела других рас, лишь иногда выступали они послами мира и терпимости, предотвращая самые страшные конфликты. А их превосходящие технологии делали их непобедимым противником для любого, кто намеревался бы с ними воевать. Они имели серую кожу, четыре руки, почти человеческое лицо с большими глазами на четверть лица, шесть некрупных рогов на голове и ноги с тремя суставами, последние из которых были развернуты назад, делая гартарудов чем-то похожими на кузнечиков или, например, собак. Другие жили в Хмааларском Султанате и являлись подданными Султана в составе гартарудского ханства. Эти предпочитали технологии магию, были не столь сильны и опасны, как первые, зато злее, и умели создавать лучшие в мире магические артефакты на любой вкус. Они имели темную, шоколадного оттенка кожу и более крупные рога, но были мельче своих братьев из Гольвадии.

Этот отличался от обоих видов — его кожа была обсидианового цвета, рога огромными — в два-три раза больше, чем у братьев. На руках острые когти, а размерами он был с

мелкого гетербага. Его зеленые глаза оказались круглыми очками с кожаным ремнем и светящимися зелеными линзами, так что настоящих не было видно. Но сразу было ясно — это очень злобный сукин сын.

И этот злобный сукин сын держал на вытянутой левой верхней руке, правая была отсечена чьим-то метким ударом и слабо кровоточила, еще живую Миранду, дергавшую ногами, и вцепившуюся в его худую, но мощную, жилистую руку ногтями. Вангли внутри Реймунда вопил: «Спаси ее!!!»

— Отпусти ее, — произнес Реймунд, встав в тридцати шагах от гартаруда, в правой и левой руках у него были сабли Фредерика.

— Эту? — гартаруд почти удивленно спросил хриплым, слабым голосом, глядя на сыщицу, как в первый раз. — Изволь, — мощная длань резко дернулась, послышался хруст, Миранда обмякла, рука разжалась, тело грохнулось на землю.

«Гнида!», — возопил Стервец в голове Реймунда, обращаясь то ли к убийце, то ли к гартаруду.

— Вот теперь ты очень мертвый, — Реймунд никогда не любил бессмысленной жестокости.

— Посмотрим, — сказал трехрукий крепыш и двинулся к Стургу по кругу, переступая через раскромсанные, изломанные тела. Из браслета на его целой руке выдвинулся клинок, трубки, идущие к разным точкам тела от резервуара на спине существа, несли желтую жижу, похоже, заживляющую раны рогатого.

— Как ты думаешь, многие удивятся, узнав, что вы не миф горстки горячечных моряков, чудом вернувшихся с востока, а настоящая угроза? — злым голосом поинтересовался Реймунд, включаясь в танец.

— Ты знаешь, кто я, — он констатировал факт, и в его словах была угроза гибели.

— Есть такое место — Текарод, там такие как ты объединили магию и технологию и вынашивают планы захвата мира, — он кивнул на контейнер. — Это ведь оттуда?

— Ты слишком осведомлен для человека, — зеленые очки на крупном лице сверкнули. — Осведомленность губит.

— Убей меня. И я унесу твою тайну в могилу, — улыбка Реймунда не предвещала такого исхода.

— У меня есть выбор? — гартаруд улыбнулся, показав две ровные костяные пластины с чуть выпирающими частями на месте клыков — эти штуки заменяли им зубы.

В тот же момент у него из-за спины выросло еще две дополнительных конечности, те самые пышущие парами руки, увенчанные бритвенными иглами лезвий, в двух нижних появились ножи. Танец миновал прелюдию и перешел в активную часть.

Столкновение, взмах клинков, отход, несколько быстрых шагов, смена позиции, скрежет стали о сталь. Гартаруд был бы быстрее, но он устал, и раны все еще беспокоили его, впрочем, это не сказывалось на скорости движения его паровых частей, а вот контролировал он их слабо.

Выпад, железная конечность вогнула иглу в плечо Реймунда. Он тут же со скрежетом отсек ее. Вторая промахнулась. Выпад верхней руки противника он отразил второй саблей. Уходя от нижних, увеличил дистанцию.

Все оружие гартаруда было предназначено для быстрого убийства, он рассчитывал на скорость, внезапность, технические фокусы. Встретив же равного, к тому же свежего противника, сражавшегося более длинным оружием — начал проигрывать.

С влажным шлепком отлетела на плитки лаборатории отсеченная правая нижняя рука. Гартаруд сражался молча. Стург тоже не любил треп в бою. Это был опасный противник — лезвие левой верхней конечности рассекло кожу и мышцы на груди агента Альянса. Он не остался в долгу и отсек противнику вторую металлическую руку.

Отчаяние толкнуло гартаруда на крайность, он рванулся с места и попытался свалить противника, навалившись на него всем телом, и, конечно, насадившись брюхом и грудью на сабли. Но Реймунд был готов к такому повороту, он выпустил сабли, сделал шаг назад, позволив противнику достать его в плечо клинком левой руки, схватил нападающего за шею и за оставшуюся нижнюю руку, с полуоборота швырнул того на стену.

Не успев сгруппироваться, гартаруд налетел на стену и, судя по всему, повредил себе хребет, затем на нем сломался какой-то механизм, последовал небольшой взрыв, разбросавший металл, плоть и раскаленное масло.

Гартаруд остался лежать, все еще живой, но уже неопасный.

— Подожди, человек, — прохрипел он, — взгляни в контейнер.

Реймунд подошел к прозрачному стеклу, в жиге плавало какое-то крупное тело, все сплошь в трубках, проводах, спящих механизмах. Глаза на человеческом лице были закрыты.

— Видишь, там справа, на столе, — Стург взглянул на стол, — это бомба. Мощная. Уничтожь его. Иначе он уничтожит ваш город, все на своем пути.

Реймунд подошел к указанному столу. Там лежала бомба, наподобие той, которой он пользовался для убийства магната, но действительно много мощнее. Он положил бомбу у подножия контейнера. И запустил механизм на две минуты.

— Хорошо, — гартаруд устало откинулся головой на стену, обнажив жилистую шею.

Перед уходом Реймунд оказал ему последнюю милость, мощным ударом сабли оставив на черной шее красную улыбку.

Он уже был довольно далеко, когда услышал гул и грохот. Его обдала волна пыли — сначала обычной, потом каменной. «Некоторые секреты лучше зарывать как можно глубже. Покойтесь с миром, Гийом, Миранда. Это хорошая гробница».

Маленькое послесловие на Морском Бульваре. Акт второй

Вечер, сгущающаяся тропическая тьма, багровый шар солнца уходит на западе в море и в скалы за островом, погружая мир в царство кипящей крови и тьмы. Черное море внизу волнуется, посылая густые, тягучие волны к подножию скалы, вдоль которой раскинулся Морской Бульвар.

В небе парит фрегат — птица, а не Гилемо-Антарское судно, купаясь в восходящих потоках, он иногда тревожно кричит, опасаясь, наверное, что солнце может и не взойти снова.

Сумерки, душно, даже от морского свежего ветра не легче. Духота внешняя лишь тень внутренней.

Она соткалась как видение, как кошмар, как сон о тысяче когтей и сотне клыков, терзающих твою плоть. Из наступающей ночи, из жестокосердной памяти, из камня и греха этого города.

Грациозная, как всегда. Гибкая, как всегда. Непрístupная, как всегда. Смертельно опасная... так было не всегда, не для него.

На этот раз на ней был узкий полукорсет, аппетитно подчеркивающий грудь, штаны со шнуровкой, из кожи, со множеством портупей, увешанных оружием — сабля, дага, короткий гладий, четыре пистолета, а на руках все те же кастетные перчатки. Реймунд не видел, но под ними на ее плоти остались глубокие шрамы после кандалов. А он в кожаном кафтане со стоячим воротником, жилете из той же кожи, свободных пиратских шароварах, отворотных ботфортах с цепями и набойками, морской шляпе с высокой тульей, узкими полями, стальной чеканной пряжкой и безоружен, даже без перчаток — бесполезно.

Она подошла и облокотилась на перила неподалеку от него, пахла она зверем, зверем и кровью. «Даже не приблизилась». Устремив взгляд изумрудных глаз в черноту моря, она начала.

— Белое Крыло — это твоя судьба, жребий уже брошен, — голос был тяжелым, надломленным мрачным. — И мне жаль, что ты противишься.

— Я не очень послушный мальчик, — в нем сейчас была только усталость, не его собственная — усталость Вангли, усталость этого дрянного города.

— Реймунд, — она резко повернулась. — Я не позволю тебе умереть, ты слишком ценен — и для меня, и для Крыла.

— Мне, честно говоря, плевать, — отмахнулся он, глядя вертикально вниз.

В следующий раз, когда он взглянул, то столкнулся с изумрудными глазами тигрицы, прямо перед своими. Он не успел ничего сказать, но ее губы нашли его, языки сплелись в нежной борьбе, хвост обвился о его ногу и провел по внутренней стороне бедра.

— Я не позволю тебе умереть, но могу превратить твою жизнь в ад, — она резко отскочила и, кувыркнувшись в воздухе, вернулась на место, гибкая как кнут. — Только чтобы убедить — ты нам нужен.

— Мы все живем в аду, — он имел в виду агентов Альянса.

— Нет, — засмеялась она, играя на пальцах амулетиком в виде бриллиантовых сердечек, — ада ты не видел...

— Хитрюга! — он начал звереть.

— Я не тронула ее. Не из-за твоей метки, метка — ничто. Только ради тебя самого, эта девица будет жить, — тигрица облизнулась. — Она была сладкая, очень.

— Если ты! — Реймунд развернулся всем телом, кулаки сжались, он этого не ожидал — его бесило поведение тигрицы, бесило то, что ему с ней не справиться, бесило, что она переиграла его, бесил ее тон, бесила мысль о том, что он боится за кого-то другого.

— Я ничего ей не сделала, во всяком случае ничего опасного, — она встала на парапет, ветер трепал ее волосы. — Реймунд, мы убийцы. С самого начала выбор делают за нас, заставляя барахтаться в чужих сетях. Наша свобода — избрать путь смерти цели. Мы сражаемся за пустоту. И получаем пустоту. Но все может перемениться. Ты нам нужен, а Альянсу, когда он узнает о твоём промахе, нужным быть перестанешь. Мы даем тебе время и выбор — совсем маленький, мы или смерть, от рук... коллег. Подумай, Реймунд. Ты нам нужен. И мне ты нужен, — она улыбнулась напоследок, оттолкнулась и прыгнула, далеко внизу был слышен всплеск, тигрица скрылась в волнах.

— Бэгрис... — проговорил он, мрачно глядя на волны, штурмующие пустоту.

Энкелану он нашел в ее убежище. Купленном им небольшом, неприметном домике в квартале воров. Обнаженную, подвешенную на крюк из люстры, истекающую кровью из множества мелких ран, неопасных, оставленных когтями. Когтями тигрицы.

Он снял ее, обнял и сказал:

— Все будет хорошо, — он не хотел этого говорить, но она хотела это услышать, — тебя больше никто не обидит.

Мы все иногда лжем. И себе, и другим...

Новый сон убийцы

Черно-серое небо над головой закручивалось спиралью и уходило к звездным безднам в вышине. Ветер, холодный и злой, завывая, стремился сбросить Реймунда со скалы. Он стоял на обрыве, невообразимо далеко внизу клубилась тьма. Из тьмы выступали древние, искрошенные руины, утратившие краски от древности или от скорби по ушедшим временам. Из тьмы на него снова смотрели теплые, всепонимающие, светящиеся фиолетовым безумием нечеловеческие глаза. Конечно, это был сон. Слишком реальный сон.

— Ты окружен. Ты знаешь это. Если не разорвать этот порочный круг, он раздавит тебя, — холодный, но в то же время сочувствующий голос легко пробивался через вой ветра.

— Что-то подсказывает мне, — мрачно ответил Стург и ветер тут же затих, — ты часть той гнилой цепочки, что давит меня.

Эхо его слов, многократно усилившее усталый голос убийцы, пронеслось по миру и затихло в глубинах бездны.

— А еще, — рассмеялся голос, — что-то подсказывает тебе — неважно, кто я. Важно — ответить на вопрос, что делать дальше.

— Очевидно, умирать, — в небесах засверкали оранжевые молнии, звезды нестерпимо вспыхнули и погасли. — У меня нет путей. Я больше даже Бэгрис не контролирую. Все что мне осталось — дожидаться, когда меня прикончат.

Когда-то давно Реймунд убедил себя, что именно он сделал выбор, он убедил себя, что служит Альянсу добровольно, ибо таково его решение. И он будет убивать ради этого, выживать и принимать правила игры. Реймунд убедил себя, что решение было его собственным. Но здесь, в пустоте, во сне, куда не достигали цепкие когти падальщика-Альянса, он вдруг почувствовал, что это роль, просто очередная роль, которую пришлось играть слишком долго. Но роль хороша тем, что ее можно отбросить.

Неожиданно тьма из бездны стала много ближе, подступила, густым черным мороком укрыла Реймунда, фиолетовые глаза взглянули в глаза убийцы.

— Ты не такой. Не такой, как Гийом, — чуть насмешливо увещевал его голос, — ты не сгнил изнутри. Не заменил пламя души на свечу безраличия. Безразличия к себе и окружающему миру.

— И что из этого? — гневно ответил Стург. — Да, я не Гийом, да, я не хочу умирать, да, я не смирюсь. Даже буду драться с теми, кто придет по мою душу. Но что толку? Это Альянс. Даже этот Гийом, несмотря на все могущество, не смог от него защититься.

— Ты же видишь. Все происходящее не случайно, — ответила тьма. — Тигрица сказала, что ты важен. Возможно, в ее словах есть смысл. Возможно, смысл. Скрытый. Есть в твоей жизни. Смысл, которого ты еще не понял.

— Теперь ты на ее стороне! — рассмеялся Реймунд. — И что? Мне принять ее предложение? Стать предателем и снова плясать под чью-то дудку?

— Нет, — слово рокотом разнеслось по миру, — это было бы так же глупо, как и бестрепетное ожидание смерти.

— Ну что ж, — озлобился убийца, — расскажи мне. Из всех, кто мною манипулирует, ты самый чуткий. Что же мне делать?

— Я не стремлюсь заставить тебя делать что-либо, — ответил голос подозрительно серьезно. — Лишь хочу, чтобы ты начал думать. Гийом ошибался. Он, как и прочие, слишком сильно держался за свой маленький мирок, предпочитая ждать смерти вместо попытки вырваться из затертых декораций. Ты этим не обременен. Тебе ничто не мешает уйти. Бросить все и найти собственный путь? Что мешает тебе выяснить — что такое Белое Крыло? Что мешает тебе защитить свою жизнь и заставить врагов погоняться за тобой? Что мешает тебе понять — кто и зачем подставляет тебя? Для кого ты так важен? А если не ты, то что столь важно, что стоит твоей жизни? Ничто не мешает тебе даже найти союзников. Ничто не мешает понять — почему Международный Альянс, организацию, могущественную своей нейтральностью, решили использовать иначе. Поставив под удар не только тебя, но весь Альянс. Тебе ничто не мешает выяснить правду. И ты сам всегда знаешь, что нужно делать.

И все же Реймунд не был готов, он не хотел делать выбор сейчас. Сейчас, когда неподалеку, почти на его руках покоилось хрупкое, истерзанное тело девушки, к которой он испытывал симпатию. Сейчас, когда у него еще оставался шанс остаться на избранном пути и не изменять самому себе. Не изменять себе? А разве это не значило предать эту девушку? И любую другую привязанность, все, что могло понравиться, все к чему он мог проявить тепло. Реймунд был не готов идти против Альянса, но еще меньше он, как бедняга Вангли, хотел вновь потерять все, все доброе, что обнаружилось в его заполненной туманом и старыми масками душе.

— Я понял тебя, — с мрачной решимостью сказал Стург. Вверху взорвалось три тысячи солнц, залил Реймунда невероятным небесным сиянием. — Возможно, я так и сделаю. А может, просто пошлю тебя. Неизвестный сумрачный хрен, — расхохотался убийца и так и проснулся, хохоча, в своей постели.

Библиотека Хранителей Знаний. Занимательные пояснения о тайных службах мира

Мрачный долг отверженных

Сводный отчет по деятельности подразделений Судей Чумы 799 год от о. А.И.

Остров Грахатамак. На территории анималистических племен волкоголовых агентом раннего оповещения подразделения Чума были обнаружены очаги эпидемий неизвестного типа. В рамках проведенного расследования было установлено — чума имела алхимическое происхождение. Силами агентов раннего оповещения подразделений Чума и Холера был установлен производитель эпидемии — алхимики амиланийского происхождения, работающие на секретные службы Амилании. Зараза распространялась с сопредельных с волкоголовыми амиланийских территорий. Для предотвращения неконтролируемого развития эпидемии алхимии и ответственное руководство «проекта» было ликвидировано. Очаги распространения заразы уничтожены силами боевого корпуса подразделения Чума.

Капитан службы раннего оповещения подразделения Чума Дейдра Гостлингс

Шваркарас. С Синтариса 799 года агент раннего оповещения Судей Чумы наблюдал за возникновением точечных случаев чумы в трущобных районах города Мопраньяк одноименного герцогства державы Шваркарас. Неоднократные предупреждения о возможности возникновения эпидемии властями были проигнорированы. В ходе проведенного расследования были обнаружены корыстные намерения губернатора области, предполагавшего использовать случаи чумы для развития бунта бедноты в городе и последующего ослабления власти герцога. О результатах расследования был предупрежден герцог Морпаньяк и местная госпиталия церкви Бога-Жизни. Своевременными усилиями в трущобах были организованы временные госпитали, возникновение эпидемии удалось предотвратить. Губернатор был переведен с понижением в другую провинцию. Секретное уточнение: в ходе расследования было установлено, что губернатор действовал по приказу Тайной Канцелярии Шваркараса.

Отчет агента раннего оповещения подразделения Осна в Шваркарасе Альбрихта ван Тонгри

Королевство Нефритовой Маски. В провинциальном владении Дискор была зафиксирована вспышка неконтролируемой эпидемии высшей категории опасности, отягчающий фактор — демонотворное происхождение. В ходе проведенного расследования было установлено, что из-под контроля прокуратора провинции, чья ставка располагалась в городе, бежал опаснейший демон болезни. Вспышка эпидемии тифа позволила существу быстро напитаться душами и обрести возможность исказить и усилить болезнь для своих нужд. По прогнозу возникла вероятность экспоненциального возрастания потерь до полутора миллионов жителей королевства и близлежащих земель за год и неконтролируемые прорывы инферно, обусловленные наличием активного демона. Такая степень угрозы заставила меня запросить немедленную транспортировку в эпицентр демоноборцев из отряда специального назначения «Красная Смерть». В результате героических действий отряда и особенно лейтенанта Дорвинга демон болезни Артхаркаэль был уничтожен. Пораженные территории были зачищены армейскими частями короля без помощи боевых отрядов Судей. Виновник эпидемии был захвачен мной при попытке бегства и передан в руки правосудия людям Лорда-протектора, вернее, хм... существам.

Отчет полковника службы раннего оповещения подразделения Тиф Грегора Бладбойла

Пояс Свободы. Астуритон. Внешгатники были правы, эти ушлепки из Риккенберзов и правда спутались с хаотиками. Три месяца я гонял их магуса по трущобам печально известного лабиринта, пришлось даже использовать местных бандюков. Результат воодушевляет. Ублюдка я прикончил. Ритуал не был доведен до конца. Колбы с полипами-паразитами были уничтожены. Город может спать спокойно. Обошлось без эпидемий и

ползающих по городу сотен тысяч бесформенных чудовищ. И хватит напоминать мне про формы отчета. Могу вообще не писать.

Отчет самого великого внештатного агента долбанных Судей Чумы Захария Розочки

Отряд специального назначения «Черная Смерть». Ильс де Парфю. Самое худшее удалось предотвратить. Связь чернокнижника и некроманта Грегориуса Рваного с Ди Рокхом не подтвердилась. После штурма его замка, расположенного на границе колониальных владений Шваркараса и диких земель, можно говорить о завершении операции «Ходячий труп». Потери среди личного состава — две трети. Бойцам оказывали сопротивление ранее означенные зомби модели 3.01, мертвые кирасиры, вампиры и даже пепельные рыцари. Однако происхождение мутированного зомби-вируса (полностью уничтоженного, хвала всем богам) имеет не чисто колдовскую природу, имеются надежные доказательства использования неизвестных превосходящих технологий, возможно, гартарудских. В сохранившемся дневнике Грегориуса четко несколько раз значится «Текарод». Следствие будет продолжено.

Командор отряда специального назначения «Черная Смерть» Лордонг Череполом

Омерзительное зрелище. Попустительством властей чернокнижников Сохотека, с полным небрежением к священной ценности человеческой жизни, посредством простого безразличия, была выпущена из-под контроля крупнейшая за последние десять лет эпидемия. Когда количество жертв превзошло сотню тысяч, мною, агентом раннего оповещения, было принято решение о крупномасштабном вторжении. Подразделения Чума, Холера, Оспа и отряд специального назначения «Белый Морок» высадили ударные части на севере и северо-западе острова, понеся потери на скалах и, переломив сопротивление войск чернокнижников, осуществили зачистку пораженных районов. В общей сложности были полностью сожжены шесть крупных городов, три десятка мелких, более двух сотен деревень, огромные площади болезнетворных джунглей и болот. Потери личного состава — выше допустимых на треть. Но развитие эпидемии было предотвращено. Властям Сохотека было направлено официальное уведомление о необходимости изменения санитарной политики на острове в виде обугленных голов самых безразличных чиновников, уничтоженных лично мной. Пришлось следовать культурным стереотипам.

Отчет полковника службы раннего оповещения подразделения Малярия Эстаркенишфклеи Золотой

Общая сводка за 799 год. Посредством действий боевых отрядов Судей Чумы, госпитальных организаций и агентов раннего оповещения по всему миру было предотвращено: 40 крупных эпидемий, 543 менее опасных случая возникновения заразы, 17 злонамеренных попыток создать или неестественным образом распространить болезни. Общая численность уничтоженных зараженных (по приблизительным подсчетам) — 124 000 сущ. Общая численность вылеченных больных — 1 200 000 сущ. В целом за 799 год эффективность оценивается как удовлетворительная.

Завизировано главами подразделений международной организации Судьи Чумы

810 год от о. А.И. Гилемо Антарий

Гилемо Антарий — радужный венец Юга. Государство, одним фактом существования которого доказывалось, что магия правит в мире наравне с порохом, сталью и парусами. А Аструм Примарис — совет могущественнейших магов этой страны, не уступает во власти и величии Королю, Императору и наглому Ригельсберме. Не столь известный на Экваториальном Архипелаге и в других землях, как выскочки — Шваркарас, Ригельвандо и Алмарская Империя, Гилемо Антарий был столь же несокрушим, его берега охраняли Летящие Корабли, а над городами гордо парили грифоньи всадники — неусыпная стража покоя Земель Магов. Он был могуч, несокрушим и прекрасен — этот край, где единственным признаком, определявшим права человека на власть и свободы, были магические способности. Таким был Гилемо Антарий. Уже много веков и впредь.

Могущество и скверный характер. Мордред Синее Пламя

Столица была великолепна. Антарис-Примула вставала в блеске и величии, возвышаясь над землей и водой бухты Астар. В красно-золотом сиянии рассвета появлялись стены крепостей, купола и шпили башен, грациозные арки мостов, забранные в камень серебристые ленты рек, волшебные сады у их берегов, заполненные нарядными жителями проспекты, ярусами мраморной белизны овевавшие холмы дома богатых граждан, шумные базары, наполненные жизнью даже в столь ранний час.

В помпезном величии восходили дворцы и усадьбы — резиденции глав Школ, приехавших на сессию Совета.

Вот сияла непорочностью Башня Света — резиденция Школы магии Света, на ее вершине трепетал флаг с белым лучом, рассекающим тьму. Потрясало искусство архитектора, создавшего галереи, бастионы и беседки Каменной Твердыни, украшенные сотнями статуй — героев, мастеров и Лордов Школы Земли.

Кляксами среди буйства красок чернели мрачная Тринадцатая Резиденция Магов Смерти, похожий на летящую в воздухе черную тучу Обсидиановый Дворец Магов Тьмы, а также приземистая и расцветенная красными огнями Усадьба Ночи.

В небесах парили грифоньи всадники — бдительный патруль городской стражи, а в водах неглубокого залива высились Колоссы — Медный, Стальной и Чугунный. Выражая суровость и неприступность, они сложили могучие руки на груди и были недвижимы до тех пор, пока городу не угрожала опасность. Город был прекрасен. Прекрасен и отвратителен.

Сложив руки на груди, подобно колоссу из бухты Астар, Мордред Синее Пламя с ненавистью взирал на город с балкона Пламенной Цитадели — резиденции Школы Огня. Полукруглого сооружения, выполненного из красного мрамора, возвышавшегося над мостовой на добрых тридцать метров.

«Омерзительно. Они не могли найти худшего времени на созыв внеочередной сессии? Город и без того полон: вернувшиеся моряки, люди на ярмарках. Выпускные в академиях. Любой из этих бесталанных уродов может прятать в рукаве клинок. Даже на улицу невозможно выйти без охраны. А в Зале приходится все время оглядываться, многовато новичков в этом году прошло в Аструм. Неужели звание мастера теперь дают за пук или где-то открылся волшебный источник силы? Тогда зачем я плачу этой своре шпионов и осведомителей? К черту, я Носитель Раскаленного Клинка и Короны Вечного Костра, з

мною вся Школа Огня. Последнего ублюдка, покусившегося на мою жизнь я изжарил в течение сорока часов. И прочих тоже размажу. Пора собираться. Надо послушать, что сегодня скажут эти говоруны».

Алая мантия взметнулась, рука в стальной, эмалированной красками пожара перчатке откинула полог из тяжелого бархата, и глава Гильдии Огня вступил в душный полумрак своих покоев, освещенных только немногочисленными огнями тлеющих углей в пятнадцати жаровнях. Он прикоснулся к языку демона-барельефа на стене, и вход на балкон тут же заблокировали стальные шторы. Один взмах руки в красной стали — и жаровни ярко вспыхнули, озаряя богатое убранство с преобладавшими красными, оранжевыми и желтыми тонами.

На стенах из красного кирпича висели шелковые драпировки и изредка встречались объемные барельефы в виде бесов — каждого, кто посетит эту комнату непрошенным, струи пламени из пастей бесов сжигали за пару секунд. Книжные шкафы ломались от томов в богатых переплетах. Под стенами располагались стойки с самым разнообразным оружием — мечи, сабли, копья, шестоперы, алебарды, стальные цепи. Все оружие тут же раскалялось, если брала его не рука хозяина.

На потолке — тяжелая бронзовая люстра на две сотни свечей, сейчас не горевших, в виде спящего дракона, свернувшегося кольцом. Это голем-артефакт, по кодовому слову владельца комнаты он оживал и должен был уничтожать любую опасность для господина. А прямо под люстрой — огромный стол из красного дерева с орнаментом из сплетающегося пламени и причудливых цветов. Просто рабочий стол, усеянный бумагами — донесениями, прошениями, письмами от коллег, списками, бухгалтерскими отчетами. Жизнь Носителя Короны Вечного Костра нелегка. И опасна.

Но сейчас ни для стола, ни для книг на полках, ни для тренировок с любимым оружием не было времени. Мордред подошел к шкафу из нескольких пород дерева с закатной и кровавой древесиной, украшенному объемной резьбой в виде ухмыляющихся ифритов. Шкаф был так велик, что вмещал полсотни различных костюмов — мантий, котт, дублетов, туник и хитонов, принятых в Гилемо Антарии, а также четыре комплекта полных доспехов.

Мордред выбрал парадный — толстая стальная кираса, украшенная лепестками пламени, наплечники в виде сложенных крыльев дракона, длинная юбка из горизонтальных пластин стали, поножи и наручи с шипами. Под него белый, цвета раскаленного донельзя металла, поддоспешник из кожи, поверх — пурпурная котта с капюшоном, расшитым желтым золотом. Этот доспех обладал не только внешним блеском, но и полезными свойствами — например, окружал носителя в бою стеной огня, безопасной для него и губительной для врага. Отклонял пули и пущенные снаряды, прижигал и врачевал раны, нанесенные хозяину. А также немного нагревался, когда Мордреду ввали.

Он оглядел себя в ростовое зеркало, которое держали две обвившиеся хвостами огненные бесовки из бронзы и красного серебра. Оглядел и остался доволен — высок, красив суровой и горделивой красотой воина. С чертами лица грубыми, но хорошо подходящими друг другу: высокий лоб — признак ума, четкие острые скулы, сильный подбородок, тяжелая челюсть правильной формы, орлиный нос с горбинкой, мужественные губы, волосы цвета соли с перцем, черные брови вразлет. Он мог бы и замедлить старение, но зачем — он силен и крепок здоровьем, как и все маги огня, а седина и морщины к лицу воину и политику. Но через пару лет все же придется подумать о том, чтобы посетить специалистов из Школы Жизни.

Что ж, все готово — пора отправляться в Аструм Примарис. «Еще начнут без меня, с них станется, с ублюдков».

Аструм Примарис — правящий совет сильнейших магов государства, в который имели право войти только те, кто обладал статусом Мастера, располагался в сером готическом дворце, украшенном молчаливыми статуями магов минувших веков, называемом Зданием Стихий и Основ. Они стояли, облаченные в глухие балахоны с закрывающими лица капюшонами, из-под которых сапфировые, бриллиантовые, рубиновые, ониксовые, лазурные, малахитовые и прочие глаза пращуров взирали на потомков, призывая их честно и праведно управлять страной. Ну, по крайней мере, так подразумевалось.

«В этой стране всегда царил бардак, подкуп, интрига и огненный шар, бросаемый из-за угла, приправленные толикой безумной демократии. Я бы с большим почтением относился к этим истуканам, если бы не знал, что, например, вот этот, Секст Благочестивый, отравил четверых конкурентов, вызвав их на дружеский обед, чтобы прийти к главенству в Школе. Вот эта — Летиция Сапфировый Луч, стала любовницей шестнадцатого Короля Света, превратила его в дебила и правила двадцать лет от его имени Школой Света. А это вообще Виттус Мальгвезийский, интересно, кто и когда приказал его поставить...»

Украшенные лепниной и барельефами шпили Здания Стихий и Основ тянулись на сто метров вверх, спицей было четырнадцать — тринадцать на каждую школу и самый крупный — центральный Шпиль Единства. Сегодня над каждой вершиной развевался флаг Школы, означавший присутствие делегатов в Здании. Так бывало далеко не всегда — нередко делегаты тех или иных школ отсутствовали, поскольку Аструм Примарис работал сессиями по два месяца в начале и в конце года, а на период меж сессиями многие отправлялись домой или же находились в городе негласно. «Шпионить, подкупать, плести паутину заговоров и ластиться к правящей школе».

Сейчас же случай был особый — внеочередную сессию собрали по ряду вопросов, которые понадобилось решить экстренным порядком. Основанием стало желание Школы Тьмы передать ряд колониальных владений, богатых и лакомых кусков, Аструм Примарис — а значит, другой Школе, которую назначат протектором колоний от имени Совета. «Интересно, темные, чем это вы так изосрали свои колонии, что решили их отдать, или амиланийки подбираются? Ничего, сначала выиграем, потом разберемся, Школе Огня колонии нужны, и нам есть, кем их заселять, в отличие всякой мелкой гнуси типа темных, магов смерти, шутов».

Но благодаря самому факту созыва внеочередной сессии к основной повестке был присовокуплен еще ряд вопросов, более мелких — претензии, спорные права, несколько маловажных законов. Но все это затягивало сессию с пяти дней до десяти. Что невообразимо бесило Мордредра — город давил на него незнакомостью и переполненностью, его резиденция была далеко не так безопасна, как та, что осталась дома, в столице Школы Огня, Пламенной Цитадели. И даже в стенах Здания Стихий и Основ, окруженный кольцом охранников — горящих воинов, несмотря на то, что они каждую секунду были в боевой готовности, облаченные в алые плащи и кровавые шлемы с богатым плюмажем, вооруженные копьями, мечами и магией — он не был уверен в безопасности ни на миг. На него уже покушались. И покушение могло произойти снова.

«Ничего, это мы переживем. Немного осторожности, побольше внимательности, и все будет хорошо».

Внутри тринадцать спицей образовывали круглую сцену, центром которой были

нижние пространства Шпиля Единства. В каждом из тринадцати были организованы балконы, расположенные ярусами друг над другом, поскольку в Аструм Примарис мог войти любой маг, сдавший экзамен на уровень магического искусства Мастера. На каждую школу балконов приходилось довольно много, и ярусы тянулись под самый потолок — к мастерски расписанному Ильбезем Коротконогим куполу, являвшемуся аудитории картины открытия магических сил и самых великих свершений прошлого. За куполом, впрочем, располагалось еще несколько этажей башни, отданных под различные административные и технические нужды. В центре же, доступная взгляду с любого балкона (в то же время и балконы всех школ были хорошо видны с любого другого балкона зала), располагалась Трибуна — висящий в воздухе каменный круг, разделенный на сектора из тринадцати цветов с серым пятном в центре. В этом пятне находилась кафедра, с которой обычно раздавал приказания Спикер-Распорядитель или выступали докладчики от Школ. Когда на Трибуне кто-либо находился, если он, конечно, имел право там находиться, цвет его Школы вспыхивал магическим светом и демонстрировал залу, от чьего имени ведется беседа.

Особыми акустическими достоинствами зал не обладал, потому голоса докладчиков, как с Трибуны, так и с места, усиливались магическим образом, посредством артефактов-усилителей. Штатные — порхавшие по залу, просто усиливали голос говорящего и выглядели как бронзовые рты с крылышками. Но многие из достаточно состоятельных Мастеров имели при себе собственные артефакты. Так, например, усилитель Мордред был выполнен в виде львиной головы, а когда он говорил при ее помощи, в его голосе слышался рев пламени. Мастерам из Школы Смерти служили усилителями их маски-черепа, делавшие голоса рокочущими или замогильными. В Школе Воды были популярны артефакты в виде водных фей, наполнявших голос журчанием весенних ручьев. Маги из Школы Тьмы говорили зловещим шепотом, разносившимся на весь зал, через шелковые повязки на нижней половине лица. В обиходе подобного рода артефакты назывались «горлопанями».

Мордред занял балкон в одном из центральных ярусов своей Школы, сел в золоченое кресло черного дерева, обитое пурпурным плюшем и багровой кожей с клепками из красной меди и скомандовал Берру Желтолицему — сержанту его личной охраны:

— Более никто этот балкон занимать не должен, но не забывай пропускать моих маленьких гостей, — тонкие губы посетила мимолетная улыбка.

Голова в глухом шлеме без забрала с узкими стреловидными прорезями для глаз кивнула, взметнулся алый плащ. Горящие воины встали у входа на балкон и скрестили копья.

«В конце концов, пока я правлю Школой, имею право требовать уединения, если желаю. А Корону Вечного Костра они сумеют вырвать лишь из моих скрюченных мертвых пальцев. Хотя, может, именно этого они и желают».

Стены, балконы, ограждения, полы и прочие элементы строения были серыми. Однако многие школы для демонстрации факта своего присутствия вывешивали через перила свои штандарты и флаги, вносящие немного разнообразия. Мордред мрачно рассматривал Зал, положив подбородок на руку в латной перчатке.

Школу Воды под знаком белой капли на синем фоне, представлял Артур из Ледяных Рено, именитый флотоводец. В аквамариновых доспехах и тяжелом плаще темно-синего бархата он выглядел довольно величественно. Мужественное, загрубевшее от соленого ветра лицо, длинные, густые волосы того же цвета, что и плащ, ниспадавшие на плечи, стелившиеся по спине, а вот глаза темные, хитрые и глубокие. Престарелая Леди Воды — наследная правительница Школы, тридцатая по счету, прекрасно знала, кого посылать

представлять ее интересы по вопросам колоний.

«Выскачка. Пара ничего не значащих побед на море, пара выигранных турниров, и он уже возомнил о себе невесть что. Много ли ты понимаешь в политике, парень? Сомневаюсь».

В ложу, пройдя мимо стражников, скользнул низкий человек в бархатном камзоле мышиноного цвета, с мелкими чертами лица и вкрадчивой улыбкой.

— Школа Металлов готова осуществить поддержку, если в этом году вы сократите производство пламенного оружия, особенно огнестрельного, — улыбка была заискивающей.

— А они тем временем крепко зажмут рынок своим великолепным оружием, особенно, — ослабился Мордред, — всережущими клинками. К черту. Пошел прочь.

Мышиный человек быстро удалился, на обратном пути получив пинок от стражника.

Школу Земли, флаг которой — зеленое дерево и серебряная скала на темно-коричневом фоне, представляли Лорды Щепня, Мрамора и Глины. Первый — невысокий, худой и сутулый, в коричневом камзоле по шваркарасской моде, второй — волевой и надменный, с тяжелым подбородком и просто чугунным взглядом, в бурой мантии. Последний — юный и прекрасный, с чуть грубоватым, но честным лицом, в доспехах из кожи и дерева дракийского типажа. В Школе сейчас был период междуцарствия, старый Протектор Земли был дискредитирован и почти не имел власти. А нового еще не выбрали, ибо выборы происходили голосованием за лучший архитектурский проект претендентов, что требовало времени.

«А неплохо я тогда придумал с этой шляхой. Они еще года четыре провозятся со своими дворцами и башнями. И я уж сумею этим воспользоваться. Во всяком случае, Щепень уже обещал поддержку. Алчный мелкий дегенерат».

Один из стражников передал письмо, запечатанное синим сургучом. Руки в латных перчатках неловко распечатали послание. «Хм, новый Мастер Воды предлагает встретиться. Почему бы и нет, у них немало голосов».

Серебряный ветер, дующий в золотую тучу на небесном фоне — Школа Воздуха, похоже, была заинтересована в колониальных приобретениях, или же ее иерархам просто нечего было делать. На ее балконах присутствовал суровый гигант двух метров роста в светло-синих доспехах — Рикардос, Маг Крепости Клинков. Легкий, стройный и надменный, облаченный в сапфировый хитон из шелка, ходил Авелин, Маг Лучистого Моря. В небесно-голубой плотной мантии с высоким воротником, подметающий полы белой бородой, стоял мудрый и опасный Нестор, Маг Библиотеки. Присутствовала даже извечно зависевшая от семи Магов Небесного Копья — столицы Школы, несравненная в своем лазоревом платье, расшитом топазами, сапфирами и бирюзой, с корсетом, подчеркивающим полную, безупречную грудь, и высоченным воротником с семью шипами, аристократичная и прекрасная Инесса Владычица Небесной Башни, ведущая свой род от основательницы Школы. Ее окружали одетый в цвета штормового неба мрачный Родрик, Маг Северного Шпиля, отличавшийся крючковатым носом и кругами под глазами, и величественный в своих простых стальных доспехах и белой тунике Маг Южной Цитадели Аллегрос, с белой короткой бородой и кустистыми бровями.

«Почти весь гарем притащила, курица. Ничего, из этого стада чего-то стоит только Нестор, а на него я найду управу. Ехала бы ты лучше к себе домой, девчонка, в куклы играть. А политику оставила бы большим дядям».

На балконе как будто из ниоткуда появился человек в лиловой мантии, с несколькими

причудливыми кольцами на сухих пальцах, капюшон скрывал его голову.

— Ничего не вышло. Приезд Инессы все испортил. Я не вижу более вариантов, — голос был довольно кислым.

— Что поделать, у всех бывают неудачи, — голос Синего Пламени, наоборот, был весел. — Жду новостей.

Человек в лиловом поклонился и вышел.

— Берр, — подозвал Мордред начальника охраны, тот мгновенно оказался рядом, — последи за тем, чтобы нашего друга по достоинству вознаградили, не терплю некомпетентность, — он кивнул в сторону удалившегося лилового.

Желтолицый ничего не сказал, лишь вновь кивнул, тряхнув плюмажем из рыжего конского хвоста, и удалился.

Спикер-Распорядитель — Фокусник из правящей ныне Школы Эмоций, облаченный в черный сюртук, белые перчатки, лосиные штаны, фиолетовый плащ и высокий цилиндр, тем временем начал зачитывать повестку дня. Но Мордред, слушая вполуха, продолжил осмотр Зала.

Школу Металла, с флагом в виде молота, кузнечных щипцов и обоюдоострого меча, золотых на стальном поле, представлял скучающий в стальном кресле Претор Гильдии Оружейников этой Школы. Он был молод, хорош собой и совершенно недоволен происходящим.

«Новый Претор? Неужели старого уже сместили за мужеложство? Не с этим ли пареньком он спал?»

Один из охранников передал на подносе яблоко, глава Школы Огня разломил плод. Внутри был мертвый червяк — знак благосклонности Школы Ночи или, по крайней мере, части ее.

В ложе Школы Дня, под знаменем белого солнца на золотом фоне, улыбаясь и даря лучезарные улыбки всем прекрасным дамам в зале, в расшитом золотом простом белом хитоне, подпоясанный поясом из серебра и сердолика, на тронобразном кресле белого камня восседал атлетичный, красивый как бог, белозубый, с ровными, прекрасно расчесанными и водопадом спадающими почти до пола волосами и смеющимися золотистыми глазами Эрос, Принц Полудня. Ему сопутствовали в мантии с высоким воротником Белый Канцлер и в золоченых доспехах Щит Дня — его советник и генерал. Не менее прекрасная сестра — Принцесса Зари, равно с принцем правящая Школой, похоже, осталась дома.

«Как бы хотелось взять стамеску и по одному выбить эти белые камушки из его ухмыляющейся пасти. Ненавижу этого заносчивого ублюдка. Ни подкуп, ни лесть, ни угрозы — ничто его не берет!»

Лучезарно улыбающаяся блондинка в эффектном белом платье прошла за кордон копий и, наклонившись к уху Мордред, произнесла пухлыми губами:

— Луч света рассекает тьму. Пусть между нами не будет преград, — по телу Синего Пламени прошла неприятная дрожь, не от ее слов, от ее жеста, она приблизилась чрезмерно, но когда он повернулся отчитать посланницу, она уже удалилась.

«Школа Света готова к переговорам, неплохо».

Главную ложу Школы Ночи занимала Ночная Звезда — обворожительная дама, возглавлявшая Сестер Гаротты, одно из влиятельных обществ Школы, в состав которого входили убийцы, врачевательницы, содержательницы детских приютов и борделей. Она

была на хмааларский манер закутана в ночные шелка, приправленные изящными золотыми и серебряными украшениями с аметистами и черными опалами, на поясе висел зловещего вида клинок. Голова была укрыта чалмой, а нижняя часть лица — лакированной полумаской, оставлявшей на виду глубокие фиолетовые глаза, дарившие обещания. Ей сопутствовали одетые похоже Мрачные Девы — ее командиры. И облаченные в черные мантии, с круглыми бархатными фесками или беретами на головах Ночные Доктора, принадлежавшие к другой влиятельной организации Школы.

«Вот это женщина! Настоящий игрок. Ей и проиграть было бы не жалко. Жду не дожусь оставить красные отпечатки пальцев на ее бледной шее. Но Школа их малочисленна. Колонии им ни к чему, она тут только ради развлечения. Иначе уже кто-нибудь умер бы».

Довольно бесцеремонно в ложу, наорав на стражников, вошел высокий мужчина и плюхнулся в кресло. Одет он был, как и Мордред, в огненные тона, а на поясе носил скипетр с красным, пульсирующим рубином. Носитель Пламенного Жезла, один из ближайших соратников Носителя Короны Вечного Костра был среднего возраста, со светлыми волосами и пламенем в глазах. Его звали Велларес Красный Бык.

«Я не доверяю тебе ни на грош, скотина, и лучше б ты отсел подальше — обожгу».

— Закон о побочных наследниках можно будет протолкнуть, — начал Велларес, в Школе Огня он возглавлял административную службу.

— Ну так чего ты тогда приперся, дорогой друг? — заметил Мордред.

— На это уйдет миллион золотом, знаешь, такими желтыми кругляшками, у меня столько нет, — Красный Бык улыбался.

— Спроси Еноха, он же у нас казначей и Носитель Горящей Шкатулки, — раздраженно ответил Синее Пламя.

— Если ты помнишь, он с самого начала был против этой затеи, — собеседник закинул ноги в мягких сапогах на перила балкона, — и, подозреваю, он кем-то подкуплен.

— Н-да, — мрачно протянул Мордред, — надеюсь, только в этом вопросе. Хорошо, я отсыплю тебе звенелок, но смотри, чтобы они пошли туда, куда нужно. А что по вопросу об особом статусе военных училищ?

— Не забудь добавить чего-нибудь сверху за труды, по училищам голосование в конце года, к этому времени и будут результаты. Ладно, пойду посплетничаю с ветерками, — Он встал и раскланялся. — Всего наилучшего, ваше горяченькое величество.

Синее Пламя раздраженно отмахнулся, собеседник вышел. «Надо укоротить ему поводок».

Спикер меж тем приступил к второстепенным вопросам, а Мордред вернулся к залу.

Угольную тень на темно-сером фоне — Школу Тьмы, созвавшую внеочередную сессию сообщением о передаче своих колоний в ведение Аструм Примарис, представлял Черный Схимник. Облаченный в черную домотканую мантию, плешивый, низкий старик со впалыми щеками и обширной лысиной, он ведал всеми финансами Школы, но давал обет бедности. Ему, сидевшему на резном кресле черного дерева, сопутствовали еще трое из Совета Девяти — разодетые в пух и прах.

«Черный обет. Черное сердце. Черная власть. Тебя стоило бы бояться, но пламя всегда разгоняет тьму. Что же все-таки вы намутили с колониями...»

Стражники передали вино, подарок от Школы Эмоций. От Черного Клоуна. Мордред налил в бокал, поданный одним из горящих, отсалютовал дарителю и выпил. «Если бы он

хотел меня прикончить, то я был бы уже трупом, без всяких комментариев». Вино оказалось неплохим, хорошего урожая и с легким наркотическим эффектом — взбодрило.

Школу Света — белый луч на черном поле, как всегда, представлял Регент — маг из Школы Дня, давший обет служить Аструм Примарис как советник Короля Света. Последний был деспотичным и эксцентричным, единоличным правителем Школы Света. Регента звали Алистер Монах, и он был уже шестым из Регентов, а король, которому он служил, был двадцать шестым из Королей Света. Также на балконах присутствовали Мастера Света менее значительного статуса, облаченные в белые или золотые мантии с множеством драгоценностей.

«Король плюет на Совет, Регент подтирает. Доберусь я когда-нибудь до толстячка Малькольма VI, заставлю его повизжать».

В ложу прошел тучный человечек среднего роста, с лысой головой и пучками рыжеватых волос на затылке. Людвиг — доверенный слуга Носителя Раскаленного Клинка:

— Отправь сегодня Регенту пятьдесят тысяч и Шаиру в подарок, не говори от кого, но тысячу монет пошли со знаком пламени, — Мордред оправил на толстой шее слуги рабский ошейник, подавляющий волю. — Ступай.

Слуга поклонился и ушел. А Спикер меж тем вещал о церемонии принятия кляты отличившихся новиатов, закончивших обучение. «Еще один геморрой на мою бедную задницу».

Школу Смерти — с почти пиратским флагом в виде черного черепа на белом фоне, представлял Золотой Череп — один из правящего Круга Черепов. На нем была золотая маска в виде черепа и черный балахон с капюшоном, расшитым золотистыми линиями. Он восседал на кресле из слоновой кости, выточенной в виде человеческих черепов, и был молчалив. Черепов вокруг них всегда было очень много.

«После падения Витгуса Мальгвезийского вы — лишь горстка бессмысленных позеров. Даже руки марать нет смысла».

Стражники, предварительно получив одобрение господина, пропустили на балкон человека с серой, болезненной кожей, в черном балахоне, расшитом серебром.

— Золотой Череп приглашает вас, о Носитель Короны Вечного Костра и Раскаленного Клинка, в свой чертог сегодня вечером, — вежливо, почти шепотом проговорил он.

— Я весьма признателен за приглашение, передайте Золотому Черепу мои уверения в дружбе и добром расположении, — «Пошли к черту! Ничего общего с вами иметь не стану», — подумал Мордред, — «Неужели они что-то пронюхали?!», — однако, к моему великому сожалению, сегодняшним вечером я занят, меня ожидает важнейший эксперимент, отложить который я никак не могу, вы же знаете — совпадение всех необходимых факторов, поток энергии...

— Я передам ваши слова Золотому Черепу, — маг смерти поклонился и вышел.

Школу Жизни, флаг которой — золотой сноп на молочном фоне, представлял Милостивый Иерарх — высокий и степенный старец в белой ермолке и светло-серой, украшенной орнаментом из змей и цветов, мантии. Опирающийся на посох с Кристаллом Жизни, сияющим молочным светом, легендарным фокусом Школы Жизни. Он добродушно беседовал с кем-то из более мелких Мастеров Жизни.

«Я ожидал Щитоносца, с ним хоть напиться можно, а от этого зоркого старого мерина одни проблемы. Неужто и он будет бороться за колонию? И на кой она им? Травы там что ли нашли?»

Спикер-Распорядитель заканчивал оглашение программы и переходил к вопросам и выступлениям делегатов.

Правящая в этом году (в Аструм Примарис циклом в 13 лет, по году, по очереди правила каждая школа, входящая в Совет, соблюдая сложный порядок чередования) школа Эмоций, с флагом в виде разноцветного шатра на снежном поле, прислала веселую разукрашенную Коломбину в пестром наряде из осенней листвы и обрывков шелка, Старого Пьеро, чей возраст был скрыт слоями грима, а чело печально, и Черного Клоуна, свисавшего с балкона, зацепившись ногами вниз головой на высоте двадцати метров от пола и мрачно обозревавшего зал. Школой Эмоций правил Цирк.

«Весь Аструм Примарис — сплошной цирк, в красках и огнях, и только они этого не скрывают, надо будет потом зазвать Черного на партию в теннис».

— Доброго дня, магистр, — поздоровался долговязый молодой человек в строгом ультрамариновом облачении, застегнутом на множество пуговиц, обращаясь к Мордреду по его статусу магического умения.

— А, — улыбнулся Синее Пламя, — вы — Декар Дождливая Осень, мне пришло ваше письмо. Приветствую, мастер, прошу, присаживайтесь, — он указал на стул через один от себя.

— Благодарю, — юноша сел на указанное место и, огладив свои серебристо-синие волосы, начал. — Я выступаю от не совсем официальной группы в составе нашей Школы, мы заинтересованы в добрых отношениях со Школой Огня, и я был делегирован засвидетельствовать вам почтение.

«Хе-хе, хотите кого-то столкнуть и пригреть задницы на освободившихся местах, это я люблю».

— Изъявление добрых чувств принято, и оно взаимно, — маг огня по возможности тепло улыбнулся магу воды. — Полагаю, спектр моих интересов вам известен?

— Думаю, не столь явно, как вам самому, — неловко улыбнулся юноша, — но достаточно для того, чтобы понимать, какую помощь мы сможем вам оказать.

— Прекрасно, — Синее Пламя продолжал улыбаться. — Здесь не место и не время обсуждать детали, но можете считать, что ваше предложение найдено уместным и приемлемым.

«Я еще подержаю вас за ниточки».

— Благодарю вас, магистр! — мастер воды улыбался теперь торжественно. «Юный, наивный, восторженный идиот». — Вы не пожалеете о своем решении!

— Я более чем уверен в этом, — улыбка не сходила с уст Мордреды, юноша распрощался и удалился.

До главы Школы Огня как раз дошла очередь высказаться по повестке:

— Колониями должны править те, дамы и господа, — начал он торжественно, — Кто обладает для этого ресурсами и возможностями. К моему прискорбию, большая часть школ сейчас не обладает ни достаточным населением, ни достаточным количеством специалистов и, уж тем более, квалифицированных магов для заселения колоний. Школа Огня ими обладает. Равно она обладает флотом и налаженной транспортной системой через Пояс Свободы и Экваториальный Архипелаг. К тому же, мы обладаем протекционными договорами с Шваркарасом и Ригельвандо, что обеспечит надежность нашему статусу правителя колониями Школы Тьмы от имени Аструм Примарис. С моей точки зрения, — ревело пламя, — выбор очевиден!

Под дружные аплодисменты своей Школы и довольно сдержанные хлопки всех прочих, он вновь сел и отключил «льва-горлопана».

«Ничего, я еще заставлю вас рукоплескать».

Скованный долгом и обязательствами, ненавидящий политику до мозга костей, на Совете присутствовал глава Школы Боевой Магии Фельдмаршал Дурхарм Аннервиц. Под знаменем со скрещенными мечами и шлемом, черными на багровом поле, облаченный в мундир с эполетом на правом плече и доспешным наплечником на левом, он блистал позументами и золотыми пуговицами, серебряным шитьем и бронзовыми медалями. Его суровое, как будто вырезанное из камня, лицо было застывшим и напряженным. Офицеры, окружавшие Фельдмаршала, также были напряжены.

«Вот мы оба командиры армий своих школ. Но у меня почему-то подозрение, что я его размажу и один на один, и на поле боя. Балаганщик».

Пройдя мимо стражников, к Мордреду приблизился человек, высокий, но очень сутулящийся, с крысиными чертами лица, в неприметной темной одежде. «Начали мышью, закончим крысой», — подумал Синее Пламя.

— Вот список. В основном слуги, младшие маги, воспитанники и соратники, ни одной крупной рыбы — пока рано, — рука в латной перчатке, держа двумя пальцами, протянула конверт. — Чисто, тихо, достойно, как всегда. Слива рядом с именем — убить, персик — запугать, банан — похитить, ананас — подкупить. Запомнил? Ступай.

Конверт скрылся в руке с крючковатыми пальцами, человек, похожий на крысу, улыбнулся, что-то пробормотал и скрылся.

«Занятно. Кто из них следующим предаст? Кто позарится на чужое золото и на дареные милости? Хорошо хоть мы живем в просвещенном государстве, и, если мразь не владеет искусством, ее нельзя наделить ни титулами, ни владениями. Они живут в землях Школы Огня, а значит, они в моей власти. Предателей я сумею жестоко наказать. Но кто же будет следующим?»

Заседание подошло к концу. «Ну вот, еще один день впустую».

Мордред поднялся и покинул зал в кольце охраны, не забывая по ходу движения раздавать улыбки, комплименты и обещания встреченным коллегам.

Дом. А вернее, временное пристанище — резиденция Школы Огня в Антарис-Примула встретил его духотой непрветриваемых помещений и сухим жаром сотни жаровен, бросающих блики пламени на настенные росписи, повествующие о героях и злодеях прошлого, славных и печальных годах Школы, об интересном и поучительном. А также на убранство из золота и серебра — люстры, светильники, вазы, картинные рамы — Школа Огня всегда была многочисленна и богата, огонь влечет.

Оставив подле себя лишь двух, самых надежных горящих воинов — высокого Неда и кряжистого Йорга, отослал всех прочих. «На людях и в толпе они вряд ли решатся, но вдруг кого-то из этих ублюдков подкупили на Совете, пусть сторожат не меня, а коридоры, ведущие ко мне». Мордред направился в обеденную залу.

Не мытьем, так катаньем он сумел на время своего приезда вытурить из Пламенной Цитадели всех прочих мастеров огня, приехавших участвовать в сессии Аструм Примарис. И потому к огромному столу, выполненному из ценных пород дерева красных и желтых тонов, украшенному красным золотом и искусной резьбой, столу, рассчитанному на сотню персон и расположенному в Зале Властелинов Огня, при входе в который висела табличка с клятвой верности и братства, даваемой магами огня при посвящении еще на первую ступень

мастерства, он вышел один.

Мордред занял крупное кресло с высокой резной спинкой, заканчивающейся двумя огненными драконами, вставшими на дыбы и раскинувшими крылья, расположенное во главе стола.

Первое блюда принесла служанка по имени Эллис. Смуглая, с миндалевидными глазами и рабским ошейником, украшенным гранатом на шее, она была воплощением красоты северных широт и происходила с Пояса Свободы — важной географической точки, севернее Гольвадии, связывающей Юг и Экваториальный архипелаг, представлявшей из себя цепь островов и лоскутное одеяло мелких государств и городов-государств.

«Какие формы, какая грация. Кто платит тебе, развратная шлюха? Чьи еще приказы ты выполняешь? Кто заплатит тебе за пару щепоток кислого порошка в моей тарелке? Или тебе обещали свободу?»

Девушка, облаченная лишь в шелковый хитон, открывавший левую грудь — полную и с большим круглым алым соском, поставила перед магистром золотое блюдо с крем-супом из осетрины и, поклонившись, удалилась. Перед началом трапезы он провел над тарелкой малахитовым жезлом в виде изгибающейся змейки, напитанном магией яда, жезл не засветился — еда не была отравлена или артефакт ценою в небольшое поместье не обнаружил яда.

Кусок не лез в горло — суп был слишком густым, к тому же там было многовато мякоти на вкус Мордреда, но есть было необходимо, он и так пропустил завтрак и обед. Ему понадобятся все силы, которые он сможет собрать.

С трудом плотая суп из глубокой золотой тарелки с чеканкой в виде игры огненных духов, он рассматривал зал. В глазах его все ярче разгорался огонь паранойи.

«Старый Томас, ты мой друг с детских лет и сейчас ты охраняешь мои двери, ветхий дворецкий, истовее, чем стражники. Я верю тебе, но не давай мне повода усомниться. Я не хочу тебя терять».

Его взгляд текуче переместился на стоящую рядом с сухим, подтянутым дворецким тучную женщину в строгом платье на алмарский манер.

«Бигония. Тебе, наверное, жарко в этом доспехе из сукна и кружев. Эх, ключница, в последнее время ты частенько говоришь о дочери и муже. Что будет, если их пленят? Останешься ли ты верна мне или потеряешь голову от горя?»

Далее, ожидая приказаний от господина, стояла высокая служанка с волосами цвета спелой пшеницы, единственной ее одеждой была набедренная повязка из кожи с красивым шитьем и рабский ошейник с изумрудом на шее.

«Нэйрис, она у меня уже два года, мягкая, податливая, услужливая, даже когда я не активирую ошейник, но когда ее привели, она брыкалась и кусалась. Я оказал ей честь, взяв на службу из той крестьянской клоаки, где она родилась. Ее брат защищал ее. Возможно, она до сих пор не простила меня за его смерть? Все может быть».

Вторым блюдом был павлин, сухой и жесткий, слишком старый, под винным соусом и сдобренный травами. Блюдо королей. Впрочем, Носитель Короны Вечного Костра почти и был королем. Его принесла коротко стриженная, облаченная в платье с корсетом на шваркарасский манер, служанка с миловидным, почти кукольным личиком, все время мило улыбающаяся.

«Новенькая, и трех месяцев не служит, надо будет наказать Гордона-управляющего, я даже не помню, как ее зовут, она не должна подавать мне ужин, особенно сейчас, когда на

меня так недавно покушались. Но яда в еде нет. Яда нет. Но если она насыпала битого стекла, это ничем не лучше, и жезл его не опознает».

Служанка удалилась, а Синее Пламя проводил ее долгим, тяжелым взглядом, запивая павлина фруктовым вином из кубка с огненными опалами.

Последним блюдом был кремовый торт с ежевичной начинкой. И принесла его тучная черноволосая служанка в просторном платье из бархата. Она была не только в рабском ошейнике, но и в рунированных кандалах, а из уголка рта у нее стекала слюна, пачкая подбородок.

«А-а-а, милашка Петти. Я помню тебя. Никто не отказывает магистру, особенно бесталанная мразь, если я сказал, что ты должна опуститься на колени и сосать мой член. Повинуйся. А не разглагольствуй о правилах приличия. Даже на праздничном банкете. Надеюсь, хоть тебя я могу не опасаться».

Завершив ужин рюмкой обжигающего рома, Мордред поднялся, поблагодарил слуг и покинул зал, за ним неусыпно следовали Нед и Йорг.

Путь магистра лежал в глубины Цитадели. В коридорах, где он появлялся, тут же вспыхивали магические светильники, а за ним закрывались массивные стальные двери с рунической вязью, неподвластной магии. По длинной базальтовой лестнице он спустился в подземное помещение, защищенное не хуже, чем его собственные покои, справа и слева от двери черного дерева, украшенной тигровым глазом, стояли стальные големы. Дорогие и редкие, способные выполнять множество приказов и способные каждый справиться с двумя-тремя десятками бойцов-людей. Почти нечувствительные к магии, и потому еще более опасные. Они проводили Синее Пламя взглядом сапфировых глаз из-под забрал рыцарских шлемов и остановили его охранников на входе, синхронно вытянув руки.

За дверью оказалось просторное помещение, кишашее, как матрас в плохой таверне клопами, разнообразными механизмами, столами с книгами, сложными картами и схемами на стенах, механическими устройствами под потолком, чем-то ползающим, извивающимся и скрежещущим под ногами.

От наиболее интересного сооружения — небольшого каменного столика, в центре которого лежал крупный, размером с ладонь угольно-черный ключ, а вокруг на сложной конструкции из энергочувствительной проволоки висели кристаллы и драгоценные камни разнообразных цветов и оттенков, повернулся к вошедшему магистру человек. Невысокий, тучный, с костистым, обрюзгшим лицом с неправильными пропорциями — слишком высоким лбом, крючковатым носом, маленькими бессмысленными глазами, облаченный в потертый и давно нестиранный балахон и круглую шапку, скрывавшую обширную лысину, из-под которой выбивались седые пряди водянистых волос.

«Удивительно, как за таким уродством скрывается такой великий разум».

— Приветствую вас, магистр Мордред, — поздоровался обитатель чудесной комнаты дребезжащим, почти старческим голосом, хотя сам на вид был не так уж стар.

— Мое почтение, архимаг, — Носитель Раскаленного Клинка легко поклонился. По уровню магического искусства его собеседник превосходил Синее Пламя, но благодаря власти и влиянию порой все же удавалось добиться большего, чем просто заслугами в учебе. «Что ж, кто-то умеет работать, а кто-то — править».

— О! Прошу вас, — ученый махнул жилистой рукой с выступающими синими венами, — Велларес. Просто Велларес, как всегда. Или Книжный Червь, если будет угодно магистру.

— Я вас для этого слишком уважаю, — кротко улыбнулся глава Школы Огня, и ничуть не соврал — он уважал этого человека и ценил, потому как он вел Мордред к невообразимому могуществу. — Как наши результаты? — Синее Пламя кивнул на конструкцию с ключом в центре.

— К моему прискорбию, весьма скромны, — мелкие глазенки Веллареса сделались печальными, — «Ключ Звездных Врат», а я подозреваю, что это именно он, был создан величайшим из магов Школы Смерти, Виттусом Мальгвезийским, я и вполнину не так талантлив, как этот великий ум...

— Столь великий, что поднимал мертвых, вскрывал живых, был изгнан из Гилемо Антария, создал царство смерти и террора под названием Звездная Конфедерация, где правили некроманты, вампиры, ведьмы и черные рыцари, был разгромлен только объединенными силами всей Гольвадии и умер при невыясненных обстоятельствах, — Мордред передернул плечами. — Я помню, кто такой Виттус, и я уверен, маэстро, что вы достаточно талантливы, умны и последовательны, чтобы проникнуть в тайны этого древнего ублюдка.

— Возможно, — кротко улыбался архимаг. — Все возможно. Сейчас я работаю над сплетением энергий основ.

Он взял Синее Пламя под локоть и подвел к сооружению из проволоки и кристаллов.

— Быть может, сработает какая-то из комбинаций тьмы, смерти и ночи, — он указал на полночно-черный кристалл, находящийся напротив него оникс и расположенный чуть сбоку обсидиан, из которых выходила энергия различных оттенков черного, образующая сложный треугольник мерцающей энергии, бьющий вершиной в ключ на столе. — В конце концов, это же темный артефакт, но я пробовал также энергию дня, свет, даже жизнь. Пока безрезультатно.

— Вам что-нибудь еще нужно? — вежливо поинтересовался Мордред, который при всех своих знаниях и навыках понятия не имел, как работает это устройство.

— Да, я составил список, — дрожащей рукой ученый передал Синему Пламени заляпанный листок. — Особенно мне необходим более мощный фокус смерти. Может быть, драконий череп? Хотя он слишком массивен. Попробуйте что-нибудь найти. Я буду признателен.

— Конечно, архимаг, — магистр снова коротко поклонился, — всенепременно. А теперь я вас оставлю с вашими экспериментами.

— Да, да, благодарю, — ученый уже начал забывать о присутствии своего покровителя, — надо работать.

Он отвернулся и стал поправлять кристаллы.

«Великий человек или безумный, еще не понял. Но полезный — это точно», — подумал Мордред, удаляясь.

Его спальня встретила магистра жарой и духотой, окна и вход на балкон закрывали снабженные защитными заклятиями железные ставни, шесть светильников и свечи на люстре весело сияли. На кровати — массивном ложе, затянутом багровым ситцем и усеянном множеством подушек, его ждала служанка, четырнадцатилетняя, но вполне созревшая Мия, в рабском ошейнике с аквамаринном. Подумав немного, он прогнал ее неудовлетворенной.

Перед сном магистр пустил люстру-дракона бродить по комнате, иногда конструкт отвратно скрипел металлом о камень, но безопасность важнее. Также маг разломал

небольшой арбуз, покоящийся на прикроватном столике, чем активировал на ночь заклятие, очищающее воздух от яда и вредных газов, к тому же освежающее его. А когда он улегся, кровать окружил огненный купол, который будет надежно охранять его от недоброжелателей всю ночь.

Неудовлетворенный, но успокоенный такими мерами, магистр уснул тревожными снами параноика.

***

— Зачем ты здесь? — он смотрел на порт, с галереи белой, тонкой, почти воздушной обзорной башни, встречаться у моря было их давней традицией.

— За тем же, чем и ты, Реймунд, — ответила она, чуть куснув его в знак приветствия за ухо.

— Я всего лишь приехал подивиться на грифонов и драконьих наездников, — он улыбнулся и осторожно, чтобы не вызвать возмущения тигрицы, обнял ее за талию.

— Сильно в этом сомневаюсь, — Бэгрис гневно шлепнула Стурга хостом по мягкому месту и почесала у него под подбородком своим острым когтем.

— А ты? — Реймунд машинально погладил тигрицу по спине.

— А я, как и мой друг-убийца, всего лишь осенний лист, гонимый ветрами странствий по воле долга, — она улыбнулась, обнажив клыки.

— Поэтично, — он посмотрел в зеленые глаза пушистой собеседницы. — Сама придумала?

— Нет, — огорчилась Бэгрис вопросу. — Это Генцель. У мальчишки всегда был своеобразный поэтический талант.

— Возможно, — пожал плечами Реймунд. — Я с ним не знаком.

— А с Главой Школы Огня ты случайно не знаком? — промурчала она.

— А зачем тебе он? — Стург был несколько удивлен данным вопросом. Мордред Синее Пламя был его целью.

— Ну-у-у, он же тааакой импозантный мужжжина, — протянула тигрица томно.

— Он твой? — поразился Реймунд.

— Нет. Не он, кое-кто из его помощников. Вернее, это он думает, что помощников. Эх, ладно, не знаешь, так не знаешь... Я вижу там, внизу на базаре, девушку, она мне ну ооочень приглянулась, пойду ковать железо, пока горячо, — она, сделав стойку на руках, выпрыгнула за парапет, зацепилась за перила двумя этажами ниже, опять прыгнула, крутанулась вокруг какого-то флагового шпилья и исчезла из виду.

— Позерка, — пробормотал Реймунд, — не лучше Генцеля.

«Мордред Синее Пламя, крепкий сукин сын, — тревожные мысли одолевали Реймунда. — Глава Школы Огня насолил кому-то очень и очень крепко, а теперь он еще и прикончил одного из наших. Убить агента Альянса, уже почти забравшего твою жизнь. Убить наверняка и навсегда. Для этого нужен незаурядный талант. Как подобраться к этому параноику? Кем стать? Снова попробовать вариант напроситься в ученики? Он уже стоил жизни агента, впрочем... молния... дерево. Прикинуться деловым партнером или просителем? Или, может быть, заменить одного из союзников Мордредда по Школе? Черт, это, пожалуй, самое сложное из моих дел».

Часть 4. Глава 2. Обучение магов. Кровь, слезы, унижения

День выдался жарким и дождливым, впрочем, теплый летний дождь лишь радовал огненного мага. Чего нельзя было сказать об обязанностях, которые сегодня ожидали Носителя Короны Вечного Костра.

Каждая из Тринадцати Великих Школ магии Гилемо Антария обладала центром, как правило, столичным городом, где проходили обучение будущие маги школы, преодолевая самые тяжелые ступени могущества — ранги неофита, ученика и подмастерья. Эти школы давали качественное и завершенное образование, в них маги воспитывались в духе и традиции Школы, становясь со временем ценными членами общества на вершине социальной пирамиды государства.

Однако Гилемо Антарий, в отличие от Шваркараса и Алмарской Империи, имеющих во владении крупные центральные острова — Шварк и Алмар, как и Ригельвандо, раскинулся на нескольких архипелагах, усеянных в основном довольно некрупными островами, входящими вместе в состав Гольвадии, скопления островов Юга. Посему, как правило, Школы отделяли друг от друга многие километры моря, преодолевать которые было дорого и опасно. И для того, чтобы не терять ценные человеческие ресурсы, в каждом из крупных городов, не принадлежащих ни одной из Школ, располагались учебные «филиалы», где также готовили магов.

Само собой, такой имелся и в Антарис-Примула. И, как глава Школы Огня, Мордред не имел права не посетить это учреждение, явив своей персоной пример карьерной успешности, коей при должном старании мог достигнуть любой из юных магов огня. На деле, конечно, это было не так — Синее Пламя происходил из древнего, владетельного рода, много поколений радевшего за благо школы, и его карьерный взлет был закономерен. Но сопляков все же стоит поощрить.

Филиал Школы Огня, равно как и филиалы всех прочих Великих школ, а также училища нескольких мелких, типа школ Льда и Яда, располагался в Многоцветной Академии. Много лет назад Аструм Примарис и городские власти Антарис-Примула решили, что учебный центр столицы должен быть объединенным для налаживания добрых, дружеских отношений между магами разных Школ с детства. По мнению Мордред, это лишь способствовало взаимной ненависти, соперничеству и частой гибели неофитов и учеников на дуэлях. Зато позволяло выживать сильнейшим. Каковых среди магов Школы Огня, владеющей множеством разрушительных заклятий, было немало. Так что идея об объединении ему нравилась.

Многоцветная Академия поражала воображение величиной, буйством красок и творческим безумием архитектора, сумевшего объединить красный кирпич и желтый песчаник, мрамор семи разных цветов и разнообразные оттенки гранита. Серый строевой камень, обсидиан и мореный дуб в переплетении галерей и коридоров, башен и приземистых терм, мостов, раскачивающихся на массивных цепях и шпиль, блистающих на солнце. Многочисленные расписные ворот и стройные ряды стен, опоясывающих сооружение. Здесь со всей возможной помпой разместились тринадцать отделений Великих Школ, с жилыми помещениями, тренировочными площадками, загонами для зверей, гостиницами, библиотеками, питейными заведениями и административными корпусами, несколько

отделений школ малых. А также такие строения как Храм Высшей Магии — по сути институт, где маги разных школ совместно проводили исследования по совмещению и гибридизации магии. Турнирное Поле, где производились состязания в Искусстве. И Зал Чудес — музей Академии с небольшим зоопарком удивительных и необычных, как правило, пригодных на поэлементный разбор, созданий.

Каждый филиал Высших Школ управлялся собственным ректором и был поделен на факультеты, для магов, желающих изучать более высокие и сложные дисциплины, была отведена Аспирантура и Коллегия Чародеев (магов, постигших четыре сочетаемых магических Школы — элиты из элит), находящиеся под патронажем Конклава Ректоров — высшего управляющего органа Академии.

В вышине, над реющими вымпелами, парили грифоньи всадники и наездники драконов, охранявшие оплот науки и молодые дарования. «Кучку зеленых бездарей». Внизу эту роль исполняли Бесцветные Гвардейцы — городская стража. Всего в Многоцветной Академии обучалось более тысячи студентов-магов одновременно. Преподавательский и ученый состав включал около пятисот опытных магов и наставников, а полторы тысячи слуг — рабов и зависимых горожан, — обеспечивали все необходимые нужды учебного заведения.

Ворота Драконьего Дыхания открылись, и филиал Школы Огня встретил высокого гостя делегацией хозяев этого островка знания, состоящей из нервничающих деканов и толстощекого ректора Мальрика Тучного в богато расшитой мантии с четырехугольной, украшенной змеиными хвостами, шапочкой на голове.

— Школа Огня Антарис-Примула приветствует в своих чертогах Носителя Короны Вечного Костра и Раскаленного Клинка! — торжественно возвестил ректор, тряся многочисленными подбородками и бурно потея.

— Благодарю за прием, Светила Пламенной Науки, — так же помпезно ответил Мордред, облаченный на этот раз в доломан с красными цепями и аксельбантами, строгие шерстяные штаны и закатный плащ из шести слоев бархата. Он пожал ректору руку своей стальной дланью и дружелюбно предложил: — Ну, показывайте.

Школа Огня была представлена в Многоцветной Академии факультетами Боевой, Теоретической, Бытовой, Защитной, Общей и Высшей огненной магии.

Декан боевого факультета — подтянутый мужчина лет сорока, бывший наемник, а позже военный советник Школы, с которым как глава армии Синее Пламя был знаком, с гордостью продемонстрировал высокому гостю Ристалище.

— Бойцы растут! Настоящие воины! Гордость и честь Школы! — произнес он довольно, положив Мордреду сильную руку на плечо. «Убери, или я ее сломаю», — злобно подумал Глава Школы Огня. По пятам за ним по-прежнему следовали шестеро горящих воинов — он не мог доверять даже братьям по цеху.

Ристалище представляло собой закрытое и обложенное зачарованным для пушного эффекта негорючим камнем помещение в несколько десятков квадратных метров, где юные ученики и ученицы метали огненные шары в движущиеся мишени. Атаковали друг друга пылающими хлыстами, выставляя для защиты доспехи, щиты или сферы из огня. Пытались группами победить огненных духов. Все это были уже опытные ученики, прошедшие необходимую подготовку и жизни их почти ничего не угрожало. Однако случались и казусы.

Так, например, на глазах у комиссии рыжеволосая девушка лет пятнадцати, обладающая, похоже, немалым потенциалом, бросила в своего противника огненное копьё. Тот — парень лет четырнадцати, с длинными черными волосами, выставил щит, но копьё,

разделившись на две пики, обогнуло его справа и слева и ударило в незащищенные бока. Тут же вспыхнули волосы, одежда, запахло горелой плотью. Ругнувшись подобающим для рубаки, а не для преподавателя, образом, декан факультета выбросил из кольца с гранатом луч красной энергии, тут же погасив парня.

— Беррик, если можешь ходить, бегом в лазарет, если не можешь — ползи. Неудачники нам ни к чему. Аланра, еще одна такая выходка и отправлю сортиры чистить, — жестко сказал он, затем добавил, — но то, что освоила «двойной пилум» — хорошо.

«Рыжая — симпатяжка, интересно, старина Рональд спит с ней или девчонка просто действительно талантлива?» — подумал с ухмылкой Носитель Раскаленного Клинка.

Термы встретили их жаром и тяжелой, горячей влажностью. Здесь обучались владению силой неопиты. Мальчики и девочки, отдельно, от трех до десяти лет, редко старше, сидели в горячих парилках, из которых уже через пять минут с воем выбежал бы могучий житель алмарского крайнего севера, по нескольку часов кряду. Менее опытные их собратья плавали в горячих бассейнах, то и дело потные слуги выносили из помещений не выдержавших. Продвинутые ходили по горячим углям или купали руки в пламени жаровен. Каждый маг перед тем, как получить возможность творить заклинания, должен был познать свою стихию, ибо магия являлась отражением мира предметного и существующих в нем явлений на мир мистический или энергетический — мир отголосков реальности. Мир Вещи-в-себе, из которого маги черпали энергию, по мере сил и способностей. Для того чтобы почувствовать свою стихию, маги в начале пути должны были познать в ее природу, проникнуться потоками силы, слиться с нею. Маги огня для этого, как было ясно, подвергали себя воздействию огня и высоких температур. Маги земли сначала принимали грязевые ванны, а потом, чуть окрепнув, хоронили себя заживо. Маги воздуха целыми днями стояли на узких насестах, высоко над землей, открытые всем ветрам. Маги яда принимали отраву. Маги ночи сначала учились жить в темноте, затем воришками и нищими обитали в городских трущобах, познавая природу ночи. Как учились маги смерти или маги гнили, Мордред предпочитал не думать.

Носитель Короны Вечного Костра смотрел на этих детей и вспоминал собственное учение — обмороки, обугленные ступни, постоянная духота и жар, жар, жар. На этом этапе отсеивалось большинство бесталанных, многие умирали, обучение магии было нелегким путем, а в магии огня слабым вообще было нечего делать. Но оно того стоило — эйфорию того момента, когда он впервые смог исторгнуть из себя живое магическое пламя, послушное его воле, Глава Школы Огня до сих пор не мог сравнить ни с наслаждением от плотской любви, ни с радостью боя, ни с политическим триумфом. Прошедшие ад обретали блаженство. Он смог, и отец гордился им, брат умер в муках, сестра отказалась и жила в презрении.

Тут Синее Пламя заметил странное металлическое шарообразное сооружение, с одного края которого располагалась топка, куда чумазые мускулистые слуги кидали уголь из большой кучи.

— А это что? — удивленно поинтересовался он, глядя на струи пара, выходящие из вершины шара.

— О! Это наше особенное изобретение! — радостно возвестил декан факультета Общей магии огня, так же ответственный за детское отделение — худой бородач за пятьдесят, с добрым, чуть придурковатым лицом.

Мордред хмыкнул.

— Ну, вернее, не наше, — неуверенно улыбнулся бородач, — заказали у гартарудов, их инженер иногда приходит сюда обслуживать агрегат, правда, для этого приходится делать тут похолоднее — похоже, рогачи не сильно любят наш жар.

— И как действует? — магистр подошел к небольшому иллюминатору, расположенному в конструкции на уровне глаз.

— Там пар, его плотность и температуру можно легко контролировать рычажками, вот с той стороны, — светился гордостью декан. — Это устройство должно ускорить и сделать более контролируемым процесс познания силы.

— Сомнительно... — начал было Мордред, тут в иллюминатор вlepилась детская пятерня, оставляя отпечаток на запотевшем стекле. «Твою мать!», — магистр отпрянул и схватился за рукоять своего Раскаленного Клинка — полторника в лакированных красных ножнах, увитого цепями и украшенного пульсирующими рубинами. Детская рука принялась панически колотить в стекло, сотрясая поверхность иллюминатора, стук-стук-стук, из последних сил.

— Ох, — расцвел бородач, — похоже, юный Марти не выдержал. Томас, — обратился он к одному из кочегаров, — выпусти, пожалуйста, ученика.

Рассматривая тщедушного пятилетку в полубессознательном состоянии, с кожей красной, почти сваренной, извлеченного из механизма, Синее Пламя подумал: «Технология на службе магии, мне это нравится, рогачи сами делают нас сильнее».

— Думаю, надо доработать, — заметил декан.

— Да, — согласился Мордред, — но задел на будущее есть. Пришлите мне потом отчет о результатах испытания. Обязательно со статистикой смертей. Если будет удовлетворительной, в других школах тоже введем ваш агрегат. Как вы его, кстати, назвали?

— Адская душегубка, — потупился бородач.

— Подходяще, — улыбнулся Мордред.

В одной из аудиторий для лабораторных работ группа учеников факультета Бытовой Магии работала с фокусами. Магия являлась продуктом заимствования энергии из непредметного мира в мир предметный, эту энергию образующий. Понять этот постулат Носителю Короны Вечного Костра в свое время было сложнее, чем научиться творить заклинания. Для выплеска в мир предметный магической энергии требовался фокус — как правило, предмет, имеющий отношение к образованию нужной магической энергии. Для Школы Огня это было пламя. Ученики в аудитории под надзором суровой преподавательницы среднего возраста сидели за партами и держали в руках кто факел, кто свечку, кто масляную лампу. Пытались творить заклинания, передавая энергию через свое тело и концентрируя ее при помощи таких незамысловатых фокусов. Важным было так же не переборщить — человеческое тело, особенно нетренированное, способно было вместить ограниченное количество энергии, если в пространстве вокруг или в самом фокусе, энергию не только направляющем, но и создающем, ее оказывалось слишком много, то магу грозили серьезные неприятности — физические и психические травмы.

Так, например, у одного из студентов, сидевших друг от друга на почтительном расстоянии, державшего крупный масляный факел, похоже, произошло переполнение. Из рта у него, обжигая язык и внутренности, вырвалось материализованное пламя, а из носа хлынула кровь. Под дружный смех коллег слуги вывели его из зала, поддерживая под руки.

— Какие награды лучшим в этом году? — поинтересовался Мордред у декана факультета Бытовой Огненной Магии, невысокой, полноватой женщины в шелках, золоте и

самоцветах.

— Три рубиновых перстня, а отличившемуся — жезл с огненным камнем, — почтительно ответила она.

— Богатеем, — улыбнулся Синее Пламя. Речь шла о так называемых «спецфокусах» — артефактах, где сущность огня (и вообще любой магической стихии или основы) была посредством сложных манипуляций, доступных опытным артифисерам (они редко при этом являются магами), и подходящих ингредиентов, заключена в неактивной форме, пригодной для долгого использования. Если факел вырабатывал свой ресурс после десятка заклятий, свечи хватало на три-четыре, а спички — на одно и слабое, то спецфокус, в виде, например, рубинового кольца с красным золотом, правильно сработанного, позволял произвести сотню-две манипуляций, после чего активный элемент, в данном случае — рубин, разрушался.

Эти артефакты были достаточно редки и ценны, ибо делали их в основном не маги, а колдуны и артифисеры, реже зельевары и алхимики. Собственным, почти неисчерпаемым, стоящим как небольшой дворец, фокусом Мордредра были его латные перчатки и легендарный Раскаленный Клинок, бесценный, ибо его ресурсы не могло исчерпать уже шестое поколение Носителей.

Для учеников старшего возраста, готовящихся стать подмастерьями, в Алой аудитории читалась лекция по сложным вопросам теоретической магии.

— Материя суть есть первична, она определяет сознание, равно как определяет мир энергии. Если бы материя действительности была бы иной, объективная реальность строилась бы на совершенно других условиях, нежели чем известная нам. Объективная действительность, данная нам в предметном мире, познаваемая эмпирически посредством ощущений, детерминирует вариативы существования и развития всего сущего. В том числе, энергетических пространств, а также явлений божественных и даже хаОса, неупорядоченной вселенной, — с огнем в глазах читал лектор — молодой и лохматый маг, неизвестный Мордреду.

— Что это еще за ересь? — пораженно поинтересовался Глава Школы Огня. — Кто этот псих?

— Это не ересь, — обиделся тоже очень молодой, незнакомый Синему Пламени декан Факультета Защитной Огненной магии, которого Носитель Раскаленного Клинка подозревал в недобром и всегда старался держаться от него за два-три горящих воина. — Это приглашенный лектор, светило науки — Карлос Мракс.

— Оно и видно, — угрюмо согласился Мордред. — Мракс-с он несет. Надо вам будет финансирование урезать, чтоб не тратили деньги на таких гастролеров.

«Интересно, кто назначил этого парня в деканы, чья он протекция? Надо будет выяснить, этот блондинчик мне не нравится».

В завершение магистр посетил Высокие Покои. В ранге неопита маг познает силу своей стихии, в ранге ученика — учится ею управлять. Становясь подмастерьем, он учится быть магом, ему дают наставника из опытных магов, который учит своего подопечного глубинному пониманию искусства, а также знакомит с традициями и принципами Школы. На осознанном уровне наставник окончательно указывает новияту путь полезности и лояльности, который тот должен пройти.

В отдельных кабинетах и тренировочных залах наставники и их подмастерья занимались шлифовкой искусства. Изобретением собственного магического арсенала

(основы создания заклинаний закладывали в Школе с малых лет, но в процессе обучения каждый маг сам выковывал арсенал наиболее подходящих для себя заклятий, которыми мог легко пользоваться). Обсуждением важных теоретических и моральных аспектов магии. Впрочем, магов тут было совсем немного — подмастерья и их наставники не были обязаны оставаться в здании Школы. Многие путешествовали или служили. Отцом Мордреда был прошлый Носитель Раскаленного Клинка, а его наставником стал друг отца — позапрошлый Носитель Короны Вечного Костра, и юноша впитывал последние крохи учения искусству вместе со знаниями о том, как нужно править и воевать.

— Магистр, — обратилась к нему Селеста Мангари — декан Факультета Высшей Магии, — ведь в данный момент у вас нет подмастерья.

«Вот еще».

— Нет, госпожа декан, — ответил он вежливо, чуя западню, — я покамест не чувствую способности взять ответственность за воспитуемого.

«Прошлый ублюдок, которого мне подсунули, попытался меня убить! Я воспитывал его два года! Мне собственноручно пришлось изжарить засранца!»

— Разрешите вам представить? — улыбнулась красавица Селеста. — Это Родрик Аннельхейм, достойнейший из учеников прошлого года выпуска, готовый стать верным и надежным подмастерьем, ваша пламенность!

«Нет! Нет! Не сейчас, тупая сука! Мне не нужны еще одни лишние уши, ни в крепости, ни в жизни!»

— Приветствую вас, господин магистр, — коротко поклонился высокий юноша с широким лицом и довольно неприятной улыбкой, которого подвела декан. — Для меня было бы честью служить вам верой и правдой и усвоить хотя бы малую часть вашей мудрости.

— Благодарю вас, Родрик, — «Язык у него неплохо подвешен. Но как же здоров». — Я, безусловно, рассмотрю вашу кандидатуру, все обдумаю, и сообщу о своем решении, какое бы оно ни было, позже...

— Но... — начала было Селеста.

— Позже, — отрезал Мордред. — Скажите, Родрик, в вашем роду не было гетербагов?

— Нет, мой господин, — вопрос, похоже, не смутил парня, — но мне многие говорят, что я велик и силен, как один из них. Но, поверьте, магистр, ни на умственных, ни на магических моих способностях это не сказалось.

— Охотно верю! — ухмыльнулся Синее Пламя. — Что ж — позже. А теперь нам пора завершать. Повара, наверное, заждались.

«Пора отсюда сваливать, и помни, идиот — ничего не ешь и не пей на банкете, кто знает, может, один или несколько этих лживых тварей сговорились тебя прикончить, банкет самое место», — размышлял Мордред сам с собой, направляясь на праздничный обед в его честь.

Воздав должное истинно царскому угощению, вернее, сделав вид и проверяя исподволь каждый деликатесный ломтик своим малахитовым жезлом, глава Школы Огня сказал пару слов о долге, чести и славе удела жизни огненного мага перед собранием учеников и, высказав удовлетворение работой филиала Школы ректору и деканам, удалился.

Часть 4. Глава 3. Немного подкововерной возни

— Меня интересуют голоса, — отпив вина из бокала тонкого стекла, говорил Мордред часом позже, трапезничая в «Ласковом Ветре» — одном из лучших и славящихся своей честностью (никто из посетителей за двести лет не умер от отравы или в результате ссоры в стенах заведения) ресторанов города. — Но также и вся возможная лояльность Школы Воды, которую вы сможете мне обеспечить. Непосредственно в вопросах колоний меня волнует не только необходимость получить их, но также — удержать. Тут вы бы мне пригодились.

— Несомненно, — отвечал его собеседник, мастер воды Декар Дождливая Осень, попивая кофе из небольшой фарфоровой чашки. — Но прежде разрешите поблагодарить вас.

— За что же? — недоуменно поинтересовался магистр.

— За это место — я о нем не знал, — улыбнулся собеседник, огладив серебристо-синие волосы, в этот раз заплетенные в несколько косичек. — А также за ваше внимание, признаться, не ожидал, что вы снизойдете до беседы со мной. Размышлял попытать счастья с Носителем Пламенного Жезла или Пламенной Книги, они ведь тоже в городе?

— Да, место приятное, — «Хитрый щенок, желаешь подстегнуть мой интерес? В эти игры играют парами», — я никогда не упускаю хорошие возможности, но ресурсы мои, понятное дело, ограничены. Выбирая меж несколькими кандидатами, которые добивались моего внимания — включая магов из Школ Земли и Воздуха, — я выбрал наиболее перспективный вариант, — улыбка Синего Пламени стала хищной. — И, похоже, не ошибся в Мастере Воды, осознающем, что мои ресурсы много больше, чем у прочих иерархов Огня.

— Поэтому я здесь, — сделав еще глоток, юноша отставил чашку. — Если цена поражения — смерть или изгнание, то я готов играть по-крупному. Вам нужны голоса, мне поддержка.

— Пожалуй, я могу ее обеспечить, — рука в латной перчатке налила себе еще вина, от услуг официантов, само собой, пришлось отказаться. — Люди, оружие, корабли? Что-то особенное?

— Пригодилась бы диверсия, — мастер воды стал серьезен, — и напряженные дебаты в Аструм Примарис, которые бы на время обратили на себя внимание видных иерархов нашей школы. Привели бы их в Совет, подальше от дома. А мои друзья тем временем были бы рады пригласить двести-триста боевых магов огня в Аквирас.

— А что на это скажет Леди Воды? — поинтересовался Мордред безразличным голосом.

— Леди Воды окружена неверными советниками, лжецами и подхалимами, — жестко проговорил юный маг, сжав кулаки в шелковых перчатках цвета неба. — Отщепенцами из благородных якобы семей, уже давно утративших способности к управлению. Перемены необходимы!

— Несомненно, — бокал медленно вращался в стальных пальцах магистра. «Такой юный, такой горячий, такой наивный».

— Из них опасен лишь Мастер Подземных Рек, Даон Дипволдрис, — мастер воды чуть замялся, — И я был бы рад воспользоваться вашими несравненными ресурсами, для создания, э-э-э, диверсии, которая могла бы отвлечь его внимание.

— Вот как, — голос магистра был сух и задумчив. «Идиот, если он тебя поймает, то это поставит под удар и меня, и все ваше дело, нельзя же говорить столь открыто. Но как же

хочется утереть нос их мальчишке-адмиралу». — Меня интересуют голоса: колонии Школы Тьмы, закон о побочных наследниках, поправки к дипломатическому курсу и всякая мелочь. Позже мои люди сообщат вам подробности. И, само собой, флот Школы Воды должен будет готов оказать поддержку нашим войскам на Экваторе.

— Это меня устраивает, магистр, — Декар склонил голову, тряхнув косичками. — Чем мне доказать нашу преданность?

— Голосами Школы Воды на текущем голосовании, само собой, — Мордред допил вино. — А также, для моего спокойствия, вы сообщите позже и не мне, а одному из моих людей, имена ваших сообщников, чтобы я знал, с кем имею дело.

— Хорошо, ваш человек сможет меня найти... — начал юный маг.

— Не волнуйтесь, друг мой, теперь вы мой союзник, — Синее Пламя зловеще осклабился. — Мои люди знают, как вас найти...

***

После «Ласкового Ветра» была «Чайка», заведение много менее статусное, но принадлежащее друзьям Носителя Раскаленного Клинка.

— Две тысячи в Школу Света, семь в Школу Воздуха, пятьдесят в Школу Эмоций, — вещал сидевший напротив магистра неприметный толстячок. Из бухты свежий ветер нес на открытую террасу запах воды и соли.

— Школу Воздуха и циркачей вычеркни, — Мордред махнул рукой. — Здесь Владычица Небесной Башни, — «Чтоб грифы выклевали тебе глаза, надменная шляха», — они будут делать лишь то, что прикажет она и ее новые фавориты. А циркачей подкупать бесполезно. Пока не сменился Черный Клоун — это все равно, что бросать золото в отхожее место.

***

— Велларес Красный Бык был замечен в обществе Фельдмаршала, — шептал, то и дел озираясь, карлик в розовом дублете. — О чем они беседовали, узнать не удалось, однако...

— Это был мой приказ, — «Ну что поделать — иногда случается шпионить за самим собой», — сурово отрезал Мордред. — Дальше.

— Енох Драконье Золото посещал бордель «Гартанна», — шепот карлика перешел на писк. — Это заведение принадлежит Школе Дня.

— Да что ты? — ухмыльнулся магистр. «Это уже интереснее, надо будет не забыть отправить казначею письмо с напоминанием, что его дочь до сих пор воспитывается в моей семье. Или сразу прислать кусочек уха девчонки?»

— Именно. Но самое подозрительное — Артур Краснолицый, Носитель Пламенной Книги, посещал судно «Гордость рода», принадлежащее одной из Астуритонских Благородных Семей, туда же, позже, были перевезены шесть сундуков из Банка Читеолли.

— Свободен, — мрачно бросил Мордред и погрузился в мысли.

«Малокровные из Благородных Семей Астуритона часто становятся авантюристами, даже наемниками и убийцами, «Гордость Рода» принадлежит семье Риккенберз. Носители крови этой семьи способны превращаться в монстров, вторую натуру которых они возвращают в себе. Это опаснейшие, почти идеальные убийцы. Золото из ригельвандского банка, не разглашающего сведения о своих клиентах ни при каких условиях, сразу после визита моего друга Краснолицего. Не в меня ли ты метишь, библиотекарь? Все еще недоволен, что я обошел тебя при выборах на Носителя Короны Вечного Костра? Что ж, подобное выбивают подобным, а действовать нужно на опережение».

Минутой позже он приказал одному из доверенных лиц найти другого выходца из

Астуритона — кого-то из Семьи Виттенберз, владеющей живыми клинками.

***

И, наконец, литературный салон «Песнь Девы», где собирался весь цвет магической публики, что-либо смыслившей в литературе. Свечи в изящных золотых канделябрах и магические светильники под потолком давали ровный мягкий свет, озарявший просторную сцену с кафедрой, где какой-то юный белокурый маг зачитывал недурную балладу о любви и смерти. Полсотни столов из драгоценных пород дерева, украшенных резьбой и позолотой, скрывались в тени, пока шло выступление. За двумя соседними столами, сопровождаемые пустоголовыми, восторженными спутником и спутницей, глядя исключительно на сцену, и иногда на свою вторую половину, беседовали, как бы невзначай, двое — Мордред Синее Пламя и Элисса Солнечная Мышь.

— Ах, взгляни, Арман, на эти золотые огни, — обращалась русоволосая красавица в газовом платье к своему кавалеру. — Двухсот тысяч таких, я думаю, хватило бы, чтоб осветить чертоги моего особняка?

— У юноши на сцене вкус недурен, не находишь, Лана? — замечал Носитель Раскаленного Клинка своей спутнице. — Но он слишком жаден до зрительских симпатий.

— О, — стонала, глядя на сцену и огни над ней, пышногрудая красotka Элисса, — даже ста пятидесяти хватило бы. Я была бы готова отдать свой сладкозвучный голос за буйство этих огней.

— Вот теперь он перешел, пожалуй, к самой интересной части своего произведения, — шептал громко Синее Пламя, целуя своей спутнице руку. — Если бы к его громовому баритону прибавились бы голоса его талантливых друзей, которых я вижу там во тьме, я не пожалел бы никаких денег, чтобы разнести их сладостную речь над далекими просторами Экватора.

Мордред и Солнечная Мышь на мгновение встретились взглядом, она подмигнула, он победно улыбнулся. Школа Света дала согласие на серьезные переговоры.

Кровь и бронза. Полосатая служанка

Глава Школы Огня вернулся домой глубоко за полночь, измученный дневной беготней и постоянными подозрениями, льстивыми ухмылками и лживыми речами, скрывавшими острые ножи. День дался ему нелегко, и не было оснований полагать, что прочие будут лучше. Все больше и больше ненавидел он столицу.

Приняв ванну и неплотно поужинав, он устало отправился в свою комнату.

Она лежала на полу его спальни, толстый живот распорот, сизые внутренности наполняют душное помещение зловонием, черные волосы почти все сгорели, в глазах застыло бессмысленно-покорное выражение. Одна рука, в рабских кандалах, оторванная и обугленная, валялась в трех метрах от тела, сочась сукровицей из черных трещин. Во второй была зажата щеточка для уборки пыли. Люстра-конструкт, свернувшись, висела на своем месте, из ее челюстей капала кровь. Пара настенных бесов еще горячи после выброса пламени.

«Какой идиот послал сюда именно ее? Почему никто не отключил ловушки?! Почему никто не дал ей опознавательный амулет?! Почему никто до сих пор не убрал ЭТО из моей спальни? Неужели я мало плачу ублюдкам, неужели сложно избавлять меня от подобных зрелищ?! Она сдохла! Неужели надо было дожидаться, когда я сам вернусь и обнаружу это? А может, она хотела меня убить. Хотела затаиться и зарезать? Или отравить ткань подушки? Черт! Черт! ЧЕРТ!»

Дворецкий лепетал что-то о том, что не посылал Петти сегодня убирать в его комнате, что служанка перепутала день, что это все огромная ошибка! «Ошибкой было твое рождение!» — орал Мордред и бил слугу ногами. Потом коротко распорядился:

— Иди и найди новую.

«Проблема с Петти состояла еще в том, что она прислуживала Книжному Червю, а не этих продажных шлюх я не могу ее заменить».

— Кого магистр пожелает видеть в качестве служанки? — дворецкий встал, вытирая кровь с губ. — Мне составить для вас список кандидатур?

— К черту!

«Если кто-то узнает, что мне нужна служанка, то тут же постарается подкинуть такую, которая решит меня уморить».

— Иди на улицу и выбери первую встречную, которую сочтешь подходящей, приведи ее сюда и дай мне с нею поговорить.

Ужас от такого вопиющего нарушения этикета, увиденный в глазах дворецкого, доставил Синему Пламени истинное наслаждение.

«Хороший ход — безвестная, никому не служащая девка с улицы. Одно большое никто — мы не станем выпускать ее из Цитадели, и я буду уверен, что ее никто не подкупил и не послал убить меня, я все еще могу придумывать оригинальные ходы!»

Через час дворецкий, не смея ослушаться приказа гневного господина, привел симпатичную девицу — высокую, стройную, даже сексуальную в своей кожаной безрукавке и узенькой юбочке на крутых, аппетитных бедрах. Еще у нее были изумрудные глаза, а мать или отец, похоже, грешили с тигринами, что пошло девице на пользу. «Мне уже не терпится намотать твой полосатый хвостик на руку, когда я буду брать тебя сзади». Его мужское естество напряглось, сделав штаны тесными.

— Как твое имя? — сурово поинтересовался он у претендентки в служанки.

— Бэг, мой господин, — ответила она, откровенно похотливо осматривая Мордред.

— Желаешь ли ты служить Школе Огня, Бэг?

«Нет, не сейчас, оставь свои мысли, даже со случайной девкой с улицы спать слишком опасно».

— Я сделаю все, — она томно улыбнулась, обнажив нечеловечески крупные клыки, — что прикажет мой господин.

— Знаешь ли ты, кто я? — мягче, но все же строго поинтересовался он.

— Слава о моем господине идет далеко, а я лишь маленькая кошечка, каждый день торговавшая цветами у подножия резиденции Огня. Мой господин величайший из величайших Носитель Короны Вечного Костра и Раскаленного Клинка, так поют герольды когда господин выезжает из Цитадели. Я вся трепещу от оказанной мне чести, — она скромно опустила глаза в пол.

— И ты столь послушна, ты столь желаешь мне служить, что даже позволишь, надеть на тебя рабский ошейник в оплату за честь? — помпезно спросил Синее Пламя.

— Не колеблясь, мой господин! — когда она посмотрела на него, в ее изумрудных глазах была страстная, испепеляющая, трогающая до самой души любовь.

— Отлично. Я рад тебе, — затем магистр обратился к дворецкому. — Подбери ей ошейник покрасивее, обязательно с изумрудом, и пусть принимает обязанности Петти. Представь ее архимагу, и пусть работает.

Дворецкий кивнул и поклонился.

«Я поиграю с тобой чуть позже, кошечка».

Перед сном пришлось заняться еще одним неприглядным делом — отключить и отправить в хранилище добрую половину охранных артефактов, в том числе люстру и бесовбарельефы. Без них Мордред чувствовал себя почти голым, совершенно незащищенным. Но кто знал — может быть, в следующий раз бронзовый дракон набросится на него, а у магистра не хватит пламени его успокоить, или же бесам вздумается подышать в неурочное время. Также охранные артефакты убрали и из других частей цитадели — големы, огненные ловушки, падающие из стен железные решетки, рассыпающиеся на жалящих стальных скарабеев. Все это отправилось на склад, оставив Синее Пламя волноваться о том, не переборщил ли он.

А теперь его ждала кровать, со страстью любовницы и мягкостью матери принявшая Носителя Короны Вечного Костра в свои объятия. Сны были мрачным, тревожными и наполненными кровавыми подозрениями.

***

Он видел, как она зашла в калитку в массивных воротах Пламенной Цитадели, махнула хвостом, но он был уверен в том, что Бэгрис его видела и поддразнивала. «Я уже здесь, а ты там мерзнешь».

Он действительно был близок. Почти уверен в том, что его пригласят в чертоги Школы Огня. Но паранойя или природная осторожность Мордреда не позволили этому произойти.

Ничего, Реймунд Стург умел ждать, умел выбирать момент и умел наносить удар.

«Позже. Позже — так позже, — думал убийца. — Мордред Синее Пламя — искушенный политик и опытный интриган. Ума не приложу, как он сумел разгадать моего предшественника. Леон Белокровый — он был одним из лучших. Мастер, познавший в совершенстве искусство имперсонации и актерское мастерство, без труда читавший в человеческих душах. Почти гений. Он умел выжидать и действовать наверняка. Самое долгое его дело длилось десять лет, за которые он сумел дослужиться от капрала до полковника, чтобы прикончить колониального генерала. Где случилась осечка? Что пошло не так? Как этот мрачный параноик в алых тонах сумел переиграть такого специалиста? Вот она — наша жизнь. Судьба агента — чередой никому не известных «великих» свершений и бесславная смерть от рук очередного негодяя. Мы платим своими душами и телами, а взамен не получаем ничего. Прочь. Прочь, мрачные мысли. Положусь на удачу новичка и болезнь разума красного мага. И на Бэгрис. Хоть одна хорошая новость. Она единственная, кому я хоть сколько-то верю. Кошка не подведет. Не подводила никогда. Черт, я почти люблю ее».

Библиотека Хранителей Знаний. О государствах-уникумах Южного Архипелага Гилемо Антарий и Сетрафия

Единственная в мире Держава Магии!

Наша великая держава возникла, когда в Древней Империи Имирас (глава 3, параграфы 1–8), в городе Гилемо, коий теперь сменил свое название на Антарис-Примула, маг Антарий создал первую Магическую Академию. Он выработал научные принципы подхода к изучению магии (глава 6, параграф 3) и обеспечил магическому искусству такую форму, в которой мы знаем его и сейчас.

Первоначально существовали Четыре Школы Стихий, мастерству которых обучали в Академии Гилемо. Это были стихии огня, воды, земли и воздуха. И позднее именно эти школы легли в основу образования государства, получив имя Великих.

Много позже. После Черного Похода и распада Империи Имирас, Великим Школам

Стихий, образовавшись самостоятельно на нескольких островах будущего архипелага Гилемо Антарий, стала противостоять Школа Основ. Первоначально в нее входили Школы Дня и Ночи, позже добавились Школы Света и Тьмы. Школы Основ настаивали на верховенстве своего магического искусства по причине происхождения его от основных категорий вселенского порядка, в то время как стихии почитались ими как вторичные природные элементы. В ходе возникших дискуссий ни одна из сторон не получила существенного перевеса в борьбе, однако Школы Стихий, объективно осознав могущество Школ Основ, пришли к решению включить их в существовавший на тот момент в составе четырех Школ Аструм Примарис.

С течением времени, приблизительно через сто лет (более точные даты историческая наука покамест не имеет возможности установить ввиду утраты огромного количества документов в ходе Эпохи Черного Неба), к Школам Стихий не без борьбы присоединилась Школа Металлов, фактически при помощи своего превосходного оружия завоевав себе место в Совете. А немногим позже к Школам Основ присоединилась Школа Жизни.

До сих пор многие маги считают, что самым черным днем в истории Гилемо Антария, был день, когда к Школам Основ присоединилась Школа Смерти. Адепты которой, ввиду поощрения со стороны Аструм Примарис, вызванного невозможностью предсказать последствия, также занимались чернокнижием, в том числе некромантией.

В результате этого прискорбного события очень скоро из магов Школы Смерти выделился Виттус Мальгвезийский, происходящий из владения Мальгвези, ныне разрушенного и сохраняемого как исторический памятник. Эксперименты и идеология данного человека вынудили Аструм Примарис изгнать его из пределов Гилемо Антария и упразднить Школу Смерти.

В результате последующих событий — а именно бегства существенного количества учеников Мальгвезийского вслед за учителем, — было образовано государство, получившее название Звездной Конфедерации, что считается для Гольвадии началом периода Эпохи Черного Неба.

В ходе Эпохи Черного Неба существующий в Гилемо Антарии порядок был фактически разрушен, ввиду потери большей части территорий, политического и экономического коллапса Державы.

Сразу по завершении Эпохи Черного Неба, которое ознаменовалось падением преступной Звездной Конфедерации и возвращением в Гилемо Антарий Школы Смерти, когда наследники Виттуса Мальгвезийского вошли в состав Аструм Примарис под номером 13 и заключили пакт Черной Книги, обязующий их контролировать и предотвращать все возможные попытки появления чернокнижников, схожих с Мальгвезийским, и регулярно отчитываться Совету о деятельности своей Школы, государственная структура постепенно начала восстанавливаться в новых условиях.

Предшественниками номерами в списке Великих Школ стали Школы Боевой Магии и Магии Эмоций. Согласно общей классификации, эти школы относятся к Школам Социальной Магии, но прочие школы из этого списка представлены в Гилемо Антарии лишь малыми школами.

Малые школы включают в себя различные специальные образования или суррогатные подходы к магии, воплощающиеся в виде объединений полезных Гилемо Антарии, но недостаточно значимых, чтобы войти в Аструм Примарис.

Данные школы возникали и исчезали на протяжении всего существования державы.

Самыми ранними считаются школа Льда, выделившаяся из Школы Воды, школа Магмы, выделившаяся из Школы Огня. Школа Стали, выделившаяся из Школы Металла. Школа Яда, выделившаяся из Школы Земли. Школа Воня, ныне фактически не существующая, выделившаяся из Школы Воздуха, к ее прискорбию. Эти малые школы классифицируются как Естественные, поскольку образовались естественным путем в ходе специализации магов Стихийных Школ.

К научным — выделившимся в ходе обособленного научного поиска, в результате необходимости отвечать на исторические вызовы, бросаемые Гилемо Антарию, — школам относится ряд школ, уже сейчас готовых приблизиться к статусу Великих. Школа Разума — маги данной школы служат в структурах безопасности Аструм Примарис и Великих Школ. Они немногочисленны, но сама магия этих школ весьма могущественна, однако Школа Разума при появлении взяла на себя обязательство не входить в Аструм Примарис. Такое же обязательство взяла на себя не менее многочисленная, появившаяся в ходе активного научного поиска, школа Информации, маги которой работают в схожих областях.

Также малые школы появлялись как попытка выделить новые пути развития магии, такие школы имеют звание неклассифицированных или же относятся к магии социальной. Могущественные и невероятно редкие — школы Изменения и Искажения, по поводу второй из них до сих пор ведутся дискуссии о правомерности. Школы Тела, Призыва и Анимации, в Гилемо Антарии не получившие чрезмерного развития, в других областях очень распространены за счет уникальных возможностей, которые даются магам этой школы. Отдельным порядком идет школа Бытовой магии — в рамках традиции Гилемо Антария, бытовая магия изучается каждой школой отдельно. Однако в Шваркаресе и Ригельвандо школы Бытовой магии существуют наравне со школами Боевой магии. Так же существуют узкоспециализированные школы, возможности магов которых достаточно ограничены, ибо применимы в небольшом количестве областей — такие как школа Секса, школа Боли, школы Страх и Темных эмоций, выделившиеся из Школы Эмоций и прочие.

На данный момент Гилемо Антарий переживает бурный период развития магической научной мысли и не исключено, что в ближайшем будущем появятся новые школы, а какие-то из малых достаточно окрепнут, чтобы войти в Аструм Примарис.

История Гилемо Антария с древнейших времен, до наших дней: [Рекомендован для старших учеников и подмастеров] / ред. Теодор Рваный, Фелиция Золотое Пламя, Альфрес Ризерро и др. 764 год от о. А.И.

Часть 4. Глава 4. Летающие корабли и малокровные наемники

Гавань была полна народу — у причалов теснились сотни кораблей со всех сторон света. Гордые галеоны Алмарской Империи. Бригантины и флейты из Шваркараса. Эллумисские макробиремы. Пузатые ригельвандские торговцы. Остроносые хмааларские шебеки. Дракийские джонки. Похожие на расправивших крылья птиц корабли из Симиралла. Даже сетрафийский паровой крейсер, обшитый броней, с двумя трубами и мощными, шипованными колесами. И множество судов из иных земель.

Гавань охранялась Радужными Бастионами — сетью крепостных сооружений, в которые каждая из Школ обязана была посылать воинов и магов. Эти величественные крепости из белого камня были оснащены всеми достижениями гилемо-антарской магии. Огнедышащими пушками Школы Огня, ледяными копьеметами, каменными требушетами, роями теней, с близкой дистанции посылавшими на врагов сонмы бестелесных воинов-призраков, и, конечно же, крупнокалиберными пушками береговых батарей, которые лили в Школе Металла и Школе Боевой магии.

Под десятками крытых базаров и сотнями навесов не протолкнуться было от кишевшего в них народа, разговаривающего на множестве разных наречий. А бульвары и проспекты, идущие вдоль гавани, раскинувшейся полумесяцем вдоль берега Астара, были облюбованы великолепными в своих пестрых облачениях магами и их высокородными гостями — капитанами, аристократами и богатыми купцами. Простой люд на эти украшенные резными скамейками, освещаемые золотистыми магическими фонарями в темную пору территории не пускали, дабы не осквернить благородный взор их основных посетителей.

Магазины, лавки, склады и купеческие дома покрывали Серую Гавань, где шел постоянный торг. А в Гавани Меча маршировала по мраморным плацам морская пехота и боевые маги Школ, охранявших Антарис-Примулу или сошедших с боевых кораблей. Благословенная Гавань предназначалась для судов Школ и высокородных гостей, в ней также располагались летающие корабли — предмет сегодняшнего визита Главы Школы Огня.

— Приветствую Носителя Короны Вечного Костра и Раскаленного Клинка, — отдал честь двумя пальцами улыбающийся капитан, облаченный в пурпурный кафтан с аксельбантами и эполетами, вишневым камзол и белый жилет. На голове он носил широкую треуголку с плюмажем, трепетавшим под свежим ветром, а на ногах — кюлоты кирпичного цвета и высокие ботфорты, блестящие свежей лакированной кожей. На массивном поясе в серебристых ножнах висел морской палаш, а за пояс было заткнуто четыре пистолета с перламутровыми ручками.

— Доброго утра, Джон, — расплылся в улыбке Мордред. Джон Горячие Паруса был его другом, славным малым, магом, обученным в Школе Огня и в малой магической школе Моря, а также он был капитаном личного судна Синего Пламени.

«Враждебный» был летающим фрегатом, в его алом корпусе виднелись задранные на стоянке порты для двадцати шести пушек. Три мачты горделиво возвышались над суденышками поменьше, окружавшими его. На ноке каждой из них виднелись бронзовые украшения в виде пылающих факелов. А носовая фигура из красного дерева, меди, бронзы и эмалированной стали являла миру разъяренного огненного демона, выдыхавшего пламя и

сжимавшего кривые ятаганы в вытянутых мускулистых руках, стальные крылья монстра охватывали нос корабля.

«Враждебный» был летающим кораблем, а потому в его кормовой части виднелась сложная конструкция из сияющих рубиновым светом кристаллов, медных трубок и острых шпилей, меж которыми проскакивали магические разряды. Полетная машина позволяла этому обладавшему отменными мореходными качествами судну в случае опасности или при возникновении необходимости двигаться быстрее. Подниматься в воздух и плыть по нему, используя тот же ветер, что и на море. Так он мог проделать много миль, минуя опасности морских просторов, находясь в воздухе до шести часов в сутки, после чего полетной машине требовался отдых и обслуживание.

Летающими кораблями владели многие школы, они составляли существенную часть ударной мощи Гилемо Антария в схватках на море, периодически даже на суше. Хотя особенно высоко, туда, где дули более жестокие ветры, им подниматься было опасно. Большая часть таких кораблей была не крупной — шлюпы, люггеры, бригантины. Самыми быстрыми, способными дольше всего оставаться в воздухе (лучшие модели — в течение нескольких суток), обладала Школа Воздуха, использовавшая в полетных машинах энергию магии своей школы, в то время как большинству прочих школ приходилось использовать дорогостоящие артефакты из редких материалов, например, воздушного камня. Однако за исключением десятка судов, находящихся в непосредственном ведении Аструм Примарис, сравниться с «Враждебным» могли лишь «Смертоносец» — линейный корабль Фельдмаршала боевых магов, «Айсберг» — корвет Хранителя Лазурных Берегов Школы Воды и «Томная Молния», принадлежавшая Ночной Звезде из Школы Ночи. Последняя использовала какую-то особенную полетную машину неизвестной конструкции и могла даже становиться невидимой, но уступала прочим вооружением.

Кают-компания «Враждебного» была большой и удобной, стол на двадцать персон был сервирован всего на двоих — капитана и его гостя. На собеседников со стен, обшитых панелями черного и красного дерева, взирали портреты прошлых капитанов, а из углов тарачились пустыми прорезями шлемов парадные доспехи.

— Этот город меня тяготит, — пожаловался магистр, отпивая ром из чеканной рюмки. — Всюду вижу измену и злобу, даже те, кого я считал союзниками, вызывают подозрение, а от врагов вообще жду худшего.

— Ты в своем репертуаре, — капитан рассмеялся, обнажив белые зубы в половине рта и золотые протезы во второй половине. — Если тебя пытался прикончить собственный ученик, это еще не повод шугаться от каждой тени. Да, вас, больших ребят, иногда убивают, но ты достаточно силен и опасен, к тому же за тебя будут мстить, — он хлопнул себя сильной рукой в кожаной перчатке в грудь. — Я, например. Я же помню, как ты вытащил меня на себе из пекла. Есть много людей, верных тебе! Просто не стоит так волноваться!

— Ну, знаешь ли, когда маленький засранец, которого ты воспитывал и одевал, учил и нянчил, вдруг неожиданно пытается отплатить кровавой монетой, это наводит на мрачные мысли, — «Может ты и прав, старый друг, а может быть, тебя кто-то заставил говорить эти слова, сыграв на одной из твоих многочисленных слабостей». — Но представь себе! В академии мне пытались всучить нового питомца!

— Ну, так и взял бы, — серьга в левом ухе Джона разбрасывала по каюте тысячи бриллиантовых бликов. — Заодно проверили бы на практике, был ли прошлый раз случайным или злонамеренным.

— Прошлого ты тоже мне советовал взять, несмотря на подозрения, — мрачно заметил Мордред, отрывая зубами кусок от ноги поросенка, зажаренного в сухарях и сметане. — Тот был безродным, никому неведомым и малообщительным. Этот, как я успел выяснить, такой же. Не полезу дважды на те же грабли. К тому же, он ночью шнырял возле Пламенной Цитадели, его видели мои люди.

— Ну уж, — мотнул головой капитан. — Ты везде видишь черные плащи и колкие кинжалы. Может, у парня подружка поблизости живет?

— Может и так, — Синее Пламя проглотил свинину с трудом, опять кусок не лез в горло, — но моя шкура мне дорога, и я не готов расстаться с жизнью, недооценив еще одного щенка.

— И это говорит человек, рубившийся на саблях с амиланийской бабой-капитаном посреди горящих снастей, когда пламя уже подбиралось к крьюту, — весело заметил Горячие Паруса.

— На эту сучку не действовала магия, и я в тот момент чуть не обмочился. Надеюсь, ее кости взяла Пучина, — он немного помолчал. — Я боюсь, Джон, боюсь, что в этот раз все зашло слишком далеко. У меня много врагов, а друзьям веры нет, кругом подкуп, заговоры, интриги...

— И добрую половину из них ведешь ты, — продолжая улыбаться, ввернул капитан. Мордреду захотелось съездить ему по роже, как в старые времена.

— Обещай мне, — вместо удара проговорил он, — обещай, что вы будете готовы. Уж на тебя-то я могу положиться?

— Всегда готовы, магистр! — Джон, услышав в словах друга страх и мольбу, поднялся и произнес торжественно: — Мне плевать на Носителя Раскаленного Клинка и Короны, но для тебя, мой друг, я сделаю все!

— Спасибо, — Синее Пламя шумно выдохнул. «Я думал, он вскочил меня прикончить», — аж дух захватило. Просто будьте готовы отправиться, я не желаю ни секундой больше, чем нужно, оставаться в этом лживом городишке.

— Мы будем готовы, — кивнул капитан.

— И, Джон, — Мордред поднялся, собираясь уйти, — за астуритонца тоже спасибо! Это ведь ты устроил встречу? — друг кивнул. — Я не забуду!

***

Встреча происходила в приморском трактире, куда Мордред явился почти инкогнито, накинув на плечи серый плащ, а на голову — глухой капюшон. В зале было плохо слышно даже слова собеседника, сидевшего через стол, от гула голосов и толпы за стенами. И это было на руку магистру.

— Итак, ты желаешь, чтобы я расправился с этим Риккенберзом? — говоривший был плечист, обладал атлетичной фигурой, костистым утонченным лицом, все это были характерные признаки астуритонской аристократии — Семи Великих Семей, обладающих могуществом крови. А вот каштановые волосы, наполовину магически перекрашенные в болотно-зеленые, выдавали в нем малокровного — не столь сильного в плане семейных способностей, но все же полезного планам Мордреда. — А если получится, то и с пареньком, его нанявшим?

Последовал кивок головы в капюшоне.

— А какие у нас гарантии, что ты расплатишься? — голос исходил из-за плеча собеседника магистра, где в богатых ножнах, частично открывавших черный металл, висела

кривая, длинная сабля. Магистр не сразу понял, что сварливый, трескучий голос исходит от клинка — особенности семьи Виттемберз, малокровный которой сидел перед Носителем Короны Вечного Костра. — Что ты не наймешь кого-то еще, чтобы прикончить нас?

«Умная железяка, даже чересчур. Не подавай мне идей».

— Я расплачусь именным векселем, на ригельвандский банк Медини, — он говорил негромко, постоянно оглядываясь по сторонам, напомнив себе, к отвращению, одного из своих доносителей. — Деньги по нему — четверть сейчас, три четверти после дела и премию за две смерти сможешь получить только ты, — он, само собой, обращался к человеку, а не к оружию. — Они уже внесены на счет, и мне их не вернут.

— Ну, что думаешь? — обратился малокровный Виттемберз к сабле, поговаривали, что они растут вместе, оружие принимает черты характера и скрытые стороны души носителя, а также видоизменяется в течение жизни владельца, чтоб быть максимально удобным.

— Этот перец продажен и подл насквозь, разумнее всего было бы снести ему башку, обчистить и смыться, на нем наверняка навешано всякой утвари, больше, чем он нам в золоте сулит, — проскрипела сабля, затем, помолчав, добавила, — но сейчас он, вроде, не врал. Выглядит честным.

«Ах ты заморенный кусок ржавчины!» — уже очень давно никто так не разговаривал с Главой Школы Огня.

— По рукам, — довольно возвестил Виттемберз по имени Вейро, — получишь оба трупа. Никогда не любил перевертышей. Да, Кейлин ты, похоже, нравишься.

— Вот векселя на аванс, на премию, на награду, принесите их в городской филиал Медини и вам выдадут наличные, само собой, когда вы их заработаете, и не пытайтесь меня надуть, — Синее Пламя встал и направился к выходу.

— Пошел в жопу, петух! — пропела ему вслед сталь.

***

Носитель Раскаленного Клинка шел по базару, расталкивая прохожих и ругаясь себе под нос. Уже давно и не без оснований никто не смел разговаривать с ним в таком тоне, малокровный и его железка взбесили магистра до крайности. Он был готов взорваться. И случай представился очень скоро, но совершенно не по воле Мордред.

Тяжеленный ком навоза пришелся в серый плащ магистра, прямо вслед за криком: «Идиот!» В ярости маг огня обернулся, его перчатки начали пылать. Прямо перед ним стоял оторопелый мальчишка-нищий, грязный, облаченный в лохмотья из домотканых рубашки и штанов. Сначала парень удивленно посмотрел за спину магистру на убегающего дружка, которому предназначался навозный подарок. Потом в его серых глазах начало читаться осознание совершенной ошибки, и он спрятал испачканные руки за спину. Вокруг сгрудилась толпа, и бежать сопляку было откровенно некуда. Когда он увидел, как рассерженный маг двинулся к нему, парень совершил странный поступок — он резким движением полез за пазуху.

«Наймит!» — пронеслось в голове у магистра. — «Замаскированный убийца!»

Он резко рванулся вперед, сшиб парня с ног и, схватив железной хваткой за обе руки, поднял над мостовой, о грязную брусчатку стукнулся ржавый нож с простой деревянной рукояткой. «Проклятый наверняка!» — заподозрил магистр. Следом упал белый шелковый платок, судя по виду обладателя — краденый. Мордред сделал вид, что этого уже не заметил.

Он вперил злые свои глаза в мальчишку и, встряхнув, потребовал:

— Кто тебя послал?! Отвечай, сопляк! Дерьмо! — латные перчатки начали накаляться,

по голым рукам парня пошли волдыри, в толпе начали шептаться. — Кто нанял тебя?!

— Нет, нет, — мальчишка мотал головой и подвывал от боли, — я нечаянно.

— Лжешь. Я заставлю тебя говорить, — прошипел магистр, сжимая руки малолетки, воздух наполнился вонью горелой плоти.

— Довольно, господин маг, — на руку Мордред, дрожавшую от напряжения, легла чужая рука, большая и сильная. Глаза магистра встретились с глазами цвета морской волны, принадлежавшими Декару Дождливой Осени.

— Ты? — опешил Глава Школы Огня, но нищего не отпустил. — Следил за мною?!

— Я даже не знаю вас, — ответил маг воды невозмутимо. — Но вы ведете себя неподобающе. Отпустите ребенка!

— Ах да, конечно, — железная схватка разжалась, плачущий ребенок с ожогами третьей степени на кистях упал в пыль. — На меня что-то нашло, — заметил магистр встревожено и кинул искалеченному нищему золотой. — Вот, пацан, купи себе какую-нибудь мазь или вина, чтоб забыться.

Он быстро зашагал прочь от места происшествия, толпа раздалась в стороны. Мордред краем глаза увидел, как в руки обожженного ребенка упал кошелек с золотыми: «На нормальное лечение, если сможешь сберечь», — сказал мастер воды и последовал за магистром.

— Жаль, что мы встретились при таких обстоятельствах, — сказал он, догнав Синее Пламя. — Но сама встреча удивительна.

— Да, обстоятельства, — пробормотал Мордред. — Декар, прошу, не говорите никому о том, что видели.

— Конечно магистр, вы же заметили — я специально сказал, что не знаю вас, — он лучезарно улыбнулся, не все зубы у долговязого мага были ровными, но улыбка казалась искренней. — От меня никто не услышит, об этом... э-э-э... инциденте.

— Буду вам весьма признателен, — маг огня прибавил шагу, стремясь как можно дальше оказаться от места своего позора. «Жизнь мальчишки — ничто, но все увидели мой страх! Испугаться нищего! Нищего, который хотел дать мне платок!»

— У вас ко мне дело?

— Я лишь хотел сообщить, что завоевал для вас треть голосов Школы, — маг перекинул на спину волосы, на этот раз затянутые в серебристо-синий хвост. — Если вы к завтрашнему дню сумеете перевести на этот счет, — он протянул магистру бумажку рукой в небесной перчатке. «Идиот, не оставляй следов без крайней необходимости», — сто тысяч золотом, то будет много больше.

— Да, — Мордред взял бумажку, — обязательно переведу. А сейчас нам лучше разделиться.

— Как прикажете. Доброго дня, магистр! — юный маг откланялся и зашагал в другом направлении, похоже, довольный собой.

«Я обжег нищего, а вот ты прикончил, вручив мешок золота», — мстительно подумал Носитель Раскаленного Клинка, глядя в широкую спину удаляющегося мага.

Развернувшись, он неожиданно для себя заметил в толпе базара Родрика Аннельгейма, но протезе Декана Высшей Магии, несмотря на свой рост, исчез в толпе так же внезапно, как и появился. Так что Синее Пламя, уже достаточно измотанный паранойей на сегодня, решил, что ему показалось. А за поворотом, встретившись со своим эскортом из горящих воинов, он уже думать забыл о своем несостоявшемся подмастерье.

***

Ночь была душной и темной. Жарко было, как в аду. Но Мордред любил жар — большинство магов, пройдя в детстве испытания на владение силой, потом с течением жизни утрачивали приобретенные в детстве навыки и сопротивляемость. Но глава Школы Огня сохранил живое дыхание силы из детства — он по-прежнему, когда было время, сидел в жарких парилках и иногда ходил по углям, заставляя тело помнить уроки, которые принесли ему магию.

Носитель Раскаленного Клинка метался на алых простынях, сбрасывал подушки, и напряженно размышлял:

«Верно ли это, правильно ли я поступил, наняв этого Виттемберза? Что если его поймают или перекупят? Что если он начнет охотиться на меня вместе со вторым астуристонцем? Что если он сможет опознать меня как нанимателя, а не он, так его дурацкая железка? Он ненадежен, как любой наемник, к тому же об их способностях я знаю лишь из третьих рук. Хоть бы не ошибиться. Не ошибиться. Ошибиться...»

Он заснул тяжелым, свинцовым сном, а во сне ему увиделась черная кривая сталь в сильной руке, входившая дюйм за дюймом в его незащищенный живот. Она впитывала всю кровь, что выливалась из него, и хохотала...

***

Реймунд Стург же сидел на вершине одной из многочисленных дозорных башен города в уединенном кабинете, смотрел в окно и напряженно размышлял, глядя на бухту в огнях, раскинувшуюся далеко внизу.

«У меня все меньше времени, прошло уже три дня, через семь дней Совет закончится, маги разъедутся, и он ускользнет. Мордред был в порту. Наверняка посещал свой корабль, договаривался об отплытии. До конца голосования он не уедет, но и ни минуты больше мне не даст. Но торопиться нельзя. Он убил одного из наших. Убил навсегда, изжарив в магическом огне в подвале своей башни, защищенной от колдовства. Его душа не могла выскользнуть и возродиться, он умирал в пламени снова и снова. Горькая участь. Леон был много опытней меня, сильнее, но он недооценил врага. В его честь я прикончу Мордреда Синее Пламя. И выживу. Во что бы то ни стало...»

Ветер трепал шелковые занавески и доносил гул огромного города, лежащего вокруг.

Постепенно размышления о плане и событиях прошедшего дня привели Реймунда к иным мыслям — рваным и колючим, как дыхание минувшей истории. «Мордред Синее Пламя, когда-то ты был героем, тебя любили женщины. Ты ходил под парусом, участвовал в десятках сражений. Тебя окружали верные друзья. Ты был известен не как политик, но как исследователь и защитник слабых. Почему все изменилось? Как ты из верного друга превратился в затравленного параноика? И почему вместо надежных близких людей тебя начали окружать только временные, пригодные к расходу политические попутчики? Что и когда в твоей жизни так круто изменилось? Какая власть стоила таких потерь? В отличие от меня, у тебя был выбор, право не только принять предначертанное, но и изменить его. Неужели ты правда посчитал именно такой выбор верным? Тогда ты еще хуже меня, ведущего за тобой охоту убийцы, слепого орудия в чужих руках. Выбравшего свой путь между жизнью без привязанностей и смертью». Так размышлял Реймунд, по малолетству или в силу иного склада характера не умея понять, почему люди выбирают иначе, чем ему, ущемленному изначально, кажется правильным.

Публичная политика — суть эффективное метание бисера. Перед свиньями. Такими

же, как ты

Зал Аструм Примарис сиял и переливался всеми красками радуги, а скорее даже всеми оттенками палитры опытного художника-пейзажиста. Школы прибыли полным составом мастеров-магов, имеющих право голосовать.

Сегодня на пробу преподносили основное блюдо — протекторат над колониями Школы Тьмы. А потому всем, желающим заполучить лакомый кусок, необходимы были голоса. Остальных же сюда привел подкуп — подарками, уступками или привилегиями, желание быть причастным к великому делу демократии, вернее, магократии, и в последнюю очередь, у очень редких персон — чувство долга. «Н-да, обычно с долгом и совестью в политику не идут».

Тут же должны были определиться основные претенденты в борьбе за владения. А всем, имеющим глаза и уши, должно было стать ясно, какие из Школ достаточно сильны и амбициозны, чтобы бороться за колонии.

Помимо Мордредра из высших иерархов Школы Огня на Совете присутствовали еще трое из шести имеющихся. То есть, с Синим Пламенем — четверо. Велларес Красный Бык, облаченный в дублет закатных цветов, плащ цвета крови, смешанной с водой, просторные штаны из парчи и высокие сапоги из змеиной кожи с металлическими пластинами. Он был весел и сидел балконом выше Мордредра.

Енох Драконье Золото. Изначально нейтральный к Главе Школы, ныне, по подозрениям Мордредра, перешедший в стан его врагов, был стар и согбен грузом прожитых лет. Борода его была столь длинной и тонкой, что делала его схожей с магами и колдунами из сказок, а просторный халат, расшитый языками пламени и звездами, усиливал образ. Через обвисший толстый нос проходил старый шрам, нанесенный оружием, раны от которого нельзя было залечить. А живые и хитрые маслянистые глаза цвета коры дуба напоминали Главе Школы Огня, что этот старик все еще весьма опасен. На поясе Еноха висела Горящая Шкатулка, служившая мощным магическим фокусом и символом его звания — казначея Школы.

Последний из трех — Артур Краснолицый, не менее опытный игрок, почти одного с Мордредом возраста. От постоянного употребления вина и неустанных тренировок в рукопашном бое лицо этого невысокого, кряжистого мужчины и правда сделалось красным. Волосы, укрытые алмарским беретом, были каштановыми, с легкой рыжиной, руки сильными и мускулистыми, а кольчужный хауберк и хитон цвета темной крови, в которые он был облачен, ничем не выдавали в нем Носителя Пламенной Книги — ответственного за библиотеки и учебные заведения. Книгу эту — размером метр на полтора, толстую и окованную металлическими пластинами, дополнительно укрытую цепями и несколькими замками, держал кто-то из многочисленных подмастерьей Носителя, худой и болезненный. Артур недолюбливал Мордредра за свое поражение при выборе Носителя Короны Вечного Костра, и, возможно, желал убить. Если так — Синее Пламя предвосхитил этот маневр, натравив на Краснолицего астуристонца.

Не хватало двух — Носителя Красного Плаща, ответственного за цеха и производства, сейчас занятого каким-то важным проектом. И Носителя Алой Маски — крикливого веселого человечка, возглавлявшего тайную службу школы. Он традиционно не вмешивался во внутренние склоки. «Режьте друг друга, сколько хотите! — часто говорил он. — Лишь бы не во вред Школе!»

Итак — претензии на колонии Школы Тьмы заявили Школа Воздуха:

— Наш флот, великолепный и многочисленный, самый крупный и подготовленный к

лишениям, ожидающим моряков в колониях, — звонко вещала через горлопана в виде дракончика со стрекозиными крыльями Владычица Небесной Башни. И ее слова, подсказанные кем-то из стоящих за ее троном, разносились по залу шелестом легкого весеннего ветерка. «Школа Воды с тобой бы шумно не согласилась», — подумал Носитель Раскаленного Клинка, разглядывая грудь мнимой хозяйки Школы Воздуха, приятно округлившуюся в тесном корсете. — Наши обширные связи в колониях и дипломатические успехи, достигнутые в общении как с местными туземными государствами, так и с державами Гольвадии, позволяют обеспечить колонии мир, процветание и развитие. Я, как добрая мать, забочусь о своих владениях, и новые колонии так же с любовью прижму к своей груди! — раскрасневшись, звонко закончила она под гул аплодисментов прихлебателей из ее Школы.

«Прижмет к груди в виде шкур, шелков и меха из новых владений. Потаскуха».

Школа Дня тоже не осталась в стороне:

— Владения колониями — это не только привилегия, но также и тяжелое бремя, — Принц Полудня, облаченный в анатомические доспехи, белый, тяжелый плащ, юбку из кожаных полос с металлическими клепками и высокие сандалии из беленой кожи, похоже, любил выделяться. Его горлопана не было видно, а голос, высокий и чистый, звучал под сводами Зала без каких-либо искажений. — Это бремя должен нести достойный правитель. Проявляющий заботу о своих подданных не издалека, а рядом с ними, деля горести и радости тяжелой жизни на Экваторе. Школа Дня не обладает колониями, и, возможно, не имеет опыта в данном деле. Однако я, Эрос Принц Зари, и три тысячи колонистов из моей Школы, ожидающих в порту Анкаргоса отправки в Новый Свет, готовы не словом, а делом доказать свою готовность взять на себя бремя колониальной жизни. Я готов передать бразды правления здесь своей сестре — Принцессе Зари, а сам отправиться на Экватор. Мои люди готовы бросить свои дома и земли ради лучшей доли, они ждут меня и ждут вашего решения. Что мне передать им? — закончил он с надрывом, победно обозревая зал.

«Провалитесь немедленно в ад со своими кораблями вместе, так и передай! Хитрый пацан, это будет сложно перебить. Сложно, но можно», — Мордред был одновременно впечатлен и раздосадован речью Принца Полудня.

Следующей, как и боялся Глава Школы Огня, выступала школа Жизни. Равно как магов смерти не любили и боялись не только в Гилемо Антарии, но и во всей Гольвадии, так же магов жизни любили и почитали. Они были очень сложным противником.

— Жизнь в колониях опасна и тяжела, — начал степенно Милостивый Иерарх, пользуясь горлопаном в виде небольшого ангела, делавшего его голос мягким и добрым. — Болезни, укусы опасных насекомых, эпидемии, голод, неурожай, нашествия варваров и кровавых северянок. Все это угрожает колонистам, готовым отправиться в новые земли. Рассказал ли об этом Принц Полудня своим людям? Вряд ли, он не был там и не может знать. Флоты Владычицы Небесной Башни наверняка знают, каково это, и люди, ходящие на ее кораблях, продолжают гибнуть от цинги, а колонисты — от малярии. Но колонии — это не только беды, но и новые открытия, травы, лекарственные растения, яд местных насекомых, змей и прочих созданий влажных джунглей и горячих равнин. Они ценнее, чем все прочие товары, которые мы можем получить оттуда, — он обвел зал глазами. — Исследовав и начав применять лекарственные свойства веществ, полученных из колониальных владений, Школа Жизни использует эти достижения для улучшения жизни колонистов во всех владениях Гилемо Антария, а также и здесь, в метрополии. Передав

колонии под наш протекторат, вы поспособствуете улучшению жизни каждого гилемо-антарца.

Под гром аплодисментов он сел. «И не поспоришь особо. За исключением того, что ты лжив насквозь, старик. Вы приносите пользу и исцеление лишь тем, кто приносит пользу вам».

Мордред уже знал, что говорить. Колониальная организация Гилемо Антария была до смешного ущербной. Каждая школа действовала обособленно или заключая зыбкие, быстро разваливающиеся союзы. А потому каждому, кто владел колониями, приходилось защищать и снабжать их самостоятельно. Лишь изредка удавалось добиться, применяя все тот же подкуп, слезы и уловки, какой-то помощи от Аструм Примарис или правящей на тот год Школы. Потому колонии этой могучей в Гольвадии державы были разрозненны, малы и фактически предоставлены сами себе. Все это было плодами разлада. И мало кого устраивало. Но так же мало кто был готов делиться благами от колониальных владений с другими Школами. Потому бардак процветал. Но на надеждах очень удобно было играть.

Он встал и начал. Очень благодарный Черному Клоуну, которому пришлось дать солидную взятку за то, что смог выступить последним.

— Колонии, — взревело пламя, — это общее дело. Мы урываем кусок у ближнего, не задумываясь о том, что так ослабляем и себя, ибо на борьбу подчас сил больше тратится, чем на прогресс. Пришла пора это изменить. Здесь было сказано много важных вещей. О верном правлении, о добром подходе, об общей эфемерной пользе. Но протекторат — это в первую очередь защита. У Школы Огня есть бойцы и корабли, мы можем защитить то, чем обладаем. Даже от Амиланийской Империи, спрутом рассевшейся на севере Экваториального Архипелага. Мы готовы обеспечить защиту не только самим колониям, но и торговым путям, по которым будут следовать корабли туда, и обратно — в метрополию. Мы готовы защитить владения Гилемо Антария, а ведь все мы — часть Гилемо Антария, от посягательств пиратов, туземцев и других держав. Но, став протектором областей, ныне принадлежащих Школе Тьмы, мы будем рады любой поддержке. Колонии — это люди, это товары, это огромные неисследованные территории. В охраняемых нами владениях мы рады будем принять колонистов Школы Дня. А Школе Воздуха мы будем благодарны за любую помощь от их флота, готовые со временем разделить бремя власти. Школе Жизни мы обеспечим все условия для исследований на общее благо, — он возвысил голос. — Мы будем рады всем, кто решит отправиться на земли, которые Школа Огня будет оберегать для Гилемо Антария, и разделит с нами тяготы колониальных завоеваний. Вместе мы сможем добиться того, чего не смогли врозь. И Школа Огня готова отдать за это все имеющиеся у нее силы!

Под аплодисменты, весьма сильные, он устало сел, отключив горлопана. «А все доходы мы, само собой, справедливо готовы взять себе».

Голосование прошло бурно, не без ссор и взаимных упреков, не без сюрпризов и оригинальных ходов. И даже с наивными попытками подкупа прямо в Зале Совета. Ни одной из сторон не хватило голосов до безусловной победы. Но Школа Огня была немного впереди. Теперь предстояло закрепить успех.

Краткое свидание в кулуарах с Декаром Дождливой Осенью закрепило поддержку магов воды в обход их адмирала.

— Многих весьма заинтересовали ваши обещания, связанные с колониями, — говорил юноша, улыбаясь. «Что-то слишком часто он скалится». — Если бы вы могли пообещать кое-

какие привилегии, связанные с этим, голосов можно было бы накинуть.

— Право занимать любую необжитую территорию с получением наследственного владения устроит? — вяло бросил кость Мордред. Делить неубитого медведя всегда приятно.

— Весьма! — еще больше расцвел маг воды.

— Оно ваше.

***

Ночная Звезда была прекрасна. А ее переговорная комната была обставлена с шиком и помпой, при этом с истинно женским вкусом и изяществом. Две немых магессы из Сестер Гарроты держали над комнаткой «покров безличия» — заклинание, не позволявшее как-либо подслушать их разговор.

— Далась тебе эти колонии, — красавица в шелках, с укрытым тканью лицом, была таинственна и соблазнительна. Нельзя было даже сказать — Ночная ли это Звезда, или же та ли это Ночная Звезда, которую очень близко познал Синее Пламя пару лет назад.

— Колонии — лишь ступень к возвышению. Моему личному и моей Школы, — он пригубил шербет из черной пиалы, расписанной цветами. — Не волнуйся, моя томная соблазнительница, я не оставлю тебя внизу. Ты и Ночь вознесетесь вместе со мной.

— То есть, в речи ты не врал, — она положила голову ему на колени.

— Тебе — нет. Мое предложение столь серьезно, сколь серьезно оно вообще может быть, — он начал поглаживать ее по голому, смуглому, приятно округлому животу своей латной перчаткой, сделав ее теплой как рука. — Просто оно подходит лишь союзникам.

— А если я не твоя союзница? — спросила Ночная Звезда сердито, но руки не убрала.

— Значит, мы рано или поздно вцепимся друг другу в горло, — Мордред легко поцеловал ее грудь через полоску тонкого шелка.

— Не волнуйся, мой дорогой, — она засмеялась мягко и мелодично, — тебя пока минуют объятия гарроты. Но всему есть своя цена.

— Назови, о цветок ночи! — голову дурманили густые благовония и легкое вино.

— Я тоже стремлюсь к могуществу и тоже не оставляю милых моему сердцу людей за спиной, еще, чего доброго, всадят туда нож, — она потянулась и, перекатившись, выбралась из его объятий. — Мне требуется одно, — взгляд лиловых глаз пригвоздил главу Школы Огня к месту, — твое бездействие.

— И только? Это очень много, — недосказанность витала в воздухе, нанизываясь на кольца густого дыма.

— Очень скоро, — произнесла она, подняв указательный палец в бархатной перчатке, — среди многих сильных нашей маленькой песочницы случатся трагичные потери, которые наполнят мое сердце скорбью. В том числе, среди тех, кто правит в вашей школе. Поклянись, что не будешь ни вести расследование, ни мстить, ни о своих, ни о других. Их будет немного, но они будут заметны.

— Хоть всех пережь, — отмахнулся он, — только меня не трогай.

— Клянись, — голос стал холодным и звонким, как струна для резки сыра.

— Клянусь, — послушно повторил он.

— Великолепно! — она обняла его напоследок и Носитель Раскаленного Клинка ушел.

Дойдя до своего балкона, он тяжело повалился в кресло, сердце бешено колотилось, в глазах плавали кровавые мальчики, дыхание было хриплым и тяжелым. «Жив, жив, жив, черт побери. Как хорошо быть живым. Я был в ее власти, но она не тронула меня. Риск — великолепное дело, надеюсь, он будет оправдан. Ах, черная шляпка, убивай кого хочешь,

какое счастье, что я не один из них».

***

Представитель Школы Металла явился к нему сам, и они битый час обсуждали возможности торговых уступок. В результате шаткий компромисс был достигнут. Тогда человек в стальном камзоле и плаще такого же цвета пообещал поддержку его школы и добавил:

— Также нам быгодились аванпосты в колониях, — его голос был почти безразличным, почти.

— Право владения всеми занятыми незаселенными территориями, с наследованием, устроит? — лениво поинтересовался Синее Пламя.

— Распространяющееся на недра в неограниченном количестве, — глаза металлического человека сверкнули.

— Само собой, — кивнул Глава Школы Огня.

— Вполне, — гость поклонился и ушел.

«Теперь ты у меня в кармане».

***

С Регентом они беседовали на галерее Шпиля Света, выходящей на город и горный массив за ним.

— Почему, если не секрет, — любопытствовал Носитель Короны Вечного Костра, — Школа Света не попыталась счастья в колониях сама? Ведь вы, как и Школа Жизни, способны очищать от хаоса. Даже со священниками не придется договариваться.

— Король не заинтересован в колониях, — уныло ответил Алистер Монах, получивший свое прозвище за аскетичное лицо, манеры отшельника и почти полное отсутствие пороков. За исключением пристрастия к опиуму, которое выдавали лишь сизые круги под глазами. — Он считает, что там нет ничего, кроме дикарей и амиланиек, кастрирующих мужчин и сожигательствующих друг с другом. Мои увещевания в этом вопросе он пропускает мимо ушей.

«Оно и к лучшему, пусть засранец тешится своим титулом и своими игрушками где-нибудь подальше от серьезных дел».

— Чем может Школа Огня вознаградить вашу лояльность? — без обиняков поинтересовался Мордред.

— Сто тысяч мне, шестьсот тысяч Школе и про посредницу не забудьте, это Мышь склонила мое мнение на вашу сторону.

«Помню, помню, это не Мышь, а просто гиппопотам в пушистой шкурке, когда дело доходит до денег», — подумал магистр.

— Это серьезная сумма. Могу ли я рассчитывать на поддержку также в вопросах побочных наследников и статуса военных училищ? — без особой надежды спросил он.

— По первому пункту — да. По второму у нас имеется много опасений. Обсудим ближе к делу.

«Уже победа. Я тебя еще уломаю, засранец».

— Значит, мы пришли к согласию? — улыбнулся Синее Пламя. Регент лишь уныло кивнул. И Главе Школы Огня не оставалось ничего, кроме как удалиться.

Часть 4. Глава 5. Могущество Конфедерации. Власть Мальгвезийского

Совет закончился. Решающее голосование близилось. И Носителя Короны Вечного Костра вполне устраивали промежуточные результаты. Не давала покоя лишь мысль — почему Школа Тьмы решила от них отказаться. И еще более занимал тот факт, что как он доподлинно знал, ни на подкуп, ни на секретные переговоры Схимник ни с одной из заинтересованных сторон не шел.

— ...таким образом, Виттус Мальгвезийский вынужден был с позором покинуть Гилемо Антарий, — меж тем довольно занудно вещал Книжный Червь, — однако за ним последовало множество учеников и сподвижников из Школы Смерти, реформированной им. Будучи человеком деятельным и в то же время полностью лишенным каких-либо принципов, движимый лишь одним честолюбием, он вскоре отвоевал себе несколько островов Гольвадии, подальше от нашей державы, и стал виновником прихода на Юг Эпохи Черного Неба, — дребезжал почти старческий голос этого, в общем-то, довольно молодого человека. — Очень быстро основанная им Звездная Конфедерация, где правили вампиры, чернокнижники, ведьмы, черные рыцари и прочая нежить, распространилась почти на всю Гольвадию. Немало потеснив и владения Гилемо Антария, давшего приют этому чудовищу. Живые в этой стране были ущемлены и обездолены, либо вынуждены были вставать под знамена тьмы и изучать темные искусства. Мертвые — которым не было числа, использовались на простых работах и пополняли огромную армию Мальгвезийского. Он же познавал искусство все глубже и глубже, пожирая чужие души и изучая древние фолианты, а также труды прочих знатоков черных искусств, действовавших во множестве в ту пору в разных областях мира. Он обрел небывалое могущество...

— Сравнимое с силой бога, — оборвал лектора Мордред. — Я знаю историю, мой дорогой Велларес. Потом против него объединились люди-птицы симираллы и все остатки земель Юга, под предводительством Культа Единого, и вместе они положили конец Звездной Конфедерации. Сам же Виттус погиб при невыясненных или не дошедших до нас обстоятельствах. Что ты выяснил?

— Этот предмет, — указал архимаг на ключ, лежавший на каменном постаменте в еще более усложнившейся конструкции из драгоценной проволоки и еще более дорогих кристаллов, к которым прибавился принесенный Мордредом поглощающий свет Камень Смерти, стоивший столько, что магистр мог бы в его цену еще одни выборы выиграть, — мог принадлежать самому Виттусу, в нем даже могли сохраниться отголоски его невероятной мощи, их вполне можно пробудить, и обладатель ключа...

— А это буду я, — напомнил Синее Пламя.

— Да, да, конечно, — часто закивал Книжный Червь. — Так вот, обладатель этого ключа сможет, пожалуй, стать сильнейшим магом современности, сравнимым по силе с Героями Героики.

— Воодушевляет! Как ты близок к разгадке? — ажиотированно поинтересовался Мордред.

— Довольно близок. Я чувствую это. Но насколько именно — не могу сказать, все же это очень древний и сложный предмет, обладающий уникальной природой. Годы, история и некроэнергия изменили его. Но я скоро добьюсь результатов. Вот список, — дрожащая рука

с желтым листком намекала Носителю Раскаленного Клинка, что ему скоро придется этот клинок заложить, а то и по миру пойти ради запросов ученого.

— Хорошо, — латная перчатка вырвала листок из рук архимага. — Все добуду!

— Благодарю, магистр! Вы очень любезны, — маг, способный в теории разделить Синее

Пламя под орех, поклонился ему в ноги.

Выходя из каморки исследователя, магистр чуть не столкнулся с Бэг, одарившей его горячим взглядом, полным нескрываемого желания.

«Высокая, стройная, ах, какая задница, пожалуй, слишком мускулистая, впрочем, если ты живешь на улице, то надо как-то иметь возможность за себя постоять. Нареканий не возникало. И червячку она, кажется, нравится. Прочие слуги от нее млеют. Со всеми очень мила. Впрочем, это и подозрительно».

— Служанка, — окликнул он тигрицу. — У тебя есть какие-нибудь просьбы?

— Я? Я хотела бы сегодня согреть постель магистра, — взгляд изумрудных глаз был устремлен в пол.

«Ого, она дрожит от страсти, неужели нимфоманка? Хотя нет, ухажеров из слуг она отшила».

— Я обдумаю твоё желание, — он улыбнулся, получилось сально. — Не сегодня. Но возможно скоро я тебе и позволю. Беги.

Она коротко поклонилась и сбежала по ступенькам в каморку Веллареса Книжного Червя, передав поднос со съестными припасами одному из големов-стражников (их Мордред, само собой, не убрал), она осталась ждать, пока тот передаст еду господину (никого, кроме них и главы Школы Огня в лабораторию не пускали) и вынесет грязную посуду.

День был хорош. И призраки с ножами отступили от Носителя Короны Вечного Костра. Он погрузился в сон, довольный собой и умиротворенный, а во сне ему пригрезился черный трон на груде черепов, где он восседал в короне из черненого золота с сапфировыми, рубиновыми и жемчужными звездами на зубцах. При этом он держал на коленях обнаженную Бэг, купаясь в изумрудных озерах ее глаз. Но затем двери его мрачного чертога распахнулись, и, едва помещаясь в воротах, в них ввалилась уродливая, согбенная тварь, выдыхающая смрад клыкастой пастью, царапающая обломками костей истлевших крыльев потолок, скребущая пол массивными когтями. Это был дракон, вернее, дракиец, мертвый и невероятно уродливый, поливающий пол черной кровью из раны на горле. Сон, так хорошо начавшийся, закончился криком в ночи и дрожью в ногах.

***

Ветер рвал полы плаща, вздымая их крыльями за спиной, из башни Пламенной Цитадели разнесся крик. «Не спишь, Мордред — подумал Реймунд Стург. — Ты зажился на свете, но каждый путь приходит к логичному завершению, твоё наступит скоро». Из нижнего окошка лился прерывистый свет. Бэгрис смеялась над ним и предупреждала, что в Цитадели много ловушек и много стражи.

«Нужно что-то придумать, возможно, стоит найти союзника?»

Блистательное общество для блистательных интриг

Пятый день пребывания главы Школы Огня в Антарис-Примула обещал быть суетным и полным мрачных мыслей. В этот раз ему предстояло официально посетить некоторых из союзников или тех, кто мог стать таковыми, сказать много лестных слов, выпить и поесть в

местах, где его запросто могут отравить. И наконец — он просто должен был терпеть все эти лживые рожи.

Все это не добавляло Мордреду хорошего настроения после ночных кошмаров. А когда ему сообщили, что неподалеку от Пламенной Цитадели опять видели того бугая, которого ему хотели вручить в подмастерья, он уже было совсем решил никуда не ехать. Но через некоторое время вежливые взгляды слуг и привычная мелкая суэта его собственного дома начали столь нервировать Синее Пламя, что он все же решил уехать, спасаясь от обступающих его подозрений.

Он облачился подобающим образом — в красно-черные доспехи с мощными шипами на наплечниках, наручах и поножах, с анатомически исполненным нагрудником и юбкой из вертикальных пластин, напоминающих сполохи огня, подоспешник и штаны из кожи василиска, черный парчовый плащ с пламенной эмблемой Школы и не забыл о Короне Вечного Костра, украсившей его голову блеском красного золота, рубинов и бриллиантов, и Раскаленным Клинке, сиявшим великолепием на поясе, в ножнах, пристегнутых шипастыми цепями. В таком виде, а также благодаря особым свойствам облачения, Мордред был готов сегодня встретить судьбу.

Замок Водопадов действительно представлял собой четырехугольную твердыню, построенную между двумя ярусами городских построек таким образом, чтобы по каждой из его стен в обширный ров внизу, переходивший далее в каналы, спускался искрящийся в солнечных лучах водопад, придававший строению вид природный и в то же время фантастический.

Артур из Ледяных Рено, Хранитель Лазурных Рубежей, облаченный в доспехи украшенные голубыми и зеленоватыми, морского цвета, кристаллами, принимал высокого гостя на влажной террасе. Где заросли диковинных растений соседствовали с великолепно исполненными фонтанами из мрамора и хрусталя. А над этим великолепием стремился ко рву внизу водопад южной стены.

Носителя Раскаленного Клинка охраняли горящие воины в глухих округлых шлемах, делавших их почти безликими. Ими в этот раз командовал Лерон — сержант, порекомендованный Джоном Горячие Паруса. Берру Мордред перестал доверять и отправил его приглядывать за астуристонцем. Вместе с Лероном горящих было двенадцать — все они были магами огня, хоть и слабыми, но вполне способными защитить своего патрона.

Делегата же от Школы Воды охраняли его лазурные рыцари — в светло-зеленых нагрудниках, чешуйчатой броне под ними, с наручами, наплечниками и поножами, украшенными стальными плавниками. В высоких шлемах, так же напоминавших плавники, и с очень тонкими, но полностью стальными копьями, они были похожи на скорее игрушечную, чем настоящую охрану. Но мнение это было ошибочным, лазурные рыцари — закаленная в боях гвардия магов Школы Воды.

Вежливая беседа текла своим чередом, Синее Пламя весьма рад был хотя бы тому, что собеседник ни разу не упомянул Дождливую Осень и вообще оставался весьма корректен, сух и официален. Ледяного мага не разговорило ни вино, ни воспоминания о былых победах. Но глава Школы Огня все же попытался выяснить деталь, не дававшую ему покоя:

— Скажите, Артур, почему Школа Воды не попыталась сама побороться за колонии? — он посмотрел собеседнику в глаза, увидев там лишь тьму.

— Вы могли слышать, что это из-за слабости и старости Леди Воды, — кулаки собеседника в чешуйчатых серебристых перчатках сжались и разжались. — На самом деле,

это не так. У нас действительно есть силы и средства занять эти колонии, — он немного помолчал. — Ладно, вреда не будет, если я скажу. Леди считает, и иерархи Воды с ней согласны, что проще будет отбить еще кусок суши у туземцев, чем занимать колонии Школы Тьмы. Лунный Колодец подсказывает, что добра от этой затеи будет меньше, чем зла.

— Вот как, — Мордред замолчал, повисла пауза. «Паранойя старушки — не повод упускать такой сочный кус, но, может, вы, водяные, считаете иначе. С другой стороны, Лунный Колодец — мощный, неизученный до конца, но очень точный предсказательный артефакт. Мне тоже не нравится затея темных, но колонии мне нужны».

Позже, спускаясь по ступеням изо льда и перламутра, Носитель Раскаленного Клинка все еще тяготился финальным аккордом беседы с Хранителем Лазурных Берегов. Однако внимание его отвлекли несколько магов, которых он по одному встретил, спускаясь на первый этаж высокого сооружения. Молодой и очень толстый маг воды раскланялся перед Мордредом. Затем какой-то старикан подошел, и, будучи пропущенным по приказу Синего Пламени, пожал ему руку и хлопнул по плечу. А на самой нижней ступени ему встретилась симпатичная девушка с ультрамариновыми волосами, фраза, высказанная ею: «Мы возлагаем на вас большие надежды!», покорила Мордреда. «Неужели этот юный дегенерат не умеет скрывать свои знакомства и контакты или это все его доверенные люди? Они что — совсем страх потеряли, это же безумие, их поймают и заточат в глыбы льда, а меня дискредитируют. Нужно будет отчитать ублюдка при встрече».

Щедрый владыка металла

Большая Кузня встретила его переливающимися на пяти куполах, крытых каждый разным металлом, солнечным светом. Стенами, щетинящимися стальными шипами, и так любимой магом огня духотой в камере Претора, расположенной над горячими цехами, где в раскаленных печах бурлило красное железо.

Новый Претор был учтив и немногословен, его охраняли не люди, а стальные големы. Школа Металла умела делать этих кряжистых гигантов без применения дорогостоящих материалов и колдовства, как в тех, что служили Мордреду, используя лишь магию, которая оживляет металл. Претор был одним из трех правителей Школы Металла и возглавлял Гильдию Оружейников школы. Ректор-Металлург, глава Академии Сплавов, остался дома, принимая экзамены у юных учеников. А все Старшие Братья Кузнецы были заняты своими производствами, поэтому решение общегосударственных вопросов предоставили молодому и серьезному Амаранту Бельвасу, занявшему пост главы оружейников в начале этого года. Он был облачен в просторную рубашу серого цвета, штаны из кожи, украшенные цепями и заклепками, просторные ботфорты, а на правой руке носил полный стальной наплечник с наручем и налокотником, а также стальной перчаткой с крючковатыми когтями. Так что когда они с Носителем Раскаленного Клинка здоровались, пожимая друг другу кисти рук, зал наполнил металлический звон.

— Я не знаю, сколько в этом правды, а сколько пустых обещаний, — говорил Амарант, когда все прочие официальные вопросы были уже исчерпаны. — Однако ваша инициатива с колониями впечатлила меня. Школу Металла интересуют недра, шахты, выработка руды и работа цехов. И новые рынки. Если все это можно получить, минуя необходимость самостоятельно оборонять и снабжать колонии — тем лучше.

— Поверьте мне, Претор, — ответил Мордред, размышляя о том, что при должном подходе к пошлинам и налогообложению с производств Школы Металла в его колониях можно будет получить больше прибыли, чем обретут сами металлурги, — в этом вопросе

мои слова были совершенно искренними. Это, впрочем, не избавит наши школы от соперничества на рынке оружия. Но я являюсь сторонником честной конкуренции.

Собеседник кивнул.

— Позвольте сделать вам подарок, — Амарант кивнул кому-то из слуг.

Четверо человек вкатили в зал большой деревянный ящик из неошкуренных досок. «Мог бы и получше подарок запаковать, скаредный ты щенок». Однако когда переднюю стенку ящика убрали, Синее Пламя не смог сдержать восхищенный вздох.

Голем Школы Металла — ростом с человека, но шире в плечах. Мощная броня из стальных пластин имитирует совершенную мускулатуру. Гибкие сочленения из прочной проволоки, закрытые пластинами из бронзы, обеспечивают почти реалистичную подвижность. Золотая маска придает творению вид завершенного благородства и отливалась, судя по всему, по макету лица одного из прошлых знаменитых Носителей Короны Вечного Костра Альдрика Пламенное Сердце. В качестве вооружения на кистях голема были закреплены метровые, бритвенно-острые лезвия. Он был легче и стройнее обычных големов и мог двигаться с проворством опытного бойца. Подарок впечатлял. Мордред решил, что не зря вчера столь долго беседовал с посланцем Школы Металла — уже сам этот дар искупал потраченное время.

— Этот голем-охранник настроен защищать вас. Активируется этим словом, — Претор протянул собеседнику бумажку.

«Стальная тревога», — прочел магистр.

— Весьма впечатляет, — он чувствовал себя мальчишкой в день рождения. — Примите мою горячую благодарность!

— Не стоит, — отмахнулся маг металла. — Пусть это послужит основой дружбы наших Школ.

Хозяйка ядовитой истомы

Усадьба Ночи раскинулась посреди огромного сада, где половина цветов и трав источали синильный аромат, а деревья сочились смолой вперемешку с ядом. С проложенных в мягкой почве тропинок ни в коем случае нельзя было сходить, а красные фонари, во множестве расцветившие чернильные стены усадьбы, выхватывали в вечернем свете гибких, смуглых врачевательниц из Сестер Гарроты, почти нагишом собиравших в зеленых глубинах травы, пригодные как лекарства и как отравы.

Ночная Звезда, подобно Мордреду, любила уединение, потому, если в столицу отправлялась она, никто из тех, кто делил с этой опасной женщиной бремя власти, никогда не селился в Усадьбе. В этот раз ни Шепчущий Господин — правитель Шепчущего города, ни кто-либо из неугодных Ночных Докторов не отправился в Антарис-Примулу на внеочередную сессию — магам ночи вообще очень сложно выпутаться из клейкого болота внутренних интриг.

Ночные Доктора тут были — те из них, что угодны матриарху Сестер Гарроты. Ночная Звезда любила держать друзей рядом, врагов еще ближе, а тех, в ком не уверена — вообще под носом, спиной к себе, так удобнее накидывать струну.

Мордред видел их — опытных магов ночи, облаченных в черные одежды и четырехугольные судейские шляпы, а порой совершенно обнаженных, они тискали по углам Сестер Гарроты, пили вино, обсуждали текущие события или читали стихи, зная, что в этой усадьбе их жизнь может оборваться в любую секунду.

Временная хозяйка усадьбы встретила его в Зале Оргий, маги ночи никогда не

стеснялись ни откровенных названий, ни ночных занятий — любви, воровства. Убийства.

Она была облачена в шелк и плотный бархат, закутанная с ног до головы, и от того еще более желанная. Рядом находились приближенные — пара Ночных Докторов в просторных одеяниях, одетые подобно своей госпоже Сестры Гарроты, среди которых выделялась смуглокожая красotka с миндалевидными глазами и фигуркой юной девушки. Она была окутана шелками, как и прочие, но лицо и ниспадавшие черным водопадом волосы оставила открытым, равно как и уродливый шрам на шее. Многие представители Школы Ночи выглядели довольно странно для южан — смуглая кожа, миндалевидные глаза, угольные волосы. Это объяснялось довольно просто — магам школы нравилась хмааларская стилистика, и они магическим, мистическим или иным образом изменяли свою внешность в сторону желаемого. Иногда получалось уродливо, чаще — красиво. Так же поступали маги, обладавшие волосами и глазами неестественного цвета.

Официальное общение не заняло много времени — Мордред выразил свои теплые, исключительно дружеские чувства Школе Ночи, его пообещали уберечь от острых ножей в темных аллеях. «Ах, если бы». Все было сказано еще вчера. На пиру маг огня даже ни разу не доставал своего малахитового жезла — бесполезно, везде яд или наркотики, но в безопасных дозах. Открытое убийство Носителя Раскаленного Клинка было бы величайшей глупостью со стороны Школы Ночи. У них есть Сестры Гарроты, есть Доктора и гвардия Шепчущего Города. Но при попытке выйти за рамки дозволенного мощь Школы Огня сотрет их немногочисленную школу в порошок — в открытом бою меч и огонь всегда оказываются вернее яда и кинжала.

В общем, Синее Пламя уже собирался уходить, но его удержала Ночная Звезда:

— Мордред, ты знаешь, ведь за тобой идет охота, — вкрадчиво произнесла она в спину магистра.

— Благодарю за предостережение, — ответил он кисло, следовало бы вслед за этим подумать: «И без тебя знаю, тупая шелковая шляха», однако ходили слухи, что на службе Школы Ночи состояли кешкашвары. Эти таинственные полупризрачные создания с легкостью читали мысли, и приходилось себя сдерживать.

— Не желаешь остаться у нас? — ее голос источал мед. — Ты ценный союзник, было бы жаль тебя лишиться. К тому же, я помню и ту ночь, и ту тюрьму, и твой героизм. Я коварна, это в нашей природе, но добра не прощаю.

— У вас... — его бровь взлетела вверх. — Красивое предложение, жить здесь в довольстве, вкушать сладости, пить вино, курить опиум и забыть обо всем, — его лицо помрачнело. — у меня есть долг, есть обязательства и есть право биться за свою жизнь. Им я воспользуюсь в полной мере, — его голос был суровым и жестким. — если кому-то нужна моя жизнь, пусть придет и возьмет ее. А я поборюсь.

Он развернулся и зашагал, развевая черный плащ с огненной эмблемой. Маги ночи переглянулись.

— Они найдут его, — сказала черноволосая красавица со шрамом на шее.

— И прикончат, — добавил один из докторов.

— А ведь такой молодой, — отозвалась Ночная Звезда.

— Скорее, молодится, — рассмеялась девушка со шрамом и хлопнула Звезду ладонью по голове. — Ладно, слезай с моего места. Повеселились и хватит — хороший человек умирает.

— И думает о том, как его Школа Огня раздавит вас при желании, — донесся

бесцветный голос из-за портьеры.

— А что, — настоящая Ночная Звезда отпила из хрустального бокала. — Правдивые мысли — не так уж плохо.

Регент и мышь

— Хорошо придумано, изящно воплощено и, несомненно, принесет пользу, — голос Регента был тусклым и усталым, за окном разливалась ночь, наполняя город у подножия величественной, сложенной из известняка и облицованной белым мрамором Башни Света, сказочным ореолом множества огней. «Издали они приятнее, чем вблизи», — думал Мордред. Они беседовали, сидя на открытом балконе, почти у самой остроконечной вершины башни, охрана отсутствовала — Глава Школы Огня не боялся меланхоличного Регента и улыбавшейся от сопричастности к великим деяниям Солнечной Мыши.

— В ваших словах я слышу скрытое недовольство, — Синее Пламя отпил из глубокой фарфоровой чашки. Делегат Школы Света не любил алкоголь, потому приходилось довольствоваться чаем.

— Скорее, просьбу, — ответил маг дня (Регента к Королю Света приставлял Аструм Примарис, и он всегда происходил из иной школы, давая обет служить верой и правдой Королю).

— И в чем же она состоит? — Мордред старался смотреть вниз, на город, минуя взгляд цепких глаз собеседника.

— В общей пользе, которой вы так придерживаетесь, — мастер дня кивнул Солнечной Мыши.

— У нас есть подозрения, — девушка отложила пирожное и начала говорить еще с набитым ртом. Сейчас она была настоящей леди — красивой, с гладкой белой кожей, прекрасно сложенной, облачающейся в шелка, бархат и парчу. Но магистр еще помнил ту четырнадцатилетнюю поскакушку со стрижкой под каре, с которой он путешествовал на Лунном Сиянии — корабле ее наставницы. Они как раз плыли в колонии, наказать пиратов. Много воды утекло. — Школа Тьмы исконный противник Школы Света. И наше недоверие к ним можно объяснить этим. Однако теперь есть и серьезные основания. Наши агенты с Экватора доносят, что в колониях Школы Тьмы принимали странных гостей, приезжавших инкогнито, стараясь быть незамеченными. Также там велись какие-то раскопки, из колонии вывозили древние реликты, которые Школа Тьмы стремится скрыть.

— Так чего же вы хотите от меня?

«Я все больше убеждаюсь, что это дело пахнет гнилью, но не отступать же».

— Мы не имеем сил получить колонии в свое владение. Но поддерживаем вас, в надежде на помощь, — продолжил Регент. — мы просим оказать посильную помощь... Скажем так, комиссии Школы Света, которая должна будет расследовать деятельность Школы Тьмы после того как колонии отойдут Огню.

«Игры, интриги, давние обиды, природная вражда. Почему нет. Дело нечисто. И я буду только рад, если в этой грязи будет копаться кто-то другой. Если найдут что-то полезное, Алый сумеет их приструнить. Если всплывет какая-то хрень, у нас будут рычаги давления на обе Школы».

— Со своей стороны, я постараюсь сделать все возможное, чтобы предоставить вам эту поддержку, — вслух сказал Мордред. — Но колонии надо сначала получить.

Похоже, Регент остался доволен этим ответом, а Солнечная Мышь вся просияла. Именно она, видимо, должна была возглавить эту предполагаемую «комиссию».

Полуночная паранойя

Возвращаясь домой во втором часу ночи, Мордред был неприятно удивлен. Прямо на ступенях Пламенной Цитадели от двери резиденции Школы Огня к нему метнулся человек, остановленный горящими. Сегодня их было с Синим Пламенем двадцать. Мордред всегда чувствовал себя уязвимым в домах других Школ. С огромной неприязнью он узнал в человеке юного мага, прочимого ему в ученики.

— Прошу вас, магистр! — он встал перед горящими, сомкнувшими копья, прямо на пути Носителя Раскаленного Клинка. И был, похоже, очень взволнован. — Всего несколько слов. Минуту вашего времени.

— Юноша, — проговорил огненный маг, потирая латной перчаткой лоб. — У меня был тяжелый день, я устал и желаю поскорее навестить лучшую из женщин — свою кровать. Сейчас не время и не место.

— Но, магистр, — надрывался Родрик Аннельхейм. — Возможно, между нами вышло недопонимание!

«Да куда уж там, я не понимаю, почему не должен тебя немедленно спалить за наглость».

— Я всего лишь хотел пояснить вам, что госпожу Декана попросил о чести быть представленным вам я сам, — он явно думал, что это заслуга. — Я не являюсь чьим-либо протеже и искренне желаю учиться у вас, ибо считаю Носителя Короны Вечного Костра лучшим и искуснейшим из ныне живущих магов! В моей персоне вы найдете самого верного и преданного ученика из всех, что у вас были.

«Вы все так говорите. Хитрые продажные сукины дети».

— Позже, молодой человек. Я обдумаю ваши слова. Но сейчас не время и не место. А ваша назойливость лишь вредит делу, — он двинулся в обход, а горящие воины заблокировали Аннельхейма копьями, пока магистр не скрылся за дверьми Пламенной Цитадели, оставив юношу недоумевать и сокрушаться.

В спальне стоял подарок магов металла. Мордред сам приказал доставить голема сюда. Всматриваясь в совершенные формы стальной пародии на человека, он размышлял о том, что сталь, золото и провода подошли бы людям больше, чем плоть и кости. Сделавшись не таким хрупкими, не так приходилось бы беспокоиться за свою жизнь. Впрочем, прогресс смерти всегда сопутствует прогрессу жизни — нашлись бы яды и на металл, и слабые точки в конструкции, куда кололи бы чем-то пострашней кинжала, и стальные люди, собранные специально на погибель другим. Ему некстати вспомнилась разорванная Петти. Что она думала перед смертью? Кричала ли, когда бронзовая тварь терзала ее плоть? Кричала бы, не будь ошейника и кандалов. Он взглянул на подарок в новом свете, передумав произносить ключ-слово, как только что собирался.

«Что если их намерения были не столь добрыми? Честная конкуренция, да? Или не очень честная. Может, им нужны колонии так же, как и мне, а если не колонии, то есть масса других вопросов, по которым мы соперничаем. Может, у Претора много больше теплых чувств с Краснолицым или кем-то еще из иерархов огня. Может, кто-то из них заказал этого монстра, чтобы избавиться от меня чужими руками. Опять же, маска — этот подарок явно делали для мага огня. Он был подготовлен заранее. Кто-то спланировал это все. А я чуть не попался! Чуть не угробил себя чужими руками. Дурак. Дурак!»

Он с отвращением посмотрел на совершенные стальные формы голема. «Ну уж нет!» Приказав отнести голема в хранилище, к груде прочей бесполезной охранной рухляди, Глава

Школы Огня успокоился, лишь когда за стальным человеком закрылась толстая чугунная дверь.

Уснув в волнении, Мордред видел во сне корабль, на котором они плыли с Солнечной Мышью, и старые волны своего прошлого. Но волны стали раскаленным железом, и корабль начало затягивать. Он увидел, как скрылись, заживо сгорая под водой, матросы, Мышь и ее наставница. В безумном ужасе он лез на мачту, а та все глубже погружалась в расплавленный океан, горели снасти и паруса, в вороньем гнезде ему подала руку Ночная Звезда. Под ее шелками скрывался белый череп. «Они доберутся до тебя», — шепнул он и растаял дымом. С диким воплем Синее Пламя проснулся за секунду до того, как раскаленный металл коснулся его ступней.

***

— Ничего, друг мой, скоро ты выспишься, — шепнул Реймунд Стург, услышав крик.

Часть 4. Глава 6. Чернильный котел

Лаборатория была наполнена гомоном механизмов, пылью и запахом застарелой грязи. На каменном постаменте чуть вибрировал под направленными на него золотистым, белым и двумя разного оттенка черными лучами ключ, обладавший древней историей.

Начало дня Мордредра не особо радовало — он был растрепан, зол с недосыпу и удивлен тем, что архимаг послал за ним в столь ранний час. Зато разбудившую его Бэг он всласть полапал, пока она провожала магистра до подземной каморки.

— Что вам известно о воде смерти? — полюбопытствовал Книжный Червь. В свете зеленых свечей, горевших в нескольких торшерах, лицо ученого выглядело inferнально.

«Ни дать, ни взять — черный колдун из страшных сказок», — в блеске глаз своего подопечного Синему Пламени почудилось нечто недоброе.

— Это высокая практика совмещения магии воды и магии смерти, порождающая субстанцию, обладающую особыми свойствами, — припомнил магистр из лекции по теории магии, которые читал ему старый Фред Потешник — лектор из академии магии, очень похожий на Веллареса, но много более старый уже тогда, в годы юности магистра. — Кажется, она позволяет поднимать мертвых, беседовать с духами, а также является сильным ядом.

— Не путайте с черной водой, имеющей похожую природу, но относящейся к магии тьмы, вода смерти — не яд, при употреблении ее внутрь человек начинает видеть духов. Но организм она тоже подтачивает — многие, злоупотреблявшие этой субстанцией, рано простились с жизнью или закончили свои дни в лечебнице для душевнобольных, — поправил Книжный Червь лекторским тоном.

— Это очень интересно, безусловно, — ответил магистр без всякого интереса в голосе, — но меня ждет тяжелый день. И ранее пробуждение отбило у меня способность мыслить научными категориями. Может, вы поясните мне, архимаг, при чем тут вода смерти?

— Она мне очень нужна, — без обиняков ответил Велларес. — Причем качественная, имеющая нужный заряд и консистенцию.

— Ну, я думаю, я мог бы... — Мордредра бесцеремонно прервали.

— Нет, нет и нет! — тон ученого не понравился Носителю Раскаленного Клинка. — Вода нужна свежая и, еще раз повторяю, качественная.

— И что же вы предлагаете? — магистр был несколько озадачен и много больше рассержен. «Не забывай, чьи руки тебя кормят. Нет, я не те пушистые имею в виду!»

— Школа Воды обладает занятным артефактом, — архимаг начал пощипывать себя за подбородок. — Он называется Чернильный Котел и производит воду смерти в потребных для меня количествах нужного качества, — сухие губы расплзлись в улыбке, показавшейся Мордреду зловещей.

— И? — поторопил Носитель Короны Вечного Костра.

— Не могли бы вы мне его достать? Это ускорило бы исследования, — выглядел при этой просьбе ученый очень смущенно. «Еще в ладошку постесняйся».

— Посмотрю, что могу сделать, — ответил магистр, взмахнул плащом и ушел.

Интриги дождливой осени

Заведение называлось «Львиный город», это был игорный дом, бордель с элитными

куртизанками, отменный ресторан и кальянная. Развалившись на подушках, Мордред и его собеседник, облаченный в цвета зимы — белый и светло синий, курили черный табак, смолистый, ароматный, и непринужденно беседовали.

— Скажите, Декар, вы ведь действуете в интересах большой группы? — группа действительно была большой, его юный друг передал агентам Синего Пламени список имен, включавших не менее трети всех мастеров воды и много магов менее высокого уровня.

— Так и есть, — ответил Дождливая Осень, — но к чему этот вопрос?

— А чего вы рассчитываете добиться для себя лично? — струйка густого дыма вырывалась изо рта Мордреда.

— Я не слишком амбициозен индивидуально, так сказать, среди моих соратников есть много достойных людей, мне хватит и второстепенного поста, дающего надежду на повышение, — скромно ответил маг воды, поправляя расстегнувшийся высокий ворот рубашки.

«Только не говори, что ты альтруист. Я тут же прикажу тебя отправить в лечебницу».

— В вас говорит исключительно любовь к своим соратникам? Или же вы ощущаете недостаток ресурсов, мой юный друг? — лениво поинтересовался "Синее Пламя".

— Друг... — юноша зарделся, хотя, может, магистру показалось (черный табак оказывает также наркотический эффект), затем Декар улыбнулся. — Немного того, немного другого. У меня нет собственных мощных связей и финансов, чтобы претендовать на что-то большее. Те, которые имелись, ушли на место в Совете.

— А если бы они у вас появились? Равно как надежный покровитель и сильный тыл? — в окутывающем собеседников дыме глаза магистра сияли красными углями.

— Тогда-а-а, — протянул Дождливая Осень, — я думаю, что смог бы претендовать на большее.

— Тогда у меня к вам предложение, — восторженно Мордред, — мне нужна ваша помощь в одном деле, а взамен... — он выдержал паузу. — Вы получите мою благодарность. В золоте и влиянии.

— Это предложение, от которого не отказываются, — в улыбке блеснули зубы собеседника. «Ну у него и клыки, такой пастью можно много сожрать». — Что от меня требуется?

— Это лично для меня, — ответил Синее Пламя и чуть помедлил, дав им обоим насладиться моментом. — Мне нужна одна вещь, которой обладает Школа Воды, и я готов ее купить. Но сделать это надо тайно. Без разглашения персоны покупателя и целей покупки.

— И что это за вещь? — юноша посерьезнел. — Помните — на предательство Школы я не пойду.

«Ты уже предатель. И можешь лишиться жизни, если я об этом кое-кому шепну».

— Ничего столь важного. Мне нужен Чернильный Котел, — маг огня вынул мундштук кальяна изо рта и пустил сизый дым колечками. — И я за него хорошо заплачу. Как и вам, за посредничество.

— О! — заулыбался маг воды. — Всего-то? В этом я с огромным удовольствием помогу вам, магистр!

Политическая рутина с кровавыми подробностями

Затем была рутина. Хотя Зал Аструм Примарис был полон, большинство присутствующих скучало — сегодня, предвзято на несколько дней расправу над главным блюдом, Совет обсуждал дела более мелкие. Хоть некоторые из них были достаточно важны

для Мордред.

Однако голосование по вопросам побочных наследников и подтверждение столетнего «Акта о разделении полномочий» прошли без сучка и задоринки, щедро подмазанные огненным золотом. Другие вопросы оказались не столь просты в решении, к прискорбию главы Школы Огня, было подтверждено решение об особых правах городской стражи. Что создавало неприятный прецедент — теперь мэры и правящие советы городов могли по примеру Антарис-Примула, которой это решение касалось, захотеть так же заводить городскую стражу, не зависевшую от школ. Пополняемую из жителей района и оплачиваемую из городской казны. «Так мы скоро до бунтов бездарных дойдем, будем как в Шваркаресе».

Также приняли неприятные для Мордред поправки к дипломатическому курсу, решив усилить контакты с Сетрафией и Эллумисом, в ущерб отношениям с Алмарской Империей, Шваркарасом и Ригельвандо — такое положение дел рушило успехи личной дипломатии Школы Огня и не могло не расстраивать ее главу. «Паровые шляхи гартарудов и мужеложцы! На них вы хотите променять державы-колонизаторы?! Кучка кретинов и лизоблюдов!»

Были также оглашены предварительно вопросы, по которым состоится обсуждение на законной сессии в конце года. Статус военных училищ входил, и это приносило надежду на дальнейшее возвышение Школы Огня.

В перерывах между заседаниями Синее Пламя успел побеседовать со своими доверенными людьми. Собственно, лишив их этого доверия.

Первым был слуга магистра, он мелко трясся, когда горящие воины бросили его к ногам хозяина.

— Людвиг, — расплылся в улыбке Синее Пламя, — старая ты гнида. Тебя видели у нашего друга Краснолицего. Что ты там делал?

— Магистр! — слуга обнял сапоги из драконьей шкуры, в которые был облачен Мордред. — Ваши люди все неправильно поняли! — он оросил дорожную кожу слезами и соплями, что еще больше рассердило хозяина слуги и сапог. — Я лишь хотел втереться к нему в доверие, дабы лучше служить вам и принести больше пользы.

— В следующий раз будешь втираться в доверие в аду, — пинок окованного шипастой сталью носа разбил скулу толстяка и рассек кожу, оросив ковер кровью. «На красном не видно». — Сержант! — приказал Мордред. — Выведите эту тварь и прикончите где-нибудь вне этих стен.

В Гилемо Антарии жизнь людей, не обладавших магией и не принадлежавших кому-то другому, ничего не значила.

Следующим был сутулый, в черном, с крысиными чертами лица — исполнитель заказов Синего Пламени. Вообще, все эти беседы можно было проводить и в другом месте или вообще доверить слугам. Но Носителю Раскаленного Клинка доставляло некоторое удовольствие разбираться в этом самостоятельно, а в стенах Совета он так разгонял скуку.

Сутулого держали вчетвером, хотя на нем и был рабский ошейник.

— Слива — убить, персик — напугать, тупой ты ублюдок, — он смотрел в зал, а не на собеседника, произнося эти слова.

Крысомордому хватило ума промолчать.

— Подберите для него теплую камеру, пусть подумает над своими поступками, — скомандовал магистр горящим, — он все еще ценен для нас.

Когда человека в черном увели, Мордред сказал сержанту:

— В камере его нужно прикончить, просто здесь многовато грязи он мог развести, — маг огня сбросил пылинку с плаща. — Он слишком много знает, а ценность имеет теперь невысокую. «Теперь придется кого-то подбирать на его место. Где б найти — поумнее и неподкупленного, хоть в Силенцию посылай».

Много шума из скорлупы

Вечер его радовал, хотя в этот раз, согласно распорядку, составленному дворецким, на стол подавали не служанки, а слуги, магистра ожидал его любимый суп из морепродуктов с острыми как пламя приправами.

Глаза у Меррита — первого из подававших на стол приборы и салфетки, — были усталыми и все время бегали. Руки немного дрожали, а когда он приблизился к Мордреду, то и коленки затряслись. «Боишься меня? Что-то замыслил. Кто-то посулил тебе больше денег или лучшую жизнь? Эх, а ты у меня так недавно».

— Томас, выведите, пожалуйста, отсюда Меррита, и попросите сержанта с ним побеседовать, — холодный голос мага огня звучал как приговор, мальчишка вышел вслед за дворецким, рыдая и на ватных ногах.

А вот и главное блюдо — его подал мускулистый детина с широкой спиной и тяжелой челюстью, один из слуг Пламенной Цитадели. Но дымящийся суп в глубокой тарелке из красного золота своим ароматом выбил подозрения из головы магистра.

И зря. Первые шесть ложек были воплощением кулинарного блаженства. Он уже думал наградить повара. Но тут — седьмая, а вроде счастливое число. Сначала был легкий укол, когда магистр попытался разжевать мякоть устрицы, затем треск и нестерпимая боль, изо рта хлынула кровь, зуб сломался.

«Отравили. Убили! Нет! Нет! Не-е-е-е-е-т!!!»

Боль терзала сознание, рот наполнялся кровью, Мордред отбросил стол, одним ударом поверг здорового слугу, подбежавшего на помощь, с ног, разбил стул об стену, его перчатки запылали.

— Нет! — взревел он. И внезапно понял. Резко плюнув на руку, он обнаружил перламутр на эмали перчатки — всего лишь осколок раковины, невинный и почти безобидный осколок раковины. Его охватило торжество. Раковина и ничего больше. «Но она могла меня убить», — внезапно понял Синее Пламя. Попасть в горло и задушить. «Прикончить до того момента, как я сумею что-либо сделать».

— Повар! — заорал он снова. — Повара сюда!

Когда к нему привели трясущегося мелкой дрожью (в последнее время многие на него так реагировали — с чего бы...) и слишком худого для повара человека по имени Ромеро, тот все отрицал. «Кто заплатил тебе?!» — «Никто синьор, это была ошибка — простой недосмотр». — «Лжешь! Лжешь, лжешь, лжешь!» Но даже обгоревший, избитый и с сломанными ударами ноги пальцами ригельвандец-повар все отрицал.

— Твоя ошибка стоила мне зуба и могла стоить жизни, — поостыв, возвестил Мордред. — Ты уволен. Выплатите ему выходное пособие, и пусть убирается, — приказал он дворецкому и ключнице.

Искалеченного человека увели. А Носитель Короны Вечного Костра отправился спать, не доев ужин. От боли в зубе он применил целебный свиток школы жизни. Но от боли подозрений он так и не избавился.

Во сне он задыхался. Тонул. Был удушен. Задушен подушкой. Ему перерезали горло

гарротой, топили в собственном ночном горшке. Он умирал, умирал, умирал.

***

Письмо, тайком переданное Бэгрис, сообщало, что Мордред подозревает слуг и собственные охранные артефакты, подозревает всех вокруг, и его — Реймунда — тоже подозревает. Понадобится очень веский повод, чтобы приблизиться к нему. А убивать Синее Пламя придется в собственном доме, иначе он рискует попасть в лапы городской стражи или охраны других школ. «Пригодится диверсия, — решил Стург. — А его паранойей можно поиграть».

Путь молодых — всегда по истоптанным дорогам

Аструм Примарис был торжественен и помпезен. Маги облачились в лучшие свои одеяния. Зал наполнился знаменами, вымпелами и штандартами. Никто не желал ударить в грязь лицом перед остальными. В этот день не было голосования, однако Мордред был разряжен в пух и прах — доспехи с золотой чеканкой, корона и меч, плащ с высоким воротником в виде языков пламени, хитон, украшенный агатами и янтарем, сапоги из шкуры льва голенгардов. Прочие главы школ, мастера магии, делегаты так же старались перещеголять один другого.

Все это предназначалось для молодых магов — тех, чьи наставники, как правило, люди видные и влиятельные, сочли этот день достаточно подходящим для приведения к присяге, а своих подмастерьев — готовыми принять на себя бремя полной ответственности за свои силы. Молодые маги, всего их было двадцать два, уже прошли все необходимые экзамены на получение звания магов первой и второй ступеней, сообразно их мастерству и могуществу. Среди них нашлись даже таланты, поднявшиеся до третьей ступени мастерства, превзойдя многих опытных магов. Они стояли — Тарлеа Звезда Полудня, ученица Белого Канцлера из Школы Дня. Счастливая и непрестанно улыбающаяся, в белом платье с узким лифом и кружевами, а на плечах меховая накидка из нерпы. Ильмарис Попрыгун — один из многочисленной паствы Черного Клоуна Школы Эмоций, облаченный в серое трико и разноцветную плащетку в клеточку. Харалс Горячий Поцелуй — бывший подмастерье Краснолицего в красной мантии поверх легкого доспеха из чешуи. И еще девятнадцать свежих магов с меньшим талантом.

«Рейон, Рейон, ты мог бы превзойти их всех. По части искусства тебе не было равных, а вот голова дурная. Неужели так нужно было пытаться меня убить?» — удрученно размышлял Синее Пламя, глядя на чужие успехи — ведь как для отца нет большей радости, как вырастить здорового и сильного сына, так для мага-наставника нет большего счастья, как выпустить в свет талантливого ученика, прошедшего все тяготы жизни подмастерья.

Еще большее раздражение доставлял Мордреду вид Родрика Аннельхейма как знак его позора, почти сравнимый с импотенцией. Он даже ни разу не объяснил никому, почему не берет ученика. Что было позором само по себе, и отверг парня дважды, оскорбив тем самым и унизив. Подмастерье прибыл в числе прочих гостей, как и Селеста — декан факультета Высшей Магии огня — на время церемонии приведения к присяге в здание Аструм Примарис допускали гостей, имеющих то или иное отношение к присягающим. Оба они — декан и подмастерье — мозолили Мордреду глаза. Он начинал даже подозревать, что это может быть чьим-то хитрым планом — если он возьмет ученика, тот попытается прикончить учителя. Не возьмет — опозорится и утратит влияние. «Выглядит довольно тонко, я сам не раз так действовал. Надо было обставить отказ получше. Но у меня есть беды и поважнее».

Начав церемонию с пары шуток, грубоватых, но смешных, фокусник зачитал текст общей присяги, где юные маги обещали следовать духу и букве законов Гилемо Антария, верно чтить принципы Аструм Примарис и вообще быть просто душками и замечательными гражданами. Потом делегаты от школ, к которым относились новоявленные маги, приняли присягу школам. Не желая иметь с протезе Краснолицего ничего общего, Носитель Раскаленного Меча отдал эту честь Красному Быку — Носителю Пламенного Жезла.

«Клянись верой и правдой служить матери, что взрастила тебя, дала власть над стихией, возвысила над прочими, наделила силой! Клянись помнить лишения и испытания, что прошел ты на своем пути, дабы навсегда запомнить цену власти. Клянись, что пламя, горящее в тебе, будет направлено против врагов твоей Школы, на добрые дела и на защиту всего, что нам дорого. Клянись быть верным, послушным и честным сыном Школы. Дабы братьям и сестрам по Пламени не пришлось разочароваться в тебе. Клянись не раздумывая отдать жизнь ради Огня и жить ради Школы!» — гласил текст присяги и Харалс радостно поклялся. А за ним рыжая девчонка — подмастерье какого-то мастера, правда, она клялась быть верной дочерью школы.

«Ничего, скоро вы узнаете, что значит быть верным школе — убивать ради нее, интриговать, идти в бой, работать в поте лица и еще упорнее лезть наверх, дабы не оказаться подстилкой для кого-то более сильного, чем вы сами. Юные маги, очень скоро Школа состарит вас».

Мордред уже тошнило от речей, но все же он взял слово, иначе это расценили бы как слабость. Он пожелал магам твердо придерживаться избранного пути искусства, быть смелыми на пути учения и служения, а горящий в них огонь светлых порывов направлять к благу их школ, ибо оно суть равно их собственному благу.

Произнося эту речь, он вспомнил собственную присягу — восторг и трепет, мудрого учителя и гордого отца. Он не завидовал этим новым магам, приносившим свои клятвы перед Аструм Примарис — это действие сакральное, но меж тем личное и даже почти интимное. Эту присягу следует давать только перед магами собственной Школы, в кругу тех, кто считает тебя братом и произносил такие же слова, которые произносишь ты. И рядом тоже должны быть братья и сестры, а не черт знает кто из других школ. Он взглянул на Артура. «Впрочем, братья очень быстро перестают быть таковыми. А мою сестру выдали в Шваркарас, проживать жизнь бездаря. Хотя, это сестра по крови — не более».

Завершил Церемонию традиционный показ молодыми магами своего умения. Тарлеа Звезда Полудня обратила вино в целебную «белую воду» и предлагала попробовать всем желающим. Попрыгун заставил нескольких мастеров других школ испытать шестьдесят эмоций за шестьдесят секунд. Харалс призвал небольшого огненного дракона, подтвердив свою третью ступень. Большинство прочих магов тоже не осрамились. Хотя пара конфузов все же случилось. А юного мага воды по имени Мирас Ручей хватил инфаркт от несработавшего заклятия, но его исцелил Милостивый Иерарх.

«Закончилось? Прекрасно, пойду нажрюсь». Мордред покинул Зал сразу после официальной части, хотя многие остались на банкет и послесловье.

Браком хорошее дело не назовут. Династический союз — звучит лучше

Впрочем, нажраться главе Школы Огня если и грозило, то только в компании. Сразу после церемонии присяги его ждала встреча в «Убитом Кабане» — довольно надежном заведении с кабинетами, предназначенными специально для серьезных переговоров. Политика — штука тонкая, соперничая в одном, можно оставаться союзниками в другом.

Так сложилось, что школы Огня, Земли и Дня вели давнюю и взаимосвязанную матримониальную политику в Гольвадии и за ее пределами. А потому в «Кабане» его ждали Белый Канцлер из Школы Дня и Лорд Мрамора из Школы Земли.

— Приветствую, господа, — Синее Пламя несколько удивило, что эти двое успели сюда раньше него. Не иначе, покинули церемонию еще до завершения. Он сел в глубокое, удобное дубовое кресло. — Начнем.

Оба поздоровались. Начал Белый Канцлер — человек худой, строгий, с узким, будто выточенным из дерева лицом, высокими скулами, орлиным носом, пронизательным взглядом. Он был облачен в простое одеяние, напоминающее сутану, с рядом мелких пуговиц и высоким стоячим воротником. На пальцах сильной, но мелкой руки поблескивали кольца с фокусами из янтаря и жемчуга.

— Начнем с наболевшего. Алмарская Империя. То, что она находится от нас на другом конце Гольвадии, не отменяет нашего опрометчивого невнимания к этой державе, — голос его был сухим и властным. «Настоящий дипломат и неплохой игрок», — подумал Мордред, впрочем, сам канцлер политику игрой не считал. Он считал ее делом, сложным, рутинным, продуманным до мелочей ремеслом. — Маги Империи не столь организованны, как в Шваркаресе и Ригельвандо, но все же и не столь распущены как в Эллумисе, — он кивнул Лорду Мрамора, попытавшемуся что-то вставить, — да, да. Эллумис мы рассмотрим позднее.

— И каковы же ваши мысли касательно Империи? — поинтересовался Мордред, наливая себе вина в высокий серебряный штоф.

— Благополучие имперской магии зависит от аристократии, ибо простое сословие более тяготеет к церкви, особенно купцы. Если мы желаем контролировать магическую политику Империи, мы обязаны, — Канцлер выделил это слово голосом, очень четко, — обеспечить браки графов и герцогов, высшей владетельной аристократии, с подходящими претендентами из наших Школ.

— Герцоги — это родственники императора? — поинтересовался Лорд Мрамора, он был крупным, тяжеловесным, и облачен был так же — в полотняный камзол, штаны из шерсти и тяжелые доспехи поверх этого. Кресло под ним трещало.

— По большей части, — согласился маг дня.

— У Лорда Щебня и Лорда Камня есть дочери на выданье. У Лорда Песка — сын-бездарь. У Лорда Извести — сын полноценный маг, — перечислил маг земли, загибая пальцы.

— Неплохо для начала. Дети Лордов Школы Земли — вполне подходящая партия для герцогов, для графов сгодится и менее крупная рыба, — кивнул Белый Канцлер. — Что вы скажете, Мордред? — он не называл Синее Пламя магистром, чтобы не путаться, они все трое находились на этой ступени магического искусства.

Магия была известна с древнейших времен. Первыми ее открыли дракийцы, претендующие на первородство в мире. Быстро начали использовать и другие расы. Сильная магическая традиция была в древней Империи Имирас, и древнем Эллумисе, от которого современный казался лишь тенью. В Хмааларском Султанате и на Экваторе, равно как и в Амилании, были свои магические традиции. Но школы магии Гольвадии, после того как судьба и время поглотили Имирас, а Эллумис искорежили, происходят из Гилемо Антария, появившегося раньше, чем прочие современные державы Юга. За исключением Героики с ее людьми-богами, такими же замшелыми, как и впавшее в декаданс государство. По тем или

иным причинам, маги Гилемо Антария по завершении Эпохи Черного Неба отправлялись в иные государства Юга, основывали там школы и магические конклавы, очень быстро теряя историческую связь с родиной. Но все же Великие Школы по мере сил старались напоминать магам Гольвадии, откуда они вышли. А при возникновении возможностей обновляли магическую кровь соседей, к своей, понятное дело, пользе. Школы зорко следили за тем, чтобы все, кто возможно, не забывал своих антарских родственников, а старые союзы возрождались. Об этом и шла речь. Само собой, в другие страны отдавали не безродных магов, а принадлежащих к тем или иным знатным, обладающим именем и состоянием родам, хорошо себя зарекомендовавшим.

— Семья Синего Пламени сейчас может предоставить лишь несколько побочных детей, — отвечив Мордред, — но этого вполне достаточно для брака с графами. К тому же алмарцы все равно не сильно разбираются в нашей иерархии — обставим с нужной помпой и дело в шляпе. Дети есть в семьях Зеленого Пламени, Красного Дракона, Красного Быка, Огненного Колеса. Если повезет, то я смогу уговорить Носителя Алой Маски выдать свою дочь за кого-то из герцогов или эрцгерцогов, — Носитель Короны Вечного Костра, в отличие от Лорда Мрамора, разбирался в алмарской иерархии.

— Очень хорошо, — кивнул Белый Канцлер, — я подготовлю список графов, герцогов и эрцгерцогов, а также алмарских аристократов, с которыми необходимо заключить союзы. Далее следует Шваркарас.

— А как же? — подал голос Лорд Мрамора.

— Эллумис будет своим чередом, — отрезал маг дня.

— Я так понимаю, речь идет о герцогах Юзаца и Морпаньяка, а также о герцогских семьях Нормани и, возможно, Хаскони? — поинтересовался Синее Пламя.

— Еще неплохо было бы найти партию для сына короля, но это маловероятно, — загрустил Канцлер. — Я пытался уговорить Принцессу Зари, но пока переговоры зашли в тупик.

— Н-да, — добавил маг земли, — у нас тоже не найдется никого достаточно знатного.

— Будем ждать смерти Леди Воды, — заключил Мордред. — Дочь у нее симпатичная, — он выпил вина и продолжил, — Юзац и Хасконь я возьму на себя. В семье Огненных Дев найдется одна горячая цыпочка, которая наверняка приглянется молодому Хасконскому, Нормань оставим Школе Земли, а вы, Канцлер, займетесь Морпаньяком. Идет?

Оба согласились. Шваркарас был важен — в нем имелась собственная Гильдия Магов, могущественная и хорошо организованная, маги там имели звания на Гилемо Антарский манер, но при этом получали их не столько за умение, сколько как признак статуса и влияния. В Гильдию обязан был входить каждый подданный маг Шваркараса, следовательно, Гилемо Антарий за счет династических браков имел там свою руку. Однако обеспечить достаточное значение в Гильдии Магов Шваркараса, могли только браки с крупными феодалами — герцогами и членами королевской семьи. Впрочем, Шваркарас довольно охотно заключал такие браки.

С Ригельвандо вечно были проблемы — маги там были достаточно свободны и объединены во множество мелких союзов, постоянно возникавших и исчезающих к тому же. Так что этот вопрос оставили до конца года, пока Канцлер соберет побольше сведений о текущей ситуации.

— Эллумис? — без особой надежды поинтересовался Лорд Мрамора.

- Да, Эллумис, — согласился маг дня. — Там бардак не меньше, чем в Ригельвандо, но магические рода хотя бы старые и стабильные. Нас интересуют Спартис, Пифос и Энкор?
- Дочь Лорда Камня в последний, сын Лорда Грязи во второй и моя младшенькая Иллана в первый, — довольно возвестил Лорд Мрамора.
- Принято, — кивнул Белый Канцлер.
- Принято. Тогда я отправлю побочную дочь Синего Пламени в Филларес, — как бы между делом заметил Мордред, ему было приятно наблюдать, как изменилось лицо мага земли — Эллумис был исконным полем интересов этой Школы, а Филларес — весьма крупным городом-государством.
- Как?! — воскликнул Лорд Мрамора. — Неужели в Филларесе есть свободный жених?
- Не для ваших благородных кровей — бастард тирана города, — улыбнулся Мордред. — Я случайно о нем узнал.
- «Куда там случайно, сто тысяч золотом и три года слезки», — добавил он про себя.
- Что ж, очень удобно, — не обращая внимания на кислую мину Лорда Мрамора, заметил Канцлер, — разбавили Эллумис. Думаю, на этом все, господа. Насчет Хмаалара пошутим в другой раз. В конце года. Шутка про пополнение гарема султана меня еще не отпустила. Разрешите откланяться.
- Пойдите, Бальмон, — обратился Синее Пламя к Белому Канцлеру по имени. — Я все понимаю, но все же, что понадобилось Принцу в колониях?
- Мальчишке не терпится увидеть живую амиланийку, — с мрачной миной, говорившей о правдивости слов, ответил маг дня.
- Яиц ему лишиться не терпится, — хохотнул Лорд Мрамора, и Канцлер молча удалился. — Выпьем, Морд? — предложил маг земли.
- Выпьем, Лох, — согласился Мордред, Лорда Мрамора звали Лохтур.

Часть 4. Глава 7. Неслучайный скорпион

Поздно ночью, вернувшись домой навеселе, Носитель Раскаленного Клинка, не ужиная, направился в свою комнату, и, откинув одеяло, даже не сняв сапог, собирался погрузиться в привычные объятия кошмаров. Но быстрое шевеление и шелест простыней заставили его отпрянуть и немного протрезветь. По кровати, угрожающе выставив жало, на мага огня полз королевский скорпион, которые во множестве обитали в Антарис-Примула.

Мордред отпрыгнул еще дальше, чуть не запутавшись в плаще. Латная перчатка на правой руке извергла пламя. Опомнился он, когда кровать превратилась в головешки и лужицы бронзы, а полкомнаты весело полыхало. Потушив огонь, Синее Пламя позвал:

— Томас, — дворецкий явился, но довольно нескоро, магистр успел успокоиться и кристаллизовать свою злобу, — собери через пять минут всех слуг в приемном зале.

Кивнув, старина Томас удалился.

Слуги рыдали, горели, истекали кровью, но не признавались. «Это сделал кто-то из вас. Кому-то из вас хорошо заплатили за молчание. Или, может, сыграли на ваших хилых душонках? У кого была возможность? У многих. Мотив — это рабы, а я не самый добрый хозяин. Почти у каждого есть претензии. Свободным же есть, что терять, но и амбиции при них. Не признаетесь. Поступим по-другому».

Он уволил всех слуг за исключением Томаса, ключницы и Бэг, весь день прислуживавшей архимагу рядом с лабораторией, и половину горящих. А своих агентов отправил проследить — к кому побегут эти побитые шавки. «Ничего, завтра же, завтра я узнаю, кто из вас предал. И буду жарить вас вместе с хозяевами — очень, очень медленно».

Стены давили. Защитные артефакты казались смертельными ловушками, а стражники — подкупленными все до единого. Мордред устроился спать в одной из каморок для мелких гостей, наложив на стены и дверь смертельно опасные заклятья (не забыв, правда, предупредить оставшихся слуг). Днем он себя еще как-то держал, им правил долг и честолюбие, но ночью... Ему всюду чудились тени с ножами, косые взгляды, яд в воде и пище. А сны были и того хуже — его оскопленного и поруганного, в женском платье, выдавали замуж за мускулистую амиланийку-капитана, вдвое больше его, в глазах чудовищной женщины горел недобрый огонь и Мордреду очень не нравилось, как она поглаживала фаллическую рукоять своего клинка.

***

«Уволил слуг, сжег свою комнату, дым виден и отсюда. Сократил охрану. Ты облегчаешь мне жизнь, Мордред. Кто бы мог подумать — столько планировать, организовывать, искать малейшие способы ослабить твою оборону... А случайно заползший в кровать скорпион сделал за меня половину дела. Видимо, сама судьба желает тебе зла, грешник Синее Пламя, впрочем, мы все такие».

Реймунд Стург закрыл книгу знатных родов и правителей Школы Огня и лег спать. Сны его были безмятежны.

Маленький скандал с гомосексуальным оттенком

Очередное унылое утро, отягощенное к тому же плотскими необходимостями — из-за отсутствия повара, Носителю Короны Вечного Костра пришлось идти завтракать в расположенный неподалеку ресторан «Багряное золото». Еда была неплохой, обслуживание великолепным, а вот компанию хорошей назвать было сложно — в основном маги школ

огня, ветра и земли, чьи районы располагались поблизости, а также несколько бездарных купцов и каких-то иноземцев. Особенно способствовало несварению присутствие Авелина — Мага Лучистого Моря. Одного из Магов Небесного Копья. Этот довольно юный стройный и худой мастер воды, сидя с еще тремя магами, постоянно поглядывал в сторону трапезничающего Мордред и компания довольно громко смеялась.

Когда Синее Пламя кое-как прикончил половину порции телятины под сливочным соусом, смех и разговоры перешли в тыканье пальцами и откровенный хохот. Этого терпеть было уже нельзя.

— Мастер Авелин, — обратился он через зал к магам воздуха, вытерев перед этим рот салфеткой и кивнув стоявшим под стенами горящим воинам, — вам или вашим друзьям в моей персоне что-то кажется смешным?

Это вызвало новый взрыв хохота.

— Нет, нет, — ослепительно улыбаясь, ответил Маг Лучистого Моря. — Я всего лишь рассказывал своим товарищам о вашей любви к мальчикам.

— По-моему, вы спутали меня с кем-то из представителей вашей школы, возможно, с самим собой, — ответил Синее Пламя, едва сдерживая ярость.

— Ну как же, — не обратил внимания на колкость маг воздуха, — разве вас не осаждают симпатичный долговязый юноша, умоляя взять его в ученики? А мальчика нищего на базаре вы даже наградили горячим поцелуем. Но все же руки надо целовать женщинам, а мальчиков лучше в губы. Кстати, куда делся ваш подмастерье? Давно его не видел. Залюбили насмерть?

«Кто проговорился о базаре, неужели этот дождливый праведник? Нет, вряд ли, там было много народу — кто-то еще меня узнал».

— Я не сомневаюсь, мастер, что вы понимаете толк в любви мальчиков и мужчин. Для скольких Магов Небесного Копья вы послужили своей крепкой задницей, прежде чем получить титул? Или вы предпочитали трахать саму Инессу? Или она вас? Я слышал, в Амилании есть такие приспособления... — успешно подавляя ярость, начал магистр.

Удар попал в точку, но эффект был не столь ожидаемым, и уж явно не таким, какого желал Мордред.

— К черту! — маг воздуха перевернул стол, его друзья расступились, став справа и слева от него, лазурный плащ взметнулся, небесный хитон затрепетал. — Я вызываю тебя! Выходи на бой, старый замшелый огненный педераст!

«Смелый щенок. Но здесь их всего трое. Зато множество магов вокруг могут потом донести о результатах поединка своим господам и покровителям. И говорил он слишком гладко, бил прямо в точку — как будто заранее готовился. Это ловушка абсолютно точно. К тому же, этот сопляк никогда не был известен как хороший боец. Флотоводец — может быть, но не боец. Меня подставляют».

— Поднимите мебель и сядьте, юноша, — с рокотом в голосе ответил магистр. — Найдите свои пеленки и закутайтесь в них обратно, чтобы не позориться куцыми телесами и еще более куцыми способностями. Я давил магов сильнее вас, когда вы еще сосали материнскую грудь и пускали ветры. Впрочем, второе вы и сейчас делаете. Я дам вам время одуматься и устыдиться — до конца сессии Совета. Если его милость Маг Лазурных Берегов не устыдится и не придет просить прощения, мы решим это дело боем, — Мордред окружили горящие воины — их доспехи пылали, а наконечники копий раскалились. — А покамест прощай.

Провожаемым взглядом, полным бессильной ярости и злобы, Синее Пламя покинул

ресторан.

«Это произошло не просто так. На меня кто-то нацелился, я чувствую, как сжимается кольцо неприятелей. Кому-то достаточно могущественному и столь же опасному очень нужна моя смерть, он даже решил натравить на меня Школу Воздуха. Но кто? Принц Полудня? Краснолицый? Может быть, мой друг Красный Бык решил подняться повыше? Школа смерти прознала о ключе? Кто же, кто же, кто же?! Нужно быть очень осторожным и выверять каждый шаг — я вошел на лед весной и только от меня зависит, сумею ли я с него выбраться».

Здесь уют... Нет, не уют. Артефакты собирают

Следующим пунктом его дневных дел был визит в мастерскую артефактов, принадлежащую Школе Огня, вернее, лично семье Синего Пламени, главой которой и носителем родового прозвища стал Мордред после смерти отца. Вопреки расхожему мнению, маги не живут дольше людей, разве что маги из Школы Жизни, и то не сильно. Иногда они могут продлевать свою молодость, но это тоже укорачивает жизнь.

Мастерская была на вид всего лишь небольшим особнячком, расположенным в одном из благополучных, не принадлежащих ни одной из школ, районов города. Такое расположение привлекало к этому прибыльному местечку меньше нежелательного внимания. Физическая расправа с конкурентами и их предприятиями была довольно распространена в среде магов. Всегда чужими неизвестными руками, само собой.

В особняке — двухэтажном здании на двадцать комнат, часть из которых была объединена, с двускатной крышей и резными украшениями фасада, Главу Школы Огня принял мэтр Гроссини. Это был сухой, подтянутый и невысокий старичок в просторной белой рубахе из плотной ткани, кожаном переднике, суконных коричневых брюках и со сложным устройством из различных, в том числе магических, линз на голове. Он был мастером-артефактором этой мастерской.

— Приветствую вас, господин магистр, — сказал он дребезжащим, но сильным голосом. — Прошу, проходите, проведу вам экскурсию, а там и до заказа доберемся.

— Благодарю, мэтр, — взяв с собой лишь двух горящих — артефактор был давним другом семьи Мордреда и за свою безопасность в стенах особняка маг огня волновался меньше, — Синее Пламя вошел внутрь и тут же оказался в обители чудес.

Артефакторы по большей части магами не были. Не были они и колдунами, хотя многие из них и обладали дополнительными навыками для облегчения труда. Их работу можно было назвать ремеслом, но, скорее, искусством. Как и зельевары-алхимики, они добивались удивительных результатов, соединяя и обрабатывая особым образом различные уникальные компоненты. Если маг работает с энергией нематериального пространства, воплощая ее в реальном мире, а колдун сочетает свои познания заклинаний и ритуалов с множеством геомантических природных факторов, создавая энергию из взаимосвязи сложных природных процессов, то артефакторы пользовались иными методами. Они использовали редкие вещества и материалы, обладающие собственными скрытыми свойствами и по-разному проявляющимися их в сочетании с другими подобными веществами.

Создание артефактов — сложная и многогранная наука в теории и искусство, требующее творческого подхода, на практике.

Самые примитивные артефакты, называвшиеся самими мастерами «ложными», создавались из элементов, заряженных энергией магом или колдуном. Например, если навесить на меч колдовской амулет, защищающий хозяина от стали, то меч сам начнет

блокировать чужие удары. А если заряженный магией огня свиток, то меч начнет нагреваться. Были ложные артефакты, полностью исполненные магами или колдунами — например, мечи с нанесенными на них рунами имели много полезных свойств, или же жезлы, заряженные магией льда, замораживающие противника. Но у всех подобного рода предметов был один минус — они требовали подзарядки, руны стирались или утрачивали силу, ткань рвалась, нарушая колдовской узор, магический заряд заканчивался. А для подзарядки требовался соответствующий специалист. В общем, по мнению артефакторов это были дешевки.

Но для кустарной работы, если клиенту требовалась срочность, а не качество, в особняке Гроссини имелись целые комнаты, заставленные стеллажами с колдовскими амулетами и магическими свитками, шаманской тканью и жезлами, зачарованным оружием и сферами стихий. В этих комнатах работали подмастерья, создавая из этих элементов «одноразовые артефакты».

Преимуществом же артефактов «истинных» была неисчерпаемость — они работали везде и всегда. Иногда они накапливали энергетический заряд, который можно было затем расходовать и ждать «перезарядки». Иногда эффект был постоянным. Элементов, используемых в истинных артефактах, было не счесть. Из ржавых мечей, добытых с полей великих сражений, получалось при переплавке оружие, наносящее незаживающие раны. Рог единорога был смертелен для нежити и нечисти и имел много иных полезных свойств. Драконья чешуя, правильным образом обработанная, многократно усиливала прочность доспеха (при этом из самой драконьей чешуи доспехи получались немногим лучше, чем из кости). Кровь ифрита, добавленная в расплав, заставляла оружие и доспехи пылать, а добавление шерсти оборотня делало огонь безопасным для носителя. Эти элементы можно было сочетать. При правильном сочетании получались истинно великие артефакты, обладающие сразу множеством свойств.

Фокусы магов тоже были артефактами, правда, исчерпаемыми, но это дело особое. Драгоценные камни, чтобы зарядить необходимой стихийной энергией, выдерживали в особых растворах или сочетали с какими-либо особыми элементами. Например, для создания фокуса магии смерти подходил оникс, выдержанный в крови вампира или с каплей вампирской крови внутри.

Создание любых артефактов требовало времени и редких элементов, поэтому они были дороги и относительно немногочисленны. Латные перчатки Мордредра, например, четверо мастеров-артефакторов делали на протяжении десяти лет по заказу его отца, а за их цену можно было нанять небольшую армию.

Мастер-Артефактор показал Синему Пламени свои небольшие владения — подмастерья готовили материалы, артефакторы трудились над простыми проектами, мастера создавали шедевры. Искусство артефактора требовало большого терпения. Наконец, мэтр Гроссини, уже за чашкой кофе в гостиной, где на стеллажах и полках шкафов лежали предметы дорожке своего веса в золоте, протянул Мордреду небольшую шкатулку с изящной инкрустацией в виде огненных цветков.

— Прошу, магистр, оцени по достоинству, — улыбнулся старик.

— Моя признательность, мэтр, — маг огня распахнул шкатулку, в которой лежал амулет в виде обнаженной демоницы с расправленными крыльями. Он был выполнен из кости, золота и кожи дракона. С ювелирной точки зрения работа казалась не очень, но плевал Носитель Раскаленного Клинка на этих ювелиров. — Великолепно!

— На тридцать минут вас будет окружать защитная сфера, отклоняющая как магические, так и кинетические воздействия, в теории может выдержать выстрел из пушки, — старик рассмеялся, — но тогда разрядится быстрее.

— А время перезарядки? — озабоченно спросил маг огня.

— Двое суток, — улыбнулся мэтр снова, — потому постарайтесь, пожалуйста, не каждый день влипать в линейные сражения.

— Отменно! Мне подходит, — он прицепил демоницу на плащ. — Ну как?

— Простовато и грубовато, но зато видно, что дорого, — съязвил Гроссини.

— С этой штукой я могу плевать на общественное мнение, сколько вздумается, — магистр оправил амулет. — Мэтр, примите мою горячую признательность! Вы очень вовремя все закончили!

— Вы нас хорошо обеспечили! — ответил старик.

— Оплата, как и было оговорено, поступит на счет в банке Медини немедленно, — уверил мастера-артефактора Мордред и, распрощавшись, вышел из особняка.

Маленький балаганчик с участием слуг

Отсутствие слуг и повара было еще той занозой в заднице, потому Мордред поручил Томасу исправить эту проблему. Дворецкий составил список, и Синее Пламя экзаменовал их в приемном покое Пламенной Цитадели.

Первым был верзила, размерами и формами напоминающий две составленные друг на друга бочки, с мааленьким бочоночком сверху.

— Имя? — поинтересовался огненный маг.

— Тольбур, добрый господин, — ответил великан густым басом.

— И почему я должен выбрать тебя из прочих претендентов?

«Здоровый какой, интересно, это не прикидывающийся убийца?»

— Ну так ить. Большой я. Сиильный. Еще умный немного, смекливый. И детишек люблю, — пробасил Тольбур, с минуту поковырявшись в ухе.

— И почему ты хочешь служить? — магу огня такой здоровяк был очень подозрителен.

— Ну, так, это. Значить. Кормюте у вас. Поют. Деньги дают. Я деньги страсть как люблю, но у меня их всегда мало, — здоровяк сморкнулся, прижав палец к ноздре, на красный мрамор пола, — во как.

— Ясно, — во рту сделалось кисло. «Да он просто тупой как морская свинка». — Свободен.

Следующих трех претендентов — девушку с отменными рекомендациями, смышленного парня лет двадцати и пышную матрону за пятьдесят, он отверг, потому что они служили ранее у видных магов других школ. Опасался, что к нему прислали шпионов.

Затем была симпатичная блондинка не первой свежести по имени Карамелька.

— Я буду рада вам служить милорд! — распиналась она и раздевала его глазами. — Во всем-всем, я буду позволять себя наказывать, часто-часто. И ласкать тоже буду позволять, — псевдотомным голосом хрипела она. — Я очень люблю горяченькое в своей развратной киске.

Латная перчатка Мордредра вспыхнула. В глазах зажегся огонь. Но между тем ему вспомнилась Бэг — она вела себя похоже, но получалось как-то естественней, что ли...

— Горяченькое любишь, — на ладони магистра возник огненный шар, — ПОШЛА ВОН! — шар разбился у девушки под ногами, не причинив вреда, но испугав. И описавшаяся Карамелька, рыдая, удалилась.

Затем был Уилл Хорек, пытавшийся стянуть со стола подсвечник прямо во время разговора. «Если бы у него вышло — даже принял бы». Саймон Простофиля, от которого воняло, как от пятидневного трупа, и он утверждал, что в Шваркарасе был шевалье. И Бесс Зануда — подтвердив свое прозвище, девушка столь долго и нудно зачитывала свои многочисленные, но не впечатляющие рекомендации, что заскучавший Мордред поджег ее платье горничной, чтобы взбодриться визгами и беготней.

Последним был некто Эктор, крупный, широкоплечий, с тяжелой челюстью и низкими надбровными дугами.

— Почему ты хочешь служить у меня? — поинтересовался Синее Пламя.

— Это честь — служить Носителю Раскаленного Клинка, — ответил Эктор хриплым баритоном.

— Есть ли у тебя рекомендации? — что-то крепко не нравилось во взгляде собеседника магистру.

— Да. Я служил стюардом у ригельвандского купца, перед этим доверенным слугой у секретаря шваркарасского посольства, — без запинки ответил он. — Письменные тоже с собой.

— Ознакомлюсь с ними позже, — махнул рукой маг огня.

«Да он же наемник, откровенный убийца, он глазами ищет, куда мне нож всадить, смотрит на руки, оценивает крепость доспеха, даже на демоницу внимание обратил»

— Пока свободен. Я обдумаю твою кандидатуру.

Когда Эктор ушел, Синее Пламя приказал сержанту задержать его по-тихому и пристрастно допросить, но псевдослуга как в воду канул.

Когда претенденты закончились, и ни один даже близко не устроил Мордред, он наорал на Томаса:

— Ты совсем из ума выжил, старый кретин?! Я просил слуг, — в голосе магистра ревел огонь. — А ты подсовываешь мне идиотов, шпионов, шлюх, убийц и Бесс Зануду?!

— Но, магистр, вы должны меня простить, — робко ответил старый слуга. — После того, что произошло с Петти и с другими слугами, после повара, очень сложно найти желающих идти к вам на службу, а рабов нужно долго подбирать и проверять.

— Значит, ищи лучше, — Носитель Короны Вечного Костра махнул рукой, и дворецкий с поклоном удалился.

Багряное золото и маятник

Вечер завершался, где начался, в «Багряном Золоте» — отсутствие повара вынудило мага огня идти ужинать за пределы дома. С ним было двадцать горящих, все кто остался, самые надежные, за исключением еще пяти, оставшихся охранять подступы к лаборатории Книжного Червя.

Компания на этот раз была получше, чем с утра — напротив Главы Школы Огня, в фиолетовом камзоле и кюлотах, голубых чулках и плаще цвета грозового неба, сидел Декар Дождливая Осень.

— Я смог навести справки по вашей просьбе, магистр, — говорил он уже после десерта. — Чернильный Котел будет вам продан.

— Отменно! — хоть какая-то хорошая новость за сегодня. — И какова цена?

— Я использовал все имеющиеся у меня средства влияния и смог сбросить цену до ста пятидесяти тысяч золотом, — ответил юноша чуть сконфуженно.

— Серьезная сумма, — «У него хоть достало совести покраснеть, за эти деньги можно

купить и оснастить боевой корабль! Одно дело — платить за выборы, другое дело — за артефакт, который может оказаться бесполезным. А, ладно», — но котел мне нужен. Так что я беру. Заверните покрасивше.

— Отлично. Деньги должны быть наличными и без посредников. С вашего разрешения, послезавтра я доставлю вам котел на дом и сам заберу плату, — обрадовался маг воды.

— Как вам будет угодно, — «Вот как, домой ко мне захотел, еще и деньги в сундуках, ладно, парень, буду держаться с тобой настороже». — Вам известно, где находится Пламенная Цитадель?

— Конечно, магистр! — улыбнулся Декар.

— Буду ждать, — ответная улыбка вышла тяжелой и почти злой.

Но ко сну Носитель Раскаленного Клинка отходил с легким сердцем. Если Чернильный Котел сделает свое дело — все могущество Виттуса Мальгвезийского достанется ему одному. И все эти мелкие людишки, эти пешки в его игре, потеряют всякое значение.

Однако сон был не таким радужным, как мысли перед ним — Мордреду приснилось, что он прикован к каменному, холодному как лед столу, а сверху медленно и неотвратимо опускается отточенный как бритва полумесяц маятника, а в нем мелькает чье-то отраженье.

***

— Попался, Мордред!

Часть 4. Глава 8. Сомнения и обещанья

И наконец настал тот славный миг, когда к столу подали основное блюдо, и трапезничающие набросились на него с видом изголодавшихся гиен. В этот светлый день, когда солнце золотило своим сиянием крыши домов, башни и стены города, а вместе с ними Шпили Здания Стихий и Основ, решалась окончательно и бесповоротно судьба протектората над бывшими колониями Школы Тьмы.

Судьба решалась, а Мордреду по-прежнему не хватало голосов. Перво-наперво, он посетил по очереди Декара и Ночную Звезду, удостоверившись в их лояльности и поддержке. Это вселило в Главу Школы Огня новые силы, и, решив обеспечить хороший перевес, он подергал еще за пару ниточек.

— Отнесите вина и дарственную на владения с усадьбой Лорду Щебня, — приказал он двум горящим. — А вот это, — он вложил в латную перчатку стражника пухлый конверт, — список графов и герцогов Алмарской Империи, брачный союз с которыми Школа Огня уступает. Передайте его Лорду Мрамора.

Затем предстояло совершить пару весьма нелегких дел:

— Правление вашей школы завершается в конце этого года, — говорил он в каком-то тесном чулане Черному Шуту — начальнику тайной службы Школы Эмоций, — а еще через год бразды правления примет Школа Огня. Наверняка есть какие-то проекты и замыслы, которые вы начали, но не успеваете довести до конца.

— Есть многое на свете, друг Мордред, что мы при жизни сделать не успеем, — ответил собеседник. Он был в черных шутовских одеждах, с множеством бубенчиков, звонивших как погребальные колокола. А лицо было покрыто толстым слоем черного и белого грима, делая мелкие и неправильные черты его зловещными и гротескными.

— Ты знаешь — меня интересуют голоса, а не метафоры, — с Шутом всегда было так, добиться внятности было нелегко. — Взамен я обеспечу надежнее продолжение вашим начинаниям.

— Пламя опасно и переменчиво, как-то в детстве я совал руки в костер, и ожидаемо обжегся, — бубенчики на семихвостом колпаке печально звякнули. «Смерть», «Рок», «Ужас», — услышал Синее Пламя в этом звоне.

— Я обеспечу гарантии, письменно, деньгами, заложниками, — почему-то беседа с черным весельчаком делала мага огня очень серьезным.

— Если не ходить над пропастью, не получишь удовольствия — пламенная бездна веселее костра, — перекошено ухмыльнулся шут.

— Хорошо. Только обеспечь мне поддержку сегодня, — кивнул Мордред. Он не до конца понимал жаргон или тайный язык метафор шута, но понял, что тот согласен.

Следующее действие далось Носителю Раскаленного Клинка еще тяжелее. «Есть не хочу и есть надо. И сейчас — надо. Да и к тому же, ничего они не знают», — решил он и отправился к Золотому Черепу.

— Вы приглашали, и я пришел, — поздоровался магистр, входя в темный и скупо обставленный приемный покой мага смерти.

— Я приглашал вас на трапезу, и это было давно, — пробасил мертвенный голос из-за золотой маски.

— И все же, я думаю, нам и сейчас найдется, о чем побеседовать, — заметил маг огня.

— Не тратьте мое время. Вам нужны голоса. Что вы готовы за них отдать? — молвил делегат Школы Смерти.

— А что вам нужно — золото, деньги, женщины, владения? — поинтересовался магистр.

— Нам нужна дружба Школы Огня. Прямая и искренняя. Нам надоело, что нас сторонятся и опасаются. Приглашения в гости, вежливые визиты в наши владения, — Мордред поежился — весь остров Школы Смерти напоминал сплошной склеп, — официальные выражения поддержки. Вот цена лояльности.

— И я обещаю это вам. Как Глава Школы, я вполне вправе давать такие обещания. То, что должно — будет сделано, — торжественно пообещал Носитель Короны Вечного Костра, про себя уже размышляя, как бы обойти это обещание.

— Хорошо. Мы поддержим вас на голосовании. Благодарю за визит, — ответил Золотой Череп и Синее Пламя с радостью ретировался. «Надо будет не забыть получше вымыться», — заметил он про себя.

Горький вкус славы с соленым привкусом разочарования

Голосованию вновь предшествовали речи претендентов на протекторат. От Школы Воздуха теперь выступал Нестор, Маг Библиотеки. Он был подробен и последователен. Очень мудро и степенно объяснив всем, почему именно Школа Воздуха должна получить протекторат. Однако получасовая речь весьма утомила зал.

Вторым был Милостивый Иерарх. Повторивший свою прежнюю речь о стремлении Школы Жизни к общему благу, в чуть более резком ключе, чуть ли не угрожая Совету мором и гладом, если колонии отдадут кому-то еще.

Принц Полудня был горяч и красноречив, он выучил урок прошлого дня и приглашал всех желающих вместе с ним отправиться в колонии и найти теплое место под его милостивой рукой. Но обещания были довольно пространные, как в предварительной речи Мордред, и такого эффекта уже не вызвали.

Глава Школы Огня приготовил нечто особенное.

— Маги Аструм Примарис, — взревело пламя. Он опять говорил последним. — Благородное собрание делегатов Великих Школ! Сегодня мы слышали много веских доводов, и все они важны. Однако мне все еще есть, что вам сказать. Школе Огня не требуется больше, чем она может получить. Но защищать колонии мы обязуемся, ради общего дела. Если протекторат будет передан Школе Огня, я, как ее Глава и представитель, от имени Короны Вечного Костра обещаю, что на все, что прочие Школы помогут нам получить в колониях, мы предоставим им право собственности. Школе Жизни мы предлагаем обеспечить условия для их исследований и права на вывоз и продажу всех обнаруженных трав и лекарств. Школе Дня обязуемся предоставить земли и ресурсы для основания колонии, а позже окажем поддержку в расширении на незанятые территории. Школе Воздуха будут открыты порты и даны торговые льготы. Всем прочим школам, желающим оказать нам поддержку в колониях, мы так же предоставим выгодные условия сотрудничества. Никто не уйдет обиженным! Клянусь. Я вижу в зале много возмущенных лиц. И прекрасно понимаю возникшее негодование. Но каждая школа говорила только за себя. И просила только для себя. И значит — сами виноваты в том, что не подумали об остальных.

Он сел под грохот аплодисментов и восторженные возгласы, но видел так же немало яда в глазах тех, кого он обошел. Он ведь тоже тратились на подкуп, убийства, интриги. Но

теперь ничего за это не получат. «Пусть проигравший плачет!»

Голосование прошло довольно быстро — к делегатам подлетали позолоченные крытые корзины, источающие аромат роз, а те бросали в них гербовые бумаги с названием избранной школы. Довольно быстро проведя пересчет голосов, Спикер-Фокусник, отпустив помощников из Школы Эмоций, возвестил, что победила с незначительным перевесом Школа Огня.

«Они меня все равно не любят, несмотря на все речи и посулы, ничего, главное — мы победили».

Выслушав поздравления и произнеся благодарственную речь, Глава Школы Огня покинул свой балкон. Вместе с горящими.

Однако на галерее, сразу за покоями Школы Огня, его ждала Инесса, Владычица Небесной Башни, вместе со своей свитой, стоящих из магов Копья и мастеров Воздуха. Несколько опешив, Носитель Раскаленного Клинка быстро взял себя в руки, увидев, что с другой стороны к нему приближаются иерархи Огня — Красный Бык, Енох, и даже Артур: Краснолицего он был рад видеть.

— Не могли бы вы немного задержаться, магистр Мордред? — милым голосочком обратилась к нему номинальная глава Школы Воздуха.

— Я спешу. Но не могу отклонить просьбу столь прелестной и важной особы, — ответил он. — Надеюсь, это не займет много времени?

— Нет. Нет. Что вы, — продолжила она мягким голосом. «Сладкая как леденец, аж тошнит». — Я всего лишь хотела сказать, что вы врун, подлец и законченный негодяй. Вы получили право на колонии обманом, лестью, подкупом, шантажом и убийствами. Вы посмели оскорбить меня и моих Магов Небесного Копья. И даже не посмели ответить за это оскорбление с оружием в руках нашему несравненному Авелину, — ей вторил рокот голосов прихлебателей. Инесса топнула ногой. — Надеюсь, вы за это сгниете заживо. Ибо грех осквернять кровью эти священные стены. Иначе я сама указала бы вам ваше место, — все это было произнесено одним и тем же сладким, вкрадчивым голосом и для ходивших поблизости магов выглядело как мирная беседа.

— А теперь послушай меня, жалкая, мелкая, несчастная пешка, — Мордред разрушил образ идиллии, он говорил громко, со всей яростью, накопившейся у него за время пребывания в Антарис-Примула. — Тебя и твоего лазурного сосунка используют, нагло и коварно, кто-то, кто умнее и хитрее тебя. Впрочем, ты привыкла, что тебя используют. С кем из этих магов ты спишь? Или со всеми? Кто защищает тебя? Кто подсказывает тебе реплики? Поди прочь и перестань позориться, несчастная дурочка. А не то я залью вашей жидкой голубой кровью эти священные стены.

— Вы! Вы! Ты! — Инесса глотала ртом воздух, сделавшись пунцовой как мак.

— Магистр Мордред еще ответит за свои слова и свое поведение, — сказал бесстрастно Рикардос Маг Крепости Клинков, возвышавшийся над прочими в своем темно-синем полном доспехе. — Не сейчас и не здесь. Но скоро. Чаша терпения переполнена.

Маги воздуха развернулись и удалились, провожаемые гневным взглядом Носителя Раскаленного Клинка. Ему стоило больших усилий не скрипеть зубами. И еще больших — не попытаться, включив защиту, размазать всю эту воздушную свору по полу и «этим священным стенам».

— Как будто у магов есть что-то святое, — пробормотал он и, развернувшись, встретился с взглядом Веллареса Красного Быка, и пламя в них не понравилось Мордреду.

— Ты в своем уме? — мягко и вкрадчиво произнес Носитель Пламенного Жезла. — Можешь не отвечать. Вижу, что нет.

— Ты собираешься меня отчитывать? — мгновенно снова вскипел Синее Пламя. — Я пока еще Глава твоей школы!

— Это очень скоро закончится, — вступил в разговор Носитель Пламенной Книги Артур. Его лицо казалось даже краснее, чем обычно, к тому же искажено гневом. — Я выяснил, что за колонии ты нам столь доблестно добыл.

— Я тоже это выяснял, — отмахнулся магистр. — Четыре отличных острова, десяток мелких, плодородная почва, недра, пашни. Зверь в изобилии. Довольно большое население.

— Тебя надули, Мордред, — смакуя это слово, произнес Краснолицый. — Это четыре заросших болотами каменных клочка суши, окруженные скалами, без единой надежной бухты. А население после тиранического правления Школы Тьмы, и вправду немалое для такого захолустья, нас ненавидит!

— Это тебя надули, — магистр отказывался верить. — Если б все было так, то почему за них столько боролись?

— Владения обширные, не спорю, — «Ага пошел на попятный!» — Для Школ боровшихся за них, они имели бы пользу. Там много хорошего.

— Но не той ценой, — опять вступил в разговор Красный Бык. — Ты развел столь бурную деятельность и потратил столько денег, столь многим наплевал в душу и столько пообещал... — друг опять гневно посмотрел на Синее Пламя, — что хватило бы на целый Алмарский Мейн. Ты перестарался.

— И протратился, — добавил Енох.

— Твое поведение вышло за рамки приличного уже давно, — продолжил Носитель Пламенной Книги, — теперь оно вышло и за рамки неприличного. Эта мерзостная сцена. Ты вообще осознал, кого оскорбил? Это Школа Воздуха, не менее могучая, чем наша. Она должна быть нашим другом. Но теперь это вряд ли удастся скоро уладить. Довольно, магистр. По возвращении домой я поднимаю вопрос о твоей замене.

— К короне моей примерился? — прищурившись, посмотрел на него Глава Школы Огня. Все это переполнило чашу терпения, и он возвысил голос так, что толпа, давно собравшаяся вокруг, подалась назад. — Вспомнил упущенное. Повод нашел. Школа Воздуха как-нибудь пережует мои слова. Они сами виноваты. Их щенок гавкнул первым. И, подозреваю, гавкать его подначил ты, Краснолицый. Вопрос о замене. И кем ты меня заменишь? Им? — ткнул он пальцем в броне в грудь казначея. — Или им? — Красный Бык увернулся от тычка и помрачнел. — А может быть, собой? — магистр плюнул под ноги соперника. — Пошли прочь надменные идиоты! Я Глава Школы Огня. И останусь таковым до смерти. Вы сможете вырвать мою корону и мой меч только из моих обугленных мертвых пальцев. Но прежде я раздавлю вас. И раздавлю любого, кто попытается это сделать. Если корону получит один из вас или один из двух идиотов, оставшихся дома, — он замолчал, набирая в грудь воздуха, — это будет самый черный день в истории Школы. Я все сказал.

Он гневно зашагал прочь, горящие воины расчищали перед хозяином толпу.

— Мордред, — послышался голос Артура, тяжелый, как надгробная плита. — Вчера на меня было совершено покушение, мой охранник, малокровный из Риккенберзов, погиб. А напал на нас человек с живым клинком, думаю, малокровный из Виттемберзов. Но он ранен. И будет пойман. И если я узнаю о твоей причастности к этому делу, вопрос будет поднят не о замене, а об измене.

Глава Школы Огня не удостоил эти слова вниманием.

За шаг до торжества

Каморка Книжного Червя была наполнена ликованием, казалось, даже механизмы и причудливая конструкция из проволоки и кристаллов готовы пуститься в пляс.

— Все почти готово, — уверял Велларес. — Осталось только получить Чернильный Котел, и сила ключа будет в наших, — ученый сбился, — то есть, ваших руках.

— Ты узнал, что это? — поинтересовался усталый магистр, для которого день прошел весьма тяжело.

— О да! «Ключ Звездных Врат» — личный артефакт Мальгвезийского, — голос Книжного Червя дрожал, он был почти в экстазе. «Моя маленькая, умная пешка, хоть ты меня не подводишь. Скоро болтовня всех этих бездарей станет для меня что пыль на ветру». — Я предполагаю, что при помощи этого ключа он как-то размыкал барьер меж нашим миром и миром отраженной энергии, нематериальным пространством, откуда все мы — маги, черпаем энергию. Ключ позволял использовать колоссальные объемы силы без вреда для организма.

— Почти волшебная палочка, — засмеялся Синее Пламя.

— И правда, — улыбнулся тонкими губами Велларес, в уголках рта у него засохли остатки пищи, видимо, пюре, которое ему носит Бэг. — Чем-то похоже!

— Что ж, маэстро, не буду вам мешать, у меня был дерьмовый день и дерьмовым сном надо его закончить, — попрощался Носитель Раскаленного Клинка и отправился прочь.

— Доброй ночи, магистр, — во тьме зловеще блеснули очки архимага, — приятных снов.

Похоже, пожелание маленького человечка, служившего Мордреду, сбылось. Сны на этот раз были приятные. Своим отсутствием. Он крепко проспал всю ночь.

***

— Ты готов? — спросила Бэгрис, стоя на руках, за балконным ограждением открывалась пятидесятиметровая бездна. Это была еще одна обзорная башня города.

— Настолько, насколько может быть готов человек, малейшая ошибка которого может испортить то, что планировалось месяцами, а то и годами, — ответил Реймунд, ветер трепал его плащ с застежкой в виде кленового листа из бронзы.

— Леон был отличным братом, — ее глаза выражали скорбь, но эти изумрудные озера не были зеркалом души — тигрица владела их взглядом в совершенстве. — Завтра ты свершишь месть, и мы почтим его.

— Мы ничего ему не должны. Но произошедшее должно быть наказано, — он был прав — меж убийцами Альянса не было братских уз, что бы ни говорила его подруга, да и дружба была редка, за этим хорошо следили, ибо у агента не должно быть привязанностей. Но смерть агента бросает тень на качество работы Организации, а это недопустимо.

— Не будь таким холодным, — она улыбнулась, спрыгнула на площадку и мягко подошла, покачивая хвостом. — Нам все запрещают. Но это рекомендации. Не более. Каждый из нас ценен. И если ты хорошо относишься к Леону, то можешь и поскорбеть о нем, — Бэгрис чмокнула Стурга в щеку, — немного!

— Время скорби прошло, как и время мести. Сейчас время долга и время дела, — он посмотрел ей в глаза. — Ты поможешь мне?

— Конечно... — она помолчала, сделав театральную паузу, — нет. Это ведь запрещено. Оба рассмеялись.

— Как ты улизнала? — спросил он чуть погодя, не без удовольствия разглядывая сильные ноги тигрицы, начавшей делать растяжку на перилах. «Она все время в движении — признак мастерства. Или шила в заднице».

— Следить некому, — зеленые глаза блеснули. — Наш Мордред всех разогнал, стражи — всего ничего, а слуг так вообще трое со мной.

«Оно и к лучшему, — решил Реймунд, — чем меньше жертв, тем лучше, и все же идти туда почти незванным гостем страшновато».

Синее пламя гаснет

Чернильный котел действительно был черен, как и субстанция, давшая ему название. Декар Дождливая Осень был вежлив, учтив и опасен. Мордред не чувствовал себя в безопасности даже в присутствии вынутых из подвала защитных големов. В том числе подаренного Школой Металла. Пока безмолвного, но готово проснуться по стальной тревоге.

— Впечатляет, — промолвил Глава Школы Огня.

— Не спорю, — маг воды был облачен довольно просто: в кожаный приталенный колет густого синего цвета, с двумя рядами блестящих пуговиц и стоячим воротником, плащ цвета весеннего ручья, закрепленный на двух стальных, эмалированных наплечниках в виде раковин, и скрепленный под горлом изящной застежкой. Штаны из прочной кожи какого-то морского зверя, темные, как вода в лесном пруду. Высокие сапоги, застегнутые на четыре ремня каждый. На массивном поясе висела сабля с гардой из крабьего панциря, пистолет и несколько свитков с заклинаниями. «Зачем ему свитки, интересно», — подумал магистр. — Предмет редкий, и, в общем-то, ценный лишь своей уникальностью. Вода смерти сейчас не слишком популярна.

— Ну, — рассмеялся Синее Пламя, — смерть вообще не самое популярное явление.

— И не поспоришь, — маг воды поправил высокий хвост, куда были собраны его серебристо-синие волосы. Пара прядок вырвались из-под шнура и падали на глаза.

Мордред приказал доставить Чернильный котел к архимагу. И Бэг, кряхтя, поволокла металлическую конструкцию размером с голову быка, а весом — будто та же голова, но отлитая из чугуна.

Они сидели и беседовали в одном из внешних приемных покоев. Стены были украшены гобеленами и мозаикой, на полу лежали красные ковры. Сама беседа шла за столом из красного дуба, сервированным легким завтраком, вином и закусками. Маг воды мало пил, но налегал на острый сыр.

— Как вам моя служанка? — поинтересовался с некоторой долей гордости маг огня. Не у каждого служили тигрицы. — Горячая штучка?

— А? — встрепенулся Декар, последнюю минуту он сидел, напряженно к чему-то прислушиваясь. — Прошу прощения, магистр, я не обратил внимания.

— Ничего... — заговорил Носитель Раскаленного Клинка. И тут его прервали.

В зал, тяжело повиснув на тяжелой створке двери, ввалился истекающий кровью горящий.

— Атака! — прохрипел и рухнул наземь.

«Что за черт?!» — успел подумать Глава Школы Огня, но тут все стало на свои места. Выталкивая еще троих горящих воинов, в зал ввалился огромный человек в серебристых доспехах. Голову его венчал тяжелый шлем, забрало которого имело всего одну узкую прорезь, за спиной развевался голубой плащ.

— Живой. Он нужен мне живой, — прогудел из-за шлема Рикардос Маг Крепости Клинков.

По пятам за ним шли в доспехах и без, окруженные сиянием защитных сфер, маги воздуха. В некоторых магистр узнал вчерашних спутников Инессы.

Големов в зале было трое — бронзовая люстра-дракон, приземистый страж внутренних покоев из железа и чугуна и стальной подарок Школы Металла. Двое уже рванулось на нападавших, третий был недвижим.

— Стальная тревога! — прокричал Синее Пламя, между тем активировав демоницу на плаще. Удобство защитной сферы артефакта состояло в том, что ты мог достать противника из-за нее, а он тебя — нет.

Голем тут же продемонстрировал свою полезность — быстро рванув вперед, он разорвал надвое зазевавшегося мага воздуха, вбежавшего в дверь за своим командиром, пол украсили кровь и внутренности.

— Я прикрою вас, магистр! Отступайте! — бесстрашно произнес Декар, выхватывая саблю.

«Какая жертвенность, на той ли ты стороне, парень? Ну нет, мы еще повоюем».

Раскаленный Клинок запел в руке, из него в сторону нападающих тут же рванулся луч обжигающего пламени. Большинство защитились сферами, но двое нападающих загорелись как свечки, у них тут же вспыхнули волосы, обуглилась кожа, вытекли глаза.

Нападающих было немало, но их сдерживали големы. Метким выстрелом из пистоля Дождливая Осень успокоил особо ретивого, пошедшего в обход. «А пуля-то антимагическая была», — отметил про себя Носитель Короны Вечного Костра. Но ему сразу стало не до лишних мыслей.

Рикардос развалил надвое своим огромным льдисто сверкающим двуручником бронзового дракона и сошелся с Мордредом. Погрузившись в поединок, он все же успел заметить, как из боковых дверей вбегают горящие воины с раскаленными копьями.

Маг Крепости Клинков нанес сокрушительный удар, вокруг лезвия его меча пел ветер, а это значило, что клинку не преграда ни сталь, ни, тем более, плоть. Оставив этот удар на милость демоницы, магистр в ответ ткнул противника, целясь в щель забрала. Оба меча отскочили, не причинив вреда. Рикардос был так же защищен магией.

«Твой щит слабее моего — ведь ты беднее», — мстительно подумал Мордред.

Противники расцепились, отпрыгнув. Вокруг кипел бой. Горящие шли в рукопашную или метали во врагов огненные стрелы. Маги воздуха напирали везде, кроме места, где их крушил дареный голем. «Если выживу, надо поблагодарить Претора». Он обрушил на противника огненный молот. Выдержав атаку, Маг Крепости Клинков ответил сдвоенными воздушными лезвиями. Они были острыми, но не очень мощными, и разбились о защитную сферу.

Потому следующая атака мага воздуха выглядела как ревуший дракон из быстрого ветра. Выставив перед драконом щит из пламени, латной перчаткой левой руки магистр послал во врага голову пылающего адского пса. И она, пробив защиту, содрала эмаль с доспеха Рикардоса, раскалив металл.

Предводитель нападавших отступил. Но маги воздуха все прибывали — в зале их было около тридцати, еще восемь лежали мертвыми, но новые все появлялись и появлялись. А число горящих воинов все убывало.

Дождливая Осень был неплох. Он сражался против троих, увертываясь от мелких

смерчей, воздушных копий и ветряных сюрикинов. Вот он развалил метким ударом сабли голову одного нападавшего, парнишки лет двадцати в шелках и коже, и накрыл струей гейзерного кипятка двух других. Жаль оставлять такого бойца.

Выставив перед наступающими стену огня, Мордред крикнул:

— Декар! — увидев, что юный маг обратил внимание, он продолжил. — Дверь в конце зала. Отступаем.

Маг воды кивнул. Огненная стена погасла под ледяным ветром. Призвав огненного цербера, он, пятясь, начал отходить.

Но метко брошенное заклинание порывом ветра захлопнуло вожделенную дверь прямо под носом у магов огня и воды. Шестеро оставшихся горящих воинов встали латной стеной перед нападающими, защищая того, кому приносили присягу. Но времени отворять тяжелые двери не оставалось. Тут из-за гобелена выглянуло неприятно знакомое широкое лицо:

— Магистр, сюда! — произнес наглый мальчишка, придерживая край гобелена, за его спиной виднелась тьма тайного хода... и хвост Бэг.

— Аннельхейм! Какого черта! Тебя здесь вообще быть не должно, — воскликнул ошарашенный маг огня.

— Позже! Скорее сюда! — отмахнулся несостоявшийся подмастерье.

— Хорошо. Декар, за мной! — он схватил мага воды за рукав, и тот сразу все понял и бросился вслед за магистром.

Тайный ход встретил их тьмой, пылью, паутиной и запахом мышинного дерьма. А вслед за гобеленом узкий проем закрыл стальной лист.

Когда они выбрались минут через пять из темного лабиринта мрачных тайных коридоров, Мордред дал волю своему негодованию в полной мере. Удар в грудь латной перчаткой свалил подмастерье на пол. В глазах магистра горела ярость.

— Какого хрена?! Что ты делаешь в моей Цитадели?! — заорал он.

— Тише. Тут наверняка поблизости маги воздуха, — предостерег Декар.

— Мне понятно ваше негодование, магистр, — юноша с трудом поднялся, — но я не хотел ничего плохого. Лишь побеседовать. И Бэг, услышав мою историю, пустила вашего покорного слугу внутрь.

«Высеку паразитку, как только этот бардак закончится».

— Это ты показала ему тайный ход? — воззрился Мордред на служанку.

— Нет, — помотала тигрица головой и ткнула пальцем в недомага огня, — он мне.

— Чего? — пришел в еще большее негодование Синее Пламя.

— Об этом я и хотел вам рассказать, — потупился Родрик. — Мой отец был вашим доверенным слугой, его звали Титос. Когда вас отправили на Экватор, он служил здесь, где и скончался. А я в детстве облазил здесь все закоулки и многое запомнил.

— Ты сын Титоса Аннельхейма?! — поразился Носитель Раскаленного клинка. — Так вот почему твоя рожа казалась мне такой знакомой.

Мордред припомнил старого и верного слугу. Он был алмарским наемником, а потом верно служил еще отцу Синего Пламени. Удивительно — его сын оказался магом. Даже не верилось.

— Что ж, это многое объясняет, — поостыл магистр, — но ты, парень, подобрал самое неподходящее время.

— Зато оказался вам полезен, — улыбнулся юноша.

— Я слышу шаги. Сюда идут, нам пора, — заметил Дождливая Осень.

— Немного времени еще есть, — ответил Носитель Короны Вечного Костра. — Мы в внутренних помещениях, во время атаки их перекрыли стальные двери. Снесут не сразу. Но вы правы, пора двигаться, попробуем добраться до лаборатории.

«Как хорошо, что великие маги бывают только в сказках», — думал Синее Пламя, когда они шли по пустым коридорам в направлении спуска в подвалы. На деле мощь магов была довольно ограничена. Они, конечно, превосходили простого человека, но один на один хороший боец вполне мог соперничать со среднестатистическим магом. Защитные энергетические сферы вполне мог пробить хороший выстрел из пистоля и гарантированно пробил бы из мощного мушкета. А любое заклинание требовало времени, что давало шустрым бездарям много возможностей. К тому же, существовали колдовские антимагические средства, даже простой солдат носил с собой как минимум одну пулю против мага. Ну и, конечно же, были антимагические артефакты. В общем бою маги имели преимущество за счет разнообразия возможностей, но трех-четырех мушкетеров вполне могло хватить против боевого мага. А дальность боя заклинаний ограничивалась пятьюдесятью метрами, семьюдесятью, если маг был так силен как Синее Пламя, и сотней у редких и предназначенных не для войн дарований — архимагов типа Книжного Червя. Что оставляло артиллерии звание Бога Войны. А магистру и его спутникам — надежду, что стальные двери их преследователи пробьют далеко не сразу. «Остается верить, что они достаточно самонадеянны и не принесли с собой порох».

Надежды, впрочем, не оправдались — продвигаясь к подземным помещениям, они встретили группу из трех магов воздуха. Значит, где-то защиту Цитадели проломили. Одного — бородатого здоровяка с пронзительно синими глазами, зарубил Декар. Двоих — парня лет семнадцати и симпатичную девушку лет двадцати пяти — изжарил двумя огненными плетями Носитель Раскаленного Клинка. Все время, пока они шли, Родрик продолжал пытаться пояснить, что очень хочет в ученики к магистру. Но было не до того.

Наконец они дошли до входа в подвал. Сзади уже слышались голоса, и времени было немного. У входа стояло два приземистых голема из стали и железа. Носитель Короны Вечного Костра отправил их воспрепятствовать погоне. «Не тысячи же их там!»

А группа по склизким каменным ступеням спустилась к лаборатории. Двое механических воинов получили тот же приказ, что и големы сверху. А своим спутникам Мордред сказал:

— Это самое безопасное место в Цитадели, к тому же за дверью нас ждет архимаг, при других обстоятельствах я бы ни за что не пустил вас внутрь, но... — он помотал головой, — меньше слов.

Дверь растворилась им навстречу, а когда они вошли, сзади упала чугунная штора.

— Архимаг, приветствую! — обратился магистр к Книжному Червю.

На постаменте из камня высился Чернильный Котел, возле него возился Велларес.

— Вы не вовремя, магистр, — он поправлял кристаллы. — Я почти закончил.

Из котла начал подниматься переливающийся всеми оттенками черноты Ключ Звездных Врат.

— Вот он. Настоящий человек науки, — с улыбкой произнес Синее Пламя, поворачиваясь к спутникам. Договорить ему не дали.

Сабля Декара Дождливой Осени, вошла магистру в горло. Падая, он успел заметить красивую застёжку на плаще мага воды в виде кленового листа и лежавшего в углу оглушенным Родрика Аннельхейма. «А ведь всего двадцать пять минут прошло, обманул

артефактор», — подумал Мордред, рухнув на пол, имея в виду закончившую работать защитную сферу. Следующий удар наполовину перерубил шею.

«Кукла убила кукловода. Ха. Ха», — было последней мыслью магистра. Следующий удар отделил голову от тела.

Мордред Синее Пламя, Носитель Раскаленного Клинка и Короны Вечного Костра, магия и Глава Школы Огня умер.

Часть 4. Глава 9. Поражение за миг до победы — все равно поражение

Камень смерти никак не желал становиться в нужную позицию. Пальцы дрожали от предвкушения. За спиной происходило какое-то шевеление. Велларес торопился.

«Мордред Синее Пламя, олух несчастный, ты тратил свои деньги, выполнял все мои капризы, даже кошечку эту мне нашел. А я видел, как ты ее хотел. Кукла, считающая себя кукловодом, жалкий параноидальный позер. Неужели ты думаешь, я отдам тебе эту власть? Я шел к ней тридцать лет. Через мучения и лишения. А ты нашел мне ключик от шкатулки могущества. Я отблагодарю. Еще как. Чего ты там шебаршишься? Вот еще немного. Есть Сейчас я повернусь и убью тебя, бездарь. А потом оживлю как верного слугу. Как тебе эта перемена мест?»

Архимаг обернулся и встретился с изумрудным омутом глаз служанки Бэг. В следующий миг невероятно сильная рука с бритвенно-острыми когтями вошла ему в живот, чуть ниже ребер, мгновенно погрузилась и выскочила, мокрая от крови, со слипшимся полосатым пушком. И сердцем в руках.

«Это мое сердце?! Но как же так? Я же все спланировал. Не может быть. Это сон».

Еще три удара когтистой лапы почти оторвали ему голову.

Архимаг, чародей и несбывшийся чернокнижник Велларес Книжный Червь умер.

Нет друзей среди убийц

— Ты слишком мягок, Реймунд, — заметила Бэгрис, потроша несчастного ученого. — Мальчишку не убил, магистру сердце не вырезал, прям институтка, а не агент.

— А ты кровожадное чудовище, — Стург устало прислонился к стене рядом с бессознательным Родриком. — Мы все равно тут все сожжем, нечего перебарщивать.

— Я носила жратву этому безумному уроду и выскребала его дерьмо почти две недели, — заметила тигрица. Немного подумав, она сняла со старика забрызганные красным очки. — Имею право. Буду более уверена, что их не воскресят.

— Не воскресят. Этот Мордред так всех достал, что сожалеть о нем никто не будет, а регалии потом из-под копоты выскребут, — пробурчал полугетербаг, — а про ученого почти никто не знал.

— Как видишь, кто-то знал, — заметила тигрица, подходя к валяющемуся на полу ключу. Убив архимага, она тут же разрушила созданную тем конструкцию из проволоки и кристаллов, перевернув заодно Чернильный Котел, откуда натекла маслянистая черная жидкость, — и сказал мне.

Она подняла ключ и спрятала в сумку к очкам.

— С каких пор мы стали курьерами побрякушек? — поинтересовался Реймунд, проводив ключ взглядом.

— Это тоже мне, — невинно улыбнулась Бэгрис.

— Ври больше, — убийца поднялся. — Что будем дальше делать?

— Нуу, — протянула полосатая маньячка, махнув пару раз хвостом, — я выбираюсь отсюда, как всегда элегантно и незаметно, и исчезаю. Ты пробиваешься, как придется. Светишься перед кучей народу, а затем покидаешь Гольвадию. Думаю, так.

— Что! — он заслонил ей путь. — А получше ничего не могла придумать?

— Реймунд, — почти прошипела Бэгрис, — ты еще не понял? Твое задание было отвлекающим, мое — основным. Книжный Червь был в сто раз опаснее Синего Пламени. Не все должны думать иначе. Вытащить отсюда я тебя не смогу. Так что, если тебя вдруг поймают, хотя уверена, этого не случится, ты будешь говорить только правду. Твоя цель — Мордред. А теперь отойди.

Он вынужденно ретировался с пути — с тигрицей ему было не справиться, они оба это знали. Стург проводил ее долгим, но ничего не выражающим взглядом.

— Не бойся, — сказала она от ступеней. — Я немного расчищу путь, — когтистый палец на что-то нажал, и чугунная перегородка ушла вверх.

Коварная кошка ушла. Агент Альянса развесил по стенам свитки магии огня, которые взял с собой, и активировал их. Взвалив на плечо Родрика, он покинул весело пылающую комнату, полную чудных механизмов.

Сердце не разорвалось в груди Реймунда, мир не ушел из-под ног, колокола не зазвонили в набат. Просто в очередной раз убийца убедился, что в их организации не место неженкам. Любовь, дружба, добрые отношения. Всего этого не было в Альянсе. Глупо было предполагать иначе. Он и Бэгрис — лишь орудия. Мечи не дружат, мушкетеры не ходят друг к другу на чай. И они с тигрицей тоже никогда не сядут в старости в кресла-качалки где-нибудь на фруктовой ферме в колониях и не начнут вспоминать старые деньки. Было противно, больно и гнусно. Привычно. Но иначе быть не могло. Все, что иначе, осталось там, где шпиль алмарского собора.

Но ключ и отвлекающий маневр, важность целей. Альянс так не действует. Никогда.

Аннельхейма он бросил в коридоре, неподалеку от лестницы, ведущей в подвал, куда пламя уже не должно было добраться.

Трупы попадались часто, несколько свежих были разорваны когтями. Многие имели характерные рубленые раны, нанесенные с нечеловеческой силой механических воинов. Сами воины, разорванные и искореженные, встретились чуть позже. Магов воздуха не было видно, кроме мертвых, само собой. Так он дошел до зала, где все началось. Его просто устлали трупы — около пятнадцати магов воздуха и почти столько же горящих воинов. Но никого живого. Снаружи слышались голоса. Похоже, нападавшие ретировались, а их сменили истинные владельцы Пламенной Цитадели.

«Горящие воины. Это мысль». Он затащил тело одного из горящих с не слишком поврежденным доспехом, в небольшую комнату для слуг. Раздел, а затем, как смог, нацепил на мертвого свой серебристо-синий парик и потрепанную одежду. Сам Реймунд облачился в доспехи и надел шлем — у горящих они были глухими, без забрала, с тонкой прорезью, в которую даже глаз не было видно.

На улице царил беспорядок — несколько магов огня высокого ранга ругались. Горящие воины и другие гвардейцы выносили мертвых и допрашивали нескольких раненных магов воздуха.

В суматохе он почти ушел. Уже свернув в переулок, Реймунд услышал за спиной голос.

— Эй, а ты еще кто такой? — сзади, перекрывая почти весь переулок, стоял кряжистый человек с красным лицом, в богатом оранжевом доспехе, алом плаще и таком же хитоне. — Повернись и подойди. Ты оттуда? Что там? Много живых? Магистр жив?

«А может, черт с ним? Пусть берут, пытаются, получают ответы про Мордреда. Присмотрись к Альянсу и прочее. Пусть сожгут как Леона. Нахрена все это, если даже полосатая маньячка оказалась напрочь неверной? Да еще и хитрее меня».

«Эх», — подумал Стург, развернулся и выстрелил. Пуля, последняя зачарованная пуля Реймунда, вошла иерарху огня в колено, свалив того на землю. Поднялся переполох.

Его довольно долго преследовали по темным переулкам и открытым проспектам, но в итоге потеряли на базаре, где ему помог нырнуть в накрытую брезентом повозку говночерпия мальчишка-нищий с обожженными руками.

Пара бесполезных мыслей

«Это задание оказалось таким же пустым и бессмысленным, как борьба Мордредра за те ущербные колонии. Я слишком много светился, слишком много рисковал и слишком много тратил. Вопрос чести, да. Но раз мне придется в итоге покинуть Гольвадию — не все ли равно. Надо было прикончить его тогда, на базаре. Или во время одного из обедов. Я хотел быть уверенным в успехе. И, может быть, был прав. Леон поспешил и поплатился головой. Синее Пламя был силен, но все должно было быть проще. Место в Аструм Примарис — заслуга Альянса, тот мастер-маг — Дождливая Осень — в последнее время стал затворником и редко выбирался со своего уединенного острова. Мало кто его помнил. В общем, это было не сложно.

Сложнее было косить под мага — постоянные траты на свитки, напускная таинственность, использование заряженных магией предметов взамен фокусов. Утомляет. Еще сложнее было убедить Мордредра в реальности моих возможностей помочь ему. К счастью, в Школе Воды много обедневших мастеров, но подкупать их через посредников и при этом как можно меньше показываться магам воды на глаза — настоящий геморрой.

Хорошо еще, что Синее Пламя оказался достаточно самоуверен или пустил свою паранойю в другое русло и не стал выяснять подробности моей личности. Он бы, верно, сильно удивился, что никто из мастеров воды ничего толком обо мне не знает.

Особенно забавно вышло со слугами, приплатил, нарядил в одежды магов. И вот уже Мордред считает, что я идиот, но с большой тайной поддержкой в школе. Проще всего было с именами. Ведь у них там и правда заговор. Если он что-то проверял на этот счет, то результат, видимо, удовлетворил. А уж выбрать магов с наиболее сомнительной репутацией и подсунуть список агентам Мордредра проблемы не составило.

С мальчишкой-нищим вышло неплохо, а еще с той раковиной, которую удалось уговорить подбросить Бэгрис. Впрочем, на тот момент наш магистр и так был крепко помешан.

Интересно, какое бы у него было лицо, если б узнал, что Чернильный Котел стоил всего пятнадцать тысяч, а остальные его денежки ушли на посредников и покупку еще голосов для него в Совете? И дались ему эти колонии...

Сложное дело. И самое бессмысленное из всех. Но с магами воздуха вышло занятно. Не ожидал, что они так распаятся — а хватило-то всего лишь рассказать этому лазурному выскочке, что Синее Пламя думает об Инессе. А он, как оказалось, и правда так думал. Остальное они сделали за меня. Хорошо, что он не уехал сразу после голосования. Котел пришелся кстати.

Но итог все тот же — они будут рыть, расследовать, гадать и напрягать шпионов. Времени скрывать следы не было — я общался с посредниками, с магами воды, по мелочи, но все же. Еще и Краснолицего подстрелил. Придется убираться из Гольвадии. Надеюсь, на Экваторе мне найдут дело поинтереснее. И полегче. Признаться, устал я от этих магов».

Так размышлял Реймунд Стург, направляясь в Эллумис и еще не зная, что судьба готовит ему Ригельвандо, а затем Ахайос, с его грязью и коварством мнимых союзников.

Первый сон убийцы

Реймунд заснул в гамаке на борту торгового галеона. Под скрип снастей и плеск волн — уютный, добрый шум моря. Не такой опасный, как гомон больших городов. Не такой сумрачный, как шорох ночного леса.

Он парил во тьме. И тьма сгущалась вокруг него. Шепот тысячи голосов, разносившийся отовсюду, внезапно выкристаллизовался в один — сильный, мягкий, нечеловеческий голос. Перед Реймундом во тьме зажглись глаза цвета вечернего неба на грани заката.

— Кто ты? — властно поинтересовалась тьма.

— Я Реймунд Стург, — почему-то это казалось самым логичным ответом. Осторожность, навыки, вернее, почти рефлекс конспирации... Все отошло в сторону. Казалось неуместным и бесполезным обманывать этого посланника снов. — А ты, твою мать, кто такой?

— Я часть тебя, — в голосе зазвучала ирония, — тот маленький кусочек твоего «я», что отвечает за логику. Логичку и амбиции.

— Очень приятно, — обиженно поздоровался Стург.

— Ты пока не заслужил права даже на имя, — продолжил голос. — Кто ты на самом деле?

— Я лишь гонимый осенним ветром листок, — припомнил убийца слова Бэгрис.

— Это ближе к истине, — тьма беззвучно смеялась. — Ты лист, осенний лист, почти мертвый. Скоротечный. Летящий туда, куда укажет ветер. Ты лист. Ты платный убийца. Ты оружие в чужих руках. Клинок без воли и судьбы.

— Поэтично. Но что-то не вижу в этих словах ни глубины, ни смысла, — покачал головой Реймунд.

— Это потому, — тьма сгустилась и перестала смеяться, — что ты не видишь смысла в собственной жизни. Тебя воспитывали. Тебя тренировали. Тебя ломали. Чтобы изжить способность сопротивляться чужим приказам. Приказам тех, кто направляет тебя. Приказам тех, кто разменяет тебя. Если возникнет такая возможность. А в конце ты еще и убедил себя, что сам выбрал этот путь.

— Все мы, — пожал плечами Стург, — выполняем чьи-то приказы. Всех нас воспитывали подчиняться кому-то и кого-то подчинять. В этом нет ничего удивительного. Всех — от короля до нищего — кто-то дергает за ниточки.

— Ты прав, — фиолетовые глаза вспыхнули сильнее, — твоя участь немногим отличается от участи короля — покинуть свой пост будет равноценно смерти. Но ты ничуть не похож на нищего. Воля нищего заставляет его жить. Часто — заставляет изменить свою судьбу. Такое бывает нередко. А ты? Твоя воля сломлена. Ты уверен — изменить судьбу можно, только умерев.

— И неужели я не прав? — улыбнулся грустно Реймунд. — Или я могу прийти в теоретический штаб Альянса и положить на стол заявление об увольнении? — он резко отмахнулся. — Конечно, нет, черт побери! Хватит гнать чушь.

— Ты даже во сне остаешься лояльным, — вздохнула тьма, — даже в собственных мыслях боишься выпустить то, о чем давно мечтаешь. О чем скорбишь...

— Похоже на еще один тест Альянса, — перебил Стург. — И если так — бесполезно. Я все еще на вашей стороне, ребята. И не собираюсь никого предавать.

— Даже во сне ты боишься, убийца, — продолжала тьма, и сияющие во тьме глаза наполнялись скорбью. — Боишься признаться себе самому. Облечь в слова то смутное, что

есть в душе. Допустить простую мысль — это не жизнь. Все, с тобой происходящее — это не жизнь. Все, что было раньше — ничего не значит. Твоя лояльность ничего не значит. Твоя персона — ничто. Твои решения — ничто. Попытки предотвратить лишние смерти... Ничто. До тех пор, пока ты не возьмешь судьбу в свои руки. Пока не начнешь сам решать, что тебе делать. Пока не обрежешь ниточки и не поймешь — ты не кукла в чужих руках. Пока не обнаружишь — твоя жизнь имеет смысл. Смысл, что выше и сложнее чужих смертей.

Тьма сгустилась и взорвалась вспышкой слепящего света.

Реймунд выпал из гамака и ударился о тяжелый сундук, прикрученный к полу. Наверху, на шканцах, колокол пробил утро.

Библиотека Хранителей Знаний. О государствах-уникумах Южного Архипелага: Гилемо Антарий и Сетрафия

Рациональная общественная организация. Диктатура разума!

Ваше Величество! Согласно Вашему приказу я, ваш верный слуга шевалье Амори Тео де Саланри, нахожусь с дружественным визитом в Сетрафии. И, с позволения моего Господина, желал бы рассказать о чудесах, которые довелось мне видеть в этой удивительной стране!

Этот край полон пара и копоти. Грохота огромных машин и шума заводских цехов. Еще никогда ранее вашему покорному слуге не доводилось видеть столь крупных производств и столь упорядоченных городов. Сетрафия потрясает и даже, я бы сказал, подавляет. Но в то же время, по моему глубокому убеждению, весь быт здесь организован таким образом, чтобы подавлять не только иностранцев, оказавшихся в гостях, но также и местное население, которое, впрочем, не испытывает особой неприязни к царящему здесь подавлению.

Города довольно велики, над ними довлеют заводские трубы и облака угольного дыма. Уголь здесь используется повсеместно. Им топят печи, от чего дома в крупных населенных пунктах грязны от копоти, его используют на производствах для паровых молотов, доменных печей и прочих потрясающих воображение машин, технологические секреты которых хорошо скрываются правительством этой державы. А также для многочисленного парового флота, использующего силу пара наравне с силой ветра. И этот флот, с прискорбием хочу заметить моему сюзерену, существенно превосходит флот Шваркараса.

Жизнь сетрафийцев подчинена многочисленным законам и правилам — особым распорядкам и рескриптам. Она слишком упорядочена, иногда у меня создавалось впечатление, что я обитаю в муравейнике, а не в стране, населенный теми же людьми, которых я видел на родине.

С рождения человек здесь приучается к порядку и дисциплине, а государство начинает с детства значить для него больше, чем семья и родственники. Маленькие дети начинают ходить в ясли, где получают начальные социальные навыки, затем в детский сад и, наконец, в школу. После обучения в школе в 14–16 лет человек получает финальное распределение, определяющее всю его дальнейшую жизнь — он поступает на службу. Служба здесь есть основа и главная ценность любого человека, только в труде на благо общества он должен чувствовать себя полностью живым, зато за верную службу человек всегда вознаграждается, и я считаю этот принцип очень подходящим для любого государства. С течением жизни и за выслугу лет человек гарантированно растет в чине и получает возможность эффективно воплощать все присущие ему от природы и приобретенные в процессе обучения навыки.

Сетрафия — своеобразная бюрократически-административная магократия, если мне будет позволено применить столь необычный термин. В этом государстве правят числа,

знаки и символы. Каждый гражданин имеет свое число, знак и символ, удостоверяющий его гражданское положение, уровень возможностей и права в государстве. Жизнь Сетрафии подчиняется распорядку, четко установленным правилам и табу. Удивительным является тот факт, что местным жителям удалось потрясая органично объединить два принципа организации — мистический колдовской и научно-инженерный принцип гартарудов (составляющих, как мне стало известно, существенную долю от населения). Эти принципы создали тут чрезвычайно бюрократизированный, но действенный образ общественной жизни.

Есть следующие государственные службы Сетрафии, с которыми человек связывает свою жизнь после школы — Производственный сектор, Продовольственный сектор, Военный сектор, Морской сектор, Торговый сектор, Магический сектор, Административный сектор, Карательный сектор, Судебный сектор, Дипломатический сектор, Медицинский сектор, Образовательный сектор, Культурный сектор и ряд других более мелких.

В Сетрафии нет таких понятий как, например, политика, религия, свободное искусство и тому подобных. Все подчинено правилам и включено в иерархию. В то же время, в этом принципе есть и свои плюсы (во всяком случае, так меня уверяют местные жители) — с ростом по служебной лестнице человек получает новые признаки своего положения. Числа, знаки и символы, которые помимо прочего наделяют своего владельца некоторыми довольно небольшими (как правило) мистическими возможностями из области колдовства.

На вершине иерархии стоят министры, в зависимости от успехов области, ими управляемой, один из министров каждые 5 лет получает статус Гранд Мастера — высший пост в государстве. Мне была предоставлена аудиенция, и я по возвращении предоставляю Вашему Величеству письма от Гранд Мастера с уверениями в дружбе и добром расположении, а также с рекомендациями по организации общественной жизни в Шваркаресе.

Как я уже сказал, каждый человек здесь обладает определяющими его статус и даже личность, мистическими атрибутами. Эти мистические атрибуты имеют самоценное значение, ибо подразумевают возможность человека использовать колдовские силы, которые ему предоставляют для улучшения своего положения, а также на службе. Так, например, чиновник сельского министерства шестнадцатого статуса имеет возможность отгонять вредных насекомых от посевов, а чиновники судебного сектора обучаются чувствовать и предсказывать ложь. В то же время обладание числами и знаками наделяет граждан Сетрафии бюрократическими возможностями, обеспечивающими его значимость в обществе. Единожды сдав определенный экзамен, человек получает об этом соответствующий сертификат, и, если кому-то, например, необходимо соревноваться в стихосложении или умении верховой езды — достаточно сравнить сертификаты и все оказывается ясно.

Таким образом, уклад жизни в Сетрафии существенным образом отличается от того, что мы знаем на родине, но надеюсь, что привезенные мною сведения существенным образом помогут Вашему Величеству обеспечить порядок в Шваркаресе. Койй будет не хуже сетрафийского. За сим, оставаясь верным слугой Его Величества, завершаю свое письмо. Уже пять часов вечера, пора идти пить чай.

Дипломатическая переписка. Письмо посланника Шваркараса в Сетрафии шевалье Амори Тео де Саланри. Шевалье так и не вернулся на родину, оставшись в Сетрафии в качестве чиновника военного министерства, а его дети стали полноправными гражданами.

Часть 5. Глава 1. Необоримый Адмирал!

Ахайос 813 год от о. А.И.

Застольная беседа

— Удивительно, — сказал Реймунд. — Мне доводилось встречаться с негодьями и подонками всех мастей. С параноиками. С людьми, находившимися под защитой государства. С людьми, защищенными лучше, чем банк Медини. Но к каждому находилась свой подход. А теперь я в тупике.

Они сидели в темной, почти пустой таверне, за столом из доски, положенной на бочку. Пол устилала окурки самокруток, кости и грязь. Под потолком клубился дым. За несколькими соседними столами пьяно орали тосты и здравницы люди, одетые в кожу, железо и шелковые платки на головах. На столе стоял крепкий черный ром в высоких деревянных кружках, скрепленных металлическими полосами, рядом лежали трубки, набитые душистым черным табаком. Их принесла пышногрудая служанка с коротко стриженными волосами, ее платье сильно пообтрепалось, зато шнуровка на лифе была из золотой нити, а в чехле на поясе болталась наваха.

— Херня, — отмахнулся собеседник Стурга, — они наверняка так тряслись за свои шкуры, что не убить их — значило оскорбить судьбу.

Он был чуть выше среднего роста, чуть за сорок, но лицо оставалось довольно молодым. Длинный шваркарасский нос, темные глаза, высокие скулы, ровные благородные морщины, высокий лоб, смолисто-черные волосы собраны в длинный хвост, завязанный кожаным шнуром... Он вполне мог сойти за аристократа, если бы не одежда, откровенно пиратская, хоть и богатая — широкополая шляпа с довольно высокой тульей и стальной пряжкой, и красный платок. Черный жюстокор с золотым кантом и почти адмиральским высоким, жестким воротником. На правом плече крупный эполет, на левой руке полный доспешный элемент — наплечник с эмблемой в виде черепа кешкашивара с перекрещенными саблями, стальные пластины, укрывающие руку ниже плеча, налокотник с шипом, латная перчатка с когтями. Белый жилет на голое тело, штаны из крепкой кожи с ремнями, высокие блестящие ботфорты, все украшено цепями, шипами и клепками.

— А ты не боишься смерти? — поинтересовался Реймунд.

Сам он был одет в излюбленный кожаный плащ с отворотными рукавами, серый камзол, хлопковую рубашку, штаны из кожи на шнуровке, подкованные ботфорты, на руках любимые кастетные перчатки, рядом на столе морская шляпа с узкими полями, высокой тульей и пряжкой.

— Нам всем когда-то надлежит сдохнуть, а я к тому же стар, — собеседник сплюнул, во рту у него недоставало зубов, некоторые были черными и наверняка гнилыми, а еще было много золотых, — ну, для своей профессии.

— Видимо, в твоем случае возраст говорит о живучести, — Реймунд отпил из кружки, ром был густой и жгучий, со специями.

— Смерть — игра парная, я просто даю пареньку с косой мало шансов, — ответил собеседник. Его звали Морнис Легад, а с некоторых пор еще — Адмирал.

— Пожалуй, что так, я не нашел ни одного окольного пути — ты всегда был на виду, но при этом всегда с друзьями или, по крайней мере, среди тех, кто за тебя вступится, — продолжил Стург свою мысль.

— Ну да, — собеседник сделал добрый глоток. — Они чего-то ходят за мной все время, я уж думал пару раз прогнать, но они ж друзья. Суки, конечно, но какие есть.

— И даже в постели ты был не один, ни разу за те два месяца, что я пытаюсь, — агент Альянса взял в зубы трубку.

— И очень хорошо, что ты не полез ко мне, когда у меня были дамы — любая из этих штучек порубала бы тебя на форшмак, пукнуть бы не успел, — заметил Морнис, беря в зубы трубку.

— Но вот что меня волнует — почему? Почему так выходит, что столько народу стоит за тебя горой? Ты ведь пират, и, как я слышал, человек далеко не кристальной репутации, какого черта даже твои враги тебя защищают? — поинтересовался Стург у собеседника, продолжая дымить трубкой.

— Да, я много хрени в жизни совершил. Убивал, обманывал, грабил, говорят, даже детей продавал. А о том, сколько народу убил — даже и не говорят. Но я никогда не предавал. Друзья — они как жена, только полезней, — Адмирал ненадолго задумался. — Наверное, поэтому жен у меня много, а друзей мало. Я помогаю им, они помогают мне. Я их уважаю, они меня уважают. Мы остаемся вместе и в горе, и в радости. А это, между прочим, важно! Есть такие, их в пекле брось — они выберутся и тебе ничего не скажут. А забудешь про день рождения — на всю жизнь обида. Я друзей не бросаю, они меня тоже. Так и живем.

— А враги? — Реймунд поразился простоте мышления пирата.

— А врагов, парень, — поднял Легад палец, — у меня нет. Всех своих врагов я отправляю на дно. Или делаю друзьями. Вот помню, был такой — Виконт, рожу мне на дуэли располосовал, до сих пор шрам остался. А потом я его отделал. Ну и подружились, сначала выгода была, потом не разлей вода стали. Убили его. Вечная память, — он мощно приложился к кружке, ополовинив содержимое, выдохнул, крикнул и продолжил. — Те мои «враги», которых ты можешь найти — это конкуренты. Мы можем обдурить друг друга, в абордаже честно пытаемся оттяпать друг другу башку. Я могу увести у кого-то из них корабль, они у меня — женщину, опять же, если сумеем. Но мы уважаем друг друга. Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой. Каждый из этих утырков знает — попытается сподлить, ему такой же монетой оплатят. Так честность да уважение и куются. А беспредельщиков я уже лет десять как повывел.

— Выходит, нет на тебя управы, — усмехнулся Реймунд.

— Управа есть на всех, — пожал плечами Адмирал. — В море я могу столкнуться с амиланийским фрегатом, в порту — попасть брюхом на чей-то нож. Могу упиться вусмерть. Могу утонуть. А вот хитростью... Хитростью мы сами с усами.

— И неужели во всех ты уверен? — подозрительно сощурился убийца, к тому времени он был уже немного пьян — кружка на столе была далеко не первой.

— Сейчас расскажу, — Морнис ненадолго задумался. — А вот хотя бы с боцмана начну.

Этот боцман — самый лучший боцман в океане

В том, что его зовут Тирган Беглый, моей заслуги нет. Первое имя дали в княжестве, откуда он родом, второе — амиланийки. А вот боцманом он уже у меня стал.

Дело было так — прознали мы, что у амиланиек есть серебряные копи на острове, который на моей карте Шлюхиным значился, а как они его звали — не спрашивал. Собрали ребяташек — две сотни. Отборных — дело-то серьезное. Ну и отправились. А как прибыли на место — узнали у местных, которые от лютых баб по джунглям прятались, что есть на острове гетербаг — здоровый и сильный. Он с копей сбежал, сколотил ватагу, и по мере сил

девочкам вредил — то конвой грабанет, то под шумок из копей еще кого умыкнет. Амиланийки его за эти труды Беглым Дьяволом прозвали, но потом сократили. Полезный товарищ, решил я. И две недели валандался по джунглям в поисках. А как-то ночью они сами ко мне пришли. Он здоровый, трех метров роста, оборванный, злой, воняет как вол, с тех пор совсем не изменился, разве что чуть поменьше стал — возраст. Ну и осерчавший к тому же. Пока разобрался, что к чему, четверо наших полегло и пятеро ихних. За пятого, помню, он мне еще по зубам съездил. Но когда про наше желание копи взять узнал, смягчился — не стал мне голову откручивать.

— Хорошо, — говорит, — мы вам поможем. Но вы пленников выпустите. И перевезете.

— Да откуда, чмо ты долговязое, — отвечаю я, за челюсть обиженный, — я возьму тебе место на корабле?

— Ваших много поляжет, а без нас все пропадете, — отвечает. — Копи хорошо охраняют, много их, — говорит, — голыми руками не возьмешь, только я знаю, как их укрепления обойти.

— Ладно, сколько-то возьмем, — соглашаюсь, — а с другими что делать? Несправедливо это — одних взять, других оставить.

— А возьми тогда, — говорит, — да умыкни у баб рабское судно, оно сейчас как раз в проливе стоит.

На том и порешили — сотню я взял, сотню квартирмейстеру оставил, и они на «Воре», судно мое так звалось, «Вор Удачи», утонул он, только штурвал я и спас, но это потом было. Отправились они, в общем, на «Воре» бабский галеон брать. А мы, с тридцатью оборвышами Беглого, по джунглям, по джунглям. Комары жрут, змеи жалят, малярия подбирается. В общем, долго ли коротко, добрались до копей, у них там крепость была. Обошли мы ее и напрямик в копи попали. Там рабов освободили. Беглый — он вообще мужик по жизни счастливый — потому как мужик. Сбежал раньше, чем оскопили. А остальные были не такие везучие. В общем, нас сто тридцать, тогда уже меньше — в боях с патрулями поубавилось, да полтыщи злых кастратов, разобрали ту крепостицу по кирпичам. Серебра, правда, не так много набрали, как хотелось, зато доброе дело сделали.

Ну вот, доставили мы всех рабов — гетербагов, людей, пушистиков, на нейтральный берег и высадили там. Тут, значит, Тирган ко мне подходит и говорит:

— Ты спас моих людей, я благодарен тебе, бери в команду — буду тебе служить.

— Ну и на кой, простите, срамной уд, ты мне сдался, крыса сухопутная? — вопрошаю его я.

А он тогда наш язык только начинал учить — понимал хорошо, а сам изъяснялся не очень. Словами, в общем, не объяснил. Как дал в рожу, я аж с копыт слетел и дивных девок крылатых, вокруг головы летающих, увидел.

— Бери, — говорит, — а то ноги сломаю. Сам никуда не уйдешь, тут тебе служить буду.

— Ладно, — отвечаю, — уговорил.

Взял на корабль, он морской науке немного выучился, в матюках поднаторел и стал боцманом — лучше не придумаешь. Да к тому же другого такого воина еще поискать — он как-то даже батыра гетербажского уделал, но это другая история.

***

— Н-да, — сказал Реймунд и осушил свою кружку. — Теперь ясно, почему я его не сдюжил. Думал — если убить его, сумею тебя разозлить и глупости начать делать заставить.

Убить боцмана

Гетербаг был огромен. Его рост достигал почти трех метров, а размах плеч, толщина шеи и огромные руки наводили на мысли о сказочных великанах. Он был одет довольно просто — в кожаную куртку без одного рукава на голое тело, полотняные штаны, украшенные шитьем и цепями, стоптанные добротные ботфорты. На правом плече красовался массивный наплечник, который мог послужить нагрудником для небольшого человека, на левую была намотана цепь. На массивном поясе из многих слоев кожи висели исполинский ятаган, мортиретка и хандканон, напоминающий скорее вертлюжную пушку.

Задание пришло совершенно неожиданно, сроков на подготовку и тщательное обдумывание плана не оставалось. Оно значилось как срочное. А Реймунд вообще не ожидал, что ему дадут новую цель. Скорее, его сделают целью для кого-то. Приходилось действовать почти наобум, полагаясь на удачу и приблизительный расчет.

У Реймунда был один точный выстрел. Он расположился на крыше двухэтажного здания, покрытого гонтовой черепицей, гетербаг шел по кривой, узкой улочке вниз. Был самый конец подходящего месяца — месяца войны гетербагора. Штуцер был отличного качества и неплохо пристрелян. Накрыв плащом кремневый замок от мелкого, морозящего дождя, Стург прицелился в массивную голову с тяжелыми чертами лица, изборожденного морщинами и щеткой коротких жестких русых волос, перевел дыхание и спустил курок.

Пуля зачарованная, чтобы бить точно в цель, прошла возле висячего уха гиганта, не причинив тому вреда. «Ну, теперь мы знаем, что сильнее — всепробивающий меч или несокрушимый щит», — мрачно подумал Реймунд, слишком поздно заметив, что одна из пуговиц двубортной куртки гетербага выполнена из яшмы с замысловатой резьбой — амулет от пуль.

Убийца Альянса подхватил с гонты тяжелый фальшон и бросился бежать, перепрыгивая с крыши на крышу, собираясь атаковать противника сверху.

Гетербаг лениво загнал снаряд в мортиретку, и, не особо целясь, выстрелил. Почти попал, за спиной бегущего Реймунда разлетелись осколки черепицы, рухнула чья-то крыша.

— Проворный мудоконь, — сплюнул гетербаг через обломанный передний зуб, затем снял с пояса хандканон.

Еще одна крыша, скользкая от дождя черепица, мешающийся плащ сброшен на грязную мостовую. Под ногами разлетаются красные осколки и обломки камней — и во второй раз противник почти попал, разнеся пулей, а скорее ядром, крышу и кусок стены.

Последняя крыша. Хорошо, что враг медленный, он лениво тянет из-за пояса ятаган. «Успеваю». Стург скакнул, сверху вниз пикируя на противника, вложил в удар всю силу, метясь в горло. Но с необъяснимой быстротой на его пути встало синеватое лезвие ятагана, размерами превосходящего двуручный меч.

Скрежет, искры. Реймунд резко отпрыгнул назад. Медленно, чуть вразвалку, как будто под ногами палуба корабля, гетербаг двинулся к нему, меся сапогами жидкую грязь.

Быстрый взмах огромной полосы стали прошел прямо перед лицом убийцы, чуть оцарапав нос. Стург метнулся в сторону, ища момент атаковать в прыжке, но противник, хоть и медленный, все время оказывался прямо перед ним, держа ятаган на вытянутой руке.

«Нет, не выйдет, он крупный и неповоротливый, но у него быстрые руки, и опыт, отменная техника. Он бережет силы, хотя у него их больше, чем у меня. И эти глаза, он следит за каждым моим движением, ждет, когда откроюсь. Он не даст мне подойти и не сделает ошибки. Не раньше, чем я».

Первая неудача

— И? — полубопытствовал Адмирал.

— И я сбежал, — покачал головой агент. — Он действительно такой опасный воин, как ты о нем говоришь...

— То-то, — засмеялся Морнис. — Они все такие. Не лучшие, само собой. У каждого свои слабости и недостатки, часто бывают в дерьмовом настроении — мы много повидали и многих потеряли. И с ними уж точно не пойдешь на бал к королю. Но как-то так вышло, что за тридцать лет пиратской жизни никого из них не смогли убить. Это чего-то да стоит.

— Следующим был Сегун, — Стург дождался, когда ему подольют рому и отпил большой глоток. — Моя первая смерть.

— Ааа, — пират ощерил зубы. — Так ты и был тот дурачок, который решил тягаться с Киншумицу?!

Танец воинов под сенью пагоды

Дракиец был весьма велик, не такой здоровый, как гетербаг, зато и не такой мускулистый — скорее, сухой и жилистый. Покрытый прочной броней чешуи, в доспехе из стали, дерева и лакированной кожи. Всем дракийским кланам их боги дали какой-то дар. Клан огня дышал пламенем, клан воздуха летал, клан тени мог пользоваться тенями. Высшие дракийцы Клана Войны тоже получили свой дар, хоть и не столь явный как у прочих — они были прирожденными бойцами, достигавшими невероятных высот во владении оружием. А также в бою без оружия.

В Храмовом Квартале Ахайоса была небольшая пагода, объединенный дракийский храм, куда немногочисленные высшие и кишачие в городе низшие дракийцы могли прийти воздать хвалу своему богу или помедитировать.

Во дворе этой пагоды располагалась тренировочная площадка, выложенная из отшлифованного камня, окруженная столбами с ритуальными животными — дракон из малахита, тигр из яшмы, змей из обсидиана и прочими.

Моросил мелкий, противный дождь, пагода тонула в густом водяном тумане. Было начало ихтиониса. Дракиец тренировался во дворе — мягкими, плавными движениями он отрабатывал приемы перемещения оружия, резко переводя их в смертоносные, если бы был противник, удары. По костяной пластине с узкими острыми рогами, венчавшей его голову, струился дождь, глаза, располагавшиеся во впадинах пластины, были закрыты толстыми чешуйчатыми веками. Длинные смолянистые черные волосы были уложены в особенную витиеватую прическу. Шипастый хвост двигался ровно и мягко, повторяя движения тела и резко переходя в атаку во время ударов. Оружием дракийца была не катана или нагината, как полагал Реймунд, а огромный, с черным, лакированным древком, украшенный ритуальными письменами топор. Но Стург не собирался соперничать с этим грозным оружием.

— Ты Киншумицу Сегун? — поинтересовался Реймунд, одетый лишь в кожаные штаны, легкие мокасины и хлопковую рубашку, выходя из влажного тумана со стороны распахнутых ворот пагоды.

Дракиец обратил на него внимание не сразу — оказалось, он не тренировался, а медитировал, пришлось повторить вопрос еще два раза, прежде чем он остановился и кивнул.

— Я слышал, дракийцы Клана Войны — мастера единоборств, — убийца скинул рубашку, обнажив мускулистый торс. — Хотелось бы проверить на практике, если не возражаешь.

Дракиец снова кивнул после недолгого раздумья, хвост раздраженно стегнул по плитам, выбив из камня несколько осколков. Сегун тоже принялся раздеваться. Избавившись от доспехов, он остался в шелковых штанах, повязанных широким поясом, достигающих до первого сустава ноги (у дракийцев этих суставов два, не считая непосредственно сустав стопы, первый — как у людей, второй — развернутый назад). Его тело покрывала чешуя серо-стального цвета и роговые, крючковатые шипы, сложен он был отменно, но с учетом своего роста выглядел худым, под чешуей перекатывались могучие мышцы.

В этот раз Реймунд оценил противника по достоинству, как он надеялся, и перед тем, как прийти в пагоду, несколько дней усиленно тренировался, восстанавливая свои неплохие боевые навыки, а непосредственно перед боем принял колдовской эликсир, увеличивающий силу и скорость, повышающий болевой порог, и воспользовался свитком магии тела, повысившим его выносливость. И все же, глядя на противника, он уже не был столь уверен в результате.

Встав в боевые стойки, противники медленно двинулись навстречу, описав каждый небольшой полукруг по залитой дождем площадке. Резко сблизившись, Стург начал с динамичной атаки на большой скорости, пытаясь прощупать оборону противника и определить уровень мастерства. Дракиец отвечал редко, стараясь не блокировать, а уклоняться от ударов, секретов своих возможностей не открывая. Несколько метких ударов рукой и мощный удар ногой в бедро Сегун все же пропустил, но они его не слишком смутили.

Избежав контратаки Киншумицу, Реймунд отпрыгнул, и, стараясь сохранить дыхание, заговорил.

— Ты достойный противник! Прими мое восхищение. Но я пришел не просто так, — дракиец попытался сократить дистанцию, но Стург снова отошел. — Заключим небольшое пари — я знаю, что дракийцы Клана Войны никогда не нарушают своих клятв. Если я сумею выиграть, не ответишь ли ты на несколько вопросов об Адмирале?

Снова кивнув, противник нетерпеливо щелкнул хвостом по камню.

«Отлично. Итак, ты быстр, очень силен и предпочитаешь защитную тактику, пока не измотаешь противника или не найдешь слабого места в его обороне. Наверняка рассчитываешь завершить бой одним метким ударом. Посмотрим».

Он перешел в наступление, нанес удар ногой, затем провел успешную серию ударов руками в челюсть Сегуна, принимая его удары, редкие, но сильные, на локти и кисти.

Так продолжалось некоторое время. Реймунд осыпал противника ударами, но тот, похоже, не особо-то о них и волновался.

Однако убийца был собран и осторожен. В первый раз Киншумицу попытался провести решающий удар в корпус — в солнечное сплетение, дождавшись, когда противник откроется, нанося глубокий прямой удар рукой. Реймунд, ожидая такого поворота, успел захватить ладонь дракийца и провести болевой прием, но дракиец вывернулся с нечеловеческой силой.

Бой продолжился. Стург не чувствовал усталости, но уже успел поранить руку о шипы на теле оппонента.

В следующий раз Киншумицу нанес удар ногой, дав Реймунду подсечку, убийца упал, но когда противник попытался провести добивание, скакнул и нанес мощный удар двумя ногами в челюсть, впервые хорошенько пробив защиту. Сегун отшатнулся и чуть не упал. А Стург, перекатившись, рывком поднялся и сменил тактику.

Теперь он, подобно своему спарринг-партнеру, наносил удары точно и расчетливо, со всей своей силой полугетербага. Одним ударом он достал противника в колено (верхнее), вторым — ногой в грудь, заставил дракийца отшатнуться, даже несмотря на роговую пластину, эту грудь защищавшую.

Похоже, Киншумицу это надоело. Отбив и уклонившись от следующих двух атак убийцы, он перешел в наступление, с огромной скоростью нанося удары ногами, руками и хвостом. Но Реймунд этого ждал — он уклонялся или принимал удары на локти, кисти, бедра, один раз позволил легко задеть себя в грудь. Улучив подходящий момент, Стург произвел мощный нижний удар в живот, вложив в него всю силу, а когда противника чуть развернуло, добил коленом в печень.

Сегуна бросило на колени. Он попытался подняться, но упал лицом на камни площадки. Священные животные осуждающе смотрели на него со своих постаментов.

— Итак, ты сдаешься? — поинтересовался Стург, видя, что оппонент бой продолжать не может. — Выполнишь свою клятву?

— Нет, — пророкотал Киншумицу, приподнимаясь на локтях.

Он резко подсек Реймунду колени хвостом, и, прыгнув сверху, вогнал в глазницы агента Альянса пальцы, увенчанные толстыми, прямыми когтями.

— Мы всегда выполняем клятвы, — закончил Сегун, с трудом поднимаясь над телом, — но он с меня никаких клятв не брал. А ты пришел убить его. И выполнить клятву значило бы предать Адмирала. Лучше быть клятвопреступником, чем предателем. Да и вообще я просто кивал.

Когда Реймунд на следующий день проснулся в ветхой камерке Квартала Наемников, у него болела голова, как с жесточайшего похмелья, а в глазах все еще чувствовались фантомные когти. Проверив тайник, он обнаружил, что бриллиантовых сердечек осталось девять.

Абордажник с темным прошлым

— Мы познакомились с Сегуном, когда я был щенком. Лет на пять старше тебя, а он до сих пор не изменился, не знаю, сколько ему лет, он вообще неразговорчив. Дракийцы живут долго, но знаю одно — надежней его не сыскать. До сих пор не знаю, в чем причина, но его выгнали из Клана. Пнули когтистой лапой под зад и сказали: «Вали куда хочешь, но чтоб на Дракисе мы тебя больше не видели». Ну, само собой, это все было пафосно, долго, в сложных выражениях и с привлечением цитат из философских книжек, может, даже хокку сочинили, но смысл особо не меняется.

С тех пор искал смерти — сидел в трактире на базе Клешня, пил горькую, к тому же теплую, и ссорился со всеми по любому поводу. Говорил также, что пойдет служить на корабль к тому, кто его победит. Было там еще несколько дракийцев, они не рискнули или не хотели. Но ни героев Героики, ни батыров гетербагов в ту пору на Клешне не было. Надеюсь, ты понял шутку. Так что пришлось братья мне. Помню, пришел, плеснул ему выпивку в лицо и заорал благим матом — себя подбадривал, поджилки-то тряслись.

— Вставай, чешуйчатая задница! Драться будем! На службу тебя изволю принять, — так и заорал, а может и не так. Давно дело было.

Он только улыбнулся. Видел, как дракийцы улыбаются? То-то. Жуткое зрелище. Взял топор и вышел во двор.

Ну и я за ним. С двумя саблями.

— И что, неужели победил? — поразился Реймунд.

— Нет, конечно, — рассмеялся Адмирал. — У меня, может, яйца и вкрутую, но у него-то бронированные.

В общем, когда понял, что скоро он меня уделает... Это через минут пять произошло. Руки гудели. Одна сабля сломалась. В общем, выдохся. Достаяю пистолет из-за спины и говорю:

— Сдавайся! — ну, или что-то в этом роде.

— Это не по правилам, — отвечает он, но стоит смирно.

— Так я ж пират. Срал я на правила! — как щас помню, заорал.

Думал, убьет. Ан нет. Видимо, понравилась моя дерзость или под дулом жить захотелось. А может, надоело дурака валять. Потом многие жалели, что первыми не додумались. Но, кто первый смекнул, того и сундуки.

Пошел ко мне. Скоро стал главой абордажников. Люди его боялись и уважали. Сейчас больше уважают. Но и боятся — бывает, нашкодит кто-то, боцман орет, слюной брызжет, но не всегда помогает. А этот стоит и смотрит зенками своими нечеловеческими, и молчит. Топор поглаживает. Самые смелые минут через пять ломаются. Штаны мочат, маму зовут и извиняются.

Но это еще не вся история. Проходили мы годиков пять. Деньжат подзаработали. Прославились немного. А на него Клан снова взъялся. Видать, завидно им стало, что такого бойца упустили.

Прислали, в общем, пяток таких же. Шли мы по порту, а они на нас — с дайкатанами, нагинатами, луками. Злющие. С нами боцман был и Ведьма. Он меня, помню, рукой отодвигает и говорит:

— Это не ваш бой, идите, я догоню, — а у самого в глазах смерть.

— Хуй там, — отвечаю, хотя, может, и не так, я тогда образованней был и вежливее.

Руку оттолкнул и встал между ним и родственничками.

— Только через мой труп, — прямо в их морды костяные вякнул.

Ну, один и говорит:

— Как будет угодно.

Тварь хвостатая.

И на меня с нагинатой. А я стою. Он разбег взял, размахнулся, силу вложил. А я — не шелохнусь. А они ж воины. Остановил еле-еле свою мясорезку. Только лоб поцарапал.

— Дерись, — шипит.

— Нет, — отвечаю. — Режь так, а потом его, — в Сегуна тыкаю, — забирай.

И боцман вперед вышел.

— И меня режь, блядь в чешуе, — руки скрестил, — если силенок хватит.

И Ведьма за нами. Молча рядом встала и крылья расправила. Думаю, они тока на нас посмотрели да все решили. Уж как-нибудь честь бы стерпела зарубить двух вонючих выпердышей. А она красивая.

Главный у них в шлеме золотом был.

— Теперь они твой Клан, — ткнул в нас культей когтистой и ушел. А за ним остальные.

А Киншумицу на это посмотрел и молвит:

— Олухи. Теперь вы от меня всю жизнь не отделаетесь. А я уж постараюсь, чтоб она долгой была, — ну, он не так, конечно, сказал, длиннее да изящнее. Но смысл, опять же, я передал.

А потом мы еще немало вместе пережили. И, как видишь, слово держит. Ну не слово —

так шуточку.

Часть 5. Глава 2. Ведьма-Ворон

А с Ирцикрой Ведьмой мы познакомились еще раньше, она служила на корабле моего, так сказать, духовного отца. Я первым помощником был, а она навигатором у Хармуса Белого Ветра. Был такой знаменитый пират. Жил славно, умер глупо — крокодилы съели. Враги поймали да скормили. Я был добрее, просто порубил гаденьшей. Правда, одного пришлось в дерьме утопить, но там просто вариантов не было. Ну, так вот, не сильно-то мы с ней друг друга и любили. Симираллы — они все гордые, ибо у них крылья есть, а значит, паря в небесах, они на нас на всех гадить хотели. А некоторые даже гадят. Что-то я все о дерьме, да о дерьме.

Вернемся к Ирцикре. Она поинтереснее будет. В общем, симираллы рода Ворона, из которых она происходит — они почти на грани гордости и идиотизма стоят, а превосходят их в этом только орлы, их главные, да павлины. Но что поделаешь — на корабле особо не повыпендриваешься, если что не нравится — пожалте за борт.

Но был случай. Думаю, из-за него все и изменилось. Простой, в общем-то, не как с боцманом да Сегуном. Но занятный. Рассказываю только потому, что передо мной погибель моя мнимая сидит. Но потом лучше все же не распространяйся.

В общем, стояли мы в одном порту — мягко говоря, враждебном. Капитан никого на берег не пускал. А ей, значит, голубем письмо пришло. И вроде как ждет ее кто-то на берегу, сойти нужно. А капитан ни в какую. Ну, тут я сказал, что ща все будет, и сел с Белым Ветром бухать. А он, признаться, пират был славный, но пить так и не научился. Вышел я навеселе и лодку ей спустил. Сам на весла сел, сказал:

— Одну не отпущу, — она только кивнула. Я прав оказался, что не пустил.

В общем, добрались мы до берега. И нашли в порту дом небольшой, где она сказала у дверей подождать. А сама на второй этаж поднялась. Ну, я не будь дурак, залез по изгороди и подслушал. Еще подсмотреть хотел — всегда интересно было, как симираллы трахаются. Но не сподобило. В общем, там другой симиралл оказался. Ее суженый бывший. Ну, или еще тогдашний, их хрен разберет. Симираллы они вообще создания удивительные, в том смысле, что не знаешь, что и когда им в голову взбредет. Та же Ирцикра, она в море за острыми ощущениями отправилась — могла и дома жить припеваючи. Но нет — ветер странствий, все такое, ни деньги, ни кровь не интересовали. Так, искусства ради с нами шаталась и до сих пор шатается. Ну, у нее-то это молодость — вороны по триста лет живут, вот и гуляет.

В общем, гнусность там приключилась невероятная. Суженый этот поведаль ей, что за долги нашу подругу продал, и умолял не отпираться, мол, иначе ему не жить. А она плакала, я краем глаза видел — молча так, тяжело, слезы по щекам катились, а она смотрела на него, гордо так, осуждающе, всепонимающе. За то, что я потом сделал, она меня сначала чуть ли не возненавидела, а потом поблагодарила тайком. Вижу — к дому четверо подходят, в плащах и при оружии. Покупатели.

Ну, я окошечко разбил, на второй этаж влез, суженому ее — петуху недоделанному, даром, что ворон, в рыло клювастое закатал, а ее на плечо взвалил. Они, симираллы, легкие — кости другие, как у птиц, чтоб летать сподручнее. Но с другой стороны — неудобные, крылья мешают. И в окно. А в комнате связку гренад зажженных бросил.

Уж не знаю, много ли живых осталось, и кто это были. Может, и важные шишки — симираллы-то дорого стоят. Я бегом до порта, а она злая — лягается, в грудь два раза так

локтем захреничила, думал, сердце остановится. Два раза пыталась в тень уйти — это их способность такая родовая. Но я ее по щекам шлепал — не давал сосредоточиться. Закинул в лодку и дунул на «Беспечального» — так нашу посудину звали.

На борту она меня прикончить пыталась. Потом в каюте заперлась. Думаю, плакала. А потом пили мы три дня, по-черному. На четвертый день решили, что мурак ее суженый хуже некуда, а мы ей лучше найдем. Пока не нашли, но она не унывает.

— Н-да, — заметил на это Реймунд, — видимо, я ей тоже не подошел.

Соблазнение навигатора

Театр был полон высоких гостей — «Лунный блик» посещал весь свет общества Ахайоса. Во многом причиной его успеха являлось место расположения, Правительственный Квартал. В то время как большая часть театров располагалась в Квартале Воров.

С другой стороны, сюда приходили не ради пьес, сегодняшняя — «Капитан Тэльеро» — была помпезной и скучной. Но дамы в великолепных платьях, галантные кавалеры в камзолах, расшитых золотом. Городские чиновники, из тех, что брали взятки без скромности. Офицеры в парадных мундирах, за которые отдавали последние деньги. Все они прибывали сюда ради демонстрации статуса, с целью показать свое богатство и изящный вкус, а заодно по достоинству (то есть, как правило, очень низко) оценить всех остальных. Своеобразная форма соревнования.

Тем удивительнее было встретить здесь ее. Впрочем, Реймунд, само собой, знал куда идти. Ирцикра Ведьма выделялась из толпы, как ворон выделяется из толпы павлинов и пестрых петухов. Как у всех симираллов, у нее были огромные, приспособленные для полета крылья, иссиня-черные. А лицо представляло эстетичную смесь птичьих и человеческих элементов — от птицы верхняя половина вороньего клюва, закрывавшая наполовину изящный, некрупный нос, и перья на голове, сочетавшиеся с длинными, того же цвета, что и крылья, волосами. Вместе перья и клюв представляли собой подобие карнавальной маски, и, несмотря на непривычность для человеческого взгляда, интриговали. От человека было все остальное — небольшие бледно-розовые губы, крупные округлые скулы, острый подбородок, прекрасные глаза, меняющие цвет радужки в зависимости от освещения — от золотистых до темно-карих. Одежда ее тоже выделялась — черный морской мундир с серебряным позументом, воротником-стойкой, золотыми эполетами. Он был расстегнут, и в глубоком вырезе шелковой рубашки с кружевами, чуть ниже белого шейного платка, виднелась некрупная, округлая грудь. Далее — обтягивающие замшевые штаны и узкие военные сапоги, на поясе португеза с морским палахом и парой пистолетов.

Представление завершилось, и гости разъезжались по домам, занимая кареты или пешком. Некоторые стояли у входа и беседовали, ожидая опаздывающих.

— Не ожидал встретить ворона в толпе куриц, — Реймунд подошел к Ведьме и отвесил короткий поклон. Он был одет в двубортный сюртук с золотыми пуговицами, кюлоты, узкие сапоги, все в темных тонах, на поясе сабля, на сгибе локтя треуголка. — Разрешите отрекомендоваться миледи — шевалье Рено де Тарниз, к вашим услугам. Я заметил вас в театре и просто не мог не подойти.

— На птичку поблизи поглазеть решили? — холодно ответила она высоким, красивым голосом. «Ей бы самой на сцене петь», — подумал Стург.

— О нет, моя госпожа, вы меня неправильно поняли, — он улыбнулся, по возможности приятно, внешность он немного поменял магией — чуть уже сделал лицо, длиннее нос, выше и изящней скулы. Тоньше подбородок, темнее волосы, заклятье должно было продержаться

еще часов шесть. — Прибыв сюда лишь ради долга, я никак не ожидал, что вечер может быть наполнен чем-то кроме скуки среди этого надменного стада. И тут вы, столь загадочная и очаровательная! Я просто не мог не подойти.

— То есть, я скрасила вам вечерок подобно редкой зверушке в давно изученном зоопарке? — он не думал, что ее тон может стать еще холоднее.

— О нет! Прошу вас, миледи! — воскликнул Реймунд. — Не поймите меня превратно, меня очаровали вы сами, та загадка, которая таится в этих прекрасных глазах, ваша мрачная торжественность и даже ваша надменность.

— Я еще и надменная, — пробормотала она. — Подите прочь.

— Но прошу, дайте мне шанс! — снова возопил убийца. — Всего один вечер! — он схватил Ирцикру под локоть. — Я докажу, что ваше мнение обо мне не верно, и намерения самые честные!

— Мальчик, — в ее тоне был лед и смерть. — Если ты сейчас же не уберешь руку, то будешь горько жалеть об этом до скончания жизни. Ибо тебе нечем будет даже подрочить, не то что хватать незнакомых тетей за руки.

Он вынужденно отпрянул. А Ведьма довольно быстро удалилась, оставив за собой аромат вереска и разочарования.

***

— Я пытался еще несколько раз — дважды под разными образами заговаривал с ней у театров, она их так любит? — продолжил свой рассказ Реймунд.

— Да, у нее пунктик, если в какой город заходим — все время по разным театрам ходит, не успокоится, пока все не обойдет, ну или пока не отбудем, — подтвердил Адмирал.

— Пытался менять тактику беседы, был то нежным, то напористым, все по барабану, — Реймунд рассерженно стукнул рукой по столу, кружки подпрыгнули. — потом припомнил один прием из своей прошлой практики — притащил ей с болот голову какой-то страхолюдины, убитой в ее честь. А она сравнила меня с котом, тащащим хозяину убитую мышь, и полила презрением.

Морнис Легад уже ржал в голос.

— Потом я еще попробовал устроить ей засаду и героически спасти, но она порубила всех напавших до того, как я подоспел, — разочарованно сообщил Стург. — Писал стихи, слал подарки, даже портрет заказал. Разве что серенады под окнами не пел — она скрывала, где живет.

— Все! Все! Довольно! Уморил! — Адмирал почти сполз со стула под стол и сотрясался от хохота всем телом, держась за стол руками, чтоб совсем не упасть. — Так вот кто был ее полоумным поклонником. Она рассказывала, ей даже польстило немного. Столько внимания. Ой. Все. Щас отдышусь. Расскажу.

Он немного пришел в себя, выпил, затянулся трубкой и пояснил.

— Ирцикра — она людей не любит. Ну... — он просунул указательный палец правой руки в согнутые кольцо безымянный и большой палец левой, — в этом смысле. Вообще никого не любит. Даже я бы сказал, отвращение питает. Ей только симиралла подавай. Помню, в свое время было два крепких абордажника, они ее прижали и хотели, так сказать, — он ухмыльнулся, — порадовать. Да не сдюжили. Сначала она отбила им все естество, а затем, не вру, честное слово, вставила в задницы швабры и отправила драить палубу. Мы их даже пороть не стали за нападение на офицера.

— Н-да, — рассмеялся Реймунд, — нелепо же я выглядел, пытаюсь очаровать ее и

использовать против тебя.

На этот раз Морнис таки грохнулся под стол, еле дыша от хохота.

Алкогольный поединок со старым морским волком. Результат — предсказуем

Домик стоял за городом, но достаточно близко к стенам, чтобы не служить предметом вожделения многочисленных налетчиков рыщущих, по Калистису в поисках легкой добычи. Хотя здесь они скорее нашли бы быструю смерть. Это неприметное кирпичное здание с мансардой и двускатной крышей, крытой красной черепицей, окруженное садиком с молодыми деревцами и прочной каменной стеной в два человеческих роста, облюбовал старый пират, с возрастом сделавшийся еще и философом.

Они сидели в некрупной гостиной, где на стенах прикованные цепями или блестящими скобами висели шпаги, сабли, двуручные мечи и обрывки пыльных знамен:

— Нравится? — проговорил невысокий сухой старик. Он был одет в кожаный колет, просторные полотняные штаны и мягкую домашнюю рубашку, а поверх этого в теплый шерстяной халат. — Все это досталось мне по наследству.

— Наследству? — переспросил Реймунд, оглядывая старое, но явно боевое оружие.

— Ага. От тех ублюдков, которых я прикончил. На моем веку таких было немало. Счет потерял еще на первой сотне. Да и считал я тогда только по пальцам. Тяжело приходилось, — собеседник убийцы был не лишен мужественной красоты — довольное узкое лицо, нос с горбинкой, несколько раз сломанный и выправленный, узкие губы. Острый, но сильный подбородок, с клиновидной бородкой цвета соли с перцем, где соли было много, а перца мало. Острые выдающиеся скулы, впалые щеки, многочисленные морщины и шрамы. Черные с сильной проседью длинные волосы.

— Да, я вижу, ублюдков в мире было немало, — Стург хлебнул золотистого рома из высокого кубка из потемневшего серебра.

— И остается все еще дохрена. Но я изрядно поубавил их количество, — собеседник ощерился, показав черные от табака, рома и редкого ухода зубы, перемежавшиеся с дырками и протезами из драгоценных камней. Его звали Готард ван Док, и агент Альянса пришел сюда, чтобы попытаться выпросить у старика про Адмирала. Но для начала следовало его спойть.

— За уменьшение их числа! — Реймунд поднял кубок, оба выпили, на столе высились четыре непечатых бутылки рома, пятую они уже опустошили в кубки. — И в каких же морях они водились?

— Я боюсь, ты поседеешь, если я захочу перечислить все моря, в которых плавал, — Готард сделал изрядный глоток. — Ты пей, пей, раз уж обещал меня перепить. Я ходил по волнам с самого детства — мальчишкой на отцовском китобое в холодных алмарских землях. Потом моряком на экваториальных судах. Потом матросом на бесчисленном множестве пиратских посудин. Был капитаном, квартирмейстером, абордажником, даже эскадрой один раз командовал, когда больше некому было. Я видел вулканические острова, где вода кипела от жара. Видел райские сады, казавшиеся такими с корабля, и обращавшиеся малярным адом, если ступить на берег. Брал туземные баркасы, каботажные тартаны, ригельвандские люггеры, шваркарасские флейты, алмарские галеоны и амиланийские фрегаты. А также джонки и шебеки. Резал тигринов и пантероидов, мушкетеров и морских пехотинцев, доспешных рыцарей с ногами, разъезжавшимися от качки, и наемников, всю жизнь сражавшихся на воде. Ходил от Хмааларского Султаната до края света на востоке, где рифы и мели, шторма и грозы не дают честным морякам шанса узнать, что там — за

горизонтом. От величественного и грязного Астуритона на Поясе Свободы до амиланийского Моря Туманов, скрывающего их золотые корабли, идущие на север. Я видел столько, сколько иные не увидят и за десять жизней — демонов, древних богов, каннибалов, становившихся втрое сильнее, пожирая сердца врагов. Героев и негодяев. И все они хотели меня угробить...

— За ветер странствий! — поднял тост Стург.

— Выпью, не чокаясь, — ответил ван Док. — Повидав столько разного дерьма на своем веку, я тебе, парень, скажу, как на духу — лучше быть крестьянином или рыбаком, видящим лишь свой берег и полоску моря возле него. Так спокойнее.

В зал вошла полная немолодая женщина, чья крупная грудь еле-еле помещалась в вырезе зеленого платья с лифом и кружевами, на бедрах у нее была лоскутная цветастая юбка, на голове потертый красный платок, а в ушах золотые сережки.

Она забрала опустевшую бутылку и, перед тем как унести, с размаху съездила ей по голове старого пирата.

— Долбоеб! — сказала она, улыбнувшись золотыми зубами. — Если бы не странствия, ты бы меня не встретил!

— И об этом я жалею больше всего на свете! — взревел Готард, хлопнул женщину по заду и опрокинул себе в горло содержимое своего кубка.

Так они беседовали о пиратах, сокровищах, кладах, крови и риске. Незаметно спустился вечер, окрасив закатными цветами слюду на окнах, потом пришла ночь, душная и дождливая. Был конец ихтиониса — зимнего месяца. А наутро Реймунд проснулся с больной головой и дивным послевкусием медвежьей жопы во рту. Старый пират весело сообщил, что Стурга сморило, но он здорово держался. «Давно, — говорил ван Док, — у меня не было такого достойного соперника».

Опохмелившись пивом, раздосадованный агент Альянса удалился, еле волоча ноги. «Заговоренные они все что ли?!»

Квартирмейстер — царь и бог на корабле. А капитан — это капитан

— Готард ван Док — мужик суровый, но справедливый. Он служил квартирмейстером на судне Хармуса Белого Ветра еще когда я только попал туда. И, честно говоря, привязался я к нему много больше, чем к самому старине Хармусу. Хотя может это от того, что он умудрился так рано не сдохнуть.

Прекрасно помню, как он разруливал любую проблему на корабле в мгновение ока. Двое поссорились из-за чарки — неделю пьют напополам, а если поссорятся еще раз — отправлял их вместе на какое-нибудь задание, где надо были прикрывать друг друга. Если возникала драка на корабле, он быстренько разнимал дерущихся и предлагал решать проблемы с ним. Поначалу находились такие, что пытались, но Готард владел, и смею предположить, владеет кортиком как сам дьявол. Главная обязанность квартирмейстера — делить добычу, и он это делал с большой сноровкой. Ни разу за то время, пока я служу, обиженных не оставалось. А вот если какая-то мразь пыталась присвоить лишнего... таких ван Док не щадил, скрысить от товарищей золотишко — последнее дело. Припасы у нас всегда были свежие, вода чистая, даже крысы его боялись, а корабельный кот уважал. Все потому что дядька с детства в море, и моряцкую долю знал крепко. А к людям, хотя это были сволочи и подонки, пираты редко бывает другими, относился бережно. Принимая на корабль матросов, абордажников, канониров, он зорко следил, чтоб не попадалось всякой незаконной гниды, стремящейся мутить воду и обижать тех, с кем еще предстояло драться

бок о бок и идти по волнам на угле челне, откуда деться было некуда. Он предпочитал взять на борт зеленого юнца и обучить его премудростям корабельной службы, чем тащить умелых негодяев, которые будут ждать момента всадить нож в спину. Люди сами шли к нему с проблемами, и Готард всегда выслушивал, помогал делом и советом. Если кто-то начинал страдать херней, он быстро находил управу — заставлял работать или тренироваться, как две смены по вантам посигаешь, вся дурь из мозгов выветривалась.

Помню, был случай, уже на «Воре Удачи», когда ван Док перешел ко мне квартирмейстером, Хармус его сам отправил — волновался за меня, сопляка. Попал к нам парнишка-аристократ — страдал, значит, от неразделенной любви. Все маялся, в бою смерти искал. Так Готард, когда выдались несколько дней поспокойнее с ровным курсом, позвал сначала Сегуна, а потом Беглого, чтобы первый парня ратному делу обучил, а второй тяжести для крепости тела заставил поднимать до изнеможения. Через месяц такой жизни этот аристократик ту шлюху благородную, что его отшила, и помнить забыл. А в первом же abordage так рубился, что я ему премию дал из своей доли. Потом нашел себе деваху из наших abordажниц. Женились даже. А дальше как часто бывает — грустно, повесили их как пиратов, когда в шваркарасском порту осесть решили.

Был еще случай — взяли мы пленного, монаха-норманита. Такой может ночью весь корабль в кладбище превратить, если хотя бы до вилки доберется. Поначалу он раненый лежал, а затем начал о побеге думать, оправился. Готард это смекнул, взял бутылку и пошел к монаху беседовать о пиратстве и богословии. Каждый вечер выходил от него, еле на ногах держась, когда монах уже мертвым сном спал пьяный. И так две недели. В общем, сдюжил норманита — победил, парень даже с нами некоторое время проплавал, в abordage его даже Киншумицу боялся. А потом на берег сошел — долг перед Господом позвал, но на нас зла уже не держал. Убедил его ван Док, что все в жизни не просто так происходит.

Вообще, пьянство квартирмейстера — это отдельная история. Он питием такие подвиги совершал, каких я мечом не делал. Взяли нас как-то в плен пираты с базы Черного Пса. Многих поубивали, остальных повязали. А их капитан — гетербаг, толстый как бочка. Очень, значит, гордился, что любого перепить может. Ван Доку на третий день надоело в трюме сидеть. Он тюремщика позвал и говорит:

— Зови сюда свой пузырь на ножках.

Тот пришел, заревел, плевать начал.

— За что ты меня так позорно величаешь?! — молвит. — Я ж тебя и под килем протянуть могу.

— Это можешь, — соглашается квартирмейстер. — И на куски порезать, и шкуру на ремни пустить. Все, что угодно ты со мной можешь сделать, только перепить не сумеешь.

— Как так, — говорит гетербаг, — тебя, человечешку куцега, чтобы я, Большой Оргонг, перепить не смог? На что спорим?!

— У меня нет ничего — все вы, суки, отобрали, — отвечает Готард. — Могу с тобой только на свою свободу спорить.

Всю ночь они пили. Готард не тока лыка не вязал, даже на ногах не держался. Но гетербаг первым под стол упал. Ну, правда, наш квартирмейстер момент подгадал — они к тому времени уже успели изрядно наших запасов ромовых да винных отведать. Но я считаю, победа честная.

Освободили его. Но мы-то в цепях. Ван Док решил, что не пойдет так. Как этот, значит, Большой Оргонг протрезвел немного, приходит к нему и говорит.

— Раз ты меня освободил, — а про себя улыбається, — сделаю я тебе подарок.

И схрон показывает, с ящиком коньяка шваркарасского столетней выдержки.

А когда здоровяк коньяка половину ящика с командой распробовал, снова пить предложил — на Сегуна. На карачках с утра от капитана ихнего выполз. И дракийца нашего освободил.

Потом взял и второй схрон показал — с настойкой полынной, забористой. Наш Готард — он вообще к зеленому змию был равнодушен и много всяких тайников на корабле с этим делом сваял. А когда Оргонг да люди его, все кроме часовых надстойки, перепились и глюки ловили, они с Киншумицу часовых положили и нас выпустили. А мы злые и трезвые. В общем, всех кого со злости не порубали, потом на берег ссадили. Милосердие оказали. Аккурат возле амиланийской колонии. Так что, чую, поет теперь где-нибудь Оргонг фальцетом и тот абсент вспоминает.

***

Реймунд ошарашено покачал головой. «Так облажаться четыре раза подряд — о таком даже в книжках не пишут».

Враг моего врага не мой друг

Таверна была ветхой и старой, как большинство из тех, что располагались в Пиратском Квартале. Она была сделана из остова старой бригантины, но внутреннее убранство радовало глаз грубым, но самобытным стилем. За стойкой из крупной доски красного дерева стоял высокий, худой старик-бармен, одноглазый и в красном головном платке, расшитом рыбами. Он протирает не первой свежести стаканы, а полки позади стойки ломились от выпивки, которая больше подошла бы королям и герцогам, а не пиратам.

За столами из бочек с круглыми медными дисками на них сидели люди в грязной и эклектичной одежде, пестрой, но зато выполненной из шелка, парчи, замши, бархата и дорогих мехов, с украшениями из золота, серебра и черненой стали.

Двое гетербагов, на плече одного из которых сидел разноцветный попугай, а второй был столь мускулист, что по нему можно были писать анатомический атлас, в углу зала боролись на руках. В другой части зала четверо крепких лысых парней, по виду бывших морпехов, стройная девушка в одежде из хлопка и кожи и невысокий старикан на деревянной ноге соревновались в метании ножей. Они засаживали их в коронованное соломенное чучело в плаще королевских мушкетеров. Девушка выигрывала, всадив сразу два ножа в глаза мишени.

За другими столами пили, играли в карты, рассказывали морские басни и перемывали косточки капитанам.

«Идиллия, черт возьми», — подумал Реймунд, входя через расшатанные двойные дверцы.

Он подошел через зал, особо не привлекая внимания, к стойке, где сидел кряжистый, неплохо сложенный пират с угловатым лицом, изрытым крупными оспинами. Он был одет в кожаную куртку с заклепками из чистого золота, замшевые штаны на шнуровке, ботфорты с рядами некрупных шипов по краям, рядом на стойке покоилась кожаная шляпа.

— Ты Рябой Ник? Капитан «Морского Потрошителя»? — поинтересовался Стург, подойдя и заняв высокий табурет справа от собеседника.

Названный Рябым Ником кивнул, выпил водки из серебряной рюмки и стукнул по стойке намекая бармену, что нужно еще. Затем повернул лицо с толстым носом и злыми глазами к человеку, тревожащему его покой.

— Ты ведь враг Адмирала? — продолжил Реймунд, не замечая сверлящего его мрачного

взгляда.

Снова кивок, порция водки, только что налитая барменом, отправилась в смердящую пасть с неровными, крупными зубами.

— У меня есть к тебе предложение. Очень выгодное. И заодно ты сумеешь расквитаться с Морнисом Легадом, — Стург посмотрел прямо в глаза собеседника. «В гляделки должны играть двое, и я это неплохо умею делать».

Некоторое время померявшись взглядом с назойливым собеседником, Рябой Ник отвернулся, стукнул рюмкой по стойке и промолвил хриплым, пропитым голосом:

— Иди нахуй, — прозвучало вполне однозначно.

***

Была середина ихтиониса, ветер нес с моря холодные брызги, а свинцовые тучи, висевшие низко над городом, постоянно грозили дождем. Палуба «Прекрасной герцогини», большой бригантины, пришвартованной в порту Ахайоса, была шаткой и мокрой, на капитанском мостике не было никого, кроме прославленного капитана Эллезера Свифта Черного и его собеседника. Эллезер был одет со вкусом и шиком, без лишних деталей, в черное — приталенный редингот, застегнутый на два ряда пуговиц из темного серебра, узкие кюлоты, высокие подкованные ботфорты. На лакированной портупее висел корд в стальных ножнах, пара пистолетов с рукоятками, украшенными головами демонов. На голове — узкая треуголка с плюмажем из черных перьев, на шее единственное белое пятно — кружевной шейный платок. Его собеседник был одет в морскую шляпу с высокой тульей и узкими полями, кожаный плащ, такие же жилет и штаны с ремнями, на ногах подвернутые ботфорты, на руках кастетные перчатки.

— Вы обдумали мое предложение? — спросил собеседник, Реймунд Стург, назвавшийся посредником важных лиц по имени Леруа Трэмьен.

— Да, сударь, — ответил Эллезер, густым, сильным баритоном. — И, к сожалению, ничего не могу с этим поделать. Мой ответ — нет.

— Может быть, стоит еще подумать? — голос звучал безэмоционально, но в душе убийца был немного разочарован, похоже, еще один тупик. — Сумма серьезная, к тому же следом за суммой будет принято решение о каперском патенте и командовании крупным рейдом.

Агент Альянса не врал — ему довелось приложить немало усилий, дать множество взяток и в хлам издергать все имеющиеся ниточки влияния, чтобы озвученные условия при любой проверке звучали как правда, каковой почти и являлись. Во всем, кроме последнего пункта, даже Альянс не обладает такими ресурсами влияния в командовании шваркарасских колониальных сил, чтобы дать безродному каперу под командование суда ВМС Вице-Королевства.

— Я бы сказал, что соблазнитель из вас не хуже, чем из прожженного демона, еще немного, — Свифт улыбнулся ровными белыми зубами, — и я бы подумал, что вы действительно демон, подосланный, к примеру, Демоницами. Но я просто не могу вам помочь. А обмануть вас, думаю, было бы весьма опасно. Не примите меня за труса, но это дело, в которое лучше не влезать.

— Но ведь Адмирал ваш давний соперник, и пока он возглавляет Береговое Братство Ахайоса, вы не можете быть уверены в стабильности своего положения, — заметил Реймунд.

— Бесспорно, — согласился Черный. — Но если я ввяжусь в вашу авантюру, я буду уверен. Уверен в том, что сразу после падения Адмирала, а ведь именно это вы планируете,

не отпирайтесь, я не идиот, я стану следующим трупом, болтающимся на рее или кормящим акул.

— У вас будут могущественные союзники, способные обеспечить безопасность... — попытался возразить Стург, но собеседник протестующе поднял руку в кожаной перчатке.

— У Адмирала тоже найдутся могущественные союзники. Но дело не в том, что у него много друзей. И даже не в том, что в его персоне заинтересованно множество сторон, начиная от колониального правительства и заканчивая ригельвандскими шпионами, — пират говорил с печалью в голосе. — Дело в том, что как только я поступлю подобным образом, который вы желаете мне навязать, я совершу подлость за гранью дозволенного. Подлость, которая обрушит один из барьеров, сдерживающих братство от превращения в толпу скотов, режущих друг друга почему зря всеми доступными способами. Я создам прецедент, который в первую очередь затем используют по отношению ко мне, — Свифт покачал головой. — Не хочу жить в страхе за свою жизнь, большем, чем уже есть. Каждое пиратское братство существует на допущениях, компромиссах и той толике порядка, которая отличает нас — природных негодяев, от безумных алчущих крови дикарей. И я не стану способствовать падению нашего.

— Я все же считаю, что вы сгущаете краски, вряд ли Морнис Легад так уж незаменим, — заметил Реймунд.

— Адмирал вполне заменим. Незаменим порядок, который он создал. В этом проекте участвовали мы все. В общем, мой ответ — нет, — Эллезер поежился и решил идти в каюту.

— Что ж, жаль.

«То ли трус, то ли хитрец, скорее, и то, и другое. Похоже, они все хотят падения Адмирала, но никто не хочет быть первым».

— Если передумаете, еще пара дней у вас есть. Вы знаете, где меня найти.

— Не передумаю, — ответил Черный и скрылся за дверью, обшитой дубом.

***

Особняк стоял на холме, на границе между Пиратским Кварталом и районом Банды Трупоедов. Здесь было холодно как в могиле, а само готическое строение скорее напоминало склеп, увеличенный в размерах. Его обитателей тоже, по большей части, нельзя было назвать живыми. Для них даже существовало специальное слово — нежить.

Был конец ихтиониса, на улице был дождь. Но в обширном помещении, драпированном черным бархатом, лишенном окон, зато наполненным декоративными саркофагами, мебелью из черных пород дерева, старыми шипастыми доспехами, мертвыми цветами в изящных вазах и прочими образчиками специфического вкуса его владельца, дождя слышно не было.

В высоком каменном, резном кресле, окруженный тремя полуобнаженными бледными красотками в черных шелках и узких корсетах, напротив Реймунда, не называвшегося на этот раз ни одним именем и пришедшего в этот дом-склеп в черном плаще с капюшоном, скрывающим лицо, расположился хозяин дома. Капитан и большой авторитет среди пиратов-умертвий, Маркос Слуга Заката, был высок, строен, аристократичен, обладал утонченными чертами прекрасного и неподвижного, как карнавальная маска, лица. И длинными, цвета безлунной ночи, волосами, ровными прядями ложившимися по плечам. Он был одет в приталенный сюртук с небольшими отворотными рукавами, узкие бриджи, остроносые сапоги, шелковую, расстегнутую до пояса рубашку, открывающую идеальной формы мускулистую грудь и ровные кубики живота. Одной рукой, с идеальными,

ухоженными ногтями, вампир поглаживал брюнетку-стригу, чья голова покоилась на его коленях. На сжатый кулак второй он положил округлый подбородок, рассматривая своего гостя голодным, звериным взором светящихся пурпурных глаз.

— Если господин позволит мне говорить, — начал Реймунд.

— Господин позволяет, — томный, приятный алыт сопровождался визгливым смехом обсевших умертвие подружек.

— Я сообщу, что прислан сюда группой могущественных существ, заинтересованных в изменении положения дел в Ахайосе, — Стург намеренно использовал безличное обозначение своих мнимых хозяев, чтобы намекнуть на их, возможно, неживое происхождение.

— И что же, — вампир обнажил ровные, некрупные белые зубы, среди которых выделялись крупные, но не монструозные клыки, — твои господа желают от меня?

— Пираты города, — продолжил убийца мертвенным холодным голосом, на его шее, под одеждой, болтался амулет из вороньего черепа, менявший голос, а заодно защищавший носителя от излюбленной вампирской шутки — чтения мыслей, — уже достаточно долго находились под неумелым и глупым человеческим руководством, и мои покровители желают это изменить. И никого, более достойного на роль нового, Темного Адмирала, чем господин, они не видят.

— Тут есть загвоздка, — Маркос убрал с колен голову брюнетки, и после короткой потасовки среди дам, ее место заняла светловолосая навь. — Для того чтобы я стал Адмиралом, даже Темным Адмиралом, требуется убрать нынешнего главу Берегового Братства.

— Это не загвоздка, — почти прошипел Стург, — а лишь небольшая помеха на пути к возвышению. Мои хозяева берутся исправить эту оплошность. При некоторой помощи со стороны господина.

— И о какой помощи идет речь? — голос нежити звучал недобро.

— Мои хозяева обеспечат устранение Адмирала, если господин сумеет немного отвлечь его людей, чуть уменьшить их силы и предоставит помощь в организации ловушки на Морниса Легада. План уже готов, ошибки быть не может, мы уберем вашего соперника. Если господин окажет необходимую, весьма скромную помощь.

На некоторое время повисло напряженное молчание, где-то каркал ворон, низшие вампиры в ногах Слуги Заката начали вести себя тревожно. Их повелитель расхохотался.

— Я хочу убить Адмирала, мечтаю разорвать его сморщенное старое горло, выпустить из него всю кровь, плоть отдать свиньям, а кишками украсить мачты моего корабля. Просто мечтаю, — прошептал вампир. — Он как кость в горле, хуже него только солнце и священники.

— Это значит, что господин согласен? — поинтересовался безэмоциональным голосом Реймунд.

— Это значит, — ответил, очень широко улыбнувшись, Маркос, обнажив зубы, внезапно начавшие превращаться в острые тонкие иглы. — Что я даю тебе тридцать секунд — убраться отсюда. Ты оскорбил меня, пытаясь выставить чьей-то пешкой. И еще больше оскорбил, решив, что я позволю кому-то еще убрать этого старого вонючего гремлима. А теперь беги, человек. Быстро беги.

У стриги выросли крылья, и она зловеще закричала, навь перешла в полуплотское состояние вампирического духа, третья — рыжая вампирша-новиат, отрастила на пальцах

тридцатисантиметровые когти.

— Тише, девочки, — прочавкал вампир клыкастой пастью, — мы дали ему фору. Тридцать. Двадцать девять.

Реймунд немного не успел — особняк оказался настоящим лабиринтом из каменных коридоров и комнат, наполненных всякой декадентской чушью типа вивисектория с мальчиком лет десяти, пристегнутого железными скобами к каменному столу, начисто лишённого кожи, но ещё живого. Библиотеки, населенной призраками, банкетного зала с обнаженными рабами и рабынями с бессмысленными лицами.

Стригу он убил серебряным ножом, загнав его в пылающую яростью глазницу. Навь заставил ретироваться, обдав ее святой водой из фляги. Вампирше просто снес голову уже на пороге особняка.

«Хорошо, что я параноик и ожидал такого исхода — так и во второй раз умереть недолго. Еще один провал».

Часть 5. Глава 3. Мои соперники мне не враги

— С Рябым Ником мы столкнулись, когда я собирал эскадру для большого дела. Этот большой, грубый и чертовски эффективный высерок оказался ценным приобретением. У меня когда-то были большие терки с алмарцами. Я решил закончить дело большим налетом, в котором собирался прикончить одного их инквизитора, очень мне досаждавшего. А заодно раз и навсегда показать южанам, что со мной лучше не связываться. Рябой оказался ценным приобретением, его люди — отъявленные головорезы, научившиеся махать саблями раньше, чем ходить, а сам он — немногословный, прямой и честный. Если ему кто-то не нравился, он просто убивал его. В общем, я собрал три тысячи человек и двадцать кораблей, четверть из них — люди Рябого. Само собой, никто не стал бы впрягаться за мои интересы. Я все устроил очень неглупо — решил накрыть инквизитора, когда он оказался в колонии Алмарского Мейна, где складировали золотишко. Всем должно было хватить.

В общем, мы нагрянули туда, не без труда утопили прибрежную эскадру и разломали три форта. Заняли город и сорвали джек-пот. Но много хороших ребят погибло. В том числе и ребят Рябого Ника. Инквизитора я, кстати, упустил. Но дело не в этом — по правилам полагалось разделить доли погибших среди их наследников из ватаг, есть у нас правила на этот счет. Но были корабли, которые потонули со всем экипажем. По-доброму, надо было отдать их доли семьям или наследникам, оставшимся в Ахайосе или других городах. Но люди Рябого честно сражались и жаждали наживы. Он пришел ко мне и потребовал, чтобы половина от долей погибших перешла к его людям. Я сказал ему: «Хера лысого, только через мой труп!» Ему, похоже, идея понравилась.

Зная, что на саблях мне его не сдюжить, я раззадорил Ника и вызов сделал он. Значит, мне выбирать оружие. Короче, мы стрелялись. Семь выстрелов. Мне прилетело в бедро и порвало плечо. А Рябой получил дырку в брюхо и еще пару более мелких. Видать, духи погибших помогали мне в тот день. Если бы не зелья-регенаторы, которыми запасся мой корабельный медик, Ник бы умер. Но я этого не допустил.

Само собой, мы стали соперниками с тех пор. Но не врагами. Каждый раз, когда нас сводила судьба, мы выясняли все честно — сходились в абордаж, дрались на кортиках, один раз я его и на саблях уделал. Но он говорит, несварение в тот день было. В общем, все всегда было честно. На абордажах погибнуть ни мне, ни ему не случилось. А после — это паскудное дело резать пленных, к тому же готовых дорого выкупить свою свободу. Так и живем до сих пор. Рябого люди уважают, есть у него и деньги, и сторонники, и конфиденты в бандах. Но Адмирал пока я. И если он соберется меня грохнуть, то придет и кинет, так сказать, перчатку в лицо. Ну, вернее, в рожу плюнет и афедроном назовет. Это максимум, на что ты мог разговорить Ника, но вряд ли получил бы профит. Сам понимаешь.

С Эллезером Свифтом Черным мы в свое время тягались за звание Адмирала. Он помоложе был. Но яркий, харизматичный и удачливый. К нему тянулись люди поблагороднее, но их меньшинство. Подлили, бывает, мы с ним друг другу. Он на меня покушение организовывал, я его травил два раза. Но до смерти не получилось, у него есть хороший священник Единого Бога-Жизни в команде — откачал. В общем, дошло у нас с ним до полного мрака в свое время. А потом он сам ко мне пришел. Это когда я его девку похитил и у себя держал. Пришел и говорит:

— Довольно Капитан, — да-да, до того, как стать Адмиралом, меня просто Капитаном

звали, — мы грызем друг другу глотки, а выигрывают от этого только наши враги. Предлагаю перемирие. Пусть победит тот, кого поддержит Братство и пусть поклянется, что не причинит зла проигравшему, став Адмиралом.

— Едри ты в душу, — отвечаю я, — давно бы так!

На том и порешили. И с тех пор друг другу не шkodим. Ссоримся, бывает, по мелочи — он мой приз перехватит, когда успеваает, я ему сделку сорву, когда он этот приз загнать задорого решит. Но не более того. Соперничаем, в общем. Но друг друга уважаем.

Маркос Слуга Заката — отдельная история. Ненавижу его, гниду. И это взаимно. Все ему покоя не дают каперы Королевства Нефритовой Маски — там есть корабли целиком с командой из нежити. И страшнее их только амиланийки с лунным кровотечением. Но Королевство — это держава, там традиции, там люди к этому привыкли, ни у кого отвращения не вызывает.

А меня аж дрожь берет, когда подумаю, что он сделает, если каким-то чудом Адмиралом станет. Нежити в Ахайосе немного, она свое место знает. А если оборзееет с таким командиром, то ее быстро другие банды или правительство изничтожат. А вместе с ними так же и Береговое Братство. Он это, наверное, знает. Но ему шило амбиций покою не дает. Да и меня он ненавидит люто.

Я ему два раза гадил. Первый раз — он захватил небольшой остров туземный и решил там всех в вампиров, кто посмышленей, а кто поплхоее, тех в зомби и прочую нежить, превратить. Мне об этом Колдун рассказал. А Колдуну я крепко должен. Собрал ребятку и нагрязнул туда. Немало душ спас, профита почти не получил, зато, может, в посмертии зачтется. Сорвал, в общем, предприятие. А Маркос насилиу ушел, с остатками команды. И меня, само собой, возненавидел.

Второй раз еще веселее был — нашел он какой-то пятачок в море пустынный. А на пятачке древний курган. Ну и начал его расковыривать, ибо, значит, почуял, что оттуда скверной ему приятной несет. Расковырял бы на свою голову — я потом узнал, это храм древнего некроманта был. Вряд ли то, что оттуда вылезло голодное и злое, стало б со Слугой Заката лясы точить. Тут, как назло, ну, ему назло, я поблизости на «Воре» проходил, ну и накрыл мертвых археологов, врасплох взял. Самого Маркоса поймал и обратно в Ахайос в цепях привез. Он полгода, сука, выкупался.

Почему не убил? Очень просто — Маркос сука, но сука не без мозгов, ему Братство нужно для воплощения своих амбиций, а значит — сильное. Он действует потихоньку, козни плетет, союзников собирает. Реванш готовит. Но меж тем другим безобразничать не дает. Ахайос своим логовом считает и другим таким же ублюдкам расплодиться не дает. Санитарит потихоньку. А оно мне на пользу, ибо, если его сменил такой же, да незнакомый, да безбашенный, будет много хуже.

Слуга Заката обо мне такого же мнения. Пока он адмиралом не стал, я как Адмирал его устраиваю — мы знакомое друг другу зло. К тому же он гордый. Волк-одиночка почти — никому не доверяет и все своими силами свершить хочет. Только хер у него чего выйдет, пока Оксана Череп есть — ее нежить наша местная много больше любит, а он боится. А я е свою очередь Оксаночку люблю и уважаю. Не без взаимности. В общем, так и живем.

Как Эллезер сказал — на допущениях и компромиссах. Если появляется какой-то особый беспредельщик, мы его и давим совместными усилиями. Ибо Братство должно жить, а чтобы оно жило, нужно отсутствие ненависти — со стороны банд, со стороны властей. И надежность нужна — к нам люди даже с других баз стекаются, ибо уверены, что тут их с

добычей не обманут и среди капитанов отъявленных нет. Потому так и выходит — естественный мать его отбор, врагов своих я приканчиваю, а соперников, с которыми правила игры есть, оставляю, чтобы на их место кто похуже не пришел. И они так же поступают. Мы все как скорпионы в банке, но в отличие от скорпионов у нас мозги есть, и иногда ими пользоваться приходится.

В общем, думаю, ты понял, почему у тебя ничего не вышло.

Реймунд только удрученно покивал головой. «Я понял, что кто-то решил меня окончательно подставить, и пора с этим разобраться».

Честная сделка пирата и убийцы

День клонился к концу, за окном, в темноте дождь молотил по крышам и мостовым, фиратонакреш — месяц Поминования Мертвых Кораблей, был одиннадцатым, последним месяцем года — темным и дождливым. На бочке появилась свеча, выхватывавшая из темноты лица, широкое и костистое — Реймунда, узкое, с длинным носом — Адмирала. Разговор затянулся.

Убийца понял, понял все окончательно и бесповоротно. В организации что-то крепко прогнило. Адмирал был целью за гранью возможностей Стурга. За год, два, четыре, Реймунд возможно и сумел бы добраться до цели. Еще не раз успев умереть. Но не срочно, не до конца года, как требовал вкрадчивый и нежный женский голос в голове, отдавая приказ три месяца назад. Кто-то, скорее всего, союзный или состоящий в пресловутом Белом Крыле, которому Реймунд был зачем-то нужен, решил окончательно дискредитировать убийцу, с трудом сумевшего выплыть на прошлом задании. И этот кто-то мог отдавать приказы в организации и подставлять агентов. А значит, Реймунда не убьют. И не оставят в покое. Пока он сам, вопреки всему, не возьмет судьбу в руки. Свою судьбу и судьбу...

— Что ты знаешь о Международном Альянсе? — спросил Стург, пить ром уже не было сил, потому он неторопливо потягивал вересковую трубку.

— Слишком много, пожалуй, — ответил Морнис. — Встречал ваших, однажды или дважды. Но раньше не ссорился. Все эти ваши секреты, тайны, замена имен и лиц... Жизнь крысы или змеи. Я бы так не смог. Целая организация змей и крыс. Уж не обижайся. А смешнее всего — то, как вы ко всему этому относитесь. Неуловимые Джо, решили, что кому-то нужны и превратили это в религию. Уродуете себя с детства и всю жизнь живете уродами.

— Зря спросил, — поморщился агент Альянса, — но все же, согласись, это очень могущественная организация.

— Могущественная и никому не принадлежащая, действующая в своих интересах, но вряд ли эти интересы за лесом секретности, что вы нагородили, видны, — Легад продолжал хлебать ром из круглой кружки. — Меня вообще всегда забавляли всяческие тайные службы, что государственные, что частные, тайные общества, ордена и прочее — наделают на плевков, раздуют в море. Больше шума, чем пользы. А уж гонору-то. Историю делают пушки, а не шпионы.

— К черту, — посмотрел Реймунд прямо в глаза собеседнику, — хватит меня злить. Хреново, знаешь ли, слышать, что вся твоя жизнь — впустую, особенно когда и сам так думаешь, — понурился убийца.

— Ну, так плюнь, пошли их, — Адмирал похлопал Стурга по плечу, — у меня найдется место в команде для хорошего бойца.

— У меня к тебе другое предложение, — улыбнулся через силу Реймунд.

— Заинтриговал, — подначил его пират.

— Мне пригодилась бы твоя помощь, а тебе все равно понадобится защита от Альянса лучшая, чем со стороны друзей и общества, — Стург затянулся трубкой и выпустил густой клуб черного дыма. — Когда имперсонатор Альянса проваливается, посылают боевика — тварь, которая порвет и твоего боцмана, и твоего дракийца, и тебя вместе с ними.

— Даже так, — совершенно не испугался Адмирал, — а чего сразу не послали?

— Это слишком заметно, — ответил Реймунд честно.

— А-а-а, — протянул пират, — забыл — у вас же везде секреты и полная тайна взносов. Ладно, выкладывай, что у тебя на уме?

— Догадливый старикан, — сказал убийца, снова взглянув в глаза собеседника. — Думаю, ты понимаешь — Альянс существует не только на секретности, мы, как и ваше Береговое Братство, существуем на допущениях и компромиссах. Пока мы не слишком вмешиваемся в политику, работаем на всех, кто платит достаточно, не слишком светимся и не убиваем действительно важных фигур типа королей без наследников и гениальных республиканских канцлеров. Нас терпят, не любят, но используют. Само собой, мы не сдюжим против разведок всех стран, даже одной, но упорной не сдюжим. Нас мало, и цели наши состоят совершенно не в этом. Но кто-то в Альянсе, похоже, считает иначе. Этот кто-то, назовем его беспредельщиком, подставляет агентов и перетягивает на свою сторону лживыми посулами, используя тех, кто уже повелся. И, подозреваю, это делается ради каких-то амбициозных целей, вряд ли полезных для безопасности Альянса, даже губительных. Я считаю необходимым узнать, как далеко это Белое Крыло, как они себя именуют...

— Романтично, — рассмеялся Адмирал.

— Простерлось над Альянсом. А также ради чего все это. Подозреваю, что пострадает не только моя организация, но и многие другие, против кого будут использовать ее мощь. В общем, — Стург развел руками, — видишь сам, дело серьезное. И, судя по всему, тебя тоже касается.

— Договаривай уже, — поторопил Морнис.

— Что договаривать? — озадаченно поинтересовался Реймунд.

— Дурочку из себя не строй, — отмахнулся пират.

— Ясно, — кивнул Стург. — Да, меня тоже подставили. И поскольку я тебя не убил — за мной начнется охота, как «здоровой» части Альянса, так и «пораженной» Белым Крылом. В общем, это личное.

— Другой разговор, — Адмирал показал в улыбке свои несвежие зубы, — теперь у меня есть повод тебе помогать — всегда не любил миссионалистов. А личное — это мне понятно и доступно. Только откуда мне знать, что это не твоя уловка в попытке меня прикончить?

— Я тебе дам залог своей лояльности, — с готовностью ответил Реймунд. — Только поклянись беречь его.

— Клясться не буду. Но слово Адмирала даю, — подтвердил Легад. — По рукам!

Десять шагов

Плащ Реймунда развевал ветер, Морской Бульвар был безлюден — холодная погода и непрекращающийся ливень прогнали с него даже самых стойких гуляк. Он ждал ее уже час и совершенно не испытал радости, когда тигрица появилась, облаченная в черный плащ из стеганой кожи, с глубоким капюшоном и рядами мелких лезвий по всей нижней части, под плащом у нее была лишь кожаная жилетка, зашнурованная на груди, и юбка, обтягивающая бедра, тоже из кожи.

— Ты не справился, — сказала она с десяти шагов, ступая медленно и плавно, будто

гипнотизируя жертву на охоте.

— У меня не было шансов, и ты это прекрасно знаешь, — ответил Стург, оставаясь на месте. Дождь заливал его плащ и шляпу, но он упорно стоял, повернувшись лицом к ветру, глядя на свинцовые воды штормового моря. «Мы ведь были вместе с детства».

— Ты должен был стараться лучше. Шансов была масса. В конце концов, мог разок погибнуть, не велика потеря, задание — важнее, — тигрица сделала еще шаг.

— Умирать больно, Бэгрис, — ответил Реймунд, не глядя на нее. — Ты сама это прекрасно знаешь. К тому же, один раз я умер.

«И его мы тоже убили Бэгрис. Вместе».

— Видимо, этого оказалась недостаточно, — сказала она, приближаясь. Осталось семь шагов.

— Тебя используют, подруга, а меня подставляют. Перестань обвинять меня там, где нет моей вины, — дождевая вода заливала лоб, глаза, текла по щекам, как будто убийца плакал. «Помнишь шпиль? Нет, ты говорила, ты помнишь землю пустыря».

— А ты не говори о том, чего не знаешь, — ответила она немного раздраженно, на самом краешке допустимого. — Если бы ты все сделал как нужно, — еще шаг, — то мы поговорили бы обо всем серьезно.

— Поговорили о чем? О твоём кукловоде? О том, почему моя сильная, независимая знакомая, ведет себя как щенок на поводке, гавкая по команде? — Реймунд облокотился о скользкий парапет. «Наш первый поцелуй. До сих пор самый сладкий».

— О том, чего ни в коем случае нельзя рассказывать, если ты еще не уверен, на чьей ты стороне, — ответила Бэгрис, делая пятый шаг. — О том, что важнее меня, тебя, Альянса и твоих странных неизвестно откуда взявшихся принципов, — похоже, сравнение со щенком ее разозлило.

— А может быть, тебя лишь убедили в этом? Может быть, ты мечешься по чьей-то воле в пустоте, не понимая, что и для кого делаешь? — спросил он бесстрастно. «И первый секс. Самый кровавый в моей жизни. Чертовы когти».

— Истину и ложь, причем внушенную себе самому, путаешь здесь ты. Подумай хорошенько. Ты ухватил нить событий, но, не осознавая ни масштабов, ни целей, мучаешь себя бессмысленными подозрениями, — четвертый шаг.

— Я собираюсь выяснить истину. Я обязательно узнаю, что стоит за этим вашим Белым Крылом и почему меня решили в это впутать. Но чьей-то пешкой быть не собираюсь, — Стург говорил несколько более раздраженно, чем собирался. «И я узнаю, кто встал на пути нашей уродливой дружбы».

— Истина в том, что я, знающая тебя с самого детства, и известная тебе, возможно, импульсивной, но не глупой, предлагаю сделать выбор между попыткой ухватить тень от свечи и здравым смыслом. Если бы это было не важно — думаешь, я стала бы рисковать? Я — ценящая жизнь много сильнее большинства живущих, умеющая ощущать ее горячее дыхание, — и шаг. Легкая, изящная, соблазнительная и прекрасная, смертельно опасная тигрица или мокрая кошка в плаще.

— Может, ты не такая умная, как о себе думаешь? Или задаешь недостаточно вопросов? Похоже, тебя дважды обдурили. Один раз — заставив делать глупости, второй раз — убедив в значимости этих глупостей? — он содрогался всем телом, от холода или от опасности, но не двигался с места. «Я бинтовал твои раны».

— Пора одуматься, Реймунд, — зеленые глаза сузились. — Будь пайнкой и перестань

меня обижать, — два шага.

— Слишком поздно, — грустно сказал он. — Десять — слишком мало.

«А ты зализывала мои».

— Может, ты и прав, — она мгновенно преодолела мизерное расстояние, разделявшее их, крутанув в воздухе плащом.

«Как страшно умирать от твоей руки».

Реймунд понял, что не успеет — ему не удалось ни сбить, ни вывести из себя тигрицу, значит, шансов в бою не было. Он предпринял последний доступный шаг — бросился с Морского Бульвара вниз, в пенящиеся волны штормового моря, разбивающегося о скалы. Но тигрица оказалась быстрее, она рубанула плащом по горлу и бритвенно-острые лезвия разрубили плоть Стурга до кости. Оставляя в воздухе алый шлейф, тело, кувыркаясь, полетело с обрыва, постепенно распадаясь серебристым прахом.

«Мы любили друг друга. Или я любил за двоих?»

Реймунд Стург умер.

Бэгрис, тяжело вздохнув, бросила на камни бульвара амулет с бриллиантовыми сердечками в окантовке из черной серебряной проволоки. Их было десять. Вот-вот должно было стать девять.

Ничего не произошло. Тигрица выругалась.

Заключение. Покидая Ахайос

Двадцатипушечный корвет «Элиза», флагман Адмирала, покидал порт, увлекаемый на свободную воду лодками-буксирами. Матросы карабкались по вантам, готовясь ставить паруса, палуба была блестящей от воды, изливающейся с небес, а мокрые снасти казались темными и мрачными. Тирган Беглый привычно орал на личный состав, заставляя их работать быстрее, пираты, в свою очередь, привычно работали так, как успевали, а дело свое они знали хорошо. Нелюдимый Киншумицу Сегун полировал бархатным обрезком лезвие топора, сидя под навесом у борта, в районе шканцев. Ирцикра Ведьма в рубке прокладывала по новым, хрустящим картам курс. А сам Морнис Легад препирался со своим живым, демоническим штурвалом — конструкцией из темного металла, шипов и сгустка мизантропии. Совершенно непонятно как он об него не порезался, не укололся и почему не выкинул за борт.

— А я говорю — не надо было его брать! Нихрена хорошего из этого не выйдет, — скрипел штурвал противным писклявым голоском.

— Тебя забыл спросить, железяка. Может, ты мне еще станешь указывать, куда корабль вести? — огрызался Адмирал.

«Элиза» медленно выходила из порта, путешествие под злыми ветрами и дождями фиратонакреша в штормовом зимнем море было не лучшей идеей, но другого выбора все равно, похоже, не было. Стоя на капитанском мостике, Реймунд устало потирал горло, второй рукой держась за фальшборт. Его терзали мрачные мысли, которые всегда приходят в голову, когда решаешь что-то круто изменить в своей жизни. Тем более, когда это может стоить тебе жизни.

«Умирать больно, тяжело и противно. Я думаю, я должен тебе, Бэгрис. Ты убедила меня решиться. Все могло бы быть иначе. Не попытайся ты меня обмануть... Я был близок принять твои аморфные аргументы. Лишь бы не сражаться с тобой. Впрочем, теперь это достояние истории и моря. Идея с фальшивым амулетом была не так уж плоха — ты стала меня недооценивать. Я был много должен Хитрюге, надеюсь, расплатился. Во всяком

случае, золота оставил столько... Ей хватит надолго, если захочет, может даже попытаться стать королевой воров или как там звучит титул главы квартала. В любом случае, я честно возместил пару часов панического страха и пару царапин. А взамен она навела нашу милашку Бэг на ложную квартиру, где был амулет о десяти сердечках. Надо было за мной лучше следить, кошечка. Один раз я уже умер. Вон мой убийца сидит, топор полирует и совершенно не волнуется о произошедшем.

А настоящий амулет уже был у Адмирала. Противное чувство — просыпаться в каюте корабля. Над морем все колдовство работает хреново. До сих пор даже говорить нормально не могу. Зато он мне поверил. Надеюсь, и я могу ему верить. В конце концов, эти рассказы о честности, любви и дружбе, из уст пирата... звучат преувеличенно. Но, как говорится, друг познается в беде».

Мысли вновь и вновь возвращались к Хитрюге. Нет, Энкелане. Она любила его? Или это просто благодарность несостоявшейся жертвы? Он пылал к ней живым и сильным чувством? Или это просто химия момента? Теперь уже не важно. Все это оставалось за бортом, вместе с вечным и проклятым Городом Банд. Он поступил с ней так, как должен был. Реймунд никогда не любил лишних жертв. А сейчас и впредь, хуже, чем раньше, все, кто становился ему дорог, все, к кому он мог бы привязаться, и мерзее прочего — все, кого он мог полюбить, они все сразу же попадали в список Мрачного Жнеца. В список целей для пыток и последующего устранения. А Реймунд не считал себя или свою любовь важнее чьей-то жизни. Он поступил как должно. Она поймет. А он, наверное, со временем простит себя.

«Наверное, и к лучшему сейчас, что единственная, пусть и бывшая моя любовь стала моим охотником. Ее хотя бы никто не убьет. И уже используют против меня. Хватит думать. Все прахом. Будь, что будет».

Реймунд похлопал себя по карману, где лежал амулет с его жизнями — Стург еще не решил, куда его положить. Он ушел из Ахайоса, умерев пару раз, закрыв все счета. Потеряв подругу и найдя новую. Потеряв работу и найдя горстку принципов вкупе с жизненной целью. В общем-то — не так уж плохо. Теперь Реймунда Стурга ждал долгий путь — разобраться в целях Белого Крыла, узнать, как далеко они проникли в Альянсе, решить, что делать с организаторами. Для этого мало быть успешным убийцей, приходило время стать кем-то большим. А пока Реймунд Стург, агент Международного Альянса, уже бывший, больной и раздавленный, мокрый и злой, покидал Ахайос, Город Банд, направляясь к другим берегам.

— Так куда курс держим, кстати? — поинтересовался Морнис Легад.

— Дай мне прийти в себя, подзабыть шепот могилы, и собраться с мыслями. Тогда и отвечу, — прохрипел почти шепотом Реймунд.

Пират ухмыльнулся и кивнул.

Сон в месяц Поминовения Мертвых Кораблей

Перед ним расстилалось море. Безбрежное, с тяжелыми, стальными волнами море. И чистый, но чуть сероватый горизонт, на грани видимости соединяющийся с водяными горами.

Тьма была за спиной. Тьма с фиолетовыми глазами. Она была довольна.

— Ты сделал первый шаг к свободе, — спокойно заметил голос.

— Какое дивное чувство, — ответил Реймунд. Горло не болело. — Я думал, ты оставишь меня в покое.

— Нам рано прощаться, — смеялась тьма, смеялась среди шума волн, — мы все еще

нужны друг другу. К тому же, ты радуешь меня — до самого конца не было уверенности, что поступишь так, как должен.

— Я больше ничего и никому не должен, — Стург был спокоен и уверен в себе.

— И для чего тогда тебе Белое Крыло? — голос тьмы был теплым и спокойным. Как ветер над этим морем.

— Чтобы сохранить свою свободу, надо бороться, — пожал плечами убийца, — Крыло и Альянс. Они так просто не отпустят меня. Значит, я заставлю их смириться.

— Будет тяжело, — заметил голос.

— Не ты ли убеждал меня в том, что это необходимо? — улыбнулся самому себе Стург. — Уже отказываешься?

— Нет. Но позволь дать тебе совет — начти с тех, кто был ближе всего к тебе, — произнесла тьма. — Они приведут тебя дальше. И еще не забывай — в этом мире, в каждой судьбе, все связано. И прошлое может оказаться полезным в грядущем.

— Опять какой-то бред и провокация, — ответил Реймунд. — Но я учту твои лживые посулы, мой бесплотный друг.

Библиотека Хранителей Знаний. Персональный архив. Адмирал Морнис Легад Пиратское ремесло — лучшее ремесло

Дамы и господа, леди и джентльмены, подонки, мрази, негодяи, головорезы и сволочи всех мастей! Чем же так привлекательно пиратское ремесло? Ответ прост — свободой. Между пиратом и разбойником большая разница! Разбойник живет на суше, прячется где-нибудь в лесу и обижает несчастных прохожих. Максимум что ему грозит — быть повешенным властями того государства, в котором происходит дело. Пират на прекрасных кораблях бороздит моря, смело бросается навстречу приключениям, ищет добычу и риск. За ним охотится, без преувеличения, весь мир, а не какой-то сраный районный полицмейстер. Ощущаете размах?

Чем пират отличается от наемника — оба они обладают полезными навыками, военными и бытовыми, разбираются в сотне всяческих нужных вещей и умеют постоять за свою жизнь. Но наемник работает за деньги на того, у кого эти деньги есть — а значит, на толстого, лысого, заносчивого сукина сына, который, обладая желтыми кругляшками, считает себя вправе приказывать здоровому, сильному мужику или леди, такое в наших кругах тоже не редкость, способному разорвать этот бурдюк надменности напополам голыми руками.

Пират никому не кланяется, он берет, что пожелает. Не что повезет, как разбойник, не что дадут, как наемник, а что пожелает. Корабль, знание морского ремесла и немного мозгов позволяют вести вольную жизнь по своим собственным законам. Отбирать у толстосумов несправедливо нажитое, отдавать его бедным — а кто назовет портовую шлюху или кабатчика богатым? А главное, ремесло пирата позволяет жить в свое удовольствие, не гнуть спину на чужого дядю, а вместе с братьями и сестрами — такими же молодцами и молодницами, отправляться на поиски просто морского счастья, разделять тяготы жизни и частые триумфы. Только пираты чувствуют себя на равных и с капитаном, и с квартирмейстером. Ибо все они — одно большое братство, где командиров назначают не пожизненно, а тогда, когда они нужны — в бою и в плавании, а все остальное время это — твои друзья и товарищи. А если задирают нос, то можно по нему и съездить.

Опять же, дружба. Любой пират знает: на полоске дерева, посреди бушующего океана, предоставленные воле ветров и волн, вы либо становитесь с ближним благорасположены

друг к другу, либо опускаетесь на корм к акулам по собственной же глупости.

А если взглянуть шире — все становится кристально ясно. Все земли захватили короли, императоры, султаны, патриции, архиепископы и прочие губернаторы. За любой клочок суши с тебя будут драть налоги и заставлять жить по чужим законам. И только в море, где нет их власти, есть лишь корабли и пушки, паруса и ветер. Где все их законы столь же зыбки как толща океана ниже киля. Где ты можешь отправиться, куда пожелаешь, без поштин и запретов. И взять, что пожелаешь, если найдешь в себе силы.

Только в море человек может чувствовать себя на самом деле свободным, черт возьми! И только пират имеет силы и средства бороться за эту свободу со всякой мразью, желающей эту свободу отнять! В общем, за свободу!

Длинные тосты, записанные на спинке кровати. Морнис Легад, Адмирал. 810 год от о. А.И.

«Хочешь быть богатым — становись чиновником. Хочешь быть свободным — иди в пираты».

Адмирал

«Самый богатый пират — мертвый пират. Он не тратит добычу на трах и выпивку».

Оксана Череп

«Наши дети превзойдут отцов. А правнуки все равно все прогадят».

Хармус Белый Ветер

«Команда должна считать, что у тебя член во-о-от такой вот и яйца как колокола звенят. Особенно если ты женщина».

Квартирмейстер Анри-Фелис де Энфаар

«Жестокий пират быстро богатеет и мало живет. Милосердный — живет долго, но работает на свою благородную бедность».

Капитан Эдгар Рассветный

«Пиратство — самая романтическая маска вселенской злобы».

Капитан Клоун

«Нас уравниют море, порох, паруса и ветер».

Навигатор и капитан Весара Шторм

Библиотека Клана Вечности. Словарь терминов и определений

Библиотека Клана Вечности

Словарь терминов и определений

Общие сведения

(Информация приводится из дракийского учебника по географии для младших классов)

Планета?! покрыта на 85 % водой, суша тут представляет взаимосвязанную и не слишком сеть архипелагов и отдельно стоящих крупных островов, между которыми курсируют корабли. В водах планеты обитают разнообразные злобные твари, так что корабли, как правило, весьма хорошо вооружены и прочно скроены. Климат варьируется от тропического до умеренного, лед лежит только на полюсах и нескольких самых южных и самых северных архипелагах. В основном тут тепло, а кое-где весьма жарко. У планеты наличествует два некрупных спутника и протянувшаяся между ними сеть астероидов.

В году 286 дней, 11 месяцев по 26 дней по 5 недель, в которых по 5 дней и одному отдельному праздничному дню в месяце, когда цикл одного из спутников идет на убыль, а второго прибывает. Времена года строятся по следующему принципу: в большей части областей (в первую очередь это касается экваториальных и приэкваториальных областей) наличествует в начале года период засухи и жары, около 2 месяцев, затем период умеренной теплой погоды около 6 месяцев, еще один период засухи в месяц и, наконец, период понижения температуры и частых дождей. В сутках 24 часа.

Окружность по экватору — 24 000 км.

Основные архипелаги:

Экваториальный — протяженность около 15 000 км. Состоит из приблизительно 5000 островов, из которых 35 крупных и плотно заселенных.

Север Западного Полушария — Северный — около 100 крупных островов и 400 мелких.

Юг Восточного полушария — Южный — 130 крупных островов и с 200 мелких.

Календарь (по самой распространенной — Гольвадийской традиции)

Месяцы:

1) **Яркий свет** (начало года, тепло, сухо) — *синтарис*.

Праздник — первый день месяца, Новые Луны (Новый год).

2) **Дыхание Хаас** (жарко, засушливо. Хаас — распространенный божественный образ, бог жары, засухи, пустыни, смерти) — *хаасрис*.

Праздник — первое число месяца, Восшествие Хаас.

3) **Свержение Хаас** (тепло, относительно сухо) — *расхаасис*.

Праздник — Победа Вандора (Вандор — распространенный образ божества тепла света, жизни, плодородия, воинских искусств, первоотца и т. д., в этом месяце он побеждает Хаас, и засуха начинает затухать).

4) **Царство Вандора** (тепло, иногда идут небольшие дожди) — *вандакр*.

Праздник — Царство Вандора (аналогичен отчасти разнообразным праздникам жизни)

и весны, празднуется не только первый день месяца, но и неделю до него).

5) **Томное тепло** (тепло, достаточно влажно) — *орналик*.

Праздник — Праздник молодых лун.

6) **Спокойное море** (тепло, относительно влажно, частые незатяжные дожди) — *мортансарис*.

Праздник — Почитание морских богов.

7) **Восходящие колосья** (тепло, довольно влажно, иногда дождливо) — *рагиталин*.

Праздник — Первый урожай.

8) **Сон Вандора** (тепло, влажно) — *вандратакас*.

Праздник — Траур по Вандору.

9) **Месяц войны** (сухо, жарко) — *гетербагор*.

Праздник — Пир воинов.

10) **Гнев Моря** (дождливо, холодно) — *ихтионис*.

Праздник — Безумие Морских Бесов.

11) **Поминовение Мертвых Кораблей** (ливневые дожди, холодно) — *фиратонакреш*.

Праздник — Поминовение Усопших.

Названия дней недели:

1. *Гартарудел*

2. *Гетерборг*

3. *Кешкашивира*

4. *Хоминич*

5. *Дракийцельвейг*

Солнечная система:

Солнце — **Солейрис**

Первая планета от Солейриса — **Амбисферс**

Вторая — **Химерис**

Третья — (?!)

Четвертая — **Штормаис**

Пятая — **Иллизиус**

Шестая — **Азилус**

Седьмая — **Ленгионис**

Восьмая — **Мистет**

Девятая — **Мрак**

Расы

Великие расы

На планете?! обитает несколько борющихся за доминирование разумных рас:

Люди

Гетербаги

Дракийцы

Симираллы

Кешкашивары

Твари бездонной пучины

Каждая из рас имеет собственные причины успеха и превосходства. Люди — универсализм. Гетербаги — силу и живучесть. Дракийцы — силу и магию, а также разнообразие возможностей организма. Симиаллы — скорость, количество и способность летать. Кешкашивары — древнее черное колдовство. Твари Пучины отмечены ее силой и наделены в разной степени ее могуществом. Гартаруды держат пальму технического превосходства. Ихтионы могут обитать как в воде, так и на суше, к тому же умеют повелевать морем и морскими тварями, пусть и ограниченно.

Физиология высших рас:

Люди — физиология стандартная. Адекватная условиям мира (?!), в том числе его гравитации. Продолжительность жизни до 100 лет стандартная. Статистика снижается за счет случаев насильственной смерти и смерти от болезней. Детство — до 10 лет, подростковый период с 10 до 15, молодость с 15 до 40, средний возраст с 40 до 70, старость — выше 70. Люди умеют создавать богов и использовать их силы посредством священников. В то время как боги прочих рас, хоть и могут подпитываться от веры, все же являются совершенно конкретными существами, которых никто не создавал, они так же могут отвечать на призывы своих жрецов, но по их собственной воле, в то время как людские священники могут брать силу бога самостоятельно.

Гетербаги — гуманоидная структура тела (две руки, две ноги, голова, на голове волосы, кожа гладкая мягкая и т. д.). Средние размеры — приблизительно на треть крупнее человеческих. Так, например — средний рост 2.30(женщина)-2.50(мужчина) м. Средний вес 150(женщина)-200(мужчина) кг. Продвинутое мышечное развитие — количество мышечных волокон, прочность, эластичность мышц выше человеческих усредненных параметров. Чуть выше скорость. Высокие регенеративные способности — заживает как на собаке. Работа органов восприятия приблизительно на человеческом уровне. У расы наличествует склонность к позитивному гигантизму — статистически часто появляются на свет особи, достигающие до 6 метров в высоту, весом не меньше 400 кг. При этом не имеющие особых проблем со здоровьем. Кожа прочнее и толще человеческой. Волосы более жесткие. Интеллектуальные способности и нервная деятельность на человеческом уровне. В среднем чуть хуже память, чуть ниже способность себя контролировать. Фертильность (в данном случае способность и стремление к воспроизводству потомства) в половину, а то и на 3/4 ниже человеческой. Гетербаги менее сексуально активны, у них дольше срок беременности и ниже вероятность забеременеть. При этом детская смертность приблизительно на человеческом уровне — ибо, несмотря на большую живучесть новорожденного, он имеет много шансов погибнуть в состоянии неконтролируемого обращения. Способность к магии у гетербагов так же несколько ниже людской, интерес еще ниже.

На тему способности гетербагов на непродолжительное время увеличиваться в размерах и невероятно повышать свои параметры есть две научные теории.

— Клетки тела Гетербагов способны переходить в состояние быстрого накопления энергии, получаемой из внешней среды. Что приводит к экстремному росту размеров и параметров на непродолжительное время. Затем клетки «сбрасывают» энергию, относительно безопасно переходя в нормальное состояние.

— У гетербагов в организме наличествует дополнительный набор мышц, находящихся в

состоянии перманентного покоя и используемых лишь при особенном нервном напряжении как скрытый резерв организма. Данная версия имеет лишь одну серьезную несообразность — в большинстве случаев увеличившийся гетербаг увеличивает также свой вес.

Есть так же третья, «ненаучная» версия — гетербаги вырабатывают вокруг себя «поле метафизической энергии трансформации», энергия из которого материализуется в случае возникновения какой-либо экстренной ситуации или по контролируемому приказу. Данная энергия и «раздувает» гетербагов. Эта версия, пожалуй, наиболее четко может ответить на вопрос, почему гетербаги могут как раздуваться, так и обращаться в различные монструозные животные формы. Однако истина где-то рядом.

Симираллы — гуманоиды с птичьими крыльями, пригодными для полета, и адаптированной для этого физиологией. Кости симираллов по большей части полые и много более легкие, чем человеческие, мускулатура плечевого пояса, спины, частично пресса и ягодич изменена под нужды управления крыльями. Крылья соответствуют размерам тела в необходимой «полетной» пропорции и зависят от конкретного рода. Помимо наличия крыльев, «птичье» происхождение в них выдает совместное с волосами произрастание перьев на голове, и наличие рудиментного, похожего на верхнюю часть клюва соответствующей роды птицы, выроста, располагающегося над носом. Симираллы много быстрее, ловчее, и проворнее человека, у них лучше реакция. Зрение соответствует птичьему по родам. Остальные группы чувств ближе к человеческим. В то же время физически по большей части они много слабее человека (взрослый симиралл-воитель физически не сильнее 14-летнего человека, занимающегося физкультурой), также у них ниже иммунитет и способность сопротивляться заболеваниям. Полетные способности симираллов много ниже, чем у птиц и так же варьируются от рода. Симираллы живородящие. Фертильность приблизительно соответствует хорошей человеческой.

Симираллы способны на короткое время переводить свое тело в определенную иную форму, это так же у них зависит от дома, к которому они принадлежат — кто-то может гореть как феникс, кто-то может превращаться в ледяного гиганта, кто-то умеет становится тенью.

Переход в состояние энергии — это действие по сути магического характера. Каждый симиралл на несколько секунд способен переходить в состояние энергии, соответствующей его роду, и совершать различные действия. Энергия по сути идентична метафизической магической энергии и заключена в наследственной сущности симиралла. С симираллами стихий в целом все ясно, но есть и другие сущности. Так, например, симираллы рода Орла способны переходить в облик энергии власти, и тогда их приказ, произнесенный в этой форме, фактически невозможно не выполнить. Симиралл Попугая способен переходить в энергию эмоций (по большей части светлых типа смеха) и заставлять окружающих испытывать подобные чувства в удесятеренном масштабе. Переход в энергосущность не слишком долгов, но очень эффективен при разных обстоятельствах.

Ихтионы — гуманоидные создания, приспособленные для существования как на суше, так и в море без особых сложностей. Обитанию в море способствует ряд анатомических особенностей — структура кожи, облегчающая скольжение в воде, наличие жабр и плавательного пузыря. Распределенные по телу, функциональные (но не мешающие при жизни на суше) плавники, дополнительное «рыбье» прозрачное веко на глазах. Специфическая пластика тела, облегчающая плавание. Перепонки на руках и ногах меж

пальцев. Эхолот. Конструкция речевого аппарата, позволяющая издавать звуки под водой и на земле.

В остальном физиология ихтионов сродни человеческой. Живя подолгу на суше или в море, они начинают испытывать дискомфорт морального характера. Физически они адекватны обеим стихиям. Система воспроизводства потомства у ихтионов в целом человеческая (сходная по ряду параметров), но активных яйцеклеток не 1, а до 8, соответственно может быть рождено до 8 (а иногда и больше) детей за раз (дети в утробе развиваются меньше, производятся на свет в своеобразных «икринках» с питательным веществом, где за месяц в воде дорастают до младенческого состояния). Фертильность ихтионов ниже человеческой в силу болезненности и проблемности состояния вынашивая плода для женщин. Кожа у ихтионов имеет различные оттенки синего, плавники радужные, глаза в целом человеческие различных оттенков. Размерами ихтионы соответствуют людям. На суше несколько менее быстры и сильны.

Способности ихтионов — управление морем и его морскими существами. Управление морем — магическая возможность. Морскими же существами ихтионы управляют посредством магии и звуковых сигналов, воспринимаемых морскими животными и даже рыбами и членистоногими как приказ.

Кешкашивары — кешкашивары обладают «двоичной энергофизиологией», по сути, они имеют физическую и нефизическую формы. Физическая форма кешкашивара — гуманоидное создание, несколько более высокое и изящное, чем человек обычно. Не обладает фактически никакими отверстиями на теле — у них нет ртов, носов, ушей, половых органов и системы выделения экскрементов. Ибо все это им не требуется. В физической форме кешкашивары обладают кожным дыханием и разветвленной по организму системой «легочных трубок» (сравнимых с трахеями, но все же более сложно устроенных), распределяющих поступающий через кожу воздух по организму, кровеносной системой, сравнимой с человеческой, органами очистки организма от вредных веществ, много более развитой, чем человеческая, нервной системой, обладающей помимо костного и спинного мозга так же системой «нейроцентров», частично дублирующих функции спинного мозга, ускоряющие и улучшающие процесс контроля организма. И рядом других полезных органов, сравнимых с человеческими, но без системы пищеварения и выделения. Костная система, за исключением указанных особенностей, связанных с прочей физиологией, в целом сравнима с человеческой, кости даже несколько более хрупкие. Лицо (где выделяются яркие, пульсирующие энергией глаза без зрачков и белков) и тело кешкашиваров покрыты пигментными пятнами, напоминающими абстрактную татуировку.

По собственной воле, но не всегда надолго, кешкашивары способны переходить во второе, «истинное» состояние — сущность призрачного или дематериального, энергетического характера. В этом виде они имеют усеянную острыми клыками челюсть, носовые щели, половые органы и ряд других практически полезных атрибутов. В этой форме кешкашивары питаются и размножаются. Процесс размножения происходит как соитие в призрачной форме двух кешкашиваров противоположного пола. Процесс питания происходит за счет поглощения жизненной энергии живых объектов, начиная с растений.

К уникальным способностям кешкашиваров относятся телепатия (основной способ общения, также некоторые могут общаться посредством телекинетических колебаний воздуха, воспроизводящих речь). Способность вкладывать свою энергосуть в иные объекты — живые или когда-то бывшие таковыми, оживляя или подчиняя их, и способность

использовать свою энергетическую структуру для различных сложных энерговоздействий, исполняемых не в виде заклинаний.

Нормальный кешкашивар способен находиться в энергетическом состоянии только когда питается или спаривается, однако тренировка позволяет находиться в этой ипостаси много дольше и продуктивней.

Гартаруды — гуманоиды с дополнительной парой верхних конечностей. Гуманоидность гартарудов достаточно относительна, начиная с внешнего вида. Гипертрофированная нижняя челюсть, выступающая вперед, два ряда по три рогов на голове, жесткие, более похожие на щетину волосы. Глаза с вертикальным зрачком. Две пары рук. Нижние конечности с развернутыми коленями, напоминая собачьи или, скорее, ноги хищных динозавров. И наконец, основное — совершенно иное строение мозга и иное распределение мозговых ресурсов. Это то многое, что отличает гартарудов от людей. Роднит же их кровеносная система, система пищеварения, системы выделения и воспроизводства. Вторая пара рук гартарудов является еще одним плечевым поясом, образуя на спине существ небольшой горб. Руки крепятся чуть позади сообразно креплению верхней пары. Зубы гартарудов — это четыре клыка и 6 пластин. У гартарудов математическое, аналитическое сознание и они страдают некоторым недостатком фантазии в абстрактных и творческих областях. Фактически не создают нематериальной культуры абстрактного или неупорядоченного характера. Воспроизводство гартарудов приблизительно сравнимо с человеческим. Но более систематизировано, и потому менее эффективно.

Способность гартарудов — восприятие интегрируемых в организм объектов без отторжения, механические импланты и даже живые чужеродные органы гартаруд может прирастить себе и использовать как родные. При этом процесс контролируется. То есть, случайные приращения, например, засевшего в гартаруде топора невозможны без воли хозяина. Регенеративные способности гартарудов в целом находятся на человеческом уровне.

Дракийцы — происходят от древних драконов нескольких родов, и каждый род имеет собственные уникальные свойства: некоторые умеют летать, некоторые изрыгают пламя, некоторые подчиняют других живых существ силой разума. Физиология дракийцев так же зависит от рода. Представители разных кланов имеют совершенно отличающиеся внешний облик и внутреннее строение. Общей физиологией в широком смысле обладают лишь низшие дракийцы, являющиеся антропоморфными ящерами, с прочной чешуей, челюстью с острыми зубами, хвостом, динозаврообразными нижними конечностями и шипами на хребте, при этом цвет их чешуи, глаз и шипов (роговых наростов) варьируется в зависимости от клана.

Твари Пучины — все без исключения могут заражать хаосом пучины прочие создания, увеличивая тем самым армию обращенных. Сильная воля, впрочем, легко позволяет бороться с этим хаосом и изгонять искажения прочь. Тварью Пучины может стать любое живое существо, подвергшееся искажению хаоса. Общими особенностями их внешности становятся внешние и внутренние хаотические изменения, делающие их плотью от плоти моря, что породило их — они обрастают ракушками и водорослями, начинают походить на рыб, осьминогов, крабов. Но на самом деле невозможно описать тот ужас, что несет с собой искажение, невозможно подобрать слова для тех отвратных форм, что принимают существа, воспринявшие хаос в себя, нет ни методов, ни смысла пытаться рассказать о вещах, недоступных для неизвращенного сознания. Оно и к лучшему.

Прочие расы

Прочие расы мира?! делятся на анималистические расы и малые расы.

Малые расы — это расы существ, которые могут обладать самым разнообразным внешним видом и внешним строением, но при этом каждая малая раса обладает какой-либо уникальной особенностью, не столь мощной, как у Великих рас, но все же позволяющей ей бороться за место под солнцем мира?!.

Анималистические расы — это многочисленные расы мира?! обладающие животными (анималистическими) и антропоморфными чертами. Делятся на старших — с преобладающими анималистическими чертами. Малых — с уравновешенными чертами. И ублюдочных/человекообразных — имеющих превосходящие человеческие черты.

Государства

Амилания — человеческое государство на севере восточного полушария. Первобытный матриархат тут перешел в матриархат более современного типа. Государственный строй тут можно охарактеризовать как централизованную матриархальную монархию. Правит Королева и Совет Леди — представительниц высших аристократических родов государства. Каждая Леди возглавляет собственный аристократический клан, составляющий высшую элиту государства. Мужчины в государстве находятся на правах рабов и, по-хорошему, даже не рабов, а производителей. Право собственности на мужчин, а также обязанность деторождения является одной из центральных основ социального расслоения в государстве. По признаку деторождения можно выделить несколько сословий: сословие рожаящих — низший класс общества, как правило, это женщины, способные к легкому деторождению, они за плату рожают для других амиланиек, вступая в соитие с мужчинами из «мужских загонов» и передавая рожденных детей в семьи заказчиков (естественно, только девочек, мальчиков отправляют в «загоны»). Между беременностями эти женщины работают на легких производствах, в качестве прислуги, на торговле вразнос и т. д. — в общем, на работах, не требующих чрезмерных физических нагрузок. Далее идут крестьяне, рыбаки, охотницы, в общем, сословие «производителей пищи», женщинам из этого сословия позволяется так же, буде у них возникает такая потребность, рожать детей, а общине дозволяется содержать от одного до трех «загонов для мужчин» для обеспечения потребностей общины. Также на особом месте в плане деторождения находятся храмовые и монастырские общины — тут статусно рожаящие женщины могут находиться в разном почете, но так или иначе, они составляют отдельный случай в рамках храмов.

Также на отдельном счету находятся рожаящие женщины в Высшей аристократии. Это уникальная общественная ситуация — каждая женщина из высшего рода имеет право вступить в соитие с мужчиной, при этом в каждом роду разное отношение к этому действию. Так или иначе, каждый род отдельно содержит при себе рабов-мужчин (некоторые водят их за собой на цепи, некоторые используют как посудомоек, некоторые муштруют верных телохранителей).

Сословия торговцев, ремесленников, городских мещан, государственных служащих, низшей служивой аристократии и тому подобная средняя и начальная высшая прослойка используют для деторождения услуги «рожающих».

Есть и крайне отдельный случай общественных институтов, никак с мужчинами не соприкасающихся — это Армия, Флот (в том числе и женщины-моряки гражданского флота), Орденские Образования и Конклав Магесс (как и жреческие общины, являющийся

параллельной иерархией общества).

В этих четырех образованиях девочки с детства воспитываются в разнонаправленных, но жестких условиях дисциплины, суровой женской дружбы и верности долгу. Это тоже общинный принцип, но возведенный в некий тоталитарный абсолютизм, кроме всего прочего здесь также наличествует ситуация изменения генетики и восприятия окружающего мира посредством религиозных и магических ритуалов.

Государство в комплексе с учетом вышеозначенного управляется Королевой, Советом Леди, Советом Богоизбранных Матерей, Высшим Консулом Конклава, Верховной Воительницей, Сестрой Адмиралом, главами Гильдий и Орденов. Таким образом, наличествует формально возглавляемая Королевой многополярная система власти.

Религией Амилании является культ Великой Матери с различными производными.

Расовый состав Амилании достаточно широк, но преобладают люди.

Ригельвандо — государство на Западной оконечности Архипелага Гольвадия. Государственный строй — торговая республика. Государство управляется и регулируется главами гильдий, крупных цеховых предприятий, торговых компаний, отдельных купцов, олигархов и т. д. Высшим управляющим органом является Ригельсберме — парламентская организация, в которой представлены интересы различных слоев общества и влиятельных партий. Всего в Ригельсберме входит 129 человек, имеющих статус ригельпатриция. Ригельсберме избирает и утверждает приватпатриция, председательствующего в данном парламенте и осуществляющего координацию законодательной власти. Дивалпатриция — главу исполнительной власти, собирающего кабинет министров из ригельпатрициев. Крейгепатриция — формирующего судебную власть, назначающего и координирующего деятельность судей. И, наконец, Генерала-патриция — главу армии и флота. В государстве наличествует принцип гражданства по имущественную цензу и факту проживания, гражданин имеет множество прав и обязанностей, несет полное налоговое бремя и имеет право стать ригельпатрицием. Ценз актуален как для мужчин, так и для женщин, но для женщин ценз в 1,5 раза выше.

Шваркарас — административная монархия. Правит династия Голенгардов, король имеет при себе кабинет министров, назначаемый им из представителей аристократии, приближенной к трону. Города имеют частичное самоуправление. Армия формируется из наемных королевских войск, наемных и вассальных войск аристократов, имеющих право на знамя, и городских ополчений. Флот — примерно таким же манером. Параллельной иерархией в государстве являются Церковь, не единая, официально возглавляемая Королем, разделенная на множество храмов и орденов. И две соперничающих гильдии — Гильдия Магов и Гильдия Колдунов. Эти три института имеют высокий уровень автономии от государственной власти, но в их структуру входят прокуроры от короля.

Гилемо Антарий — магократия, в которой правит Аструм Примарис, большой совет магов государства. В него входят все маги государства, достигшие определенного уровня развития и сдавшие соответствующие экзамены. Председательствуют в нем по очереди с циклом в 13 лет главы Великих магических Школ Гилемо.

Эллумис — федеративная полисная союзная демократия. Государство является союзным интегрированным объединением городов-государств, расположившихся на близко стоящих друг к другу островах. В каждом городе наличествует варьирующаяся демократия и определенный высокий уровень самоуправления и автономии. Общее координационное и

законодательное управление осуществляет Тиранис — совет правителей этих полисов. Каждые 5 лет Тиранис выбирает Убердемократа — первого среди равных председателя правительства и человека, управляющего всеми федеральными органами и институтами Эллумиса. Параллельно Тиранису действует Литиман — совещательно-координационный орган власти, составленный представителями религиозных учреждений Эллумиса.

Герои́ка — уникальный случай социально-мистического эксперимента. Государство построено на принципе культа личности, а его правители являются полубогами, по причине того, что вера народа Героики концентрируется на них. Государство управляется горсткой эпических героев, в одиночку способных справиться если не с армией, то с большим военным отрядом. Герои делятся на великих и малых. Великих около 50–70 человек, это правители государства, гении и великие воители. И еще около 300 малых героев, это дети Великих или же просто менее одаренные верой личности. Каждый герой обладает уникальными свойствами и является специалистом в той или иной области. Из великих Героев каждые 10 лет избирается Первый Герой, который становится правителем государства на следующие 10 лет.

Великие Герои обитают каждый в своем небольшом городе, в котором с ним обитает его паства и его слуги. Малые могут быть учениками Великих либо же жить в больших городах, некоторое количество которых в Героике наличествует. Никакой армии, кроме героев, государство не имеет, впрочем, социальное расслоение в государстве наличествует только по принципу занятий и материального благополучия, никакой аристократии, кроме героев, не существует. Нет так же и церквей героев, им поклоняются в храмах (как правило, находящихся в городах героев) и святилищах больших городов.

Гартарудокий — страна гартарудов. Одна из двух, существующих в мире. Колыбель их цивилизации. Приблизительно государство можно назвать технократией — правителем является Верховный Инженер. Ниже его в иерархии, имеющей академический фактически принцип роста (за заслуги, открытия и выслугу), находятся Управляющие Цехов и Исследовательских Отделов. Параллельной иерархией является Академия с возглавляющим ее Ректором и идущими ниже Деканами Факультетов. Общество гартарудов технически весьма развито, организационно весьма структурировано и бюрократично. В то же время в нем мало внимания уделяется мирскому — при ударных темпах производства и объемах продукции, нет централизованной и государственно контролируемой системы сбыта и даже пошлин и таможи, каждый цех и факультет сам отвечает за вопросы собственного экономического регулирования. Также есть проблемы с медициной и реакцией на политические вызовы, все это делает это общество весьма уязвимым. Весьма слабо развита любая магия, кроме артификализма и алхимии. Полностью отсутствует религия. С другой стороны, это общество весьма демократично — нет аристократов, нет принципа богатства, есть лишь постепенно изменяющееся место в иерархии. В области военного дела гартаруды весьма развиты, наличествует регулярная армия, флот, централизованно управляющиеся системы защиты островов и военная разведка, в том числе следящая за ограничением использования технических устройств гартарудов в других государствах.

Сетрафия — своеобразная бюрократически-административная магократия. В этом государстве правят числа, знаки и символы. Каждый гражданин имеет свое число, знак и символ, удостоверяющий его гражданское положение, уровень возможностей и права в государстве. Жизнь Сетрафии подчиняется распорядку, четко установленным правилам и табу, человечеству часто свойственно гипертрофировать социальные идеи, и таким образом

два принципа организации в Сетрафии — мистический колдовской и научно-инженерный принцип гартарудов (составляющих 10 % от населения Сетрафии) создали тут чрезвычайно бюрократизированный, но эффективный комплекс общественной жизни. Государство разделено на несколько крупных институтов, определяющих дальнейшую жизнь человека с самого рождения. С рождения сетрафийцы начинают ходить в ясли, где получают начальные социальные навыки, затем в детский сад и в школу. После обучения в школе в 14–16 лет человек получает финальное распределение, определяющее всю его дальнейшую жизнь — он поступает на службу. Есть следующие государственные службы Сетрафии: Производственный сектор, Продовольственный сектор, Военный сектор, Морской сектор, Торговый сектор, Магический сектор, Административный сектор, Карательный сектор, Судебный сектор, Дипломатический сектор, Медицинский сектор, Образовательный сектор, Культурный сектор и ряд других более мелких.

В Сетрафии нет таких понятий как политика, религия, свободное (неконтролируемое) искусство и тому подобных. Все подчинено правилам и включено в иерархию. В то же время, в этом принципе есть и свои плюсы — с ростом по служебной лестнице человек получает новые признаки своего положения — числа, знаки и символы, которые помимо прочего наделяют своего владельца некоторыми довольно небольшими магическими возможностями из области колдовства. На вершине иерархии стоят министры, в зависимости от успехов области, ими управляемой, один из министров каждые 5 лет получает статус Гранд Мастера — высший пост в государстве.

Алмарская Империя — типичное монархическое государство с несколькими полярными точками власти. На одной стороне весов стоит Император и его династия. Как правило, весьма многочисленная, поскольку представляет из себя не только саму монаршую семью, но целый крупный правящий клан, каждый член которого имеет права на трон. На второй чаше весов стоит Церковь, возглавляемая Архиепископом, между этими точками находятся аристократия, более тяготеющая к поддержке светской власти, и, как ни странно, купечество, поддерживающее благоволящую им церковь. В центре находятся свободные люди — ремесленники, горожане, крестьяне, живущие фермерскими семьями, рабочие цехов и т. д. Император пытается выстраивать административную систему управления государства, церковь формирует социальные сети, объединяемые вокруг храмов. Император создает министерства, церковь поддерживает гильдии. Император издает законы, церковь формирует традиции. Император держит регулярную армию, церковь — боевые монашеские объединения. Император создает военный флот, церковь поддерживает «благословенных каперов». Так функционирует это довольно могучее и разностороннее государство.

Великий Хмааларский Султанат — мультинациональное государство. Находится на востоке Экваториального Архипелага. Занимает существенную территорию островов, населенных представителями разных рас — каганат черных гетербагов, халифат кешкашиварских отступников, ханство изгнанных гартарудов и непосредственно Хмааларский Султанат. Власть в султанате держится на основе общности религии Отверженных Богов. На основе силы фигуры Султана Султанов, являющегося человеком, наделенным дарами Отверженных Богов. Также важными фигурами в государстве являются Каган гетербагов, Халиф кешкашиваров, Хан гартарудов, малики областей и крупных городов, Верховный Визирь — личный советник Султана Султанов и Малые Визири — советники при дворах ханства, халифата и каганата, образующие административную систему государства. И Первосвященники храмов Отверженных богов, главный из которых Имам-

Султан. Так же огромную важность играют кади и кадибеки — судьи и трактователи религиозных кодексов.

Дракия (или Дракий, или Дракис) — государство дракийцев, непохожих подчас друг на друга потомков изначальных древних драконов. Весьма сложное структурно и традиционно организованное общество. Оно делится на кланы — по биологическому признаку принадлежности к одному из драконьих колен и, соответственно, полученных способностей. По признаку кастовому, формируемому на основе доли выраженности древних даров дракона-предка. По признаку классовому, основанному отчасти на иерархии, а отчасти на материальном состоянии члена в обществе. Также есть внутрисистемные иерархии подкасты и подклассы. Так или иначе, государственность зиждется на кланах дракийцев и их взаимодействии. В том числе, на борьбе за распределение важных государственных постов — Законодателя, Управителя, Первого Меча, Казначея, Консула Совета, Владыки Парусов, Старшего Прокуратора, Темного Крыла, Архикосмогониста и т. д. Дракийцы весьма разобщены за счет всех этих табу традиций и иерархий, но это социальная разобщенность, при необходимости их общество может действовать весьма мобилизовано и эффективно. Но не слишком долго.

Кланы: Огня, Воды, Воздуха, Земли, Тени, Ночи, Смерти, Жизни, Вечности, Сное Служителей Богов, Света, Дня, Холода, Предсказателей, Болота, Гор, Моря, Порядка, Войны Власти, Силы, Золотой, Стальной.

Существует так же ряд «суррогатных» кланов, совмещающих несколько даров Великих Древних Драконов. Однако они малочисленны и не очень влиятельны.

Симиралл — государство симираллов, полулюдей-полуптиц. Центральную власть в нем имеет Дом Орла и его глава Король Орел. Высшей аристократией являются прочие благородные Дома Птиц, которые имеют свои названия по названиям разных благородных, сильных хищных птиц, и располагают реальной властью не только по праву рождения, но так же и по способностям, которыми они обладают. Именно представители высших домов могут превращаться в огонь (Дом Феникса), свет, тень и т. д. Эти дома делят между собой верховную власть по праву сильных и одаренных. Есть так же Меньшие, Малые и Низшие дома Птиц, их представители не столь одарены и имеют более низкий социальный статус. А также выполняют менее привлекательную, чем управление государством, работу, но при этом они уважаемы Высшими Домами, поскольку именно они являются основой государства Симиралл, и их существенно больше, так что эти дома также имеют своих представителей при дворе Короля Орла. Есть еще несколько групп домов, не имеющих представительств при дворе и имеющих особый статус в рамках общества Симираллов. Это Проклятые Дома (жрецы не совсем уважаемых темных богов, богов смерти или даже демонов и чудовищ), Светлые Дома (замкнутые и отрешенные от мира общины жрецов светлых богов и великих героев), Запретные Дома (дома, имеющие особый статус в рамках государства и имеющие важное значение для государственности — шпионы, убийцы, охотники на нечисть и порождения Пучины, хранители запретных знаний и т. д.).

Пояс Свободы

Территория небольших островов, тянущихся от острова дракийцев на юге к Экваториальному архипелагу в сторону Хмааларского Султаната на севере.

Царство свободных торговцев, корсаров, пиратов, многочисленных и разнообразных наемников и прочей швали, облюбовавшей малые и крупные острова Пояса. Они отстроили

там города-крепости, каждая из которых имеет собственные уникальные черты, и пытаются балансировать между могучими государствами Севера и Юга, играя на противоречиях и компромиссах.

Сильнейшими городами (давшими названия островам или наоборот) являются:

— **Назмирис, Город Стали** — управляется военизированной группировкой «Дети Стали». Город славен своими военными ремеслами, а также отличными школами, где обучают рукопашному бою и навыкам владения оружием.

— **Гаркалл, Каменная Пасть** — город по большей части расположен в глубине острова, среди горных хребтов, давших название всему участку суши, а по берегам имеет несколько хорошо укрепленных портов. Это Мекка наемников и специалистов разнообразных разрушительных профессий, которым всегда найдется место в мире?!. Город управляется Братством Капитанов — правительством глав наиболее успешных военных отрядов, базирующихся в городе. Особенно много в городе гетербагов и дракийцев (это, впрочем, не удивительно). А основан он был представителями малой расы тигринов — гуманоидов, имеющих внешние черты тигров, а также некоторых иных хищных кошачьих. Они по-прежнему имеют большое влияние в городе и формируют фактически второе правительство кланов, возглавляемое кланом Тигров.

— **Астуритон, Звонящий** — центральный в цепочке крупных островов Пояса. Управляется несколькими аристократическими домами, избирающими не входящего в их число Дожа. Город живет и болеет торговлей, содержит мощные силы охраны порядка, также флот и наемную армию. Имеет вторую по эффективности в Поясе тайную службу.

— **Эльвексин, Беспечный** — управляется так называемым Орденом Беспечных Улыбок. Остров закрытый и крайне недружелюбный к пришельцам. Населенный опасной фауной и флорой, а также завезенными с соседнего острова демоническими созданиями. Его обитатели, а именно Орден, поклоняются Беспечному Богу. Достаточно хорошо знакомы с метафизикой, чтобы знать, что их бог суть есть воплощение их веры. Потому он не является покровителем чего-либо конкретного, он просто есть и наделяет силой своих адептов. Орден управляется Верховным Аватаром — физическим воплощением божества, лучшим из жителей Эльвексина, обладающим силой, равной силе высших героев Героики. Прочие члены ордена так же являются аватарами своего бога, но меньшими, с меньшими же возможностями. Орден Беспечных Улыбок — это весьма странная организация, его адептов учат смешить и развлекать людей, а еще их учат убивать и шпионить, а также использовать магию и божественные силы. Они музыканты-асасины, всегда доброжелательные и приятные в общении. Смертельно опасные, хитрые, изворотливые и верные только своему богу. Они странствуют везде, но мало кто знает их настоящую суть, а тот, кто знает, кто они, также знает и чем им платить — они берут души живых существ, принесенные в жертву их богу или же артефакты высокой энергетической мощности и реликвии других богов. Не выносят хаос и всегда работают крайне эффективно. В зависимости от задания, их ставка варьируется. Но всегда соответствует стоимости сложности задачи.

— **Шакратанзогр, Скрытый от непосвященных** — остров не имеет центрального управления. Но имеет четкое назначение и репутацию, наводящую ужас на прочие острова Пояса. Здесь живут демоны и призвавшие их демонологи. На нем располагается несколько школ, предоставляющих свои услуги непосвященным и учение желающим служить.

Школа Аргантора — возглавляемое полудемоном-полугетербагом учебное заведение, обучающее демонических воинов.

Школа Карнтаса — союз полноценных демонологов, не имеющих единого лидера.

Школа Гантратабира — школа, возглавляемая когда-то человеческим святым, теперь он учит, как использовать силы Хаоса Пучины, не превращаясь при этом в обросшего ракушками уroda.

Школа Лорелема — школа колдунов и ведьм, использующих демонические силы в своих интересах. Четкой главы не имеет.

Школа Ортоминуса — школа для наследников демонов, демоников и одержимых, демон среднего звена Артаганзал (демон-барон) обучает их правильно использовать свои возможности.

Республика Рейон-Нейгра — образование, включающее в себя несколько бывших колоний государств Южного Архипелага в Экваториальном Архипелаге. Морендраг — Алмарской Империи. Крайг — Сетрафии. Драйцех — Гилемо Антария. Рейнох — Ригельвандо. Государств-княжеств анималистических рас — Майрус, принадлежащий расе мал, пантерообразных. Малдраг — принадлежащий расе крол — зайце- и кроликообразных. И Любах — насекомообразной расы мейр — медведкообразных.

А также город лесорубов и плотников Дорентох и двух государств — осколков древней Империи. Поклоняющаяся светлomu пантеону, а именно богу Рассвета Практаматуку туземная династия из Эквитамака. И поклонники темного бога Лашатаха, покровителя бледных теней из Лама.

Государством правит высокий совет — организация, представляющая собой комбинативный орган, который включает в себя функции судебной, исполнительной и законодательной власти. В Совет входят представители от всех городов, вернее, так называемых республиканских провинций, вышеозначенных.

Представительство равное — каждая провинция присылает по 5 военных, 5 светских и 5 религиозных представителей. Представители в провинциях выбираются по разным принципам, органами местного самоуправления.

Высокий совет назначает из своего состава Тирана — светского правителя, Теократа — религиозного правителя, вернее, религиозного арбитра, Фельдмаршала и Канцлера Государства, а также Верховного Судью и Начальника Тайной Службы.

В свою очередь, данные лица назначают в провинции своих представителей — губернаторов, кардиналов, армейских комиссаров, государственных прокуроров, тайных советников и от дипломатического корпуса — внутренних атташе.

Опорой Республики является Золотая Армия и Тайный Корпус. На море Республике благоволят пиратам.

Мистические традиции

Магия — является воплощением в материальном мире энергии из так называемого Мира Элементов или Мира Вещи-в-Себе. Который, в свою очередь, является пространством, где в своеобразной идеальной форме находят воплощение все явления материального мира. При произведении мистического воздействия маг берет энергию из Мира Элементов, и, используя свое тело, воплощает эту энергию в виде разнообразных воздействий (от простого огненного шара до небольшого землетрясения или ледяного дракона). При этом тело мага служит как проводник энергии между мирами, а воплотить энергию позволяют «фокусы» — специальные предметы, которые имеют отношение к типу магической энергии, которой оперирует маг (например, факел для магии огня, склянка с ядом для магии яда, череп для

магии смерти и т. д.). Звучит довольно сложно, но на практике — маг просто материализует энергию и отправляет ее в цель. Так это и работает.

Колдовство — объединенный термин для широкого спектра мистических воздействий. Шаманизм, руны, узоры на ткани, заговоры, фетиши, Вуду. Все это в общем называется колдовством, то есть процессом создания энергии посредством ритуалов, сочетающих успешное совпадение геомантических факторов и правильное выполнение определенной последовательности действий. На практике все опять же просто — если в дождливый день, третий на неделе, вставить в задницу черной собаки с повязанной на нее косынкой соседки, заостренный кол — соседку пробьет геморрой. Так и работает колдовство.

Артифисинг — артифисинг или артефактинг или как угодно еще, работает образом схожим с колдовством. Но подразумевает использование различных элементов, обладающих собственной внутренней энергией. То есть, если для колдовства используется любое барахло, то для создания артефактов, обладающих мистической силой, требуются различные уникальные элементы. Сочетая эти элементы, типа рога единорога, чешуи дракона, месячных дриады, слюны демона и т. д. опытные мастера могут создать артефакты — уникальные предметы, обладающие собственной энергией.

Алхимия (зельеварение) — как и артефактинг, она работает как принцип сочетания различных уникальных элементов, создающих в результате нечто, обладающее мистической силой. Однако алхимия подразумевает так же производство над элементами различных сложных химических манипуляций, начиная от простой варки и заканчивая трансмутацией, в ходе которых эти самые уникальные элементы входят в уникальные взаимодействия, в результате чего рождается истина, и доктор Джекилл может становиться мистером Хайдом.

Внутренняя энергия — или скрытые возможности организма. Это все то, объяснение чему лежит в глубинах человеческого (и нечеловеческого) разума, генетики, души т. д. Телепатия, телекинез, пирокинез, предвидение и т. д. Все эти способности работают исключительно благодаря некоей внутренней силе, которую развивают в себе некоторые упорные или особо одаренные индивиды. И сила эта не требует никакой внешней поддержки или подпитки.

Вера — вера это все или ничто. Сила веры воплощается наиболее ярко у людей. Она исходит либо у самых одаренных личностей из уверенности в чем-либо столь сильной, что мечта становится явью. Либо чаще — со стороны богов, позволяющих своим священникам, святым и просто достаточно верующим людям производить разнообразные мистические манипуляции вроде исцеления больных, хождения по воде или превращения вина в воду (ибо святым пристала трезвость).

Демоническая энергия — происходит от демонических существ и многочисленных адов мира?! Смертные получают возможность использовать эту энергию либо по договору с определенным демоном, либо, если им повезло с наследством, благодаря толике демонической крови в жилах, позволяющей черпать силы прямоком из ада. Сами демоны получают свою силу, перерабатывая энергию поработанных душ, грехов и темных дел, совершаемых в мире смертных.

Энергия искажения — или энергия Хаоса. Энергия, что проистекает из Великой Пучины и наделяет тех, кто ей поддался, разнообразными мистическими свойствами, при этом навсегда изменяя, коверкая и искажая их души и тела.

Чернокнижие — практика усиления мистических воздействий, посредством нарушения общепринятых моральных норм. Считается, что чернокнижие губит душу. Оно

распределяется на следующие подкатегории.

Чернокнижное колдовство — самый распространенный вид, когда стандартные колдовские практики используются вместе с более мощными ингредиентами, вместо крови быка берут кровь девственницы, вместо свиного жира — жир младенца, вместо сухих животных костей — свежие, только что из кастрюльки, человеческие. Оно позволяет усиливать стандартные колдовские эффекты, влиять на окружающих. И в целом делать жизнь легче и проще

Чернокнижная магия — опять же, лишь переход через моральную границу. Использование определенных магических практик в области их наиболее мощного подчинения. В эту категорию попадают магия смерти (например, магические проклятия), магия тьмы (например, использование подчиненных тварей тьмы для враждебных целей), магия ночи, магия болезней, гниения, магия страха и т. д. То есть, те виды магии, кои, усиленные специальными практиками подготовки, позволяют производить воздействия, недоступные простым смертным.

Чернокнижное проклятие — набор проклинательских практик, совмещенных с использованием внешних материалов (живых людей, например), обладающих много большей мощностью и долговременностью воздействия, нежели чем обычные проклятья. Стандартный пример чернокнижного проклятия — использование предсмертной энергии убиваемого раба, когда объект корчится под постепенно умертвляющими его пытками, а энергия его боли, страданий, ненависти к палачу направляется чернокнижником в виде предсмертного проклятья кому-то, кто вызвал неудовольствие просвещенного.

Чернокнижный артификасинг — ну как все уже могли догадаться, использование «запрещенных» материалов при создании сильных артефактов. Наиболее ярким примером чернокнижного артефакта является Меч Пленного — при ковке в качестве ассистента используется раб, ну или просто неудачник, коего в последней фазе используют для финальной закалки клинка, погружая оный в идиота. Меч, входя в плоть, если все было правильно сделано, впитывает дух жертвы, становясь фактически живым оружием, способным развиваться, поддерживать и усиливать хозяина, также такой меч обладает огромным запасом энергии, коий можно пускать на различные нужды — например, придать ему функцию осквернения святости.

Чернокнижный контроль — одно из самых мощных средств в арсенале чернокнижника. Включает изначально имеющуюся способность правильно посвященного неопита общаться и взаимодействовать с темной нечистью и многовековые наработки сотен авторитетных специалистов в этой области. В результате данный набор навыков позволяет при хорошем применении получить возможность подчинять и ставить себе на службу разнообразную, в том числе весьма могущественную, нечисть, применяя ее по мере необходимости в своих целях.

Чернокнижная алхимия — то же, что и артификасинг, но в области алхимии. Наиболее яркий пример — омолаживающее зелье на основе крови девственниц или красавиц.

Ведьмы — ведьмы обладают отдельным могуществом на ниве чернокнижия. Основным отличием истинной ведьмы является наличие учителя. То бишь, учительницы, и соответствующая преемственность сил. Так, пока учительница жива, она обучает неопитку всему что знает. Умирая же, передает всю накопленную силу и частицу своей души ученице. Таким образом, с каждым поколением ведьма становится все сильнее и сильнее. Не удивительно, что эти фригидные охотницы на ведьм так истерично пытаются их всех найти

и уничтожить.

Тройка — мать, дева, старуха. Стандартное трио ведьм. Три полноценных ведьмы, имея тенденцию к социальному общению и стремление стать сильнее, формируют Трио, где сила каждой возрастает суммарно силе прочих двух. Где они могут мысленно общаться друг с другом и где они могут создать малую тройку — трио их учениц, кои при правильном расчете унаследуют усиление от всех троих. По причине склочного характера ведьм тройки редки, зато крайне эффективны. И очень уважаемы нечистью.

Могущественные негосударственные организации

Международный Альянс — организация, состоящая из высокопрофессиональных наемных убийц, а также наемников-карателей. Ее козырем является секретность, независимость, большое количество связей в разных государствах. Но главное — это возможность магическим путем связаться с наемником в любой точке мира и передать ему задание. Как правило, Альянс занимается исключительно дорогостоящими заказами на личностей, так или иначе запятнавших свое имя, впрочем, это рекомендация, а не жесткое правило.

Судьи Чумы — радикальная военизированная организация, занимающаяся грязной работой за правительства государств, не способных принять тяжелое решение. Они борются, и весьма эффективно, с эпидемиями, возникающими в разных точках мира. У них несколько баз на Экваториальном архипелаге. Кроме нескольких военных отрядов (Холера, Чума, Гангрена, и т. д.), на их базах располагаются тренировочные лагеря, лаборатории по изучению заразы и архивы. Они знают свое дело, но методы их неоднозначны. Состав разнорасовый.

Хранители Знания — организация, занимающаяся сбором, хранением и торговлей различными знаниями и информацией. Они содержат свои библиотеки во многих городах-колониях Экваториального архипелага, но не лезут в метрополии. Ими управляет Главный Хранитель и совет высших библиотекарей. У них есть небольшие военные отряды, сети осведомителей, группы профессиональных исследователей и археологов, и, конечно же, весьма внушительный штат библиотечных сотрудников.

Армия времен года — военный отряд, состоящий из небольшой флотилии мощных кораблей и наемного отряда от 500-2000 существ. Возглавляет ее Маршал-Командор, бойцы в нее входят по принципу времен года. Каждому времени года соответствует определенный уникальный отряд. Армия нанимается на годичный срок и потом вне зависимости от условий прерывает контракт и уходит на отдых. Это самое мобильное и дисциплинированное подразделение из известных наемных, предпочитают сражаться против тварей пучины.

Секта Тысячеименного — организация, объединяющая тысячи и тысячи душ, продавшихся Пучине и обязавшихся служить ей на земле. От прочих сект отличается тем, что имеет централизованное управление. Черный Космогонист и кровавые теогонисты, управляющие сектой, могут в любой момент связаться с каждым конкретно им подчиненным адептом посредством так называемой «метки пучины» — татуировки в виде водоворота, постепенно превращающейся в пасть с несколькими рядами зубов. Как правило, на теле такая татуировка располагается скрытно, поскольку адепты живут обычно как простые люди в городах и деревнях. Но управляемые через систему ячеек, состоящих из кровавого теогониста, адептов и паствы, внедренные в общество очень легко могут начать представлять огромную опасность, поскольку по необходимости действуют очень

консолидировано и применяют все доступные им ресурсы для выполнения заданий секты. Слабость организации состоит в ее же силе — централизованное управление часто позволяет охотникам на хаос пучины легко выслеживать и уничтожать контактирующие ячейки. Но ни разу еще не удавалось добраться до самого Черного Космогониста, который, как умелый кукловод, всегда хорошо использовал своих слуг и легко жертвовал ими при возникновении опасности для себя, а, следовательно, и для секты.

Дополнения

О.А.И. — От Основания Алмарской Империи. Так ведется летоисчисление Новой Эпохи в странах Южного Архипелага Гольвадия.

Экваториальный Архипелаг — крупнейший архипелаг мира, состоящий из сотен огромных островов и неизмеримого количества мелких. Название вполне точное — этот архипелаг протянулся по экваториальному поясу планеты, охватывая три четверти его пространства.

Носроги, минотавры, крысолюды и прочие — представители так называемых анималистических рас, обладающих антропоморфными чертами в сочетании с чертами (как внешними, так и внутренними) разнообразных животных. Из названия вида, как правило, понятен «предок».

Хаос — одна из так называемых Гибельных Сил. Его влияние ощущается по всему миру, а происходит эта темная энергия, согласно общепризнанному предположению, из Пучины — мистического водоворота где-то на краю мира. Там обитают безумные боги и их не менее ненормальные последователи. Оттуда исходит энергия хаоса, изменяющая и искажающая разум и тело всякого, кто оказался достаточно слаб, чтобы поддаться ему.

Тотемами, выполняющими функции пограничных столбиков, имевшими совершенно разный внешний вид и механику исполнения обладали все банды Ахайоса.

Ли — являются еще одним видом анималистических рас. Славятся своей культурой и воинским искусством, схожими с дракийскими.

Религия Единого — основная монотеистическая религия Южного Архипелага Гольвадии. Это вера в Единого Во Многих Лицах Светлого Бога, каждая ипостась которого покровительствует определенному явлению, профессии, сословию или общественной группе.

Бог-Золотой — ипостась Единого, покровительствующая деньгам, финансам, здоровой экономике, труду, торговле и т. д. Все крупные явления, имеющие отношение к человеку, обладают той или иной формой покровительства Единого — существуют так же Бог-Жнец (смерть), Бог-Воин (война), Бог-Властитель (покровитель правителей и аристократов) и множество иных воплощений, которым поклоняются в разных странах Гольвадии (Южного Архипелага).

Священники Единого, как и многие другие священники Мира?! если они прошли соответствующие таинства, способны воплощать даруемую им божественную силу в форме различных полезных воздействий. Форма зависит от культа, от расы и многих других факторов. Наиболее могущественными считаются человеческие священники.

Предать кругу или «окружить» — провести обряд таинства посвящения в веру Единого во Многих Лицах.

Ор — золотая монета, принятая в Шваркаресе.

Ригельдукат — золотая монета, принятая в Ригельвандо, считается самой крепкой и стабильной валютой в мире.

В Шваркарасе, где религиозные культы не объединены каким-либо общим институтом, существует множество разнообразных религиозных организаций самой разной направленности. Бардак с церквями и орденами — визитная карточка Шваркараса.

Аритсанна Мать Железных Клинков — одна из малых богинь Хмааларского Султаната. Покровительница наездников и налетчиков.

Мать Демонов Феариша — еще одна малая богиня, от нее и ее супруга происходят все демоны в Хмааларской религии.

Холодное серебро — мистический материал, изготавливаемый магами, колдунами или алхимиками. Он способен повредить любой нежити и нечисти, даже демонам, а также защищает разум. Он редок и очень ценен, ибо часто становится полезен.

Знак круга — священный жест, принятый в религии Единого. Воплощается в проведении перед собой руки с двумя распрямленными перстами по кругу.

Дралок — геральдическое гербовое животное Алмарской Империи — наполовину дракон, наполовину орел. Дракон означает в широком понимании Императора. Орел — Церковь и Архиепископа.

Алмарский Мейн — общее название для самой крупной колониальной области, находящейся под властью Императора Алмарской Империи.

Большинство Герцогств Шваркараса имеет собственный, характерный и популярный именно в этой области религиозный культ. Соперничающий со всегосударственными.

На знамени Шваркараса изображаются три геральдические королевские пики.

В лесах, полях, реках, да и вообще по всему миру?! водится невообразимое количество монстров, чудовищ, опасных хищников и прочих зловредных тварей. Цивилизованная Гольвадия — не исключение. Так что и в ней найдется место подвигу.

В Шваркарасе действуют две могущественные Гильдии — Магов и Колдунов, нередко при дворах достаточно богатых аристократов страны можно встретить и тех и других. Либо желающих спокойной жизни, либо слишком бездарных для чего-то другого.

Бригланы, геханы, тиоры и т. д. — человеческие народности, обитающие на территории Алмарской Империи и входящие в ее состав. Хальсты — нечеловеческая народность, обитающая на территории Империи и входящая в ее состав.

Градес — владыка Ада в гольвадийской традиции, в том числе в теологии Единого.

Священники Храма Бога-Защитника в Алмарской Империи осуществляют инквизицию.

Клык — крупнейшая ригельвандская колония в Экваториальном Архипелаге, располагается южнее Ахайоса, на расстоянии порядка тысячи километров.

Королевство Нефритовой Маски — государство Экваториального Архипелага с довольно мрачной репутацией. Подтверждающейся хотя бы тем фактом, что там на государственных постах служат вампиры и демонологи.

Темный поход или Поход Спирали — далекие и легендарные времена, когда весь мир объединился в борьбе против сил хаоса, пришедших из Пучины и государства на ее краю — Гор Амиранис, возглавляемых темным мессией-военачальником по имени Суддин.

Акмальтапосек — древняя высокоразвитая империя, существовавшая на Экваториальном Архипелаге приблизительно тогда же, когда существовала Гольвадийская Империя Имирас. Осколки культуры, религии и традиций Акмальтапосека сохранились среди анималистических и туземных жителей Экватора, являющихся одичавшими

потомками жителей империи.

Нечисть бывает разная — например добрые домовые, шаловливые феи и тому подобное. Но бывает и злокозненная — типа келпи, топящих и пожирающих людей в реках. Или гаргулий с непредсказуемым нравом. И, конечно, нечисть тоже часто соблазняется красотами пиратской жизни.

Ад — общее понятие, используемое для обозначения места (параллельного измерения, географической точки, метафизической абстракции) обитания демонов. Самыми известными, никак между собой не связанными Адами являются Ад Южного Архипелага — Гольвадийский ад (или ад теологии Единого). Хмааларский ад, положительно в целом воспринимаемый местным населением. И Амиланийский ад, преимущественно населенный демонессами, вполне находящими общий язык с амиланийками.

Жадность ригельвандцев является расхожим стереотипом, которым сами ригельвандцы часто пользуются в общении с иностранцами.

Вандор — верховный бог пантеона Эллумиса.

Бог-Отверженных — лик Единого, покровительствующий людям вне закона — пиратам, разбойникам, авантюристам, бродягам, наемникам и прочим, вставшим на путь исправления. Священниками этого бога, как правило, также являются бывшие негодяи, стремящиеся искупить грехи прошлого.

Люзеция — столица Шваркараса.

Звездная Конфедерация — гольвадийское государство некромантов, относящееся к Эпохе Черного Неба.

Свитки с заклинаниями, созданные профессиональными магами — один из немногих способов использовать это мистическое искусство не-магам.

Носитель Короны Вечного Костра — титул выборного главы Школы Огня Гилемо Антария.

Статусы магов — все маги Гилемо Антария обладали определенным статусом, сообразным его могуществу, начиная с неопита и заканчивая Архипримасом. Как правило, маги останавливались на званиях маг категории (от 1-й до 5-й). Мастером мог стать только на редкость сильный и талантливый маг. Архипримасы появлялись даже не в каждом поколении.

Большинство магов в рамках Школ получали ту или иную специализацию, поскольку освоить все аспекты умения любой Великой Школы представлялось задачей, недостижимой для посредственности и даже для таланта сложной.

Город-государство Астуритон. Считающийся самым большим городом в мире, управляется Благородными Семьями. Каждая из этих семей обладает особенной мистической силой, секрет и мощь которой кроется в их крови. Силы эти исходят от предков-основателей этих семей. И чем более чистая эта кровь, тем больше могущества имеет аристократ. Семьями правят полнокровные — наиболее могущественные и обладающие самым чистым происхождением. За ними следуют полукровные — не столь могущественные, но ценные члены Семей. В самом низу — малокровные. Официально они тоже считаются аристократами (только членов Семей в Астуритоне называют аристократами), но Семьи их ни в грош не ставят.

Лев Голенгардов — огромный лев, обитающий в Гольвадии, преимущественно в Шваркарасе. Потому назван по имени правящей династии этой страны. Взрослые особи достигают длины десяти метров в прыжке, высоты до трех метров в холке. Львы эти

чрезвычайно опасны, но, благо, редки.

Эллумис появился раньше, чем Алмарская Империя и прочие «новые» государства Гольвадии. Но после печально известной Эпохи Черного Неба он долгое время был разделен на множество противоборствующих мелких держав и городов-государств. Так что вновь как настоящая сила в Южном Архипелаге, Эллумис появился уже после Алмарской Имерии.

Небесное копьё — Столица Школы Воздуха. Большая часть предшествующих названий городов в главе так же относится к столичным городам различных Школ.

Медини — один из старейших и самых богатых банков Ригельвандо. Также считающийся очень надёжным. Его филиалы можно найти по всей Гольвадии, в меньшем количестве на Поясе Свободы и Экваториальном Архипелаге. Само собой, название происходит от древней купеческой фамилии Медини, по большей части до сих пор владеющей банком.

Храмовый квартал Ахайоса — единственное место города, где разрешено располагать религиозные учреждения. В нём бок о бок соседствуют храмы, церкви, соборы, пагоды и минареты сотен разных культов и религиозных течений со всего мира.

Батыр — такое звание получают сильнейшие военачальники гетербагов. Так же это, как правило, самые крупные из них — вдвое-втрое превосходящие обычных гетербагов в размерах. Батыры без преувеличения считаются если не лучшими, то, по крайней мере, самыми опасными в мире воинами.

Клан Вечности — самый загадочный из кланов дракийцев. На протяжении десятков тысяч лет он собирает и надёжно защищает информацию об окружающем мире. Преследуя ведомую лишь ему и Великому Древнему Дракону Вечности цель достижения абсолютного знания.